

ПРОБЛЕМЫ ДИПЛОМАТИКИ, КОДИКОЛОГИИ И АКТОВОЙ АРХЕОГРАФИИ

Материалы XXIV
Международной научной конференции

Москва, 2–3 февраля 2012 г.

Государственное образовательное учреждение высшего
профессионального образования
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ»
Историко-архивный институт
Высшая школа источниковедения, вспомогательных и специальных
исторических дисциплин
Учреждение Российской академии наук
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
НАУКИ ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН
АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ РАН

*В честь члена-корреспондента РАН
Сергея Михайловича Каиштанова*

**ПРОБЛЕМЫ ДИПЛОМАТИКИ, КОДИКОЛОГИИ И
АКТОВОЙ АРХЕОГРАФИИ**

Материалы
XXIV Международной научной конференции

Москва, 2–3 февраля 2012 г.

Москва 2012

УДК 930.22(08)
ББК 63.2я43
П78

Организационный комитет:

Е. И. Пивовар (председатель), А. О. Чубарьян (председатель),
А. Б. Безбородов, Н. М. Брусиловский (отв. секретарь),
В. И. Дурновцев, В. П. Козлов, И. Г. Коновалова,
С. Ю. Королёва, Л. А. Молчанов, Е. В. Пчелов,
Л. В. Столярова, С. О. Шмидт, Ю. Э. Шустова

Редакционная коллегия:

Н. М. Брусиловский (ответственный секретарь), Т. В. Гимон,
Н. А. Комочев, С. Ю. Королева, Е. В. Пчелов,
Д. Н. Рамазанова, Л. В. Столярова, О. И. Хоруженко,
С. О. Шмидт, Ю. Э. Шустова (ответственный редактор)

Проблемы дипломатики, кодикологии и актов археографии: Материалы XXIV Междунар. науч. конф. Москва, 2–3 февр. 2012 г. / редкол.: Ю.Э. Шустова (отв. ред.) и др.; Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ист.-арх. ин-т, Высшая школа источниковедения, спец. и вспомогат. ист. дисциплин; Рос. акад. наук, ФГБУН ИВИ РАН, Археогр. комиссия. М.: РГГУ, 2012. 548 с.

Издается к 80-летию члена-корреспондента РАН, доктора исторических наук, профессора С. М. Каштанова. В докладах и тезисах анализируются основные результаты и новые исследовательские направления в области вспомогательных исторических дисциплин, археографии и источниковедения.

Для специалистов в области гуманитарного знания, истории, вспомогательных исторических дисциплин.

УДК 930.22(08)
ББК 63.2я43

Отпечатано с готового оригинал-макета

ISBN 978-5-7281-1294-5

© Редакционная коллегия,
составление, 2012
© Российский государственный
гуманитарный университет, 2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

К юбилею Сергея Михайловича Каштанова (вместо предисловия).....	16
--	----

Пленарные доклады

<i>Хорошкевич А.Л. (Москва). А.А. Зимин о работах С.М. Каштанова</i>	19
<i>Базанов М.А. (Челябинск), Столярова Л.В. (Москва). «Идеальный ученик»: С.М. Каштанов в воспоминаниях А.А. Зимины</i>	21
<i>Ерусалимский К.Ю. (Москва). Некоторые вопросы теории источниковедения С.М. Каштанова</i>	28
<i>Королева С.Ю., Столярова Л.В. (Москва). Об археографических принципах С.М.Каштанова (размышления об издании подлинника русско-ливонского договора 1535 г.)</i>	35
* * *	
<i>Бибииков М.В. (Москва). Византийские акты: проблемы классификации</i>	41
<i>Волчкова М.А., Морозов Б.Н., Эскин Ю.М. (Москва). Использование оптико-цифрового оборудования Архива РАН для кодикологического исследования столбца-свитка «Соборного уложения 1649 г.»</i>	49
<i>Гимон Т.В. (Москва). Англо-Саксонская Англия и Древняя Русь: перспективы компаративного источниковедения</i>	51
<i>Комочев Н.А. (Москва). Современная дипломатика в Германии – подходы и направления</i>	64
<i>Мельникова Е.А. (Москва). «Клятва мира» в скандинавских источниках и клятвы договоров с норманнами</i>	71
<i>Назаров В.Д. (Москва). Грамоты Нагих XVI столетия: Загадки и интерпретации</i>	74
<i>Пчелов Е.В. (Москва). К истории территориального титула русских государей середины XV – середины XVI в.</i>	81
<i>Симонов Р.А. (Москва). Об активизации разработки методов источниковедения, вспомогательных и специальных</i>	

исторических дисциплин в изучении научного потенциала Древней Руси: К 900-летию Кирика Новгородца	90
<i>Фонкич Б.Л. (Москва)</i> . Архив московских патриархов и греческо-русские связи XVII в.	101
<i>Франклин С. (Кембридж, Великобритания)</i> . «Светские» печатные бланки в первой трети XVIII в.	103
<i>Хоруженко О.И. (Москва)</i> . Уезд Мстиславль в Московско-рязанском докончании 1381 г. и князь Мстислав	106
<i>Черкасова М.С. (Вологда)</i> Корпус актовых источников по севернорусским епархиям XVI – XVII вв.	113
<i>Швейковская Е.Н. (Москва)</i> . К стратификации частных актов XVI – XVII вв.	128
<i>Шустова Ю.Э. (Москва)</i> . Актовые источники о деятельности львовского типографа и гравера Ивана Филипповича	131

Тезисы докладов

<i>Азбелев С.Н. (Санкт-Петербург)</i> . О текстологии источников устного происхождения	147
<i>Алексеев А.И. (Санкт-Петербург)</i> . Полемические статьи Волоколамского сборника	149
<i>Алёшин М. (Москва)</i> . Современные принципы публикации немецкоязычных исторических источников в российской археографии	152
<i>Аминов Б.Б. (Ташкент, Узбекистан)</i> . Особенности текстов надмогильных надписей Мавераннахра XV – XIX вв.	154
<i>Андреева О.В. (Москва)</i> . К использованию актовых источников в изучении истории читателя первых лет советской власти	159
<i>Антанавичюс Д. (Вильнюс, Литва)</i> . Реестр оригинальных книг Литовской Метрики XVI в. от 26 ноября 1623 г.	162
<i>Аракчеев В.А. (Псков)</i> . Указная грамота Ивана III на Великий Устюг 1462–1474 гг. и особенности фискальной политики великих московских князей	164

<i>Ауров О.В. (Москва). Актовые источники по социальной истории средневекового города в Кастилии и Леоне XI – середины XIV вв. (Общие особенности и принципы классификации).....</i>	167
<i>Бабкин М.А. (Москва). «1666 год»: системы летосчислений в старовойсковой книжной традиции (1650–1680 гг.).....</i>	170
<i>Байдин В.И. (Екатеринбург). Грамота Новгородского и Псковского архиепископа Феодосия 1543 г. Георгиевской церкви в Юсковичах Остречинского погоста и сюжет одной из песен Сборника Кирши Данилова</i>	172
<i>Баранов А.Г. (Москва). Хронология и география выпусков государственных бумажных денежных знаков РСФСР 1918 – 1921 гг.</i>	178
<i>Башнин Н.В. (Санкт-Петербург). Актовый архив Дионисиево-Глушицкого монастыря XV – XVII вв.: опыт изучения</i>	182
<i>Белякова Е.В. (Москва). Рукописные Кормчие и проблема составления сводного каталога славянских канонических и юридических памятников</i>	185
<i>Белякова Т.А. (Москва). Ктиторские/донаторские грамоты сербских правителей как источник по исследованию социальной истории средневековой Сербии</i>	188
<i>Белянкин Ю.С. (Москва). Рукописи XV – XVII вв. государственных хранилищ Пермского края: К предварительным итогам описаний Археографической лаборатории МГУ</i>	190
<i>Бикташева А.Н. (Казань). Коммуникативные возможности фронтального прочтения губернаторских отчетов первой половины XIX в.</i>	193
<i>Бокарева О.Б. (Москва). Информационный потенциал «персидских» посольских книг первой половины XVII в.</i>	196
<i>Бондаренко А.А. (Москва). Проблемы терминологии и классификации грамот Метрики королевы Боны</i>	199
<i>Боярченков В.В. (Рязань). Археографическая программа И.Д. Беляева 1840-х гг.</i>	202

<i>Бубнова М.М. (Москва). Проблема авторства древнерусских надписей-граффити</i>	<i>204</i>
<i>Булатов А.М. (Москва). Картографическая ROSSICA: Каталоги и описания</i>	<i>208</i>
<i>Валова О.А. (Москва). Проблема достоверности сведений в делопроизводственных источниках (на примере документов Государственного банка для дворянства 1754 г.).....</i>	<i>212</i>
<i>Ващук Д.П. (Киев, Украина). Документы Литовской Метрики как источник для изучения института «старины» в Великом княжестве Литовском</i>	<i>215</i>
<i>Ветошников К.И. (Париж, Франция). Опыт классификации актов Русской митрополии до ее отделения от Константинополя</i>	<i>218</i>
<i>Виденеева А.Е. (Ростов Великий). Документы о посещении императором Николаем II Спасо-Яковлевского Димитриева монастыря</i>	<i>220</i>
<i>Вознесенская И.А. (Санкт-Петербург). Рукописи богословско-полемических сочинений как источник для изучения деятельности греческих школ братьев Лихудов конца XVII – начала XVIII в.</i>	<i>223</i>
<i>Волошин Ю.В. (Полтава, Украина). Особенности исследования половозрастной структуры населения г. Полтавы во второй половине XVIII в. по материалам фискального и церковного учета</i>	<i>226</i>
<i>Гальченко Е.М. (Киев, Украина). Переплет украинской рукописной книги: история и перспективы изучения</i>	<i>229</i>
<i>Гиппиус А.А. (Москва). «Ильдятино селище»: комментарий к новгородской берестяной грамоте № 71</i>	<i>231</i>
<i>Глазырина Г.В. (Москва). К истории создания «Саги об Эйреке Путешественнике» (свидетельства разночтений к рукописям)</i>	<i>234</i>

<i>Гнатенко Л.А. (Киев, Украина). Графико-орфографические исследования кириллических рукописных книг в Институте рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского: методика и практика описания источников XII – XVII вв.</i>	237
<i>Гневашев Д.Е. (Вологда). Подложный акт вологодского удельного князя Андрея Меньшого из архива Кирилло-Белозерского монастыря</i>	239
<i>Голубинский А.А. (Москва). Возможности восстановления недостающей информации в подписях полевых записок Генерального межевания</i>	243
<i>Горский А.А. (Москва). О списках ярлыка Ахмата Ивану III</i>	246
<i>Григорьева И.Л. (Великий Новгород). К вопросу о характере одного рукописного учебного пособия Новгородской школы братьев Лихудов (Соф. собр. ОР РНБ)</i>	248
<i>Груша А.И. (Минск, Беларусь). Почему общество Великого княжества Литовского стало нуждаться в правовом документе? (К постановке проблемы)</i>	251
<i>Грязнов А.Л. (Вологда). Вновь открытый вологодский акт первой половины XV в.</i>	253
<i>Давыдов Б.Б. (Москва). «Проект учреждения о военном поселении пехоты» и высшая российская бюрократия</i>	256
<i>Дедук А.В. (Москва). Грамоты рязанского князя Олега Ингваревича Ивану Шае</i>	257
<i>Денисенко Я.В. (Киев, Украина). Инвентари и люстрации как источники информации для реконструкции частновладельческих замков Волынского воеводства Речи Посполитой XVII в.</i>	260
<i>Денисов С.А. (Москва). Политика правителей Эпирского царства (1204–1261 гг.) в отношении духовенства по данным актового материала</i>	264
<i>Десятник В.В. (Москва). Актовые источники в архиве Москонцерта</i>	266
<i>Джаксон Т.Н. (Москва). «Страсти и чудеса святого Олава»</i>	169

<i>Дианова Е.В. (Петрозаводск). Кооперативные отчеты: деловая переписка или опыты литературного творчества?</i>	<i>272</i>
<i>Дубровина Л.А. (Киев, Украина). Развитие кодикологических исследований в Институте рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского (1992–2011)</i>	<i>275</i>
<i>Дурновцев В.И. (Москва). «Земное эхо солнечных бурь»</i>	<i>277</i>
<i>Дячок О.А. (Днепропетровск, Украина). Источники по истории торгово-таможенных отношений в издании 1843 г. древних грамот и актов Вильна, Ковна и Трок</i>	<i>283</i>
<i>Есипова В.А., Куклина Т.Э. (Томск). О некоторых проблемах описания славяно-русских рукописей на бересте XX в.</i>	<i>286</i>
<i>Желтов М.Б. (Рязань). Переписи населения Коломенского уезда первой четверти XVIII в.</i>	<i>288</i>
<i>Жеребцова Л.Ю. (Днепропетровск, Украина). Классификация документов по истории таможенной системы Великого княжества Литовского (по материалам Литовской Метрики)</i>	<i>293</i>
<i>Журба О.И. (Днепропетровск, Украина). Археографические «шурфы» историографии</i>	<i>296</i>
<i>Зайцев И.В. (Москва). Два неопубликованных рукописных восточных рецепта изготовления чернил</i>	<i>299</i>
<i>Зайцева Л.П. (Москва). Вексиллология: современные междисциплинарные связи с источниковедением</i>	<i>301</i>
<i>Зверев С.В. (Москва). Монеты Карла-Фридриха Шлезвиг-Гольштейн-Готторпского (1702–1739), племянника Карла XII, зятя Петра I</i>	<i>304</i>
<i>Зверев С.В. (Москва). Русская ветвь рода Деммени – более века в педагогике, нумизматике, театральном искусстве</i>	<i>307</i>
<i>Зольдат К. (Кёльн, Германия). Таубе и Крузе или Georg von Hoff – авторство и варианты прочтения одного источника об опричнине Ивана Грозного</i>	<i>311</i>
<i>Ибнеева Г.В. (Казань). Речи и хвалебные слова духовных лиц эпохи Екатерины II как источник</i>	<i>313</i>

<i>Иванова Е.В. (Коломна, Московская обл.).</i> Порядок составления и ведения записей в регистрационных книгах Печатного приказа первой половины XVII в.	316
<i>Иванова О.А. (Киев, Украина).</i> Специфика описания кириллических рукописных книг для баз данных и создание каталога на основе базы данных «Кодекс»	318
<i>Иванов А.С. (Даугавпилс, Латвия).</i> Археография и актовое источниковедение в эпоху компьютерных технологий	321
<i>Иванов В.И. (Краснодар).</i> О содержании источниковедческого анализа	323
<i>Зимовина О.А., Извеков И.Н. (Сочи).</i> Генеалогическое исследование как субъектная парадигма в становлении личности гражданина России	325
<i>Илларионова Л.И. (Москва).</i> Книги архитектора И.Е. Бондаренко как памятник исторической и искусствоведческой мысли	328
<i>Казаков Р.Б. (Москва).</i> Опыт формулярного анализа томов «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина	331
<i>Казбекова Е.В. (Москва).</i> Пространственный аспект в кодикологических исследованиях списков XIII – XVI вв. « <i>Novae constitutiones</i> » папы Иннокентия IV	334
<i>Камолитдин Ш.С. (Ташкент, Узбекистан).</i> Два вакфа Ибрахима Тамгачхана в Самарканде	337
<i>Кежутин А.Н. (Нижний Новгород).</i> Медицинская периодика XIX в. как исторический источник	339
<i>Кинёв С.Л. (Томск).</i> Проблема наследования старшинства в духовных и договорных грамотах великих и удельных князей (конец XIV – начало XVI вв.)	342
<i>Кириченко Л.А. (Москва).</i> Описи строений и имущества Троице-Сергиева монастыря XVI – XVIII вв. о системе хранения и учета книжного собрания	344
<i>Козлова Н.В. (Москва).</i> Свадебные акты записных книг Московской крепостной конторы начала XVIII в.	347
<i>Козляков В. Н. (Рязань).</i> О родстве князей Хворостининых и Пожарских (генеалогическая заметка)	350

<i>Колесников К.Н. (Днепропетровск, Украина). Таможенные льготы северопричерноморских проксений в свете формулярно-дипломатического анализа</i>	<i>353</i>
<i>Комиссаренко А.И. (Москва). Челобитные монастырских крестьян в контексте социальных отношений на Вятке в середине XVIII в.</i>	<i>356</i>
<i>Конявская Е.Л. (Москва). «Иконографические» тексты в борнике Иосифо-Волоколамского монастыря</i>	<i>360</i>
<i>Корогодина М.В. (Санкт-Петербург). «Сказание об иконописцах»: проблемы атрибуции</i>	<i>362</i>
<i>Котляр Н.Ф. (Киев, Украина). Южнорусские летописные своды XII – XIII вв.</i>	<i>365</i>
<i>Круглова Т.В. (Псков). «Болотовский договор» с точки зрения русской дипломатики</i>	<i>368</i>
<i>Кручинин А.С. (Москва). Три соглашения (К вопросу о дипломатическом и военном представительстве России в Польше в 1920 г.)</i>	<i>371</i>
<i>Кудряков В.В. (Москва). Хроника Ингульфа и ее продолжения: судьбы источника</i>	<i>374</i>
<i>Курьшева М.А. (Москва). Библиотека византийского монастыря XI в.: предварительные наблюдения</i>	<i>377</i>
<i>Лаптева Т.А. (Москва). Десятни как источник по истории приказного делопроизводства XVII в.</i>	<i>378</i>
<i>Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. (Москва). Мимолетность события и сохранность текста: О судьбе одной формулы в документе и литературе</i>	<i>379</i>
<i>Лось В.Э. (Киев, Украина). Актовые книги и хроники василианского Любарского монастыря XVIII – начала XIX в. в фондах Института рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского</i>	<i>382</i>
<i>Лушников С.А. (Москва). Преамбулы англо-норманнских договоров IX – X вв.</i>	<i>385</i>
<i>Малов В.Н. (Москва). Польско-итальянские документы Рязанского архива</i>	<i>388</i>

<i>Манькова И.Л. (Екатеринбург). Источники для изучения религиозности православного населения Западной Сибири в XVII в.</i>	390
<i>Мауль В.Я. (Нижневартовск). Протоколы допросов пугачевцев как биографический источник (новые исследовательские стратегии)</i>	394
<i>Медведь А.Н. (Москва). Актовые материалы об эпидемиях XVII в. как источник по истории антропологии болезни в Московском государстве</i>	397
<i>Мельник А.Г. (Ростов). Описи церквей и монастырей как источник по истории почитания русских святых в XVI – начале XVII в.</i>	400
<i>Мельцин М.О. (Санкт-Петербург). История текста мемуаров схимонахини Нектарии (кн. Н.Б. Долгорукой)</i>	403
<i>Мининков Н.А. (Ростов-на-Дону). Следственные дела ростовских историков 20–30-х гг. в органах ОГПУ–НКВД: особенности состава и информационные возможности</i>	405
<i>Моисеев М.В. (Москва). Шертные грамоты в русско-ногайских отношениях в XVI в.: виды, формуляр, процедуры заключения</i>	408
<i>Молчанов Л.А. (Москва). Археографическая работа как способ цензурного контроля в годы Гражданской войны в России (1918–1920 гг.)</i>	411
<i>Мошкова Л.В. (Москва). Описание рукописей РГАДА: взгляд археографа</i>	413
<i>Назаров Р.Р. (Ташкент, Узбекистан). Роль и значение письменных источников в этнологии</i>	416
<i>Опарина Т.А. (Москва). Документы о переходе иностранцев в православие как массовый источник раннего Нового времени (Россия, XVII в.)</i>	419
<i>Орлевич И.В. (Львов, Украина). Завещания Львовскому Ставропигийскому институту как источники по истории Галиции</i>	421

<i>Отахонов Ф.Н. (Ташкент, Узбекистан). О загадочной главе, не вошедшей в основной текст произведения «Шахнамаи нусратпаям»</i>	424
<i>Перри М. (Бирмингем, Великобритания). Проблемы публикации источников по истории России в переводе на английский язык: по поводу книги Роберта Смита о закреплении русского крестьянства (Cambridge, 1968)</i>	426
<i>Полонский Д.Г. (Москва). Источниковедческие проблемы изучения Слова о Халкидонском соборе в русской книгописной традиции</i>	429
<i>Пономарева И.Г. (Москва). Укрепленные грамоты (классификация и хронология)</i>	432
<i>Прудовский П.И. (Москва). Посольская книга по связям России с Пруссией 1650–1671 гг.: принципы составления и цели создания</i>	435
<i>Рамазанова Д.Н. (Москва). Патриаршие грамоты и письма Мелетия Пигаса и Кирилла Лукариса как источник по истории календарно-хронологических представлений на Христианском Востоке</i>	438
<i>Редин Д.А. (Екатеринбург). Частные акты в кругу источников по социальной истории власти в России периода ранней империи</i>	443
<i>Рогожин А.А. (Орел). Подписи к «Соборному деянию об уничтожении Государем царем Феодором Алексеевичем местничества»</i>	445
<i>Русина Е.В. (Киев, Украина). К вопросу о московских «данях» Киево-Печерскому монастырю</i>	448
<i>Русина Ю.А. (Екатеринбург). Советское законодательство 1940-х – 1960-х годов против инакомыслия</i>	451
<i>Сазонова Е.И. (Муром). Пространство города в любительской фотографии</i>	454
<i>Салоников Н.В. (Великий Новгород). Источники по истории библиотеки Новгородской духовной семинарии: рукописные каталоги XIX в.</i>	457

<i>Самарин А.Ю. (Москва). П.К. Симони о поэземплярном изучении книги (по материалам личного архива)</i>	<i>459</i>
<i>Самарина Н.Г. (Москва). Публикация мемуарных и литературных источников в музейных изданиях: источниковедческие проблемы</i>	<i>462</i>
<i>Свердлов М.Б. (Санкт-Петербург). К изучению первого издания Радзивилловской летописи</i>	<i>465</i>
<i>Севастьянова А.А. (Рязань). Городовые хроники середины и второй половины XVIII века – рубеж от старого к новому историописанию</i>	<i>468</i>
<i>Семенов О.В. (Екатеринбург). Актовые источники по истории ямской гоньбы в Западной Сибири (конец XVI – XVII вв.).....</i>	<i>471</i>
<i>Сердюк И.А. (Полтава, Украина). Актовые источники в изучении детства в Гетманщине XVIII в.</i>	<i>473</i>
<i>Сизов С.Г. (Омск). Фома Данилович Лотарев: подробности о судьбе воина-мученика и его родственников (по материалам метрических книг)</i>	<i>476</i>
<i>Сиренов А.В. (Санкт-Петербург). О списках Воскресенской летописи</i>	<i>479</i>
<i>Славнитский Н.Р. (Санкт-Петербург). «Летопись Петропавловской крепости» – рукопись из фондов ГМИ СПб</i>	<i>482</i>
<i>Сливко С.В. (Хабаровск). Актовые источники по истории Гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке России в археографической деятельности Дальистпарта</i>	<i>485</i>
<i>Солодкин Я.Г. (Нижевартовск). Существовала ли «шертприводная запись» сибирских «иноземцев» московскому государю в начале похода Ермака?</i>	<i>487</i>
<i>Сохань С.В. (Киев, Украина). Книга-архив Киевского Михайловского Золотоверхого монастыря 40-х гг. XVIII в.: вопросы изучения и публикации</i>	<i>492</i>

<i>Старков В.А. (Киев, Украина). К текстологии эпистолярия деятелей науки и культуры Украины конца XIX – начала XX вв. (на примере переписки Александра Конисского и Митрофана Дикарева за 1892–1899 гг.)</i>	495
<i>Столярова Л.В., Белоусов П.В. (Москва). К предыстории династического кризиса конца XV в.: еще раз о смерти Ивана Ивановича Молодого</i>	497
<i>Сукина Л.Б. (Переславль-Залесский). Гравированные «протографы» рукописных лицевых синодиков конца XVII – XVIII в.</i>	504
<i>Султонов У.А. (Ташкент, Узбекистан). Вопросы изучения актовых материалов по истории вакфных отношений Центральной Азии (ташкентские документы XVI – начала XX вв.)</i>	507
<i>Тихонов В.В. (Москва). Критика работ С.Н. Валка в годы борьбы с «буржуазным объективизмом» и «космополитизмом» (1948–1949 гг.)</i>	509
<i>Тупчиенко-Кадырова Л.Г. (Кировоград, Украина). Структурный анализ писем: определение специфики и отношений между субъектами переписки (на примере архивного наследия композитора Ю.С. Мейтуса)</i>	512
<i>Усачев А.С. (Москва). Выходные записи на славяно-русских рукописных книгах XVI в.: размышления о возможных путях и перспективах анализа</i>	515
<i>Устинова И.А. (Москва). Удостоверительные пометы в делопроизводстве первой половины XVII в.</i>	518
<i>Хорошкевич А.Л. (Москва). Московский Троицкий собор в 1585 г. в записках Мартина Груневега (о. Венцеслава)</i>	521
<i>Худин К.С. (Москва). Проблемы археографии документов Аптекарского приказа</i>	530
<i>Цвиркун В.И. (Кишинев, Молдова). Эпистолярное наследие Димитрия Кантемира: состояние и перспективы исследования</i>	531

<i>Червякова А.К. (Москва). Родословная роспись князей Мезецких в составе Супрасльского сборника</i>	<i>533</i>
<i>Чеснокова Н.П. (Москва). О грамотах из монастыря св. Анастасии Фармаколитрии близ Фессалоники в московских собраниях</i>	<i>536</i>
<i>Чеченков П.В. (Нижний Новгород). Актовые источники о конфликтном поведении нижегородских детей боярских в 50-х годах XVI в.</i>	<i>539</i>
<i>Шамин С.М. (Москва). Материалы европейской прессы в древнерусской книжности: проблемы выявления памятников и их каталогизации</i>	<i>541</i>
<i>Щавелёв А.С. (Москва). Суд над монахом Никитой и интеллектуальные традиции Печерского монастыря XI в.</i>	<i>544</i>

К ЮБИЛЕЮ СЕРГЕЯ МИХАЙЛОВИЧА КАШТАНОВА (ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ)

29 января 2012 г. исполняется 80 лет доктору исторических наук, профессору, члену-корреспонденту РАН Сергею Михайловичу Каштанову – выдающемуся историку, источниковеду, дипломатисту и археографу, крупнейшему специалисту по социально-экономической и политической истории России X–XVI вв., источниковедению, дипломатике, дипломатической кодикологии, филиграноведению и актовой археографии. С.М. Каштанов – ученый с мировым именем, автор около 700 научных трудов, в том числе восьми монографий. Конкретно-исторические исследования сочетаются у него с разработкой политэкономических и философских вопросов истории, а также теории и методики источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин.

Вся творческая жизнь С.М. Каштанова связана с Историко-архивным институтом и его Кафедрой вспомогательных исторических дисциплин (в 1996–2011 гг. – Кафедра источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, ныне – Высшая школа источниковедения, вспомогательных и специальных исторических дисциплин ИАИ РГГУ). Блестящий выпускник Кафедры, ученик А.А. Зимина, бессменный член и даже историограф знаменитого Кружка источниковедения С.О. Шмидта, он создал особое направление в науке и стал основателем собственной научной школы, сформировавшейся вокруг него в Историко-архивном институте. В 2011 г. С.М. Каштанову было присвоено звание Заслуженного профессора РГГУ.

Окончив в 1954 г. МГИАИ и обучаясь в его аспирантуре в 1954–1958 гг., С.М. Каштанов стал в 1956 г. научным сотрудником Института истории АН СССР, который в 1968 г. был разделен на Институт истории СССР и Институт всеобщей истории АН СССР. В первом из них, переименованном в 1991 г. в Институт российской истории РАН, С.М. Каштанов работал до апреля 2001 г., когда перешел на работу в Институт всеобщей истории РАН по приглашению его директора академика А.О. Чубарьяна. В Институте истории АН СССР С.М. Каштанов работал сначала в секторе Источниковедения и публикации источников, возглавлявшемся А.А. Новосельским, а с 1963 г. – в секторе Истории СССР периода

феодализма, которым руководил Л.В. Черепнин. После кончины последнего в 1977 г. сектором руководили сначала А.А. Преображенский, затем Н.А. Горская. В 1990-х годах он назывался сектором истории России в средние века и раннее новое время. По инициативе Н.А. Горской в 1995 г. С.М. Каштанов был избран заведующим этим сектором.

С 1987 г. С.М. Каштанов начал по совместительству работать на Кафедре вспомогательных исторических дисциплин МГИАИ, где вел практические занятия по вспомогательным историческим дисциплинам и семинары по источниковедению. Двадцать пять лет он руководит созданным им научно-исследовательским семинаром «Источниковедение истории России X–XVIII вв.». Под руководством С.М. Каштанова написаны десятки дипломных, более 20 кандидатских и три докторские диссертации. Его блестящие по форме и интереснейшие по содержанию спецкурсы «Записки иностранцев о России» и «Русская дипломатика», читавшиеся в РГГУ, привлекали не только студентов, но и аспирантов. В июне 2011 г. С.М. Каштанов возглавил созданную на базе Кафедры Высшую школу источниковедения, вспомогательных и специальных исторических дисциплин.

Изменив свой статус и став Высшей школой, Кафедра продолжает традицию проведения своих ежегодных конференций. Очередную XXIV конференцию она посвящает своему выдающемуся профессору Сергею Михайловичу Каштанову и приурочивает ее к юбилею ученого. Эта конференция – знак глубокого уважения коллег, друзей и учеников к одному из самых ярких историков нашей страны, создателю крупной научной школы и замечательному человеку. Она объединила 155 ученых из 10 стран ближнего и дальнего Зарубежья (России, Украины, Белоруссии, Латвии, Литвы, Молдавии, Узбекистана, Великобритании, Франции и Германии). Посвященные самому широкому кругу проблем современных источниковедения, дипломатики, кодикологии, палеографии и археографии, доклады конференции в известной степени отражают те направления исследований, которые развивались Кафедрой с момента ее основания в 1939 г. в трудах виднейших ее профессоров-«феодалов» – А.Н. Сперанского, А.И. Андреева, В.К. Лукомского, Л.В. Черепнина, Н.В. Устюгова, А.А. Зимина, С.О. Шмидта, О.М. Медушевской, Е.И. Каменцевой, В.Б. Кобрин, А.Л. Станиславского.

Тематика конференции безусловно соответствует и научным интересам юбиляра. Задачи конференции – определить важнейшие направления исследований в сфере источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, познакомить научную общественность с новейшими разработками в этой области, ведущимися не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. Настоящий сборник содержит тезисы и тексты пленарных докладов участников «Каштановской» конференции. Он издается в честь 80-летия Сергея Михайловича.

Мы все – и организаторы, и участники конференции – от всей души поздравляем дорогого юбиляра и желаем ему новых творческих свершений, неизменной молодости духа, крепкого здоровья и огромного счастья! *Gaudeamus!*

*Vivat Academia,
Vivant professores!
Vivat membrum quodlibet,
Vivant membra quaelibet
Semper sint in flore
Semper sint in flore!*

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

А.Л. Хорошкевич (Москва)

А.А. ЗИМИН О РАБОТАХ С.М. КАШТАНОВА

Ниже публикуется машинописная авторизованная копия недатированного письма А.А. Зимина В.М. Панеяху (не ранее 1961 г.). Не знаю, было ли отправлено это письмо, копия которого была отдана мне Зиминим. В.М. Панеях либо не получил его, либо забыл о нем. Однако оно передает то состояние восторга и даже влюбленности, которое испытывал в конце 50 – начале 60-х годов Александр Александрович по отношению к своему ученику – Каштану, Каштанчику. Зимин, апостол бескорыстной Дружбы, идею которой ему внушила Анна Васильевна Новская, видел во всех учениках своих вечных друзей, и единственный из историков, насколько мне известно, создал им панегирик, надеясь на то, что и они испытывают к нему такие же высокие чувства. События 1964 г., когда некоторые из учеников поспешили сменить наставника, были для него роковым ударом, гораздо более тяжелым, нежели официальные гонения, так же, как и отдаление других в последние годы физического угасания. Публикуя это письмо, я чувствую угрызения совести, что не только не съездила к нему в Форос, где он проводил две предпоследние зимы жизни, но даже мало ему писала.

А.А. ЗИМИН. ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО ПИСЬМА В.М. ПАНЕЯХУ (ФРАГМЕНТ)

Для меня Сергей Михайлович – это наиболее светлое явление в области источниковедения России XVI в. за все время существования русской исторической науки. Многие конкретные выводы его отпадут, многие наблюдения получили подкрепление. Но не в этом даже дело. Сережа в актовом источниковедении XVI в. сделал то же, что Шахматов в летописании. На смену юридически-статистическому обзору актов он предложил историко-динамический метод подхода к актовым материалам. Ранее акты, как правило, рассматривались выборочно, как некая сумма

равнозначных (принципиально) величин (в самом деле, что может дать особенно нового еще одна грамота о функциях по сбору налогов приказчиками – главное: выявить сам факт сбора, а все остальное будет иллюстрацией этого факта). С[ергей] М[ихайлович] прежде всего выдвинул задачу исчерпывающего привлечения всех сохранившихся актовых материалов (того или иного вида). Когда это было достигнуто, можно было поставить вопрос: что перед нами – случайный набор черепков от миллионов разбитых горшков или это остатки, по которым можно восстановить прекрасные вазы и простые тарелки в силу законов определенного очертания форм. Здесь даже дело не в чисто статистических подходах (которые сами по себе с вульгарным пониманием статистики никого убедить не смогут). Здесь важнее сама постановка вопроса: перед нами не бессмысленный хаос фактов, а довольно четкие линии архивов; акты крупнейших монастырей (можно это утверждать более или менее обоснованно) сохранились если не полностью, то с приближением к полноте (гарантия тому – копияные книги XVI–XVII вв.). А раз так, то общие явления, отраженные в этих актах, не могут быть отнесены к разряду случаев, а к числу реально существующих закономерностей.

Далее, формуляры актов могут показаться или общепринятым в XVI в. скелетом (шаблоном, который искажает действительность) или полнокровным отражением конкретной жизни. И тот, и другой выводы делались в историографии до С[ергея] М[ихайловича]. Он же взглянул сквозь призму формуляра на бытие жизни акта (Так же как следует различать жизнь в иконах от жизни в картинах). Отличия одного акта от другого приобретают у него силу закономерностей и в единичном всплеске, когда гребень волны составляет многообразие действительности, отраженное в документах других видов. Эти отличия особенно важны, когда они располагаются в территориально-хронологической сетке определенными рядами.

Да, действительно, факт или группа фактов (хотя бы в актах) могут объясняться или случайностью или закономерностью. Но в первом случае история ничего не приобретет, если под историей разумеется объяснение фактов, а не их изложение. Во втором случае мы рассматриваем определенный процесс (если к тому же, не отдельно вырванная закономерная блестящая мысль самолюбующегося прохвоста оглушивает читателя, а выстрадавшая идея,

входящая кирпичом в общий храм мироощущения, раскрывается в книге исследователя).

Допустим, что откроются новые факты, они позволят пересмотреть вывод автора. Допустим, что обжигающая идея заставит читателя прикрыться самозащитной броней. Допустим, что на одну мысль ответом будет другая. Во всех этих случаях честь и хвала тому, кто приоткрыл завесу неизвестного. Сейчас еще трудно в полной мере осознать все то новое, что несут с собою работы Сергея Михайловича. Они раскрывают перед нами впервые внутреннюю политику в действии, в осуществлении, а не в законодательном провозглашении нормами уставных грамот и судебныхников.

М.А. Базанов (Челябинск), Л.В. Столярова (Москва)

«ИДЕАЛЬНЫЙ УЧЕНИК»: С.М. КАШТАНОВ В ВОСПОМИНАНИЯХ А.А. ЗИМИНА

У любого ученого, ведущего преподавательскую деятельность, со временем складывается представление о некоем «идеальном ученике», своего рода образце, на который следует ориентировать всех остальных. На процесс формирования этого образа влияет множество самых разных факторов: корпоративная культура, сложившаяся в сообществе ученых, идеологические основы и ценностные установки эпохи, черты личности учителя и учеников, их темперамент, представления о нравственности, любви и дружбе, предательстве и верности, их увлечения, манера работы и общения и многое, многое другое. Из всей массы учеников педагог-ученый выделяет тех, кто наиболее соответствует сконструированному им образу «идеального ученика» – последователя, друга, «духовного сына», продолжателя начатого дела.

Как известно, в личном архиве А.А. Зими́на (1920–1980) среди рукописей его трудов особое место занимают мемуары («Храм науки: Воспоминание о прожитом», «Недодуманные мысли: Этюды и воспоминания», «Слово и дело: Страницы дневника 1963–1977 гг.») и семейная хроника «Сумерки и надежды (О роде графов Каменских и их потомков)». Эти рукописи целиком не опубликованы, поскольку сам А.А. Зимин наложил на их издание «ограничительное временное вето: материалы содержат упоминания о ныне здравствующих людях» ([Зими́на В.Г. Вступительная статья]: «Мы не

увидим плоды наших посевов, но они будут...» (Из воспоминаний А.А. Зиминой) // Отечественные архивы. 1998. № 6. С. 57–58). Тем не менее, В.Г. Зиминой с небольшими сокращениями была опубликована глава из рукописи «Храм науки», связанная с преподавательской деятельностью Александра Александровича в Историко-архивном институте в 1947–1973 гг. и посвященная его ученикам («Дети становятся взрослыми»). По свидетельству В.Г. Зиминой, «Храм науки» начал создаваться в 1974 г. и задумывался Зиминим как рассказ о своем жизненном пути, однако затем рукопись была ограничена «воспоминаниями и размышлениями о храме науки, в котором автору «...довелось быть одним из служителей феодального культа на протяжении тридцати семи лет»» и создателем огромной научной школы учеников и последователей (Зиминой В.Г. Вступительная статья. С. 59). Глава «Дети становятся взрослыми» – уникальный случай написания мемуаров учителя об учениках, в том числе, и об одном из самых любимых – Сергее Михайловиче Каштанове. Ярчайшим свидетельством нежного и трепетного отношения Зиминой к С.М. служит тот факт, что своего сына Зимин назвал Сережей именно в честь Каштанова. Именно воспоминания Зиминой о С.М. выбраны нами в качестве предмета для исследования образа «идеального ученика». Кроме того, тема взаимоотношений учителя и ученика приобретает актуальность в связи с все более возрастающим интересом к феномену научной школы Зиминой (Кобрин В.Б. Александр Александрович Зимин // Историческая наука России в XX веке. М., 1997. С. 362; Каштанов С.М. Александр Александрович Зимин – исследователь и педагог // История СССР. 1980. № 6. С. 157; Он же. Александр Александрович Зимин: Штрихи к портрету // Россия в IX–XX веках: Проблемы истории, историографии и источниковедения. М., 1999. С. 7–10; Он же. Александр Александрович Зимин (1920–1980) // Александр Александрович Зимин: Библиографический указатель. М., 2000. С. 7–53; Столярова Л.В. Проблемы истории феодальной России в творчестве Сергея Михайловича Каштанова // Ad fontem / У источника. Сб. статей в честь Сергея Михайловича Каштанова. М., 2005. С. 7–77; Она же. Памяти Евгении Платоновны Маматовой (16. 02. 1934–28. 01. 2004) // Проблемы источниковедения. М., 2006. Вып. 1 (12). С. 10–23 и др.).

Знакомство учителя и ученика состоялось в 1950 г., когда С.М. оказался на втором курсе в семинаре Зиминой по дипломатике. В

этом семинаре Каштанов впервые занялся изучением русского актового материала XVI в. С.М. вспоминал потом, что это было время, когда он пытался определиться с выбором направления своих будущих занятий и, соответственно, научного руководителя: «Когда-то, на 2-м курсе, я выбирал между А.А. Зиминным и Н.П. Ерошкиным. Ерошкин привлекал своей яркой личностью, но не периодом (он не хотел быть руководителем по древности). Зимин привлек и личностью, и периодом. В результате я стал его пламенным поклонником» (Каштанов С.М. Историк не может не идти в архив (интервью) // Отечественные архивы. 1997. № 3. С. 50).

А.А. Зимин главным достоинством своего подопечного считал цельность его натуры и научную самостоятельность: «Главное в работе с ребятами для меня было помочь каждому стать самим собой. Это мне в основном удавалось. Правда, С.М. Каштанов всегда был неподражаемым, единственным без всякого моего воздействия». Следует отметить, что эта оригинальность натуры ученика как нельзя лучше соответствовала собственному педагогическому credo Зимина – «помочь каждому стать самим собой» («Мы не увидим плоды наших посевов, но они будут...»). С. 62; Зимин А.А. Дети становятся взрослыми // Александр Александрович Зимин / Сост. В.Г. Зимина, Л.Н. Простоволосова. М., 2005. С. 79).

Зимин считал, что первоначально С.М. «в методике анализа жалованных грамот на первых порах вообще был ближе к Л.В. Черепнину», но впоследствии выработал свою методику работы с актовыми материалами (по выражению Зимина, «самоопределился»). Зимин полагал, что именно ему удалось помочь Каштанову в формировании его исследовательского метода: «Если же говорить о методике, то, возможно, мне удалось привить С.М. Каштанову шахматовское отношение к источнику. Позднее мы параллельно пришли к выводу о недостаточности этого метода, и «каузально-хронологический метод» С.М. Каштанов дополнил в «дипломатике» формулярным анализом» («Мы не увидим плоды наших посевов, но они будут...»). С. 63; Зимин А.А. Дети. С. 79). Весьма характерно в данном случае слово «возможно»: Зимин выражает сомнения в абсолютном своем влиянии на талантливого ученика.

В связи с этим интересен взгляд Каштанова на то, как повлиял Зимин на его формирование как ученого и человека: «Александр Александрович сочетал в себе таланты исследователя, педагога и организатора научных поисков молодежи. Он гениально приду-

мывал перспективные темы для своих учеников и намечал сферу архивных поисков» (Каштанов С.М. Историк не может не идти в архив. С. 50). Каштанов отмечает, что для Зимина было важно видеть в своих учениках не только младших коллег и единомышленников, но и друзей. Не одна только «ученость», а, в первую очередь, личные, открытые и доверительные отношения определяли ту высокую планку, которую Зимин устанавливал для своих учеников: «Зимин шутил, подчас издеваясь, иногда дразня, но всегда дарил свою откровенность. На чем выросли ученики Зимина? Что стимулировало их творческую активность и воспитание гражданственности? Прежде всего – это откровенные и глубокие беседы, которые вел Зимин со своими учениками; наряду с этим – его научная требовательность, презрение к халтуре и легковестности, человеческой непорядочности» (Каштанов С.М. Александр Александрович Зимин: Штрихи к портрету. С. 10). В проникнутых болью личной потери словах, написанных на смерть Зимина, Каштанов подчеркивал исключительную важность в своем становлении этого непрекращающегося диалога с учителем, а также бескорыстной любви, которую дарил учитель своим ученикам: «Трудно ставить конечную дату жизни под дорогим мне именем Александра Александровича Зимина. Я как будто и сейчас еще слышу его голос, продолжаю разговор с ним, напоминающий чем-то урок фехтования, в котором он, опытный и совершенный мастер, легко раскрывал слабые места в «обороне противника», а сам постоянно находился в наступлении. «Вперед, и только вперед!» - таков был его лозунг. Он обескураживал не только логикой, знаниями, остротой ума, но и любовью, которая казалась незаслуженной. Свою сравнительно недолгую (а для него – совсем короткую) жизнь Александр Александрович прожил как бы на одном дыхании – страстно увлекаясь: наукой, кино, самой жизнью» (Каштанов С.М. Александр Александрович Зимин (1920–1980) // АЕ за 1980 год. М., 1981. С. 357). Каштанов уверен, что встреча с Зиминим повлияла на всю его дальнейшую человеческую и творческую судьбу (Каштанов С.М. Александр Александрович Зимин: Штрихи к портрету. С. 9, 10).

Именно человеческие качества ученика определяли его перспективу во взаимоотношениях с учителем. Зимин в первую очередь ценил человека, и уж потом – ученого. И верил в бескорыстие дружбы и человеческой верности. Известно, что критерием качеств ученого и особенно – человека – для Зимина было

отношение к его концепции подлинности «Слова о полку Игореве». Именно поэтому приведем слова А.А. Зимина о Каштанове, характеризующие отношение ученика к учителю в непростое и даже трагическое для него время: «В самую тяжелую минуту «Слова» Сергей Михайлович был одним из немногих, кто старался облегчить мое единоборство. Он перевел, в частности, всю статью Якобсона против Мазона (и сложную, и большую)[...] И вообще для меня он сделал так много [...] и в большом, и в малом» («Мы не увидим плоды наших посевов, но они будут...». С. 70). В скобках заметим, что и по сей день Каштанов остается одним из немногих, кто открыто поддерживает концепцию своего учителя о происхождении «Слова», находя все новые аргументы его подложности.

В исследовательской манере С.М. Каштанова, по мнению А.А. Зимина, скрупулезный анализ каждого факта сочетается с включением его в широкий исторический контекст, где конкретика служит материалом для составления более общих концептуальных схем. Кроме того, Зимин отмечал яркую литературную манеру изложения С.М. и его легкий слог: «Сергей Михайлович – человек незаурядный. Талант у него – ярчайший, индивидуальный. Трудолюбие огромно. [...] Тончайший анализ, склонность автора к схематическим построениям, сочетаются с глубоким чутьем эпохи. Перечислять все работы С.М. Каштанова – дело безнадежное – их множество. Все они написаны строго логично и красиво» («Мы не увидим плоды наших посевов, но они будут...». С. 69; Зимин А.А. Дети. С. 90). Почти те же самые характеристики зафиксированы и в отзыве А.А. Зимина о дипломной работе Каштанова (1954 г.), написанном за два десятилетия до «Храма науки» (Ad fontem... С. 100–104).

Еще одна положительная характеристика, данная Зиминим своему ученику, – его бесконечное, непрерывное интеллектуальное самосовершенствование: «Сергей Михайлович стал ученым мировой известности, участником международных конгрессов [...] Он неповторим в своих поисках истины, в стремлении дойти до предела возможного познания. Это наиболее отчетливо видно на работах о строевских вырезках из троичских копийных книг...» («Мы не увидим плоды наших посевов, но они будут...». С. 70; Зимин А.А. Дети. С. 92). В воспитании этих качеств в любимом ученике Зимин видел и свою заслугу. Он вспоминал первый студенческий доклад С.М. на своем семинаре: «Зазнайства в учениках я не терпел, и пресекал его в самом начале. Когда С.М. Каштанов сделал доклад в

семинаре на втором курсе по архивным материалам, я разнес его на глазах у ребят, раскрывших рты от удивления, доведя докладчика чуть ли не до слез. Я знал, что Сережа любит науку, что у него большое будущее, и что он человек сильный духом. Поэтому нужно было сразу у него снять все возможные напластования (честолюбие, самоуспокоенность, самодовольство и т.п.). Цель была достигнута...» («Мы не увидим плоды наших посевов, но они будут...». С. 64; Зимин А.А. Дети. С. 92–93).

О том же эпизоде Каштанов пишет со свойственным ему юмором: «Мой первый доклад, написанный под руководством А.А., был посвящен жалованным грамотам, дошедшим в списках в составе троицких книг. Любя ложную образность, я употребил в докладе выражение, гласившее, что дипломатика (или дипломатический анализ) «срывает покров Изиды с застывших форм». Это вызвало бурную реакцию у моих сокурсниц, но Зимин оставался спокоен. Выслушав хвалебные отзывы девушек, он начал свое заключительное слово так: «Доклад Сергея Михайловича очень... (тут он сделал большую запланированную паузу)... слабый». Снова бурная реакция девушек. Зимин продолжал свою речь и все-таки кончил ее во здравие, а потом добродушно посмеивался по поводу моей растерянности и огорчения» (Каштанов С.М. Александр Александрович Зимин: Штрихи к портрету. С. 8).

Однако в отмеченном стремлении к совершенству Зимин одновременно усматривал и «корень трагедии Сергея Михайловича», которому в процессе познания свойственно «забегать на столетие вперед», «превращать его (познание. – М.Б.) в нечто, доступное только тебе одному» («Мы не увидим плоды наших посевов, но они будут...». С. 70; Зимин А.А. Дети. С. 92–93). Впрочем, подобное положение представлялось Зимину вполне естественным и неизбежным, как неизбежным казалось ему глубокое внутреннее одиночество его ученика: «Характер неподражаемого Сережи трудный и противоречивый... Виновата в этом нервная структура его личности. Бурное веселье и жизнелюбие (в стиле Гаргантюа) и приступы мрачного отчаяния и самобичевания. Тишайший в жизни (ни-ни против силушки!), он напоминает очень милого жителя подземелья, который роет свою нору, проводя в труде всю свою жизнь. С друзьями он находится в чарующем миру радости. Он готов раствориться в их ласке, отвечая им тем же. Однако и в минуты радости он остается глубоко

одиноким...» («Мы не увидим плоды наших посевов, но они будут...». С. 70).

А.А. Зимин тонко чувствовал своих учеников, особенности их натуры. О Каштанове он писал: «Моя цель сводилась только к тому, чтобы охранить его от ударов судьбы, помочь ему выйти на широкую дорогу. Видя его беспомощность в житейских делах, я стремился сделать все, чтобы они его не касались» («Мы не увидим плоды наших посевов, но они будут...». С. 62; Зимин А.А. Дети. С. 79). Каштанов вполне осознает это: «Если подумать, сколько этот человек сделал для меня, все слова признательности окажутся бледной тенью подлинной благодарности. Аспирантура – Зимин, Институт истории – Зимин, все защиты – Зимин. Самым удивительным в Зимине было сочетание способностей ангела-хранителя с огромным творческим потенциалом» (Каштанов С.М. Александр Александрович Зимин: Штрихи к портрету. С. 10). И опять «человеческое» оказывалось неотделимым от «научного».

Сходные положительные личностные черты неоднократно воспроизведены А.А. Зиминим в характеристиках других его учеников, что позволяет с большой степенью вероятности подтвердить наше предположение о том, что именно С.М. Каштанов являлся для него образцом, примером «идеального ученика», на который он ориентировался в своей педагогической деятельности. Более того, известные нам сведения из биографии самого А.А. Зимина позволяют предположить, что при всех различиях ученика и учителя – и внешних, и внутренних, они оба обладали многими схожими чертами. Последнее не представляется нам чем-либо экстраординарным – педагог зачастую наделяет в своем восприятии ученика собственными чертами. Нельзя, на наш взгляд, исключать и возможность влияния С.М. Каштанова на своего учителя – ведь при первой их встрече учителю было 30, а ученику – 18 лет. Оба они были молоды и восприимчивы к сторонним воздействиям и влияниям. Но главное они оба – яркие личности, озарившие своим талантом не только науку, но и судьбы своих учеников. С.М. Каштанов сам является создателем крупной научной школы.

Удивительными словами закончил А.А. Зимин свою главу о «детях»: «Жизнь неумолимо идет все дальше и дальше. Птенцы стали взрослыми и разлетелись в разные края. Одни ищут сердечного тепла, другие – хоть каплю внешнего благополучия, третьи – пиршества мысли. Но путь их всегда согревает Солнце,

частицу которого каждый несет в себе. Моя же благодарность к ним безгранична, ибо они превратили прожитую жизнь в праздник» («Мы не увидим плоды наших посевов, но они будут...» С. 82). Бывают ли ученики идеальными? Вряд ли. Разве что «образ» идеального ученика почти не страдает погрешностями. Но есть идеал отношения учителя к ученику, который теперь, спустя три десятилетия после смерти Зимина став «образом», волнует сердца «учеников учеников» и заставляет их жить, с трепетом и волнением ощущая свою принадлежность к научной школе Каштанова, а через него – к школе Зимина (Столярова Л.В. Проблемы истории феодальной России. С. 75–76).

К.Ю. Ерусалимский (Москва)

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ С.М. КАШТАНОВА

В творчестве С.М. Каштанова проблемы источниковедения занимают особое место, являясь отправной точкой как для теоретических построений, так и для прикладного источниковедения. Это редкий пример, когда у исследователя-источниковеда есть время и силы, чтобы регулярно проверять и обогащать язык своей практики новыми холмсовскими дедукциями. В его статьях, написанных в соавторстве с А.А. Курносовым и А.Л. Литвиным и опубликованных еще в 1960-е годы, можно обнаружить определения ключевых исследовательских понятий историка-источниковеда, включая понятия «исторический источник», «источниковедение», «вспомогательные» и «специальные» исторические дисциплины, понятия источниковедческой таксономии, основные принципы источниковедческой исследования, «подлинность» и «достоверность» и т. д. К ним примыкают разработки в области дипломатики, кодикологии, археографии, исторической географии и исторической демографии и многое другое.

О себе Каштанов любит говорить как о позитивисте. Это звучит, на мой взгляд, дискуссионно. На мой взгляд, идеи С.М. Каштанова, и в том числе его источниковедческая теория, не является позитивизмом. Я думаю, что словом «позитивизм» вообще правильнее называть те направления научной мысли, которые декларируют свое

родство с концепциями О. Конта, Г. Спенсера, Дж.С. Милля, или с неопозитивизмом, в общем, по-моему, в основном весьма далеким от проблем историографии. В крайнем случае – с постпозитивизмом. Но Каштанов точно не постпозитивист. Его источниковедческая концепция, на мой взгляд, является компромиссом между марксизмом и неокантианством. Это единство очень странное и непривычное для любого специалиста по истории идей, поэтому моя задача ограничивается здесь только тем, чтобы обосновать как само это единство в концепции С.М. Каштанова, так и следствия такого взаимного теоретического привития двух научных доктрин, обычно взаимно недружелюбных.

Мое рассуждение об источниковедческой концепции С.М. Каштанова и А.А. Курносова я хотел бы начать с того, что приступая к рассмотрению их взглядов, я не ставил перед собой цели представить эту концепцию в новом свете или предложить ее детальный анализ с целью ее поддержать или опровергнуть. Моя работа – это попытка осмыслить тезисы этой концепции из перспективы современного историко-культурного источниковедения или источниковедения истории культуры. В этом смысле моя позиция не столько историографическая, сколько непосредственно теоретико-историческая, а мои наблюдения затрагивают не столько сами по себе предпосылки и импликации этой источниковедческой концепции, сколько ее предпосылки и импликации с выбранной точки зрения. Конечно, при таком подходе обсуждение этой концепции может напомнить экзорцистское возвращение к дискуссии, организованной редакцией журнала «Исторический архив» на полях статьи С.М. Каштанова и А.А. Курносова (председательствовал, открывал и подводил итог дискуссии Д.А. Чугаев). Во время той дискуссии звучало много замечаний и предложений, имеющих самостоятельную ценность в истории советского источниковедения, но я их касаться почти не буду (Столярова Л.В. Проблемы истории феодальной России в творчестве Сергея Михайловича Каштанова // *Ad fontem* / У источника: Сборник статей в честь Сергея Михайловича Каштанова. М., 2005. С. 26).

Статья С.М. Каштанова и А.А. Курносова вызывает интерес уже обстоятельствами своей публикации. Она вышла в четвертом выпуске «Исторического архива» за 1962 г. в разделе «Статьи и сообщения». Фоном для ее появления была оттепель и постановления XXII съезда КПСС. Общественная обстановка и возмож-

ность свободной дискуссии ощущаются не только в полемическом тоне статьи, но и в компромиссных формулировках, готовности авторов отстаивать свои взгляды, отрицании привычных точек зрения. Ни место публикации, ни название статьи («Некоторые вопросы теории источниковедения») не отвечали значению этой работы. Она, конечно, была адресована далеко не только историкам-архивистам и решала далеко не только «некоторые вопросы». Однако, как признавались сами ее авторы, теоретические вопросы источниковедения не приветствовались в СССР, не сильно отразились на концепциях Г.П. Саара и С.Н. Быковского и лишь в 1958–1962 гг. заслужили обсуждения со стороны историков и филологов. Причем перечисленные авторами издания – это были в основном на то время не первостепенные по читательской аудитории сборники статей «Труды МГИАИ» (В.К. Яцунский, 1958; М.К. Макаров, 1961), изданное на ротапринте пособие А.Ц. Мерзона «Основные задачи критики исторических источников» (М., 1958), энциклопедическая статья Л.В. Черепнина об источниковедении во втором издании БСЭ, новаторские статьи об источниковедении истории советского общества, изданные в 1961–1962 гг. В.П. Данилова и С.И. Якубовской в «Вопросах истории» (1961. № 5), Д.С. Лихачева в «Русской литературе» (1961. № 4), И.И. Смирнова в «Коммунисте» (1962. № 3), Д.А. Чугаева в «Историческом журнале» (1962. № 1), и наконец, дискуссия о проблемах источниковедения в «Новой и новейшей истории» (1961. № 4–6; 1962. № 1).

Предметом обсуждения для С.М. Каштанова и А.А. Курносова оказалось изданное в Киевском университете в 1961 г. пособие В.И. Стрельского «Основные принципы научной критики источников по истории СССР». Уточнение позиций оппонента требовало немалой решительности, поскольку в формулировках В.И. Стрельского звучали все необходимые атрибуты марксистско-ленинской философии истории. В этом смысле теоретическая реплика критиков а priori претендовала только на уточнение, выравнивание тезисов оппонента. Возможно, позитивную роль в этой дискуссии играло уже то, что классики марксизма выражали свои идеи достаточно обобщенно и формульно, чтобы советский теоретик мог позволить себе уточнять и расширять марксистское понимание источниковедения. Под видом такого уточнения были высказаны нетривиальные для советской науки того времени мысли о недооцененности наследия А.А. Шахматова и А.С. Лаппо-Данилевского. На фоне этих

имен, и особенно имени А.С. Лаппо-Данилевского, поставлен был даже вопрос о том, «нужна ли коренная переделка старой схемы источниковедческого исследования и замена традиционной терминологии какими-либо иными понятиями» (С. 175). Отсутствие ответа на этот вопрос в статье С.М. Каштанова и А.А. Курносова оставляло читателя перед ощутимой возможностью ответить на него отрицательно.

Смелой новацией, дискуссионно нацеленной на концепцию Л.В. Черепнина, было предположение о том, что источниковедение не является вспомогательной исторической дисциплиной. Авторы предложили иное решение – вслед за М.Н. Тихомировым они отнесли источниковедение к специальным историческим дисциплинам, дополнив этот вывод рассуждением о единстве истории и источниковедении, говоря философским языком, как взаимодополняющих онтологии и гносеологии: «Постоянное взаимопроникновение источниковедения и истории ставит их в такие же отношения, в каких находятся теория познания процесса и сама теория процесса, т. е. в отношения, не допускающие определения источниковедения в качестве «вспомогательной» исторической дисциплины» (С. 176). На фоне постсоветской критики в адрес источниковедения хотелось бы обратить внимание, что еще в своей статье 1962 г. С.М. Каштанов и А.А. Курносов говорили о том, что установление факта не отменяет и не заменяет необходимости в теории истории как «теории и методики осмысления исторических фактов и их взаимосвязи и взаимообусловленности» (С. 176). Этих вопросов источниковедение, по мнению авторов, не решало, а следовательно, было бы неверно в рамках данного построения ограничивать задачу историка установлением фактов и считать, что авторы призывали исследователей ограничиться фактами и не считали, что само по себе источниковедение решит проблему их организации. Впрочем, авторы при этом допускают, что источниковедение должно развивать гносеологические основания исторической теории, и вопрос о границах компетенции между гносеологией и онтологией был неизбежен. Можно предположить, что историческая теория не входила в круг обсуждаемых проблем, и этот вопрос остался дискуссионным. Таким он остается и поныне.

Сегодня нам не очень понятна критика в адрес тезиса В.И. Стрельского о том, что источники – это «остатки прошлой жизни», и что за ними исследователь открывает «живую историю».

Критика прозвучала очень мягко, со стороны авторов не прозвучало дежурных упреков в витализме или идеализме. А ведь слова Стрельского, независимо от их интерпретации в его работе, можно было представить именно так, обнаружив в них при желании следы концепции Б. Кроче или Р.-Дж. Коллингвуда. Конечно, при одном упоминании этих имен могло последовать разоблачение историка-марксиста, однако вряд ли кто-то был в состоянии тогда уловить в словосочетании «живая история» влияние неприкрытого гегельянства, и авторы статьи сами никак не обозначили такую возможность прочтения, упрекнув оппонента только в неясности границ его понятий (можно ли считать «остатками прошлой жизни», независимые от человека явления или же речь идет только об источниках, созданных человеком?).

Решительный выпад прозвучал в статье С.М. Каштанова и А.А. Курносова в адрес всех предшествующих концепций типологии исторических источников. В.И. Стрельский предложил одну из таких типологий, выделив пять основных видов источников: вещественные, этнографические, лингвистические, устные и письменные. Это вызвало очень меткий упрек: в рамках одной типологии были соединены классы, выделенные на основе различных исходных оснований – «по способу передачи явлений (вещественные, устные, письменные) и по объекту исследования разных наук (этнографические и лингвистические)» (С. 177). При всей очевидности для нас такого замечания, его теоретические предпосылки не так ясны. Дело, конечно, не в словах, хотя можно было бы заметить, что этнографические источники – это пантомимы, а лингвистические источники – языковой прообраз автоматических источников. Дело, на мой взгляд, в другом. Возможно, на самой форме опровержения сказались неокантианские научные предписания, предполагающие расхождение между материальными объектами и методами их изучения. Если это так, то перед нами, пожалуй, даже слишком решительное выступление, рискующее идти вразрез с марксизмом и почти недвусмысленное на фоне осторожных оценок творчества А.С. Лаппо-Данилевского.

На обсуждении статьи, проведенном редакцией «Исторического архива», Л.В. Черепнин, согласно сокращенной стенограмме, воскликнул: «Возьмите труд А.С. Лаппо-Данилевского. Вопрос не в том, как он называет отдельные источниковедческие процессы: внешняя критика, внутренняя критика и т. д. Дело в том, что вся его

«Методология истории» проникнута единой теорией неокантианства, для нас неприемлемой» (С. 188). За этими словами, признающими от лица всех собравшихся, в том числе авторов спорной статьи, очевидную истину, скрыт и тот факт, что в статье «вся» «Методология истории» не была отвергнута С.М. Каштановым и А.А. Курносовым, и осторожное признание фактической актуальности терминологии, предложенной в «Методологии истории». Сам Л.В. Черепнин был первым советским критиком А.С. Лаппо-Данилевского, который старался вернуть в советскую историческую науку его творчество, взгляды и понятийный аппарат.

Кроме того, напомним, что сами С.М. Каштанов и А.А. Курносов начали свой очерк с анализа теоретических оснований источниковедения, то есть в духе того же неокантианства предполагали, что типология источников – это подчиненный вопрос теории, вторичный по отношению к общим задачам изучающей его научной области. Поддержка концепции В.П. Данилова и С.И. Якубовской в основном касалась критики предшествующих схем классификации. Многообразие способов классификации в концепции В.И. Стрельского как будто отвечало призыву В.П. Данилова и С.И. Якубовской отказаться от одного принципа, единой основы классификации. С этим С.М. Каштанов и А.А. Курносов не согласились и предложили универсальную иерархию оснований для классификации, приняв виды письменных источников за вторичную категорию. Первичной была принята классификация источников по сферам их происхождения. Всего было обозначено три сферы: сфера социально-экономических отношений, сфера социально-политической борьбы и семейно-личная сфера. Эти сферы накладывались на марксистскую схему, поскольку источники первого типа возникали в области базиса, второго типа – в области надстройки, третьего типа – в личной и семейной области, также обусловленной «общественными отношениями эпохи, к которой относятся источники» (С. 179). Эта схема почерпнула из марксизма то, что было обязательной частью диалектического и исторического материализма, к которой прибавлен так называемый «субъективный фактор».

Ее достоинства были многообразны. Во-первых, она позволяла ее адепту самостоятельно и творчески рассуждать о сферах возникновения тех или иных источников и не связывать прямо сферы происхождения с содержанием источников и возможными проблемами и темами для их исследования. Во-вторых, она звучала доста-

точно ортодоксально с точки зрения философского марксизма, и исчезала необходимость в концепции классового происхождения источников, для которой, несмотря на ее социологическую каноничность, находились простые и убедительные контраргументы. Впрочем, авторы полностью от этой классификации по «родам» не отказывались. В-третьих, с марксистских позиций удавалось снять вопросы, которые все еще казались источниковедческими (содержание источников, принципы «выявления» и «отбора» источников, «разоблачение умышленно фальшивой фразеологии буржуазного источника»), в то же время ряд вопросов остались на будущее (применение в источниковедении математических наук, теории информации и т. д.). Сохранили свое значение созданные еще до Октябрьской революции понятия внешней и внутренней критики, под которыми предложено понимать соответственно «исследование материальной основы источника» методами вспомогательных дисциплин и исследование текста «методами филологии, литературоведения и исторической науки» (С. 183). Было предложено, помимо такой классификации, говорить о предварительной критике (установление подлинности источника, расшифровка терминологии и т.д.) и основной критике (происхождение и содержание источника). Наконец, был найден дедуктивный путь построения классификации, которого С.М. Каштанов будет придерживаться и позднее, например, при классификации актовых источников (социальные сферы, классовые роды, формально-правовое назначение, более дробные виды и разновидности, деление источников по степени близости к оригиналу).

Дедуктивный категориальный метод построения источниковедческой теории привел С.М. Каштанова и его сотрудников по теоретическим разработкам к особому науковедческому взгляду на предмет источниковедения и типологию исторических источников. Марксизм в этой схеме мало устраивал канонично мыслящих марксистов, что и показала дискуссия 1962 г. С точки зрения исторического и диалектического материализма, вернее было бы считать Каштанова ревизионистом, хотя такое определение вряд ли могло безболезненно прозвучать в те годы. Однако сами принципы теоретизирования, категориальный анализ, использование научного языка А.С. Лаппо-Данилевского свидетельствовали о попытках реабилитировать дореволюционную российскую науку, что заметно и по публикациям того круга исследователей, к которому С.М. Каш-

танов был особенно близок (А.И. Андреев, В.К. Яцунский, Л.В. Черепнин, А.А. Зимин, С.О. Шмидт, О.М. Медушевская).

С.Ю.Королева, Л.В.Столярова (Москва)

**ОБ АРХЕОГРАФИЧЕСКИХ ПРИНЦИПАХ С.М. КАШТАНОВА
(РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ ИЗДАНИИ ПОДЛИННИКА
РУССКО-ЛИВОНСКОГО ДОГОВОРА 1535 Г.)**

*И конечно же, не всегда охотно обращают
внимание на то, что труд издателя
требует аскетизма и упорства.*

Т. Кёльцер

В 2006 г. С.М. Каштанов издал текст русско-ливонского договора 1535 г. – важного источника по истории международных отношений и внешней политики России и Ливонии XVI в. (Каштанов С.М. Договор России с Ливонией 1535 г. // Проблемы источниковедения. М., 2006. Вып. 1 (12). С. 167–297). Этот договор явился первым русско-ливонским письменным соглашением, заключенным при Иване IV, точнее – в период его малолетства и регентства Елены Глинской. Договор 1535 г. стал продолжением серии русско-ливонских мирных договоров деда и отца Ивана Грозного 1503, 1509, 1514, 1521 и 1531 гг. Договор 1535 г., заключенный в Новгороде, обеспечивал мирное развитие отношений между Россией и Ливонией в течении 17-ти лет, вплоть до октября 1551 г. Однако уже в августе 1550 г. правительство Ивана Грозного заключило новое соглашение с Ливонией. Кроме того, известен договор 1554 г. – последний мирный трактат, подписанный между Россией и Ливонским орденом накануне Ливонской войны. Несмотря на то, что договор 1535 г. неоднократно упоминался в научной литературе, опубликован он не был. С.М. Каштанов не только впервые издал его текст по подлиннику, соблюдая принципы усложненной дипломатической передачи текста, но и посвятил договору 1535 г. специальное обширное исследование. С.М. Каштанову удалось уточнить дату договора, который до него нередко относили к 1534 г., и рассмотреть обстоятельства, приведшие к его заключению (Каштанов С.М. Договор России с Ливонией. С. 167–180).

Договор 1535 г. написан на двух пергаменных листах, которые были скреплены вислыми печатями (РГАДА. Ф. 64: Сношения России с Лифляндией и Эстляндией. Оп. 2. № 7. Л. 1–2). Из семи печатей к настоящему времени сохранились только три: две из них принадлежали новгородским наместникам кн. Борису Ивановичу Горбатову и Михаилу Семеновичу Воронцову, одна – псковскому наместнику Дмитрию Семеновичу Воронцову. От печати псковского наместника кн. Михаила Ивановича Кубенского сохранилась только «куриная лапа» шнура на пергамене, от печати магистра Ливонского ордена Германа фон Брюнгеня – пергаменная лента, соединявшая печать с грамотой, от печати рижского архиепископа Томаса – лишь отверстие для пергаменной ленты, от печати дерптского епископа Иоанна (?) – часть шелкового шнура, продетого в пергамен. На одном пергаменном листе помещен русский текст договора, написанный скорописью, на другом – немецкий текст договора, сделанный готическим курсивом. С.М. Каштанов предположил, что договор 1535 г. составлялся в четырех экземплярах – двух на русском и двух на немецком языке. Соединенные попарно, русский и немецкий экземпляры образовывали два противня. Сначала они были скреплены печатями на Руси, затем – в Ливонии, после чего один экземпляр противней вернулся в Новгород, а другой остался в Ливонии (Каштанов С.М. Договор России с Ливонией. С. 180).

Оба текста договора 1535 г. опубликованы Каштановым в сопровождении детального палеографического исследования, в котором скрупулезно описаны теперешние размеры и представлены реконструкции подлинных размеров обоих листов (с. 182–190), охарактеризован материал для письма (с. 190). Подробно описаны внешние признаки обоих текстов и проведены их почерковые атрибуции, установлена плотность письма немецкого и русского текстов (с. 190–195). Особое место отведено детальному исследованию печатей и способов их прикрепления. Пожалуй, впервые в отечественной историографии подробно анализируется ход шнура при создании крепления печати, что важно для реконструкции процедуры соединения шнура с пергаменом и печатью. Последнее совершенно необходимо при изучении действовавших в XVI в. канцелярских практик. Исследуются как помещенные на печатях изображения, так и оттиснутые на них надписи, предложены варианты атрибуций изображений. Очень важно помещение Каштановым в археографической части публикации фотографий и многочисленных

таблиц с детальными промерами трех сохранившихся печатей. Впечатляют исследования пергаменной ленты несохранившейся печати № 5, шнура печати № 7 и способов прикрепления печатей 1–7, что дает важный материал для дипломатистов, изучающих процедуру составления и удостоверения подлинников актов в разное время и в разных канцеляриях разных государств (с. 195–224). Каштановым исследованы и охарактеризованы пометы и пометки, имеющиеся на листах рукописи и отражающие процесс работы с договором в XVI–XVIII вв. – следы жизни текста и его последующей архивной судьбы (с. 224–226). Специальные разделы археографического введения посвящены анализу повреждений рукописи (с. 226–227) и характеристике сгибов пергамена, а также сложности рукописи (с. 227–230). Каштанов установил, что порядок складывания рукописи установился давно. Грамота обернута грубой бумагой XVIII в., которая в сложенном виде создает для нее подобие конверта. Пометки XVIII и XX в. на обертке отражают определенные этапы исследовательской и архивной работы с подлинником (с. 230). С.М. Каштанов исследует списки договора 1535 г., который (и в его русском, и немецком вариантах) воспроизводился в сборнике копий русско-ливонских договоров 1509–1554 гг., хранящемся в фонде «портфелей» Г.Ф. Миллера. Идентификация водяных знаков рукописи позволила С.М. Каштанову заключить, что бумага тетради с немецкой копией договора 1535 г. была произведена в 60-х гг. XVIII в. Тогда же возникла и бумага русской копии, последний лист которой имеет водяной знак, относящийся к 1754–1765 гг. Каштанов установил, что копии создавались одновременно разными писцами и тут же вместе переплетались. Он предположил, что вся работа производилась под руководством Г.Ф. Миллера, который в марте 1766 г. возглавил Московский архив Государственной коллегии иностранных дел. Копии возникли в период начальной работы Г.Ф. Миллера в Московском архиве коллегии, а именно в 1766–1767 гг. (с. 230–235).

Особый раздел археографического введения посвящен упоминаниям русско-ливонского договора 1535 г. в архивных описях. С.М. Каштанов установил, что, судя по описям архива Посольского приказа, в 1612 г. все семь печатей грамоты 1535 г. еще имелись в наличии. К 1626 г. сохранилось только пять печатей, причем две из них оказались оторванными, хотя затем и «приверченными» к ней. В 1673 г. «приверченные» печати уже отсутствовали и потерялись (с. 235–237).

С.М. Каштанов издал оба текста договора 1535 г. (и русский, и немецкий), полностью сохраняя орфографию подлинника (с. 237–273). Во введении к публикации Каштанов подробно изложил археографические принципы издания договора 1535 г. (с. 181–182). При воспроизведении русского текста договора устаревшие буквы кириллического алфавита на новые не заменялись. Выносные буквы обозначались курсивом. Буквы, вносимые в текст при раскрытии сокращений, помещались в круглых скобках. В немецком тексте орфография также не модернизировалась. Буква «v» не заменялась на «u», «i» на «j» и наоборот. Буквосочетание «sh» на «sch» не заменялось. Часто встречающиеся в немецком тексте суспензии раскрывались, а недостающие буквы помещались в круглых скобках. Двоеточия, стоящие в подлиннике после сокращенных слов типа «f:», «ved:», в публикации не воспроизводились. Утраченные и поврежденные, а также плохо читаемые буквы как в русском, так и немецком тексте грамоты, вносились в публикацию в квадратных скобках. Знаки пунктуации, будучи важной составляющей интерпретации текста, расставлялись в соответствии с современными нормами постановки знаков препинания. О знаках препинания немецкого текста в некоторых случаях сообщалось в примечаниях. Концы строк в издании обоих текстов отмечались Каштановым вертикальной линией. В начале каждой строки в круглых скобках помещался ее номер (в рукописи отсутствует). Текст русского и немецкого оригиналов был разбит публикатором на статьи, пронумерованные римскими цифрами, которые помещены в фигурных скобках. Введение в публикацию нумерации статей, также как и нумерации строк, способствует соотнесению совпадающих по содержанию частей русского и немецкого текстов. К оригиналу немецкого текста даны разночтения по копии XVIII в., сделанной Г.Ф. Миллером (с. 273).

Публикация договора 1535 г. не ограничивается дипломатической передачей его текста, но и сопровождается фотовоспроизведением, правда, с двукратным уменьшением размеров подлинника (вкладка). К сожалению, приложить к изданию фотографию договора с сохранением его подлинных размеров оказалось невозможно технически, по причинам полиграфического характера, не зависящим от публикатора. Однако сочетание дипломатической и факсимильной публикации чрезвычайно важно как для специалистов в области дипломатики, так и для палеографов.

Издание и русского, и немецкого текста грамоты 1535 г. сопровождается детальными палеографическими примечаниями. Каштанов отмечает мельчайшие повреждения текста потертостями и пятнами сырости, которые в дальнейшем могут отразиться на сохранности текста и качестве чтения, фиксирует утраты частей текста и неуверенные прочтения. Ученый отмечает наличие больших и малых инициалов, указывая их размеры. Воспроизводит в виде клише фигурно и необычно написанные буквы (например, украшенные точками или росчерками) и лигатуры – важный признак индивидуальных почерков (с. 243–254, 261–273). Все эти скрупулезно отмеченные детали свидетельствуют об отношении археографа к тексту как историческому памятнику, описывая который, должно в том числе зафиксировать и его физическое состояние на момент публикации. Подобная фиксация не менее важна для архивиста или исследователя канцелярской практики и последующей делопроизводственной, а затем архивной судьбы документа, чем собственно его текст для историка или филолога. Ведь никогда неизвестно, с какой целью будущий исследователь обратится к публикации подлинника и сведения о нем какого рода и какой степени подробности будут ему необходимы!

Особое внимание обращает на себя научно-справочный аппарат публикации (заголовок, легенда, указатели-словники к русскому и немецкому текстам, а также список соотносящихся русских и немецких терминов). Указатели-словники включают все слова оригинального русского и немецкого текстов договора, причем разные формы написания одного и того же слова приводятся как отдельные слова. Список соотношений терминологии русского и немецкого экземпляров договора 1535 г. включает в себя наиболее существенные понятия, главным образом юридического характера. Список не ограничивается только именами существительными и прилагательными. В него входят также глаголы, наречия, предлоги и др. (с. 278–297). В основу списка положены русские термины, к которым приводятся немецкие эквиваленты.

В 1998 г., публикуя книгу об актовой археографии и современных принципах издания латинских и древнерусских грамот, С.М. Каштанов сформулировал свое кредо археографа, определив его словом «виртуозность»: «...хотелось бы напомнить, что издание источников – это не поточное производство, а искусство, требующее высокой квалификации, труда, нравственности и стремления к вир-

туозности» (Каштанов С.М. Актовая археография. М., 1998. С. 298).
Издание русско-ливонского договора 1535 г. полностью соответствует этому определению. Оно поражает и восхищает. Оно учит предельно честному, бережному и аккуратному отношению к публикуемому материалу, за которым стоит глубоко нравственное отношение историка к документу не только как к историческому источнику, но и как к историческому памятнику, в котором любая упрощенческая археография – не более чем лень и нежелание заниматься утомительными и трудоемкими операциями по подготовке археографического сопровождения документа.

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

М.В. Бибиков (Москва)

ВИЗАНТИЙСКИЕ АКТЫ: ПРОБЛЕМЫ КЛАССИФИКАЦИИ

Византийские акты, документы правового характера – один из важнейших видов документальных исторических источников Византийской империи. Современная византийская дипломатика относит к Византийским актам не только собственно акты, т.е. письменные документы юридического характера, но и разного рода письма, уведомления, поручения, а также протоколы, служебные записи, формуляры и т.п. (в оригинале или копиях). Высокий уровень развития правовой культуры Византии обусловил юридическое оформление всех государственных решений, имущественных, земельных и прочих отношений, церковных постановлений в виде актов, которые, облекаясь в сложную символическую форму, представляли собой особого рода знаковую систему (Медведев И.П. Очерки византийской дипломатики: (Частноправовой акт). Л., 1988. С. 13).

По своему происхождению от того или иного адресанта различают акты публичноправовые и частноправовые. К публичноправовым (лат. *instrumenta publica*) относят документы, изданные от имени того или иного носителя (как индивидуального, так и коллективного) светской или церковной власти. Они могли иметь как общегосударственное значение, так и локальное, касаясь лишь отдельных конкретных лиц и территорий. Частные акты (*instrumenta privata*) – документы, составленные от имени частных лиц. Ими могли быть как физические лица (принадлежавшие к самым разным категориям), так и юридические лица (коллективы – семья, род, монастырская община, группа селян и др.). Эти акты, не обладая презумпцией подлинности, нуждались в подтверждении со стороны свидетелей или чиновников нотариата (или тех и других одновременно).

Императорские акты. Среди византийских актов публичноправового содержания центральное место занимают императорские акты, имеющие непосредственное преемство с постановлениями, декретами (*decreta*) и эдиктами (*edicta*) римских императоров.

Различают несколько типов императорских актов. К первому относятся документы законодательного характера, прежде всего законы (*leges*; греч. νόμοι) или конституции (*constitutiones*). В ранневизантийский период конституции издавались от имени императора, но в текстах встречаются указания на конкретных юристов. В 438 г. по распоряжению императора Феодосия II был составлен первый в истории Римской империи официальный законодательный свод – Кодекс Феодосия (*Codex Theodosianus*). При императоре Юстиниане I был составлен новый кодекс: Кодекс Юстиниана (*Codex Iustiniani*) (529, 534), вошедший как часть в «Свод гражданского права» (*Corpus iuris civilis*). Императорские конституции, вышедшие после издания Кодекса, получили название новелл (*novellae*; греч. Νεαράι – новые [законы]); они стали основным видом законов. Новеллы Юстиниана (изданные в отличие от других частей «Свода» на греческом языке) публиковались в сборниках, сокращенных изложениях (т.н. «Эпитама Юлиана», состоявшая из 122 новелл) и латинском переводе («Аутентикум», содержащий 134 новеллы).

В отличие от этих актов, включавших постановления общего характера (*constitutiones generales*), с XI в. основным типом императорских актов становятся распоряжения в форме специальных законов (*leges speciales*). Они издавались в виде *хрисовула* или простагмы. Хрисовул (*χρυσόβουλλος λόγος*; хрисовульное слово) получил свое наименование от золотой печати, или буллы (*χρυσή βούλλα*), которой скрепляли императорские грамоты. Печати представляли собой круг из золота диаметром 2,5–4 см и были атрибутом только императорской персоны; на одной стороне специальным штемпелем наносилось изображение василевса (часто с сопратителем или сопратительницей), осеняемого образом Христа или Богородицы, на оборотной стороне указывались имена и официальные титулы владельца печати. Печати подвешивались к акту на специальном шнуре (ленте). Хрисовул составлялся по определенной форме и подписывался собственноручно императором пурпурными чернилами. Этот вид актов выдавался по особо торжественным поводам. Торжественные акты, скрепленные серебряной (*ἀργυρός*) печатью, назывались аргировулами («серебропечатными»). Простагма (*πρόσταγμα* – распоряжение, приказ) представляет собой императорский акт, формуляр которого отличается меньшей торжественностью. Еще одним видом императорских грамот в

Византии был сигиллий (σιγίλλιον от sigillum – знак, печать), под которым не ставилось имя василевса, а указывалась лишь дата (месяц и индикт) издания документа; он также скреплялся императорской печатью. Наконец, видами императорских распоряжений были питтакии (γράμματα πιττάκια) и орисмос (ὄρισμός), подобные по характеру сигиллию.

Другой тип византийских императорских актов представлен документами по конкретным правовым казусам, издаваемыми в связи с запросами представителей власти, юристов или отдельных частных лиц. Распоряжения василевса оформлялись в виде посланий (epistula; ἐπιστολή или σάκρα) или предписаний (subscriptio; λύσις или σημείωσις). В грамотах последнего вида изначально различались λύσις – ответ императора на запрос чиновника по вопросам администрации и фиска и σημείωμα (σημείωσις) ответ императора на гражданским и церковноправовым вопросам; со временем эти нюансы стерлись.

Третий тип представлен внешнеполитическими актами: договорами, письмами к иноземным правителям, посольскими верительными грамотами. Межгосударственные договоры, оригиналы которых сохранились в Византии лишь начиная с XII в., оформлялись в соответствии с византийской политической доктриной как привилегия, акт милости василевса по отношению к иностранному правителю, облакаясь в форму жалованной грамоты – хрисовульного слова или иногда хрисовульного сигиллия. В поздневизантийской дипломатике, исходя из политических реалий слабеющей империи, эта особенность утрачивается: Нимфейский договор между Византией и Генуей (1261) представлял собой трактат, или клятвенное заверение (privilegium sacramentum, tractata, treva; κεφαλαί, χρυσοβούλλον ὀρκωμοτικόν).

К четвертому типу относятся документы административного характера, указы императора о пожаловании звания и назначении на должность. Они оформлялись как простагмы или орисмосы либо в виде сигиллия, сакры и других актовых форм (ὑποτύλωσις, προβατορία, codicilli).

Пятый тип императорских актов составляют жалованные грамоты, с конца IX – начала X вв. особенно торжественно выполненные как хрисовульное слово, хрисовульный сигиллий или хрисовульный орисмос. Их содержание составляли перечень и

обоснование жалуемых льгот и привилегий в пользу того или иного института (например, монастыря или храма).

В византийском императорском акте вычленяются собственно текст и вводяще-закрывающие формулы, т. е. протокол, который в свою очередь делится на собственно протокол и эсхатокол (πρωτόκολλον и ἔσχατόκολλον – первый или последний приклеенный лист [свитка]). Начальная часть протокола с посвящением Св. Троице представляет собой инвокацию, которая могла выражаться просто символом (крестом, христорогмой). Во внешнеполитических актах инвокация часто опускалась. Обозначение лица, издающего документ (в данном случае – императора), называется титуляцией. Затем следовало обозначение адресата (inscriptio) и приветствие (salutatio). В «основной части» выделяются риторическое введение по всему тексту (προοίμιον), затем – публичное объявление (promulgatio, publicatio, praescriptio, notificatio) и изложение сути дела (narratio). Наконец, приводилось распоряжение императора, выражающее его волю и удовлетворяющее ходатайство получателя документа (dispositio). Эта часть часто повторяет основные пункты narratio и вводится определенной формулой (διό (ὅθεν) διορίζεται ἡ βασιλεία μου – «посему определяет моя царственность»), а заканчивается предостережением против нарушения постановления (sanctio). Это предостережение, иногда выделяемое в самостоятельную часть акта, сопровождалось угрозой кары – божественной (sanction spiritualis) или государственной (sanction temporalis). Заключительная часть, эсхатокол, содержала важные элементы византийского канцелярского делопроизводства: дату и подпись (datum и subscriptio). Император подписывал и датировал документы собственноручно всегда красным (пурпурным) цветом. Различие в датировке определяло тот или иной тип документа: хрисовулы имели полную датировку, с указанием месяца, индикта и года от сотворения мира. Эсхатокол мог содержать сведения об удостоверительных знаках документа (corroboratio).

Лишь небольшая часть византийских императорских грамот дошла в аутентичных оригиналах. Древнейший международный договор датируется 922 г., к XI в. относятся самые ранние сохранившиеся императорские пожалования монастырям. Сведения нарративных памятников об актах, не дошедших до настоящего времени, а также данные об иноязычных переводах собраны в пятитомном сборнике регест императорских актов (изд. Ф. Дёльгер и П. Вирт).

К числу сохранившихся только в переводах международных договоров Византии относятся и договоры Руси с греками (911, 944, 971 гг.), дошедшие в русском переводе в составе «*Повести временных лет*». Для истории русско-византийских отношений важное значение имеют два послания византийского императора Михаила VII Дуки, адресованные «иноземному правителю», с предложением о браке дочери адресата с багрянородным братом василевса – Константином. Считается, что эти послания были направлены ок. 1073–1074 гг. князю Всеволоду Ярославичу. Греческие тексты этих актов сохранились среди сочинений Михаила Пселла. О русских наемниках, находившихся на военной службе в Византии по крайней мере с конца IX в., свидетельствуют хрисовулы, сохранившиеся в оригиналах в архиве Великой Лавры св. Афанасия на Афоне. Это хрисовулы Константина X Дуки (июнь 1060), Никифора III Вотаниата (июль 1079 г.; сохранился в аутентичной копии, современной оформлению акта) и два хрисовула Алексея I Комнина (март 1082 г. и май 1086 г.). В них в числе иноземных воинских подразделений, от постоя которых освобождаются лаврские владения на материке, указаны русские и варяги. Аналогичные материалы имеются в хрисовулах Михаила VII Дуки (1073, 1074 гг.) и Алексея I Комнина (1088). Эти акты позволяют проследить историю пребывания русских дружин в Византии на протяжении почти 30 лет во второй половине XI в., хотя ранее считалось, что после битвы при Гастингсе (1066 г.) русские уступили свое место в императорской гвардии выходцам из Англии. «Росия» упоминается также в международных договорах византийских василевсов с генуэзцами (1169, 1192 гг.), в которых предусматривалось ограничение распространения византийской опеки на земли Руси и Северного Причерноморья (Тмутаракани) в торговых операциях генуэзцев.

Патриаршие акты. К ним относятся документы Константинопольского Патриархата, сохранившиеся в оригинале или копиях, а также сведения о недошедших актах константинопольских патриархов и данные об иноязычных (в т.ч. русских) их версиях, собранные византинистами и составившие несколько томов регест Константинопольского Патриархата (изд. В. Грюмелем, В. Лораном и Ж. Даррузесом).

Большая часть актов Константинопольского Патриархата, имеющих отношение к Руси, известны лишь по русским источникам, что создает проблему их научной верификации. Таковы послание

патриарха Николая IV Музалона Новгородскому епископу Нифонту (1149 г.) и послания Патриарха Луи Хрисоверга, в частности, великому князю Андрею Боголюбскому (между 1160 и 1168 гг.). Из летописных и документальных указаний известно об актах утверждения в качестве киевского митрополита Константина (начало 1157 г.), благословения патриарха Луки Хрисоверга праздника в связи с победой великого князя Андрея Боголюбского над камскими болгарами (около 1163–1164 гг.) и др. Подлинность подобных актов часто оспаривается исследователями.

Среди сохранившихся греческих текстов патриарших актов важное значение для отечественной истории имеют определение Собора (26 января 1156 г.), созванного по инициативе митрополита Константина перед его отъездом на Русь, а также свидетельство о посланиях Патриарха Мануила I Саратина из Никеи Иоанну Апокавку (февраль 1222 г.) и Патриарха Германа II кардиналам (1232 г.), в котором среди православных народов упоминаются северийцы, авасги, аланы, «аласты» (лазы?), готы, хазары и «бесчисленная», «из тысяч народностей» Русь. На греческом языке сохранились и тексты посланий русских митрополитов, греков по происхождению: «Послание» митрополита киевского Иоанна III к антипапе Клименту III, направленное в период между 1085 и 1088 гг., и послание переяславского митрополита Леона к римлянам, или латинянам об опресноках (60–70-е гг. XI в.).

Место Русской Церкви в епархиальной структуре Константинопольской Церкви, юрисдикция которой распространялась на Русь с момента учреждения там митрополии, определялось специальными актовыми «Перечнями епископских престолов» (*notitia episcopatum*; *Τάξις θρόνων*). Впервые русская митрополия упоминается в подобном документе, относящемся к концу X в., как «митрополия Киева Росии» (*Κυβερου Ῥωσίας – Darrouzès Notitiae. N 10*). В списках XI – XIII вв. Русь занимает в ряду митрополий Константинопольского Патриархата, как правило, 60-е место (*Ibid. N 11–12, 15–16*). С конца XII в. в «Перечнях епископий» упоминается также митрополит «Руси Переяславля» (*Ῥωσία Πρεσθλάβα*) – титулярной Переяславской митрополии, образование которой датируется второй половиной XI в. В перечнях епископий «Великой России» (*Μεγάλη Ῥωσία*) указывались местные кафедры, образование первых из них относится к 90-м гг. X в.: Новгородская, Белгородская, Черниговская, Переяславская, Полоцкая,

Владими́ро-Во́лынская, Пере́мышльская, Ту́ровская, Ю́рьевская («Св. Гео́ргия»), Росто́вская, Смоле́нская, Гали́чская, Ряза́нская, Влади́миро-Сузда́льская и др.

Монастырские акты. Важнейшим типом византийских монастырских актов являются Типиконы (Типики), т.е. документирующие условия основания обители и регламентирующие правила монашеского общежития. В текстах монастырских уставов содержатся и важные свидетельства, например, по аграрноправовым отношениям, как в Типике Бачковского монастыря, основанного в Болгарии византийским вельможей кавказского происхождения Григорием Пакурианом и его братом Апасием в 1083 г., или в Типике середины XII в. монастыря Богородицы Спасительницы мира (Космотиры) близ Эноса Фракийского. Устав константинопольского монастыря Пантократора содержит уникальные сведения об организации монастырской больницы в XII в.

Некоторые уставные акты не сохранились в греческом подлиннике и восстанавливаются по дошедшим переводам. Важнейший Типик константинопольского Студийского монастыря известен в списках XI–XII вв. в славяно-русском переводе.

Среди других типов монастырских актов – жалованных, дарственных грамот, купчих, исковых заявлений – существенное значение имеют описи имущества монастырей. История внутреннего устройства Русского монастыря на Афоне известна благодаря сохранившейся в оригинале описи (ἄπογραφή) монастыря Ксилургу (Ξυλοῦργοῦ букв. – древодела, первоначальное наименование обители), перешедшего в ведение Русского монастыря (14 декабря 1142 г.). По другому акту из Протата (авг. 1169) русской монашеской общине Ксилургу по просьбе ее игумена Лаврентия был передан монастырь Солунянина на правах дочерней обители. С этого времени Русский монастырь на Святой Горе стал именоваться монастырем Солунянина (другое название – св. Пантелеймона). Вместе с Пантелеимоновым монастырем к Русскому монастырю перешли и его земельные владения. Упомянутая же опись 1142 г. содержит подробный перечень имущества монастыря – от хозяйственных предметов до священных сосудов и книг, среди которых специально выделены «русские книги».

Документы Соборов составляют специальную группу актов.

В поствизантийский период, с 1453 г., традиция издания греческих актов не прерывалась. Это, прежде всего, относится к

документам церковным: патриаршие послания из Константинополя или Иерусалима, акты из обителей Афона и Синая продолжали традиции византийской дипломатики. Особую ценность для истории РПЦ имеют документы XVI–XIX вв. по истории отношений России с православным Востоком.

В отечественных архивах насчитывается около 30 грамот XVI в., более 700 – XVII в. Уникальными являются такие акты, как 7 грамот из Константинополя в Москву 1557–1560 гг. в связи с переговорами об утверждении царского титула Иоанна Грозного (4 из них сохранились в подлиннике). Ценнейшими документами являются Соборные грамоты 1590 и 1593 гг. об учреждении Патриаршества в России. Сохранилось 56 актов, в т.ч. грамот, адресованных царю и Патриарху в Москву, Константинопольского Патриарха Кирилла I Лукариса (1620 – 1638, с перерывами), а также собственноручные грамоты к Патриарху Филарету и царям Михаилу Феодоровичу и Алексею Михайловичу Константинопольского Патриарха Афанасия III Пателлария (1634 – 1652, с перерывом). Подготовлен к печати каталог греческих грамот из московских собраний.

Miklosich, Müller; Mansi; Schwartz E. Acta conciliorum oecumenicorum V., 1922 – 1940. 5 t.; Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках Православного Востока. Вып. 1–3. Киев, 1895–1917; Actes de l’Athos 1–6 / Ed. L. Petit, W. Regel, E. Kurts, B. Korablev // Византийский временник. 1903. Т. 10; 1906. Т. 12; 1907. Т. 13; 1910. Т. 17; 1912. Т. 19; 1913. Т. 20. Прил.; Успенский Ф.И., Бенешевич Б.Н. Вазелонские акты. Л., 1927; Dölger F. Facsimiles byzantinischer Kaiserurkunden. München, 1931; Archive de l’Athos. P., 1937–; RegPatr. Vol. 1–5. Лит.: Яковенко П.А. Исследования в области византийских грамот: Грамоты Нового монастыря на о. Хиос. Юрьев, 1917. (УЗ Юрьевского университета); Seeck O. Regesten d. Kaiser und Päpste f. d. Jahre 311. Bis 476. n. Chr. Stuttg., 1919; Dölger F. Regesten der Kaiser urkunden d. oströmischen Reiches: vom 565–1453. München.; В., 1924–1965. Т. 1–5. Hildesheim, 1977; Idem. Byzant. Diplomatie. Ettal, 1956; Hunger H. Prooimion: Elemente d. byzant. Kaiseridee in den Arengen der Urkunden. W., 1964; Dölger F., Karayannopoulos J. Byzant. Urkundenlehre. München, 1968. Bd. 1: Die Kaiserurkunde; Καραγιαννόπουλος Ι. Βυζαντινή διπλωματική. Τ. 1. Θεσσαλονίκη, 1969; Фонкич Б.Л. Греческо-русские культурные связи в XV–XVII вв. М., 1977; Он же. Греческие рукописи европейских

собраний. М., 1999; Медведев И.П. Очерки византийской дипломатики: (Частноправовой акт). Л., 1988.

М.А. Волчкова, Б.Н. Морозов, Ю.М. Эскин (Москва)

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОПТИКО-ЦИФРОВОГО ОБОРУДОВАНИЯ
АРХИВА РАН ДЛЯ КОДИКОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
СТОЛБЦА-СВИТКА «СОБОРНОГО УЛОЖЕНИЯ 1649 Г.»**

Начатая в 2011 г. работа над «Соборным уложением» проводится в ряду других научных работ лаборатории Архива РАН по изучению неразрушающими методами оптико-цифровой диагностики уникальных документальных памятников. Этому способствует появившаяся благодаря грантам РФФИ приборная база лаборатории, состоящая из оптико-цифрового оборудования: микроскопа Leica MZ12,5, цветной цифровой камеры Leica DFC 490, репроустановки KAIZER, цифровой фотокамеры Canon 50D. Все эти оптические приборы объединяются компьютером Intel CoreDuo в единый цифровой комплекс, который обрабатывает полученные изображения с помощью специализированных программных продуктов.

В настоящем исследовательском проекте, профинансированном РФФИ (грант № 11-06-00202), объектом исследования является уникальный исторический рукописный документ – Соборное уложение 1649 г. (РГАДА. Ф. 135. Отд. V. Р. 1. Д. 6). Это оригинал основополагающего российского законодательства допетровской эпохи. Кодикологические исследования рукописи проводятся специалистами из трех учреждений: Отдела археографии Института славяноведения РАН – места исследования славянских рукописей (Б.Н. Морозов), Российского государственного архива древних актов – места постоянного хранения рукописи (Ю.М. Эскин), лаборатории Архива РАН – места проведения научной реставрации рукописи (М.А. Волчкова).

Цель исследования – идентифицировать неразрушающими оптико-цифровыми методами технико-технологические особенности создания уникального документа и на основе полученных результатов воссоздать историческую картину его рождения – рукописного столбца-свитка длиной более 300 м.

Предыдущие исследователи изучали данный документ с юридической, исторической, филологической стороны. В нашем случае исследованию подлежит сам рукописный документальный памятник со всеми особенностями его создания. Реализации данного исследования весьма способствует то, что свиток «Соборного уложения» уже прошел оцифровку, а в ходе реставрации был разделен на фрагменты, позволяющие проводить непосредственное сравнительное изучение. И оцифровка, и реставрация свитка были профинансированы из правительственной программы «Культура России». Настоящие исследования являются завершающим этапом всего комплекса мероприятий по сохранению и изучению этого уникальнейшего рукописного документального памятника.

В 2011 г. были реализованы планы по цифровой фиксации и определению следующих кодикологических особенностей рукописи «Соборного уложения».

Во-первых, это филигранные. Все без исключения листы свитка проходят цифровую съемку в проходящем свете, чтобы зафиксировать особенности вержеров, понтюзо и водяных знаков. Пока выявлено три типа водяных знаков: 1) «Голова шута»; 2) «Лотарингский крест под короной с двумя буквами С»; 3) «Агнец пасхальный» (в настоящее время филигранные зафиксированы с помощью цифровой фотокамеры CANON 50D и репроустановки KAIZER до л. 500). Поэтому, как направлены линии вержеров и понтюзо, какими фрагментами представлены водяные знаки на листах, можно составить представление о том, как подготавливалась бумага для написания столбцов.

Во-вторых, проводятся исследования клеевых швов под микроскопом, что дает представление о порядке сборки столбцов. Это позволяет определять, каким образом происходил «монтаж» свитка.

В-третьих, происходит последовательная идентификация почерков писцов, занятых в создании этого рукописного документа. В настоящее время выявлено 7 почерков (так как эта работа еще не завершена, то число идентифицированных писцов может быть изменено). Их характерные особенности зафиксированы на цифровых фотографиях, что позволяет проводить эту работу не только в «реальном», но и виртуальном режиме на цифровой копии снимка.

Для большей наглядности представления о процессе создания свитка была разработана система его схематизации, которая способна визуальным образом зафиксировать все выявляемые в ходе исследо-

вания особенности. Для каждой идентифицированной «руки» писцов вводится свой цвет на условно обозначаемом фрагменте свитка. Разноцветные фрагменты, следуя один за другим, нумеруются теми же цифрами, что и реальные листы. Рядом с фрагментом отмечается тип водяного знака и другие кодикологические пометы. Таким образом, череда смены почерков и типов бумаги складывается в наглядную картину работы царских приказных людей.

Составляемое ныне полное кодикологическое описание 300-метрового свитка впервые будет привязывать его особенности не к страницам печатных изданий «Соборного Уложения», как делалось ранее, а к листам самого свитка. Связать текстологическое изучение «Соборного уложения» с листами свитка не было возможности из-за их не зафиксированной нигде нумерации. В настоящее время все листы свитка пересчитаны и заново пронумерованы, их оказалось ровно 960, новая нумерация найдет отражение не только на самом рукописном оригинале, но будет помещена и на оцифрованных листах. Впервые листы рукописи получают официальную нумерацию, которая теперь будет учитываться всеми исследователями, публикующими материалы об этом памятнике письменности.

Следующий этап работы над проектом – этап цифровой обработки всех полученных кодикологических данных покажет, каким образом удалось государственным «чиновникам» середины XVII столетия написать и собрать в единый кодекс (а формально в столбец-свиток) девятьсот пятьдесят статей «Соборного уложения» всего за четыре неполных месяца – это и есть главная цель реализуемого проекта. Исследование почерков и филиграней рукописи позволит выявить методы и этапы работы по кодификации первого российского свода законов разработанного и принятого Земским собором 1649 г. в предельно короткий срок в условиях острого социального кризиса.

Т.В. Гимон (Москва)

АНГЛО-САКСОНСКАЯ АНГЛИЯ И ДРЕВНЯЯ РУСЬ: ПЕРСПЕКТИВЫ КОМПАРАТИВНОГО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

С.М. Каштанов в ряде своих работ наметил принципы и перспективы такого весьма плодотворного, с моей точки зрения, направления исследований, как компаративное источниковедение

(см. прежде всего статью: Каштанов С.М. К теории и практике сравнительного источниковедения // *Норна у источника Судьбы: Сб. ст. в честь Е.А. Мельниковой*. М., 2001. С. 158–168). Если нам вообще интересны сравнительные исследования (а они интересны, наверное, большинству историков), наиболее надежным объектом для сравнения являются не «социальные структуры, институты, право, идеи, культура и т.д.» (ведь они сами зачастую известны не полностью, а наши представления зависят от интерпретации – не всегда однозначной – свидетельств исторических источников), но «реально сохранившиеся источники», а точнее – их совокупность, корпус (Там же. С. 159).

Состав видов и разновидностей источников, произведенных тем или иным обществом, не может быть случайным: он отражает круг потребностей самого общества. Следовательно, изучая то, какие виды письменных источников производились тем или иным обществом, мы в состоянии многое сказать и о нем самом (Каштанов С.М. Предмет, задачи и методы дипломатики // *Источниковедение: Теоретические и методические проблемы*. М., 1969. С. 154–160; Курносоев А.А. К вопросу о природе видов исторических источников // *Источниковедение отечественной истории*, 1976. М., 1977. С. 5–25).

Теоретическое обоснование компаративно-источниковедческого подхода дала в своих работах также М.Ф. Румянцева (Румянцева М.Ф. *Теория истории*. М., 2002. С. 220–224 и др.). Опыты практических сравнительно-источниковедческих исследований можно найти в целом ряде исследований, посвященных конкретным видам и разновидностям исторических источников (Shchapov Ya.N. *Monuments of Medieval Slavonic Ecclesiastical Law (9th–13th Centuries): a Comparative Essay // The Comparative Historical Method in Soviet Medieval Studies*. Moscow, 1979. P. 67–95; Каштанов С.М. Общие тенденции развития документирования в канцеляриях средневековой Руси // *Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-летию В.Т. Пашуто*. М., 1999. С. 100–110; Никольский С.Л. Развитие права в эпоху становления государственности: Древняя Русь и Скандинавия: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2000; Мельникова Е.А. Историческая память в устной и письменной традициях (Повесть временных лет и «Сага об Инглингах») // *Древнейшие государства Восточной Европы, 2001 год: Историческая память и формы ее воплощения*. М., 2003. С. 48–92; Столярова Л.В. *Рукописная книга*

во Франции и России в XI–XIV вв.: Сравнительный аспект // От Древней Руси к России нового времени: Сб. ст. к 70-летию А.Л.Хорошкевич. М., 2003. С.366–378; Щавелёв А.С. Славянские легенды о первых князьях: Сравнительно-историческое исследование моделей власти у славян. М., 2007; Гимон Т.В. Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование. М., 2012; и др.).

Однако, как отметил С.М. Каштанов, «сопоставление источников только одного вида полезно, но недостаточно. Оно таит в себе опасность ухода от специфики каждого из сравниваемых обществ... В идеале сравнение должно охватывать все типы и виды источников...». На практике речь, по мнению Каштанова, будет идти не вообще обо всех источниках, но обо всех *письменных* текстах, произведенных двумя сравниваемыми обществами, что уже – «достаточно представительная группа источников» (Каштанов С.М. К теории... С. 159–160). Но даже такое исследование – довольно трудоемкая и ответственная задача, которую, насколько мне известно, до сих пор решить никто не пытался. Настоящий доклад тоже не ставит пока такой задачи. Я лишь намечу пунктиром некоторые перспективы сравнительно-историографического исследования двух раннесредневековых обществ: Англо-Саксонской Англии и Древней Руси.

На мой взгляд, Англо-Саксонская Англия и Древняя Русь были бы хорошими кандидатами для подобного фронтального сопоставления источников. В обоих случаях мы имеем дело с обществами, письменная культура которых возникла «с нуля», без предшествующей античной традиции (применительно к Англии можно вспомнить о римской Британии, но влияние ее письменной культуры на таковую у англо-саксов вряд ли можно признать существенным). Главным толчком к развитию письменности и появлению важнейших видов письменных источников в обоих случаях послужила христианизация (в англо-саксонских королевствах – с 597 г. по середину VII в.; летописная дата крещения Руси – 988 г.), хотя об очень ограниченном использовании письма можно говорить и раньше (сохранились англо-саксонские рунические надписи IV (?)–VI вв.; дискуссия о возможности письма у восточных славян до конца IX в. хорошо известна, при всех оговорках здесь можно вспомнить факт заключения письменных договоров с Византией, а также примеры использования на древнерусской территории

неславянского письма – скандинавские рунические надписи, киевское еврейское письмо X в.). В обеих странах на формирование письменной культуры оказали значительное влияние соседние, давно христианизированные общества: Рим, Франкия и кельты в случае англо-саксов; Византия и южные славяне в случае Руси. В обеих странах (и в отличие от большинства других раннесредневековых стран Европы) письменность, хотя бы частично, существовала на языке, близком к народному (древнеанглийском у англо-саксов; церковнославянском и древнерусском на Руси), хотя в раннесредневековой Англии все же, пожалуй, больше писали на латыни. Наконец, что очень важно, Англия и Русь находятся достаточно далеко друг от друга, что почти исключает прямое влияние одной письменной культуры на другую. Хотя отдельные данные о прямых контактах или косвенных (через Скандинавию) влияниях имеются, вряд ли можно всерьез говорить о том, что древнерусская письменная культура формировалась под влиянием англо-саксонской или наоборот. А значит, Англия и Русь – это подходящие объекты для типологического сопоставления, для сравнительно-источниковедческого исследования.

Надо определиться с хронологическими рамками применительно к обеим странам. Понятно, что абсолютная хронология здесь не обязательно должна совпадать: разные общества могут проходить одни и те же этапы развития в разное время, причем, «если это действительно близкие по типу стадии, общность данных социумов... обязательно проявится в известном сходстве круга источников, ими порожденных» (Каштанов С.М. К теории... С. 158–159). Логично в качестве начальной хронологической границы выбрать дату христианизации (с 597 г. в Англии, 988 г. на Руси). Конечной границей применительно к Англии может быть 1066 г. (при всех известных «но» это важный переломный момент в английской истории, после которого, в частности, усилилась политическая централизация, стала быстрее развиваться бюрократия, элита заговорила на другом языке – старофранцузском, древнеанглийский язык стал выходить из письменного употребления, многие церковные должности заняли выходцы с Континента и резко усилилось континентальное влияние на письменную культуру). Применительно к Руси в качестве конечной границы уместно, на мой взгляд, выбрать рубеж XIV–XV вв.: в XV в. бумага вытесняет пергамен, что накладывает важный отпечаток на всю письменную

культуру, и, что может быть даже более существенно, в XV в. происходят процессы политической централизации, как в Московском, так и в Литовском великих княжествах, что ведет к становлению бюрократии, появлению новых разновидностей документов и т.д. Впрочем, впоследствии может выясниться, что эти хронологические рамки стоит скорректировать. Так, уже сейчас представляется, что в плане развитости такого вида текстов, как акты, Англия XI в. довольно сильно опережала Русь XIV в.

Знаменательно, что число рукописных книг, сохранившихся от Англии и Руси избранного периода (т.е. 597–1066 и 988–1400 гг. соответственно), весьма близко, хотя совершенно точный подсчет в обоих случаях невозможен (см. цифры и отсылки к литературе: Гимон Т.В. *Историописание...* С. 47–50). Правда, это касается только книг: ситуация с сохранностью грамот (документов на отдельных листах) в Англии и на Руси весьма различна. В Англии мы видим существенно лучшую сохранность грамот на пергамене, тогда как на Руси археологами найдено уже около 1100 берестяных грамот, аналогов которым применительно к Англо-Саксонской Англии пока не обнаружено.

В плане политической истории, на самый поверхностный взгляд Англия, за означенный период проделала путь, противоположный тому, что проделала Древняя Русь: от нескольких королевств к одному, а не наоборот. Важнее, однако, то, что ранние англо-саксонские королевства по уровню развития государства и его аппарата близки именно к Киевской Руси, тогда как «единое» королевство Англия накануне Нормандского завоевания на деле не было централизованным, значительную роль играли местные правители – эрлы, взаимоотношения между которыми в значительной мере составляли интригу английской политической истории того времени. Важно, что в обоих случаях примерно на середину избранного периода пришлась эпоха тяжелых иноземных нашествий (в Англии викингские нашествия с конца VIII в. и особенно во второй половине IX в.; на Руси Батыево нашествие 1230-х годов и последующие события), следствием которых, помимо прочего, был и определенный упадок в сфере письменной культуры. Наконец, церковная организация ранних англо-саксонских королевств VII–VIII вв. и характер тогдашних монастырей близки, насколько можно судить, к тому, что мы видим в Киевской Руси; напротив, бенедиктинская монастырская реформа, начавшаяся в Англии в

середине X в., схожа с процессом становления монастырей-землевладельцев нового типа на Руси в середине XIV – XV в.

Однако вернемся к письменным источникам. В обеих странах в указанный период основным материалом для письма был пергамен. На Руси широкое распространение имело бытовое письмо на бересте, аналога которому в Англо-Саксонской Англии не известно. Высказывалось предположение, что в VII в. в Англии использовался папирус, но до нашего времени английских документов на нем не дошло. В обеих странах есть свидетельства использования для текущих записей навощенных табличек. Что же касается бумаги, то она в Англии впервые появилась только в начале XIV в. (что далеко выходит за рамки означенного периода). На Руси первые бумажные грамоты тоже относятся к XIV в., но преобладать этот материал стал лишь в XV в.

Рассмотрим – пока неизбежно поверхностно – несколько важнейших видов источников.

Законодательство. И в Англии, и на Руси видим ряд последовательно сменявших друг друга королевских/княжеских судебныхников (правд). Древнейшая англо-саксонская правда Этельберхта Кентского датируется 602–603 гг., т.е. временем почти сразу после крещения королевства Кент. К VII в. относятся еще два судебногоника кентских королей – правда Хлотхере (673–685) и Эадрика (685–686) и правда Вихтреда (690–725). Также сохранились законы уэссекских королей Ине (688–726) и Альфреда (871–899) и ряд судебныхников английских королей X – первой трети XI в. Законы других англо-саксонских королевств не сохранились, однако в правде Альфреда упоминается законодательство короля Мерсии Оффы (757–796). Нормы права Нортумбрии и Мерсии отразились в трактатах Вульфстана (ум. 1023).

Древнерусская Древнейшая Правда (Правда Ярослава) относится тоже к очень раннему времени; чаще всего ее датируют 1016 годом, основываясь на летописном сообщении о ее даровании новгородцам. Даже если дата не точна, все равно речь идет о памятнике эпохи Ярослава Мудрого (хотя недавно была высказана гипотеза о позднем происхождении Краткой Правды – см.: Толочко А.П. Краткая редакция *Правды Русской*: Происхождение текста. Київ, 2009). Сохранившиеся версии Русской Правды позволяют говорить о нескольких моментах ревизии судебногоника на протяжении XI – начала XII в., т.е., как и в Кенте, в Киевской Руси процесс пересмотра

судебника был наиболее интенсивен в раннюю эпоху. Следующие опыты составления судебныхников относятся уже к концу XIV – XV в. (Двинская уставная грамота, Псковская и Новгородская судные грамоты), а в XII–XIV вв. создавались законодательные документы по более частным вопросам, а также довольно широкое хождение имела Пространная Правда, текст которой иногда видоизменялся и дополнялся новыми статьями (Зимин А.А. Правда Русская. М., 1999. С. 279–320).

Отмечу несколько очевидных черт сходства англо-саксонских и древнерусских судебныхников. Во-первых, эти тексты появляются очень рано, но при этом дошли до нас в сравнительно поздних списках. Так, правда Этельберхта начала VII в. дошла только в рукописи XII в.; Правда Ярослава и Правда Ярославичей в составе Краткой Правды – только в рукописях середины XV в. (Наоборот, более поздние судебники дошли в более ранних списках – законы Инге и Альфреда – в рукописях начиная с X в., Пространная Правда – начиная с XIII в.). Это говорит, наверное, о сравнительно небольшой роли писанного права в ранний период и, как следствие, о редкости наиболее ранних законов в рукописной традиции. Во-вторых, с самого начала судебники составляются не на языке богослужения (латыни или церковнославянском), а на народном языке (соответственно, древнеанглийском и древнерусском), являясь едва ли не древнейшими сколько-нибудь развернутыми письменными текстами на нем. В-третьих (и, конечно, в-главных), старейшие из известных нам правд отражают по преимуществу нормы обычного права, тогда как впоследствии – от судебного к судебнику – можно проследить постепенное усиление королевской (княжеской) власти и ее законодательной функции. Несомненно, это сопоставление может быть продолжено на более глубоком уровне.

Акты. Древнейшая англо-саксонская пергаменная грамота, сохранившаяся в подлиннике, относится к 679 г. и происходит из Кента. Это жалованная грамота (диплом) короля Хлотхере, пожаловавшего земли аббатству Рекальвер. Древнейшая сохранившаяся древнерусская пергаменная грамота относится к той же разновидности актов и представляет собой жалованную грамоту князей Мстислава Владимировича и Всеволода Мстиславича новгородскому Юрьеву монастырю на доходы от волости Буице, а также серебряное блюдо. Дата грамоты – около 1130 г., т.е. ее отделяет от момента крещения Руси несколько больший срок, чем грамоту

Хлотхере – от начала крещения Кента (в случае Кента – около 90 лет, в случае Руси – около 140 лет).

Всего сохранилось, согласно каталогу П. Сойера (Sawyer P.H. *Anglo-Saxon Charters: An Annotated List and Bibliography*. L., 1968; или: *Anglo-Saxon Charters* // <http://ascharters.net/>), 1539 англо-саксонских актов. Из них около 200 сохранились в виде отдельных листов пергамента (в свою очередь, в это число входят средневековые копии и фальсификаты, так что подлинников англо-саксонских актов меньше – подсчет см.: Keynes S.D. *Anglo-Saxon Charters: General Introduction* // <http://www.trin.cam.ac.uk/chartwww/GenIntro.html>). Остальные акты дошли до нас в составе картуляриев или в копиях раннего Нового времени. Древнейшие англо-саксонские акты, подлинность которых бесспорна, относятся к последней четверти VII в., но около половины сохранившихся актов относятся к последним ста годам перед Нормандским завоеванием (Clanchy M.T. *From Memory to Written Record: England, 1066–1307*. 2 nd ed. Oxford, 1993. P. 28).

Древнейшие акты по истории Руси – это договоры с Византией X в., однако они являются в большей степени продуктом византийской, нежели древнерусской письменности. Собственно древнерусские акты сохранились с XII в. В подлиннике до нас дошли уже упомянутая Мстиславова грамота Юрьеву монастырю и вкладная Варлаама Хутынского. Полагаю, что к числу актов XII в., сохранившихся в подлиннике (и отражающих процесс перехода от изустной процедуры заключения сделки к письменной), можно отнести надпись-граффито киевского Софийского собора купле-продаже земли (Высоцкий С.А. *Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв.* Киев, 1966. Вып. 1. С. 60–71, № 25) и берестяную грамоту из Старой Руссы № 43 (акт поручительства), аналога которым в Англии не известно. Еще несколько актов XII в. сохранились в более поздних копиях. От XIII–XIV вв. до нас дошло существенно больше документов этого вида, однако их общее количество явно меньше, чем учтено в каталоге англо-саксонских актов.

В Англии хорошо известны случаи, когда копии актов помещались на свободных листах Евангелий и иных церковных рукописей (см. ссылки: Гимон Т.В. *Историописание...* С. 60, примеч. 169). На Руси примером такой рукописи может служить Полоцкое Евангелие второй половины XIV в., на нижних полях которого в XIV–XVI вв. вписывались акты документы. В Англии известен один картулярий старше 1066 г. (он относится к началу XI в. и

происходит из Вустера) (Там же. С. 60. Примеч. 171). На Руси сборники актов (монастырские копийные книги, митрополичьи формулярики и др.) известны только с XV в. Все сказанное об актах и их сборниках заставляет думать, что уровень развития актовой документации в Англии к 1066 г. был несколько более высоким, нежели на Руси к 1400 г.

Зачатки делопроизводства. Вопрос о существовании в Англо-Саксонской Англии и Древней Руси делопроизводства, т.е. документации, обслуживавшей процесс управления и функционирование аппарата, довольно сложен. Этот вид текстов начинает бурно развиваться в Англии после Нормандского завоевания (Clanchy M. *From memoгу...* P. 32–46 et al.), а на Руси – со второй половины XV в. Достаточно вспомнить, что к этим периодам относится в обеих странах составление обширных кадастров – Книги Страшного суда (и связанных с ней описей последней трети XI в. – «малых книг Страшного суда») и первых писцовых книг (конец XV в.) (ср.: Каштанов С.М. *К теории...* С. 162). Для интересующего же нас периода к делопроизводству можно отнести лишь отдельные, не очень многочисленные и не очень пространные документы.

Применительно к Англии это ряд документов, большинство из которых написаны на свободных листах пергаменных кодексов церковного содержания. Относятся эти документы к периоду с IX по середину XI в., причем большинство – к концу X – XI в. (см. подробнее и отсылки к публикациям и литературе: Гимон Т.В. *Историописание...* С. 61–62). Также в качестве делопроизводственных документов можно рассматривать королевские послания (распоряжения, «writs»), начинающиеся с формулы приветствия. Первые два документа такого рода сохранились от эпохи короля Этельреда Нерешительного (993–1016), а большинство – к XI в. Кроме того, о существовании некоторых англо-саксонских делопроизводственных документов как будто упоминается в Книге Страшного суда и других источниках посленормандского времени (Clanchy M. *From Memoгу...* P. 29–31).

На Руси «делопроизводственными» можно, пожалуй, назвать некоторые из берестяных грамот (прежде всего, учетные записи – росписи долгов, повинностей, имущества, владений и т.д., но также и некоторые группы деловых писем, которые можно рассматривать как прообраз позднейшей служебной переписки, распорядительной, отчетной документации и т.п.). Большинство документов такого

рода по своему происхождению частные, но некоторые можно отнести и, так сказать, к государственной сфере (например, грамоты № 718, XIII в.). Также к делопроизводству можно отнести часть документов XIV в. из московской находки 1843 г. (Кучкин В.А. Кремлевская находка 1843 г. // Вестник истории, литературы и искусства. М., 2010. Т. 7. С. 299–312). В некоторых случаях можно предположительно говорить об упоминании в источниках делопроизводственных документов: «мех» (?) и «писец» статьи 74 Пространной Правды, «руб» и «зеребе» (разверстка повинностей) берестяной грамоты № 99 (XIV в.), «светки»/«свертки» московских актов XIV в., летописные известия о татарских переписях (некоторые данные см. также: Каштанов С.М. О написании и удостоверении княжеских актов // Российское самодержавие и бюрократия: Сб. ст. в честь Н.Ф. Демидовой. М.; Новосибирск, 2000. С. 29–30; Франклин С. Письменность, общество и культура в Древней Руси (около 950–1300 гг.). СПб., 2010. С. 306–322).

Таким образом, зачатки делопроизводства, простейшие документы такого рода видим и в Англо-Саксонской Англии, и в Древней Руси. Вряд ли применительно к обеим странам можно говорить о развитом делопроизводстве, хотя, конечно, текущая делопроизводственная документация, если она была, имела наименьшие шансы сохраниться до нашего времени (Clanchy M. From Memory... P. 28, 32).

Письма. Это, несомненно, один из самых распространенных почти во все времена видов письменных текстов. В Англо-Саксонской Англии древнейшее сохранившееся в оригинале письмо относится к 704/5 г. и отправлено епископом Лондонским архиепископу Кентерберийскому. Письмо написано на листе пергамента и представляет собой, помимо прочего, ценный источник по политической истории Англии того времени (Chaplais P. The Letter from Bishop Wealdhere of London to Archbishop Brihtwold of Canterbury: the earliest original 'letter close' extant in the West // *Medieval Scribes, Manuscripts & Libraries: Essays presented to N. R. Ker*. L., 1978. P. 3–23). Еще более ранние послания англо-саксов процитированы или упомянуты в нарративных источниках. В целом, до нас дошло довольно большое число англо-саксонских писем. Главным образом, это переписка деятелей церкви, сохранившаяся в составе специальных рукописных подборок, но есть, например, небольшое письмо на древнеанглийском языке (от архиепископа Вульфстана к королю

Кнуту и королеве Эльгифу, 1020 г.), помещенное в одной из рукописей Евангелия (см. подробнее об англо-саксонских письмах: Гимон Т.В. *Историописание...* С. 63–64). Можно вспомнить и про уже упоминавшиеся королевские послания («writs»). Они имеют характерный для писем начальный протокол (приветствие), однако, в отличие от «классического» письма, не предполагают ответа. Писем «обычных людей» раннесредневековая Англия нам не оставила; если они существовали, то неизвестно, на каком языке и на каком материале составлялись.

Напротив, благодаря берестяным грамотам нам доступны сотни древнерусских писем XI–XV вв., среди которых есть как деловые (распоряжения, донесения и др.), так и сугубо личные. Несомненно, письма составлялись и на пергамене. Так, берестяная грамота № 831 (XII в.) представляет собой черновик письма Кузьмы к Рагуилу, в конце которого содержится просьба, адресованная Степану: «А ты, Степане, пьрьпесаво на харотитию, посьли жь...». Некоторое количество посланий представителей древнерусской элиты и церковных деятелей сохранилось в списках и в составе других текстов (например, письмо Владимира Мономаха Олегу Святославичу в составе Лаврентьевской летописи). Кроме того, одна из рукописей Евангелия XIV в. содержит приписку эпистолярного характера – своего рода «сопроводительное письмо», а еще три записи на книгах XIV в. содержат начало адресной формулы и, таким образом, тоже условно могут быть отнесены к эпистолярным (Столярова Л.В. *Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV веков.* М., 2000. С. 224, 355, 361, 426, № 219, 351, 361, 482).

Историописание. Этот несколько условный термин удобен, на мой взгляд, как обобщающее название тех текстов, основное содержание которых составляет изложение исторических событий. Разновидностями историописания являются анналы, хроники, летописи, «истории», исторические записи на пасхалиях, перечни и генеалогии правителей и др. Развитие историописания в Англии и на Руси обнаруживает множество параллелей, которым посвящена моя книга (Гимон Т.В. *Историописание...*). Приведу здесь важнейшие выводы этого исследования.

Историописание возникает и в Англии, и на Руси в весьма ранний период. В королевстве Нортумбрия в начале VIII в. монахом Бедой Достопочтенным были созданы «Церковная история народа

англов» (повествование об истории англо-саксонских королевств и их христианизации), два сочинения по всемирной истории («Малая хроника» и «Большая хроника») и труд по истории родного монастыря Беда («История аббатов Веармута и Ярроу»). С этими трудами связано и возникновение целого ряда «малых форм историописания»: перечней королей и епископов (при этом перечень королей Нортумбрии, очевидно, существовал и до Беда), кратких анналов, исторических записей на пасхалиях и др. На Руси мы не знаем такой личности, как Беда, однако очевидно, что важнейшие формы историописания тоже зародились весьма рано – наверное, в XI в. Именно тогда возникает летописание (а еще раньше пишется, по-видимому, некое связанное повествование о начальной истории Руси, которое можно сопоставить с трудом Беда); появляются переводы греческих хроник и, возможно, первый хронограф; создаются полное исторической рефлексии «Слово о законе и благодати» Илариона и краткие хронологические заметки в «Памяти и похвале» Иакова Мниха»; на мой взгляд, концом XI в. можно датировать древнейшие перечни князей и церковных иерархов (Гимон Т.В. Новгородские перечни князей и архиепископов как исторический источник (сведения за XI в.) // Новгородика-2010: Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. В. Новгород, 2012 (в печати)). Таким образом, уже очень скоро после христианизации и в Англии (точнее, в королевстве Нортумбрия, крестившемся в 627–664 гг.), и на Руси появляется довольно много исторических текстов – как кратких, так и пространных; идет, если так можно выразиться, интенсивный поиск наиболее подходящих форм записи исторических событий.

В дальнейшем, однако, и в Англии, и на Руси на первый план выдвигается одна форма исторического повествования, причем в Англии и на Руси она практически совпадает. Речь идет об анналистике/летописании. Англо-саксонские анналы (так называемая Англо-Саксонская хроника) и древнерусские летописи чрезвычайно схожи не только по форме и кругу интересующих их авторов событий, но и по особенностям их истории. В обоих случаях мы видим некое начальное ядро (Уэссекс, конец IX в.; Киев, конец XI – начало XII в.), которое легло в основу летописания разных городов и монастырей. В различных центрах чередовались периоды систематического пополнения летописи и периоды, когда летописание не велось. Летопись конкретного центра могла долгое время вестись

независимо от летописания других городов (как, например, в Новгороде на протяжении большей части XII–XIV вв.), а могла регулярно заимствовать материалы из другой летописи, ведшейся параллельно. Каждая дошедшая до нас рукопись и в Англии, и на Руси имеет сложную историю и отражает итог работы множества летописцев, ведших погодные записи, соединявших разные источники, делавших приписки и исправления и т.д.

Наряду с анналами/летописями в Англии и на Руси существовали и иные формы историописания, но они не представляли собой столь устойчивых и разветвленных традиций. Это и биографии правителей (жизнеописания Альфреда и Кнута, Александра Невского и Довмонта Псковского), и другие опыты «связной» истории (хроника Этельвеарда, «Историческая компиляция» Бирхтферта, Галицко-Волынская летопись), и труды по церковной истории (целый ряд памятников в Англии и Киево-Печерский патерик), и летописные записи на пасхалиях, и «малые хроники», и перечни правителей, и краткие записи о церковной истории. Даже первый опыт «автобиографии» в Англии и на Руси во многом схож («автобиографии» Беда и Владимира Мономаха). Важнейшими же различиями являются отсутствие в Англии аналога древнерусским хронографам, а на Руси – англосаксонским королевским генеалогиям.

Сохранившиеся письменные источники по истории Англо-Саксонской Англии и Древней Руси, разумеется, не сводятся к рассмотренным нескольким видам. Так, я не рассматривал здесь специально весь пласт церковной письменности: богослужебные тексты, библейские книги, их переводы, переложения, комментарии к ним, апокрифы, святоотеческую и учительную литературу, агиографию, церковные календари, помянники и т.д. Все эти категории текстов могли бы быть весьма любопытными объектами для сопоставления.

Что касается прочих текстов важно отметить, что Русь не донесла до нас столь большого пласта героической и прочей поэзии, каковой характерен для Англо-Саксонской Англии. Почти не характерно для Руси «пергаменного» периода и создание трудов по грамматике и словарей, тогда как в Англии появление таких текстов диктовалось наличием письменности на двух языках (латыни и древнеанглийском) и, главное, тем, что богослужение велось на латыни – языке, непонятном большинству населения без специального изучения. Еще одно любопытное различие касается записей писцов на книгах: они имеются и в Англии, и на Руси, но, насколько можно судить,

древнерусские писцы оставляли такие записи намного чаще, чем их англо-саксонские коллеги.

В настоящем докладе были лишь пунктирно намечены некоторые параллели и, наоборот, различия в корпусе письменных текстов, сохранившихся от Англо-Саксонской Англии и Древней Руси. Полагаю, что эти сходства и различия заслуживают более глубокого и внимательного изучения.

Н.А. Комочев (Москва)

СОВРЕМЕННАЯ ДИПЛОМАТИКА В ГЕРМАНИИ – ПОДХОДЫ И НАПРАВЛЕНИЯ

О признании работ С.М. Каштанова по дипломатике и актовой археологии за рубежом свидетельствует то, что они рассматриваются западными исследователями в контексте европейской историографии (Bautier R.-H. *Les orientations de la diplomatie en Europe depuis la fin de la seconde guerre mondiale // Cento anni di cammino. Scuola vaticana di paleografia, diplomatica e archivistica. Citta' del Vaticano, 1986. P. 144.*; Hlaváček I. *Z nových zahraničních diplomatických publikací // Sborník archivních prací 1, ročník LX. Praha, 2010. S. 290, 299–300.* См. также рецензии на разных языках: Королева С.Ю. *Список печатных трудов С.М. Каштанова // Проблемы источниковедения (далее – ПИ). М., 2010. Вып. 2 (13). С. 413–440.*

Историография современной европейской дипломатики неизменно остается в центре научных интересов С.М. Каштанова (См., напр.: Каштанов С.М. *Актуальные проблемы дипломатики // ПИ. М., 2006. Вып. 1 (12). С. 469–476.*; Он же. *Дипломатика // Православная энциклопедия. М., 2007. Т. XV. С. 381–389.*

В этой связи представляется актуальным рассмотреть основные особенности современного состояния дипломатики в Германии – стране, традиционно принадлежащей к числу мировых лидеров в области изучения актов.

В историографии утвердилось практика подведения предварительных итогов развития дипломатики в форме обобщающих статей, авторами которых были признанные в этой области специалисты (Fichtenau H. *Zur Lage der Diplomatie in Österreich // Fichtenau H. Beiträge zur Mediävistik. Ausgewählte Aufsätze. Stuttgart, 1977. S. 1–17.*; Brühl C. *Derzeitige Lage und künftige Aufgaben der Diplomatie //*

Idem. *Aus Mittelalter und Diplomatie. Gesammelte Aufsätze.* Hildesheim, München, Zürich, 1989. Bd. II. S. 463–473.; Guyotjeannin O. *La diplomatie en France* // *Archiv für Diplomatik, Schriftgeschichte, Siegel- und Wappenkunde* (далее – AfD). 2006. Bd. 52. S. 479–492). Аннотированный обзор исследований по дипломатике за 1993–2006 гг. см.: Guyotjeannin O., Pyske J., В.-М. Ток. *Diplomatique médiévale.* Brepols, 2006. P. 419–455).

О современной дипломатике в Германии писал Тео Кёльцер (*Kölzer T. Diplomatie und Urkundenpublikationen* // *Historische Hilfswissenschaften. Stand und Perspektiven der Forschung.* Köln, Weimar. Wien, 2005. S. 7–34. Ср. также: Idem. *Die Historischen Hilfswissenschaften – gestern und heute* // AfD. 2008. Bd. 54. S. 205–222).

Т. Кёльцер принадлежит к числу тех авторов, которые отстаивают право существования дипломатии и других исторических дисциплин как самостоятельных научных направлений и считают подготовку квалифицированных изданий актов одной из приоритетных задач дипломатии.

Как о большой проблеме Т. Кёльцер говорит о снижении объемов преподавания дипломатии и других «вспомогательных исторических дисциплин» в Германии, где только 10 % высших учебных заведений еще недавно имели их в своих программах (зимний семестр 2002/03 уч. г.). Впоследствии произошло еще большее сокращение. В новой системе бакалавр-магистер специальные исторические дисциплины не находят себе места. При этом значительное число выпускаемых университетами специалистов-историков за время обучения не сталкивались с вспомогательными историческими дисциплинами. Дефицит подготовленных историков-архивистов в Германии уже давно отмечается как серьезная проблема (*Rasch M. Hilflöse Historiker in Archiven. Bemerkungen über Defizite in der derzeitigen Historikerausbildung Westdeutschlands* // *Archiv und Wirtschaft.* Bd. 28. 1995. S. 114–117). Недавно этот вопрос вновь был поднят в связи с подготовкой публикаций грамот отдельных регионов (*Jurek T. Schlesische Urkundenbücher und Schlesisches Urkundenbuch – Geschichte und Perspektiven der Urkundenpublikationen zu Schlesien* // *Regionale Urkundenbücher.* St. Pölten, 2010. S. 176).

Во времена М. Тангля (начало XX в.) вспомогательные исторические дисциплины в университетах Германии занимали более заметное место, чем теперь (*Schaller A. Michael Tangl (1861–1921)*

und seine Schule. *Forschung und Lehre in den Historischen Hilfswissenschaften*. Stuttgart, 2002. S. 10). К. Брюль заметил, что и по количеству изданий актов конец XX в. отстает от начала столетия (Brühl С. *Op. cit.* S. 466). Гораздо благоприятнее, чем в Германии, по мнению Т. Кёльцера, обстоит дело в Италии, Испании, Франции и Чехии.

Развитие дипломатики связано с преобладающими направлениями в исторической науке. В этой связи Т. Кёльцер замечает, что пока немецкая медиевистика, как сложилось традиционно, ориентирована главным образом на политико-правовые аспекты, дипломатика найдет в ней свое место. При этом нужно помнить о том, что нет «другого» средневековья, есть только разные аспекты одной эпохи. Однако в последние десятилетия получили развития новые направления в исторической науке, которые заставляют дипломатику бороться за право своего существования и ставят перед ней новые задачи.

В историографии отмечалось, что в XX в. медиевистика в области своих основных интересов шла от политической истории и истории права к социальной истории, а затем к изучению отдельных представителей общества с их «культурой» (Goetz H.-W. *Moderne Mediävistik. Stand und Perspektiven der Mittelalterforschung*. Darmstadt, 1999. S. 382). По словам Т. Кёльцера, начало разработки новых направлений, прежде всего школы «Анналов», в Германии совпало с началом упадка традиционных вспомогательных исторических дисциплин, это явление приобрело и общемировые масштабы (Kölzer Т. *Diplomatik und Urkundenpublikationen...* S. 11).

Дипломатика в ее классической форме воспринимается Т. Кёльцером как хорошая основа исторической науки, в отличие от возникших в последнее время направлений (Iggers G.G. *Zur «Linguistischen Wende» im Geschichtsdnken und in der Geschichtsschreibung // Geschichte und Gesellschaft. Zeitschrift für Historische Sozialwissenschaft*. Nr. 21. Heft 4. Okt.-Dez. 1995. S. 557–570.; Schöttler P. *Wer hat Angst vor dem «linguistic turn»?* // *Ibid.* 1997. Nr. 23. S. 134–151.; Roeck В. *Visual turn? Kulturgeschichte und die Bilder // Ibid.* 2003. Nr. 29. S. 294–315).

Появление новейших подходов неизбежно, поскольку связано с общим развитием исторической науки. Весь вопрос состоит в том, насколько новый взгляд окажется эффективным в актовом источниковедении. Дипломатика в этой ситуации остается

надежным компасом, без которого по-прежнему невозможны фундаментальные исследования средневековой истории.

Кризис, в котором оказалась дипломатика в начале 1960-х гг., связанный, как казалось, с истощением материала и методов исследования, является мнимым, и даже в Германии, где издания актов имеют давние и прочные традиции, по словам Т. Кёльцера, осталось немало белых пятен.

Сам Т. Кёльцер остается верен идее отнесения актов к «остаткам», в противоположность «традиции», а главную задачу по-прежнему видит в источниковедческой оценке актов (См. также: Кёльцер Т. Император Людовик Благочестивый (814–840) в зеркале его грамот // ПИ. М., 2010. Вып. 2 (13). С. 9–10). Акты в этом случае остаются основным средством контроля достоверности сведений других источников.

В тематике немецких дипломатических исследований происходят свои изменения. Когда К. Брюль в конце 1980-х гг. фиксировал состояние развития дисциплины, он отметил, что появление обобщающих трудов, подобных работам Бресслау, Жири, Редлиха или Буара в новейшее время трудно представить. Исследования стали более специальными и посвящены они либо изданию грамот, либо изучению определенной группы грамот или фонда. В качестве отдельного направления К. Брюль называл изучение канцелярий. Работы Фихтенау и Вольфрама, выходящие за рамки названных трех направлений, К. Брюль оценивал высоко, но не видел в них кардинально нового и перспективного для дипломатики пути (Brühl C. Op. cit. S. 468–469).

Позднее Г. Фогелер назвал три «ветви» классической дипломатики – выработка критериев разграничения подлинных и подложных актов; критическое издание актов и, наконец, история канцелярий (Vogeler G. Vom Nutz und Frommen digitaler Urkundeneditionen // AfD. Köln, Weimar, Wien, 2006. Bd. 52. S. 450–451). В этой схеме чувствуется влияние К. Брюля.

Издание грамот составляет тему, заслуживающую специального рассмотрения. Большой интерес вызывают вопросы электронных публикаций средневековых актов (Fiebig A. Urkundentext. Computergestützte Auswertung deutschsprachiger Urkunden der Kuenringer auf Basis der eXtensible Markup Language (XML). Leinfelden-Echterdingen, 2000.; Sahle P. Urkunden-Editionen im Internet. Einführung und Überblick // AfD. Köln, Weimar, Wien, 2006.

Bd. 52. S. 429–448.; Vogeler G. Vom Nutz und Frommen digitaler Urkundeneditionen // Ibid. S. 449–466).

Необходимость факсимильных изданий, а также возможностей работы с электронными копиями документов неоднократно подчеркивались. Так, еще в 1990-е гг. Франк М. Бишоф отметил, что метод вспомогательных исторических дисциплин в своей основе остается неизменным – сопоставление возможно большего числа источников, а для такого сравнения необходимы изображения источников (Bischof F.M. *Unterwegs Statistik und Datenverarbeitung in den Historischen Hilfswissenschaften // Mabillons Spur. Marburg an der Lahn*, 1992. S. 23–25).

Внимание историографии определенно сместилось в сторону изучения индивидуальных особенностей происхождения грамот. Значительно корректируется классическое представление о строго организованной средневековой канцелярии. С другой стороны, ставится вопрос о применения методов дипломатики к актам позднего средневековья и нового времени, до сих пор мало изученным (Каштанов С.М. *Актуальные проблемы дипломатики...* С. 472–474).

В качестве примера успеха современной дипломатики Т. Кёльцер называет исследование Ганса-Геннинга Кортюма, который, рассматривая язык папских актов конца IX – середины XI вв., пришел к выводу, что формулировки петиции и диспозиции (то есть самых неформальных компонентов актового формуляра) очень сильно зависели от получателя, который, таким образом, непосредственно участвовал в составлении грамоты.

Традиционный взгляд на организацию средневековой канцелярии пересматривает и Вольфганг Хушнер. Реальный процесс составления акта был менее формальным и проходил гораздо проще, чем думали до сих пор. Классическая трехступенчатая модель королевской канцелярии (Т. Зиккель) на практике не работала (Каштанов С.М. *Актуальные проблемы дипломатики...* С. 473).

В исследовании Р. Цетмайера, посвященном светской дипломатике XI–XIV вв., значительное внимание уделено реальной практике составления грамот и деятельности нотариев, состоявших на службе знатных родов (Zehetmayer R. *Urkunde und Adel. Ein Beitrag zur Geschichte der Schriftlichkeit im Südosten des Reichs vom 11. bis zum frühen 14. Jahrhundert. Wien, München, 2010*)

Т. Фогтгерр отметил, что грамоты редко возникали по желанию их составителя, гораздо чаще инициатива исходила от получателя.

Термин же канцелярия – введен исследователями и говорить о канцелярии в близком современному пониманию значении можно только с начала XIII в. (Vogtherr T. *Urkunden und Akten // Aufriß der Historischen Wissenschaften*. Stuttgart, 2002. Bd. 4. S. 151, 153).

Характерно обращение к изучению лиц, влиявших на составление грамот, в частности, «просителей» (Theuerkauf G. *Einführung in die Interpretation historischer Quellen. Schwerpunkt: Mittelalter*. Paderborn, München, Wien, Zürich, 1991. S. 116).

Особняком стоит так называемая школа «дипломатической семиотики» П. Рюка, представители которой основное внимание уделяют изучению внешней формы грамот (Каштанов С.М. *Актуальные проблемы дипломатики...* С. 470, 472.; Комочев Н.А. *Марбургская школа П. Рюка в современной дипломатике // Историография источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. Мат-лы XXII межд. науч. конф. М., 2010. С. 259–262*).

У истоков данного направления стоял Г. Фихтенау, который, в отличие от Т. Зиккеля, разъяснявшего внешние особенности грамот с современной ему точки зрения, рассматривал акт как продукт своей эпохи. Говоря о хризмоне как форме символической инвокации, Г. Фихтенау писал, что он наделял акт (с точки зрения средневекового человека) магической силой, а тиронские знаки придавали грамоте «таинственный и волшебный характер» (Fichtenau H. *Mensch und Schrift im Mittelalter*. Wien, 1946. S. 6–7, 109–110).

Направление П. Рюка подходит к акту в первую очередь как визуальному объекту, «плакату средневековья». Формат листа, расположение текста, место закрепления печати, особенности шрифта и т.д. рассматриваются как некая система кодов, понятная человеку далекой эпохи, но требующая расшифровки современным исследователем (Worm P. *Ein neues Bild von der Urkunde: Peter Rück und seine Schüler // AfD*. 2006. Bd. 52. S. 335–352).

Несмотря на большой интерес к «дипломатической семиотике», имеются и критические отзывы. Т. Кёльцер отметил, что представление акта как системы языковых, графических и других знаков, визуальной риторики подвержено большой доли субъективизма и неоднозначности. Акт – в первую очередь правовой документ, а не криптограмма, требующая своей разгадки (Kölzer T. *Diplomatik und Urkundenpublikationen...* S. 20–22).

Названные подходы в историографии уже нашли отражение в новой учебной литературе. Отметим книгу Т. Фогтгерра (Vogtherr Th.

Urkundenlehre. Basiswissen. Hannover, 2008), автор которой сам определил задачу своей книги как «краткое введение» в дипломатику (Ibid. S. 7). Это первый после классической работы Г. Бреслау учебник по дипломатике в Германии. В книге Т. Фогтгерра нашли отражение не только классические направления, но и «дипломатическая семиотика» П. Рюка. Проводится мысль, что акт можно рассматривать и как правовой документ, и как произведение искусства. Автор также отметил проблему конкуренции в одном лице дипломатиста (с формальным подходом к акту) и исследователя грамот, который через акты подходит к решению общеисторических вопросов (Ibid. S. 17). Данная антитеза-симбиоз вошла в историографию благодаря Г. Фихтенау (Fichtenau H. *Diplomatiker und Urkundenforscher // Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung*. Wien; München, 1992. Bd. 100. Heft 1–4. S. 9–49).

Таким образом, несмотря на имеющиеся трудности, связанные в первую очередь с подготовкой специалистов, Германия продолжает оставаться в авангарде мировых дипломатических исследований, чему свидетельство издания и исследования последних лет. Многие в историографической традиции, организации учебной и научной жизни сближает немецкую дипломатику с отечественной наукой, что позволяет нам учитывать западный опыт.

Нельзя не согласиться с Т. Кёльцером в том, что метод дипломатики, заложенный Мабильоном и Зиккелем, в своей основе остается неизменным – сравнение, анализ и понимание источников. (Kölzer T. *Diplomatik und Urkundenpublikationen...* S. 27). С этой точки зрения дипломатика не может испытывать глубокого кризиса, поскольку возможности изучения даже одного и того же источника практически безграничны, не говоря о происходящем введении в научный оборот новых актов.

Как правило, все крупные исследования по дипломатике в последние годы обязаны своим появлением работе по подготовке к изданию документов в традиционной или электронной форме и либо предшествуют изданию, либо выходят вслед за ним. Это свидетельствует о глубокой профессионализации актовой археографии в Германии и вхождении ее в состав дипломатики, что в меньшей степени наблюдалось и раньше.

С другой стороны, названная тенденция свидетельствует о большой потребности в новых с точки зрения материала и его научного осмысления публикациях актов. Возможности Интернета делают

вполне возможной реализацию в недалеком будущем полного издания актов средневековой Европы (факсимиле, транскрипция, научно-справочный аппарат и поиск). При этом новые возможности несут с собой и новые проблемы, поэтому традиционные издания будут сохранять свое значение. Об успешном будущем публикаций грамот свидетельствует также наличие всех возможностей для международных изданий.

Подготовка фундаментальных изданий грамот всегда была признаком начала нового этапа в развитии дипломатики. Представляется, что Германия с ее богатыми историографическими традициями и ценными документальными собраниями в деле изучения и издания актов стоит сейчас в начале нового пути.

Е.А. Мельникова (Москва)

«КЛЯТВА МИРА» В СКАНДИНАВСКИХ ИСТОЧНИКАХ И КЛЯТВЫ ДОГОВОРОВ С НОРМАННАМИ

Принесение клятв как в скандинавском, так и в любом другом средневековом обществе было неотъемлемой процедурой в огромном числе ситуаций. Вновь избранный конунг должен был принести клятву (*eiðr*) соблюдать законы области на областных тингах, клятвами сопровождалось заключение различного рода соглашений, присяга широко применялась в судопроизводстве (например, *dular-eiðr* – клятва при отказе от иска, *jafnaðar-eiðr* – клятва, подтверждающая согласие с наложенным штрафом, клятвы соприсяжников и др.). Тексты клятв, судя по неоднократно упоминаемым в сагах случаям, были фиксированными. В одном из судебных процессов на альтинге в Исландии слова клятвы подсказываются ее участникам третьим, более сведущим, лицом («Обе стороны поклялись соблюдать мир. Няль подсказывал им слова клятвы»). В другом случае свидетели озабочены, правильно ли были произнесены слова клятвы («Хорошо ли Глум сказал клятву?»).

Особое общественное значение имели клятвы, произносимые при установлении мира между противниками. Только «правильное» произнесение их могло гарантировать прекращение распри. Поэтому в сагах отмечается не только строго регламентированный характер процедуры, но и самого формульного текста клятвы, который обозначался специальным термином – *eiðstafr*. Более того, в не-

скольких случаях приводится и сам текст такой «клятвы мира» (*frið-eiðr*). Наиболее развернут и показателен текст клятвы в «Саге о битве на пустоши». Завершая очередную кровопролитную распрю, герои должны произнести «клятву мира», однако одна из сторон, наиболее заинтересованная в достижении согласия, стремится уточнить формулировку клятвы и обращается к Торгислу, который прославился знанием ритуалов: «ни один человек не говорит удачнее тебя клятвы о мире и не завершает тяжбы», утверждает один из самых влиятельных исландцев того времени, Снорри Годи, уговаривающий Торгисла произнести текст клятвы.

«Вот начало нашей клятвы, и оно в том, что все равны перед богом. Мы должны быть также равны и друг перед другом и доверять другому за брагой и за брашном, на тинге и на торге, в кирке божьей и в конунговых палатах, и везде, где встречаются люди, мы должны вести себя так, как если между нами никогда не было распри. Мы будем делить клинок и кровавое мясо и все, что у нас будет, как сродники, а не как супостаты. А если распря случится между нами, то пусть звенят деньги, а не летят дроты, а если кто из нас нарушит слово сговора и подымет на порукой укрытого, то влачить ему дней остаток, как волку повсюду, где люди вдаль волков отгоняют, рабы Христа в церковь ходят, язычники капище освящают, огонь вверх подымается, земля травой покрывается, сын зовет мать, ладья скользит по волнам, блестят щиты, свет солнца растапливает снег, финн бежит на лыжах, сосна ввысь тянется, ворон парит весенним днем, пусть ветер дует ему под оба крыла, небо вращается, мир заселяется, ветер веет, вода из озер вытекает в море, а селяне рожь сеют. Нет ему места в церквях и среди христиан, в доме Бога, и в доме бонда, и нет у него иного приюта, кроме Нифльхейма. Да поручится каждый из нас перед другом за себя и своих потомков, рожденных и нерожденных, славных и бесславных, именитых или безвестных, и да встретит он веру и верность навеки, верность во всем и перед всеми, и пусть ее не убудет, пока живы люди и твари земные.

Теперь мы равны и сговорены, и встретимся ли на суше, или на стрежне, на струге или на снегу, в соленых волнах или в седле, у переправы или у пробоины в борте, на гребной скамье или на палубе, мы поможем друг другу в нужде, как сын отцу, или как отец сыну, во всем. Протянем же в знак дружбы друг другу руку, и останемся друг другу верны по воле Христа и по желанию всех, внимающих сейчас слову сговора. Тому милость Бога, кто будет верен, и гнев Бога тому, что порвет с нашим правым делом, и милость тому, кто верен. Закончено наше слово, и да будем равны перед богом».

Составленная, возможно, ок. 1200 г., «Сага о Битве на Пустоши» несет отпечаток христианской культуры и исландских реалий XIII в., что сказывается в тексте клятвы, прежде всего, в апелляциях к Христу и Богу. Однако в своей основе она, безусловно, восходит к устной традиции, о чем свидетельствуют, в том числе, многочисленные парные аллитерирующие формулы, и сложилась в языческое время, на что указывают упоминания о капище, Нифльхейме и др.

К «клятве мира» скандинавы прибегали не только при разрешении внутренних конфликтов, но и при заключении соглашений с правителями других стран во время викингских походов. Франкские анналы и англо-саксонские хроники, равно как и тексты русско-византийских договоров отмечают, что норманны приносят клятву «по своим обрядам и обычаям» (*secundum ritum ac morem suum*), «по вере и по закону нашему» (907 г.), «по закону и по покону языка нашего» (911 г.). Отдельные формулировки «образцовой» клятвы, произнесенной Торгислом, воспроизводятся в сохранившихся текстах договоров. Так, в договоре Альфреда с Гутрумом (между 878 и 886 гг.) действие клятвы также распространяется на «всех рожденных и нерожденных», в русско-византийских договорах бессрочное действие договора также определяется существованием мира и солнца: «дондеже съяет солнце и весь миръ стоять» (944), одной из санкций является десоциализации виновного «да будет раб в весь век в будущий» (944. Ср.: «влачить ему дней остаток, как волку повсюду»).

Принципиальное отличие «законов» и «обычаев» скандинавов от норм общих для всего христианского мира осознавалось и во Франкской империи, и в Англии, и в Византии, и это отличие повсеместно учитывалось в отношениях с ними, в том числе и при заключении договоров. Процедура клятвоприношения, гарантировавшая соблюдение условий соглашения, должна была опираться на систему верований каждой из сторон и использовать такие клятвы, которые были бы максимально действенны, одни – в контексте христианской, другие – древнескандинавской языческой культуры.

В.Д. Назаров (Москва)

ГРАМОТЫ НАГИХ XVI СТОЛЕТИЯ: ЗАГАДКИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Нагие в XVI – начале XVII в. – это две ветви одной фамилии (старшая ветвь уже в третьем колене разделилась на три линии), четыре поколения и более четырех десятков исторических персоналий, деятельность которых запечатлелась в источниках эпохи, порой достаточно подробно. Будучи тверским по происхождению боярским родом (но не слишком значимым в Тверском княжестве), Нагие рано и сравнительно успешно вписались в среду второстепенной российской знати (титулованной и нетитулованной), они достаточно прочно связали себя с придворными кругами в рамках дворцово-путных ведомств и в структурах двора московских государей. Разумеется, служебные биографии и землевладельческие позиции Нагих реконструируются преимущественно по разным материалам: карьерные достижения и провалы отразились в делопроизводстве Разрядного и Посольского приказа, Казны, других центральных ведомств, их земельная собственность, операции с ней фиксировались в частных и официальных актах, а также в различной документации писцовых описаний.

Наше обращение именно к грамотам Нагих порождено двумя обстоятельствами. Во-первых, ряд их актов вызывает недоумение и сомнения даже при первом беглом ознакомлении с ними. Причем эти грамоты связаны с именами наиболее известных лиц из числа Нагих или чаще других упоминаемых в текстах источников. Имеем в виду боярина Федора Михайловича Нагова и его двоюродного племянника из младшей ветви фамилии, Ивана Григорьевича. Во-вторых, актовое источниковедение вот уже многие десятилетия является актуальным и весьма результативным направлением отечественной исторической науки в области русского Средневековья. В его русле труды С.М. Каштанова, посвященные прежде всего дипломатике древнерусских актов, стали классическими. Вот почему автор считает своим приятным долгом представить на юбилейную конференцию текст в рамках названной проблематики.

Был ли долгожителем Федор Михайлович Нагой?

Сохранилась данная грамота Федора Михайловича властям Троице-Сергиева монастыря на свою вотчину в Микулинском стану Тверского уезда с датой 7104 г., иначе говоря, между 1 сентября

1595 г. и 31 августа (включительно) 1596 г. Первое его индивидуальное служебное назначение известно: в январе 1520 г. он доставил грамоту Василия III в Смоленск, т.е. ему в этот момент было никак не менее 15–16 лет, и, следовательно, родился Федор Михайлович не позднее 1504 или 1505 г. В таком случае, если не продолжать дальнейших разысканий, его следует признать редчайшим для его социального круга исключением: ко времени оформления им вклада его возраст заметно превышал 90 лет.

Но служебная биография Ф.М. Нагово реконструируется достаточно надежно благодаря сравнительно многочисленным указаниям на его военные, дипломатические, административные и судебные назначения. Он унаследовал от отца должность главы великокняжеского Ловчего пути (известен на этом посту осенью 1533 г. и весной 1542 г., но, скорее всего, оставался первым ловчим вплоть до 1547 г.). Весной или летом 1547 г. он был пожалован думным чином окольничего и с этого времени вплоть до весны 1560 г. Федор Михайлович получал не менее 2–3 назначений или поручений почти ежегодно. На рубеже 1559–1560 г. он стал боярином (в XVI в. это единственный случай среди Нагих) и в этом высшем думном чине он присутствовал 25 апреля 1560 г. на вынесении приговора царем Иваном Грозным в поземельном процессе. Затем, вплоть до 1595/96 г. нам не известен ни один факт из личной или служебной биографии Федора Михайловича, хотя в целом ряде случаев, будь он жив, его упоминание было практически обязательным. Это назначения осени 1562 – зимы 1563 г. в разряде похода на Полоцк и в связи с ним, это летний земский собор 1566 г., это упоминание в учетной документации двора конца 1570-х – конца 1580-х гг. И самое существенное – его имени нет в разряде свадьбы Ивана IV с его внучкой Марией Федоровной Нагой в октябре 1580 г. Тридцатью же годами ранее, в мае 1550 г. Федор Михайлович выполнял ответственную роль дружки удельного князя Владимира Андреевича Старицкого, женившегося на его племяннице Евдокии Александровне Нагой. Итак, факты служебной и личной биографии Ф.М. Нагово порождают серьезные сомнения в аутентичности его вкладной грамоты.

Впрочем, формуляр акта в целом традиционен и, по видимости, создает впечатление подлинного документа. Скорее всего, из этого исходили Л.А. Кириченко и М.С. Черкасова, трактуя грамоту в качестве реального текста конца XVI в. и классифицируя его по ряду

статей (о возможности пострига вкладчика в Троице-Сергиев монастырь, о его погребении на монастырском кладбище, о проживании вкладчика в передаваемой им в обитель вотчине вплоть до своей смерти и т. п.) в ряду других аналогичных и притом подлинных документов. Правда, некоторые особенности формуляра вызывают настороженность: отсутствует статья с обязательством дарителя зафиксировать вклад в Поместной избе (эта клаузула постепенно распространяется с рубежа 1560–1570-х гг.), акт адресован на имя архимандрита, хотя в 1590-е годы более привычно обращение к настоятелю и группе соборных старцев (келарю, казначею, соборному старцу Варсонофию Якимову) и т. п. Добавим, кстати, что Федор Михайлович в отличие от Г.И. и И.Г. Нагих (см. ниже) так и не был погребен в Троицкой обители.

Анализ топонимов вкладной грамоты усиливает сомнения в ее подлинности. В ней перечислены 18 пустошей, 14 из которых идентифицируются по более ранним писцовым материалам. Так в книге 1551–1554 гг. фигурирует село Шишково с пятью тянущими к нему деревнями. Комплекс был вотчиной В.А. Левашова (из известного тверского боярского рода), но к моменту описания перешел (скорее всего, путем покупки) к Ф.М. Нагому, причем одна деревня осталась в собственности у вдовы Левашова и двух их малолетних сыновей. В документе 1595/96 г. эти топонимы открывают перечень пустошей, отдаваемый в Троицкую обитель. Большинство других пустошей отыскивается в писцовой книге 1539/40 г. В ней в поместье за Ф.М. Нагим числится село Пыхино с 22 деревнями, из которых само село и 7 деревень фигурируют в документе 1595/1596 г. в качестве вотчинных пустошей. И вот что показательное. Вотчина Федора Михайловича, в отличие от его же поместья, целиком попала в текст вкладной грамоты и в той же последовательности топонимов, как и в дозоре 1551–1554 гг. (деревня вдовы почти наверняка попала к Нагому несколько позднее 1554 г.). Из 22 деревень поместья 1539/1540 г. в акте 1595/1596 г. фигурируют названия только 7 деревень, причем нет совпадения в последовательности их перечисления (правда, 4 пустоши по тексту 1595/1596 г. могли в принципе восходить к каким-то деревням с иными обозначениями по описанию 1539/40 г.). Как известно, поместный статус владельческого комплекса решительно препятствовал самой возможности его вклада в монастыри. Предположение о возможной смене правового статуса села Пыхино с деревнями в результате продажи за-

пустевших поместных земель в вотчину светским лицам «благородных сословий» приходится отвергнуть. Во-первых, применительно к Тверскому уезду такая практика пока неизвестна. Во-вторых, и это решающее обстоятельство, в отдельных книгах 1588 г. при наделении запустевшими поместными землями трех служилых лиц прямо названы 12 пустошей из бывшего поместья Нагово, причем 5 из них (включая бывшее село Пыхино), фигурируют в документе 1595/1596 г. в качестве вотчинных владений Нагово.

Из трех свидетелей вклада (Г.О. Кушелева, Г.И. Микулина и И.В. Головленкова) ни один не имел служебных или владельческих связей с Тверским уездом. Они и их родственники, судя по учетной документации двора середины и второй половины XVI в. имели поместье в соседних или недалеких от Твери уездах (в Торжке, Торопце, Ржеве Володимерове, Дмитрове). И.В. Головленков в опричных разрядах 1570–1572 гг. фигурирует в качестве поддатня рынды у царя, последнее его упоминание в источниках относится, видимо, к 1580 г. Г.И. Микулин известен по опричным росписям 1571–1572 гг. в той же позиции, что и Головленков. Он же, а возможно, его сородич и полный тезка фигурирует в боярских списках 1588/89 – 1602/03 гг. Добавим, что для боярина Ф.М. Нагово, родного деда последней царицы (пусть постриженной и сосланной в 1591 г. в женский северный монастырь) такой фамильный состав свидетелей плохо объясним.

Итак, человек, пребывавший в полном затворе от мира на протяжении 35 лет, вкладывает в Троицкую обитель владение, большей частью которых он не имел права распоряжаться таким образом. Причем, при свидетелях, в наличии которых в 1595/1596 г., приходится сомневаться или по факту их биографических данных, или по их статусному соответствию персоне вкладчика. Но, быть может, налицо простая описка: вместо 7104 г. следует читать 7074 г.: у писца дрогнула рука и у него вместо «о» (70) получилось «р» (100)? Однако и эта фантастическая интерпретация не может быть принята. Согласно определению Л.В. Мошковой, филигрань грамоты 1595/1596 г., а именно «Страсбургская лилия» с инициалами «VI» под щитом и контрамаркой «AN» датируется концом 1630-х – началом 1640-х годов. Наиболее сходный по размеру и рисунку знак находится в рукописи Синодика Борисоглебского монастыря в Торжке. Добавим также, что рукоприкладства послухов на обороте документа исполнены, по мнению Л.В. Мошковой,

скорее одной рукой, мы не исключаем наличия двух почерков. В любом случае одной из актуальных задач палеографического анализа подлинников актов становится исследование меры вариативности индивидуальных и профессиональных почерков.

Конкретные обстоятельства появления фальсифицированной грамоты для нас в данный момент неясны. Но можно обозначить некоторые координаты новых разысканий. Важны следующие обстоятельства. Во-первых, на протяжении 1610-х – 1630-х гг. представители 1-й и 3-й линий старшей ветви Нагих активно занимались выкупом родовых земель, отданных другими Нагими в монастыри. В итоге к концу 1630-х годов заметная доля родовых вотчин и, надо думать, разнообразной документации по ним сосредоточилась у правнука Федора Михайловича, внука его старшего сына Семена, Василия (Кондратия) Ивановича Нагово. Василий Иванович умер в июне 1640 г., не оставив мужского потомства, что предопределило переход его владений в другие руки и в монастыри. Говорим об этом потому, что фальсифицированный акт почти наверняка основывался на каких-то материалах из владельческого архива Нагих. Во-вторых, во 2-й половине 1630-х – начале 1640-х гг. фиксируются напряженные отношения между Василием Ивановичем, а затем его вдовой Пелагеей и властями Троицкой обители из-за невыполнения Нагими перед монастырем ряда финансовых и материальных обязательств (собственных, а также родственников). Это даже отразилось в тексте Симона Азарьина о чудесах Сергия Радонежского в эти годы. Полагаем, что на этой почве мог возникнуть общий интерес у Нагих и монастыря в составлении фальсифицированной вкладной грамоты.

Какое иноческое имя носил Григорий Иванович Нагой?

В двух текстах, разделенных тридцатью годами и связанных с одним и тем же лицом, а именно с сыном Г.И. Нагово, Иваном, Григорий Иванович именуется в одном случае иноком Германом, а во втором – иноком Герасимом. Первый текст представляет собой данную грамоту И.Г. Нагово в Троице-Сергиев монастырь 1570/71 г. на село Гнилицы с 9 деревнями в Суземской волости Тверского уезда. Иван Григорьевич (ему на момент вклада было не более 16–17 лет) оформил вклад «по приказу и по духовной грамоте» отца и именуется владение его «куплей». Мы знаем, у кого приобрел вотчину Г.И. Нагой – в книге 1551–54 гг. ее собственниками указаны вдова Н.В. Борисова (фамилия входит в высший круг тверского боярства)

и два их сына. Во вкладной книге Троицкой обители в разделе о вкладах Нагих (он объемлен) фигурируют 3 земельных вклада Ивана Григорьевича. Последний из них датирован 1600/01 г., и именно в этом тексте речь идет о том же объекте, но отец вкладчика именуется иноком Герасимом.

Хотя грамота 1570/71 г. дошла до нас только в составе копийных книг, ее аутентичность сомнений не вызывает. Формуляр содержит все необходимые статьи для пространного его варианта, включая клаузулу (сравнительно недавно появившуюся в текстах такого рода) с обязательством И.Г. Нагово записать за монастырем село «в Поместной избе в книги». И еще две показательные детали. Первая – это адресация акта. Грамота дана на имя архимандрита Феодосия (Вятки), келаря Елизария Замыцкого и казначея Варсонофия Якимова. Именно в эти годы постепенно распространяется обращение к монастырским властям, как к группе «начальствующих» соборных старцев. Само имя Феодосия также симптоматично – годы массовых опричных репрессий (а 1570/71 г. был таковым) отразились на устойчивости состава властей обители (смена Памвы Феодосием, а затем возвращение первого). Во-вторых, в данной говорится о записи «в сенаник и в сельники и во все тетрати» только имени Григория Ивановича и его родителей. Имя самого вкладчика в этом контексте отсутствует.

В пересказе грамоты 1600/01 г. (если она существовала), речь идет о поминании отца Ивана Григорьевича, его самого и всех родителей. И это при том, что поминание И.Г. Нагово по себе и своей первой жене Марфе, по себе же и дочери Ефросинье устанавливалось отдельными вкладами в монастырь вотчин в Юрьев-Польском уезде (1572/73 г. и 1582/83 г.). В своем завещании от августа 1598 г. И.Г. Нагой говорит об этих своих распоряжениях (он, правда, не совсем точен в ряде деталей), но ни словом не упоминает о передаче в обитель села Гнилицы. При этом он знает о захоронении отца в Троицкой обители и оговаривает свое погребение рядом с отцовской могилой (И.Г. Нагой был действительно погребен там же). Заметим, что в духовной Иван Григорьевич дважды говорит об отце (в том числе, и о его завещании), но называет его при этом только светским именем.

Из приведенных сведений можно, на наш взгляд, вывести два заключения. Первое – ошибки писца и редактора-составителя вкладной книги Троицкой обители 1673 г. Но если ошибку в годе еще как-

то можно допустить («109 год» вместо «79»-го), то внесение новых клаузул в пересказ предполагаемого документа 1600/01 г. вряд ли вероятно.

Второе предположение исходит из неоднозначной истории села Гнилицы и куда более сложных личных биографий отца и сына. Грамота 1570/71 г. констатирует постриг Григория Ивановича, составление им завещания, но не говорит однозначно о его смерти в этом году. Полагаем, что по обычной практике инок Герман продолжал владеть селом, по крайней мере, к 1572/73 г. оно вряд ли вошло в состав троицких вотчин (об этом как будто говорит данная грамота 1572/73 г. Т. Чашникова). Через 25 лет село уже точно принадлежало Троицкой обители, о чем попутно сообщает в своем завещании уже старец Тихон Чашников. Через год, где-то летом 1598 г., после 15 лет непрерывных служб в Заволжье и в Сибири, после двух царских опал и пребывания в вологодской тюрьме, в своей тверской вотчине, селе Перхушкове И.Г. Нагой подводил малоутешительные итоги своего материального положения, причем, в отсутствие семьи (вторая жена и сыновья только еще добирались до Твери из Казани), а главное – в отсутствие своего служилого холопа, Богдана Сидорова, стряпчего и управителя всех дел Ивана Григорьевича. Полагаем, что новую информацию о последних годах монашеской жизни отца (он, по-видимому, стал схимником, а потому и получил второе монашеское имя – Герасим), И.Г. Нагой получил далеко не сразу по возвращении из тюрьмы. Думаем, что власти Троице-Сергиева монастыря подстраховались и по договоренности с Иваном Григорьевичем получили от него повторный документ на вклад села Гнилицы в 1600/01 г. (подобное было нередким). В таком случае, тексты 1570/71 г. и 1600/01 г. взаимно дополняют друг друга. И одновременно лишний раз подтверждают тезис о необходимости многократного анализа внешних признаков грамоты, ее текста в максимально возможном объеме контекстов для получения максимума намеренной и попутной, ненамеренной, но очень важной информации.

Е.В. Пчелов (Москва)

**К ИСТОРИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ТИТУЛА
РУССКИХ ГОСУДАРЕЙ СЕРЕДИНЫ XV – СЕРЕДИНЫ XVI в.**

В своей статье, посвящённой титулу московских государей, С.М. Каштанов справедливо писал: «Территориальный титул на Руси складывался под влиянием дипломатики соседних стран. Не случайно четырёхчленный титул Василия Тёмного появился в договоре с польским королём. Расширению титула в 1514 г. способствовало влияние имперской канцелярии, сотрудничавшей с московскими представителями в составлении текста договора. Вместе с тем порядок расстановки и конкретный состав территориальных титулов определялись русскими государственными деятелями с учётом политических интересов и политической идеологии правящих верхов Русского государства» (Каштанов С.М. О титуле московских государей в XV–XVIII вв. // Россия в IX–XX веках. Проблемы истории, историографии и источниковедения. Сборник статей и тезисов докладов Вторых чтений, посвящённых памяти А.А. Зимина. М., 1999. С. 184). В данной работе я попытаюсь обратить внимание на то влияние, которое оказывала титулатура иностранных монархов на структуру и содержание территориального титула русских государей с момента первого появления этой части титула при Василии II и до середины XVI в., когда сформировалась структура царского титула Ивана Грозного, которая в своей основе (за исключением завершающей части) сохранялась вплоть до войны с Речью Посполитой при Алексее Михайловиче. При этом история изменения территориального титула и, прежде всего, появления в нём новых территориальных обозначений за рассматриваемый период довольно хорошо изучена в историографии, в то время как формальные причины изменения самой структуры титула остаются ещё недостаточно прояснёнными.

Впервые территориальная часть в титуле великого князя появилась при Василии II в тексте договора с польским королём Казимиром IV от 31 августа 1449 г. (Каштанов С.М. О титуле... С. 181; Агоштон М. Великокняжеская печать 1497 г. К истории формирования русской государственной символики. М., 2005. С. 240–241; Филюшкин А.И. Титулы русских государей. М., СПб., 2006. С. 194).

Территориальный титул Василия II состоял из четырёх объектов: «Московский, и Новгородский, и Ростовский, и Пермский, и иных». Как верно заметила М. Агоштон, по их количеству титул великого князя полностью соответствует аналогичному титулу Казимира IV: «король Польский и великий князь Литовский, и Русский, и Жомоитский, и иных» (Агоштон М. Великокняжеская печать... С. 241). Сам «выбор» территориальных обозначений представляется исследователям странным. Так, С.М. Каштанов заключил, что «в великокняжеский титул попали определения тех земель, где власть Василия Тёмного хотя и признавалась, но была недостаточно прочной» (Каштанов С.М. О титуле... С. 182), а А.И. Филюшкин полагает, что этот выбор «не поддаётся ни формальному, ни историческому объяснению», в т.ч. и потому, что подчинённость некоторых территориальных объектов Москве в 1449 г. «вовсе не очевидна» (Филюшкин А.И. Титулы русских государей. С. 196). Между тем, на мой взгляд, следует говорить не столько о фактической подчинённости этих земель власти московского князя, сколько о формальном притязании на них, своего рода «символическом обладании» ими. Если сопоставить с формальной точки зрения территориальные титулы Казимира IV и Василия II, то можно обнаружить знаковые параллели. В самом деле, два первых обозначения в титуле Казимира IV маркируют два важнейших государства, подвластные этому монарху – королевство Польское и великое княжество Литовское. Прямая аналогия этому в титуле Василия II – Москва и Новгород, две важнейшие земли, подчинённые великому князю (формально Новгород считался владением московских князей). Третье определение, «Русский», в титуле Казимира IV обозначало русские земли, вошедшие в состав великого княжества Литовского. Формально ему соответствует определение «Ростовский» из титула Василия II. Не исключено, что чисто фонетическая аналогия вкупе со значением Ростова как древней столицы Северо-Восточной Руси могла повлиять на выбор этого объекта. Наконец, определение «Жомоитский» обозначало Жемайтию, Жмудь, т.е. ту территорию исторической Литвы, которая долгое время была языческой, и на которую совсем недавно пришло христианство. Жемайтии в титуле Казимира IV соответствовала Пермь в титуле Василия II – языческая северо-восточная земля, также недавно подвергшаяся христианизации, но сохранявшая ещё многие языческие традиции (к слову сказать, в более поздней по времени земельной эмблематике и

Жемайтя, и Пермь обозначались символом медведя). Таким образом, территориальный титул Василия II всё-таки может быть рассмотрен с точки зрения именно формального объяснения.

Новый вариант территориального титула русских правителей появился уже при Иване III в 1474 г. Ни по числу земель, ни по их наименованиям он не походит на территориальный титул Василия II, и поэтому я полагаю, что между ними нет никакой генетической связи. Территориальный титул Ивана III создавался заново, без учёта территориального титула Василия II (известного только в единичном случае), что называется «с чистого листа». В сохранившихся исторических источниках этот титул зафиксирован в документах русских посольств в Крым, а именно в грамотах наместникам и правителям Кафы и Тамани, по-видимому, подчинённым Османской империи (хотя и сохранявшим какую-то автономию) и могущим иметь определённое влияние на крымские дела (а вовсе не «частным лицам», как полагает А.И. Филюшкин). В грамоте кафинскому «консулу» Хозе Кокосу от марта 1474 г. объектный титул выглядит следующим образом: «великий князь... Володимерьский, и Новгородский, и Московский и всеа Русии» (Агоштон М. Титул русского государя в свете информации Герберштейна // Герберштейн С. Записки о Московии. М., 2008. Т. 2. С. 73). Показательно расположение территориальных обозначений – оно построено совершенно по другому принципу, нежели в территориальном титуле Василия II: казалось бы, главное из них – «Московский» – стоит только на третьем месте.

Следующее изменение происходит к 1484 г. – к трём объектам добавляются ещё четыре, и таким образом число территориальных обозначений достигает семи. Впервые это опять-таки зафиксировано в грамоте в Крым – к таманскому князю Захарию (Скарье) Евреянину от 14 марта 1484 г.: «великий князь ... царь всеа Руси, Володимерьский, и Московский, и Новгородский, и Псковский, и Югорский, и Вятский, и Пермский и иных» (Агоштон М. Титул русского государя... С. 74). Таким же (в территориальной части) титул сохранялся и в 1485 г. (оставляю в стороне вопрос об употреблении в нём титула «царь»).

По крайней мере, с 19 августа 1487 г. в титуле стало восемь территориальных названий – добавилось обозначение «Тверской» между «Псковским» и «Югорским» (именно такая форма титула присутствует в верительной грамоте русского посла к миланскому

герцогу), а в грамотах от 16 августа 1490 г. (верительная грамота русского посла и договорная грамота с римским королём Максимилианом) впервые зафиксирован территориальный титул уже из девяти объектов – добавилось обозначение «Болгарский» в самом конце (Агоштон М. Титул русского государя... С. 74–75). Естественно, эти дополнения возникли в связи с присоединением Тверского княжества в 1485 г. и походом на Казань в 1487 г.

М. Агоштон отмечает, что «по территориально-объектной части титул русского правителя походил, но не был тождественен по форме титулу римского короля» (Агоштон М. Великокняжеская печать... С. 242). Этот титул в русских дипломатических документах выглядит следующим образом: «краль Римский, [всегда август,] и князь Австрьский, и князь Бергоньский, и Лургинский, и Стырский, и Карантенский, и иных» (Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными (далее – ПДС). Ч. 1. Сношения с государствами европейскими. Памятники дипломатических сношений с Империею Римскою. Т. 1. СПб., 1851. Стб. 26, 37 (1490 г.)). Иными словами, «король Римский и князь Австрийский, и князь Бургундский, и Лотарингский, и Штирийский, и Каринтийский, и иных». Территориальный титул короля Польского и великого князя Литовского в это же время писался следующим образом: «король Польский и великий князь Литовский и Русский, князя Прусский и Жомоитский и иных» (Сборник Императорского Русского Исторического общества (далее – Сб. РИО). Т. 35. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. I. СПб., 1882. С. 47). Таким образом, территориальный титул римского короля имел следующую структуру: 1+1+4, а титул правителя Польши и Литвы: 1+2+2. Аналогичный титул московского государя имел более «однородную» структуру: 3+1, 1+7 (8, 9). По числу территориальных объектов он не совпадал ни с соответствующим титулом римского короля, ни с подобным титулом польско-литовского государя. В этих титулах очевидно наличие и преобладание двух- и четырёхчленных структур: 2+4 в титуле римского короля, 1+2+2 (1+4) в титуле польско-литовского монарха. В титуле московского государя прослеживается наличие трёхчленных структур: 3+1, 1+9 (3+3+3). Вероятно, эта тернарная закономерность, к которой «стремится» территориальный титул московского правителя,

является специфической особенностью именно русского объектного титула. Хотя, конечно, влияние самого принципа построения территориального титула со стороны титулов иностранных монархов, и, прежде всего, государей Священной Римской империи, на формирование объектного титула русского государя вполне очевидно.

Следующее, принципиально важное изменение русского объектного титула произошло в 1514 г. В новом варианте он зафиксирован в договорной грамоте Василия III с Максимилианом I от 4 августа 1514 г. Её проект был создан в Москве в феврале 1514 г. в процессе переговоров с имперским послом Георгом Шнитценпаумером (инициатива заключения союза исходила от имперской стороны) (Писаревский Г.Г. К истории сношений России с Германией в начале XVI в. Документы Венского Государственного архива о сношениях римских императоров с Россией в 1513–1515 гг. // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских. М., 1895. Кн. 2. С. 6–8). Территориальный титул Василия III выглядит в этом документе следующим образом: «и великий князь Володимерский, и Московский, и Новгородский, и Псковский, и Тверский, и Югорский, и Пермский, и Вятцкий, и Болгарский и иных, и господарь и великий князь Новагорода Низовской земли и Черниговский, и Рязанский, и Волотцкий, и Ржевский, и Бельский, и Ростовский, и Ярославский, и Белозерский, и Удорский, и Обдорский, и Кондинский и иных» (Агоштон М. Титул русского государя... С. 82; ПДС. Т. 1. Стб. 1504, 1508 (неточный перевод на русский язык, сделанный в 1718 г.)). Теперь титул стал состоять из двух частей – к первой части, включающей 9 наименований, добавилась вторая, состоящая из 12-ти новых территориальных объектов. Структура титула стала такой: 9+12 (всего 21). Важно отметить, что тернарный принцип в этой структуре проведён абсолютно последовательно. Всего титул включает семь триад – три в первой части и четыре во второй. В этом смысле новый титул представляет собой совершенно законченную и продуманную систему.

Сравним его с императорским титулом Максимилиана I: «Мы, Максимилиан, Божиею милостию избранный Римский Цесарь, во вся времена прибавитель Государства, Венгерский, Долматцкий, Кроатский и протчих король, архиарцух Аустрийский, арцух Бургунский, Британский, Лотеринский, Брабантский, Стеиерский,

Коринтский, Краинский, Лимбургский, Лизембургский и Гелдерский, граф Фландрский, Габспурский, Тиролский, Фирдский, Кибургский, Артойский и Бургундский, фалц граф Генигавский, Галандский, Зееландский, Намурский и Цитфенский, марграф Римского государства и в Бургаве, ландхграф в Елзасе, государь в Фрисландии, Виндишмарке, Портенаве, Салине и Мехелне и протчих» (ПДС. Т. 1. Стб. 1503–1504, 1507–1508 (титулы не абсолютно идентичны)). Иными словами, территориальный титул императора был таким: «Божиею милостию избранный Римский Император (Кайзер), ..., король Венгерский, Далматский, Хорватский и иных, эрцгерцог Австрийский, герцог Бургундский, Бретонский, Лотарингский, Брабантский, Штирийский, Каринтийский, Краинский, Лимбургский, Люксембургский и Гелдернский, граф Фландрский, Габсбургский, Тирольский, Пфиртский, Кибургский, Артуа и Бургундский, пфальцграф Геннегау, Голландский, Зеландский, Намюрский и Зютфенский, марграф Римского государства и в Бургау, ландграф в Эльзасе, государь во Фрисландии, Виндишмарке, Портенау, Салене и Мехельне, и иных». Этот титул состоял из девяти частей (по статусу владений) и 34-х территориальных наименований: 1+3+1+10+7+5+1+1+5 (или 33-х, если не считать титул Римского императора, соответствующий в титуле Василия III словам «царь и государь всея Руси»). Нетрудно заметить, что разработанный в феврале 1514 г. новый территориальный титул московского государя был на 12 объектов короче, чем соответствующий императорский. Если сопоставить число территориальных определений, то титул Василия III соответствовал первым пяти частям титула Максимилиана I, т. е. охватывал, помимо императорского, также королевские, эрцгерцогский, герцогские и графские титулы. Однако число частей территориального титула Василия III было значительно меньшим – всего две, да и титулование оставалось, разумеется, тем же самым – «великий князь». Тем не менее, сам принцип деления русского территориального титула на части, по-видимому, восходит к имперской титульной системе. Выделение второй части, на мой взгляд, могло соотноситься с наличием двух Новгородов – Великого и «Низовской земли», как бы «открывавших» перечисление объектов в каждой из частей. Примерная аналогия этому – наличие двух Бургундий, герцогства и графства, в титуле Максимилиана I. Ещё одна параллель – созвучные обозначения «Удорский» и

«Обдорский». В императорском титуле таковы же «Голландский» и «Зеландский» (как в титуле польско-литовских государей «Русский» и «Прусский»). Показательно, впрочем, что при всей сложности внутренней структуры территориальный титул Максимилиана I состоял из 33-х наименований объектов, т.е., в конечном итоге, также подразумевал тернарную структуру, хотя и менее очевидную, чем в титуле Василия III.

Изменение этой структуры в титуле великого князя произошло уже к следующему, 1515 году. В титуле было оперативно отражено присоединение Смоленска, произошедшее 1 августа 1514 г. Уже с начала февраля 1515 г. в жалованных грамотах русским подданным зафиксирован территориальный титул Василия III из 22-х объектных наименований – между «Псковским» и «Тверским» появилось определение «Смоленский» (первый случай – грамота от 2 февраля 1515 г.) (Агоштон М. Титул русского государя... С. 84). Такой же вариант титула известен и в грамотах за рубеж – начиная с грамоты на Афон от 15 марта 1515 г. (Каштанов С.М. Состав и содержание документов «греческих» посольских книг № 1 и 2 // Россия и греческий мир в XVI веке. М., 2004. Т. 1. С. 32. см. также с. 156–158). Так изменение политической ситуации и присоединение новых значимых территорий оперативно находило отражение в великокняжеском титуле, внося коррективы в его сложившуюся структуру.

В 1550-х гг. в связи с присоединением Казанского и Астраханского царств и установлением протектората над Сибирским ханством произошли очередные изменения в титуле русского государя (к тому времени уже принявшего царский сан), повлекшие за собой и некоторые корректировки внутри «традиционных» объектов территориальной части. Казанское ханство вошло в состав Русского государства 2 октября 1552 г. Обозначение «Казанский» заняло место в территориальном титуле между определениями «Новгородский» и «Псковский» уже в январе 1553 г. – именно так титулуется Иван Грозный в опасной грамоте к литовской раде от 15 января 1553 г. (Сб. РИО. Т. 59. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. II. СПб., 1887. С. 370). В таком виде объектный титул сохраняется, по крайней мере, до 1 июня 1554 г. – таков он (в кратком варианте) в жалованной проезжей грамоте Ивана Грозного игумену афонского Пантелеймонова монастыря (Каштанов С.М.

Состав и содержание... С. 34, см. также С. 195, 198). С сентября 1554 г. в объектный титул добавляется ещё одно определение – Астраханский, что было связано с захватом Астрахани русским войском и установлении протектората над этим ханством. Иван Грозный направил послов в Литву и Крым с извещением о взятии Астрахани, в верительной грамоте русского посла Ф.В. Вокшерина от 14 сентября 1554 г. в царском титуле появляется определение «Астраханский» после «Казанского» и перед «Псковским» (Сб. РИО. Т. 59. С. 447). Следующее изменение произошло после установления протектората России над Сибирским ханством в начале 1555 г. В грамоте Ивана Грозного турецкому султану от 20 июня 1555 г. территориальный титул заканчивается словами «и всея Сибирские земли повелитель» (Филюшкин А.И. Титулы русских государей. С. 206) (оставляю в стороне вопрос об обозначениях сторон света в царском титуле («Восток», «Северная страна» и др.), требующий специального рассмотрения). Наконец, по крайней мере, с марта 1556 г. Казань и Астрахань в царском титуле обозначаются уже как царства (ещё до вторичного занятия Астрахани русскими войсками и ликвидации независимости ханства), а сам титул приобретает следующий вид (Жалованная данная грамота Ивана Грозного Хиландарскому монастырю от марта 1556 г.): «... царь всеа Руси и великий князь Владимирский, Московский, Новгородский, царь Казанский, царь Астраханский, государь Псковский, великий князь Смоленский, великий князь Тверский, государь Югорский, Пермский, Вятцкий, Болгарский и иных, государь и великий князь Новагорода Низовские земли, Черниговский, Резанский, Волотцкий, Ржевский, Бельский, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удорский, Обдорский, Кондинский, и всея Сибирские земли и Северные страны повелитель» (Каштанов С.М. Состав и содержание... С. 34, см. также С. 201–202). Позднее, статусные определения перед наименованиями «Тверской» и «Югорский» исчезли. С 1558 г. в царском титуле появились названия объектов, связанных с завоеваниями периода Ливонской войны.

Таким образом, территориальный титул Ивана Грозного 1556 г. стал состоять из названий 26 объектов, при этом тернарная структура «восторжествовала»: великий князь 3 + царь 2 (и) государь 1 + великий князь 2 (и) государь 1 + 3 + государь и великий князь (3 + 3 + 3 + 3) + 2 объекта, связанных с титулом «повелитель»

и обозначенных как «земля» и «страна». После исчезновения статусных обозначений перед наименованиями «Тверской» и «Югорский» структура «центральной» части территориального титула (между обозначениями царств и заключительной частью, идущей после наименования «Кондинский») приобрела симметричный вид: царь 2 + государь 1 + и великий князь 6 + государь и великий князь 10 (включая определение «Полоцкий») + заключительная часть. Она как бы делилась на две части, каждая из которых открывалась титулами «государь» и «великий князь», только в первом случае разделёнными: «государь Псковский и великий князь Смоленский», а во второй – соединёнными: «государь и великий князь Новагорода Низовские земли». Влияние имперской титулатуры здесь прослеживается слабо. В дипломатических документах по связям с императором Максимилианом II за 1575 г. титул императора в русских грамотах выглядит так: «...Божией милостию избранный цесарь Римский, всегда прибавитель, Немецкий, Венгерский, Чешский, Далматский, Хорватский и Славонский и иных король, и эрцгерцог Австрийский, герцог Бургундский, Штирийский, Каринтийский, Крайнский и Вюртембергский, граф Тирольский и иных» (память русским послам от 12 декабря 1575 г.), «...герцог Бургундский, Брабантский, Штирийский, Каринтийский, Крайнский и иных, маркграф Моравский и иных, герцог Люксембургский, верхней и нижней земли Силезской, Вюртембергский, герцог Швабский, граф Габсбургский, Тирольский, Пфиртский, Кибургский и Горицкий, ландграф Эльзасский, маркграф Священной Римской империи, Бургундский, верхней и нижней земли Лужицкой, государь Мархинский (Виндской марки?), Силавонский (Саленский?) и иных» (верительная грамота Максимилиана II от 26 сентября 1575 г.) (ПДС. Т. 1. Стб. 491, 515 (с «переводом» названий и титулов на современный русский язык), в грамотах имперской стороны титул Максимилиана II выглядел несколько по-иному).

Некая соотнесённость здесь возможна, по-видимому, в начальной части: наименования королевств соответствовали «главным» великим княжествам и царствам, «эрцгерцог Австрийский» – «государю (господарю) Псковскому» (старинный титул великого князя Московского как сюзерена Псковского государства – см.: Агоштон М. Великокняжеская печать... С. 281–284), а идущие далее великие княжества – герцогствам (в русском варианте

императорского титула они именовались княжествами). Так что в самых общих чертах ориентация русского территориального титула на соответствующий императорский кажется вполне очевидной.

Показательно также, что в грамотах Максимилиана II, как и в грамотах Ивана Грозного, отмечалась датировка по «царствованиям»: «лета от Рождества Христова..., королевства нашего: Римского и Угорского..., Чешского...» (ПДС. Т. 1. Стб. 517). Видимо, и эта традиция оформления русских грамот была заимствованной от практики имперской канцелярии. Причины такой ориентации понятны: русские государи стремились показать, что по своему статусу они ненамного уступают императорам Священной Римской Империи, находясь на одной иерархической ступеньке «мировых» монархов – московский царь был как бы ровней римскому цесарю.

Р.А. Симонов (Москва)

**ОБ АКТИВИЗАЦИИ РАЗРАБОТКИ МЕТОДОВ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ,
ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ И СПЕЦИАЛЬНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ
ДИСЦИПЛИН В ИЗУЧЕНИИ НАУЧНОГО ПОТЕНЦИАЛА
ДРЕВНЕЙ РУСИ: К 900-ЛЕТИЮ КИРИКА НОВГОРОДЦА**

Кирику Новгородцу (1110 – после 1156/1158) принадлежит календарно-арифметическое «Учение им же ведати человеку числа всех лет» (далее «Учение»), написанное в 1136 г., когда Кирик был иеродиаконом и domestиком Новгородского Антониева монастыря. Это сочинение получило высокую оценку в современной науке. В.О. Парфененков, защитивший кандидатскую диссертацию о творчестве Кирика (СПб, 1999 г.), признает «Учение» гениальным для своего времени творением (Парфененков В.О. Кирик-Новгородец – древнерусский ученый // Петербургские чтения–96. СПб., 1996. С. 343). В 2006 г. П.В. Кузенков сравнил «Учение» Кирика с аналогичным произведением знаменитого византийского ученого Михаила Пселла (1092 г.), заключив, что хотя «Учение» Кирика опирается на византийскую традицию, но «содержит ряд элементов, которые совершенно неизвестны последней или, во всяком случае, не обнаружены исследователями в греческих текстах», причем в отдельных вопросах «русский ученый оказывается более осведомленным, чем византийский философ Пселл» (Кузенков П.В.

Календарно-пасхалистические традиции в Византии и на Руси в XI–XII вв.: Сопоставление календарных трактатов Михаила Пселла (1092 г.) и Кирика Новгородца (1136 г.) // Вестник церковной истории. 2006. Вып. 2. С. 136, 146).

Кирику принадлежит еще одно известное произведение «Се иесть въпрошание Кюриково, иеже въпраша иепископа ноугородьского Нифонта и инех» (далее «Вопрошание»). Это произведение обычно датируется серединой XII в., но недавно А.П. Толочко уточнил эту датировку «Вопрошания» 1155–1156 годами (по крайней мере его «нифонтовской» части). Историография, связанная с «Вопрошанием», восходит к XVI в. Произведение, по-видимому, впервые кратко прокомментировал и перевел на иностранный язык австрийский дипломат барон Сигизмунд Герберштейн, посещавший Московию в 1516–1517 и 1525–1526 гг. «Вопрошание» Кирика до сих пор активно используется в изучении истории русской духовной культуры. Так, этому произведению была посвящена отдельная глава в диссертационном исследовании Т.В. Семикоповой (Семикопова Т.В. Философско-антропологические представления в русской духовной культуре XII века: от теории к практике. Автореф. ... канд. филос. наук. Нижний Новгород, 2011).

Имя Кирика, как древнерусского математика и хронолога, получило известность в начале 1820-х гг. Спустя несколько лет, в 1828 г. «Учение» было издано митрополитом Евгением (Болховитиновым) (Е[вгений]. Сведение о Кирике, предлагавшем вопросы Нифонту, епископу Новгородскому // Труды и летописи Императорского общества истории и древностей российских. М., 1828. Ч. 4. Кн. 1. С. 122–129). При этом возникли трудности при воспроизведении огромных чисел Кирика величиной до десятков миллионов, выраженных к тому же в громоздкой средневековой «буквенной нумерации». Это привело к удивительным/непредсказуемым последствиям. Некоторые читатели неудачно/неверно заключили, что Кирик не умел правильно выражать и считать числа, с которыми работал. Кажется, впервые точно были воспроизведены знаки чисел Кирика близко к оригиналу А.Х. Востоковым в 1842 г. при описании Румянцевского списка «Учения». В 1847 г. вышла работа П.В. Хавского (Хавский П.В. Примечания на русские хронологические вычисления. Дополнительная выписка из вычислений Кирика XII в. // Чтения Императорского общества истории и древностей российских. М., 1847. С. 35–39), в которой он «исправлял» «Учение» и «пособлял» Кирику

считать, тогда как «пособлять» надо было раньше издателям, которые исказили текст Кирика, и самому П.В. Хавскому, который не удосужился ознакомиться с результатами Кирика по спискам «Учения» или хотя бы справиться по описанию А.Х. Востокова, как Кирик записывал числа. Между прочим, в 1862 г. известный математик академик В.Я. Буняковский проанализировал отдельные результаты Кирика, отметив их правильность (Буняковский В.Я. Арифметика // Энциклопедический словарь, составленный русскими учеными и литераторами. СПб., 1862. Т. 5. Отд. 1. С. 350–351).

Приходится удивляться превратностям судьбы в отношении творчества Кирика. Здесь наблюдается относительно редкий в истории науки случай казалось бы необъяснимой научной «слепоты» ученых, граничащий с недобросовестностью. Так, известный историк математики В.В. Бобынин (1849–1919) в 1884 г. авторитетно заявил, что Кирик затруднялся в счете, постоянно допускал грубые ошибки в записи чисел в части десятков и сотен тысяч. Хотя Бобынину следовало ориентироваться в вопросе точности расчетов Кирика на научные результаты профессионала В.Я. Буняковского, он же доверился дилетанту в математике П.В. Хавскому. Более того, на указанном неверном основании В.В. Бобынин заключил, что в Древней Руси не умели считать далее 10 тысяч, а в целом арифметика якобы находилась на низком уровне (Бобынин В.В. Состояние математических знаний в России до XVI века // Журнал Министерства народного просвещения. 1884. Ч. 232. Апрель. С.194). Это ложное мнение В.В. Бобынина на долгие годы оставалось нерушимым и основополагающим в советской истории науки (Юшкевич А.П. Математика и ее преподавание в России XVII–XIX вв. // Математика в школе. 1947. № 1. С. 29; История отечественной математики: В 4 т. / Отв. ред. И.З. Штокало. Киев, 1966. Т. 1. С. 63). Самое удивительное, что никто из историков науки не удосужился проверить по подлинным спискам опубликованный текст «Учения» и развеять заблуждение о мнимых ошибках Кирика. Вновь (после В.Я. Буняковского) указал на практическую безукоризненность счета Кирика А.П. Юшкевич почти через сто лет, в 1968 г. (Юшкевич А.П. История математики в России до 1917 года. М., 1968. С. 20).

Недавно в интернете появилась работа о Кирике, в которой игнорируется источниковедение, вспомогательные и специальные исторические дисциплины. Так, в ней отрицается существование

творчества Кирика в XII в. на том основании, что списки «Учения» сохранились от времени не древнее XVI в. При этом незадачливый автор опирается на некие наивно-фантастические взгляды по хронологии (Тюрин А.М. Датирование трудов Кирика Новгородца // Сб. статей по новой хронологии. Вып. 11. [Электр. ресурс. 7 июня 2010 г.]). К сожалению, эта работа нашла определенный положительный отклик не только в некоторых непритязательных/недостаточно образованных слоях населения, но и среди части научной молодежи.

Подобного рода квазинаучные выступления являются реальностью современного информационного общества.

Известный американский социолог, философ и историк науки Стив Фуллер в своей недавней работе ввел для этого феномена особое название *protscience* (мой примерный перевод-транскрипция «прот[естная] наука») (Fuller S. *Science: The Art of Living*. Durham, 2010). Против чего протестуют и чего хотят представители течения *protscience*? Они выступают против ученых, которые якобы специально строят научное изложение настолько сложным, чтобы сделать его недоступным для простых людей. А хотят *protscience* легкого доступа к научному знанию, и при этом сокрушения здания современной науки, то есть результата, подобного тому, чего хотела протестантская Реформация – лишить католическую церковь монополии в области духовного знания. Сейчас, в эпоху интернета *protscience*, опираясь на информацию уровня «Википедии», хотят «брать науку в свои руки» и решать для себя, что стоит и что не стоит включать в свою жизнь («Современная наука вплотную подошла к тому, чтобы показать, насколько мы *схожи* с Богом» (интервью Е.Л. Желтовой с С. Фуллером) // Вопросы истории естествознания и техники. 2011, № 3. С. 154–155).

В этой связи приобретает особый смысл замечание С.М. Каштанова о том, что далеко не всякий историк «является источниковедом общего профиля» (Каштанов С.М. *Дипломатика в XXI веке: Итоги и перспективы* // Вспомогательные исторические дисциплины: классическое наследие и новые направления: материалы XVIII научной конференции. Москва, 26–28 января 2006 г. М., 2006. С. 95). Обсуждая доклад, в котором авторы отмечали, что копирование актового материала не было «нейтральным» действием, а вело к появлению сопутствующей информации, С.М. Каштанов отметил/подчеркнул: «Авторы доклада полагают,

что эта область дипломатики развивается еще недостаточно» (Каштанов С.М. Там же. С. 103). Как бы углубляя эту тему, С.М. Каштанов останавливается еще на одном докладе, в котором производится определенная детализация указанной дополнительной информации: «Авторы вводят специальный термин «геарроприация». Мы его переводим как «вторичное присвоение» (текста). В качестве «крайней формы» такого вторичного присвоения (переприсвоения) текста авторы рассматривают фальсификаты (*une gearrropriation extreme*), в качестве «частичной» формы переприсвоения – переводы (*une gearrropriation partielle*)» (Каштанов С.М. Там же. С. 103).

Рассматриваемые С.М. Каштановым аспекты актов археографии (Каштанов С.М. Актовая археография. М., 1998. С. 28–35, 91–93, 198–213, 297 и др.) применимы к изучению научного потенциала Древней Руси, в частности, творчества Кирика Новгородца. Это касается, например, «присвоения» и «переприсвоения» («вторичного присвоения») текста «Учения» Кирика. Указанное произведение сохранилось в пяти списках XVI–XIX вв. (включая один фрагмент), причем только два из них изданы фототипически. Остальные переданы обычным шрифтом или стилизованной кириллицей, а также представлены переводами. Средневековые «присвоения» (копирования) текста «Учения» и последующие «перепривывания» (издательские воспроизведения) создали/породили в истории науки проблемы, прояснить которые делается попытка ниже..

Так, в Мазуринском списке «Учения» Кирика, который датируется первой третью XVIII в., но, вероятно, отражает/сохраняет черты близости к протографу «Учения» в большей степени, чем другие копии, говорится: «Буди иже и се іавлено. іако втолицѣ числѣ. лѣтъ. дніи єсть. но свѣдѣ ихъ 2426720 і єдинъ днь» (Симонов Р.А. Математические тексты и материалы в славяно-русских рукописях XI–XV вв. // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР: В 2 ч. М., 1976. Вып. 2. Ч. 2. С. 292. Рис 2-б). Примерный перевод: «Да будет известно, что в таком же числе лет (6644 – Р.С.) дней есть, зная как их выразить, – 2426721». Возможно, слово «свѣдѣ» следует понимать как «зная», от «свѣдѣ» в значении «знание» (Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка: В 3 т. СПб., 1903. Т. 3. Стб. 675). Интересно, что современная лексикография фиксирует в русском

языке сохранение устарелой речевой формы **сведать** в значении «узнать» (см.: Словарь русского языка: В 4 т. / Ин-т русского языка АН СССР. 2-е изд. / Отв. ред. А.П. Евгеньева. М., 1984. Т. 4. С. 38; заметим, что слово «сведать» употреблял, например, А.И. Герцен)). Словосочетание «но свѣдѣ ихъ», вероятно, читалось как «но зная их» в смысле устарелого фразеологизма «знать грамоте», то есть «уметь читать и писать, быть грамотным» (Словарь... М., 1981. Т. 1. С. 617). В таком случае, говоря «но зная их» (числа), Кирик мог иметь в виду нумерационные знания, понимаемые как умение записывать и называть числа. В данном случае это актуализировалось в связи с записью и произнесением огромного числа миллионной величины.

В Софийском списке аналогичный текст несколько иной: «Боуди же и се іавленно. іако в толицѣ числѣ лѣ (т) дніи е(с). но свѣдїи и. 2426621 д(е)нь». Здесь по сравнению с Мазуринским списком есть утраты. Так, от «ихъ» в словах «но свѣдѣ ихъ» в Софийском списке осталась одна буква «и» («но свѣдїи и...») (Симонов Р.А., Мильков В.В. Кирик Новгородец (XII век) как древнерусский ученый-мыслитель // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2004. № 4 (37). С. 60). В Погодинском же списке смысл фразы изменился еще больше: «Боуди(ж) и се іавлено. іако втолицѣ же числѣ. лѣ (т) дніи е(с). носвѣдѣи. 2426720 и еди(н) днь» (Кирик Новгородец. Учение им же ведати человеку числа всех лет // Историко-математические исследования. М. 1953. Вып. 6. С. 176). Здесь три слова Мазуринского списка («но свѣдѣ ихъ») и Софийского («но свѣдїи и...») превратились в одно слово «носвѣдѣи», как будто бы неизвестное древнерусскому языку (Срезневский И.И. Материалы...: В 3 т. СПб., 1895. Т. 2; Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка: В 2 т. М., 1959; 2-изд.: В 2 т. М., 2010; Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1986. Вып. 11).

Возможно, по причине неизвестности слово «носвѣдѣи» было «исправлено»/переделано публикаторами XIX–XX вв. на более понятное «несвѣдѣи» (с заменой «о» на «е»), сходное со словом «несвѣдїи», которое встречается в «Учении» (по Погодинскому списку) чуть-чуть дальше – в записи второго гигантского числа Кирика – 29120612 (количество «косых»/неравных часов в 6644 гг.). Здесь это слово представлено в следующем контексте: «...часовъ. С. (200) несвѣдїи и. Ч. (90) несвѣдїи (выделено мною – Р.С.) и. А

(1) (в точечной окружности) В (2) (в сплошной окружности) X. и. В (602)» (с пропуском разряда десятков и включением вместо него союза «и») (Кирик Новгородец. Учение... С. 178). В древнерусском языке есть сходное слово «несъвѣдомъ», по-видимому, являющееся аналогом греческого «апейрос», имевшего несколько вариантов значения, в том числе – «незнание» (Преображенский А.Г. Этимологический словарь...: В 2 т. М., 1959. Т. 1. С. 107; 2-изд.: В 2 т. М., 2010; Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. 5-е изд. СПб., 1899. Стб. 152; репринт: М., 2006).

Комментаторами XIX в. была высказана гипотеза о том, что этим словом Кирик называл стотысячный разряд. Впервые это мнение (в неопределенной форме) выразил в 1847 г. П.В. Хавский, предположив, что слово «невѣдїи» является наименованием разряда «выше тмы или десяти тысяч», но при этом он не назвал конкретно стотысячного разряда и отказался касаться вопроса по существу, как бы передавая его решение филологам: «...Это могут решить вернее филологи наши» (Хавский П.В. Примечания... С. 30). Четко выраженное мнение по обсуждаемому вопросу, в частности, принадлежит академику И.И. Срезневскому (1812–1880), который писал: «несъвѣдь – сто тысяч» (Срезневский И.И. Материалы...: В 3 т. СПб., 1895. Т. 2. Стб. 428), исходя из следующей записи первого гигантского числа (2426721) в «Учении» Кирика: «В толицѣ числѣ лѣтъ днїи есть **несъвѣдїи** (выделено мною – Р.С.) К и Д, В (в окружности), SΨКА день». Однако в подлинных списках «Учения» нет в указанном контексте слова **несъвѣдїи**, но оно есть в издании Болховитинова 1828 г., которым, очевидно, пользовался И.И. Срезневский. В 1884 г. аналогичная трактовка слова «невѣдїе», как 100000, была дана В.В. Бобыниным (Бобынин В.В. Состояние... С. 187). В советское время эту гипотезу восприняли Б.В. Гнеденко (Гнеденко Б.В. Очерки по истории математики в России / Предисл. и коммент. д.ф.-м.н. С.С. Демидова. Изд. 2-е, испр. и доп. М. 2005. С. 14. Изд. 1-е. М.; Л., 1946. С. 14), а через год, в 1947 г., известный историк науки А.П. Юшкевич (Юшкевич А.П. Математика... С. 29), вернувшись к значению «сотня тысяч» в форме В.В. Бобынина «неведїе».

Примерно с 1980 г. употребленное в «Учении» указанное слово в записи миллионного и десятиmillionного разрядов стало пониматься как свидетельство возможной нехватки «длины» древнерусского абака XI – начала XII в. для огромных чисел в счете

Кирика. Было предложено обсудить возможность того, что полученные Кириком гигантские числа, содержащие разряды единиц и десятков миллионов, не умещавшиеся на существовавшем коротком 6-уровневом абаке, могли сопровождаться соответствующим словесным пояснением (Симонов Р.А. Кирик Новгородец – ученый XII века. М., 1980. С. 73–74; Симонов Р.А. Древнерусская книжность (В свете новейших источников календарно-арифметического характера): Учебное пособие. М., 1993. С. 124–131).

Позже такое толкование нашло дополнительное основание/подтверждение в Мазуринском списке, по которому можно заключить, что первоначально в «Учении» миллионные разряды второго гигантского числа (29120612) сопровождались не словом «несвѣдѣи», а «несвѣдѣи» (с разницей в одну выделенную мною предпоследнюю букву – Р.С.). Значит, рассматриваемое место действительно можно связать с указанием на невозможность счета/записи слишком большего числа на коротком абаке, где оно не умещалось, а не с названием стотысячного разряда. Это вытекает из соответствующих толкований слова «несвѣдѣный» (неведомый) (Срезневский И.И. Материалы... Т. 2. Стб. 428) с пояснением: несвѣдѣнь покои (Панд[екты] Ант[иоха], XI век); «несвѣдомый» (несчетный, неизмеримый) (Срезневский И.И. Материалы... Т. 2. Слб. 428; Симонов Р.А. Несведѣда – что это такое? // Русская речь. 2006. № 4. С. 81–85); неизвестный (Словарь русского языка XI–VII вв. М., 1986. Вып. 11. С. 281); «несвѣдомая» (нечто непонятное, загадочное) (Там же. С. 281).

С.П. Обнорский и С.Г. Бархударов, издавая в 1938 г. «Учение» по Погодинскому списку набором, близким к оригиналу (но не кириллическим шрифтом), в записи первого гигантского числа Кирика 2426721: «носѣвѣдѣи К (20 сотен тысяч) Д (4 сотни тысяч) В (2 десятка тысяч) S (6 тысяч) Ѡ (700) КА (21)» в первом слое («носѣвѣдѣи») заменили буквы «о» на «е», а К на В; получилось: «несѣвѣдѣи В (миллиона) Д (4 сотни тысяч) В (2 десятка тысяч) 6721» (Обнорский С.П., Бархударов С.Г. Хрестоматия по истории древнерусского языка: В 2 ч. Л.; М, 1938. Ч. 1 С. 188; 2-е изд. М., 1952. Ч. 1. С. 268). Эти замены неправомерны, так как искажают реальный текст источника.

В соответствии с трактовкой рассмотренного выше понятия «переприсвоения» текста (в переводе С.М. Каштанова – «вторичного присвоения»), в этом случае имеет место его «крайняя форма»

(!) – фальсификация текста «Учения». Кстати, П.В. Хавский примерно за девяносто лет до Обнорского и Бархударова в указанном числе также заменил К (20) на В (2), при этом он разделил/разбил слово «несъвѣдѣи» на четыре части «не съ *ѣди* и». Слово «вѣди» Хавский предложил понимать/воспринимать как число в значении «два»: «Слова в этом 4-м пункте вѣди значит 2; Д значит 4; В значит 2; *СѢКА* значит 6721. Соберем эти цифры для выговора, выйдет: 2426721, число дней в 6644 годах» (Хавский П.В. Примечания... С. 29). При этом П.В. Хавский проигнорировал/пропустил обозначение К (20 сотен тысяч), стоящее в его записи перед Д (4 сотни тысяч). Возможно, С.П. Обнорский и С.Г. Бархударов могли совершить замену К (20 сотен тысяч) на В (2 миллиона) под влиянием подхода П.В. Хавского.

Таким образом, развитие источниковедения, вспомогательных и специальных исторических дисциплин с введением понятий «присвоения» и «переприсвоения» (текста) (в трактовке С.М. Каштанова «вторичного присвоения») находит реальное применение в изучении научного потенциала Древней Руси. При Кирике, по видимому, использовался короткий шестиуровневый абак, вычислительная «мощность» («длина») которого ограничивалась числами стотысячного значения. Это подтверждается разделом «О дробных делениях часа», входящем в Погодинский список «Учения». (Симонов Р.А. Кирик Новгородец – ученый XII века. С. 71–73; Симонов Р.А. Древнерусская книжность... М., 1993. С. 106–108). Высказанное здесь предположение нашло поддержку в научных разработках: «...Весьма убедительным представляется предположение о связи дробных у Кирика с практикой счета на распространенном в средневековой Руси вычислительном средстве – шестиуровневом абаке» (Кузенков П.В. Календарно-пасхалистические традиции. С. 140).

Однако оставались определенные сомнения. Так, немецкий историк науки Генрих Зименс (математик по базовому образованию), соглашаясь с идеей счета Кирика на абаке, не до конца был уверен в этом: «Трудно сказать, каким образом Кирик справлялся с громоздкими числами порядка десятка миллионов, вероятно при помощи абак, древнейшего «счета костями», распространенного на Руси с XI в.» (Зименс Г. Кирик Новгородец (Кюрик, Кирилл) // Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков: Энциклопедический словарь / Отв. ред. акад. В.Л. Янин.

СПб., 2009. С. 239). Поскольку расчеты Кирика приводили к числам большей величины, содержащие миллионные разряды, то вставал вопрос, мог ли Кирик их считать на существовавшем 6-уровневом абаке типа «счета костями», коротком для этих гигантских чисел, и затем записать? Кирик очевидно поступил, как математик, разумно, увеличив/продолжив абак еще на два счетных уровня, что дало ему возможность произвести необходимые расчеты. Записать свои гигантские числа в существовавших обозначениях он не мог: предельными для абак были десяти тысячный (5-й счетный уровень абак – «тем») и соты тысячный (6-й уровень – «легионов»). В качестве обозначения десятков тысяч (5-й уровень абак) использовалась сплошная окружность, а сотен тысяч (6-й уровень) – окружность из точек. Обозначения единиц и десятков миллионов при Кирике отсутствовали. Они появились не ранее XIV в. – сперва для «леодра» (1 млн.) на основе лучевой окружности, затем в XVI в. для «ворона» (10 млн.) на базе окружности из крестиков. (Также существовал не закрепившийся в древнерусском счете вариант: «колесо» (10 млн.), «ворон» (100 млн.)). (Симонов Р.А. Загадка древнерусской системы чисел // Труды третьих Колмогоровских чтений. Ярославль, 2005. С. 311–326).

В условиях XII в. Кирик поступил довольно разумно: он единицы миллионов выразил через десятки «легионов», а десятки миллионов через сотни «легионов», но без использования знака «легионов» – точечной окружности. При этом Кирик отмечал (словесно), что миллионные разряды «несвѣдни», то есть «незнаемы»/«неведомы» используемому тогда на Руси 6-уровневому абаку из-за ограниченности его счетных возможностей, обусловленных недостаточностью «длины». Итак, не учтенный до сей поры историей науки Мазуринский список «Учения» содержит неизвестные ранее свидетельства того, как Кирик справлялся с возникшими трудностями в выражении/записи полученных им гигантских чисел, что подкрепляет высказанную ранее, но скупо подтвержденную источниками гипотезу об использовании Кириком абак. На основе этих новых данных изучение научного потенциала Древней Руси имеет возможность выйти из тупика, в котором оно оказалась по причине неудачных/неверных транскрипций «Учения» в результате некачественного «присвоения» (копирования) и дефектного издательского воспроизведения «переприсвоения» («вторичного присвоения») текста Кирика.

Интенсификация развития методов источниковедения, вспомогательных и специальных исторических дисциплин особенно актуальна для изучения тех исторических периодов и отраслей знания, по которым исторические источники имеются в дефиците, например, в области изучения научного потенциала Древней Руси. В подобных случаях следует использовать не прямые данные источников, которые могут иметь очень ограниченное содержание, а опираться на вариации, установленные внутри определенной системы представлений. Так, в «Учении» Кирика сообщает о себе, что он был «доместикъ ц(е)ркви с(вя)тыя Б(огороди)ца» (Кирик Новгородец. Учение... С. 190). Первый фото-публикатор и комментатор Погодинского списка «Учения» В.П. Зубов перевел слово «доместик» как «регент хора» с уточнением: «Доместик» или «уставщик» – регент (запевала) хора (Зубов В.П. Примечания к «Наставлению, как познать счисление лет» Кирика Новгородца // Историко-математические исследования. М., 1953. Вып. 6. С. 193, 195). Такая трактовка слова «доместик», сохраняется в историографии по сию пору. Однако следует учитывать, что в подлинных текстах Кирика (например, «Учении» и «Вопрошании») нет ни слова о музыке, поэтому, если бы не указание на певческую должность Кирика, ничто не говорило о музыке в его жизни.

Между тем, недавно проведенное специальное исследование, основанное на установлении устойчивых вариаций внутри системы «музыка – математика», показало, что музыка действительно могла сыграть важную роль в математическом «созревании» Кирика, как она положительно сказалась, по-видимому, и в жизни знаменитого математика академика А.Н. Колмогорова, и в жизни о. Павла Флоренского, получившего математическое базовое образование (Симонов Р.А. Путь познания у Кирика Новгородца и о. Павла Флоренского // Свобода и творчество / Под ред. И.А. Герасимовой. М., 2011. С. 315–325). В связи с этим заслуживает внимания интерес к математике у творчески одаренных людей. Так, академик Вяч. Вс. Иванов отмечает достаточно глубокие занятия математикой Велимира Хлебникова, Андрея Белого и др. представителей русского авангарда. Оценка акад. А.Н. Колмогоровым авангардной поэзии с точки зрения теории информации, в частности, показала, «что с помощью вариаций внутри уже известной системы можно получить количественно большую информацию, чем строя совершенно новое» (Иванов Вяч. Вс. Авангард и наука. «Доски

судьбы»: проблемы времени и чисел у Хлебникова и современная наука // Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. VII: Из истории науки: В 2 кн. М. 2010. Кн. 2. С. 353–383). По-видимому, метод вариационных связей, о котором говорилось выше, заслуживает того, чтобы его шире применять в источниковедении, вспомогательных и специальных исторических дисциплинах, особенно в случае дефицита информации прямых источников.

Б.Л. Фонкич (Москва)

АРХИВ МОСКОВСКИХ ПАТРИАРХОВ И ГРЕЧЕСКО-РУССКИЕ СВЯЗИ XVII в.

Связи греческого мира с Россией середины XVI – первой четверти XVIII вв. нашли свое отражение в значительной мере в греческих и славянских документах, находящихся, за некоторыми исключениями, в двух крупнейших московских хранилищах – Российском государственном архиве древних актов и Государственном Историческом музее. Греческие и славянские документы РГАДА, будучи частью фонда Посольского приказа, представляют собой источники для изучения отношений Греческой церкви с русским правительством в указанное время и отчасти, до середины XVII в., – с Русской православной церковью. Отношения Христианского Востока с Московским патриархатом начиная с середины XVII столетия осуществляются не традиционным путем, т.е. через внешнеполитическое ведомство России, а непосредственно через возникшую в правление патриарха Никона специальную «службу» при главе Русской церкви. Сформировавшийся здесь в течение второй половины XVII – первой четверти XVIII в. фонд греческих и славянских (балканского происхождения) документов по истории греческо-русских связей с самого своего возникновения входит в состав Патриаршей ризницы и Патриаршей библиотеки, с 1655 г. хранится в Патриаршем дворце и, в конце концов, вместе с книжным собранием московских патриархов в 1920 г. передается в ГИМ. Таким образом, находящиеся в настоящее время в Историческом музее 50 греческих грамот и почти столько же славянских документов представляют собой важные источники по истории

контактов греческого мира и *Московского патриархата* середины XVII – первой четверти XVIII в.

Для того, чтобы сделать этот вывод, нами было предпринято изучение греческих, славянских и русских документов РГАДА и ГИМ по следующим направлениям.

1. Изучение хранения в Москве греческих и славянских документов Посольского приказа и патриаршего ведомства после создания в Санкт-Петербурге Коллегии иностранных дел и Синода. Разбор и описание в 20–30-х гг. XVIII в. документов Посольского приказа Моисеем Арсеньевым и документов по связям с Христианским Востоком Патриаршего архива – анонимным архивариусом.

2. Хронология греческих и славянских документов ГИМ: самый ранний *славянский* документ – Син. грам. 1584 (1562 г.), самый ранний *греческий* – Син. грам. 2289 (1655 г.), самый поздний *греческий* – Син. грам. 2329 (1717 г.).

3. Адресаты греческих и славянских грамот ГИМ: за исключением трех грамот царю Алексею Михайловичу, все остальные предназначаются либо московским патриархам (Никону – 10, Иоасафу II – 19, Питириму – 1, Иоакиму – 15, Адриану – 9) или другим лицам, связанным с управлением Русской церковью (Стефану Яворскому – 1), либо адресуются всей Православной церкви, поскольку относятся к важнейшим темам церковной жизни, волновавшим Россию и Христианский Восток во второй половине XVII в. («Дело патриарха Никона – 9, «Синайское дело» – 3, о времени Пресуществления Св. Даров – 2, о присоединении Киевской митрополии к Московскому патриархату – 3 и т.п.).

4. Русские грамоты в составе изучаемой части архива московских патриархов (грамота об основании школы в московской Бронной слободе и др.)

5. Инициатива патриарха Никона по созданию собственной «службы» для отношений с Христианским Востоком, связь начала ее деятельности с завершением строительства Патриаршего дворца (1655–1656 гг.)

6. Переводчики греческих документов в ведомстве московских патриархов второй половины XVII в. (Арсений Грек, иеромонах Тимофей, Евфимий Чудовский).

7. Описи Патриаршей ризницы и библиотеки 1658–1773 гг., каталоги греческих рукописей Патриаршей библиотеки конца XVIII – конца XIX в. Появление впервые двух греческих грамот в Описи

1727 г. Полный перечень греческих и славянских документов Патриаршего архива в Описи 1749 г. (на основе более ранних аннотаций анонимного архивариуса). Причины отсутствия документов в предыдущих Описях Патриаршей/Синодальной библиотеки.

8. Порядок расположения (хранения) греческих, славянских и русских документов Патриаршего архива в первой половине XVIII в. Хронологический принцип размещения материала. Синодальные сборники документов.

9. Русские документы в чулане при Патриаршей столовой палате. Опись 1773 г.

10. Отдельные документы в архивах патриархов (копия документа 1592 г. из бумаг патриарха Иоакима).

С. Франклин (Кембридж, Великобритания)

«СВЕТСКИЕ» ПЕЧАТНЫЕ БЛАНКИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII в.

Печатный бланк стал самым типичным образцовым жанром использования технологии типографской печати в административных контекстах. Суть бланка как функционального документа заключается, в его обязательной гибридности, в гибкости сочетания зафиксированности его печатной основы с индивидуальностью его добавочных рукописных элементов, без заполнения которых он не может считаться действительным. В Европе печатные бланки появляются уже в середине XV в. История печатных бланков в России прослеживается со второй половины XVII в., с первых более или менее регулярных выпусков ставленных, разрешительных и жалованных грамот (Лукьянова Е.В. Листовые издания Московского Печатного двора во второй половине XVII в. (по документам Приказа книгопечатного дела) // Федоровские чтения – 2003. М., 2003. С. 214–224). Жалованные грамоты, которые печатались, по крайней мере, со второй половины 1660-х годов, также знаменуют собой важный, хотя и недостаточно отмечаемый этап в ранней истории «светских» применений технологии печати в России.

Нелегко восстанавливать историю печатных бланков в XVIII в. Они обычно не учитываются ни в библиографических справочниках, ни в библиотечных каталогах, ни в описаниях архивов. Ниже следующие замечания основаны частично на случайных находках и ссылках, а частично на материалах архива Института истории РАН в

Санкт-Петербурге, где хранится коллекция знаменитого ценителя и собирателя таких материалов Н.П. Лихачева.

Новая эпоха в истории печатных бланков наступила примерно со второй половины второго десятилетия XVIII в., когда начиналось производство печатных бланков по самым разным «светским» поводам. Бланки свидетельствовали, например, об освобождении от военной обязанности, об освобождении военнопленных, о разрешении совершать путешествия в пределах России, о разрешении ехать за границу, о выплате таможенных пошлин. Новые бланки также отличались от предыдущих оформлением. Они несравненно короче и проще, чем крупноформатные, роскошные и многословные жалованные грамоты XVII в. В подавляющем большинстве случаев они напечатаны гражданским шрифтом (несколько особняком стоит ранее исключение, «оборонительный лист» 1706 г.).

По функциональным признакам новые типы печатных бланков можно разделить на две группы: те, что подтверждали назначение владельца на какую-нибудь должность или чин; и те, что констатировали право владельца на неприкосновенность в определенных условиях. Первые мы привыкли называть патентами, а вторые – разного рода грамотами, хотя у документов прочного самоназвания нет. Устойчивая функциональность предшествовала устойчивой терминологии. Например, свидетельство об освобождении от военной обязанности в одних вариантах называется «указом» (СПБНИИ РАН. Собр. 238. Оп. 2. Картон 197.2/1; 197.7/1-6, от 1718 и 1722 гг.) а в других вариантах «пашпортом» (Там же. Картон 197.6; декабрь 1721 г.). Последнее обозначение указывает на общую функциональность второй группы бланков. Хотя они выдавались по самым разным конкретным поводам, их практическое содержание чаще всего сводилось к утверждению права на беспрепятственное передвижение. Повторяющиеся формулы, наподобие «везде пропускать» или «пропускать без всякого задержания» встречаются не только в документах, которые явно соответствуют нашим представлениям о «паспортах» или «подорожных», но и почти во всех разновидностях бланка, кроме патентов.

Введение и регулярное использование подобных бланков можно рассматривать в контексте законодательства, которое отражает усиленную озабоченность как раз проблемой несанкционированного передвижения людей. 23 января 1718 г. вышел указ Сената о печатании подорожных между Санкт-Петербургом и Москвой. В указе

от 30 октября 1719 г. о беглых военнослужащих впервые артикулировался запрет на передвижение без «пашпорта». По петровскому «Плакату» от 26 июня 1724 г. запрещено было крестьянам уезжать дальше чем на 30 верст от места жительства без официального паспорта. Через два года в указе Екатерины I от 1 февраля 1726 г. объявлялось, что такие крестьянские паспорта обязательно и без исключения должны быть печатными.

Естественно предполагать, что введение печатных бланков было связано с неким административным удобством, с якобы очевидными преимуществами, предоставленными возможностью тиражировать стандартные административные документы. Однако это не совсем так. Введение и распространение «светских» печатных бланков со второго десятилетия XVIII в. связано не с их удобством, а как раз наоборот, с их *неудобством*. В Западной Европе, при наличии многочисленных частных, коммерческих типографий, заказывать себе печатный документ мог практически любой, кто имел соответствующие средства. В России же наоборот: при почти монопольном контроле над типографским производством, само существование печатного документа уже свидетельствовало о его статусе, о его подлинности. Одной из причин для официального введения печатных бланков было желание подорвать возможный авторитет подложных (рукописных) эквивалентов. В какой-то мере само применение данной технологии играло роль и гаранта, и символа власти.

Иногда печатные бланки бывали даже чересчур «неудобными». Административная инфраструктура оказалась неадекватной. Вплоть до начала XIX в. возникали проблемы с выпуском и доставкой паспортных бланков по губерниям, и это имело даже экономические последствия там, где традиционно рассчитывали на труд беглецов и беспаспортных (например, в сезонном передвижении товаров по Волге, в соляном промысле и т.п.). Частично поэтому, видимо, первоначальный всплеск «светских» печатных бланков не превратился в постоянно растущий поток. Следующим значительным этапом можно считать первый выпуск денежных бумаг в 1769 г., также в виде печатных бланков (на каждом требовалось не меньше четырех рукописных подписей).

Несмотря на подобные трудности, распространение «светских» печатных бланков имело культурно-историческое значение для общественного восприятия печатного слова вообще. Печатные

бланки обычно рассматриваются как источники информации о внешних фактах или процессах. Этим, однако, их роль не ограничивалась. Если для многих людей богослужебные книги предоставляли возможность первичного восприятия типографской продукции как *предмета*, то непосредственное восприятие печатного слова как *текста* стало широко доступным благодаря распространению однолистных изданий – особенно, с марта 1714 г., печатных указов, прибитых к стенам и воротам. А для того чтобы печатное слово мигрировало из общественного пространства в частное, из церкви или со стены в карман, нужны были именно печатные бланки.

О.И. Хоруженко (Москва)

Уезд Мстиславль в Московско-рязанском докончании 1381 г. и князь Мстислав

Последняя по времени публикация московско-рязанского докончания 1381 г. (Кучкин В.А. Договорные грамоты московских князей XIV в.: внешнеполитические договоры. М., 2003. С. 335–348) является весомым аргументом против упрощенной передачи текста при публикации средневековых источников и позволяет предложить новое прочтение хорошо известной в историографии грамоты.

Согласно этому докончанию московский великий князь Дмитрий Иванович Донской отказывался от территорий среднего правобережья Оки (в современной Тульской области), «что доселе потягло къ Москве», в пользу рязанского великого князя Олега Ивановича. Интересующий нас фрагмент, начиная с первой публикации в «Древней российской вивлиофике» и заканчивая «Духовными и договорными грамотами», выглядел так: «А что на рязанской стороне за Окою, что доселе потягло к Москве, почень Лопастна, уездъ Мьстиславль, Жадене городище, Жадемль, Дубок, Броднич с места, как ся отступили князи торуские Федору Святославичу, те места к Рязани». Это – вариант, полученный после редакторской правки. Новая публикация позволяет выявить изначальный текст, написанный писцом: «...как ся отступил кн(я)зь торуский Федоръ Святославич».

В слове «кн(я)зь» буква «ъ» была исправлена на «и», в слове «торускїи» буква «и» – на «є», в слове «Федоръ» буква «ер» – на «ук».

Сам автор публикации придерживается традиционного варианта прочтения (т.е. варианта редактора) и дает ему исчерпывающе скрупулезный комментарий. Оно действительно нуждается в пояснении: неясно, кто такой Федор Святославич, отчего это лицо, именованное в соответствии с княжеским ономастикомом, не титулуется князем и, наконец, неясен причудливый переход права собственности на упомянутые в докончании территории (по версии В.А. Кучкина: рязанские князья – московские князья – тарусские князья – Федор Святославич – Дмитрий Иванович Донской – Олег Иванович Рязанский).

Федор Святославич определяется как князь вяземский и дорогубужский из рода смоленских князей, на некоторое время – тесть московского великого князя Симеона Гордого. Симеон женился на его дочери Евпраксии в 1345 г. Однако «великую княгиню на свадьбе испортили – ляжет с ней великий князь – и она ему покажется мертвец». В.А. Кучкин интерпретирует это показание родословцев без всякой мистики: по его мнению, великую княгиню Евпраксию отличал низкий уровень темперамента. По свидетельству родословных книг, великий князь Федора Святославича «перезвал себе, а дал ему в вотчину Волок со всем». Туда же в 1346 г. и была отослана великая княгиня.

Без сомнения, к этому вяземско-дорогубужскому князю относятся сведения московско-литовских докончаний 1449 и 1494 гг. Здесь «кн(я)жа Федорова места Святославичъ», расположенные на московско-литовском порубежье в Смоленской земле, определяются как вотчина московского великого князя и упоминаются в одном ряду с владениями других представителей младших линий смоленского княжеского дома – Хлепенскими, Фоминскими (Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950 (далее – ДДГ. С. 162, 330). Никаких иных доводов, кроме совпадения имен для утверждений о тождественности двух Федоров Святославичей нет.

Отсутствие княжеского титула при имени Федора Святославича В.А. Кучкин объясняет его переходом на службу великому князю, что в XIV в. лишало княжеского титула (Кучкин В.А. Договорные грамоты... С. 256, 260). Это суждение представляется излишне

категоричным. Другие князья, служившие московскому великому князю в XIV в., – тарусские, белозерские, угличские, ярославские, дорогобужские – благополучно сохранили свой титул.

«Причины уступки тарусскими князьями названных земель бывшему вяземско-дорогобужскому князю», согласно В.А. Кучкину, «можно понять». Однако автор не вполне ясно объяснил – как именно. По его мнению, названные земли были захвачены московскими князьями у Рязани, переданы тарусским князьям в качестве вознаграждения за некоторые услуги, а затем те уступили эти земли московской крестуре Федору Святославичу, поскольку «такие не принадлежавшие к исконной вотчине земли легче отчуждались» (Там же. С. 256–257). Благодарность великого московского князя тарусским князьям, выразившаяся в конечном итоге в конфискации части их вотчин, выглядит странно.

Таким образом, удовлетворительного объяснения «темных мест» московско-язанского докончания 1381 г. его традиционное, согласно варианту редактора, чтение не дает.

Писцом и редактором документа, судя по всему, выступали разные лица. Вопреки наблюдениям публикатора, исправления сделаны более темными чернилами, с большим нажимом пера, буквы более крупны. Кроме того, текст редактора отличают и орфографические особенности. Якорная «є» (эта буква перешла в последующие докончания 1402, 1434 и 1447 гг., но не была воспроизведена ни в предшествующих публикациях – Древняя российская вивлиофика. 2-е изд. М., 1788. Ч. 1. С. 92; Собрание государственных грамот и договоров. М., 1813. Ч. 1. № 32. С. 54; Савельев-Ростиславич Н.В. Дмитрий Иванович Донской, первоначальник русской славы. М., 1837; Лазаревский А.М., Утин Б.И. Собрание южных памятников. СПб., 1859. С. 96–99; Хрестоматия по русской истории / Сост. Н.[Я.] Аристов. Варшава, 1870. С. 1193–1196; Фарфоровский С.В. Источники русского права. СПб., 1913. С. 279–280, – ни в публикации В.А. Кучкина) не встречается в основном тексте документа. Писец не сокращал после выносной иных букв, кроме «о/ь» и «е/ь». Редактор же допускал сокращение после выносной букв «и», «у/ю».

Различные чтения писцом и редактором букв «ерь»/«иже», «ер»/«ук» могут быть объяснены палеографически. Стертая или поврежденная горизонталь полууставного «ерь» могла привести к чтению ее в качестве «иже». Слегка продолженная за пределы

вертикали петля в букве «ер» делала ее похожей на «ук». Такого же рода путаница букв «ерь»/«ук» привела к появлению «кн(я)зеи торьских» в докончании Василия I с рязанским князем Федором Ольговичем (ДДГ. № 19. С. 55).

Строка, содержащая рассматриваемый текст, 12-я из 36-ти. Можно предположить, что копировавшийся писцом документ (рязанский противень договора 1382 г., хранившийся в московском великокняжеском архиве) был сложен втрое, причем буквы на сгибе повредились. Вероятно, дефектный текст оригинала повлиял и на текст последующих московско-рязанских докончаний. Особенно это заметно в договоре 1402 г. (дошел в списке XV в.), где в интересующем нас фрагменте читается неприемлемая с точки зрения грамматики фраза: «как ся отступили кн(я)зи торусские Федоръ Славичъ» (ДДГ. С. 53). Возможно, оригинал документа на момент копирования уже был поновлен – это может объяснить воспроизведение якорной «с» в последующих докончаниях, явно зависимых от докончания 1381 г.

Вариант писца «уездъ Мьстиславль... как ся отступил кн(я)зь торуский Федоръ Святославичъ» также требует комментария.

Понимать слово «уезд» в узком смысле, как наименование территориально-административной единицы, для XIV в. было бы неправильно. С.М. Каштанов, специально исследовавший значение этого термина в актах XIV–XVI вв., зафиксировал его употребление в значениях «разъезд, размежевание» (т.е., скорее, речь идет о действии, а не о территории) и как синоним «удела», земельного владения. К концу XIV в. появляются «уезды» нового типа, определяемые как округа крупных городских центров [Каштанов С.М. Из истории русского средневекового источника (Акты X–XVI вв.). М., 1996. С. 102–107; см. также: Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1912. Т. 3. Стб. 1346–1347]. Соответственно и «Мстиславль» следует трактовать не как топоним, а как указание на владельческую принадлежность «уезда», притяжательное от имени Мстислав (из подобных прилагательных образованы топонимы Глебль, Переяславль, Рославль, Хотмышль и т.п.). Полными аналогами выражения «уездъ Мьстиславль» являются: «уездъ княжъ» уставной грамоты смоленского князя Ростислава Мстиславича 1150 г. (Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976. С. 143), «оуездъ о[т]ца своего» духовной грамоты в. кн. Ивана Ивановича (ок. 1358 г.; ДДГ. № 4. С. 18),

«княгининъ оуездъ Оулянинъ» докончания Василия I с Владимиром Андреевичем Серпуховским (ок. 1390 г.; ДДГ. № 13. С. 37). Наблюдения С.М. Каштанова дали ему основания предположить, что «упоминание подобного рода “уездов” свидетельствует, вероятно, о предшествующих разделах и выделах округов в другое владение» (Каштанов С.М. Из истории русского средневекового источника... С. 105).

Возможно, тарусский князь Федор Святославич «отступился» от четырех волостей в пользу некоего князя Мстислава, что и составило его «уезд».

Такое прочтение позволяет вернуться к сопоставлению докончания 1382 г. с памятниками Куликовского цикла. Можно предположить, что Федор Святославич и Мстислав докончания 1381 г. – это те самые князья, которые, согласно Пространной повести о Куликовской битве, пали на Мамаевом побоище в 1380 г. (оба упомянуты без отчества: «князь Федор Торусьскыи, брат его Мстислав»). Тогда переход прав на уезд Мстиславль выглядит вполне логичным; его объяснение не требует столь тяжеловесных и шатких построений, как традиционное чтение. Тарусский князь Федор Святославич «отступился» от восточной части своего княжества в пользу брата Мстислава. После гибели обоих братьев на Куликове поле «уезд» Мстислава оказался выморочным и его судьбой смог распоряжаться московский великий князь. Вероятно, именно на выморочную часть Тарусского княжества, предположительно – вотчину князя Федора Святославича – в 1391 г. великий князь Василий Дмитриевич получил ханский ярлык (ПСРЛ. Т. 8. С. 62). На другую часть Тарусского княжества местные князья сохраняли суверенные права до начала XVI в.

Сопоставить Повесть о Куликовской битве с докончанием 1381 г. пытался И.Б. Греков. Однако он опирался лишь на некорректную цитату («как ся отступил князи торусские Федору Святославич») [Греков И.Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV–XV вв.). М., 1975. С. 446] и, по предположению М.А. Салминой, на указатель личных имен к «Духовным и договорным грамотам». Явная ошибка И.Б. Грекова позволила Салминой говорить о «мифическом Федоре Тарусском XIV века, появившемся на наших глазах в результате невнимательного прочтения И.Б. Грековым текста “докончальной” грамоты 1382 г.» (Салмина М.А. Еще раз о датировке «Летописной повести» о Куликовской битве //

ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 38). Вывод М.А. Салминой представляется поспешным: был ли князь Федор Святославич лицом, отказавшимся от части тарусских земель, или тем лицом, что их получило, – он одинаково мог титуловаться «тарусским» в актовых и повествовательных источниках и, несомненно, был реальной, а не мифической фигурой.

Реальность Федора Тарусского XIV в. не устраивала М.А. Салмину оттого, что не вписывалась в ее гипотезу об отражении в Повести о Куликовской битве реалий феодальной войны XV в. Она считала, что Пространная редакция могла возникнуть не ранее 1437 г., когда в битве под Белевым пал некий князь Федор Тарусский. Именно он и был, по мысли Салминой, увековечен в Летописной повести (Салмина М.А. «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966. С. 344–384), что дает как дату этого произведения, так и летописного свода, в котором она помещалась – протографа Новгородской IV и Софийской I летописей. В этой гипотезе, как было отмечено И.Б. Грековым, недостает главного – доказательств того, что в роду тарусских князей был только один-единственный князь Федор: «Существование в Тарусе князя Федора в 30-е гг. XV в. отнюдь не исключало существования там князя с таким же именем в 70-е гг. XIV в.» (Греков И.Б. Восточная Европа... С. 444). Равно справедливо и допущение В.А. Кучкина о «существовании в 1380 г. и в 1447 г. двух Федоров Тарусских, например, деда и внука» (Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 59; см. также: Горский А.А. К вопросу о составе русского войска на Куликове поле // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2001. № 4 (6). С. 8, примеч. 46).

Построения М.А. Салминой были также оспорены А.Г. Бобровым (Бобров А.Г. Из истории летописания первой половины XV в. // ТОДРЛ. 1993. Т. 46. С. 8–9), Б.М. Клоссом (Клосс Б.М. Избранные труды. М., 1998. Т. 1: Житие Сергия Радонежского. С. 112–117) и другими авторами, из которых наиболее последовательным критиком М.А. Салминой выступил С.Н. Азбелев. А.Г. Бобров предложил датировать летописный свод, к которому восходят Новгородская IV и Софийская I летописи, т.е. и Пространную редакцию Летописной повести с известием о гибели Федора и Мстислава, 1418 г.; Б.М. Клосс – 1412–1419 гг. Нужно отметить существование достаточно аргументированной гипотезы о возник-

новении Пространной редакции уже в конце XIV в. и ее бытовании вне летописных сводов [Шахматов А.А. Отзыв о сочинении С.К. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище» // Отчет о двенадцатом присуждении имп. Академиею наук премий митрополита Макария в 1907 году. СПб., 1910. С. 121; Греков И.Б. Восточная Европа... С. 329–334; Азбелев С.Н. Об устных источниках летописных текстов (на материале Куликовского цикла) // Летописи и хроники, 1976. М., 1976. С. 81–88; Он же. К вопросу об устном оригинале летописной повести о Куликовской битве // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 4 (22). С. 50–79].

В список погибших в Куликовской битве действительно было внесено несколько имен лиц, погибших незадолго до нее, – Дмитрия Минича (ум. 1368), Дмитрия Монастырева (ум. 1378). Но М.А. Салмина предлагала поверить в то, что смерть князя Федора Тарусского была отнесена его современником – составителем Повести на 60–70 лет назад. Это предположение С.Н. Азбелев посчитал маловероятным (Азбелев С.Н. Повесть о Куликовской битве в Новгородской летописи Дубровского // Летописи и хроники: Сб. ст., 1973. М., 1974. С. 172). В самом деле, в этом случае целеполагание автора Повести становится совершенно непонятным. На какую реакцию современных ему читателей, из которых многие могли лично знать тарусского князя Федора и обстоятельства его недавней гибели, мог рассчитывать автор Повести? Гипотеза М.А. Салминой полностью обходит молчанием фигуру князя Мстислава, брата Федора Тарусского. Гибель Мстислава на Куликове поле – уникальное известие Повести, которое не могло быть заимствовано ни из одного ее источника, предполагаемого исследователями.

В отдельных списках брат князя Федора Тарусского именуется двойным именем, Иван Мстислав. В этом видно влияние на текст Повести либо разряда Тверского похода Дмитрия Донского 1375 г., где в числе участников значился тарусский князь Иван Константинович, либо фрагмента той же Повести об уряжении полков. Это же влияние усматривается и в Любецком синодике (рукопись XVIII в.), где поминали «князя Иоанна Мстислава, княгиню его Анастасию» (Зотов Р.В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892. С. 29, 165–166).

Уезд Мстиславль оставался за рязанскими князьями по докончаниям 1402, 1434 и 1447 гг. (ДДГ. С. 53, 84, 143). В московско-

рязанском докончании 1483 г. Мстиславль, вероятно, скрывается в обобщенном указании «и иные места» в ряду купель великого князя Василия Васильевича: «За рекою за Окою Тешилов, и Венев, и Растовец, и иная места» (Там же. С. 285). Это позволяет отнести покупку Мстиславля к периоду 1447–1462 гг., между последним упоминанием Мстиславля в качестве рязанского владения и кончиной Василия II. В 1494 г. Мстиславль упоминается уже в числе «украинных мест» московского великого князя в московско-литовском докончании (Там же. С. 330). В духовной Ивана III (1504 г.) Мстиславль был завещан князю Василию Ивановичу (Там же. С. 354); в духовной Ивана Грозного (1572 г.) – Ивану Ивановичу (Там же. С. 435).

Уезд Мстиславль сохранил свое название до екатерининского генерального межевания. Тогда он именовался Мстиславским станом в составе Каширского уезда. Другие топонимы, содержащиеся в рассматриваемой статье докончания, в литературе убедительно не локализованы. Исключение составляет Дубок, но он был соотнесен с Дубком на Дону из «Списка городов дальних и ближних». Это сомнительно – тот Дубок значительно удален от Тарусы, их разделяет Тула, имевшая особый статус. Дубок – не уникальный топоним; даже в настоящее время населенные пункты с таким названием находятся в Калужской, Псковской, Тверской, Орловской областях.

М.С. Черкасова (Вологда)

КОРПУС АКТОВЫХ ИСТОЧНИКОВ ПО СЕВЕРНОРУССКИМ ЕПАРХИЯМ XVI – XVII ВВ.

Формирование документального комплекса (и совокупности актов как его части) церковных институций (архиерейских кафедр, монастырей, соборных и приходских церквей) происходило в процессе их жизнедеятельности, функционирования в системе вертикальных (церковно-государственных, внутри- и межцерковных) связей, тесной включенности в местные социальные связи и отношения. С XII в. огромные пространства Русского Севера окормлялись двумя церковными институциями – Ростовской и Новгородской архиепископиями. В их рамках Белоозеро, Вологда, Устюг, Сольвычегодск, Каргополь, Холмогоры являлись опорными точками в процессе христианизации и колонизации (промыслово-земледель-

ческого освоения). В конце XIV в. возникла новая – Пермская епископия (на рубеже 1560–1570-х годов ставшая Вологодско-Пермской). Во второй половине XVII в. произошел ряд существенных изменений в территориальном составе севернорусских епархий, их «разукрупнение» завершилось образованием ряда новых кафедр – Холмогорско-Важской, Устюжско-Готемской и Вятско-Пермской (Покровский И. Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и пределы. Казань, 1897. Т. 1; Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. М., 2007. Стб. 33–35, 329–333, 729–730, 801, 813; Камкин А.В. Православная церковь на севере России. Вологда, 1992. С. 92–97). До конца XVII в. на севере сохранялись территориальные «вкрапления» Патриаршей области.

Исходя из принципа генетической близости и взаимного уподобления в традиционном обществе государственных и церковных административных структур (Гневашев Д.Е. Двор вологодского архиепископа в XVII в. // Региональные аспекты исторического пути православия: Архивы, источники, методология исследований. Вологда, 2001. С. 139–149), на первое место в корпусе актовых источников следует поставить жалованные и указные грамоты. Они выдавались как со стороны государственной власти монастырям, церквям (соборным, ружным, приходским), митрополитам, архиепископам и епископам, так и этими последними – состоявшим в их епархиях монастырям, приходским церквям, отдельным должностным лицам и всяким слугам.

Для княжеских и царских грамот была обязательна формула «*пожаловал* есми», тогда как для святительских – «*благословил* есми» и уже затем «пожаловал», «поставил», «указал», «велел», «приказал» и пр. Думается, что неперемное присутствие «благословения» выявляет связь посланий высших церковных иерархов XIV–XV вв. с последующими архиерейскими грамотами. Возможно сближение формуляра царских жалованных грамот с митрополичьими и патриаршими грамотами, начинающимися с «Божиею милостию, се яз, смиренный великий господин и государь...». В то же время в указных грамотах формула «Божиею милостию...» обычно отсутствует. В челобитных на имя церковных иерархов (от архиереев – патриархам, от белого и черного духовенства – архиереям) видим этикетную формулу «твои *святительские* богомольцы» (по аналогии с «государевыми богомольцами», когда

шло обращение на царское имя) или суммарно: «нищей *государев* и твой *святительской* богомолец».

Наиболее ранняя совокупность жалованных грамот ростовских архиепископов, адресованных причтам сельских церквей Белозерского уезда, за XV–XVI вв. отложилась в архиве Кирилло-Белозерского монастыря и стала предметом специального изучения С.М. Каштанова (доклад «Формуляр и внешние признаки грамот ростовских владык второй половины XV – начала XVI в.» на конференции в Ростове Великом в 2009 г.). В.Д. Назаров дал предварительную классификацию жалованных грамот церковных иерархов различных епархий XV–XVI вв. (в том числе и северных), содержащих комплекс иммунитетных освобождений для причтов сельских церквей. Были показаны ретроспективные возможности данного вида актов для изучения некоторых архаичных черт системы полюдь и кормлений в средневековой Руси (Назаров В.Д. Полюдь и система кормлений. Первый опыт классификации нетрадиционных актовых источников // *Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии. Чтения, посвященные памяти акад. Л.В. Черепнина. М., 1988. Вып. 1. С. 165–170.*)

На некоторые локальные территории Белозерско-Вологодской границы известны «жаловальные оберегалные» патриархии грамоты 1620-х гг., содержательно близкие к иммунитетным актам церковных иерархов XV–XVI вв., устанавливавшим налогово-судебную неподведомственность приходов владычным десятильникам и их агентам (см., например, грамоту патриарха Филарета пустыни св. Дмитрия Солунского в Южской вол. Вологодского у. на границе с Белозерьем в 1628 г. – Государственный архив Вологодской обл. (Далее – ГАВО). Ф. 1260. Оп. 1. № 106; имеется подтверждение патриарха Иосифа 1644 г.). Своего рода «трансмиссией» жалованных грамот (и царских, и святительских) по северным уездам можно считать включение в первые широкой совокупности статей, определявших порядок сбора с приходов и монастырей церковных пошлин и уплаты их сотскими и поповскими старостами, запреты въезда владычных десятильников (новгородского митрополита и вологодского архиепископа), подъезщиков и всяких пошлинников, «опричь духовного суда», взимания кормов, поминков, посулов и подвод (Сборник грамот коллегии экономии. Пг., 1922 (далее – Сборник ГКЭ). Т. 1. № 442, 522 а, 522 б; Т. 2. Л., 1929. № 203, 205 – подтверждение в 1574/75 г. жалованной грамоты Богословско-Важ-

скому монастырю 1548 г., царские грамоты Николо-Клоновскому 1577 г., Антоньево-Сийскому 1614 г., Николо-Корельскому и Михайло-Архангельскому монастырям 1623 г.). В некоторых царских указных грамотах начала 1660-х годов видим явные элементы уставных, регламентирующие размеры сугубо церковных поштин – вечных, новоявленных, похоронных – и взносов «за десятильнич доход» с локальных территорий севера, входивших в Патриаршую область (Сборник ГКЭ.Т. 2. № 24). Это могло объясняться обстановкой «межпатриаршества», когда Никон оставил престол (1658), а новый патриарх еще не был избран. Но и в более раннее время известны случаи вмешательства (или участия) царской власти в сугубо внутрицерковных делах. Когда в 1646 г. игумен вологодского Корнильево-Комельского монастыря Антоний без благословения владыки Маркела и не взяв в соборной Софийской церкви антиминос, сам освятил в монастырской вотчине несколько храмов, в царской грамоте Алексея Михайловича это было расценено как бесчестие «богомольца нашего». Провинившемуся игумену грозил духовный суд. (Летопись занятий Археографической комиссии за 1862–1863 гг. (далее – ЛЗАК). СПб., 1862. Вып. 2. С. 65).

Для Вологодской епархии наиболее ранней является жалованная тарханно-несудимая грамота епископа Варлама I трем своим детям боярским на дворовые места в городской Никольской владычной слободке с правом заселения ее крестьянами и суда над ними 1583 г. (из коллекции А.П. Гранкова, воспроизведена Ю.В. Анхимюком в виде фотокопии: Рукописные собрания ГБЛ. Указатель.Т. 1. Вып. 3 М., 1996. С. 410). Для следующей жалованной грамоты – архиепископа Варлама II сыну боярскому Поснику Пудову 1628 г. – характерны черты уставной, определявшей номенклатуру и размер взимаемых данным слугой поштин в течение годового срока его полномочий. Определялся их состав («суд, пересуд и всякие поштины») и подчеркивалась традиционность: «как было то наше *жалованье тиунство* за прежними нашими детьми боярскими» (ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Кн. 167. Л. 4). Жалованные поземельные грамоты (типа ввозных поместных или вотчинных) вологодских владык своим служилым людям нам неизвестны.

С учетом нарастания делопроизводственной документации от XVI к XVII в. становится понятной эволюция жалованных и указных грамот в архиерейские указы или наказные памяти наместникам, десятильникам, недельщикам, назначаемым в монастыри игуменам

и строителям, приказчикам в сельские вотчины и пр. (ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. № 473, 590, 593, 710, 706, 2361, 4365, 4271, 4778, 6176, 6551, 6554, 10283, 10575). Такой же процесс наблюдается и в развитии царских иммунитетных актов: «А на сю мою грамоту грамоты и наказов нет», – читаем в жалованной тарханной Михаила Федоровича Кирилло-Белозерскому монастырю на посад Неноксу 1615 г. (Сборник ГКЭ. Т. 1. № 453 а).

Сохранившиеся в большом количестве наказы вологодских архиепископов своим детям боярским и десятильникам за XVII в. близки к жалованным (с элементами уставных) грамотам феодальных суверенов агентам кормленной системы на «тиунские доходы». Они напоминают по сути жалованные кормленные грамоты XV – первой половины XVI в. и доходные списки волостелей. Примечательно, что власти вологодских монастырей (Спасо-Прилуцкого, Павлова Обнорского в 1599–1633 гг.) также выдавали слугам жалованные уставные грамоты на «тиунство и довод» (их анализ и публикацию см.: Черкасова М.С. К изучению наказных и уставных записей севернорусских монастырей XVI – начала XVIII в. // Уч. зап. Мурманского гос. гуманитар. ун-та. Ист. науки. Мурманск, 2011. Вып. 11. С. 39–57). Аналогичные грамоты известны и по другим севернорусским монастырям – Кирилло-Белозерскому, Соловецкому (Дмитриева З.В. Уставные грамоты Кирилло-Белозерского монастыря XVI–XVII вв. // Сборник статей, посвященных 75-летию со дня рождения Ю.Г. Алексеева. СПб., 2002. С. 261–269). Наряду с уставными грамотами, по центральным уездам России уже в XVII в. широко известны монастырские *наказы* приказчикам, а в XVIII в. это найдет продолжение в вотчинных *инструкциях* управителям.

Представляет несомненный интерес эволюция института владычных наместников. Сквозь призму сохранившихся наказов вологодского архиепископа Варлаама 1632 г. можно говорить об отмене им этого управленческого звена на Усть-Выми и Окваде (древнейшее ядро Пермской епископии) и передаче функций наместников выборным церковным старостам и представителям крестьянской верхушки на местах одновременно с усилением прерогатив владычных детей боярских, посылаемых с разовыми поручениями в этот отдаленный восточный район епархии. Совершенно очевидно стремление поставить наместников под более жесткий контроль архиерейских приказных (ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. № 171, 473, 9130). Некое уподобление произведенного мероприятия

земской реформе в России в 1550-х годов налицо. В еще более отдаленных приходах епархии – на Усть-Цильме и в Ижемской слободке (район р. Печоры) – выборные попы и посадские люди собирали десятину и церковные пошлыны (венечные и новоявленные) на основе святительских *заказных* грамот, присылавшихся вологодскими архиепископами (ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. № 1807, 8192). «Заказом» обычно называлась группа приходов (8–10), возглавлявшаяся назначенным на время поповским заказчиком (типа позднейшего благочиния). Вероятно, обширность епархиальной территории подсказывала церковным правителям оптимальные способы управления – от активного использования института «заказчиков» до передачи их функций представителям местных сословных групп, не исключая и ответственных разовых поручений, дававшихся собственным посланникам.

К числу наиболее распространенных актовых источников, регулярно исходивших из архиерейских канцелярий, можно отнести выдававшиеся священно- и церковнослужителям, монастырским настоятелям новоставленные и просто ставленные, новоявленные и просто явленные, «епитрахильные» (для вдовых попов), «орарные / уларные» и «постихарные» (для вдовых диаконов), «иеромонашеские» (черным попам в монастыри и церкви, вариант: «иноческие») переходные и отпускные грамоты. Каждая из названных разновидностей грамот заслуживает отдельного рассмотрения. В совокупности своей они отражают непрерывный процесс назначения на поповские и дьяконские должности и перемещения данных лиц от прихода к приходу, иногда – из одной епархии в другую, пострижение в монахи вдовых попов, сохранявших право священнодействовать, а для самих монахов – нередкие переходы из одной корпорации в другую. Все это представляет несомненный интерес для социального и демографического изучения провинциального духовенства в допетровской Руси, его горизонтальной и вертикальной мобильности.

Названия епитрахильных и орарных (уларных) грамот происходят от священнического и дьяконского церковного облачения. Согласно постановлению собора 1503 г., вдовым священникам и диаконам запрещалось служить. Но на некоторый срок (год, два) они получали такое право от архиереев, оформляемое в грамотах названных видов, терминология которых указана в Стоглаве 1551 г. Образцы епитрахильных грамот были приведены в «Актах

юридических» за 1622, 1699 и 1703 гг. По Вологодской епархии известны многочисленные челобитные попов и диаконов о выдаче им святительских благословенных грамот, мотивируемые обычно наличием большого числа малолетних детей и возможностью кормиться только от «церкви Божии». В архиерейской канцелярии велись специальные записные книги выдаваемых епитрахильных грамот и новоявленных памятей (ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. № 6628, 10416). Ведение учетной документации известно также на уровне «заказов» и приходов.

Судя по пометкам на обороте, челобитные вдовых попов и диаконов рассматривались в архиерейской канцелярии весьма оперативно и буквально на следующий день выдавалась благословенная епитрахильная или оранная грамота. Даты самих грамот и записей на обороте, содержащие разрешительный срок, нередко совпадают, т. е. это делалось одновременно. В епитрахильных грамотах перечислялись допускаемые для вдовых попов виды таинств и обрядов – петь вечерни, заутрени, венчать свадьбы, давать молитвы роженицам, крестить детей, освящать маслом больных, хоронить мертвых, самому причащаться в епитрахили в алтаре, – но запрещалось служить литургию. И хотя большой Московский церковный собор 1667 г. это ограничение снял, в ряде епитрахильных грамот вологодских архиепископов второй половины XVII в., как заметил Н.И. Суворов, оно остается (Вологодские епархиальные ведомости. 1869. Прибавления к № 5. С. 184–188). В этом историк усматривал стремление архиереев склонить вдовых попов к принятию монашества. И действительно, на обороте челобитных некоторых вдовых попов встречаются ремарки рукой архиепископа Симона: «Время постричься» (ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. № 6929–1685 г.).

Сопоставление челобитных и подписей-резолуций на их обороте убеждает в близости в XVII в. терминов «грамота» и «память». Так, прихожане просят архиепископа выдать сборную *память* «позбирать в миру на церковное строение», а на обороте архиерейский агент помечает: «зборная *грамота* выдана» (Суворов И. К истории церкви Вологодской епархии // Вологодские епархиальные ведомости. 1911. Прибавления к № 116. С. 393). Аналогично и с просьбами выдать отпускную или переходную: на обороте соответствующих челобитных отмечалось, что отпускная (или переходная) *грамота* выдана (ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. № 140 – 1629/30 г.).

Остановимся подробнее на *ставленных* (они же ставленнические) грамотах. В истории древней христианской церкви их выдача практиковалась с V–VI вв., в Северо-Восточной Руси – с XI–XII вв., но самих этих грамот до нас дошло немного. Несколько ставленных грамот митрополита Ионы своим заместителям в Киев, Вильно, Новогрудок и Гродно известно от середины XV в. (Абеленцева О.А. Митрополит Иона и установление автокефалии русской церкви. СПб., 2009. Приложение. № 18, 29; последняя имеет форму жалованной). Ранний образец (формуляр) ставленной грамоты пономарю от новгородского архиепископа Геннадия известен от 1503/04 г. (Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. (Далее – АЮ). СПб., 1838. № 388). По Пермской епископии укажем на раннюю ставленную грамоту епископа Филофея попу Якиму к ц. Вознесения («зырянскими письменами») (Русская историческая библиотека. Т. 6. № 105). Наиболее часто приводится в научных исследованиях ставленная грамота московского митрополита Симона иноку Корнилию Крюкову (Комельскому) в попы Введенской церкви в пустыни в «своей митрополии в Костромской десятине» 1501 г. (Амвросий. История российской иерархии. Ч. 4. М., 1812. С. 659–660). Согласно упомянутой выше жалованной вологодского архиепископа Варлама сыну боярскому Поснику Пудову на тиунство 1628 г., тот мог собирать новоставленные пошлыны по гривне с человека с низших лиц причта – дьячков, пономарей, проскурниц, трапезников и выдавать им «печати писменные». Мог он также возводить новоставленных игуменов на игуменство, «а взводного с них имати по прежнему смотря по месту».

В канцелярии Вологодских архиепископов в XVII в. практиковалась регулярная проверка-ревизия настольных, ставленных, переходных грамот, с которыми священники и игумены обязаны были являться в архиерейский приказ. Статьи об обязательном наличии у попов ставленных грамот встречаются в архиерейских переписных и окладных книгах, в записях о взимаемой дани/десятине по каждому приходу. Настоятели монастырей в ходе переписи и обложения церковной данью предъявляли переписчикам свои настольные и благословенные иноческие грамоты (Сборник актов Северного края XVII в. Вологда, 1926. С. 51, 54, 57 и др.). Уплата попами ставленных пошлын при получении грамот

фиксирувалась в приходных книгах архиерейского дома в одном ряду с прочими денежными поступлениями.

Для палеографии ставленных грамот вологодских архиереев характерен строгий полуустав, в них обязательны их собственноручные подписи (тоже полууставом, но более крупным) и наличие красных прикладных печатей. Практиковалось подтверждение ставленных грамот последующими владыками, что пролонгировало их действие для служащего священника (см., например, ставленную вологодского архиепископа Ионы дьячку П. Федорову на священство в ц. Ильи Пророка на р. Ижме Вымского у. от 6 января 1590 г. – ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. № 2; Полознев Д.В. Благословенные и ставленные грамоты Ростовской и Вологодской епархий из фондов ОПИ ГИМ // Сообщения Ростовского музея. Вып. 8. Ростов, 1995. С. 49–58). По сравнению с текстами подтверждений государевых жалованных грамот, эти менее развернуты, в них не всегда указаны даже даты и дьяки. Но иногда и краткие подтверждения показывают происходившие изменения. Так, жалованная грамота архиепископа могла устанавливать своеобразный откупной принцип за тиунские прерогативы сына боярского (вносить ежегодно в казну 40 руб.), а при подтверждении тому же лицу на другой год эти 40 руб. с него снимались.

После выведения приходов в вологодских вотчинах ростовского митрополита из-под его юрисдикции на прежних ставленных грамотах ростовских архиереев были сделаны подтвердительные записи вологодских владык – Маркела и Симона (см., например: ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. № 316). Такого же рода подтверждения вологодских епископов видим на ставленных грамотах ростовских митрополитов священникам белозерских церквей после передачи Белозерской десятины в состав Вологодской епархии (1658 г., например: ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. № 316, 2134). Сравнение текстов ставленных грамот и последовательности имен святителей на подтверждениях важно для изучения межъепархиальных границ и времени их изменения. Один и тот же священнослужитель мог быть поставлен во диаконы ростовским митрополитом, а в попы – новгородским (ГАВО. Ф. 1141. Оп. 1. № 22). В Вологодской епархии составлялись «формулярники» и записные книги, фиксирующие факты выдачи ставленных, переходных и отпускных грамот (ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. № 2650). Составлялись «формулярники» – образцы написания челобитных о выдаче разного вида грамот, иными

словами определенное тяготение к стандартизации в архиерейском делопроизводстве налицо. В Холмогорско-Важской епархии при Афанасии Холмогорском в таких книгах передавались тексты самих грамот (Рукин П. К истории церквей Вельского уезда // Вологодские епархиальные ведомости. 1908. Прибавления к № 6. С. 166–167).

К совокупности ставленных грамот в качестве их разновидности можно отнести и грамоты настольные. Во-первых, они выдавались митрополитами и патриархами областным архиереям при их назначении, во-вторых, они нередко выдавались самими архиереями архимандритам и игуменам монастырей (ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. № 252, 390, 400 и др.). В описи Вологодского архиерейского дома отмечена настольная грамота патриарха Иосифа вологодскому архиепископу Маркелу 17 января 1645 г., имевшая подтверждение патриарха Никона (ГАВО. Ф. 883. Оп. 1. Кн. 238. Л. 72 об.). Только по публикации известна пока настольная грамота, выданная вологодскому архиепископу Симону в «межпатриаршество», 23 октября 1664 г., двумя митрополитами – ростовским Ионой, сарским и подонским Павлом – и несколькими греческими иерархами, включая знаменитого Паисия Лигарида (Литов Е.В. Историческое происхождение ставленных грамот // Вологодские епархиальные ведомости. 1893. Прибавления к № 9. С. 108–111). В конце XVII в. вместо настольных грамот игуменам и архимандритам архиерейский приказ выдавал уже наказные памяти (ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. № 6574).

К отдельной группе актовых источников можно отнести и благословенные храмозданные грамоты, выдававшиеся архиереями в ответ на челобитные приходских общин (они обычно писались от лица церковных старост, священника с причтом и всех прихожан). Несколько десятков благословенных храмозданных (вариант: «храмосвятных») грамот новгородских митрополитов, адресованных церквям Важского и Вельского уездов XVII–XVIII вв. (в копиях), удалось обнаружить в позднем (XIX в.) рукописном сборнике из научно-справочной библиотеки Государственного архива Вологодской области (публикацию см.: Черкасова М.С. Документы XVII–XVIII вв. из архивов соборных храмов в Вельске и Верховажье // Вестник церковной истории. 2008. № 4 (8). С. 71–129). На основании храмозданных грамот исследователи изучают процесс деревянного и каменного церковного строительства в епархиях (см., например: Завойская Н.Е. К биографии Вятского архиепископа Ионы // Там же. 2009. № 3–4 (15–16). С. 212–213).

В том же сборнике встречаются и благословенные богомольные грамоты (нередко окружные), направленные духовенству и приходским общинам по случаю восшествия на престол, бракосочетания царских особ, рождения в царских семьях детей, смерти членов царской семьи, патриархов, ведущихся военных действий и других важных событий). В этом выразилось усиление регламентации в деятельности всех звеньев церкви еще в допетровское время. Афанасий Холмогорский свое назначение в сан архиепископа в марте 1682 г. отметил рассылкой богомольных грамот по епархии с предписанием молить Бога о царском, патриаршем и собственном здравии. Окружной характер имеет и богомольная грамота вологодского архиепископа Маркела во все монастыри епархии о поминовении умершего патриарха Иосифа (ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. № 1001 – 1652 г.). Показательно, что в богомольные грамоты непосредственно включались отдельные тексты и обороты молитв (здравных, победительных или заупокойных), обязательных для использования священниками. Действие богомольных грамот всегда было рассчитано на предельно широкую территорию данной епархии – в городах, на посадах, в уездах, погостах, на «выставках» и во всех храмах. Всюду с присланных богомольных грамот требовалось делать списки и рассылать далее. Помимо попов, церковных старост и прихожан, благословенные храмозданные грамоты могли выдаваться земским старостам и посадским людям определенного города в целом (например, грамота вологодского архиепископа Маркелла на строительство соборной Воскресенской церкви в центре «Перми Великой» – Чердыни 1645 г. – ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. № 469).

Для благословенных храмосвятных грамот Афанасия Холмогорского была характерна особенно строгая и подробная регламентация того, например, как следует обновлять индитии на престолах или одежды на жертвенниках, как поступать с крестным деревом с колокольни и «колоколенным выметным лесом», со старыми антиминсами, престолами, другими подлежащими замене деталями церковных зданий. Ремонтные работы должны были выполняться первобрачными плотниками, а не двоеженцами; обновление престолов – только священниками, а не престолюдинами. И это все вписывалось в дискурс архиерейского «пожалования – указа – благословения».

Некоторые благословенные грамоты Афанасия Холмогорского сопровождалась рисунками – строгими образцами крестов, которые

следовало установить на храмах. Интересны также отсылки святителя к образцам крестов московских соборов – «подобием тому, как в давних летех был ставлен крест златой на Москве на соборной церкви Благовещения Пречистой Богородицы на большой главе или у великих государей на сенех». Так богомольные грамоты 1690-х годов закрепляли на далеком севере некоторые черты церковного зодчества Московской Руси. Отсылки к этим образцам присутствуют в дальнейшем и в грамотах архангелогородских иерархов XVIII в., в которых те, обращаясь к церковным приказчикам и десятским священникам, «пожаловали – благословили – повелели» то-то и то-то. Вместе с тем шатровое строительство запрещалось.

В тексты жалованных-благословенных (вариант: «благословящих») (Вологодские епархиальные ведомости. 1878. Прибавления к № 13. С. 255) грамот все сильнее вторгались новые обороты речи: о выполнении архиерейских предписаний исполнители обязаны были «в казенный приказ отрепортовать» (1747, 1751 гг.; Черкасова М.С. Документы из архивов... № 40–41. С. 119, 120). При этом поток времени, отраженный в архиерейских грамотах, был слабо расчленен – здесь и предание Св. Отец и Св. Апостол, и «давнoletье благоверных князи», и предлагавшиеся прихожанами чертежи новых церквей, рассматривавшиеся чиновниками консисторий, да и ставший устойчивым в XVIII в. сам термин – *грамота*. Даты в архиерейских грамотах, начиная с 1680-х годов, почти всегда давались и от Сотворения мира, и от Рождества Христова. Указания на индикты встречаются редко.

Одной из форм эволюции богомольных грамот стали в конце XVII в. *наказы*, выдававшиеся из архиерейских канцелярий высшими должностными лицами (казначеями, например) и скрепленные их печатями (Вологодские епархиальные ведомости. 1915. Прибавления к № 12. С. 329). Однако это не значит, что ими полностью были вытеснены святительские благословенные грамоты как таковые, их и в XVIII в. встречается немало.

Одним из важных направлений в деятельности архиерейских администраций было свидетельствование духовных завещаний частных лиц. В практике Вологодской кафедры подобная процедура нередко назвалась «подпиской» или «явкой». На севере духовные грамоты обычно именовались «изустными духовными памятями». К их составлению прибегали люди самых разных социальных страт – посадские, купцы, крестьяне (главным образом черносошные),

помещики, монахи. Весьма нередки среди них и духовные женщины (вдов, монахинь). Процедура свидетельствования изустных памятей позволяет говорить о развитом дело- и судопроизводстве в епархиях. Она включала допрос, производимый или самим архиереем в духовном приказе, или его приказными людьми «седельцов» (они же «мужи люди добрые») и послухов: присутствовали ли они в действительности при составлении «изустной», их ли руки к ней приложены, прямая ли она? Законность данной процедуры придавала роспись самого архиепископа, скрепленная красной святительской печатью. Даты подобных «явок» обычно не намного отстоят от времени составления духовных. Например, 6 февраля 1670 г. была оформлена духовная дочери В.Г. Данилова-Домнина, инокини-схимницы вологодского Горнего Успенского монастыря Ираиды, а уже в июне данная духовная получила санкцию архиепископа Симона, в которой Ираида фигурирует как умершая (ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. № 3260). Детально осуществлявшиеся в духовном архиерейском приказе «допросные речи» духовных отцов, седельцов и послухов у «изустных памятей» отличались интересными подробностями, а в совокупности своей образовывали обширные дела, в составе которых многие духовные до нас и дошли. Правда, иногда в делах текстов изустных памятей не имеется.

Известны случаи, когда свидетельствование духовных сопровождалось ревизией предшествовавших крепостных актов (купчих, меновных, мировых, деловых, отводных, межевых, более ранних духовных) умершего лица (например, состоятельного тотемского торгового человека Е. Брудачёва, 1628 г.), тексты которых были сопоставлены, переписаны и включены в состав дела. Так духовная оказывалась в контексте целого «делопроизводственного столпа», материалы которого содержат ценные дополнительные сведения о прошлой жизни и социальных связях самого человека и упоминаемых в его завещании лиц (Черкасова М.С. Духовные грамоты XVII в.: Опыт социокультурного анализа // Экология культуры и языка: Проблемы и перспективы. Междунар. науч. конф., посв. 100-летию Д.С. Лихачева. Архангельск, 2006. С. 342–347). Иными словами, элементы «практической дипломатики» в процедуре освидетельствования духовных налицо.

По Устюжской десятина Ростовской митрополии сохранились две записные пошленные книги свидетельствования духовных за 1665–1666 гг. (ГАВО. Ф. 1260. Оп. 3. № 228; Ф. 883. Оп. 1. Кн. 245;

Черкасова М.С. К изучению дело- и судопроизводства в Ростовской митрополии XVII в. // История и культура Ростовской земли. 2007. Ростов, 2008. С. 103–111). На Устюге этим занимались приказные люди Ростовских митрополитов, которыми являлись представители местного черного и белого духовенства, имевшие свои печати (Успенский соборный протопоп, архимандрит Михайло-Архангельского и игумен Троице-Гледенского монастырей, некоторые старосты поповские). Они фиксировали прием пошлин (из расчета 2 алт. 2 ден. с рубля указанной в духовных денежной суммы) и других взиманий при реализации завещательных распоряжений (скажем, взятии долгов по денежным и хлебным кабалам). Иногда им приходилось рассматривать тяжбы, возникавшие между наследниками по поводу имущества, денежных и хлебных долгов, других имущественно-хозяйственных дел, оговоренных в завещаниях. Реализация завещательных актов сопровождалась разными коллизиями.

Г.П. Енин издал уникальный делопроизводственный источник – раздаточные книги наследства приказного человека вологодского архиепископа Симона В.Г. Данилова-Домнина (умер в августе 1671 г.), составленные в 1671–1672 гг. во исполнение архиерейской администрацией его «духовной росписи» (Енин Г.П. Раздаточные книги наследства архиепископского приказного В.Г. Данилова-Домнина (Исследование и источник). СПб., 2009).

Интересную часть в совокупности изустных памятей, отложившихся в архивах севернорусских епархий, составляют духовные самих церковных иерархов. Они также тесно связаны с последующей делопроизводственной документацией, раскрывают некоторые стороны имущественно-правовых отношений внутри кафедр, а еще – взволнованный эмоционально-возвышенный подтекст данного вида актовых источников. В описи архиерейского дома 1701 г. имеется указание на духовное завещание вологодского архиепископа Нектария-грека (ГАВО. Ф. 883. Оп. 1. Кн. 238. Л. 73 об.). Он управлял епархией с июня 1613 по 1616 г. и затем короткое время в марте–июне 1626 г., а происходил из архиепископов Охридских (Западная Болгария). Имеется упоминание и о духовной вологодского архиепископа Корнилия (март 1626 г.).

Непосредственно же сохранились тексты изустных памятей (состоявших из собственно «духовных росписей» и обширных росписей келейной рухляди, утвари, денег и книг, иногда – пространных моральных наставлений отходящего от дел архипастыря

своей пастве) вологодских архиепископов Маркела и Симона, устюжского епископа Александра (1699 г.), вятского епископа Ионы того же 1699 г. (ЛЗАК за 1864 г. Вып. 3. СПб., 1865. Приложение. С. 12–16, 37–42; Румовский Н. Описание Великоустюжского Успенского собора. Вологда, 1862. № XVII. С. 124–127; АЮ. СПб., 1838. № 428. С. 462–465). Примечательно, что в духовных некоторых архиереев четко проведено различие между их лично-собинной («келейной») и домовою (кафедральной) собственностью. Нигде не замечено распоряжение ими вотчинными и промысловыми владениями кафедр. В то же время ряд распоряжений владык по организации своего заупокойного культа, ряд фиксируемых в их духовных денежных, книжных и вещевых дарений отдельным лицам и монастырям или храмам выявляют индивидуально-частное начало в этих, казалось бы, официальных документах. Вероятно, отмеченные черты дают основание считать духовные архиереев публично-частными актами.

Важно учитывать и общее нарастание государственного и церковного контроля над имуществом архиерейских кафедр (как и монастырей) на протяжении XVI–XVII вв. В 1620-е годы, когда патриарх Филарет Романов стремился к упорядочению всех сторон деятельности церкви, вошли в практику ревизии келейного имущества архиереев, составление описных книг архиерейских кафедр, наряду с проверкой в патриаршем ведомстве их духовных грамот. Из уважения к религиозным представлениям делалось это обычно не ранее, чем по истечении 40 дней после кончины иерархов. В описях фиксировались и настольные грамоты архиепископов, получавшиеся ими при назначении на высокие архиерейские посты и тем самым характеризовавшие их служебную карьеру, отдельные факты личной биографии (Черкасова М.С. Описные книги севернорусских монастырей и архиерейских кафедр в XVII в.: Опыт сравнительно-исторического изучения // Культура Поонежья X–XXI вв.: Общерусские черты и региональные особенности. Мат-лы XI-й Каргопольской науч. конф. Каргополь, 2011. С. 68–75). Таким образом, возможности социокультурного прочтения актовых источников архиерейских кафедр еще далеко не исчерпаны.

К СТРАТИФИКАЦИИ ЧАСТНЫХ АКТОВ XVI–XVII вв.

С развитием источниковедения постепенно выработывался главный принцип классификации источников, а именно – видовой. Отдельные виды, такие как летописи, различные регистрационно-учетные книги – разрядные, писцовые, переписные, ревизские, мемуары привлекали внимание ученых с середины XIX в. Изучение некоторых видов источников оформилось в самостоятельное направление. Это относится дипломатике, которая примерно с 90-х гг. XIX в. складывалась на основе источниковедческих штудий частных актов усилиями А.А. Шахматова, М.А. Дьконова, А.С. Лаппо-Данилевского, А.И. Андреева, С.Н. Валка, Л.В. Черепнина и других ученых.

Весомый вклад в изучение и развитие дипломатики внес С.М. Каштанов, о чем свидетельствуют его монографии: «Очерки русской дипломатики» (М., 1970), «Русская дипломатика» (М., 1988), «Из истории русского средневекового источника» (М., 1996), «Актовая археография» (М., 1998). В этих и других работах ученый основательно рассмотрел историографию второй половины XIX–XX вв. о русских актах, обосновал методику их дипломатического исследования, применение формулярного анализа, разработал классификацию средневековых актов, опираясь на понятие вид, а также представил эволюцию разновидностей, структуры формуляра и содержания как публичноправовых, так и частных актов. Свою лепту С.М. Каштанов внес в разработку источниковедческого понятия «вид», который он определяет как «группу документов с однотипными формально-юридическими признаками происхождения, содержания и внутренней формы». Он поясняет, что какой-либо вид источников появляется в результате той или иной социальной потребности, и в силу этого «сам вид можно считать юридической реализацией социальной функции, юридическим каналом воздействия» (С.М. Каштанов. Русская дипломатика. М., 1988. С. 14–15).

Следует подчеркнуть, что С.М. Каштанов создал общую и достаточно совершенную классификацию актовых источников, причем ее отличительной чертой является сопутствующее номинированию актов указание на время их появления. В основное разделение актов

на публичноправовые и частноправовые он включил дополнительные категории, каждая из которых состоит из нескольких видов. Одна из таких значимых классификационных категорий частных актов – это договорный вид (Там же. С.149–152).

Проблема классификации актовых источников – тема, к которой С.М. Каштанов неоднократно возвращается. Так, он считает целесообразным при видовой классификации учитывать «специфику юридических функций, определяющих форму и содержание источника». Необходимо подчеркнуть выделяемую ученым юридическую компоненту в процедуре классификации источников, что проходит красной нитью в его работах на всех периодах обращения к теме. Ученый акцентирует внимание на наличии более узкой специализации основной функции, присущей виду, которая создает разновидность, и потому «вид делится на разновидности по сферам действия общей функции, характерной для того или иного вида». Он считает частные акты «подвидом договорного вида источников». Договорный вид занимает самостоятельное место наряду с законодательным, удостоверительным и др. видами. (Каштанов С.М. С.О. Шмидт и проблема определения исторического источника // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания. Доклады и тезисы XIV научной конференции. М., 2002. С. 38–40).

При классификации актов С.М. Каштанов исходит из базовой социальной функции – договорных отношений контрагентов, соответствующим образом оформленных. В договорном виде частных актов ученый выделил несколько разновидностей, и среди них наибольший интерес для меня представляет разновидность, включающая акты на: а) землю и б) разнородные объекты – недвижимое и движимое имущество, деньги и несвободных людей (С.М. Каштанов. Русская дипломатика. С.151–152). Логична и понятна ориентация ученого в первую очередь на договорные акты, которые относятся к властвующим структурам и привилегированным сословным группам и корпорациям. При этом он полагает, что в определенных условиях существовала возможность договорных отношений между представителями различных социальных групп внутри одного сословия и / или прослойки (С.М. Каштанов. Русская дипломатика. Там же. С. 226).

Такое допущение, считаю, важно как само по себе, так для конкретной исследовательской практики, в частности при изучении земельно-имущественных отношений между участниками одного

социального, причем непривилегированного статуса. Такими участниками в XVI–XVII в. были черные крестьяне и посадские люди, заключавшие между собой поземельные сделки. Акты, оформлявшие такие распорядительные сделки, вписываются в классификационную линию: вид – договорный, подвид – частные акты, разновидность (в подвиде) – межкрестьянские акты.

Наиболее распространенными актами у черносошных крестьян Севера были купчие и закладные, которыми оформлялись преобладавшие у них сделки с землей и недвижимостью. По своей генетической сути разновидности крестьянских актов были подобны таким же актам, существовавшим в привилегированных сословных группах. Собственно общая цель и функциональная сущность сделки определяла бытование названных разновидностей (и некоторых других) актов в разных сферах их действия, и, главное, в социально противостоящих слоях. Названная видовая дихотомия объясняется внутренними закономерностями развития общества XVI–XVII вв., направленными на обеспечение его дееспособности.

Общей источниковедческой характеристике поземельных актов черносошных крестьян было уделено некоторое внимание в работах А.И. Андреева, Н.Н. Покровского, А.И. Копанева. Акты имущественных сделок между черносошными крестьянами (крестьянами и посадскими людьми северных городов), как наименее изученные, рассмотрены в монографии (Швейковская Е.Н. Государство и крестьяне России: Поморье в XVII веке. М., 1997).

Предложенная С.М. Каштановым методика формулярного анализа результативна при конкретном рассмотрении одной из преобладающих разновидностей актов договорного вида, а именно межкрестьянских купчих. Ее применение позволяет сосредоточиться на функционировании актовой разновидности в стратифицированной социокультурной среде, что воплощается в составе довольно устойчивых формулярных статей. Часть из них имеет свою специфику, обусловленную функциональной особенностью межкрестьянских купчих. Они как разновидность – показатель внутренней стратификации, присущей частным актам.

Ю.Э. Шустова (Москва)

АКТОВЫЕ ИСТОЧНИКИ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛЬВОВСКОГО ТИПОГРАФА И ГРАВЕРА ИВАНА ФИЛИППОВИЧА

Иван Филиппович – один из талантливейших украинских гравёров XVIII в., книгоиздатель и типограф, родоначальник львовского экслибриса. Его активная деятельность приходится на 40–60-е гг. XVIII в. и является одной из ярких страниц в истории книгоиздания и графического искусства. Однако до сих пор нет комплексного исследования его биографии и деятельности как в области книгоиздания, так и в истории книжной графики. В первую очередь это связано с тем, что до сих пор не проведено комплексного источниковедческого исследования источников о его жизни и деятельности, выявление которых в разных фондах представляет определенные трудности.

До недавнего времени известия об Иване Филипповиче были чрезвычайно скудны и основной корпус сведений о нем исследователи получали из подписанных гравюр и изданных им книг. Однако недавно выявленные и введенные в научный оборот львовскими исследователями новые актовые источники существенно расширяют возможности изучения деятельности Ивана Филипповича и позволяют установить многие важные биографические сведения, а также понять специфику книжной культуры во Львове в середине XVIII в.

Впервые в историографии об Иване Филипповиче как о польском типографе писали Ежи Самюэль Бандтке и Йоахим Лелевель (Bandtkie J. S. *Historya drukarń w Królestwie Polskiem i Wielkiem Xięstwie Litewskiem jako i w krajach zagranicznych, w których polskie dzieła wychodziły*. Kraków, 1826. Т. I. S. 414–416; Lelewel J. *Bibliograficznych ksiąg dwoje*. Wilno, 1826. Т. II. S. 226).

Об Иване Филипповиче как типографе, конкурировавшем с типографией Львовского братства, писал Д.И. Зубрицкий (Zubrzycki D. *Historyczne badania o drukarniach rusko-słowiańskich w Galicyi*. Lwów, 1836. S. 32–33, 47; Зубрицкий Д. *Летопись Львовского Ставропигийского братства*. Львов, 1926. С. 164–165; Зубрицкий Д. *Хроніка Ставропигійського братства*. Львів, 1911. С. 286–287). Сведения о Филипповиче, почерпнутые из работ Зубрицкого, сообщает И.И. Огиенко в своей работе о истории украинского

книгопечатания, вышедшей во Львове в 1925 г. (Огієнко І.І. Історія українського друкарства. Київ, 1994. С. 156). О издании в типографии Ивана Филипповича песни о Туринецкой чудотворной иконе (*Pisn o Panu Jezusie w Turynieckim obrazie. 1767*), напечатанной на двух языках (украинском – латиницей и польском – кириллицей) писал И.С. Свенцицкий (Свенціцький І. Бібліографічний курйоз // Записки наукового товариства ім. Т. Шевченка. 1907. Т. 79. С. 159–161; Свенціцький І. Початки книгопечатання на землях України: В пам'ять 350-ліття першої друкованої книжки на Україні у Львові 1573–1574 р. Жовква, 1924. Додаток № СXLVIII).

Обстоятельная статья об Иване Филипповиче на основании известных к тому времени источников была написана польским исследователем Эдвардом Хвалевиком (*Chwalewik E. Jan Filipowicz rytownik i drukarz (Z dziejów exlibrisu lwowskiego // Studia nad książką poświęcone pamięci Kazimierza Piekarskiego. Wrocław, 1951. S. 233–239*). Он предпринял попытку установить количество известных работ гравера. По его подсчетам, Филиппович создал 216 гравюр, из них 88 ксилографий, остальные – гравюры на меди, в том числе 67 символических гравюр, 27 гербов, 13 портретов и 2 экслибриса для львовского католического архиепископа Николая Вижицкого и публичной библиотеки Залусских в Варшаве (Там же. С. 235).

Высоко оценивал художественное наследие Ивана Филипповича украинский исследователь А.П. Запаско, который рассматривал его творчество в ряду выдающихся мастеров сюжетной гравюры на меди XVIII в. (Запаско Я.П. Мистецтво книги на Україні в XVI–XVIII ст. Львів, 1971. С. 228–231, 234, 237, 239, 243, 245, 271, 271, 273–275, 278).

Сведения об Иване Филипповиче как гравере и типографе содержатся во многих справочных, энциклопедических и библиографических изданиях (*Rastawiecki E. Słownik rytowników polskich, tudzież obcych w Polsce osiadłych lub czasowo w niej pracujących. Poznań, 1886. S. 107*; Ровинский Д.А. Подробный словарь русских граверов XVI–XIX вв. СПб., 1895. Т. 2. Стб. 1084 (репринт: М., 2004); Попов П. Матеріали до словника українських граверів // Українська книга XVI–XVII–XVIII ст. Київ, 1926. С. 337; Український радянський енциклопедичний словник. Київ, 1968. Т. 3. С. 624; *Słownik pracowników książki polskiej. Warszawa; Łódź, 1972. S. 221*; Словник художників України. Київ, 1973. С. 238; *Słownik artystów polskich i obcych w Polsce działających: Malarze, rzeźbiarze, graficy.*

Wrocław, 1975. Т. 2. S. 219–220; Енциклопедія українознавства. У 10-х т. / Гол. ред. В. Кубійович. Париж; Нью-Йорк, 1980. Словникова частина. Т. 9. С. 3496; Мистецтво України: Біографічний довідник / За редакцією А.В. Кудрицького. Київ, 1997. С. 605; Лильо О. Филипович Іван // Довідник з історії України. Інститут історичних досліджень Львівського державного університету ім. І. Франка. Київ, 1999. Т. 3. С. 502–503).

Издания типографии Ивана Филипповича и его работы как гравера в изданиях других типографий указаны в сводном каталоге книг, изданных в Украине Я.Д. Исаевича и А.П. Запаско (Исаевич Я.Д., Запаско Я.П. Пам'ятки книжкового мистецтва: Каталог стародруків, виданих на Україні. Львів, 1984. (Далее – Исаевич, Запаско). Кн. 2. Ч. 1. С. 12; Кн. 2. Ч. 2).

Следует отметить, что все исследователи имели возможность получить биографические сведения из опубликованного в 1896 г. привилея от 14 сентября 1752 г. на деятельность типографии, печатающей книги латинским шрифтом на польском и латинском языках (*Sprawozdania Komisyj do badania historii sztuki w Polsce*. Kraków, 1896. Т. 5. S. LXV). Д.И. Зубрицкий, а вслед за ним И.И. Огиенко, пересказали некоторые документы, отложившиеся Успенского Ставропигийского братства, касающиеся попытки Ивана Филипповича получить разрешение на печатание кириллических книг. Эти документы до сих пор остаются не опубликованными. В фонде архива братства сегодня хранится привилей короля Августа III типографу Филипповичу Ивану и его наследникам на основании кириллической типографии от 25 апреля 1757 г. (Центральный государственный исторический архив Украины, г. Львов (далее – ЦГИАЛ). Ф. 129. Оп. 1. Д. 978. Л. 1), а также судебные документы о претензиях наследников печатника Ивана Филипповича к священнику Успенской церкви Антону Левинскому за растрату их наследства (Там же. Д. 1221).

В 1998 г. львовскими исследователями Владимиром Вуйцьком и Орестом Лыльо были опубликованы выявленные в разных фондах Центрального государственного исторического архива Украины в г. Львове документы (Вуйцьк В. Нові документальні відомості про українського гравера і друкаря XVIII століття Івана Филиповича // Записки Наукового товариства ім. Т. Шевченка. 1998. Т. 236. С. 457–463; Лильо О. Посмертний опис майна львівського гравера і друкаря середини XVIII століття Івана Филиповича // Там же. С. 464–475).

Среди выявленных документов – контракт Львовского братства с Иваном Филипповичем от 19 февраля 1759 г. на изготовление гравюр к Службнику, завещание Ивана Филипповича от 22 марта 1766 г. и посмертное описание имущества от 1 июля 1767 г.

Таким образом, сегодня известно четыре акта (два привилея, контракт и завещание), опись имущества и судебные материалы, которые позволяют реконструировать не только важные биографические сведения об Иване Филипповиче, но и о репертуаре изданных в его типографии книг, их тиражах, механизмах распространения изданий, в том числе тех типографий, с которыми он сотрудничал как гравер.

Дата и место рождения Ивана Филипповича остаются не известными. В 1741–1744 гг. он работал в Люблине. Известно восемь гравюр, в том числе с подписями гравера, сделанных им в этот период. С 1744 г. Филиппович живет во Львове. Он сотрудничает с типографиями Львовского Успенского братства, Львовского иезуитского коллегия, Павла Гольчевского, Львовского братства Св. Троицы при кафедральном костеле. Только в 1745 г. его гравюры на меди появляются в четырех изданиях разных львовских типографий, в том числе он выполнил две гравюры на меди герба Разумовских для книги Михаила Козачинского «Философия Аристотеля» (Львов, тип. Успенского братства, 1745). Также гравер сотрудничал типографиями Почаевской Лавры и Бердичевского монастыря кармелитов.

14 сентября 1752 г. Иван Филиппович получил королевский привилей на учреждение собственной типографии. Привилей давал право издавать и продавать книги на польском и латинском языках религиозного и светского содержания, а также молитвенники и гравюры. Привилей называет Филипповича «sculptor eximius» (превосходным гравером) и именует «королевским типографом» (*Sprawozdania Komisji do badania historii sztuki w Polsce*. Т. 5. S. LXV).

Типография Филипповича начала работать в 1753 г. Первыми известными книгами, вышедшими в этой типографии, являются «*Dyaryusz pogrzebowy... Ignacego z Rycht Humieckiego...*» (Львов, тип. И. Филипповича, после 11 янв. 1753) и «*Nabożeństwo ku czci Anny S[więtej] z książeczki w r. 1725, do druku w Wilnie podanej, wybrane...*» (Львов, тип. И. Филипповича, 1753) (Исаевич, Запаско. Кн. 2. Ч. 1. № 1839, 1849). Всего в типографии Филипповича с

января 1753 г. по 1765 г. было издано не менее 53 книг – 52 описанных в библиографии и одна, зафиксированная в описи имущества Филипповича (Исаевич Я.Д. Українське книговидання: виток, розвиток, проблеми. Львів, 2002. С. 290). Среди вышедших в этой типографии книг три – светского и 28 – религиозного содержания, а также 13 панегириков. Большинство изданий содержит гравюры на меди. Юридический трактат члена Львовского братства Михаила Слонского о действующих нормах права и судопроизводства «Accessoria Statut y Konstytucye» он издал трижды, в 1758, 1760 и 1765 гг. (Исаевич, Запаско. Кн. 2. Ч. 1. № 2073, 2192; Ч. 2. № 2400).

Располагалась типография Ивана Филипповича в самом центре города, в доме, где он и проживал, на площади Рынок (сегодня – площадь Рынок, 25). С Филипповичем постоянно работал наборщик (зицар) Станислав Климецкий. Также Филиппович постоянно сотрудничал с переплетчиком Иваном Мигловским (Мигловичем). После смерти гравера (24 марта 1766 г.) типографию вместе с королевским привилеем на ее основание в 1770 г. его зять Сенезий Тарновецкий продал львовскому францисканскому монастырю Св. Креста за 4000 злотых. Один из двух типографских станков своей типографии в 1765 г. продал сам Филиппович суфрагану каменецкой епархии Адаму Войне Оранскому за 6000 злотых (Вуйцик В. Нові документальні відомості про українського гравера і друкаря XVIII століття Івана Филипповича. С. 459).

Как человек греко-католического вероисповедания, Иван Филиппович, видимо, хотел издавать книги на церковнославянском языке, кириллицей. Для этого он выхлопотал королевскую грамоту. Привилеем короля Августа III от 25 апреля 1757 г. давалось право типографу Ивану Филипповичу и его наследникам на основании кириллической типографии. В ней говорилось, что открытие типографии обусловлено недостатком русских книг («dla niedostatku xiąg Ruskich»). В этом привилее Иван Филиппович назван типографом львовским латинского и польского письма («Szlachetnego Jana Filipowicza Typografa Lwowskiego Łacińskiego, y Polskiego»). В кириллической (русской) типографии («Drukarnią Ruska») Филипповичу разрешалось печатать книги большого и малого форматов, а также официальные документы («memoryały, skrypta, expedycye») – все те книги, которые разрешены к печати («zgoła wszystko to, cokolwiek ad usum publicum, et priwatum /: wyiąwszy te xięgi, ktorych Prawo drukować nie pozwala :/»). Грамота

написана на тонкой высококачественной бумаге. Текст привилея был написан заранее, а место издания и дата вписаны были позже, рукой королевского секретаря Антония Сикорского (выделено подчеркиванием – Ю.Ш.): «Dan w Warszawie Dnia XXV Miesiąca Kwietnia Roku Pańskiego MDCCLVII Panowania zaś Naszego XXIV Roku» (ЦГИАЛ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 978. Л. 1).

Для печатания кириллических книг Филиппович заказал отлить литеры в местечке Сокале. Однако с резким протестом против издания кириллических книг выступило Львовское братство, которое, согласно королевским привилеям, имело исключительное право издания книг кириллицей. Братство подало иски против Филипповича в королевский и епископский суды. Уже 13 августа 1757 г. Филипповичу вручили иск братства в королевский надворный суд по делу об отмене привилея на основании типографии для издания кириллических книг и о запрете печатать книги кириллицей, а в случае невыполнения этих требований выплатить штраф в размере 1000 венгерских дукатов (Зубрицький Д. Хроніка Ставропігійського братства. С. 286). Спустя десять дней, 23 августа 1757 г. Филиппович получил постановление епископского духовного суда о запрете деятельности кириллической типографии. Типограф вынужден был отказаться от издания кириллических книг в пользу братства. Он отдал братству королевский привилей, который до сих пор хранится в составе архива организации. Также братство заплатило граверу 30 дукатов за отлитые шрифты с целью использовать их в своей типографии (Там же. С. 287). Возможно, переговоры с братством, которое заинтересовано было в сотрудничестве с талантливым гравером на меди, привели к тому, что вскоре Филиппович вступил в организацию.

В 1758 г. Иван Филиппович становится членом Львовского Успенского братства (Ваврик В.Р. Члены Ставропигиона за 350 лет // Юбилейный сборник в память 350-летия Львовского Ставропигиона. Львов, 1937. Ч. 2. С. 90). Удалось обнаружить собственноручную запись Филипповича в «Альбоме Ставропигийского Института», сделанную в день вступления в братство: «Miałem od powzięcia rozumu mego chęć służenia Matkie Najswiętszey dla tego y teraz będąc porzyjęty ad Confraternitatem Stauropigianam pod tytułem NSS. Panny Wniebowzięcia exestenten teyże NSS Matce służyć do zgonu życia mego prawa cerkwi S. tuteyszey y przeswiętney konfraternij nie naruszenie utrzymywać, o całości podług możności na racie obowiązuię się y na to

się podpisuję się 24 9-bris Anno 1758. Jan Filipowicz» (Львовский исторический музей. Собрание рукописей. Рук. № 135. Л. 222).

Таким образом, от момента выдачи привилегия на издание кириллических книг (25 апреля 1757 г.) до вступления в братство 24 ноября 1758 г. прошло полтора года. Это решение было продиктовано, вероятно, попыткой не только сгладить конфликт гравера с Львовским братством, но и попыткой найти оптимальный вариант сотрудничества. Так или иначе, дальнейшая жизнь Филипповича была тесно связана с братством, а с некоторыми его членами были весьма доверительные отношения. Сохранились записи о его участии в заседаниях братства (ЦГИАЛ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1187. Л. 11, 20).

Вскоре после вступления в братство, 19 февраля 1759 г., Иван Филиппович подписывает контракт с организацией на изготовление гравюр для Службника (Там же. Д. 1187. Л. 6 об. – 7). Контакт вписан в одну из делопроизводственных книг братства – Книгу протоколов заседаний («Acta sessionum»), что было распространенной практикой заключения контрактов с мастерами, сотрудничавшими на постоянной основе с типографией братства (Шустова Ю.Э. Книга контрактов Львовского Ставропигийского братства с типографами (1680–1757): проблемы источниковедческого исследования // Вестник РГГУ: Серия «Исторические науки. Историография, источниковедение, методы исторических исследований». 2009. № 4. С. 108–123).

Контракт составлен от имени братства. Интитуляция написана на латинском, а остальной текст контракта – на польском языках.

Иван Филиппович называется в документе королевским гравером и типографом письма польского и латинского («j(e)go królewskiej m(oś)ci uprzewileowanym skulptorem i typografem pisma polskiego i łacińskiego»). Согласно контракту, с целью лучшей продажи Службника («dla łatwiejszego sprzedania mszałów z druku wychodzących») Филиппович должен был изготовить «do tei że księgi kopersztuchi» – гравюры с изображением святых Василия Великого, Григория Двоелова, Иоанна Златоуста, авторов литургии, а также фронтиспис («furta») и Распятие («Pana Jezusa ukrzyżowanego»), а также гравюры гербов епископов для посвящения им этой книги с надеждой на их дальнейшую благосклонность к братству («na dedykacyą onym tej xięgi, aby tym łatwiej w dyecezyach ich wendycyę mieć mogła»). Оговаривалось, что гербы следовало резать на деревянных досках («na drzewie sztychować»). Тем самым предпола-

галось, что остальные гравюры будут выполнены на металле, так как именно в этой технике преимущественно и работал Иван Филиппович. Согласно контракту, за работу гравер должен был получить 20 злотых, причем 10 из них братство выплачивало в качестве аванса, а остальные должно было заплатить по окончании работы. Также особо отмечалось, что каждый оттиск стоит 2 гроша. Возможно для того, чтобы можно было заказать оттиски гравюр отдельно от книги для продажи (Вуйцик В. Нові документальні відомості про українського гравера і друкаря XVIII століття Івана Филипповича. С. 461. № 1).

Гравер должен был выполнить работу в довольно сжатые сроки. Как минимум семь гравюр, пять из которых размером *in folio*, – на меди. Служебник вышел из печати 14 апреля 1759 г., т.е. через два месяца после заключения контракта с гравером. Печатал книгу типограф Иван Грозевский (ЦГИАЛ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1189. Л. 2). Служебник вышел тиражом 1200 экземпляров, из них 500 экземпляров было напечатано на гданьской бумаге, а 700 – на креховской, на склад братства тираж поступил 15 мая 1759 г. (Там же. Д. 1185. Л. 3 об.). Продажа книги началась 15 июля 1759 г., продавали по 22 злотых за книгу на гданьской бумаге и по 20 злотых – на креховской (Там же. Л. 5 об.).

Иван Филиппович не все пункты соглашения выполнил. Он сделал фронтиспис с изображением Успенской церкви и апостолами Петром и Павлом (подпись: «Filipowicz sc. Leopoli») и гравюры Иоанна Златоуста, Распятия, Василия Великого и Григория Двоеслова (Служебник. Львов: Тип. Братства, 14 апр. 1759 г. Л. 89 об., 97, 104 об., 118 об.). Вместо ксилографий гербов епископов в известных экземплярах на оборотах титульного листа помещены гравюры на меди с гербом холмского епископа Филиппа Фелициана Володковича, выполненном Георгием Вышловским («Georgi: Wyszowski: Sc: Leop:»), гербом львовского епископа Льва Шептицкого, работы также Вышловского (подпись мастера идентична предыдущей). Почему предполагавшиеся изначально ксилографии работы Филипповича были заменены гравюрами на меди Вышловского, остается не известно. Интересно, что в собрании львовского Национального музея им. Андрея Шептицкого имеется экземпляр Служебника 1759 г. с посвящением львовскому епископу Льву Шептицкому, переплет которого украшен серебряными узором и на центральной овальной пластин нижней крышки переплета

помещен герб Льва Шептицкого, образцом для рисунка которого послужила гравюра из самой книги (Денисова Т. Герби Лева Шептицького на Службнику 1759 р. із збірки Національного музею ім. Андрея Шептицького // Генеалогічні записки. Львів, 2010. Вип. 8 (нової серії 2). С. 35–38).

Гравюры Филипповича пользовались большой популярностью. Как явствует из контракта, гравюры предполагалось продавать как самостоятельные оттиски. Однако популярность этих гравюр привела к тому, что впоследствии они вырезались из книг и, видимо, продавались и использовались как произведения графического искусства. Этим объясняется дефектность сохранившихся экземпляров, в большинстве которых гравюры Ивана Филипповича отсутствуют.

Следующим проектом Ивана Филипповича с братством стала книга «Ифика иерополитика, или философия нравоучительная символами и приуподоблении изясненна» (Львов: Тип. братства, 19 апр. 1760). Гравер выполнил 67 клише на меди, о чем сам же и сообщает читателю на фронтисписе книги, выполненном также на меди: «Ифика ієрополітіка со шєдєсєть и сєдєь ікєнь символічнєхъ изьєсненна. Рукоделіємь Ієанна Фєлєповича». Книга поступила на склад братства 1 декабря 1760 г. тиражом 3000 экземпляров (ЦГИАЛ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1185. Л. 3 об.). Продавалась книга без переплета по 12 золотых (Там же. Л. 9).

После смерти Филипповича в числе движимого имущества оставалось 889 экземпляров книги «Ифика иерополитика...» (Лильо О. Посмертний опис майна львівського гравера і друкаря середини XVIII століття Івана Филиповича. С. 468, 469, 471). Я.Д. Исаевич предположил, что этот факт может свидетельствовать о том, что братство расплатилось с гравером за работу частью тиража издания (Исаевич Я.Д. Українське книговидання. С. 291).

Больше Иван Филиппович с братством в качестве гравера не сотрудничал.

Весьма важным для изучения биографии львовского печатника и гравера Ивана Филипповича является его завещание, составленное за два дня до смерти. Документ был выявлен и опубликован В. Вуйцыком (Вуйцик В. Нові документальні відомості про українського гравера і друкаря XVIII століття Івана Филиповича. № 2. С. 462–463). Этот документ еще раз подчеркивает тесную связь Филипповича и Львовского братства. Он просит похоронить его в

Успенской церкви: «Ciało zaś grzeszne iako z ziemi ulepione, tak teyże Matce ziemi oddaie: które aby obrządkiem chreściańskim przy cerkwi tuteyszey mieyskiej pochowane było». На похоронную церемонию и богослужение он распоряжается выдать 500 злотых. Священникам Успенской церкви особо он выделяет 700 злотых на заупокойные службы. Ежегодно в день его смерти он просит служить литургию с пением парастаса также в кафедральном соборе св. Юрия и в монастыре св. Онуфрия, что на Краковском предместье Львова, на что выделяет по тысяче злотых.

Иван Филиппович был вдовцом, у него оставалось трое детей – старшая дочь Марианна и два малолетних сына – Иван и Яков. Все свое движимое и недвижимое имущество он завещал поровну («do głównego między sobą podziału») трем детям, но распорядиться им до выхода дочери замуж и совершеннолетия сыновей должны были опекуны и доверенные лица. После смерти Филипповича следовало опечатать дом, винодельню и бочки с вином («aby propinasy wina była zamknięta u wszystkie bezzki popieczętowane»). До выхода замуж дочь должна была жить в монастыре, а сыновей на воспитание («na wikt u mieszkanie») он отдавал священнику Успенской церкви, официалу львовского епископа Антонию Левинскому, у которого братья должны были проживать до тех пор, пока дочь не выйдет замуж. После замужества дочери следовало вернуться в свой дом, забрать к себе братьев и жить с ними вместе до их совершеннолетия и до тех пор, пока необходимо будет их опекать. Будущего зятя Филиппович просит, чтобы двум его сыновьям был как отец, заботился об их образовании, из их части наследства выделял все необходимое, чтобы они ни в чем не нуждались, а также, чтобы их не обижал и любил как своих братьев, и относился к ним, как к братьям.

Поручителями Иван Филиппович называет львовского епископа Льва Шептицкого, которого он называет своим добродетелем («dobrodzieja mejego naułaskawszego»), а также Антония Левинского, который долгое время был и остается любезен с ним и его детьми, поэтому и после смерти завещателя их в обиду не даст («iako przez przeciąg życia mego był u iest łaskaw na mnie u dziatki moie tak nie wątpie, że u po śmierci moiey z nieodmienną dla nich będzie przychilnością u krywdy im od nikogo czynić»). Исполнителями своей последней воли и опекунами детей завещатель определяет овруцкого войскового, члена Львовского братства Андрея Дзьоков-

ского, и его сына Стефана, королевского почмейстера, администратора братства Антона Дейму и президента города Львова Ксаверия Сольского.

Исполнители последней воли также должны были рассчитаться незамедлительно со всеми кредиторами Филипповича согласно имеющемуся у него специальному реестру, чтобы не остались без наследства его дети.

После того как текст завещания был написан, больной вспомнил также о судьбе завещания его супруги, которая завещала отцам василианам при кафедральном соборе на литургии тысячу злотых, на что Филиппович дал только 600, поэтому он просил исполнителей своей последней воли выплатить оставшиеся 400 злотых монахам-василианам.

Из завещания мы узнаем, что Иван Филиппович был не только весьма состоятельным и уважаемым в городе человеком, талантливым гравером, успешным книгоиздателем, но и виноделом, а главное, – заботливым отцом и любящим мужем. Более всего его волнует забота о детях, которые остаются сиротами, болью за них пронизан весь текст завещания. К сожалению, болезнь оказалась смертельной и через два дня после составления завещания, 24 марта 1766 г., Иван Филиппович умер.

Дочь Филипповича Марианна вышла замуж за майора королевского войска Сенезия Гарновецкого. Они жили во Львове в доме отца Марианны до 1774 г., когда продали дом львовскому райцу Игнатию Скварчинскому и переехали в Замостье (Вуйцик В. Нові документальні відомості про українського гравера і друкаря XVIII століття Івана Филиповича. С. 459).

28 марта 1766 г. было составлено посмертное описание имущества Ивана Филипповича и 1 июля 1767 г. вписано в городские акты. Эта опись была дополнена списком оставшихся нераспроданными книг, которые хранились на чердаке лавки («Biblioteka w sklepie na górze»), в заднем доме («W izbie tylney w skrzyni») и в «библиотеке» («Regestr xiąg w bibliotece ś(więtej) p(amięci) j(ego) m(ości) pana Filipowicza in praesentia officij przez p(anów) cechmistrzów konsztu introligatorskiego spisanych y zweryfikowanych»), описанием оборудования типографии, списком картин и икон и другими вещами и в комнате-библиотеке (Лильо О. Посмертний опис майна львівського гравера і друкаря середини XVIII століття Івана Филиповича. № 1, 2. С. 468–474).

Посмертная опись имущества Ивана Филипповича является важным источником по истории быта горожан XVIII в., т.к. здесь подробно описаны посуда, одежда и другие предметы движимого имущества семьи зажиточного горожанина. Но это также весьма ценный источник по истории культуры, т.к. здесь содержится описание картин, икон, что является важными данными для истории живописи. Так, среди имевшихся картин (всего описано 20 полотен) значительную часть составляли портреты, в том числе польского короля Августа III и его супруги Марии Жозефы, львовского епископа Льва Шептицкого, два портрета «родителей наших», т.е. Ивана Филипповича и его жены (Там же. С. 472). Особую ценность представляют статьи описания книг, гравюр и типографского оборудования, что не только позволяет существенно расширить сведения о профессиональной деятельности Филипповича как владельца типографии, типографа и гравера, но и уточнить репертуар изданных им книг, получить сведения о возможных тиражах книг, о механизмах частной книготорговли и ситуации на книжном рынке во Львове в середине XVIII в.

Весьма скудны сведения о типографии Ивана Филипповича. Указаны основные кассы литер: трех видов шрифтов по размеру и по графике письма – антиквы, курсивного и прописного письма: «Dwie k(a)szty scholastyki antiquae novae, 1 kaszta scholastyki cursivae nowa, 1 kaszta mytki cursivae stare, 1 kaszta mytki antiquae stare, 1 kaszta tertiae antiquae stare. Wersalów tytułowych 2. Alfabet, w trzecim większym niedostaie sześć liber». В типографии было два печатных станка, один из которых – в нерабочем состоянии из-за отсутствия важных деталей: «Prasa 1 ze wszystkim porządkiem. Druga prasa drewniana ale tygla y śruby do niey niemasz» (Там же. С. 469).

В реестре, в перечне посуды, мебели, картин и икон отмечена одна книга «Przywileie y Konstytucye Sejmowe», которую можно атрибутировать как изданную в Варшаве в 1764 г. (Estreicher K. Bibliografia polska. Kraków, 1905. Т. 20. S. 62). Эту книгу можно отнести к библиотеке, описание которой не сохранилось. То, что библиотека у Филипповича была в этом сомневаться не приходится, но ее судьба остается неизвестной. В числе изданий типографии Филипповича и некоторых изданий типографии Львовского Успенского братства, предназначавшихся для продажи, встречается несколько книг, изданных в других типографиях и главное в количестве одного экземпляра, что говорит о том, что это книги из

библиотеки, а в числе продаваемых находились возможно потому, что с ними типограф работал при подготовке других книг к печати. Это обозначенная в реестре «*Liber cui titulus Orbis Polonus*», которую можно атрибутировать как: Okolski S. *Orbis Polonus*. Kraków, 1641. Т. 1–3 (Лильо О. Посмертный опис майна львівського гравера і друкаря середини XVIII століття Івана Филиповича. С. 468, 475). Книгу «*Prawo autora Lipskiego*» следует атрибутировать: Lipski A. *Practicarum observationum ex iure civili et Saxonico collectarum ad stylum usumque indiciorum curiae regalis accomodatarum*. Cracoviae, 1619–1620.

Большинство книг в реестре – издания типографии Ивана Филипповича. Тринадцать изданий удалось атрибутировать. Все они остались после смерти книгоиздателя нераспроданными в разной степени. Из 53 известных изданий типографии оставшиеся нераспроданными 13–15 изданий свидетельствует о том, что книги в подавляющем большинстве находили своего покупателя и читателя.

Самым ранним изданием типографии Ивана Филипповича, зафиксированным в описи его имущества, является историческое сочинение Юзефа Александра Яблоновского «*Dodecas ducum Martis Poloniae magnique ducatus Lithuaniae...*» (1754. 2°) (Исаевич, Запаско. Кн. 2. Ч. 1. № 1890), которого осталось 627 экземпляров. Возможно, это неучтенное в библиографии издание, т.к. в описи имеется приписка: «z Janem Tarnawskim korygowanych», т. е. с дополнением о коронном гетмане Яне Тарновском.

Книга «*Hymnus Acahistus in Sanctissimam Dei Genitricis Mariae annuntiationem... Leoni Szepticki... dedicatus*» (1755. 8°) (Исаевич, Запаско. Кн. 2. Ч. 1. № 1934) осталась в числе 25 экземпляров. Переведенных с латинского языка на польский Ежи Эйсимонтом книг стихов «*Źródło życia z łez Maryi Panny ... wylanych... z łacińskich wierszów... polskim rytmem... przetłumaczone*» (1756. 4°) (Исаевич, Запаско. Кн. 2. Ч. 1. № 1978) зафиксировано 22 экземпляра.

Книги, обозначенные в описи как «*Mszaliku relikwialny*», вероятнее всего можно атрибутировать изданию «*Missae defunctorum*» (1756. 2°) (Исаевич, Запаско. Кн. 2. Ч. 1. № 1986). Они описаны в пяти позициях, в том числе с приписками: «*porawnych*», «*z defektowemi*», «*oprawnych*», «*bez defektów*». Всего книг этого издания осталось 560 экземпляров.

Указанный в описи «*Traktat o Sakramencie Pokuty*» в 13 экземплярах можно атрибутировать как «*Krok Święty sposobiący duszę do*

przystąpienia, y odstąpienia tak do Sakramentu pokuty...» (1759. 16°) (Исаевич, Запаско. Кн. 2. Ч. 1. № 2107).

Иван Филиппович издал весьма популярное среди католиков сочинение иезуита Паоло Сеньери (1624–1694) «Incredulo senza scusa», переведенное на многие европейские языки. Переведенная с итальянского на латинский, а с латинского на польский книга была издана в типографии Филипповича: Segneri Paulus. Niewierny Zadney Niemaiaçu Wymowki... z Włoskiego na Łaciński. Roku 1721, z Łacińskiego na Polski... 1754 przez xiedza Krzysztofa Niepokouczyckiego przetłumaczona. 1759. 4°. (Исаевич, Запаско. Кн. 2. Ч. 1. № 2125), ее остался 481 экземпляр. Вслед за этой книгой было издано другое сочинение Паоло Сеньери «Il penitente istruito a ben confesarsis» (Bologna, 1669) в переводе на польский язык: «Sposób wielce pożyteczny do pobudzenia grzeszników, aby powstałi z nałogów grzechu... przez X. Tylkow skiego na polski ięzyk przetłumaczony...» ([1760]. 8°) (Исаевич, Запаско. Кн. 2. Ч. 1. № 2189). Это сочинение, видимо, было издано довольно большим тиражом, осталось нераспроданных 1055 экземпляров.

Практически полностью был распродан тираж молитвенника «Teżca przymierza na znak wiecznego pokoju między Bogiem i ludźmi... to jest Godzinki...» ([1760]. 8°) (Исаевич, Запаско. Кн. 2. Ч. 1. № 2193), осталось всего семь экземпляров издания.

Иван Филиппович издал пассийные проповеди священника Успенской церкви Доната Попелевича «Traiedya Nieukoionych Pełna Zalow okrutnych Bolesci Jezusowych. Scenami w siedmiu niegdyś Kazaniach w Stawropigii Lwowskiej ogłoszona... Onufremu... Szumlańskiemu Biskupowi Przemyskiemu, Sanockiemu y Samborskiemu dedykowana...» ([1761]. 4°) (Исаевич, Запаско. Кн. 2. Ч. 1. № 2226), которых осталось 618 экземпляров.. Это издание описано в нескольких позициях, в том числе с пометами: «całych z tytułami y prefacyą» (полных, с титульными листами и предисловием) – 178 экземпляров и с титульными листами («przez tytułów») – 250 экземпляров.

Часто книги издавались на разной по качеству бумаге, что влияло соответственно и на цену книги. Книгу «Officia patronorum Regni Poloniae et Sueciae aliorumque sanctorum quae accesserunt post annum 1731 usque ad annum 1763 Breviario Pratum Sacri Ordinis Praedicatorum reimpressa» (1763. 8°) (Исаевич, Запаско. Кн. 2. Ч. 1. № 2308). Всего нераспроданных осталось 1162 экземпляра. Иван

Филиппович издал книгу на бумаге двух сортов – на водной («na wodnym papierze») и на проклеенной, более дорогой («na klejowym papierze»). Осталось напечатанных на двух сортах бумаги 434 и 178 экземпляров соответственно.

Больше всего осталось нераспроданных книг юридического трактата Михаила Слонского «Accessoria Statut y Konstytucye z Czaradzkiego, Ładowskiego y Supplementu J.O. Xcia J. Mci Załuskiego... zebrane...» – 1921 экземпляр. Так как сочинение издавалось Филипповичем трижды, в 1758, 1760 и 1765 гг. (Исаевич, Запаско. Кн. 2. Ч. 1. № 2073, 2192; Ч. 2. № 2400), сказать точно, экземпляры каких изданий зафиксированы в описи, не представляется возможным. Но так как книга указана в пяти позициях, можно предположить, что в числе дефектных оставались экземпляры всех трех изданий. Так указано, что 73 экземпляра были без титульных листов, а 117 – без таблиц.

Учебного сборника сентенций, переведенного с французского языка на польский «Махумы wyięte z historyi świętey y swieckiey dla uformowania młodego Pana, z francuskiego na polskie przetłumaczone» ([1753– 1767]. 4°) (Исаевич, Запаско. Кн. 2. Ч. 2. № 4158), осталось 70 экземпляров.

Издание «Officium albo godzinki o Panu Jezusie Milatyńskim» (1765. 18°) (Исаевич, Запаско. Кн. 2. Ч. 2. № 2392) известно только в библиографии. Согласно описи, осталось нераспроданных только 12 экземпляров, причем 5 из них «na drukowym papierze», а 7 – «na klejowym papierze to jest na pienknym papierze».

Значительное количество осталось нераспроданных экземпляров издания типографии Львовского братства «Ифика иерополитика» (19 апр. 1760. 8°) – 889. Книга описана в девяти позициях. Отдельно отмечены экземпляры в тетрадях, т.е. без переплета («w swxternach») – 30 экземпляров, «składanych» – 83, «falszowanych alias złożonych» – 345, в кожаном переплете – 2, «składanych z kopersztychami» – 363, «zabranych defektowych z obrazkami» – 13, «nieskładanych defektowych» – 54.

Не подлежат атрибуции три книги, обозначенные в описи как «книги русские в переплете» («Xiążek oprawnych ruskich – 3»). По всей видимости, это издания типографии Львовского братства. Вероятнее всего, этой типографии можно атрибутировать «русскую» Псалтирь в переплете из красной кожи: «Psałterz zażywany oprawny

w skóre czerwone ruski», имевшуюся у Филипповича в одном экземпляре.

Наибольшие затруднения в атрибуции вызывают три издания из описи. Это Акафист Богородице без таблиц («Akafest o pańs(więtszey) Pannie bez kartek») в 117 экземплярах. Вероятнее всего, речь идет о издании типографии Ивана Филипповича. О.Н. Лыльо сделал предположение, что это может быть указанное в описи в следующей позиции издание «Hymnus Acathistus in Sanctissimam Dei Genitricis Mariae annuntiationem...» (1755), только без таблиц (Лыльо О. Посмертный опис майна львівського гравера і друкаря середини XVIII століття Івана Филипівича. С. 745. Прим. 16). В современной библиографии известен только один экземпляр этого издания и он – без таблиц.

Следующие две книги, которые атрибутировать не удалось, указаны в количестве по одному экземпляру. Это может свидетельствовать о том, что книги не являются изданиями типографии Ивана Филипповича, а относятся к его библиотеке, также как и другие книги из этой описи, указанные в единственном экземпляре. Это Акафисты в переплетах из красной кожи: «Książka Akafest do modlenia się oprawna w skóre czerwone» и «Książka Akafest do ś(więtego) Mikolaia oprawna w skóre czerwona». В первом случае это может быть одно из изданий Акафистов типографии Львовского братства 1741, 1742 или 1751 гг. Вторая книга может быть одним из киевских изданий службы с акафистом св. Николаю 1738, 1746, 1747, 1750, 1751, 1754, 1757 или 1761 гг.

Выявленные и введенные в научный оборот акты являются источниками о деятельности львовского гравера, типографа, книгоиздателя позволяют получить важную информацию о биографии, профессиональной деятельности и личных качествах Ивана Филипповича. Также они являются важными источниками по истории культуры, книгоиздания, истории гравюры и книжной торговли. В связи с этим необходимо издать до сих пор не опубликованный привилей короля Августа III от 25 апреля 1757 г. типографу Ивану Филипповичу и на основании кириллической типографии, а также продолжить работу по выявлению документов о его жизни и деятельности.

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

С.Н. Азбелев (Санкт-Петербург)

О ТЕКСТОЛОГИИ ИСТОЧНИКОВ УСТНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

По давнему, но неустаревающему определению С.М. Каштанова, «текстологические приемы исследования могут рассматриваться как часть общей методики источниковедения» (Каштанов С.М. Очерки русской дипломатики. М., 1970. С. 14). Под источниковедением обычно понимают изучение письменных исторических источников. Но существуют другие их разновидности. Таковы источники устные, изучением которых занимается фольклористика. Ее текстологические приемы имеют важные особенности.

Медиевистам самого старшего поколения памятна беспрецедентная московская дискуссия начала 1960-х гг., посвященная времени создания «Слова о полку Игореве». В 2010 г. вышла, наконец, в свет публикация ее стенограммы и ряда сопутствующих материалов. Служившее основой устной дискуссии исследование А.А. Зимина было напечатано в Москве в 1963 г. на ротапринте Институтом истории Академии наук СССР. А в 2006 г. в Санкт-Петербурге издательством «Дмитрий Буланин» была опубликована посмертно фундаментальная книга А.А. Зимина «Слово о полку Игореве». Она подготавливалась автором с учетом двухдневного обсуждения тремя десятками специалистов в 1963 г. и появившихся позднее статей оппонентов. К последним я не принадлежал, а в упомянутом обсуждении защищал А.А. Зимина от необоснованных упреков (История спора о подлинности Слова о полку Игореве: Материалы дискуссии 1960-х годов. СПб., 2010. С. 310–332).

А.А. Зимин, учтя критику, расширил и укрепил аргументацию. Но в центре ее – так же, как и у наиболее серьезных противников А.А. Зимина – по-прежнему оказалась не поддающаяся доказательному решению проблема текстовой связи между «Словом о полку Игореве» и «Задонщиной». Образовался тот «заколдованный круг», о котором уже откровенно пишут нынешние оппоненты А.А. Зимина. Ясно обозначившийся тупик в попытках *строго тексто-*

логически доказать, какой из памятников первичен – «Слово» или «Задонщина» – результат ошибочной исходной посылки. И книга А.А. Зимина (при всех ее усовершенствованиях), и развернутые недавние возражения на нее А.Г. Боброва фактически исходят из представления, что оба этих источника принадлежат почти исключительно письменной литературной традиции (Бобров А.Г. «Заколдованный круг» (о книге А.А. Зимина «Слово о полку Игореве») // Русская литература. СПб., 2008. № 3. С. 45–118).

Между тем, крупнейшими деятелями славянской филологии еще полтора-два десятилетия назад было замечено, что параллели в текстах «Слова» и «Задонщины» аналогичны текстуальному сходству разновременных записей жанрово и тематически близких произведений устного эпоса. Первым обратил серьезное внимание на этот факт академик И.И. Срезневский – выдающийся знаток и устной поэзии, и средневековой письменности, чрезвычайно разносторонний и проницательный филолог. «Задонщина, – писал он, – напоминает Слово о полку Игореве недаром. Оба слова одного рода. Защитить чистую книжность Слова о полку Игореве невозможно. <...> Думаю, что и Слово о полку Игореве принадлежит к числу достойных памяти и устной передачи, к числу тех же поэм, каково – Слово о Задонщине». В Задонщине Срезневский видел «одно из проявлений того же поэтического одушевления, которым проникнут был слагатель Слова о полку Игореве» (Срезневский И.И. Задонщина великого князя господина Дмитрия Ивановича и брата его Владимира Андреевича // Известия Отделения русского языка и словесности. СПб., 1858. Т. VI. С. 341; Он же. Несколько дополнительных замечаний к слову о Задонщине // Там же. СПб., 1858. Т. VII С. 343–344).

Два десятилетия спустя академик Ватрослав Ягич в известной работе, посвященной славянской народной поэзии, говорил о «Слове о полку Игореве» и о «Задонщине» как о «единственных остатках старой малорусской и южной великорусской эпической поэзии». Он высказывал ту же мысль, что и Срезневский: «<...> может быть, многие поэтические образы и фразы переходили посредством заимствования из одной песни в другую как общенародное достояние, как материал, более или менее известный, во всякой бытине или думе» (Jagic V. Gradja za slovinsku narodnu poeziju // Rad Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti. Zagreb, 1876. Knj. 37. S. 102–106). Такие суждения не раз высказывались и позже –

главным образом, специалистами по фольклору. Внимательное обращение к историографии помогло бы нашим литературоведам выйти, наконец, из «заколдованного круга», в котором оказалась проблема датировки «Слова о полку Игореве».

Очевидно, что «разомкнуть круг» не удастся без основательного учета текстовых особенностей самой устной традиции и текстологии ее письменных обработок. Именно к этому исследователей «Слова» призывал уже в двадцатом столетии академик А.А. Шахматов, писавший, что в данном источнике «перед нами книжная обработка поэмы», изучению которой «должно было бы предшествовать выделение ее сильно пострадавшего текста из письменной передачи» (Шахматов А.А. Федор Евгеньевич Корш. Некролог // Известия Императорской Академии наук. Пг., 1915. VI серия. Т. IX. № 5. С. 386).

Призыву Шахматова последовал, изучая не только «Слово о полку Игореве», но и «Задонщину», и ряд других произведений такого рода, крупный специалист по русскому фольклору и средневековой письменности А.И. Никифоров. Он посвятил этому докторскую диссертацию, успешно им защищенную перед началом Великой Отечественной войны. Через год Никифоров погиб в осажденном Ленинграде, и этот труд объемом около двух тысяч машинописных страниц поныне остается неопубликованным. Но его полные экземпляры находятся в Рукописном отделе Института русской литературы РАН и в Российской Государственной библиотеке (Руди Т.Р. Никифоров Александр Исаакович // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб., 1995. Т. 3. С. 315–318).

А.И. Алексеев (Санкт-Петербург)

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ СТАТЬИ ВОЛОКОЛАМСКОГО СБОРНИКА

Рассуждая о стадии, предшествующей вступлению Иосифа Волоцкого в открытую полемику с жидовствующими и их покровителями, хочется обратить внимание на один очень интересный сборник из библиотеки Иосифо-Волоколамского монастыря (ГИМ. ОР. Епарх. 377). Сборник датируется концом XV – началом XVI в. На наш взгляд, в сборнике встречаются три вида почерков. Сборник составляют статьи острополемической направленности, причем главная тема – полемика с иудеями. Вслед за выписками из книги Бытия о сотворении и начальной истории мира, помещается статья

об антихристе, в которой подчеркивается его иудейское происхождение («от обрезания приводит некоего человека вольхва») (Л. 102 – 106 об.). Следом помещено «Видение Иаковле сына Исакова», в котором описывается лестница, по которой на небо восходят христианские народы, а «нисходяще непокоривый развращенный род жидовский» обличается пророком Моисеем (Л. 115). Эту тему продолжают мелкие выписки на тему конца света и обличения «жидовского рода» (Л. 119–127).

В том, что в центре внимания составителей сборника находилась антииудейская полемика, убеждает статья «О десяти слов в каменных скрижалях написана», в которой излагается Декалог Моисея (Л. 168–169). Вслед за ней под заголовком «отъ правил» помещен весьма показательный перечень вопросов, адресованных христианину: как сочетается вера в Бога с почитанием святой Троицы? Как можно верить в телесное воскресение мертвых, в то время как тела разрушаются старостью и болезнями? Почему Христос придет в конце века, ведь если бы он пришел вначале, то многие были бы святы? Зачем он претерпел позорную смерть на кресте, если мог победить врагов божественным могуществом? Если души людей имеют божественную природу, почему существуют неверные и еретики? (Л. 169–170). Как легко убедиться, эти вопросы способны провоцировать серьезные сомнения в истинности христианства. Цель, с которой составитель сборника поместил эти вопросы, указывается следующим образом: «Лепо бо преже искусити человека», поскольку «муж бо неискусень ни единому слову достоинь» (Л. 171–171 об.). Очевидно, что эти вопросы относятся к числу тех, которые адресовали христианам представители отнюдь не христианской конфессии, но поднатюрившие в полемике с христианами иудеи.

В опровержение ранее приведенных мнений составитель сборника со ссылкой на Григория Богослова помещает новые десять заповедей, написанных «на скрижалях сердца», которые противопоставляются написанному на каменных скрижалях Декалогу Моисея. В форме десяти заповедей помещен текст Символа веры (Л. 172 об.–178 об.). В конце его помещена приписка: «Молити же и за мя грешнаго, да подасть ми Богъ крепость паствы и прощение греховъ вашими молитвами. Азь бо вы мало рекохъ, вы сами смотрите, что неугодно Богу, того блюдете. Прославим вкупе Отца и Сына и Святого Духа. Ныне и присно». Представляется, что эти

слова принадлежат составителю сборника, в котором можно предполагать игумена Иосифа Волоцкого. Это тем более вероятно, что, как увидим далее, в сборнике обнаруживается текст, имеющий параллели с посланием Иосифа Волоцкого Василию III.

Далее следуют статьи, в которых объясняется различие между жертвоприношениями в Ветхом Завете и таинством евхаристии, заповеданным Христом (Л. 180–182). Составитель полемизирует с мнением «Яко проклят есть весь вися и на древе», отстаивая догмат о крестной смерти Спасителя (Л. 187 об.). В числе других статей находим известное «правило 165 св. отец на обидящих Божия церкви», в котором содержалась санкция, предусматривавшая угрозу проклятьем самим венценосцам за покушения на церковные имущества (Л. 314 об.–316).

Обнаруживаем в сборнике и статью, адресованную властителям: «Ныне же, цари и князи, разумеите, вам Бог поручил сан и суд свой на земле и яко се талант Божий прияли есте, да не лепостным платом, обвив небрежением, погребете в мысленой земли сердца твоего» (Л. 369–370). Этот текст заставляет обратиться к известному отрывку из Послания Иосифа Волоцкого к великому князю Василию III, в котором он рассуждает о божественной природе и высокой ответственности верховной власти (Послания Иосифа Волоцкого. М.; Л., 1959. С. 230).

Интересно, что в статье проводится мысль о том, что необходимо молиться за носителя власти, даже если он неверный. В то же время составитель сборника настаивал: «досажати убо цареви или боярину всем возбрано есть, обличати ж по достоянию несть возбранно» (Л. 370). Следовательно, составитель сборника сохранял за собой право «обличать по достоянию» власть, даже в лице ее высшего носителя. Завершают сборник выписки из «Летописца вскоре» патриарха Никифора, в которых содержатся расчеты лет от Адама до потопа, от потопа до разделения языков, от Авраама до Моисея и т.д.

Резюмируя наблюдения над содержанием сборника Епарх. 377 следует заключить, что сборник составлен в целях полемики с мнениями, совпадающими с теми, которые выражали жидовствующие. Ряд встречающихся в сборнике выражений близок тем, что были использованы Иосифом Волоцким в своих произведениях. Выражен в сборнике и мотив справедливого противостояния неправедной власти. Это заставляет признать, что сборник отражает

интересы Волоцкого игумена в период актуальности полемики с мнением жидовствующих.

М. Алёшин (Москва)

СОВРЕМЕННЫЕ ПРИНЦИПЫ ПУБЛИКАЦИИ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ В РОССИЙСКОЙ АРХЕОГРАФИИ

Значение немецких средневековых источников для российской истории сложно переоценить. К ним постоянно обращались в своих трудах В.О. Ключевский, С.В. Бахрушин, Н.М. Тихомиров, А.А. Зимин, С.М. Каштанов и др.; несколько значимых трудов были полностью посвящены исследованию этих источников. Археография также не обошла их вниманием – публикацией и переводом занимались и продолжают заниматься сейчас С.М. Каштанов, А.Л. Хорошкевич, А.В. Назаренко.

Выработанные в отечественной археографии принципы передачи древнерусских текстов (Правила издания исторических документов в СССР. М., 1990), которые были теоретически и методологически доосмыслены и оформлены С.М. Каштановым (Каштанов С.М. Актовая археография. М., 1998) могут рассматриваться как универсальные; они могут быть широко использованы не только по отношению к древнерусским текстам, но и к иноязычным.

Это показала публикация С.М. Каштановым Русско-ливонского договора 1535 г. (Каштанов С.М. Договор России с Ливонией 1535 г. // Проблемы источниковедения. М., 2006. Вып. 1. С. 167–297). В соответствии с принципами отечественной археографии любое авторское вмешательство в текст источника имеет здесь свое обозначение: выносные буквы, внесенные в строку, обозначаются курсивом; восстановленные сокращенные буквы заключены в круглые скобки; восстановленные нечитаемые или пропущенные писцом буквы – в квадратные скобки. Для упрощения прочтения текста указывается нумерация строк и пунктов договора, которые изначально отсутствовали в тексте самого источника. Публикация сопровождается подробным научно-справочным аппаратом.

Иные подходы демонстрирует новое издание «Сказания о Московии» С. фон Герберштейна (Герберштейн С. Записки о Московии. В 2 т. / отв. ред. А.Л. Хорошкевич, пер. с нем. А.В. Назаренко. М., 2008. Т. 1. 774 с.). В первую очередь, не вполне ясен источник этой публикации, которое было подготовлено еще в

2003 г. Авторы называют таковым то прижизненное издание Герберштейна 1557 г. (с. 9), то немецкое издание Герберштейна 2007 г. (с. 14).

Авторы указывают, что вслед за современными немецкими публикаторами слова со специальными знаками сокращения раскрываются полностью без передачи знака сокращения и без указания на восстановленные буквы (с. 14). В отечественных практиках раскрытие сокращений при публикации источника помечается круглыми скобками, что указывает читателю на вмешательство публикатора в текст источника.

Некоторые слова из оригинального текста Герберштейна изменяются в соответствии с нормами современного немецкого языка (с. 15), что является поновлением текста и не позволяет читателю увидеть в самой публикации оригинальный текст публикуемого источника. Подобный подход был свойственен российской археографии XIX в., затем от него отказались.

В соответствии с нормами отечественной археографии передача букв при публикации должна быть близкой по графике к буквам самого источника. В этой связи сокращение «u(nd so weiter)», принятое в оригинальном тексте Герберштейна, вряд ли допустимо передавать иноязычным по отношению к немецкому языку «etc.» (с. 112).

Вызывает вопросы последовательность соблюдения самими авторами собственных принципов. Так, в предисловии указано, что квадратными скобками будут помещаться конъюнктурные вставки – явные опечатки в тексте источника и недостающие буквы в словах. Между тем, сокращенное «d» передается как «d[er]» (с. 110), хотя для сокращений, как указывалось выше, были приняты иные принципы воспроизведения.

При публикации немецкоязычных средневековых источников (как рукописных, так и книжных) вполне приемлемы основные принципы, утвердившиеся в отечественной археографии, призванные дать читателю полностью реконструированный текст, вмешательство в который публикатора ясно обозначено.

При публикации средневековых немецких источников необходимо пользоваться принципом полной передачи текста без его изменений и поновлений. Если латинская традиция «путать» буквы «u» и «v» превращает «und» в «vnd», это следует воспроизводить. Недопустимы, в угоду поновления текста, замены также «i» на «j»,

«i» на «ï», «e» на «ä», «w» на «u», диграфа «eu» на «ei» и наоборот. Литеры «a», «o» и «u» с надстрочной «e» допустимо передавать умляутами, соответственно «ä», «ö» и «ï». Варианты написания одних и тех же слов унифицировать не следует. Словоразделение и использования прописных и строчных букв в тексте нужно сохранять. Нумерацию тетрадей, кустоды и репликаны воспроизводить в тексте вряд ли целесообразно; при необходимости их можно привести в табличной или иной форме в виде приложения.

В печатных источниках иноязычные (в основном – латинские) слова часто выделяются другим шрифтом. Им набраны собственные имена, общенаучные термины. Вероятно, их можно воспроизводить курсивом. Пропущенные и недостающие по смыслу буквы, слова следует помещать в квадратных скобках, восстановленные сокращенные – в круглых. Выносные буквы при внесении в строку следует обозначать курсивом. Целесообразно указание в публикации на страницы (листы) оригинала, что позволяет сверять опубликованный текст с текстом самого источника.

При современном полидисциплинарном подходе в исторической науке и с учетом возможностей компьютера не совсем понятно, зачем издавать источники по упрощенным правилам. Интерес к изданию средневековых немецких источников могут иметь не только собственно историки, но и исследователи языка, книжной и рукописной культуры, для которых крайне важны все особенности оригинала.

Б.Б. Аминов (Ташкент, Узбекистан)

ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТОВ НАДМОГИЛЬНЫХ НАДПИСЕЙ МАВЕРАННАХРА XV – XIX вв.

Долина Зеравшана и Кашкадарьи, куда входят отдельные территории двух соседствующих областей Самарканда и Кашкадарьи – богатый историко-культурными традициями регион Средней Азии. На территории этих областей сохранилось огромное количество надмогильных плит с надписями, в основном относящимися к XV–XIX вв. Надгробия с надписями, поставленные на могиле умершего исторического лица, уникальны. Мы находимся здесь перед двумя артефактами: во-первых, могила, где покоятся останки похороненного, во-вторых, памятник над могилой, на котором запечатлены

конкретные биографические данные исторического лица. Эти два артефакта не только предмет для археолога и этнографа, но и важный источник для специалистов в области вспомогательных исторических дисциплин.

В рассматриваемые столетия произошли большие изменения, характеризующиеся переходом власти от одной династии к другой, расцветом культуры и искусства, а также большими изменениями социально-экономической жизни общества в регионе. Бесспорно, все эти события и явления частично отразились и на памятниках эпиграфики, что позволяет судить о материальной и духовной культуре, быте, этническом составе населения и генеалогии отдельных сословий общества.

Надгробные надписи, находящиеся на кладбищах и мемориально-кладбищенских комплексах упомянутых долин, позволяют говорить о большом распространении таких источников, особенно в период XV–XVII вв. и свидетельствуют о высокой грамотности. Эти материалы, не раз привлекавшие внимание исследователей, изучены мало. Объясняется это тем, что многие памятники такого рода оставались незамеченными из-за отдаленности расположения их от культурных центров и городов, поиск и чтение арабографических надписей с разными особенностями графики затруднены.

В настоящее время по мере накопления арабографических надписей, обнаруженных на территории Узбекистана, идет работа по их систематизации и классификации, в связи с этим они группируются по географическому и хронологическому принципам. Историко-филологический анализ текстов дает возможность сравнительного сопоставления с другими памятниками, позволяет определить стандартные формулы и речения, что необходимо для дальнейших исследований по восстановлению оригинального текста.

Опыт изучения материалов погребальной эпиграфики показывает, что отдельные надписи по важности содержащихся в них сведений не уступают письменным источникам. Данные надписей помогают нам разобраться в ряде вопросов историко-культурного развития в рассматриваемый период, удовлетворяют потребности более глубокого и всестороннего понимания исторических процессов, происходивших на территории Мавераннахра. Источниковедческий анализ и филологическое изучение текста имеют большое значение для уточнения и лучшего понимания содержания

надписей, помогают лучше понять текст многих эпитафических памятников, а также установить более точные даты.

В течение трех лет нами были исследованы более 100 могильных плит в городе Самарканде, Самаркандской и Кашкадарьинской областях. В ходе расшифровки и чтения основное наше внимание привлекали приемы составления эпитафий, порядок и расположение слов и фраз в историческом тексте. Основными объектами нашего исследования, заслуживающими внимания в первую очередь, являются надгробные надписи, зафиксированные на территориях следующих мемориально-архитектурных комплексов и кладбищ: Дар ут-тилават (г. Шахрисабз), Шах-и Зинда (г. Самарканд), Х^ваджа Хидр (г. Самарканд), Шагиш (Пайарикский район Самаркандской области), Султан Мир Хайдар (Касбинский район), Вадрук (Шахрисабзский район), Кукташ ата (Челакский район).

Тексты на мусульманских надгробных плитах Мавераннахра лаконичны и передают конкретные исторические данные – имя исторического лица, эпитет, лакаб, нисбу, дату смерти. Строки на плоских поверхностях отшлифованных мраморных плит располагаются горизонтально или вертикально. Они помещаются внутри прямоугольной или арочной рамки, картуша или внутри круга и состоят от 2 до 20 строк. Количество слов и фраз, а также строк текста зависит от размеров и объемов форм и плоскостей памятника. Например, эпитафии очень часто написаны на торцах сундукообразных надгробий, а на стелах они помещаются на лицевой поверхности и занимают гораздо большее место на отшлифованной поверхности памятника.

Расположение фраз и слов имеет определенный порядок. Существуют стандартные модели словосочетаний, широко применяемые в надгробных надписях. Большое внимание уделяется выдержкам из Корана и другим сакральным текстам ислама. В большинстве случаев коранические цитаты помещены на верхней части надмогильных плит. Обычно первые строки текста надписей представляют посвятительные формы в честь Аллаха и Пророка. Как и в книжной традиции, начальная фраза каждой эпитафии – это слово «Басмалла», т.е. произношение «во имя Аллаха», вобравшее в себя весь смысл и содержание святой книги Корана. Басмалла – сура ал-Фатиха, которая повторяется в каждом ракате обязательной молитвы. Далее помещается одна из сур Корана или цитата из хадисов, иногда высекают ду'а (молитва-прошение). Широко

распространено на памятниках поминание (Зикр), где заключено 99 прекраснейших имен Аллаха. Наиболее распространенный коранический стих – Аят ул-Курси занимает центральное место на памятнике. Каллиграфы и резчики помещали святые фразы на верхней плоскости памятника, на видном месте. В качестве доказательства служат святые фразы, зафиксированные в текстах стел под номерами Mh-1 и Mh-3, находящихся на дахме по улице Мехнат к югу от Регистана г. Самарканда. На верхней части лицевой стороны стелы высечено *مى جردا ناطى شلا نم دللاب ضوع* (*Прибегаю к Аллаху от наущения сатаны*). Как известно, такая формула начинает молитву, произносимую перед чтением и совершением намаза. Ниже этой формулы по порядку сверху вниз помещены «Басмалла», «Калима-и тавхид». По боковым граням высечена упомянутая «Аят ал-Курси», которая часто встречается в текстах надгробий.

На боковых плоскостях некоторых сундукообразных надмогильных плит традиционно высекали марсий – лирические посмертные элегии духовного характера. Их чаще всего выбирали из произведений классиков персидско-таджикской поэзии.

Основной исторический текст по своему строению зависит от темы надгробных надписей. Тексты имеют информативный характер и сообщают о смерти, датах жизни, имени исторического лица, его генеалогии и эпитетах. Таким образом, тема эпитафии в краткой форме объединяет материалы ономастики, хронологии, генеалогии и т.д. Все исторические данные о лице, которого постигла смерть, излагаются в логическом порядке и высекаются на каменной плите. При формировании краткого исторического текста надгробий использовались определенные конструкции. Ярким примером такого текста могут служить сундукообразные плиты, находившиеся в комплексе Султан Мир Хайдар (SMH-4 (XVI в.)) в Касбинском районе Кашкадарьинской области и на кладбище Шагиш (№ 6 (XVI в.)) в Пайарикском районе Самаркандской области. Пример надписи надгробия SMH-4:

۱. موح رمل ا روف غملا دق رمل اذہ
 ۲. مى ساق دم حم الم رور بمل ا
 ۳. ى بش خن اتا ان الوم نبا
 ۴. دل ق رم دل لآ رون

1. Эта усыпальница прощенного помилованного
2. благочестивого Муллы Мухаммада Кāсима
3. сына Мавлāнā Атā Нахшаби

4. Да, озарит Аллах его могилу

Надпись на камне № 6 кладбища Шагиш:

۱. اذہ

۲. موح رمل روغ فملا دق رمل ا

۳. ی لق رداق نب ی ب س ن اج رور بمل ا

۴. زی زعل ا هرس دللا س دق

1. Эта

2. усыпальница прощенного помилованного [Аллахом]

3. добродетельного Джаниш бийа сына Кадир Кули

4. да освятит Аллах его почитаемую могилу

Примеры показывают, что исторический текст большинства эпитафий начинается простым указательным местоимением *اذہ* *этот*, *это* в ед. ч. м.р. или *هذه* *эта* в ед. ч. ж.р., которые употребляются для указания на ближний предмет. Они обычно ставятся перед словом *دق رمل* *усыпальница* и *ربق* *могила*. Как правило, указательное местоимение согласуется с именем существительным в роде и числе. Например: *اذہ* *это усыпальница* или *هذه* *это могила*. Эта формула, распространенная почти во всех текстах надмогильных камней Средней Азии, построена по грамматическим нормам арабского языка. Существует и другая версия этой формулы, где наблюдается нарушение грамматических норм. В таких фразах отсутствует артикль *ال* у определяемого слова. Нарушение компонентов словосочетания обнаружено в надмогильной плите под номером GS-B в комплексе Дар ут-тилават (г. Шахрисабз). Словосочетание явно образовано под сильным влиянием местного таджикского языка. Во фразе *رطعم دهمش رونم دق رمل اذہ* (*Это озаренная усыпальница, благоухающая могила святого*) преобладают языковые нормы таджикского языка. Такие же примеры можно привести на основе текстов надгробных плит некрополя Шах-и Зинда, у ханаке мечети Курганча (г. Карши) и кладбища Кавчин (Каршинский район Кашкадарьинской области).

В текстах отдельных надгробий (GS-2-KH) порядок слов меняется после указательных местоимений *هذه* и *هذه*. Вместо слова *усыпальница* или *могила* употребляют *قن جلا ضایر نم قضور هذه* *это сад из райских садов* или *تتن فد اذہ* *это [место, где] погребен...* (FZ-1), *تی ممل اذہ* *этот покойник...* (MR-P) и *دس ج اذہ* *это тело* (KO-A).

В рассматриваемых нами эпитафиях текст также начинается следующими словами: *تافو* *вафати* – *смерть, кончина* или *вафат кард* – *умер* (GS-D (XV в.); KO-1 (XV в.) *ی فووت* – *скончался* (V-1

(XV в.). *тафои вафати* или *вафат* широко употребляется в начале текстов надгробий XVIII–XIX вв. На эпитафии кладбища Ақтау ата в Чиракчинском районе текст начинается по-таджикски: *тафои тафои* – умер, скончался (АК-1, XV в.).

Прослеживается также особая формула начала текстов отдельных надгробий XVI–XVI вв.:

ءاقبالا رادى لاءانفلا راد نم لقتنا دقو

Переселился из мира тленного в мир вечный (SMH-A)

При указании хронологии смерти лиц употребляется следующий порядок слов в начале текста: *тафои хи рат* – дата смерти ... (SMH-E; SMH-S, XVI в.)

Дополнительно были изучены отдельные антропонимы, этнонимы и термины религиозного характера и государственно-управленческой системы. Слова и понятия, выявленные в надгробных надписях, проанализированы и сопоставлены с данными рукописных источников. Результаты этих работ требуют новых исследований в данной области.

Таким образом, текстологический анализ надгробных надписей показывает, что существовали разные формулы начала текстов эпитафий. Это видно из надписей разных столетий и территорий. Результаты анализа дают возможность представить модели строения и процесс составления текстов. Палеографические особенности, порядок слов и словосочетаний, характер текстов свидетельствуют о разнообразии составителей текстов и их школ, существовавших в Мавераннахре. Прослеживается также влияние самаркандской школы каллиграфии и резьбы по камню на другие территории.

Для дальнейшей разработки методологии исследований текстов необходимо использование их в комплексе с другими источниками. Такая работа позволит расширить наши знания по истории Мавераннахра и мусульманского Востока.

О.В. Андреева (Москва)

К ИСПОЛЬЗОВАНИЮ АКТОВЫХ ИСТОЧНИКОВ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ЧИТАТЕЛЯ ПЕРВЫХ ЛЕТ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Изучение читателя в довоенный период основывалось на применении широкого спектра социологических методов: анкеты, отзывы, наблюдение, эксперимент, экспертная оценка, библиотечная

документация. Эти методы влияли на характер и форму фиксации первичных данных конкретной социологии: анкета; протокол эксперимента; формуляр читателя; формуляр книги; дословная запись спроса; запись устных отзывов; дневник наблюдений библиотекаря; рукописные журналы «Мысли читателя»; списки наиболее и наименее требуемых книг; списки читателей; письма в издательства и авторам книг; статистика книговыдач; профильная карта обслуживаемого района; конъюнктурные аналитические сведения и т.п.

Первая крупная попытка анкетного опроса большой читательской аудитории была осуществлена в годы гражданской войны. Инициатором этой и других социологических разработок в Красной Армии был начальник Библиотечного отдела Агитпропа ПУР РККА Е.И. Хлебцевич. В 1920 г. Библиотечным отделом под руководством известного психолога профессора Московского университета Н.А. Рыбникова было проведено масштабное обследование читательских интересов красноармейских масс (собрано около 12 тысяч ответов респондентов). Текст анкеты был апробирован Опытной психологической лабораторией Генштаба и специальным собранием московских библиотекарей. Преимущественно крестьянский состав армии был репрезентативным для страны в целом. Регулярные исследования могли показать результативность проводившейся политико-просветительной работы. В то же время организация анкетирования была облегчена военной дисциплиной и четкостью исполнения приказов, что играло важную роль при массовом одновременном обследовании.

В распоряжении исследователей имеется уникальная возможность ознакомления с первичными документами этого социологического обследования, которые отложились в РГАЛИ в составе архивной коллекции «Собрание анкет по изучению читательских интересов красноармейцев» (Ф. 2130). Сохранилось 2500 анкет, а также объяснительные записки, протоколы, статистические разработки и тому подобные материалы из разных воинских частей Красной Армии. Подлинные материалы несут дополнительную информацию о грамотности респондентов, их готовности к участию в анкетировании.

В сопроводительной документации имеются доклады командиров об условиях проведения опроса. Так, например, в Перемышльском гарнизоне анкетирование проходило в помещении городского театра

и завершилось речью и пением «Интернационала». В некоторых частях опрос был затруднен из-за отсутствия письменных принадлежностей, помещения, мебели, света; красноармейцы заполняли анкеты при керосиновых лампах, сидя на полу. Есть сведения об отношении к мероприятию красноармейцев разных частей. Так, в донесениях говорится о разных оттенках интереса к заполнению анкеты («охотно», «серьезно», «внимательно», «с интенсивностью», «при абсолютной тишине», «равнодушно», «недоверчиво», «сочувственно», «индифферентно», «пассивно», «ерунда», «заинтересовала своей интимностью и новизной» и т.д.). Многие красноармейцы умели читать, но не умели писать. Командир одного из взводов докладывал (орфография, пунктуация и стиль подлинника сохранены): «Доношу вам что Красноармейцы вверенного мне взвода при исполнении Анкет были убеждены вожидании Новой Жизни и победой пролетариата над буржуазией. И вожидании скорого окончания военных действий».

Эти свидетельства помогают ощутить атмосферу, в которой проходило анкетирование, что повышает информативные достоинства итоговых социологических данных.

В середине 1920-х гг. Главполитпросвет и Госиздат РСФСР предприняли опыт коллективных чток в крестьянской аудитории с целью определения интересов сельского читателя, а также проверки методов подхода к изложению материала, которые практиковались авторами книг для деревни. В качестве чтецов привлекались студенты комвузов, библиотекари, книгоноши, крестьяне-выдвиженцы. Были разработаны требования к проведению чток и составлению протоколов. В архивном фонде Главполитпросвета отложились не привлекавшие ранее внимание исследователей протоколы чток, проведенных в нардоме подмосковного села Алешино, а также среди красноармейцев и командированных в Москву крестьян в сентябре 1926 г. (ГАРФ. Ф. А-2313. Оп. 5. Д. 122).

Протоколы составлены по рекомендованной схеме. В анкетной части содержится объективная информация: дан паспорт аудитории, указаны место, время, условия проведения читки, характер работы чтеца и протоколистов. В тексте отмечены особенности поведения аудитории; зафиксированы речевые и невербальные реакции на содержание книг, ответы аудитории на вопросы чтеца. В некоторых случаях протоколы приближаются по форме к стенограмме, в них дословно воспроизведены высказывания крестьян по поводу тех или

иных изданий, например: «Раньше нас учили про Бову-Королевича, про Полкана-Богатыря. А теперь другое дело: о научном. Мне это больше нравится, все равно как соленое есть»; «Сколько бы здесь разных книг ни читали, они не будут прививаться в нашей местности, поскольку мы разуты, раздеты <...> Нищета у нас существует, а ни один нищий книг читать не станет»; «Разве на всякого угодишь. Кому теперешняя власть хороша, а кому нет. Так и книжка»; «Да книжку-то (о тракторе – О.А.) можно купить, вот трактор-то не купишь».

При использовании этого источника следует принимать во внимание особенности его происхождения. Состав слушателей, присутствовавших на читках, не всегда отражал состав читательской аудитории в целом. Определенное искажение результатов эксперимента могло наблюдаться вследствие того, что на читках нередко присутствовали неграмотные. Кроме того, оценка текста при воспроизведении его квалифицированным чтецом отлична от оценки, сформировавшейся при самостоятельном чтении, что особенно характерно для малоподготовленного потребителя.

Д. Антанавичюс (Вильнюс, Литва)

РЕЕСТР ОРИГИНАЛЬНЫХ КНИГ ЛИТОВСКОЙ МЕТРИКИ XVI в. ОТ 26 НОЯБРЯ 1623 г.

Во время работы в Главном архиве древних актов в Варшаве осенью 2010 г. нами был обнаружен один документ 1623 г., содержащий реестр оригинальных книг Литовской Метрики (далее – ЛМ) XVI в., погибших в середине XVII в. после захвата столицы Великого княжества Литовского (далее – ВКЛ) Вильнюса московским войском.

Слово «обнаружен» не совсем точное, поскольку упомянутый документ даже не пришлось искать – о нем писалось в научной литературе более десяти лет назад: данные о документе приведены в статье польского исследователя В. Микульского, опубликованной в 1997 г.

После публикации статьи и использования лишь приведенной в ней информации, могло сложиться впечатление, что упомянутый список книг ЛМ – лишь один из вариантов уже опубликованного реестра от 11 марта 1623 г. Через несколько лет ученым стали

доступны материалы упомянутого В. Микульским 27 отдела архива Радзивиллов в Главном архиве древних актов в Варшаве.

В последнее время нас особенно интересовали проблемы структуры ЛМ, и мы не раз обсуждали возможность более детального анализа документа от 26 ноября 1623 г., предполагая, что, вероятно, в нем содержится какая-то загадка. Возможность еще раз изучить документ представилась поздней осенью 2010 г. Уже поверхностное сравнение текстов подтвердило наше предположение и позволяет говорить о том, что удалось найти неизвестный науке реестр оригинальных книг ЛМ XVI в.

Начало очень длинного заголовка документа начинается словами: «Regestr spisania przywilegów ziemskich Wielkiego Księstwa Litewskiego od książąt, a potem od królów ich mościów polskich i WKL na prawa i wolności obywatelom nadanych, także między stanami koronnemi i WKL, listów strony unii i inszych, do tego pakt mołdawskich i inducyj moskiewskich, nadto Metryk przywilegów, zeznania i sądów różnych [...]».

На л. 13 вслед за перечислением содержимого ящика С 5 читаем: «Метрыка стара Wielkiego Księstwa Litewskiego». Уже сами слова «старая Метрика» свидетельствуют о том, что речь идет не о книгах, переписанных в конце XVI в. по указанию канцлера ВКЛ Льва Сапег и сохранившихся до наших дней, а об оригинальных книгах, которые хранились не в канцелярии, а в подвале земского скарба ВКЛ в виленском Нижнем замке. Это предположение подтверждает и простейшее сравнение наиболее ранних книг ЛМ обоих списков.

В реестре от 26 ноября 1626 г. упомянуто около 150 рукописных книг. Точное число книг установить не представляется возможным, поскольку некоторые записи описывают не одну, а, возможно, две-три «единицы хранения» (например, записи 75, 96/97, 140/141). Учитывая эти уточнения, подготовленный нами к печати реестр от 26 ноября 1626 г. насчитывает 148 позиций.

Наряду с публикацией реестра от 26 ноября 1626 г., не менее важной работой является составление конкорданса его позиций и книг ЛМ, переписанных в конце XVI в. и хранящихся в настоящее время в РГАДА, а также в архивах Литвы и Польши. Подавляющее большинство случаев ясны и не вызывают сомнений, но несколько позиций оказались достаточно сложными. И все же наиболее интересными являются те позиции реестра от 26 ноября 1626 г., которые

отсутствуют не только в форме сохранившихся книгах-копиях, но и в реестре от 11 марта 1623 г. Таких позиций насчитывается 9. После составления точного конкорданса выявился еще один факт: в реестре от 26 ноября 1626 г. упоминаются далеко не все книги, в том или ином виде дошедшие до наших дней. Не достаёт 32 книг, хранящихся сегодня в фонде ЛМ РГАДА.

В чем состоит значение найденного реестра? Не возникает сомнения в том, что он не может заменить собой самих книг, поэтому сопоставление переписанных в конце XVI в. копий книг ЛМ с оригиналами навсегда останется неразрешимой проблемой источниковедения, к тому же разгаданная загадка о наличии в наше время некоторых оригинальных книг в принципе отрицает возможность сосуществования книг обоих типов (сохранился либо оригинал, либо копия). И все же найденный реестр особенно важен в связи с другим аспектом исследований: мы считаем, что он, наконец, позволит и даже заставит завершить бурные дискуссии XX в. о соответствии так называемых книг-копий ЛМ оригинальным книгам. Еще одна важная особенность реестра от 26 ноября 1626 г. состоит в том, что реестр позволяет достаточно точно установить дату, после которой «новые» книги, которые велись в канцелярии в конце XVI в., уже не переписывались, и до наших дней дошли их оригиналы. Мы также считаем, что реестр оригинальных книг от 26 ноября 1623 г. должен занять заслуженное место при архивной характеристике книг ЛМ, готовящихся к публикации. Планируется опубликовать полный текст реестра от 26 ноября 1623 г. и упомянутый конкорданс.

В.А. Аракчеев (Псков)

**УКАЗНАЯ ГРАМОТА ИВАНА III НА ВЕЛИКИЙ УСТИЮГ
1462 – 1474 ГГ. И ОСОБЕННОСТИ ФИСКАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ
ВЕЛИКИХ МОСКОВСКИХ КНЯЗЕЙ**

Одним из интереснейших русских средневековых актов договорно-распорядительного вида являются указные грамоты, выдававшиеся от имени князей Северо-Восточной Руси. Предметом анализа в данном сообщении являются указные грамоты, адресованные наместникам и тиунам северорусских земель и содержавшие распоряжения по вопросам фиска. Генезис указных

грамот объясняется особенностями их формуляра: некоторые грамоты конца XV в. сохранили в своем формуляре элементы жалованных грамот, в частности, формулу «пожаловал есми», исходящую от наместника, действующего «по великого князя слову». В жалованной грамоте сиротам Терпилова погоста 1422–1423 гг. содержится распоряжение о размерах поралья и несении потуга, которое характерно для более поздних указных грамот.

Терпилов погост располагался в низовьях Двины и лежал чересполосно с землями Двинской слободы, жители которой свободно переходили в состав общины Терпилова погоста. Помимо распоряжения, устанавливающего размер поралья, грамота содержит еще и принципиальное установление о несении тягла («потуга») по месту проживания: «А который двинянин слободчанин почнет жити на земле Терпилова погоста, а тои потянет потугом в Терпилов погост» (ГВНП. № 89. С. 146.) Подобные распоряжения свойственны указным грамотам князей Северо-Восточной Руси, адресованным наместникам и тиунам северорусских городов, в частности, Великого Устюга.

Введенная автором в научный оборот указная грамота наместнику и тиуну Великого Устюга 1462–1474 гг. показывает, что великоустюжские кормленщики имели обширные полномочия в сфере фиска (Аракчеев В.А. Новый источник... // Российская история. 2011. № 4. С. 178–184). Поводом к отправке грамоты устюжским наместнику и тиуну было стремление устюжан во главе с их «бегоулями» включить население Пежмы и Заечьей реки в «потуг» и дань вопреки освобождению их от тягла по оброчной грамоте. Термин «бегоули» упомянут в четырех известных нам документах XIV–XVI вв. Его наиболее раннее упоминание встречается в жалованной грамоте 1320-х гг. ярославского князя Василия Спасо-Ярославскому монастырю: «бегоули мои не имают людей спаских в сторожу, ни в корму». Термин «бегоули» употреблен также в двух актах великоустюжского Михаило-Архангельского монастыря 1551 и 1598 гг.: собранный корм предписывалось отдавать «устюжским бегоулем или старостам, и бегоули или старосты платят корм наместнику» (Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. М., 1964. Т. 3. № 190. С. 204; Шляпин В.П. Акты великоустюжского Михаило-Архангельского монастыря. Великий Устюг, 1912. Ч. 2. С. 125).

Упоминание термина «бегоули» в грамоте Ивана IV от 24 мая 1555 г. Устьянским волостям об отмене кормлений убеждает в том, что это слово являлось диалектизмом, укоренившимся не только в бытовом языке населения, но и в делопроизводстве Устюжского уезда. Судя по тому, что бегоули упомянуты в грамоте 1555 г. между сотскими и десятскими, их место в формулярном обороте соответствует месту пятидесятских. Впрочем, выражение публикуемого документа «бегоули и все устюжане», заставляет видеть в бегоулях не именно пятидесятских, а вообще ответственных лиц выборного мирского управления, отвечавших, видимо, за раскладку податей и выплату оброка.

В грамоте констатируется, что бегоули и устюжане «тянут» пежемцев и заеречан «в потуг». Термин «потуг» свойственен новгородскому делопроизводству республиканского периода, фигурирует в синхронных публикуемому документу новгородско-московских договорах 1456 и 1471 гг.: «А купец поидет во сто, а смерд потянет в свои потуг» и в жалованной грамоте новгородского веча крестьянам Терпилова погоста, датированной В.Л. Яниным 1422–1423 гг. Административная практика, применявшаяся в новгородских погостах Поморья, объясняет смысл распоряжений указной грамоты на Устюг 1462–1474 гг. Бегоули и устюжане, считая слободчан с Пежмы и Заечьей реки жителями одного «присуда» (кормленного округа), тоже попытались притянуть к себе «в потуг» оброчников, освобожденных от этого потуга великокняжеской жалованной грамотой. Надо полагать, выдача этой оброчной грамоты была элементом политики великих московских князей по расширению сферы своего влияния на Севере, ибо слободчики оказывались, таким образом, ревностными сторонниками Москвы. Их фискальная защита была естественным побуждением великокняжеской власти, что и показывает публикуемая грамота.

Проводниками подобной фискальной политики часто оказывались наместники, что доказывается несколько более поздними документами. Так, в 1497/98 г. Гороховецкий волостель Константин Симанский «пожаловал» «по великого князя слову» несколько семей крестьян дубровой, лугом и урочищем, освободив их от тягла с волощанами на 10 лет. В 1516 г. Василий III дал указную грамоту устюжскому наместнику кн. И.И. Холмскому и тиуну С. Левашову с требованием не взимать наместничьи кормы, подымное и другие

пошлины с деревень протопопа устюжского собора Успения Богородицы (Акты суздальского Спасо-Евфимьева монастыря. М., 1998. № 27. С. 76; Каштанов С.М. Финансы средневековой Руси. М., 1988. С. 60).

Аналогична по содержанию грамота великого князя Ивана III на Устюг тиуну Семену Исакову, датированная И.А. Голубцовым 1467–81 гг. (АСЭИ. Т. 3. № 281. С. 297–298.) Причиной выдачи грамоты был захват ростовским архиепископом Васьяном, в чьей епархии находился Устюг, деревень, принадлежавших соборной устюжской церкви Богородицы. Великий князь предписывал тиуну в случае отказа архиепископа вернуть деревни, отдать их «безпереводно» протопопу и прихожанам. Это распоряжение характеризует великоустюжского тиуна последней трети XV в. как администратора, наделенного значительными полномочиями по регулированию отношений в сфере иммунитета.

Новые архивные находки, рассмотренные в контексте известных актов, позволяют получить существенно новые данные об административно-фискальной политике великих князей XV в.

О.В. Ауров (Москва)

**АКТОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА В КАСТИЛИИ И ЛЕОНЕ
XI – СЕРЕДИНЫ XIV вв.
(ОБЩИЕ ОСОБЕННОСТИ И ПРИНЦИПЫ КЛАССИФИКАЦИИ)**

Изучение социальной истории западноевропейского средневекового города относится к числу фундаментальных проблем медиэвистики. Его особая значимость применительно к землям средиземноморского региона (территориям современных Италии, Южной Франции и Испании) объясняется глубокой укорененностью там городского образа жизни уже в эпоху Античности. Но если исследования истории городов региона в римскую эпоху и в период Раннего Средневековья основываются главным образом на данных эпиграфических и нарративных памятников, то применительно к Высокому Средневековью на первое место выходят данные анализа актовых источников.

Это замечание справедливо и применительно к истории городов центральной Испании (большую часть которой в эпоху Высокого

Средневековья занимали королевства Кастилия и Леон, оформившиеся во второй трети XI в., эти королевства окончательно объединились в 1230 г.), архивы которых сохранили обширные собрания средневековых актов. Тем не менее, изучение и массовая публикация актового материала из этих архивов начались относительно поздно, что объясняется сложным комплексом причин как политического и экономического, так и культурного характера.

По-настоящему масштабные исследования в области палеографии и дипломатики средневековых публично- и частноправовых актов, а также публикации материалов из фондов местных архивов развернулись в Испании лишь начиная с 1980-х гг. и продолжают вплоть до настоящего времени. Колоссальным стимулом для их развития стали политические реформы, развернувшиеся с конца 1970-х гг., следствием которых стали не только постепенный демонтаж наследия франкистской диктатуры, но и неуклонное повышение степени самостоятельности регионов. Политика повышения статуса и расширения полномочий региональных властей, изначально вызванная стремлением смягчить последствия чрезмерной централизации страны в период франкизма, со вступлением Испании в ЕЭС (далее – ЕС) в начале 1980-х гг. получила развитие в рамках курса европейских структур на создание «Европы регионов».

Основным критерием для расширения полномочий региональных властей стал факт наличия у соответствующего региона «историко-культурной специфики». Отсюда – настоящий бум историко-краеведческих исследований, который переживает современная Испания и который вызван стремлением обосновать факт наличия последней. Их неотъемлемой частью стали изучение и издание средневекового актового материала. К настоящему времени объем и качество их публикаций столь значительны, что позволяют зарубежному исследователю, не имеющему возможностей для полноценной работы в местных архивах, сделать важные выводы, касающиеся как общей специфики, так и классификации актовых источников по социальной истории средневекового города в Кастилии и Леоне в XI – середине XIV вв.

Наиболее репрезентативным подобное исследование представляется применительно к актовым собраниям небольших провинциальных городов, архивы которых подчас опубликованы практически полностью. В настоящем докладе на примере актового материала из местных собраний кастильских городов Сепульведа, Куэльяр, Бехар

и Риаса, и леонского города Альба-де-Тормес делается попытка дать полную источниковедческую характеристику всего массива актов означенного времени. Для всех названных городов, возникших на рубеже X – XI вв. в рамках процесса Реконксты, период XI – середины XIV вв. стал временем их становления как административных, военно-политических и церковных центров местного значения, процесс которого освещается довольно широким кругом актовых источников.

Составленные в средиземноморском регионе, обладающем древними традициями письменного делопроизводства, восходящего еще к эпохе Античности, публично- и частноправовые акты из архивов Сепульведы, Куэльяра, Бехара, Риасы и Альбы-де-Тормес отличаются значительным разнообразием как по форме, так и по содержанию. Именно этот аспект определяется в докладе как основная, но далеко не единственная, особенность исследуемого круга источников.

К ней следует прибавить наблюдения, касающиеся роли лингвистического фактора: именно в Кастильско-Леонском королевстве впервые в истории Средневекового Запада делопроизводство было официально переведено с латинского на разговорный – старокастильский – язык. Соответственно в исследуемых архивах присутствуют документы на обоих названных языках, что составляет еще одну особенность исследуемого материала.

Наконец, необходимо принять во внимание значимость фактора множественности центров власти в указанный период как следствия политико-правовой раздробленности – этой неотъемлемой черты феодальной эпохи. Именно поэтому в документах из местных архивов представлены акты, составленные как в королевских, так и в иных (сеньориальных, епархиальных и др.) канцеляриях, а важность влияния Рима эпохи апогея власти пап на местную жизнь проявляется в наличии в городских архивах документов из Апостольской канцелярии.

Исходя из этих особенностей, в докладе предлагаются различные способы классификации актового материала – по характеру (публично- и частноправовые), языку (латинские и старокастильские) и происхождению (папские, королевские, сеньориальные и др.).

**«1666 ГОД»: СИСТЕМЫ ЛЕТОСЧИСЛЕНИЙ В СТАРОВОЕРЧЕСКОЙ
КНИЖНОЙ ТРАДИЦИИ (1650 – 1680 ГГ.)**

Специалисты, занимающиеся исследованием восточно-христианской хронологической традиции, отмечают, что на современном уровне изучения древнерусской хронологии перед учёными стоит, пожалуй, больше задач и вопросов, чем было решено на всех предшествующих стадиях развития этой отрасли знания. Среди нерешённых проблем они называют использование в исторических источниках двух эр «от сотворения мира» (далее – от с. м.), насчитывающих «от Адама до Христа» различные сроки: 5500 и 5508 лет. Первая из них – александрийская (или «эра 5500») и византийская (она же – константинопольская, или «эра 5508»).

В VI в. римским монахом Дионисием Малым была введена новая хронологическая шкала – «от Рождества Христова» (далее – от Р. Х.). Согласно ей, Иисус Христос родился в 754 г. по эре от основания Рима, или в 5508 г. по эре от с. м. При поддержке Римского престола и сопутствующих внешних обстоятельствах «система Дионисия» к середине XV в. распространилась по всей католической Европе, а позже – и в других христианских странах, вытеснив все альтернативные летосчислительные системы.

Со времён крещения Руси вплоть до 1650-х гг. (*de jure* – до 1 января 1700 г.) практически всё российское летописание и делопроизводство велись по эре от с. м. Однако с начала XVII в. в российские пределы различными путями стала проникать система «от Р. Х.», в основном, через украинские и белорусские земли. Активизировался этот процесс в 1640–1650-е гг.

На рубеже XVI–XVII вв. европейские христианские богословы «вычислили» очередную дату конца света, который, по их мнению, выпадал на 1666 г. от Р. Х. (Эсхатологическая дата определялась путём сложения двух чисел, названных в книге «Апокалипсис»: «1000» (Откр. 20; 2–3, 7) и «666» (Откр. 13; 18), первое из которых – «время связания» сатаны в преисподней, а второе – «число зверя», т. е. антихриста.)

По какой хронологической системе в России ожидали «роковой» 1666 г.? Хотя у староверческих книжников (а именно им главным образом были свойственны тревожные ожидания «конца света»)

рассуждения о «1666 годе» и упоминания о нём встречаются весьма часто, но понять, по какой хронологической эре авторы считали эту дату – возможно далеко не всегда. Тем не менее, в отдельных случаях, говоря о том «эсхатологическом» годе, апологеты «древле-православия» называли и некоторые исторические обстоятельства, на основании которых всё же можно установить использовавшиеся системы летосчислений.

Например, в послании инока Авраамия, написанном не ранее 1669 г. и адресованном «к некоему боголюбцу», говорится: «И сие число явно исполнишася на 1666 год, понеже в той год Никон пагубник свои еретические Служебники выдал, а святых прежних Служебники, по которым отцы наши служили и Богу угодили, повелел изнести из церкви вон» (Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1885. Т. VII. Ч. 4. С. 423).

Проанализируем содержание этого фрагмента. В 1666 г. *de facto* московская кафедра была вакантна, лишь 10 февраля 1667 г. патриархом был поставлен Иоасаф II. Вместе с тем *de jure* (хотя и с определёнными оговорками) в тот период в Русской церкви патриархом оставался Никон, добровольно оставивший свою кафедру 10 июля 1658 г. После июля 1658 г. вплоть до ноября 1667 г. в Москве не издавались Служебники. Т.е. при рассмотрении упомянутых дат и событий по константинопольской эре – обращают на себя внимание явные нестыковки.

Если же считать, что автор имел в виду alexandрийскую эру, то её 1666 году соответствует 1658 г. н. э., в котором до 10 июля как раз и патриаршествовал Никон. В тот год (он же – 7166/7167 г. от с. м.) Служебники были напечатаны 15 мая и 1 июля. Это были два последних при Никоне издания Служебника (5-е и 6-е), первые же четыре увидели свет в 1655–1657 гг. И на основании того, что противоречия по «эре 5508» снимаются «эрой 5500», можно заключить, что инок Авраамий в обиходе пользовался alexandрийской системой летосчисления.

Подтверждает этот вывод и датировка «Книги, глаголемой челобитная» того же автора, которая гласит: «В лета от Адама 7178-го, а от воплощения Божия Слова 1678-го» (7178–1678=5500) (Там же. С. 259).

Другой пример. В «От епистолии диякона Феодора» говорится: «А которые попы от Никона отступника ставлены и от Никониан, паче же от 1666 года, егда совершенно православие все отринуша

древняго предания святых Апостол и богоносных отец, и оболгаша их льстивно и охулиша, и новоразвращенныя и богомерзкия книги со многими неисчетными ересьми в них похвалиша, и всех еретик крещение римское и священство их гнусное прияша, их же вси святии отцы наши проклинаша и от святыя церкви отметаша» (Там же. 1881. Т. VI. Ч. 3. С. 310–311).

Из процитированного отрывка ясно, что диакон Феодор Иванов имеет ввиду или Собор 1666 г. или, что более вероятно, проходивший с участием греческих иерархов Большой московский собор 1666–1667 гг. На последнем никоновские нововведения были утверждены, их противники осуждены, старый обряд объявлен еретическим, а сам Никон низложен и лишён священного сана. Таким образом, в хронологической системе «эры 5508» – никаких противоречий.

Если же предположить, что диакон Феодор Иванов использовал александрийскую эру, то её 1666 г., как уже говорилось, соответствует 1658-й н. э. Однако происходившие в тот год события не соответствуют тем, о которых говорится в рассматриваемом произведении. Следовательно, система летосчисления в книге «От епистолии диякона Феодора» тождественна ныне принятой.

Вышесказанное позволяет заключить, что числовое значение «1666 год» апологетами староверия в 1650–1680 гг. считалось различно: и по александрийской эре (например, иноком Авраамием), и по константинопольской (диаконом Феодором Ивановым).

В.И. Байдин (Екатеринбург)

**ГРАМОТА НОВГОРОДСКОГО И ПСКОВСКОГО АРХИЕПИСКОПА
ФЕОДОСИЯ 1543 Г. ГЕОРГИЕВСКОЙ ЦЕРКВИ В ЮСКОВИЧАХ
ОСТРЕЧИНСКОГО ПОГОСТА И СЮЖЕТ ОДНОЙ ИЗ ПЕСЕН
СБОРНИКА КИРШИ ДАНИЛОВА**

Акты, прежде всего, жалованные и уставные грамоты XV – начала XVII вв., имеющие в составе одной из клаузул фразы: «а скоморохом играти не ослобожает», «скоморохом не играти» и т.п., – используются в историографии еще с появления первых работ о скоморохах (А. Попов, И. Беляев) в середине XIX в. Вплоть до настоящего времени значительная часть авторов видит в них запрет

на деятельность скоморохов, который, будучи продолжен серией указов середины XVII столетия, привел сначала к уходу веселых на окраины страны, а затем исчезновению скоморошества. На самом деле содержание отмеченных актов в данном вопросе не столь однозначно и достаточно вариативно; не говоря уже о том, что большинство подобных грамот носили узколокальный характер и касались отдельных монастырских владений. В комплексе с другими источниками картина уничтожения скоморошества в результате гонений, как отмечали некоторые исследователи (А.А. Морозов, частично А.А. Белкин, В.В. Кошелев, – хотя и с разных позиций), является «внеисторической».

Одним из способов реконструкции биографии «последнего скомороха России» и истории появления носящей его имя книги стало использование реалий текстов «Древних российских стихотворений, собранных Киршею Даниловым» (далее кратко – Сборник). Это касалось, прежде всего, персонажей, топонимов, социальных, производственно-хозяйственных и прочих деталей песен шуточно-бытового содержания. Аналогичная информация содержится и в некоторых исторических песнях и былинах. В сочетании с поиском новых фактов и упоминаний, относящихся к Кирше Данилову, поиском и анализом материалов о его окружении, интерпретацией уже известных, пусть и отрывочных, сведений о нем, – такой подход оказался достаточно плодотворным. Несмотря на тщательно подобранную биографическую легенду беглого ссыльного, удалось уверенно идентифицировать Киршу Данилова на Урале, в главных чертах восстановить здешний период его биографии, установить время и место создания оригинала рукописи выдающегося памятника национальной культуры. При отсутствии прямых документальных свидетельств нахождения Кирши в сибирской ссылке удалось также выстроить непротиворечивую версию данного этапа жизни певца, в отдельных моментах – чуть ли не по дням (Байдин В.И. Тайна авторства Сборника Кирши Данилова // Наука. Общество. Человек. Вестник УрО РАН. Екатеринбург, 2009. № 4 (30). С. 117–129; 2010. № 1 (31). С. 107–117; № 4 (34). С. 81–97; 2011. № 2 (36). С. 102–115).

Понимание особенностей состава и содержания Сборника вряд ли возможно без воссоздания истории рода скоморохов и музыкантов, к которому принадлежал Кирша. Ведь сам он был – если считать от профессионального скомороха с посада Белоозера

рубежа XVI–XVII вв., сын которого Мартышко Торопов «сшел безвесно» оттуда в 1616/17 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 113. № 9. Л. 57 об.) – потомственным певцом-потешником, минимум, в шестом поколении. Происходил Кирша, как и многие его родственники на других уральских (не только демидовских) заводах, из Нижегородского Заволжья, куда его предки с северо-запада России пришли через Вятку и из владими́ро-суздальских краев. Проживание во всех этих местах отразилось в «Древних российских стихотворениях». Один из дедов Кирши находился, вероятно, среди почти 30 «людей» А.С. Матвеева, сопровождавших того в период опалы, а затем ссылки в Пустозерск и на Мезень в 1676–1682 гг. Три исторических и одна лиро-эпическая песня расположены в книге рядом и составляют своеобразный отдельный раздел, хорошо соотносящийся с фактами биографии бывшего «ближнего боярина» царя Алексея Михайловича. К «Матвеевскому циклу» Сборника примыкают еще несколько текстов.

Из всех записей, сделанных на востоке страны, только в «Древних российских стихотворениях» наличествует полный набор былин новгородского цикла русского эпоса, зачастую – в лучших вариантах. И, тоже лучший среди немногих записей, текст былины-баллады скоморошьяго происхождения «[Про] гостя Терентиша», сохранивший описание действительной топографии средневекового Новгорода Великого. Есть в произведениях Сборника и другие детали и подробности, указывающие на его новгородские «корни». А параллели к содержанию многих текстов книги, записи песен из «родового» репертуара Кирши в разных местностях России, в сочетании с ономастическими данными, – позволяли предположить, что его предки происходили из Прионежья. На бывших новгородских землях Олонецкого перешейка между Ладожским и Онежским озерами родословная певца прослеживается еще более чем на век вглубь от упомянутого белозерского скомороха.

Уже древнейшие сохранившиеся писцовые книги по Прионежью свидетельствуют об оседании тут скоморохов на землю (см. также: Материалы по истории Карелии XII–XVI вв. Петрозаводск, 1941. Акты XV в. № 3). Сплошная обработка данных сошного письма по Заонежским погостам одноименной половины Обонежской пятины за конец XV–XVI вв. показывает, что веселье являлись обычными фигурами в здешней деревне. По числу упоминаний среди владевших каким-либо ремеслом взрослых семейных мужчин (в

1582/83 гг. – только дворохозяев) скоморохи неизменно занимают второе место после кузнецов. Один из сюжетов шуточной, перенасыщенной обценной лексикой «Стать почитать, стать сказывать» Сборника (по определению А.А. Горелова – песни «сложного мозаичного характера»), в которой нашли отражение многие перепетии судьбы рода и собственные впечатления Кириши, в частности, от пребывания в Сибири, а именно: «А сведали попы свои промыслы добры, / Зачели попы оне в себя в жопу <...>, ошевертовати. / А и поп попа <...>, да в Новой-город пошел, / А нам, веселым, попад[ь]ю приказал: "Вы, дети, не мрите, попад[ь]ю мою <....>"» и т.д., – подтверждается, похоже, писцовым и актовым прионежским материалом.

В папато названной в заголовке грамоты от 24 января 1543 г. говорится о появлении в Остречинском погосте, кроме церкви Рождества Богородицы, трех новых храмов в волостях погоста, в т.ч. Егорьевского (Георгиевского) в Юсковичах (Юковичах). И далее: «в той деи их церкви Юсковской егорьевскому попу и всему причту церковному велика нужда бывает, что старые церкви остречинской поп, с своим причтом церковным, емлют у них в подъезд и в десятину не по росчету прихода с лишком всегда и с великим придором, и напрасными деи дела их клепят, и десятильников на них насылают, и езд на них емлют», отчего от десятильников и остречинского духовенства «чинятся убытки великие». В ответ на жалобу архиепископ Феодосий этой грамотой установил, сколько «в десятиничь в корм и в дар, и во все десятиничь пошлины давати им к старой церкви... за все про все». В 1555 и 1572 гг. священники из Юсковичей и представители прихожан получали подтверждения грамоты от архиепископов Пимина и Леонида (Материалы по истории Карелии... Акты XVI в. № 59. С. 148–149).

Здесь же, по соседству с Георгиевской церковью, по писцовой книге 1563/64 г. давно, без сомнения, существующая («старая») «дер. в Юсковичах Скоморохова», в одном из 4 дворов которой жил Васко Бахор[ь] (сказочник, в более широком смысле – музыкант-потешник – В.Б.). Неподалеку починок, потом деревня, где около 30 лет прожил Васька Торопов. После рейда шведских войск на Олонецкий перешеек 1580–1581 гг. в писцовой книге 1582/83 г. деревня эта «пуста, а в ней два места дворовых, хоромы пожгли немецкие люди. Пашни перелогом...». Сам Васька обнаружился в одном из 3 дворов (в другом – его младший брат Тараска Торопов)

родной, очевидно, для него дер. Федоровской в волостке в Озерах Веницкого погоста за рекой Свирью; двадцатилетием ранее тут отмечен их отец Торопко Захаров. Дер. Скоморохова в Юсковичах Остречинского погоста теперь «пустошь Скомороховская. Пашни лесом поросло...», т.е. оставлена она, по крайней мере, несколько лет назад. Рядом в Юсковичах – недавно заброшенная «деревня Бахоревская пуста, а в ней двор пуст. Пашни перелогом...». Такое название у двух бывших «старых» пустых починков близ залива Юковского озера появилось после того, как здесь обосновался и похозяйствовал Панфилко-горшечник (по историческим и этнографическим данным известно, что «веселый промысел скоморошество» и сохранение традиций сказительского исполнительства не столь уж редко сочетались с занятиями другими ремеслами). Отец его, судя по «приправочному» письму Г.И. Наумова и подьячего Я. Морозова 1550/51 г., происходил, видимо, из этих мест. Потом они какое-то время жили в заонежском Пудоожском погосте, где на Юнг-озерке остался их «след» – деревня, «обжа пуста». В 1563/64 г., кстати, в одной из деревень-однородок погоста обитали два скомороха. В дозорной книге Заонежских погостов 1616–1619 гг. сын Панфилка, бобыль Васька Панфильев, тоже горшечник, значился в дер. Клемшинской около погоста в Юсковичах (РГАДА. Ф. 1209. Кн. 743. Л. 899 об. – 900).

Итак, имелись продолжительная конфронтация между попами, причтом, прихожанами Георгиевской церкви в Юсковичах, духовенством главных храмов (к 1560-м гг. их уже три) Остречинского погоста и живущими рядом «практикующими» веселыми и предками Кирши Данилова. Конечно, есть все основания полагать, что конфликтные ситуации из-за появления новых храмов и приходов на территориях погостов подобные той, которая привела к появлению грамоты 1543 г., возникали неоднократно. Вместе с тем, некоторые особенности этого акта и детали рассматриваемого сюжета песни позволяют достаточно определенно соотнести их между собой и, тем самым, дополнительно аргументировать приведенные выше построения по истории рода певца. Начальный протокол грамоты гласит: «пожаловал есми великого князя крестьян и Росткина монастыря» (Ивановского с одноименной улицы Новгорода; в волостке жили те и другие – В.Б.) и в качестве адресатов называются только двое крестьян, представляющих, как показывает сравнение с писцовыми книгами, чернососную и

монастырскую часть населения прихода в Юсковичах. Однако, из содержания основного текста следует, что в подаче жалобы на духовенство «старые церкви» Остречинского погоста и десятильников священник участвовал. В подтверждениях грамоты 1555 и 1572 гг. сначала названы тогдашние «егорьевский поп» (между прочим, отец и сын), потом «волостные люди» – прихожане. Да и закон гласил: «А попа, и диакона, и..., которые питаются от церкви божия, то судит святитель» (Судебники XV–XVI веков. М.; Л., 1952. С. 27, 174). Получается, что к моменту выдачи грамоты юсковского попа не было; скорее всего – не было в живых, – скончался уже в Новгороде? Указание на вероятность именно такой трактовки особенностей начального протокола грамоты и развития событий в целом, есть, на мой взгляд, и в песне, во фразе: «Вы, дети, не мрите...».

И, в заключение, несколько слов в связи со сказанным в начале сообщения. Рассмотренный сюжет не единственный с подобным содержанием в песне «Стать почивать, стать сказывать». В ней одной еще не менее полудюжины «куплетов» с весьма непристойными текстами в отношении священно-, церковнослужителей и их домочадцев. Но видеть тут «антиклерикальные мотивы» (см., например: Власова З.И. Скоморохи и фольклор. СПб., 2001. С. 341–352; ею, правда, привлекалось другое произведение Сборника) в творчестве скоморохов, послужившие, в частности, причиной гонений на них, – было бы упрощением. Здесь, скорее, вполне применимы параллели со схожими пассажами в «заветных сказках» Афанасьева, которые Б.А. Успенский рассматривал в контексте символики ритуального анти-поведения (Успенский Б.А. «Заветные сказки» А.Н. Афанасьева // От мира к литературе. М., 1993. С. 119–121), а не в качестве оппозиции церкви и религии. Сборник Кирши Данилова, в том числе и «генетически», в высокой степени насыщен представлениями и стереотипами бытовой народной религиозности. Именно эти особенности позволили, – «наложив» его состав на даты и циклы народного православного календаря, в сочетании со сведениями о деталях биографий персонажей некоторых песен и обстоятельствами жизни самого певца, – с точностью до нескольких месяцев установить, например, время (и место) создания книги.

А.Г. Баранов (Москва)

ХРОНОЛОГИЯ И ГЕОГРАФИЯ ВЫПУСКОВ ГОСУДАРСТВЕННЫХ БУМАЖНЫХ ДЕНЕЖНЫХ ЗНАКОВ РСФСР 1918 – 1921 ГГ.

Целью данного доклада является постановка вопроса о необходимости хронологической и географической привязки многочисленных выпусков государственных бумажных денежных знаков РСФСР периода Гражданской войны к конкретным городам и печатным фабрикам Гознака.

В современной бонистической историографии укоренилось мнение, что в истории выпусков государственных дензнаков РСФСР 1918–1921 гг. давно нет «белых пятен», всё всем понятно и нет необходимости исследовать вопрос о том, на каком оборудовании, в каком городе, когда и какие именно виды бумажных денежных знаков выпускались от имени советской власти. Однако это мнение неверно.

В рассматриваемый период на советской территории практически одновременно выпускались: кредитные билеты дореволюционного образца «романовские» (1, 3, 5, 10, 25, 50, 100 и 500 руб.); деньги-марки (1, 2, 3, 10, 15 и 20 коп.); казначейские разменные знаки (1, 2, 3, 5 и 50 коп.); казначейские знаки «керенки» (20 и 40 руб.); «думки» (250 и 1000 руб. образца 1917 г., 5000 и 10000 руб. образца 1918 г.); расчетные знаки образца 1919 г. (1, 2, 3, 15, 30, 60, 100, 250, 500, 1000, 5000 и 10000 руб.); расчетные знаки образца 1920 г. (3, 5 и 50 руб.); расчетные знаки 1921 г. (100, 250, 500, 1000, 5000, 10000, 25000, 50000 и 100000 руб.). Разумеется, можно предположить, что такое разнообразие связано с какими-то важными историческими событиями и явлениями.

К концу 1917 г. в стране действовала единственная печатная фабрика – Экспедиция Заготовления Государственных Бумаг (ЭЗГБ) в Петрограде. Под влиянием «разменного кризиса» и «денежного голода» изготовление локальных, местных, городских и региональных бумажных дензнаков стало повсеместным. К началу 1919 г. на территории бывшей Российской Империи сложились две самостоятельные денежные системы противоборствующих общероссийских правительств: Советского правительства (Москва) и Российского правительства (Омск).

На территории РСФСР в рассматриваемый период (по мере расширения контролируемой территории) печатные фабрики Гознака действовали в Петрограде, Москве, Пензе, Перми, Ташкенте, Ростове-на-Дону и Иркутске. Документальных данных о выпуске советских общероссийских государственных денежных знаков в Ташкенте и Иркутске пока не найдено, поэтому деятельность этих печатных фабрик Гознака мы рассматривать не будем.

Петроград.

В 1918 г. на ЭЗГБ в Петрограде печатались «романовки», «думки» и «керенки». В начале 1919 г. там начали печатать расчетные знаки образца 1919 г. достоинством в 1, 2 и 3 руб. Расчетные знаки упрощенного типа были выпущены согласно декрету СНК РСФСР от 4 февраля 1919 г. номиналами 1, 2 и 3 руб. Они стали поступать в обращение в марте 1919 г. наравне с кредитными билетами.

В мае – июле 1919 г. из-за эвакуации в Москву приостанавливается печать романовских (от 1 до 500 руб.) и думских (достоинством в 20, 40, 250 и 1000 руб.) кредитных билетов и казначейских знаков. С этого времени в Петрограде бумажные денежные знаки не печатаются.

Пенза.

2 марта 1918 г. подписано постановление правительства «Об организации особой коллегии для скорейшей и более успешной эвакуации Экспедиции». Большую группу работников ЭЗГБ и часть печатного оборудования отправили в Пензу с тем, чтобы там организовать типографию по печатанию денег. Эшелоны с рабочими и оборудованием из Петрограда прибыли 7, 9 и 11 марта и размещены в здании бывшего галетного завода Столыпина и Воронина. Заведующим филиалом назначен П.В. Колокуцкий. Уже в апреле 1918 г. филиал ЭЗГБ в Пензе начинает печатать кредитные билеты эвакуационного образца – достоинством от 1 до 1000 руб. (народное название «пензенки» или «пятакówki»). Этот тип кредита до времени не выпускался в обращение, но представлял из себя запас на случай, если деятельность Экспедиции в Петрограде будет прервана в случае возможной эвакуации в другое место. Первыми с 15 апреля начали изготавливаться кредитки в 500 и 1000 руб.

Из-за чехословацкого восстания и кулацких мятежей, 19 июня печатание эвакуационного кредита было остановлено. Начинается

эвакуация в Москву печатного и формного оборудования (стереотипная мастерская), которое размещается в помещениях бывшего завода Второва, где затем организуется Первая Московская фабрика изготовления государственных знаков. Как только стало возможным восстановить работу в Пензе, 19 августа эвакуированное оборудование возвращается из Москвы. Оно срочно устанавливается, и с 26 августа по 31 декабря 1918 г. в Пензе вновь печатают эвакуационный кредит. С ноября 1919 по август 1920 г. заведующим пензенским филиалом ЭЗГБ был А.И. Зекке.

Во второй половине 1920 г. началось сокращение работ на Пензенской фабрике. В августе печатные формы эвакуационного кредита отправлены на Уральскую и Московскую фабрики. Постепенно на другие фабрики Гознака отправляются и рабочие. Но и в 1920 и в 1921 году в Пензе печатали расчетные знаки Советской республики.

С марта 1921 г. на Пензенской фабрике ЭЗГБ начинает работу эвакуационно-ликвидационная комиссия. Первый эшелон с рабочими и оборудованием ушел из Пензы в ноябре 1921 г. Пензенская фабрика Гознака ликвидирована в январе 1922 г.

Пермь.

К июлю 1919 г. в Прикамье была окончательно восстановлена советская власть. В августе 1919 г. выходит распоряжение Правительства РСФСР об учреждении филиального отделения на Урале для печатания денежных и расчетных знаков. Выбор был сделан в пользу г. Пермь, в качестве места для размещения фабрики выбрана часть завода Лесснера на берегу р. Камы (в советское время завод им. Ф.Э. Дзержинского). Для нового производства срочно были выделены комплекты оборудования и материалов, а также персонал из Петрограда, Москвы и Пензы. Эшелоны с рабочими из Петрограда, Москвы и Пензы прибывают в Пермь только в декабре 1919 г.

С 1 февраля 1920 г. Пермская (Уральская) печатная фабрика начинает выпускать советские денежные знаки. Фабрика закрывается в марте 1922 г., все полиграфическое оборудование перебазировано в Москву. По другим данным Пермская фабрика работала до 1 мая 1922 г. Пока точно не установлено, какие именно расчетные знаки печатала Пермская фабрика Гознака.

Ростов-на-Дону.

После восстановления советской власти на Юге России, летом 1920 г. в Ростове-на-Дону на базе бывшей Донской экспедиции

Вооруженных Сил на Юге России была создана Ростовская фабрика Гознака, на которой вместо «донских» рублей типографским способом стали печатать расчетные знаки РСФСР номиналами в 3, 5 и 50 руб. образца 1920 г. Выпускались они листами по 20 шт., через год их выпуск был прекращен.

В ноябре 1921 г. Ростовская фабрика «Гознака» перешла к выпуску расчетных знаков образца 1921 г. высоких номиналов: 250, 500, 1000, 25000 и 50000 руб. В Ростове-на-Дону печатались знаки номиналом в 25000 руб. с литерной серией «АВ» или «АЭ», и знаки номиналом в 50 000 руб. с литерной серией «АБІ». Из-за ряда технических и организационных проблем 9 декабря 1921 г., по распоряжению замнаркомфина тов. Альского и Управляющего фабриками заготовления государственных знаков тов. Енукидзе, Ростовская-на-Дону фабрика «Гознака» была закрыта.

Москва.

18 декабря 1918 г. заведующим ЭЗГБ в Москве был назначен инженер-механик Н.Н. Борисов, принявший от особой комиссии на заводе Второва недвижимое и движимое имущество, а также эвакуированные из Петрограда материалы, изделия и предметы оборудования.

В мае–июле 1919 г. по распоряжению правительства из Петрограда в Москву срочно эвакуированы оставшиеся печатное и формно-художественное отделения Экспедиции со всеми входящими в них мастерскими: словолитной, граверной, стереотипной, гальванопластической и фотомеханической. Объединив в формно-художественный отдел, их вначале разместили на территории завода Второва, где уже находилось ранее эвакуированное печатное оборудование. Так была образована Первая печатная фабрика Гознака в Москве. В Петрограде осталось бумагоделательное производство.

6 июля 1919 г. ЭЗГБ переименована в Управление фабриками заготовления государственных знаков – Гознак.

В июне 1920 г. Гознак получает для размещения своего производства часть помещения бывшей парфюмерной фабрики Брокара по адресу ул. Мытная, 17. На ее территорию переведен с территории бывшего завода Второва формно-художественный отдел, который начал свою работу 19 июля. 31 марта 1921 г. СНК принимает решение о передаче Гознаку всех помещений фабрики Брокара. Здесь Гознак смог разместить оборудование, полученное из

Пензы. Так возникла Вторая Московская печатная фабрика Гознака. Здесь централизуется все производство печатных форм и сосредотачивается изготовление оригиналов и штампов.

С марта 1922 г. вся работа по изготовлению денежных знаков для молодой Советской республики сосредотачивается на 1-й и 2-й московских фабриках Гознака.

В конце 1923 г. Первая и Вторая печатные фабрики объединены в одно производство – в московскую печатную фабрику Гознака на территории бывшей парфюмерной фабрики Брокера на Мытной улице.

Нами проведена хронологическая и географическая привязка деятельности печатных фабрик Гознака в рассматриваемый период. В дальнейшем нам необходимо провести исследование на предмет того, какие именно выпуски и каких номиналов на них изготавливались.

Н.В. Башнин (Санкт-Петербург)

АКТОВЫЙ АРХИВ ДИОНИСИЕВО-ГЛУШИЦКОГО МОНАСТЫРЯ XV – XVII вв.: ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ

Архимандрит Амвросий (Орнатский) в начале XIX в. опубликовал 17 актов, собранных Е. Болховитиновым (в 1808–1813 гг. он был Вологодским митрополитом), из архива Дионисиево-Глушицкого монастыря (Амвросий (Орнатский). История российской иерархии (далее – ИРИ). М., 1811. Ч. III. С. 704–734; М., 1813. Ч. V. С. 566–576). В состав публикации вошли древнейшие монастырские акты XV–XVII вв. Подлинники нескольких из них не дошли до нашего времени. Хотя не исключено, что некоторые оригиналы глушицких грамот могут находиться в личном фонде Е. Болховитинова в Отделе рукописей Библиотеки Академии наук Украины в Киеве. В 1876 г. Н.И. Суворов повторил публикацию монастырских актов из ИРИ и дополнил её несколькими документами XVII в. (Суворов Н.И. Глушицкий монастырь Вологодской епархии. Вологда, 1876. С. 58–74).

В начале XX в. были опубликованы некоторые частно-правовые акты и судные дела из глушицкого архива (Описание свитков, хранящихся в Вологодском Епархиальном Древлехранилище. Вып. I–XIII. Вологда, 1900–1911). Сотная грамота 1543/44 г. на

вотчину Дионисиево-Глушицкого монастыря писца Т.А. Карамышева была издана С.А. Шумаковым (Шумаков С.А. Сотницы, грамоты и записи. М., 1902. № IX. С. 64–67). Древнейшие акты Глушицкого монастыря XV в. были опубликованы И.А. Голубцовым (АСЭИ. М., 1964. Т. III. № 252–262). Издание было осуществлено по выявленным в архивах подлинникам. В случае, когда они отсутствовали, текст грамот печатался по изданию Амвросия (Орнатского).

Сейчас публично-правовые и частно-правовые акты Глушицкого монастыря выявлены в РГАДА Ф. 280 (ГКЭ); Архиве СПбИИ РАН Ф. 191 (Комиссия по изданию сборника ГКЭ), Ф. 117 (Коллекция П.И. Савваитова), Ф. 238 (собрание Н.П. Лихачева); в ОР РНБ Ф. 532 (ОСАГ); в ГАВО Ф. 1260 (Коллекция столбцов); в СПИ ВГИАХМЗ Ф. 1 (Вологодский архиерейский дом).

В настоящее время нам известно 244 акта: XV в. – 12 (актов-упоминаний – 1), XVI в. – 8 (актов-упоминаний – 1), XVII в. – 216 (актов-упоминаний – 8), начала XVIII в. – 8. В 22 актах Глушицкий монастырь упоминается наряду с другими обителями. Отметим, что все акты XV в. опубликованы, из 8 грамот XVI в. остаются неопубликованными 3, а из 216 актов XVII в. остаются неопубликованными 196.

Результатом наших изысканий об актах из архива Дионисиево-Глушицкого монастыря стали два перечня. В них в хронологическом порядке представлены все документы, известные нам на сегодняшний день. В легенде указано местонахождение подлинников, списков и копий грамот, опубликованы они или нет. Также в легенде отражено, где упоминался тот или иной акт, был ли он известен историкам и есть ли его описание. Все это дает нам возможность судить о том, как на протяжении веков «жил» актовый архив данной обители.

Важной проблемой является вопрос о целостности и сохранности монастырского архива. В нашем случае трудность заключается в том, что не сохранилось и не известно по поздним упоминаниям копийных книг актов Дионисиево-Глушицкого монастыря XVI–XVII вв. По-видимому, это обусловлено тем, что Глушица не была крупным вотчинником и, соответственно, небольшим количеством актов в казне монастыря. Также не выявлены самостоятельные описи архива монастыря. В какой-то степени их отсутствие компенсируется разделом «крепостная казна» в описях имущества

монастыря 1683 г. и 1716 г. Примечательно, что из актов XV в. в описях упоминается только духовная грамота Дионисия Глушицкого 1436 г. Этот акт был зафиксирован в 1683 г. и в 1775 г., но его нет в описи 1716 г. (соответственно: ОР РНБ. Ф. 550. Q. IV. № 392; Там же. Ф. IV. № 744; Там же. Q. XVII. № 229).

Перечень грамот XVI в., зафиксированный в разделе «казна» в описях монастырского имущества, полнее. В 1683 г. названы 3 грамоты, а в 1716 г. – 4 грамоты. Из актов XVII в. в описях упоминаются 10 царских грамот и 3 выписи из писцовых книг, но не зафиксированы частно-правовые акты и делопроизводственные документы, которых сейчас известно более 220.

При описании казны Дионисиево-Глушицкого монастыря в описях фиксировались наиболее важные, «актуальные» документы, то есть царские грамоты и акты на недвижимость XVI–XVII вв. Исходя из этих наблюдений, делаем вывод о том, что известные описи Глушицкого монастыря не являются «проверочными» для установления состава и сохранности монастырского архива. Для решения этой задачи кроме описей XVII–начала XVIII в. можно привлечь подборку копий с грамот Дионисиево-Глушицкого монастыря XV – XVII вв. (Черкасова М.С. К характеристике монастырских архивов XVI – XVII вв. Ч. I // Археографический ежегодник за 2003 г. М. 2004. С. 52). Они были выполнены в 1747 г. с подлинников и сейчас находятся в составе рукописного сборника разнородных материалов по истории вологодских церквей и монастырей (ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Кн. 1668. Л. 136–196). По своей сути это своеобразная копия книга, составленная по требованию епархиальных властей. Также была привлечена сводная опись грамот монастырей Вологодской епархии 1765 г., где имеется перечень актов Дионисиево-Глушицкого монастыря. В 1765 г. из обители в Москву отправили 15 документов, а копии были оставлены (ГАВО. Ф. 496. Кн. 2510. Л. 20–23; об этом также есть заметка в рукописях Н.И. Суворова: ГАВО. Ф. 883. Оп. 1. № 216. Л. 7). В сводной описи грамот 1765 г. упомянуты 5 актов XVI в., а в 1747 г. копии были сделаны с 9 грамот XV – XVI вв. В этих документах упоминается только один акт XVII в. Поэтому приходим к выводу, что в той или иной степени можно судить о полноте сохранности только великокняжеских, царских грамот и актов на недвижимость. Вопрос же о сохранности частно-правовых актов, особенно XVII в., остается открытым.

В целом, нам сейчас известно больше актов, нежели их было зафиксировано в документах XVII–XVIII вв. Таким образом, исследование казны Дионисиево-Глушицкого монастыря подтверждает тезис Л.В. Черепнина о важности изучения документов вместе с историей того архива, из которого они происходят (Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. Ч. 1–2. М.; Л., 1948, 1951). В целом изучение актовой части архива Дионисиево-Глушицкого монастыря XV–XVII вв. показало, что, как и у Спасо-Прилуцкого, Павло-Обнорского монастырей, степень его сохранности за XV–XVI вв. весьма высокая.

Е.В. Белякова (Москва)

РУКОПИСНЫЕ КОРМЧИЕ И ПРОБЛЕМА СОСТАВЛЕНИЯ СВОДНОГО КАТАЛОГА СЛАВЯНСКИХ КАНОНИЧЕСКИХ И ЮРИДИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Изучение славянских канонических памятников было успешно начато в XIX в. славистами разных стран. Однако уже в XX в. стали очевидны препятствия, связанные с большим объемом текстов, находящихся в хранилищах по всему миру. Сбором информации о списках Кормчих занимались В.Н. Бенешевич, В.П. Любимов (для издания Русской Правды), И. Жужек, (исследователь даже предпринял попытку запросить российские архивы о списках Кормчих), Я.Н. Щапов. В оставшемся неопубликованным каталоге Я.Н. Щапова значится около 180 списков Кормчих. Работой по составлению каталога Кормчих занимается и М.В. Корогодина. Задача состоит не только в том, чтобы учесть все списки по всем хранилищам, но и дать их характеристики как редакций. Однако здесь возникает ряд сложностей научного характера – отсутствие типологизации для поздних редакций и предметного – тенденция к объединению в восточнославянских списках разных редакций, начатая уже созданием Русской редакции и получившая новое развитие в XVI–XVII вв. Характеристика отдельных списков превращается в многотрудное научное исследование (Мошкова Л.В. Каталог славяно-русских книг XVI века, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов. М., 2005. Вып. 1. Приложения. С. 313–498).

Задача создания каталога славянских канонических памятников была поставлена автором в 2010 г. на международной конференции «Современный проблемы археографии» в Санкт-Петербурге. Тогда же стало известно, что болгарские ученые уже ведут подобную работу в рамках списков, находящихся в Болгарии. Исследователи сразу столкнулись с проблемой отсутствия единства в названии канонических сборников и предложили несколько названий для разных видов Номоканонов: «Номоканон Котельера» (для сборника «Зонара или Зинар»), Номоканон при Великом Требнике. Представляется продуктивным способ описания, предложенный Д. Найденовой, когда в предварительный список включены: 1) рукописи с полным составом памятника, 2) рукописи, включающие лишь его отдельные части («блоки») (Найденова Д. Каноничноправни текстове в състава на славянски ръкописи, съхранявани в български книгохранилища (предварителен списък) // *Palaeobulgarica*. XXXII. 2008. № 4. С. 53–69). Становится очевидным, что Требники также должны войти в этот каталог. Требники и Кормчие имеют ряд общих блоков: молитвы над кающимися; чины принятия еретиков, толкование литургии, статьи о браках. При Требниках часто встречаются и сокращенные Номоканоны. Одним из не рассмотренных болгарскими исследователями типов сокращенного Номоканона является Сокращенное собрание правил с толкованиями Иоанна Зонары. Оно известно в первую очередь при сербских Требниках (см. каталог Д. Богдановича), но перешло и в восточнославянские). И Требники, и Кормчие могут пополняться одинаковыми дополнительными блоками статей, как это имело место в рукописях, связанных с литовской (киевской) митрополией в XV в.

Пандекты Никона Черногорца должны войти также в каталог, хотя обилие использованных фрагментов в рукописях XVI–XVII вв. и особенно в Золотой Цепи составляет значительную трудность. Другой памятник, чей состав оказывается близок к Кормчим – это Изборник 1073 г. Особого внимания заслуживает Мерило праведное. Хотя трудно ожидать увеличение числа списков этого памятника, выявление сборников, содержащих блок статей «О судиях и властелях», может помочь в решение вопроса о появлении этого сборника.

Целесообразным представляется выделить и включить в Каталог и собрания второго уровня – не являющиеся в точном смысле каноническими (т.е. не содержащие церковные каноны), например,

Сборники антилатинских статей. Начиная с XIII в. они образуют устойчивый блок в славянских Кормчих, Требниках с явной тенденцией к расширению. К этим же собраниям можно отнести и Уставы. С XVI в. отмечается взаимопроникновение Устава и канонических собраний.

На Руси был сформирован новый тип канонического сборника, включавший антилатинские статьи, учительные тексты, епитимийные собрания, русские канонические тексты, уставные. Это устойчивое собрание, известное с конца XV в., не имеет названия в научной литературе. Можно обозначить его как Каноническое собрание с Константиновым даром, потому что именно этот текст открывает собрание в большинстве списков. Это собрание включает в себя блоки статей: Поучения к священникам, Заповеди св. Иоанна Златоуста, фрагменты Мазуринской редакции; Книги законные, Княжеские уставы. То, что исследователи Земледельческого закона, указав его восточнославянские списки, не указали на почти полную тождественность состава большинства сборников (РГБ. Ф. 209. № 156; ГИМ. Собрание Уварова. № 482, 611; Собрание Барсова. № 155 и др.), в которых представлен памятник, представляется закономерным: в описаниях сборников статьи указываются выборочно и под разными названиями. Нет ответа и на вопрос о соотношении этого памятника с Кормчей.

Наибольшую сложность для восточнославянской традиции представляют епитимийные собрания с текучестью и изменчивостью состава. Тем важнее определить начальный состав памятников, что можно сделать только с учетом всей славянской традиции.

Предполагается, что в ходе работы над каталогом удастся выработать систему единых названий для отдельных блоков статей. (Белякова Е.В. Состав новгородско-софийской редакции Кормчих книг // Ярославский список Правды Русской: Законодательство Ярослава Мудрого / Сост. Н.А. Грязнова, Д.К. Морозов. Ярославль, 2010. С. 40–47). Однако здесь возникает другая проблема: как показывают наблюдения, изменение заглавия часто является показателем наличия редакторской правки, поэтому если предварительный список может их и не воспроизводить, для окончательного каталога самоназвание текстов и инципиты статей являются обязательными.

Т.А. Белякова (Москва)

КТИТОРСКИЕ/ДОНАТОРСКИЕ ГРАМОТЫ СЕРБСКИХ ПРАВИТЕЛЕЙ КАК ИСТОЧНИК ПО ИССЛЕДОВАНИЮ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ СЕРБИИ

Источники дипломатического характера крайне важны при исследовании средневековой истории сербского государства. Именно в грамотах сербских правителей можно обнаружить сведения по экономической и социальной истории Сербии, которые отсутствуют в летописях или агиографии. Особую ценность в изучении социальной истории сербского государства представляют грамоты сербских правителей церковным институциям, отражающие как особенности положения духовенства и монашества, так и других слоев общества, от зависимых крестьян до властели и представителей правящей династии.

Особую важность в изучении социальной истории на основе русского актового материала, так же как и в выработке методологии такого рода исследований, имели работы С.М. Каштанова. Большое внимание грамотам как важному источнику по политической и экономической истории средневековой Сербии уделял отечественный исследователь Е.П. Наумов (Наумов Е.П. Господствующий класс и государственная власть в Сербии XIII – XV вв. М., 1975. С. 25).

Сербские средневековые грамоты по большей части были на славянском языке, кириллические. Наибольшее влияние на формирование сербской канцелярской практики и складывание формуляра грамот сербских правителей оказала византийская система дипломатики. Во-первых, византийско-римская правовая и дипломатическая традиция была в основе всей средневековой дипломатики, в том числе латиноязычной и куриальной (Stipsic J. *Pomocne povijesne znanosti u teoriji i praksi*. Zagreb, 1991. S. 159). Во-вторых, непосредственное проникновение византийской правовой традиции в сербскую практику осуществлялось в афонских монастырях. Традиционно в историографии за исходную точку принято считать совместную деятельность святого Саввы и Стефана (Симеона) Немани на Афоне, получивших грамоту от византийского императора Алексия на право владения Хиландарским монастырем. Этап максимального схождения грамот сербских правителей с

грамотами византийских императоров – XIV в., эпоха правления Стефана Душана, когда наравне с грамотами на славянском языке, царем Душаном выпускались и греческие грамоты. При этом на протяжении веков сербская дипломатика нередко оказывалась под влиянием и западной латинской дипломатики (Lascaris M. *Influences Byzantines dans la diplomatie Bulgare, Serbe et slavo-Roumaine*. Extrait de la *Revue Byzantinoslavica*. III/2. Praha, 1931. P. 4).

В средневековой Сербии ктиторство было одной из важнейших функций правителей. Монастырские центры имели большое значение в организации политико-административного аппарата. Но особой функцией монастырей была социальная помощь «сырым и вдовицам», наименее защищенным слоям общества. Крупные donations в пользу монастырей, помимо ритуальной мотивации, подразумевали и помощь не только непосредственно братии монастыря, но и социальным группам, находившимся под покровительством церкви. Уже основатель династии Неманичей Стефан Неманя завещает сыну Стефану Первовенчанному в грамоте Хиландарскому монастырю (1198–1199) «о церквах пещися и о служащих в них». В то же время, сербские монастыри были крупными земельными собственниками, им принадлежало значительное количество сел и деревень с крестьянами, платившими налог в пользу монастыря. В той же Хиландарской грамоте Стефана Немани говорится о просьбе греческому императору передать часть земель с парниками во владение Хиландарскому монастырю. Кроме того, подтверждается стабильность установленного социального порядка: если кто из монастырских людей или владетелей убежит к великому жупану или кому-то еще, то их нужно вернуть назад. И наоборот, бежавшие от жупана крестьяне не могут стать монастырскими, а должны вернуться. (Miklosich Fr. *Monumenta serbica*. Viennae, 1858. S. 5–6). В Жичской грамоте Стефана Первовенчанного перечисляются села «съ заселиемь» (т.е. с населением) и даже поименно влахи, которых передают во владение церкви (Miklosich Fr. *Ibidem*. S. 11–12).

В Ратачской грамоте короля Милутина 1305 (1307 г.) подтверждаются дарения сербской королевы Елены Анжуйской бенедиктинскому монастырю Богородицы Ратачской. В грамоте отмечается, что средства выделяются **«на пищу старцам и на одежду слепым и хромым, и братии, и чтобы их освободить от всех работ больших и малых»**, т. е. для обеспечения благотворительных

функций монастыря и обеспечить проживание монахам, так чтобы «никто из сильных королевства моего не нанес вреда тому, что именуется церковным» (Miklosich F. S. 69).

Таким образом, грамоты сербских средневековых правителей монастырям являются важным источником при исследовании особенностей социального устройства Сербского государства. Они отражают особенности социального и имущественного статуса духовенства и монашества, дают возможность сделать выводы об обязанностях зависимых групп населения по отношению к монастырям, а также имеют законодательную функцию установления определенного социального порядка в государстве. Кроме того, они свидетельствуют о формах проявления социальной политики правителей по отношению к духовенству и монашеству («и еже есть на крьмоу и одеяние слоужащиимь светеи црькви села и пашища довольно в срьбьсцей и въ гръчьсцей земли», из грамоты короля Милутина: Miklosich F. S. 97), а так же по отношению к «сырым и убогим». Подчас это следует просто из того факта, что монастырская собственность должна была служить каритативным задачам (что будет законодательно зафиксировано в Законнике Стефана Душана). Однако в ряде грамот непосредственно оговаривается, что часть средств из донации монастырю идёт на социальные нужды нищих и больных.

Вне зависимости от аутентичности грамот сербских правителей, каждая из них является важным источником по политической идеологии средневековой Сербии и подчас уникальным источником по социальной истории.

Ю.С. Белянкин (Москва)

**Рукописи XV – XVII вв. ГОСУДАРСТВЕННЫХ ХРАНИЛИЩ
ПЕРМСКОГО КРАЯ: К ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫМ ИТОГАМ
ОПИСАНИЙ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ МГУ**

В ходе работ по описанию кириллических рукописей, находящихся в библиотечных и музейных фондах Пермского края, и в результате подробного изучения некоторых из них был выявлен ряд весьма редких рукописных памятников, имеющих, с одной стороны, ценность для истории книжной культуры этого региона, а с другой – представляющих несомненный интерес для специалистов разного

профиля. Реализация программы описаний, впервые охватившей все рукописи государственных хранилищ края (Перми, Соликамска, Березников и Чердыни), началась в 2007 г. по инициативе и при постоянном руководстве профессора И.В. Поздеевой. В будущем каталоге будут учтены 65 рукописей 3-й четверти XV – рубежа XVII–XVIII вв., в том числе 18 литургических рукописей и 14 певческих (на крюковой и квадратной ноте), три рукописи исторического содержания, два памятника канонического права. Можно также отметить ранние списки (XVII в.) произведений переводной западноевропейской книжности: среди них «Прохладный вертоград», «Суждение дьявола против рода человеческого», «Тропник». Основная работа осуществлялась сотрудниками Археографической лаборатории при отсутствии местных специалистов. Результаты проведенной работы будут способствовать решению важных научных вопросов. Остановимся на самом существенном.

В фондах Пермской государственной художественной галереи была описана рукопись Кормчей, относящейся к Кирилло-Белозерской редакции (ПГХГ Р-5525). На сегодняшний день это четвертый из введенных в научный оборот списков, к тому же являющийся самым ранним (датируется по филиграммам 1610–1620-ми гг.) и наиболее близким ко времени появления этой редакции, предположительно созданной в 1590-х гг. в Кирилло-Белозерском монастыре. Данная рукопись представляет значительный интерес для специалистов в области истории канонического права: Кирилло-Белозерская редакция все еще остается слабо изученной – включая проблему определения точного места и времени ее составления, а также личности автора этой компиляции.

Кроме того, было сделано подробное описание и проведено предварительное исследование основных текстов, входящих в старообрядческий сборник из собрания Чердынского краеведческого музея (ЧКМ 1043-33), среди которых определены списки конца XVII в. важных литературных памятников раннего старообрядчества – сочинений «Бездна» и «Сказание на осмый век». Оба текста объединены эсхатологической темой. На сегодняшний день введена в научный оборот еще только одна рукопись (РГБ. НИОР. Ф. 17. № 883) с указанными произведениями, которая представляет собой непосредственно первоначальный список, подготовленный пустозерскими узниками в период их заключения. С каждым из этих произведений, в первую очередь с «Бездной», связано еще много

непроясненных вопросов, в частности, не решена проблема авторства «Бездны». Ценность «Сказания на осмый век» объясняется, среди прочего, тем, что в этой компиляции были сконцентрированы и обобщены эсхатологические воззрения «идеологов» раннего старообрядчества. Кроме того, наличие этих ранних списков приближает возможность научной публикации данных текстов, что немаловажно, учитывая небольшую утрату в «Сказании» из рукописи РГБ, которая может быть восполнена благодаря рукописи ЧКМ. В тот же чердынский сборник входят редкие списки (рубежа XVII–XVIII вв.) еще двух важнейших произведений: «Ответа православных» и «О богоотметнике Никоне» дьякона Федора. Судя по всему, они относятся к практически не изученной на данный момент краткой редакции данных памятников.

В 2009 г. в Латвии, в одной из старообрядческих библиотек, был найден отрывок из 21 листа, являющийся частью Кормчей Чудовской редакции и датируемый автором находки 1430–1440 гг. (по сообщению Н. Морозовой на конференции «Комплексный подход в изучении Древней Руси». М., 27-30/IX 2011 г.). Значение этой находки в том, что она позволяет говорить о более раннем времени появления Чудовской редакции, чем считалось прежде, исходя из датировки Кормчей из библиотеки Пермского государственного педагогического университета (3 четв. XV в.; ПГПУ-1), являвшейся самым древним списком указанной редакции. Однако незначительный объем найденного фрагмента и малая вероятность подобных находок в будущем еще раз подчеркивают уникальное значение подробно и точно описанной археографами МГУ рукописи ПГПУ, практически не пострадавшей за время своего существования. Следует заметить, что во всех выходивших публикациях, посвященных Пермской Кормчей, ее датировка была некорректной, отклонявшейся (без уточнений) в первую или во вторую половину XV в. Этот принципиально важный вопрос был убедительно разрешен в процессе детального исследования филиграней рукописи в 2007–2008 гг.

Благодаря работе с фондами краевых музеев и библиотек были обнаружены рукописи местного происхождения и бытовавшие в Перми Великой, начиная с рубежа XVI–XVII вв. Весьма информативны записи на многих из них, дополняющие историю местных церковно-монастырских библиотек (к примеру, библиотеки известной Богоявленской церкви Соликамска). Однако по-прежнему нет

возможности говорить о существовании здесь в XVI–XVII вв. крупных книжных, книгописных центров. Целый ряд из описанных рукописей имеет севернорусское происхождение, как и многие из тех, что были вывезены из Пермского края в XIX–XX вв. и сейчас находятся в разных хранилищах, в основном центральных (РНБ, РГБ и др).

Издание каталога в полной мере откроет для научного сообщества славяно-русские рукописные книги XV–XVII вв. из хранилищ Пермского края.

А.Н. Бикташева (Казань)

КОММУНИКАТИВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ФРОНТАЛЬНОГО ПРОЧТЕНИЯ ГУБЕРНАТОРСКИХ ОТЧЕТОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Ведомственная документация Министерства внутренних дел, специфика которой порождалась управленческими технологиями, стремилась к унификации служебных голосов, формализации процедур их собирания. Это отразилось в правилах клиширования документов. С 1803 г. в «письмоводстве» утверждались новые формуляры документов, правила ведомственных сношений, порядок канцелярских операций. Заполнение новых формуляров требовало от губернатора не только изложения сути дела, но и его интерпретации, предложений по его разрешению. Жесткая регламентация документальных форм получила окончательное оформление в николаевскую эпоху, когда требование неукоснительного соблюдения формуляра подменяло все многообразие чиновных действий, когда письменная бюрократическая культура, формируя универсум властного пространства, порождала в подданных ощущение единообразия, регулярности и тотального контроля.

Одним из таковых массовых документов, пронизывающих властное пространство Российской империи, можно считать «Всеподданнейшие отчеты» губернаторов. Их фронтальное изучение дает неожиданно богатые результаты. Дело в том, что в источниковедении губернаторские отчеты в основном рассматривались без учета порождаемой их среды. Комплексный анализ губернаторской отчетности первой половины XIX в. в рамках одной губернии позволил идентифицировать авторов этих текстов, вычленив в них разные смыслы, риторические формулы и определить текстуальные

стратегии. Благодаря этому стало возможным увидеть «нужды» и проблемы губернии в интерпретации самого губернатора, определить круг его повседневных хозяйственных забот, трудности их реализации.

В настоящее время отчеты казанских губернаторов хранятся в РГИА. Это объемный и до сих пор не опубликованный комплекс делопроизводственных текстов. Существующие по сей день подходы к изучению губернаторских отчетов сложились в рамках советской историографии 1960–1970-х гг. Историки того периода использовали их для проведения социально-экономических исследований, что отразилось на источниковедческой характеристике, которую дали Н.Н. Улащик, Н.П. Дятлова, А.С. Нифонтов и Б.Г. Литвак. С падением в нашей стране интереса к аграрным исследованиям снизилось внимание к губернаторским отчетам. В последнее десятилетие они опять появились в источниковедческих публикациях, но уже в связи с изучением регионального управления в работах П.В. Акульшина, Н.П. Матхановой, А.В. Ремнева, А.С. Минакова

Фронтальное изучение отчетов казанских губернаторов позволило мне откорректировать утверждение Б.Г. Литвака, что унификация этих текстов «оставляла очень мало места для проявления личных качеств и мыслей губернатора, если бы он даже на это решился». Действительно, унификация способствовала «оскудению» языка отчетного материала. Однако она не скрывала инициативы наиболее деятельных губернаторов. К тому же сама эволюция шаблона губернаторского отчета демонстрирует эволюцию отношений верховной власти и правителя губернии.

Так сложилось, что при изучении губернаторских отчетов, исследователи сосредотачивали свое внимание на так называемом «регулярном» этапе их подачи (начиная с 1837 г.), отчего первая треть столетия оказалась неисследованной лакуной. А ведь во времена Александра I отчету отводилась особая роль. Известно, что идеи правоведа И. Бентама активно усваивались в качестве теоретических основ формирования МВД, которое сразу же стало реализовывать обширную программу сбора информации с мест. Это позволило составить первый отчет министра МВД за 1803 г. Опыт предпринятых шагов получил закрепление в циркуляре 4 ноября 1804 г., положившего начало составления ежегодных губернаторских отчетов.

Первоначальный шаблон «Всепогоднейшего отчета» состоял из трех разделов со статистическими приложениями в виде сводных ведомостей. Разделы делились на отделения. Трехчастный шаблон отчета предоставлял возможность каждому губернатору активно участвовать в социальной и экономической жизни страны. Таким образом, добрая треть ежегодного губернаторского отчета посвящалась мнениям, предложениям и инициативам глав губерний. Независимо от того, кто проводил техническую обработку и подготовку отчета, будь то правитель канцелярии или чиновник по особым поручениям, ответственность за его содержание закреплялась подписью губернатора. Наличие подписи губернатора является для меня формальным основанием считать губернаторские отчеты разновидностью персональных текстов. Такой подход к делопроизводственным документам позволяет выявить «персональный голос» начальника губернии в письменных сообщениях и благодаря этому реконструировать несанкционированные инициативы. Вместе с тем опыт соучастия губернаторов в управлении Российской империи оказался обойденным вниманием в отечественной историографии.

Анализ текстовой части отчетов казанских губернаторов Александровской эпохи позволил выделить в них злободневные и устойчивые сюжеты в отношении «местных нужд». При этом просьбы, предложения и убеждения губернатора повторялись из отчета в отчет, пока не появлялись «выписки» или «справки» Комитета министров относительно решения или отклонения ходатайств казанских губернаторов. Это наводит на мысль, что практика повторов в отчетах губернаторов была вызвана не недобросовестностью правителя губернии и его подчиненных, а «медлительностью» рассмотрения заявленных проектов правительством. Об этом свидетельствуют и царские пометы на полях, а также пояснения Комитета министров по рассмотрению дел.

Вероятно, со временем направленность и качество подаваемой отчетности перестало удовлетворять верховную власть, что можно проиллюстрировать изменениями шаблона губернаторских отчетов во времена Николая I (в 1828, 1837, 1842, 1853 гг.). В управлении стал превалировать отраслевой подход, выходящий за рамки компетенций одного министерства. Отчет утратил значение индивидуального донесения. Результатом унификации его нарративной части стало ее упрощение. Клишированный текст «образцовых

отчетов» 1842 и 1853 гг. не требовал от губернаторов выражения собственного мнения или «видов по усовершенствованию». Их личную инициативу можно обнаружить лишь в незначительных по размеру разделах – «виды предположения» и «заключение». По-видимому губернатор перестал ощущать себя соуправителем губернии. Его диалог с императором обрел исполнительную тональность. Те же, кто решался проявить должностную инициативу, могли писать от своего имени непосредственно к императору, а также направлять служебные записки в Министерство внутренних дел.

Итак, изучение отчета как персонального текста губернатора позволяет конкретизировать коммуникативные функции этой разновидности исторических источников. Их фронтальное прочтение делает возможным выявление региональных специфик, приоритетных направлений деятельности начальника губернии, преемственности управленческих стратегий, личного вклада губернатора во «вверенную» ему губернию. Структурные изменения губернаторской отчетности позволяют судить о направленности диалога центра и периферии, исследовать технологии министерского управления.

О.Б.Бокарева (Москва)

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ «ПЕРСИДСКИХ» ПОСОЛЬСКИХ КНИГ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.

Посольские книги по связям России с Персией первой половины XVII в. содержат обширную историческую информацию ретроспективного характера первичного и вторичного типов. К первой половине XVII в. относится 7 книг: № 1(6) 1618–1624 гг., 4°, 536 л.; № 2(7) 1629–1711 гг., 4°, 313 л.; № 3(8) 1629 г., 2°, 66 л.; № 4(9) 1640–1643 гг., 4°, 605 л.; № 5(10) 1642–1649 гг., 4°, 312 л.; № 6(11) 1644–1645 гг., 4°, 523 л.; № 7(12) 1649–1650 гг., 4°, 482 л.

При обращении исследователей к информационному потенциалу посольских книг в историографии рассматривались вопросы внешнеполитического, культурного, социально-экономического характера, изучались особенности их возникновения, бытования и структуры, осуществляется поэтапная публикация данных источников (С.М. Каштанов, Н.М. Рогожин, Д.В. Лисейцев, А.В. Беляков, Б.А. Куненков и др.). Исследователи анализировали посольские книги как комплекс исторических источников, содержащих в себе

тексты различных документов, первоисточники которых сохранились, в большей степени, частично. Ряд посольских книг и часть их первоисточников были утрачены по разным причинам: во время стихийных бедствий (пожары в Москве), в период Смутного времени, в Отечественную войну 1812 г., из-за ветхого состояния, и в результате физических утрат.

Исторические сведения, почерпнутые из «персидских» посольских книг, составляют разнообразные, взаимосвязанные функционально-информационные комплексы. Сведения биографического характера позволили выявить в 7 книгах более 1500 фигурировавших в текстах персоналий, русских и иностранцев, представителей разных сословных групп. Книги содержат информацию по ряду регионов России, Ближнего и Среднего Востока топографического характера, связанную с местонахождением русских и персидских дипломатических миссий, а также русских подданных пленных.

Частота упоминания населенных пунктов в книгах напрямую зависит от описываемых событий. Среди русских городов чаще других упоминаются Москва, Владимир, Коломна, Нижний Новгород, Казань, Астрахань, Терский городок. Среди зарубежных городов – Исфахан (Испагань), Казвин (Казбин), Логожан, Гилян (Гилян), Ширван (Ширвань), Дербент (Дербень). В книгах, особенно в статейных списках русских послов и посланников, указывается характер местности, ее географические особенности, состав населения, управленческий аппарат (Гилянское и Ширванское ханства и др.). В грамотах («памятях») воеводам перечисленных русских городов также выявляется специфика административных единиц, особенности взаимодействия в них разных групп населения.

Сведения «персидских» посольских книг неопределимы для изучения дипломатического церемониала. Отправление русских дипломатических миссий в Иран и прием послов персидских шахов строго регламентировались, официальная информация вносилась в посольские книги. Сохранились статейные списки и дела о посылке в Персию русских послов, посланников и гонцов: кн. И.П. Ромодановского (1606–1607), М.Н. Тиханова (1613–1615), И. Брехова (1614), Г. Шахматова (1615), Ф.И. Леонтьева (1616–1617), М.П. Борятинского (1618–1619), В.Г. Коробьина (1621–1623), Г.В. Тюфякина (1625–1627), С.И. Исленьева и А.О. Плещеева (1629 и 1635–1637), А.С. Романчукова (1636), С.В. Волынского (1642–

1644), С.И. Козловского (1645–1647), Г. Булгакова (1647). Представлены также дела о приездах в Россию персидских послов, «купчин» и гонцов: Лачин бека (1603–1604), Сеид Азима (1606), Мюгиб бека (1607–1613), Миркет сеида (1620), Вукит бека (1624), Русан бека (1625), Уруслан бека (1626), Аджи бека (1632–1635 и 1641), Устолла Алла берды (Устала Алла берды) (1634), Асан бека (1640–1643), Сары Хан бека (1641), Хаджи Магомет аги (1643), Магомет Куш бека (1649–1650). Дипломатическая переписка представлена грамотами русских царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича к персидским шахам Аббасу I, Сефи I, Аббасу II Сефевидам и переводами грамот («любительных писем») правителей Персии к первым Романовым.

«Персидские» посольские книги позволяют выявить структуру приемов и «отпусков» иностранных дипломатических миссий: встреча иностранных послов на границе; остановка послов на подворьях (станах) около Москвы с целью ожидания въезда в столицу на специально присланных «возках» или санях; торжественный въезд в город; устройство посольства на Посольском дворе в специально отведенных дворах (Район Китай-города, Тверской улицы); выезд посольства на царскую аудиенцию в Кремль; встреча посольства и сопровождение к царю в Теремных покоях; представление посла царю избранными боярами, думными дьяками Посольского приказа; вручение послом верительной грамоты и его речь к царю; возложение царем руки на голову персидскому послу; подношение царю посольских подарков («поминков»); окончание приема; отправление «государева стола» как особой царской милости на Посольский двор; вторая аудиенция в «ответной палате» с членами Боярской думы; переговоры и создание посольской документации (грамот, договоров), которые скреплялись присягой, целованием креста и приложением печати; «отпуск» посла в присутствии царя; вручение ему царских грамот и подарков для персидского шаха, а также «жалованья» лично для посла от царя в виде дорогих шуб, кубков; отъезд посольства в сопровождении приставов и стрельцов вместе с ответным русским посольством.

В источниках фиксируются происшествия: гибель русского посла князя М.П. Борятинского во время посольства в Персию в декабре 1618 г., кража «государевой казны на море» во второй четверти XVII в., трагическая судьба пленного пушкаря Ивана (Ивашки) и

других его соотечественников, нападение на посла князя Е.Ф. Мышецкого, ехавшего в Грузию и пострадавшего от «людей шемахинского Арап хана», внезапная кончина персидского посла Сары Хан бека в Москве после аудиенции у русского царя и др.

Информационный потенциал «персидских» посольских книг первой половины XVII в. изучен еще не в полной мере, а необходимость научных публикаций их очевидна.

А.А. Бондаренко (Москва)

ПРОБЛЕМЫ ТЕРМИНОЛОГИИ И КЛАССИФИКАЦИИ ГРАМОТ МЕТРИКИ КОРОЛЕВЫ БОНЫ

Метрика королевы Боны – обособленная часть архива Великого княжества Литовского, относящаяся к частным владениям польской королевы. В своих имениях она обладала обширными правами, включая право «подавань столиц духовных и всех хлебов духовных» (назначения глав архиерейских кафедр, монастырей и церквей). Подобные отношения между светскими и духовными феодалами получили название «патронат» (*ius patronatus*) – «право основателей (и их потомков) по отношению к основанным ими учреждениям» (Флоря Б.Н. Исследования по истории церкви. М., 2007. С. 44). Историографии известны также термины «инвеститура» и «ктиторство». География грамот королевы Боны показывает, что она обладала правом патроната над Турово-Пинской (включая право поставления епископа), частью Владимиро-Волынской, некоторыми объектами митрополичьей (Киевской) и Перемышльской епархий (Описание рукописного отделения Виленской публичной библиотеки. Вильна, 1906. Вып. 5. № 526. С. 4; Добрянский А.М. История епископов трех соединенных епархий, Перемышльской, Самборской и Саноцкой. Львов, 1893. С. 52, 54–55).

Историки отмечали пестроту и разнообразие документов, составляющих каждую книгу Литовской метрики. Попытки общих классификаций этих документов немногочисленны (Хорошкевич А.Л. Жалованные грамоты Литовской метрики конца XV в. и их классификация // Источниковедческие проблемы истории народов Прибалтики. Рига, 1970. С. 47–75; Боряк Г.В., Абросимова С.В. Разновидности актовых документов Литовской метрики // Проблемы применения количественных методов анализа и классификации

источников по отечественной истории. Днепропетровск, 1988. С. 85–89; Менжинский В.С. Феодальное землевладение в Белоруссии во второй четверти XVI в. Автореф. дис. на соискание уч. степ. к.и.н. М., 1988. С. 8–9). Подробная классификация всего объема актов архива канцелярии Великого княжества помогла бы разработке более совершенных методов их источниковедческого исследования. В качестве одной из обособленных групп документов Метрики можно выделить группу, критерием отбора в которую служит адресат акта – церковные корпорации, отдельные представители церкви. Подробнее остановимся на комплексе актов, выданных королевой Боней православному духовенству, а конкретнее на тех из них, которые представляют собой «поставление» на ту или иную церковную должность.

Специального обозначения подобных актов в делопроизводственной практике Великого княжества Литовского не было. Их самоназванием, как и большей части жалованных грамот, было «лист» и (реже) «привилей». В копийных книгах конца XVI в. «привилей» значится в составленных к документам заголовках и обозначает пожалование должности, земли, льготы и т. д. М.Н. Ясинский под «привилеем» понимал жалованные грамоты «в тесном смысле», жалованные грамоты охранительного характера, льготные грамоты, «закрывающие в себе изъятие из общих норм в пользу отдельных лиц, сословий, различных местностей государства и т. д.» (Ясинский М.Н. Уставные земские грамоты Литовско-Русского государства. Киев, 1889. С. 10).

Принятая в «Методических рекомендациях по изданию и описанию Литовской метрики» терминология характеризует «лист» как «документ, с помощью которого представители центральной власти сообщали местным властям свои распоряжения и ставили их в известность о том или ином пожаловании третьим лицам» (Каштанов С.М., Хорошкевич А.Л. Методические рекомендации по изданию и описанию Литовской метрики. Вильнюс, 1985. С. 25), с оговоркой, что «употребление термина «лист» в источниках более разнообразно». Отчего именно «лист» предлагается считать аналогом указной грамоты в Русском государстве – непонятно. Термины «грамота», «привилей», «лист» в источниках употребляются синхронно, широко и неопределенно и по своему объему, как и московско-русская «грамота», совпадают с понятием «документ», а порой и «рукопись», «письмо».

Среди русских грамот церковных властей с XV в. выделяются благословенные и ставленные грамоты (Каштанов С.М. Русская дипломатика. М., 1988. С. 151), которые «представляют собой документ о том, что получивший его священнослужитель... поставлен к определенному храму епархии» (Полознев Д.Ф. Благословенные и ставленные грамоты Ростовской и Вологодской епархий XVI–XVII вв. // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 1995. Вып. VIII. С. 49–57). Определение «ставленный» для обозначения акта, утверждающего (или подтверждающего) права на священноначалие находившиеся в Великом княжестве Литовском в юрисдикции светских властей, может быть использовано и в терминологии литовской дипломатики.

Принимаемый термин – ставленный лист – обозначает документ, которым представители светской власти (публичной или частно-правовой) осуществляли утверждение священнослужителя за конкретной церковью, монастырем или архиерейской кафедрой с передачей прав на соответствующее недвижимое имущество. Ставленные листы следует относить к договорно-законодательному виду актовых источников, выделяя среди них на уровне подразновидности листы на «владычество», на «игуменство», на «священство».

В диспозиции ставленных листов на церковь (священство или «поповство») обороты, выражающие юридическую сущность акта, формулируются, как «церковь дали», «мает попом быти». Ставленные листы на монастырь (игуменство) содержат в диспозиции обороты «манастырь дали», на «владычество» – «владыцтво дали», «владыцтво дали и поручили».

Грамоты, подтверждающие более ранние назначения, следует называть подтвердительными ставленными листами. Они содержат ссылку к ставленным листам, выданным ранее тому же адресату. В их диспозиции употребляются обороты «потверъжаемъ», «дали» и т.д.

Классификация комплекса грамот королевы Боны православному духовенству может быть применена ко всей массе аналогичных документов, содержащихся в Литовской метрике – вне зависимости от того, из какой канцелярии, великокняжеской или частновладельческой, вышли эти акты.

АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА И.Д. БЕЛЯЕВА 1840-х гг.

Научное наследие И.Д. Беляева традиционно находится на периферии внимания исследователей русской историографии XIX в. Больше двух десятков лет занимая кафедру истории русского права в Московском университете, как историк-юрист Беляев остался в тени К.Д. Кавелина, Б.Н. Чичерина, В.И. Сергеевича, А.Д. Грановского. Близкие славянофильским, его построения выглядят тяжело-весными на фоне стройной и изящной концепции Земли и Государства, созданной К.С. Аксаковым. Пожалуй, только репутация первого исследователя процесса закрепощения крестьян и археографические заслуги избавили его имя от забвения в истории отечественной исторической науки.

Немногие из современников Беляева могли сравниться с ним по объему введенных в научный оборот исторических источников. Их многочисленные публикации, подготовленные им в качестве сотрудника Московского архива министерства юстиции и секретаря Общества истории и древностей российских, не утратили своего значения для современных исследователей и занимают достойное место при рассмотрении русской археографии середины XIX в.

При этом речь идет, прежде всего, о самих опубликованных Беляевым материалах, тогда как принципы, которыми он руководствовался в своей археографической деятельности, обычно не привлекают исследовательского внимания. Особенно этот недостаток ощутим, когда анализу подлежат публикации источников на страницах «Временника Общества истории и древностей Российских», в роли редактора которого Беляев располагал определенной самостоятельностью. Только Е.В. Барсов коснулся вопроса о беляевском плане «Временника», представленном на суд членов этого ученого общества накануне издания сборника. Но исследователь ограничился самыми общими суждениями, к тому же смешав этот первоначальный «План» с его окончательной редакцией, появившейся в печати, несмотря на очевидные расхождения приведенных им выдержек и опубликованного варианта (Барсов Е.В. И.Д. Беляев, секретарь имп. Об-ва истории и древностей российских // ЧОИДР. 1882. Кн. 1. С. 17–18).

Между тем «План Временника» в обеих редакциях, предисловия к публикациям в первых выпусках этого сборника, а также рецензия Беляева на подготовленные П.М. Строевым «Выходы Государей, Царей и Великих Князей...», вышедшая в 1844 г., позволяют установить представления, с которыми ученый приступил к публикаторской практике.

«Выходы Государей...» стали поводом для будущего редактора «Временника» заявить о своем несогласии с предпочтением, которое верный традициям «скептической школы» Строев отдавал официальным документам перед летописями. Беляев был убежден, что «документы могут быть только дополнением и подтверждением летописей», поскольку сами по себе они слишком сухи и разрозненны, чтобы передать историку «полную идею минувшей жизни». В этой же рецензии Беляев обращается к проблеме публикации стереотипных официальных документов. Решение Строева представить полные тексты всех выходных книг видится ему крайне неудачным. Беляев считает более оправданным издание двух-трех подобных книг целиком «для образца», «в остальных же заметить одни изменения» (Беляев И.Д. Выходы Государей, Царей и Великих Князей, Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, Федора Алексеевича всея Руси Самодержцев (с 1632 по 1682 г.), изд. П.М. Строевым. М., 1844 // Москвитянин. 1844. № 9. С. 156–159).

Верность этим принципам Беляев сохранил, приступая через пять лет к изданию «Временника». В отличие от некоторых коллег по Обществу, тяготившихся в условиях развернувшейся деятельности Археографической комиссии предписанием устава сосредоточиться на изучении летописей, Беляев видел в уже осуществленных изданиях памятников этого вида лишь первый шаг на пути к решению обширных летописеведческих задач. Это, впрочем, не мешало ему признавать всестороннюю разработку «официальных памятников» едва ли не более важной для «Временника» (ОПИ ГИМ. Ф. 450. Оп. 1. Ед. хр. 841. Л. 192 об., 191). Такие приоритеты были обусловлены вниманием Беляева к «внутренней жизни Русского государства», раскрытие «начал» которой представлялось ему главной целью, которую способна сформулировать современная наука русской истории.

Не все члены ОИДР одобрили эту первоначальную редакцию «Плана Временника». Но если Строева не удовлетворяла сама декларативность новой программы, а за недовольством

М.П. Погодина угадывалось опасение по поводу слишком независимого характера действий его вчерашнего протеже, то В.М. Ундольский протестовал против изменения самого направления издательской политики ОИДР, которое оставляло без надежды на публикацию многие из его собственных незавершенных работ, посвященных славянским древностям. Видимо, во избежание конфронтации Беляев сделал окончательный вариант «Плана» более кратким и менее программным.

Тем не менее, заявленные там принципы не остались мертвой буквой для редактора «Временника». Таможенная книга 1724 г. представлена как источник по истории торговли, которая является «одною из важнейших частей истории внутренней жизни Государства» (Беляев И.Д. Предисловие к изданию Записной таможенной книги 1724 г. // Временник ОИДР. 1849. Кн. 2. С. 90). Отдавая отчет в ограниченности издательских ресурсов Общества, Беляев уведомлял, что оно «считает своей обязанностью знакомить любителей отечественной истории, по возможности, хотя с образцами разных источников» (Беляев И.Д. Предисловие к «Материалам» // Временник ОИДР. 1849. Кн. 4. С. I–II).

Таким образом, приступая к редактированию «Временника», Беляев опирался на собственную продуманную археографическую программу, принципы которой учитывали предшествующий научный опыт и не вызывали существенных возражений со стороны большинства современных ему историков.

М.М. Бубнова (Москва)

ПРОБЛЕМА АВТОРСТВА ДРЕВНЕРУССКИХ НАДПИСЕЙ-ГРАФФИТИ

В последнее время в отечественной историографии наблюдается всплеск исследовательского интереса к эпиграфическим памятникам, в частности к граффити, т.е. надписям и рисункам, процарапанным на стенах зданий или других твердых предметах. Особое внимание ученых приковано к древнерусским надписям Киевского и Новгородского Софийских соборов. Во многом благодаря усовершенствованию технических средств дело публикации и изучения находок, начатое Б.А. Рыбаковым, С.А. Высоцким и А.А. Мединцевой, в последние два десятилетия сильно развилось (см. работы Т.В. Рождественской, А.А. Гиппиуса, Ю.А. Артамонова

и И.В. Зайцева, С.М. Михеева, А.А. Евдокимовой, В.В. Корниенко, Н.Н. Никитенко и др.). Труды этих ученых посвящены поиску новых настенных надписей и корректировке чтения, интерпретации или датировки граффити, опубликованных предшественниками. Однако в целом тенденция к накоплению без подробного анализа всего корпуса данного вида источников в эпиграфике до сих пор превалирует. Вместе с тем мы уже обладаем достаточным количеством материала, чтобы выявить некоторые проблемы, связанные с изучением древнерусских настенных надписей. Среди таковых: прочтение текста источника, классификация надписей, авторство, историческая интерпретация сведений граффити, экспертиза подлинности и достоверности. Последовательное изучение этих проблем и поиски их решения несомненно поспособствуют лучшему пониманию той информации, которую сможет нам предоставить каждый конкретный источник такого рода. Настоящая работа касается только одной из названных проблем, а именно вопроса об авторстве древнерусских надписей-граффити.

В этом отношении интересно рассмотреть историю изучения знаменитого граффито Киевского Софийского собора об Олисане (Высоцкий, № 27). «Г(оспод)и, помози рабе своей Олисане, | С(вя)топ(о)льчи ма[т]ери, | русьскыи княгыни. | А азъ доп(и)с(а)ль сыны съущи ||». Именно так С.А. Высоцкий издал эту надпись в первой публикации (1962 г.) Если с чтением верхней части граффито проблем не возникало, то для последней строки ученый так и не смог дать правдоподобной интерпретации. Датировав надпись XI в., Высоцкий попытался выяснить, мать какого Святополка имел в виду автор граффито. По мнению исследователя, известны три Святополка, матери которых могли быть названы русскими княгинями, то есть женами великих киевских князей. Это Святополк Владимирович, Святополк Изяславич и Святополк Мстиславич. Святополк Окаянный умер еще в 1019 г., т.е. за 18 лет до вероятной постройки Софийского Собора в Киеве, если таковой считать 1037 г. Отец Святополка Мстиславича волынский князь Мстислав Владимирович княжил в Киеве до 1132 г. По палеографическим признакам для отождествления с Олисаной надписи более всего подходит мать Святополка Изяславича, жена Изяслава Ярославича, о которой в летописи говорится под 1107 г.: «В то же лето преставися княгини, Святополча матери, месяца генваря в 4 день».

Княживший в Киеве около 20 лет Святополк Изяславич, с именем которого связаны многие события того времени, был широко известной личностью не только в Киеве, но и вообще на Руси. По летописным данным у него было три сына: Мстислав, Ярополк и Святополк. Имя матери Ярополка известно: это Гертруда – сестра польского короля Казимира, жена Изяслава Ярославича. По мнению Высоцкого, Изяслав Ярославич был женат несколько раз, в результате брака с Гертрудой был рожден Ярополк, а с упомянутой в граффито Олисовой – Святополк (Высоцкий С.А. Древнерусские граффити Софии Киевской // Нумизматика и эпиграфика. Т. 3. М., 1962. С. 154–156).

Иной вариант чтения последней строки дал В.Л. Янин (1963 г.): «С.А. Высоцкий совершает явное насилие над палеографией, усматривая в сочетании знаков СЫНЫСЪЧИИ слова СЫНЫ, СЪУЩИ. Здесь следует видеть СЫНЫ СЪЧИИ с опущенным титулом, т.е. «сын Святопольчии» (Янин В.Л. Русская княгиня Олисава-Гертруда и ее сын Ярополк // Нумизматика и эпиграфика. Т. 4. М., 1963. С. 142–164). То есть в надписи названа Олисава, «русьская» (в данном контексте киевская) княгиня, жена великого князя, мать Святополка, а автор надписи – сын Святополка и внук Олисавы. Таким образом, у Янина надпись читается так: «Г(оспод)и, помози ра[б]е своеи Олисаве, | С(вя)топ(о)льчи ма[т]ери, | русьскыи княгыни. | А азъ доп(и)с(а)лъ сынъ С(вятопол)чии||».

Как и Высоцкий, Янин для установления личности указанного в источнике Святополка приводит имена тех же трех князей. Ни у Святополка Владимировича, ни у Святополка Мстиславича не было сыновей, в отличие от Святополка Изяславича (1050–1113 гг.), что подтверждает идентификацию Высоцкого. Янин предположил, что автором записи мог быть кто-то из детей Святополка и выдвинул гипотезу о тождестве Гертруды и Олисавы.

Б.А. Рыбаков, готовясь к изданию «Русских датированных надписей», по всей видимости, не был знаком с чтением Янина, поэтому воспроизвел последнюю строку граффито в чтении Высоцкого и подтвердил его атрибуции упомянутых в надписи лиц (1964 г.). Считая автором надписи Святополка, Рыбаков связывал ее датировку с именем этого князя. Последнюю строку надписи Рыбаков интерпретировал следующим образом: поскольку у княгини Олисавы были как свои дети, так и пасынки (Мстислав и Ярополк), княжич Святополк удостоверил в своей записи, что он приходится

Олисава не пасынком, а сыном «сущим» (Рыбаков Б.А. Русские датированные надписи XI – XIV вв. М., 1964. С. 16).

Наконец, С.А. Высоцкий уже в первом своде киевских граффити (1966 г.) предложил новое чтение последней строки этой надписи: «Г(оспод)и, помози ра|бе своей Олисава, | С(вя)топ(о)льчи ма[т]ери, | русьскыи кынягыни. | А азъ доп(и)с(а)ль сыны С(вятопол)ъчии||». Иными словами, согласно Высоцкому, первую часть молитвенного граффито составила сама Олисава, а кто-то другой дописал ее (Высоцкий С.А. Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Киев: Наукова думка, 1966. С. 73–80).

Действительно ли первая часть надписи принадлежит Олисаве? Если так называемые надписи-автографы с формулой «имярек писал», как правило, не вызывают сомнений относительно имен их создателя, то с молитвенными записями возникают сложности. Всегда ли человек, чье имя стоит после оборота «Господи, помози», являлся автором надписи? Ведь создатель граффито, просивший помощи у Бога, мог делать это как для себя, так и для другого лица, к судьбе которого был неравнодушен. Так, автор граффито Выс. 37 «Г(оспод)и, помози рабоу своему Ивану | имямъ Равяте, попови Ива|ноу и вьсемъ хрьстянам | и мене грешникуу, аминь||» помолится за некоего Ивана Равяту, попа Ивана и всех христиан, а только потом скромно вспомнил о себе, даже не упомянув своего имени. Установить авторство ряда молитвенных записей с именем, заключенным в формуле «Господи, помози рабу своему X», невозможно, исключая случаи идентификации по косвенным признакам. Таковой, например, является надпись «Г(оспод)и, пмози рабоу свгемоу | Къснатиноу||» (Выс. 103). Известны граффити, авторство которых прямо не указано, но устанавливается по тексту и выражено в формуле «Господи, помилуй мя». Так запись Выс. 161 «С(вя)тъ Онвуфрие, помилоу|и мя грешника Сумео|на, раба своего||» свидетельствует о тождестве автора надписи и упоминаемого в ней Симеона. Существует и ряд граффити, посвященных одному человеку, но где небольшая подпись в конце свидетельствует о написании их другим лицом. Такова настенная надпись Выс. 307, сделанная попом Савлом о прибытии «на пр[а]з[д]ьник[ъ]» в Киевскую Софию дочери черниговского князя Святослава Ольговича, жены князя Владимира Андреевича: «Володимирия | [с]е была многопечялна[я], | А[н]дреева сньха,

Ольгова с[e[c]тра и Игорева и Всеv[о]л[о]жа, на пр[а]з[д]ьник[ь]. | А попь п(и)с(а)ль С[а]вль, | [бо]гать гр[ехы]||».

По нашему мнению, первая часть граффито Выс. 27 была написана неизвестным, молившимся за княгиню Олисаву. Не исключено и авторство самой Олисавы. Весьма вероятно, что вторая часть надписи («А азъ доп(и)с(а)ль сынъ С(вятопол)чии») была сделана другим человеком: палеографические признаки первой и второй частей граффито, а также сама манера письма несколько отличаются друг от друга. Намек на это различие, как нам представляется, имеется и в самом тексте: некто констатирует, что к уже имеющемуся граффито он приписал напоминание о необходимости помолиться и за сыновей Святополка.

Таким образом, определение авторства граффити в ряде случаев если и возможно, то сложно, и требует детального изучения их внутренней формы (формуляра) и содержания.

А.М. Булатов (Москва)

КАРТОГРАФИЧЕСКАЯ ROSSICA: КАТАЛОГИ И ОПИСАНИЯ

Сводного каталога изданных гравированных географических карт России, выпущенных в свет в XV–XVII веках, не существует. Нет известий и о попытках его составления специалистами по истории картографии России. Карты и чертежи нашего отечества, изданные в Европе в тот ранний период, длившийся 200 лет, оказались в небрежении.

Здесь и сейчас я лишь упомяну ключевые, на мой взгляд, события истории нашей страны и сопоставлю с ними изменения отношения к старинным гравированным картам России. К событиям, оказавшим влияние, я отношу: 1) революцию, государственный террор и эмиграцию (Л.С. Багров, 1918), 2) ряд процессов конца 20-х – начала 30-х годов (Трудовой крестьянской партии, «академическое» дело, дело Госиздата), в которых либо погибли, либо отправлены в ссылку люди, занимавшиеся старинными картами России, 3) появление выдвиженцев на освободившихся местах и создание учебника для студентов-картографов (К.А. Салищев, 1939), 3) кампанию борьбы с космополитами (А.В. Ефимов, 1948), 4) засекречивание старинных карт России (после 1965).

Утверждение в учебнике для студентов университетов, что «карты неправомерно относить к произведениям искусства», и что «на вопрос о принадлежности картографии к искусству надо дать определённо отрицательный ответ» (Салищев К.А. Картоведение. М., МГУ, 1976. С. 19–20), должен был пресекать в зародыше интерес студента к карте, как к произведению графики. Так, одновременно с обучением узкой специальности насаждалось невежество. Поэтому знания выпускников картографов наших университетов, связанные с особенностями изготовления гравюрных досок, с особыми свойствами старинной бумаги и с процессом изготовления отпечатков на ней, отсутствуют полностью, а разговор о старинных картах вызывает у них непонимание и зевоту.

Последний каталог отдельного собрания старинных карт России описывал фонды ленинградской Гос. Публ. библиотеки им. Салтыкова-Щедрина (Каталог иностранных карт России XV–XVII вв.: По фондам ГПБ: [В 4-х вып.] / Сост. Е.К. Михайлова Л., 1965–1972). О доступности этого каталога говорит не столько его тираж – 150 экземпляров, сколько наличие на его титульном листе грифа, обрешённого три выпуска этого каталога из четырех, на тайную жизнь в секретных комнатах библиотек, а не на полках рядом со справочниками, словарями и энциклопедиями. Пример записей этого каталога, которые я сейчас приведу, покажет результат, к которому привели перечисленные мною события.

Для разбора я выбрал одну из десяти (до 1700 г.) оригинальных карт России, авторитетную и популярную *Novissima Russiae Tabula*, составленную голландцем Исааком Массой. И потому, что этот пример прост, и потому, что эта карта встречается во многих собраниях, не являясь большой редкостью в поздних состояниях.

В Каталоге ГПБ она описана дважды: как изданная в 1633 г. № 57 (Вып. 2. С. 66) и под 1638 г. № 65 (Там же. С. 76). В аннотации ко второй записи отмечено, что она является «переделкой первой, не имеющей посвящения и почти без изображения рельефа». Указав 1633 г., составитель каталога, повторил простительную ошибку В.А. Кордта (Материалы по истории русской картографии. Вып. I. Киев, 1899. С. 13. Карта XXIX; ср. с: Вып. II. Киев, 1910. С. 30. Карта XLIV), а незнание или непонимание составителем техники изготовления гравюры на меди не вызвало у него вопроса, связанного с отсутствием части изображения на позднем оттиске и наличия его на раннем.

Составитель каталога ГПБ мог бы, но не воспользовался изданными к тому времени работами о составе Атласов Меркатора – Хондиуса – Янссония разных лет издания, в которые входила эта карта: статьёй Кёнига (J. Keuning. *The History of an Atlas // Imago Mundi* № 4, 1947) и каталогом Кумана с постраничным описанием всех изданий Атласа Меркатора (Koeman C. *Atlantis Neerlandici...* V. 2. Amst., 1969). В них зафиксировано, что впервые эта карта Массы была опубликована в английском издании Атласа 1636 г. (Me 41A, 105) с незавершённым картушем. В немецком издании Атласа 1636 г. (Me 45, 33) карта была воспроизведена в состоянии, описанном под № 76, без посвящения и штаффажа, а уже в следующем латинском (Me 47, 6) была выпущена в законченном виде, описанном под № 57 каталога ГПБ.

С точки зрения истории этой карты, каталог ГПБ создал хаос, сведя под 1633 год издания разных издателей: Иоганна Янссония (без Г. Хондиуса, после 1638 г.), Мосиса Питта (после 1680 г.), исключив при этом издание второго состояния и выделив его в отдельное.

Существующие методические рекомендации при работе со старинными гравированными картами не содержат понятия «состояние» гравюрной доски, то, что является рабочим термином специалистов и любителей гравюры. Не найдя определения этого термина, опишу его смысл: состояния – последовательность измененных изображений, созданных на гравюрной доске гравёром или возникших по каким-либо иным причинам. Эти изменения воспроизводятся на оттисках. Исчезающие одни и появляющиеся другие детали на оттисках разных состояний дают возможность выстроить последовательность выпуска в свет тиражей гравюры. Картобиблиограф, готовивший описания для засекреченного каталога, был связан подпиской о неразглашении. Даже если бы ему захотелось проконсультироваться со специалистом по гравюре, он не мог бы легально этого сделать.

Приведённый пример был простым. Но бывают и трудные случаи, каким является, например, карта Тартарии Фредерика де Вита. Подготовлено изображение двух состояний одной карты с существенным изменением содержания, которое будет продемонстрировано на конференции.

Отсутствие понимания того, как готовили медную доску, и что могут существовать её разные состояния, не является единственным системным недостатком составителя каталога ГПБ.

Вводя в описание «численный масштаб» для карт России, составленных до 1699 г., каталогизатор должен был произвести дополнительные, но лишённые смысла действия, предписанные правилами составления описания современных географических карт, составленных на математической основе профессиональными картографами по материалам геодезических измерений профессиональных топографов. Получается, что каталогизатор не должен принимать во внимание, что в ту эпоху в России не проводились топографические работы вообще, и не было ни одного пункта, для которого были бы измерены и широта и долгота.

Даже измерения широт по Солнцу, которые проводились в это время уже с очень малыми ошибками, для России были связаны с неизжитой особенностью, берущей начало от карт Птолемея II в. н.э. На них устье реки Танаис (Дон) Птолемей поместил много севернее действительного (около 56° с.ш.). Поскольку измерения широт начались в XVI в. с севера английскими и голландскими купцами-мореплавателями, въезжавшими в Московию через двинское устье, то для изображения земель между Окой и Азовским морем, куда до самого конца XVII в. не заходили люди из Москвы с торговыми и учёными целями, на карте оставалась узкая полоса.

В связи с этим карты России, в том числе и карта Исаака Массы, показывали довольно точно северные земли и приблизительно, по догадке – южные. И масштабы для разных частей одной карты отличались значительно, например, в случае карты И. Массы – почти вдвое. Если бы составитель каталога, заполняя соответствующий пункт описания, вписал бы в него не М 1:8`500`000, а М 1:8`500`000 – 1:15`000`000, то никаких вопросов к такому описанию не возникло бы, кроме одного – зачем такой масштаб нужен и как его применять. На мой взгляд, при описании старинной гравированной карты достаточно сообщить о количестве изображенных на карте масштабных шкал, и перечислить их единицы измерений (например – *расстояние одного часа ходьбы*).

В качестве примера удачно сделанного сводного каталога, можно назвать работу С.А. Клепикова, посвящённую планам Москвы (Клепиков С.А. Библиография печатных планов Москвы XVI–XIX веков. М., 1956. С. 33–37). В этот каталог была включена карта Гесселя

Герритса 1613 г. *Tabula Russiae ex autographo, quod delineandum curavit Feodor...* с планом Москвы на врезке вверху слева. Клепикову удалось создать ясную и понятную структуру описания одной карты в её разных состояниях, учесть переиздания и перегравировки – Н. Пискатора (1632?), Дж. Спида (1676) и П. Дейриарда (1820-е). «К хорошо сделанному легко прибавляется». У Клепикова не оказалось явно описанным третье состояние карты с изменённым именем издателя – на Виллем Блау. Для исправления достаточно в строку *26-а внести описание изменения (замену имени у нижней рамки) и присвоить этой строке № *27.

Сейчас идёт работа по составлению сводного каталога русских географических карт XVIII в. Хотелось бы надеяться, что его составители будут различать и учитывать в каталоге различные состояния каждой гравированной карты.

О.А. Валова (Москва)

**ПРОБЛЕМА ДОСТОВЕРНОСТИ СВЕДЕНИЙ В
ДЕЛОПРОИЗВОДСВЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ
(НА ПРИМЕРЕ ДОКУМЕНТОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА ДЛЯ
ДВОРЯНСТВА 1754 Г.)**

Исследование российских делопроизводственных документов наиболее плодотворно, если его цель – максимально полное раскрытие их информационного потенциала, в том числе как источников об истории государственных учреждений и биографических сведениях. Выявленная в делопроизводственных источниках информация может иметь важное историческое значение и способствовать изменению восприятия прошлого. Но нередко недостаточная сохранность и целостность дошедших до нас комплексов делопроизводственной документации и иных архивных материалов не дает возможности подтвердить и уточнить выявленные факты с помощью других источников, что является значимой проблемой, ибо снижает степень достоверности и адекватности интерпретации полученных сведений. Примером могут служить фрагменты межведомственной переписки Московской конторы Государственного банка для дворянства (далее – ГБД) и Главного кригс-комиссариата в 1754 г. Важна предыстория создания этих документов. 13 мая 1754 г., по прошествии более года после

начала обсуждения в Сенате проекта создания в России первых банков, императрицей Елизаветой был подписан указ об учреждении ГБД. В указе была заявлена идея сосредоточения выдачи дворянам денежных средств займы государственными учреждениями исключительно в ГБД, работу которого предписывалось начать с 15 июля 1754 г. Таким образом, к этому времени перспектива создания ГБД не была новостью для высокопоставленных чиновников. Инициатором создания этого банка выступил гр. П.И. Шувалов. Процесс кредитования дворянства государственными учреждениями, зависевший от воли их глав и прочих членов присутствий, должен был, согласно указу, смениться законодательно регламентированной и упорядоченной выдачей займов всем желающим дворянам, выполнившим установленные для этого условия, касавшиеся залога и поручительства. К моменту учреждения ГБД кредитование дворянства осуществлялось, наряду с прочими ведомствами, и Главным кригс-комиссариатом, причем общий объем таких операций в нем был довольно значительным. На основании указа от 13 мая 1754 г. ГБД являлся прямым преемником Главного кригс-комиссариата как по сбору с должников розданных из него займы казенных денег и процентов с них, так и по выдаче займов из этих источников (Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб., 1830. Т. XIV. № 10235. С. 92; РГАДА. Ф. 327. Оп. 1. Д. 21. Л. 1-4 об.). Таким образом, помимо собственно банкового капитала (выделенного конторам ГБД в 1754 г.), в 1754–1757 гг. в Московскую и в 1754–1755 гг. в С.-Петербургскую конторы ГБД поступил для использования в целях кредитования дворянства капитал, состоявший из ранее выдававшихся займы Главным кригс-комиссариатом денежных средств, в размере 41107 руб. 52½ коп. и 35414 руб. 43 коп. соответственно (РГАДА. Ф. 248. Оп. 41. Д. 3259. Л. 47, 49 об.–50). С весны 1753 г. по 1760 г. генерал-кригс-комиссаром, и, следовательно, главным распорядителем выдачи займов дворянам в своем ведомстве до лета 1754 г., был кн. Я.П. Шаховской. Делопроизводственные источники 1754 г., свидетельствующие об обстоятельствах поступления в Московскую контору ГБД из Главного кригс-комиссариата части розданных ранее займы денег, дают представление о контингенте комиссариатских заемщиков (Там же. Ф. 327. Оп. 1. Д. 23. Л. 1 – 36 об.). Все заемщики, за исключением одного канцеляриста Ревизион-коллегии, – люди особые (в скобках –

суммы возвращенных во второй половине 1754 г. ранее занятых денежных средств): П.И. Панин (700 руб.), гр. П.Б. Шереметев (1746,62 руб.), С.М. Нарышкин (550 руб.), С.Д. Матюшкина (1100 руб.), кн. П.В. Хованский (1870 руб.), П.В. Салтыков (камергер великой княгини Екатерины Алексеевны и родной брат известного С.В. Салтыкова; 1100 руб.), А.П. Воронцов (коллежский ассессор и четвероюродный брат гр. М.Л. и Р.Л. Воронцовых (660 руб.) (Долгоруков П.В. Российская родословная книга. Ч. 2. СПб., 1855. С. 106). Последние четыре заемщика внесли также проценты за просрочку возврата занятых денежных средств, выдававшихся под те же 6%, что и позже в ГБД. Особенно интересна полученная Московской конторой ГБД 17 августа 1754 г. промемория Главного кригс-комиссариата, где повествуется о выдаче в нем вице-президенту Ревизион-коллегии кн. Г.И. Шаховскому (сводному брату отца кн. Я.П. Шаховского) займа в размере 4000 руб. «из гошпитальной суммы» «за неимением в наличестве процентной» (РГАДА. Ф. 327. Оп. 1. Д. 23. Л. 2). Госпитальный сбор, вычитаемый из жалованья находящихся на государственной службе, предназначался для обеспечения нужд военных госпиталей. Израсходованная на данный заем сумма госпитального сбора восполнялась из денежных средств, вносимых прочими заемщиками в уплату их долгов. В промемории говорится о том, что в августе 1754 г. из возвращенных гр. П.Б. Шереметевым денег оставшаяся еще не возмещенная часть госпитального сбора в сумме 322 руб. 65¾ коп. была покрыта. Динамика поступления денежных средств от комиссариатских заемщиков позволяет с уверенностью предположить, что кн. Г.И. Шаховской позаимствовал 4000 руб., когда было уже хорошо известно о предстоящем вскоре открытии ГБД. Кн. Г.И. Шаховской, в связи с его злоупотреблениями по службе и снисхождением к нему «в рассуждении заслуг» кн. Я.П. Шаховского, упоминался еще С.М. Соловьевым («История России с древнейших времен». М., 1965. Кн. XIV. Т. 27. С. 12). Перераспределение финансовых потоков по инициативе гр. П.И. Шувалова лишало кн. Я.П. Шаховского возможности распоряжаться выдаваемыми займы суммами, оказывая услуги влиятельным лицам и помощь собственным родственникам (в экстренных случаях – из средств, имевших иное целевое назначение) – достаточная причина для сильной неприязни к графу. Описанный факт займа кн. Г.И. Шаховского примечателен тем, что он входит в

противоречие с репутацией кн. Я.П. Шаховского, сложившейся на основании им же созданных «Записок». Однако состояние архивного наследия ГБД (несмотря на наличие в его материалах отрывочных сведений о финансах кн. Я.П. Шаховского и членов его семьи), Главного кригс-комиссариата и прочих учреждений оставляет открытым вопрос о том, будет ли когда-нибудь возможность подтвердить и уточнить изложенную выше выявленную информацию, что побуждает относиться к ней с осторожностью.

Д.П. Ващук (Киев, Украина)

**ДОКУМЕНТЫ ЛИТОВСКОЙ МЕТРИКИ
КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИНСТИТУТА «СТАРИНЫ»
В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ**

Великое княжество Литовское (далее – ВКЛ) на протяжении второй половины XIV – первой половины XVI в. было одним из самых влиятельных государств Центрально-Восточной Европы. Разнообразный полиэтничный состав населения предопределял перед верховной властью, в первую очередь во внутренней политике, необходимость политического «лавирования», чтобы не допустить возникновения конфликтных ситуаций между ней и присоединенными территориями. С этой целью внедрялось функционирование института «старины», когда на общегосударственном уровне декларировалось сохранение местных обычаев, традиций, правовых норм и т. п. и, в то же время, гарантировалось недопущение внедрения «новых законов». Такая политика получила и свой ключевой штамп – «старины не рухает, а новин не вводим». С незначительными изменениями эта фраза часто встречается в разнообразных документах того времени.

Несмотря на достаточно значительную наработку в изучении Литовской Метрики (далее – ЛМ), в современной историографии узконаправленные метрические студии остаются непопулярными и малоисследованными. Среди таких проблем есть выяснение и характеристика тех источников, которые касаются института «старины» в ВКЛ. Это и является главной целью статьи. Ввиду достаточно большого архивного комплекса, мы остановимся лишь на анализе источников публично-правового характера. Согласно источниковедческим исследованиям А.Л. Хорошкевич, Н.П. Ковальского,

С.М. Каштанова, В.С. Менжинского, Л.Ю. Жеребцовой – эта группа является наиболее репрезентативной. Она, в свою очередь, разделяется на такие типы.

1) *Листы* или *грамоты* – издателем был великий князь литовский или представители центральной власти. Эти документы, которые адресовались местным урядникам, содержали:

- приказы по внутривластным и военным вопросам;
- распоряжение местной администрации относительно хозяйственных и финансовых дел;
- «листы» о предоставлении шляхте земельных владений и крестьян;
- «листы» о взаимоотношениях между духовными лицами;
- «листы продажные», которые составляли акт покупки-продажи недвижимого имущества.

2) *Привилеи* – ими фиксировались пожалования магнатам, шляхте, представителям местной королевской администрации на недвижимое имущество, людей, держание мытных комор, организацию ярмарков и торгов, беспошлинную торговлю и тому подобное. От «листов» отличаются тем, что не содержат распоряжений и приказов. К привилеям следует также отнести: а) уставные земские грамоты, которые были официальными законодательными актами судебно-административного, публично-правового, частного-правового и социально-экономического характера, предоставлялись верховной властью ВКЛ областям/землям для законодательного обеспечения внутренних отношений; б) привилеи на получение городами магдебургского права.

3) *Подтверждения* – грамоты, в которых великий князь от своего имени подтверждал магнатам, шляхте, духовенству, купцам и мещанам предыдущие пожалования (например, на владение недвижимым имуществом, отбывание повинностей, сбор мыт и тому подобное).

4) *Вольности (отпущение)* – специальные документы, которыми городские общества освобождались от уплаты пошлин и взыскание отдельных налогов на определенный срок. Эта группа документов интересна тем, что у них часто содержатся данные как о давних временах, то есть «старину», так и новых – «новину».

5) *Аренды* – документы-соглашения, которые жаловались великим князем литовским конкретным лицам на содержание мытных

комор, взыскание торговых пошлин, содержание корчем, использование мельниц и тому подобное.

б) *Дипломатические акты* – документы, которые возникали как в сфере международных отношений («отказы» на посольства великих князей литовских правителям других государств, которые передавались послами). Ссылки на «старину» носят скорее символический, а не юридический характер.

В отдельную группу публично-правовых документов следует выделить судебные источники. Наибольшее количество в которых прямо или опосредствовано употребляется «старина» составляют:

1) *«справа»* – документ, в котором отмечалась сущность судебного дела.

2) *«Отложение sprawy»* – перенесение слушания судебного дела на другое время.

3) *«оповедане»/пыльность* – запись жалобы истца, запись свидетельств; запись относительно проведенных судебных заседаний и тому подобное. Среди этого типа документов обращений непосредственно к «праву старины» не так уже и много, что объясняется как лаконичным содержанием, так и нынешним временем самого события.

4) *Вырок/декрет/ухвала* – решение вынесено относительно дела великим князем (или от его имени), Панами-Радой, урядниками, высшими судебными инстанциями.

Таким образом, проведенный анализ засвидетельствовал о наличии в рассмотренной группе источников обращений к «старине». Несмотря на то, что прямые ссылки в документах встречаются редко, в письменной практике используются такие высказывания, относительно которых имеем все основания считать их синонимическими термину «старина». В зависимости от конкретного слова или словосочетания в документах различаются такие выражения:

а) непосредственная ссылка на «старое право» или «старину»: *«старым правом», «подле давности обычая и права», «старины не рушаем, а новин не уводим»;*

б) использование термина «обычай»: *«подле стародавнього обычая», «подле/водле давного обычая», «водле обычаю звыклого»;*

в) употребление в высказываниях производного слова «давний» и «век»: *«по давному», «здавна», «з веку», «з давних часов», «стародав»;*

г) обращение к временам предыдущих правителей: «*как будет было за великого князя Витовта*», «*водле листу брата нашего Александра, короля*».

К.И. Ветошиков (Париж, Франция)

ОПЫТ КЛАССИФИКАЦИИ АКТОВ РУССКОЙ МИТРОПОЛИИ ДО ЕЕ ОТДЕЛЕНИЯ ОТ КОНСТАНТИНОПОЛЯ

Источники позволяют констатировать отсутствие каких-либо указаний на существование митрополичьей канцелярии на Руси в исследуемый период. Можно, тем не менее, предположить, что один или несколько клириков кафедрального собора исполняли эту функцию. Лицо, в чьи обязанности входило заниматься митрополичьей канцелярией, должно было владеть в совершенстве греческим и славянским языками, поскольку было необходимо переводить переписку и документы, поступающие из административного центра Православной Церкви – Константинополя, а также переводить и/или письменно оформлять акты и постановления главы Русской Митрополии. В изучаемый период последняя возглавлялась в большинстве случаев греками, которые сами не могли писать свои акты на местном языке. После обоснования русских митрополитов в Москве появляется должность печатника, который мог заниматься, кроме других обязанностей, и составлением актов. В этом отношении административная система Русской митрополии отличается от организации патриаршей канцелярии. Если предполагать, что епархиальная организация в Восточной Римской Империи была копирована с патриархийной, то на Руси этого не произошло.

Древнейшим патриаршим актом, касающимся Русской митрополии, является документ № 1027 Regestes – это послание патриарха Николая IV Муцалона (1147–1151) новгородскому епископу Нифону, датированное 1149 г. Последний патриарший документ, касающийся Руси в рассматриваемый период – это послание патриарха униата Григория Маммы (1443–1450) киевскому князю Андрею от 26 июня 1447 г. (№ 3398 Regestes). Что касается актов русских митрополитов, древнейшим известным документом является акт митрополита Кирилла II, который издает постановления Владимирского Собора 1274 г. (№ 6 Павлова). Последний

известный документ изучаемого периода – послание кардинала митрополита Исидора в Холм от 27 июля 1440 г.

Акты русских митрополитов могут быть разделены на две группы (те же, что и для актов, изданных патриаршей канцелярией в Константинополе): акты, изданные только митрополитом и соборные акты.

Среди актов, изданных только митрополитом, мы можем выделить следующие типы:

1. Безличные акты: в этих документах отсутствуют *inscriptio* и *salutatio*, ни в одной из частей этих актов митрополит не обращается лично к своему адресату, который упоминается в третьем лице (мы насчитали только три документа данного типа). Данный тип может быть отождествлен с типом *grammata* патриаршей канцелярии, но с отличиями, касающимися *intitulatio* (которые присутствуют в русских митрополичьих документах, но отсутствуют в *grammata*) и даты (которая более развита в актах русских митрополитов: дата места и хронологическая дата, часто содержащая следующие элементы: день, месяц и год, тогда как в *grammata* даты, как правило, указывают только месяц и индикт). Мы не имеем информации, касающейся аутентификации безличных актов, в то же время, известно, что *grammata* носили подпись патриарха в форме *menologion* (дата).

2. Акты без *inscriptio* и *salutatio*: в данную категорию могут быть помещены документы, в которых отсутствуют *inscriptio* и *salutatio* (инициальное и заключительное), но в *dispositio* митрополит обращается к своим адресатам, используя местоимения во втором лице. Данный тип может быть помещен между безличными актами и актами с адресом и приветствиями (с русской стороны) и между *hypomnèmata* или *grammata* (безличные) и *pittakion* (*inscriptio* и *salutatio*) патриаршей канцелярии. Этот тип не встречается в патриарших актах. Эти акты не имеют юридического характера, но дают советы или ответы на вопросы, поставленные адресатом. Только четыре акта этого типа были выявлены.

3. Акты с *inscriptio*. В данной категории могут быть помещены акты, содержащие *inscriptio* и *salutatio*. Автор напрямую обращается к своим адресатам. Этот тип схож с *pittakia* патриаршей канцелярии. Известно 23 русских акта этого типа. Несмотря на то, что мы находим многие черты сходства между этим типом и *pittakion*, имеются некоторые различия: начальное *salutatio* входит в *intitulatio*,

длинное *dispositio*, особая форма даты, заключительное *salutatio* различной длины, две известных подписи – номинальные, в то время как на *pittakia* стоит подпись в форме *menologion*.

4. Акты без *inscriptio*, но с *salutatio*: в данных актах отсутствует *inscriptio*, но имеется *salutatio*; автор обращается к своим адресатам в личной форме, как в *pittakia*. Таким образом, данный тип может быть отождествлен с патриаршими *pittakia* и с митрополичьими актами, содержащими *inscriptio* и *salutatio*, дифференцируясь с безличными актами. В данной категории мы насчитали 5 документов.

Среди редких синодальных актов рассматриваемого периода можно выделить три следующих группы:

1. Записи об избрании русских епископов, написанные на греческом языке. Среди членов синода имя митрополита отсутствует: епископы собирались по повелению митрополита и выбирали трех кандидатов, среди которых митрополит указывал одного, впоследствии получающего посвящение. Известны 13 записей об избрании русских епископов.

2. Акт литовских епископов об избрании нового митрополита, который должен быть помещен в специальную категорию, т. к. он был издан собором епископов, ушедших в раскол. По своей структуре данный документ вполне соответствует акту выборов архиерея.

3. Единственный акт собора, на котором председательствует митрополит, также должен быть помещен в особую категорию. Список участников собора входит в заглавие документа.

А.Е. Виденеева (Ростов Великий)

ДОКУМЕНТЫ О ПОСЕЩЕНИИ ИМПЕРАТОРОМ НИКОЛАЕМ II СПАСО-ЯКОВЛЕВСКОГО ДИМИТРИЕВА МОНАСТЫРЯ

В 1913 г. Россия отмечала 300-летие царской династии Романовых. В мае императорская семья совершила путешествие по Костромской, Ярославской и Московской губерниям, символически повторив путь царя Михаила Феодоровича – ту дорогу, которая привела первого Романова из Костромского Ипатьевского монастыря на Московское царство.

В Ростов императорская семья прибыла 22 мая 1913 г., накануне дня празднования Собора Ростово-Ярославских святых. В первой половине дня высокие гости посетили Успенский собор и бывший

архиерейский дом, в котором расположился Музей церковных древностей. Во второй половине дня, согласно утвержденному регламенту, их ждал Спасо-Яковлевский Дмитриев монастырь.

Этот монастырь со второй половины XVIII в. стал самой выдающейся обителью Ярославской епархии и новым духовным центром Ростова. Его возвышение связано с канонизацией митрополита Дмитрия – первого святого императорской России.

В монастыре император Николай Александрович, его дети и почетная свита, были встречены настоятелем епископом Иосифом, первым викарием Ярославской епархии. В древнем Зачатиевском соборе, у мощей святителя Дмитрия, был отслужен молебен, после чего гостям показали новый монастырский собор, освященный в честь свт. Дмитрия, и Воскресенский храм-реликварий, в котором было устроено подобие Гроба Господня.

Документальные свидетельства о посещении Спасо-Яковлевского монастыря императором Николаем II можно разделить на три группы:

- 1) документы личного характера (дневники, воспоминания);
- 2) делопроизводственная документация (указы и циркуляры, направляемые в монастырь, архиерейские указы и настоятельские распоряжения, ведомости о состоянии обители);
- 3) изобразительные источники (фотографии, планы).

Из документов, относящихся к первой категории, следует, в первую очередь, выделить дневник императора Николая II и воспоминания епископа Иосифа, опубликованные в 1913 г. в Ярославских епархиальных ведомостях и тогда же вышедшие отдельным изданием (Иосиф, еп. Посещение Ростовскаго Спасо-Иаковлевскаго Дмитриева монастыря и г. Ростова императором Николаем II Александровичем и его августейшею семьею // ЯЕВ. 1913 г., 1 сентября. Неоф. часть. № 35. С. 691–699; Иосиф, еп. Посещение Ростовскаго Спасо-Иаковлевскаго Дмитриева монастыря и г. Ростова императором Николаем II Александровичем и его августейшею семьею. Ярославль, 1913). Впрочем, источники неравноценны: если в императорском дневнике посещению ростовских святынь отведены лишь несколько скупых строк, то впечатления епископа Иосифа о событиях того знаменательного дня обширны и обстоятельны, искренни и проникновенны.

Среди делопроизводственной документации самыми содержательными источниками являются следующие.

Ведомости о состоянии Спасо-Яковлевского монастыря 1912 и 1913 гг., точнее те их разделы, в которых отражены изменения, произошедшие в облике обители и перечислены наиболее важные вещественные приобретения (РГАДА. Ф. 1407. Оп. 1. Д. 1241. Л. 3–4, Д. 1242. Л. 3–4). Судя по этим отчетам, к подготовке императорского посещения монастырь отнесся серьезно и ответственно. Ремонтные, реставрационные и благоустроительные работы поражали своим масштабом: обновление всех фасадов, позолота глав и крестов, ремонт и окраска кровель, промывка стенописи в старом соборе, замена окон и дверей в храмах, асфальтирование дорожек, заказ новой ризницы из 20 облачений, стилизованных под старину, и многое, многое другое.

Важное значение имеет церемониал встречи государя в Ярославле и Ростове, который был разработан Комитетом для устройства празднования трехсотлетия царствования дома Романовых и прислан в монастырь за неделю до приезда высоких гостей (РФ ГАЯО. Ф. 145. Оп. 1. Д. 5. Л. 25–26 а об.) Сопоставление этой записки с воспоминаниями епископа Иосифа позволяет заключить, что реальная жизнь внесла существенные коррективы в изначальную схему – отступления от проекта встречи имели место как в важных вопросах, так и во второстепенных деталях.

Внимания также заслуживают деловые письма, направленные в адрес ярославского архиепископа Тихона и викарного епископа Иосифа из вышестоящих учреждений и организаций, связанные с подготовкой монастыря к встрече государя и последствиями его пребывания в обители. К примеру, такие: «Отношение председателя комитета устройства празднования трехсотлетия царствования дома Романовых епископу Иосифу от 1 марта 1913 г. о выделении 3000 руб. на реставрацию древней стенописи монастырского собора» или «Отношение обер-прокурора Святейшего Синода архиепископу Тихону от 30 мая 1913 г. с изъявлением благодарности, выраженной императором Николем II в связи с посещением Спасо-Яковлевского монастыря» (РФ ГАЯО. Ф. 145. Оп. 2. Д. 5. Л. 17, 23).

Среди изобразительных источников, относящихся к данной теме, наиболее интересным является сохранившаяся в архиве Ростовского музея калька, снятая с карты города, на которой указан точный маршрут императорского проезда по городу. Он начинался от привокзальной площади и следовал по Благовещенской улице, далее

по бульвару, вдоль здания новой гимназии в центр города, через Емельяновский ряд и Соборную площадь к Святым воротам, ведущим к Успенскому собору и бывшему архиерейскому двору. Затем через Каменный мост по бульвару и Покровской улице, до ее пересечения с Рождественской, и по Малой Яковлевской улице к Спасо-Яковлевскому монастырю, а от него, по Московскому шоссе, к деревянной церкви Иоанна Богослова в селе Богослов. (План г. Ростова 1913 г. ГМЗРК. КП-38895. Ар-140). Данный маршрут был разработан и утвержден заранее, о чем, в частности, свидетельствует и вышеназванный план. Примечательно, что на нем особо отмечены все дома, стоявшие на пути следования государя, и выписаны имена их владельцев и жильцов.

В целом, и для города, и для монастыря день императорского посещения – 22 мая 1913 г., был долгожданным и значительным. К нему долго и тщательно готовились. О нем помнили, им гордились.

И.А. Вознесенская (Санкт-Петербург)

РУКОПИСИ БОГОСЛОВСКО-ПОЛЕМИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЙ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГРЕЧЕСКИХ ШКОЛ БРАТЬЕВ ЛИХУДОВ КОНЦА XVII – НАЧАЛА XVIII в.

В рамках деятельности греческих школ братьев Иоанникия и Софрония Лихудов конца XVII – начала XVIII в. осуществлялось изготовление списков не только учебных курсов, но и богословско-полемических сочинений как самих Лихудов, так и других авторов. Выявление и изучение списков этих трудов позволяет определить важные направления в развитии богословской мысли этого времени.

В конце XVII – начале XVIII в. существовала проблема славянского перевода книг Ветхого Завета. В условиях полемики между греческой и латинской партиями конца XVII в. представители разных направлений вели спор о преимуществах перевода с греческой «Септуагинты» или латинской «Вульгаты». Среди рукописей Софийского собрания РНБ находится список «Обличения на гадателей Библии 72 преводницами, составленное Лихудами, с приложением «наперед критического письма Юрьевского архимандрита Гавриила Домецкаго» (РНБ. ОР. Соф. 1203). М.Н. Сменцовский, изучавший это сочинение, считал что «Обличение» написано не Лихудами, а Евфимием Чудовским (Сменцовский М.Н.

Братья Лихуды. СПб., 1899. С. 334–337). Следует заметить, что тексты «Обличения» существуют на греческом языке. Например, в сборнике, принадлежавшем Евфимию, находится греческий текст, написанный почерком лихудовского круга, названный как «Показание яко святую Библию греческую седмидесятных преводников и самыя оныя святыя и богомудрыя преводники лживо гаждаше Иероним латинский учитель» (БАН. НИОР. 16.24.14. Л. 53–55 об.). Книга возникла как результат критики различных переводов.

В сентябре 1706 г. Лихуды закончили антипротестантское сочинение «Ответы и обличения на лютеров и кальвинов, порицающих уставы нашея православныя церкви». Это сочинение было написано на греческом языке (РГБ. НИОР. Ф. 173. Фунд. № 275), а затем переведено на славянский. Сохранилось несколько списков перевода, один из которых, из собрания Санкт-Петербургской духовной академии, неполный (РНБ. ОР. СПбДА. 85). На лл. 1–6 находится запись конца XVIII – начала XIX в.: «Сия книга Святотроецкаго Александроневскаго монастыря быблиотечная». Список выполнен несколькими писцами, на полях встречаются слова, написанные по-гречески почерком лихудовского круга. На л. 24 находится колофон: «В великом Новеграде, 1706 лета от девственнаго рождения, месяца септемвриа в 1 день» (Описание см.: Родосский А. Описание 432-х рукописей, принадлежащих С.-Петербургской духовной академии и составляющих ее первое по времени собрание. СПб., 1894. С. 114).

В Новгороде в 1708 г. Лихуды (вернее, Иоанникий, так как Софроний в это время жил уже в Москве) сочинили «Горжественное слово Софии». Полное название этого сочинения — «Горжественное слово в храмовый праздник Софии Премудрости Божией, сочиненное Лихудами в Новгороде в 1708 г.» Беловой список слова на славянском языке хранится в Российском Государственном историческом архиве (РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 3801). Текст этого сочинения по рукописи РГБ (НИОР. Собр. Румянцевского музея. № 244) опубликован М.Н. Сменцовским (Сменцовский М.Н. Братья Лихуды. Церковно-исторические материалы. СПб., 1899. С. 5–32).

В 1711 г. митрополит Иов от лица Новгородской школы предложил Стефану Яворскому и другим ученым Московской академии три вопроса: 1) если душа создается от Бога, то откуда в ней нечистота? 2) вода святого крещения освящает ли только тело или вместе и душу? 3) как объяснить слова Дионисия Ареопагита: кругловидно божественные умы... соединяются безначальным и

бесконечным осиянием бесконечного благого Бога. Ответы были написаны не только Стефаном Яворским, но и Софронием Лихудом. Трактат Софрония Лихуда на латинском языке (*Sophronii Lichudae Responsio*) хранится в РГИА (РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 2099). Почерк, которым написан этот список, принадлежит лихудовскому кругу.

Лихуды как дидакалы в своей деятельности придавали огромное значение переводам с греческого языка богословско-полемической литературы, к чему они также активно привлекали своих учеников. Известно, например, что перевод «Акоса» был осуществлен в 1687 г. первыми учениками Лихудов Федором Поликарповым, Николаем Семеновым, Алексеем Кирилловым и Федотом Аггеевым. Следует подчеркнуть, что ученики переводили не только сочинения своих учителей, но и других авторов, и, прежде всего, богословские труды. Ученики в своей работе опирались на предварительный перевод на новогреческий язык и объяснение текста своих учителей. В собрании Новгородской духовной семинарии находится рукопись, представляющая образец такого «двойного» перевода.

Рукопись представляет собой сборник «толкований» Иоанникия Лихуда (РНБ. ОР. НДС. 79). На л. 101 находится колофон: «1714 года свершился толкование сего слова от словеснейшаго учителя иеромонаха Иоанникия в великом Новеграде в доме архиепископском, мая месяца в 5 день». В составе сборника находятся переводы с древнегреческого на новогреческий язык и объяснения (толкования) различных богословских сочинений. На лл. 155–161 – «Слово Исократы к Димонику» на трех языках – древнегреческом, новогреческом и славянском. Почерки, которыми переписана рукопись, принадлежат ученикам Новгородской школы.

Одним из переводчиков школы Лихудов был их первый ученик Федор Герасимов Полетаев. Сегодня выявлено пять списков его переводов с греческого языка, осуществленных в Новгороде в течение 1710–1715 гг. (Вознесенская И.А. Переводы с греческого языка в России в начале XVIII в. // ТОДРЛ. Т. 59. СПб., 2008. С. 363–368). Другой представитель лихудовской школы перевода, Алексей Барсов, был учеником Софрония Лихуда с 1708 г. по 1720 г. и известен прежде всего как переводчик Аполлодоровой книги (Аполлодора грамматика Афинейского библиотека, или о богах. М., 1725). В 1717 г., еще обучаясь в школе, Алексей Барсов перевел с греческого языка «Литургию святого апостола Иакова» (РНБ. ОР.

СПбДА. II. 213), а в 1728 г. – богословско-полемическое сочинение «Щит православия» патриарха Досифея (РНБ. ОР. Q. I. 238).

Таким образом, сочинения Лихудов, а также других греческих авторов в переводе учеников, представляют собой единый комплекс, оформившийся в рамках деятельности греческих школ конца XVII – начала XVIII в. Следует отметить, что настоящие сочинения по своему содержанию охватывают различные стороны религиозной жизни общества. В ряде сочинений, особенно антикатолической и антипротестантской направленности, косвенно отразились проблемы, стоявшие перед русской церковью накануне Петровской реформы. Кроме того, участие учеников Лихудов в переводах с греческого языка богословско-полемической литературы показывает, что высшее образование начала XVIII в. традиционно не мыслилось в отрыве от богословия.

Ю.В. Волошин (Полтава, Украина)

**ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛОВОЗРАСТНОЙ
СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ Г. ПОЛТАВЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ
XVIII в. ПО МАТЕРИАЛАМ
ФИСКАЛЬНОГО И ЦЕРКОВНОГО УЧЕТА**

Один из наиболее масштабных фискальных документов по истории Гетьманщины (Малороссии) XVIII в. – Генеральная (Румянцевская перепись) 1765–1769 гг., появилась в результате усилий Екатерины II по модернизации государства на принципах эпохи Просвещения. Он содержит детальную информацию о городах, местечках, селах и хуторах, их населении с указанием возраста, пола, брачных связей, состояния здоровья и размеров выплачиваемых налогов.

Созданная в ходе переписи книга г. Полтавы хранится в Центральном государственном историческом архиве Украины в г. Киеве. Это довольно объемистый том, который состоит из 390 листов, формата in folio. Текст написан разными почерками, который указывает на участие в его создании нескольких человек, скорее всего, канцеляристов городского магистрата. Разборчивость почерка, незначительное число исправлений, помарок и маргинальных записей свидетельствуют о том, что это один из чистовых вариантов.

Собранная в книге информация имеет свои особенности, влияющие на возможности изучения половозрастной структуры. Во-первых, среди его «недостатков» – отсутствие информации о т.н. «новой шляхте» (казацкой старшине) и духовенстве. Во-вторых, отсутствует информация о грудных детях, которых, возможно, учитывая высокий уровень смертности в традиционном обществе, вообще не считали нужным учитывать. В-третьих, по моему мнению, существенным изъяном было неточное отображение возраста. Источник фиксирует большое число лиц, возраст которых заканчивался на «5» или на «0».

Главной причиной этого был присущий обществу того времени низкий уровень статистической культуры и осведомленности его членов о количестве прожитых лет. В связи с этим полтавчане указывали свой возраст приблизительно, заканчивая его по обыкновению цифрами 0 и 5. Согласно моим подсчетам, 72 % жителей города, в возрастной группе 25–60 лет, подобным способом декларируют свой возраст во время городской переписи.

Одним из наиболее употребляемых в исторической демографии методов, которые применяют для исследования интенсивности сосредоточения возраста на 0 и 5, есть вычисление индекса Уипла (Whipple index). Он равняется умноженному на 100 отношению суммы численности населения в годах, заканчивающихся на 0 и 5, начиная с 25 лет и заканчивая 60 годами, до одной пятой общей суммы численности населения возрастом 23–62 года. Этот индекс вычисляется по специальной формуле. Если подставить в нее данные Румянцевской описи, то он будет составлять 360. Полученный результат указывает на то, что качество данных, собранных переписчиками в ходе составления описи, «очень плохое». Отклонение от стандарта, согласно которому относительно точными считаются данные, если индекс составляет 105–110, довольно значительно.

Документами церковного учета, наиболее подходящими для изучения поставленного вопроса, являются исповедные росписи, которые фиксировали посещение прихожанами исповеди. Активное их внедрение началось с 1720-х гг. Со временем они приобрели унифицированную форму. До нашего времени частично сохранились только росписи церковей г. Полтавы за 1775 г. Они находятся в фонде Переяславско-Бориспольской епархии, Центрального государственного исторического архива Украины в г. Киеве. Росписи шести

городских приходов – Успенского, Николаевского, Воскресенского, Преображенского, Сретенского и Рождества Богородицы – находятся в начале довольно объемной (свыше 1200 листов) книги.

Некоторые начальные страницы книги частично (а иногда и полностью) разрушены. В результате, роспись Успенской церкви утрачена почти полностью, а Николаевской – частично. Хорошо сохранились лишь росписи четырех других приходов – Воскресенского, Преображенского, Сретенского и Церкви Рождества Богородицы.

По сравнению с Генеральной описью, исповедные росписи являются более репрезентативными. Прежде всего, потому, что они содержат данные обо всех прихожанах, независимо от их сословной принадлежности. Правда, в них так же отсутствует информация о грудных детях. Определенные предостережения можно высказать и относительно сведений о детях до 7 лет, которые не были обязаны являться к исповеди. Более полно представлены в росписях сведения о возрасте.

Если проверить точность его обозначения по индексу Уипла, то получаем цифру 141. Как видим, эти данные так же далеки от идеала но, по сравнению с Генеральной описью, все же более точны. Их классифицируют как «плохие». Таким образом, исповедные росписи с точки зрения демографической статистики, являются довольно малоинформативными источниками.

Достоверность данных исповедных росписей тоже в значительной мере зависела от усердия их создателей. Однако установление авторства довольно проблематично. С наибольшей долей достоверности можно утверждать только, что автором росписи церкви Рождества Богородицы был, очевидно, иерей Николай Любич.

Наиболее добросовестным священником в г. Полтаве, если судить по индексу Уипла, был о. Матвей Колосовский – настоятель прихода церкви Воскресения Христова. По крайней мере, индекс, посчитанный по собранным под его руководством данным, является наиболее близким к истине – 107, что считается относительно точным показателем.

Вместе с тем, несмотря на высказанные здесь предостережения, оба типа источников являются довольно репрезентативными. С некоторыми оговорками их можно использовать, не забывая при этом, что создавались они в т.н. «достатистический» период. Помещенные

в них данные частично взаимодополняют друг друга, что позволяет анализировать половозрастную структуру населения г. Полтавы во второй половине XVIII в.

Е.М. Гальченко (Киев, Украина)

ПЕРЕПЛЕТ УКРАИНСКОЙ РУКОПИСНОЙ КНИГИ: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

В Украине первые работы, посвященные изучению истории переплетов вообще и украинских в частности, относятся к началу XX в. У истоков этих исследований стояли известные отечественные историки и искусствоведы – К.В. Широцкий, В.Л. Модзалевский, Д.М. Щербаковский, П.П. Куренной.

К сожалению, в дальнейшем эти исследования были свернуты и возобновились только в последней четверти XX в. Изучение истории переплетного дела в Украине проводится в рамках комплексного исследования кириллических рукописных книг XIII–XVIII вв.

Сегодня можно с уверенностью говорить об определенных сдвигах в изучении истории украинского переплета. (Подробнее о современном состоянии изучения переплетов в Украине см.: Гальченко Е.М. Переплет украинских рукописных и первопечатных книг: современное состояние изучения и дальнейшие перспективы // Библиотеки академий наук: проблемы функционирования, тенденции развития: Научно-практический и теоретический сб. Киев, 2007. Вып. 5. С. 81–105). Уже на начальном этапе исследований был очерчен круг вопросов методического и терминологического характера, которые нуждаются во всестороннем исследовании в процессе изучения переплетов кириллических рукописных книг. Основными направлениями исследований стали: выявление всех первоначальных и оригинальных переплетов на рукописных книгах, их детальное описание, выявление конструктивных особенностей техники изготовления и отделки переплетов, определение их региональной принадлежности и выявление отличий в переплетах, созданных в Украине, России и Беларуси. Результаты этих исследований были обобщены в монографии Е.М. Гальченко «Оправа східнослов'янських рукописних книг та стародруків в Україні: історія, структура, опис» (Київ, 2005). Автор не ставил перед собой задачу охватить весь комплекс вопросов, возникающих

при изучении переплетов, созданных до эпохи машинного производства. Основное внимание уделялось наименее изученной области, а именно технике изготовления переплета и терминологии, используемой для ее описания. Поэтому многие вопросы остались за пределами монографии. В частности, автор только вскользь касается вопроса отделки и оформления переплетов.

Именно вопросы художественной отделки и оформления кожаных переплетов тиснением (разные виды тиснения были наиболее употребляемым способом отделки кожаных переплетов) стали очень актуальными в исследованиях последнего времени. Оказалось, что для истории украинских переплетов XVI–XVIII вв. немаловажное значение имеет не только изучение конструктивных особенностей техники изготовления, но и искусствоведческое изучение художественного украшения переплета. Исследование планировки тиснения на переплетах, композиции и рисунков на элементах тиснения, их изменение с течением времени и связь с западноевропейскими стилями оформления переплетов, наличие и особенности местных школ – вот вопросы, которые стали приоритетными на современном этапе исследований.

Основным критерием в определении региональной и национальной принадлежности украинских, российских и белорусских переплетов, начиная с середины XVI в., становятся не технико-конструктивные особенности книжного переплета, а изменения и различия в характере его отделки и иконография сюжетных срединников, которые начинают играть центральное место в декорировании и оформлении переплетов рукописных книг. Все очевиднее становится необходимость классификации и иконографического изучения сюжетов, встречающихся на украинских тисненых переплетах XVI–XVIII вв. Первенство в разработке этого направления в изучении украинских тисненых переплетов XVII–XVIII вв. принадлежит российской исследовательнице А.А. Гусевой. Плодотворно в этом направлении работают и украинские исследователи С.В. Зинченко, Е.М. Гальченко, Г.М. Юхимец.

Значительную помощь в изучении отделки переплетов могут предоставить исследователям современные компьютерные технологии, позволяющие оперировать значительными массивами данных. Работа в этом направлении начата в 2006 г. в Институте рукописей Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского в рамках программы «Рукописные памятники Украины: созда-

ние информационных ресурсов рукописного наследия XI–XVII вв.». На основе системы автоматизации библиотек «IRBIS–64» была создана база данных кириллических рукописных книг XIII–XVI вв., хранящихся в фондах Института рукописей. Одно из полей данной базы содержит краткое описание переплетов. В ходе работы по созданию базы стало очевидным, что за ее пределами оказался огромный массив информации, который давал всестороннее представление о конструкции, технике изготовления и художественной отделке старых переплетов и который чаще всего оказывается недоступным для большинства исследователей. Было принято решение начать работы по созданию отдельной специальной базы данных украшений кожаных переплетов рукописных книг XIV–XVIII вв. Ее основу составят альбомы протирок тиснений, которые собирались сотрудниками Института на протяжении последних двадцати лет.

Уже начаты работы по обработке основных полей базы данных. В основу рабочего листа будущей базы положена анкета регистрации и описания элементов тиснений, ранее разработанная для заполнения альбомов протирок. Информация в базе будет систематизироваться по видам инструментов, используемых при украшении переплетов, по сюжетам и схемам расположений тиснения на крышках. В процессе заполнения базы будет уточняться структура обязательных и дополнительных полей. Предполагается, что в дальнейшем база данных позволит не только оперативно описывать характер расположения украшений на переплете, но и даст возможность составить более точную картину относительно регионального распространения тех или иных видов украшений, а в дальнейшем – даже определять принадлежность отдельных переплетов к конкретным мастерским.

А.А. Гуптус (Москва)

«Ильдятино селище»: КОММЕНТАРИЙ К НОВГОРОДСКОЙ БЕРЕСТЯНОЙ ГРАМОТЕ № 71

Берестяная грамота № 71, найденная в 1952 г. в культурных напластованиях XIII в. усадьбы Б Неревского раскопа, была охарактеризована в издании как небольшой отрывок и опубликована без разделения на слова: **ильдaтинь|селищтьр|пила**. В первой строке

А.В. Арциховский прочел *иль дати*, во второй – слово *селище*, третью оставил без комментария (Арциховский А.В. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1952 г. М., 1954. С. 73–74). С тех пор документ внимания к себе не привлекал.

При изучении новой цифровой фотографии и дополнительном обследовании оригинала грамоты обнаружилось, что в действительности она представляет собой не фрагмент, а полностью сохранившийся документ с одинаковым образом обтрепанными краями. При таком взгляде на грамоту *тьр* в конце первой и *пила* в начале третьей строки смыкаются, образуя хорошо засвидетельствованное имя *Терпила*. В первой же строке (последняя буква которой не *ь*, а *ѣ*) прочитывается прилагательное *Ильдатинъ*. В целом текст приобретает вид: *Ильдатинъ селищъ, Търпила* (со снятием эффектов бытовой орфографии: *Ильдатин<о> селищ<е>, Т<е>рпила*).

Новое прочтение грамоты делает особенно актуальной параллель, приведенную А.В. Арциховским к слову *селище* из новгородских писцовых книг, где эта лексема представлена сотнями употреблений: «Да в Ретени ж Онтоновское селище, а косит на нем сено Егорьевской поп». По существу, грамота № 71 представляет собой запись того же типа, указывая название пункта и имя того, кто в нем в настоящее время проживает или хозяйствует. Фрагментом такой же памятной записи может быть и грамота № 72, найденная в том же слое на участке мостовой Великой улицы, примыкающем к усадьбе Б (... *Иванко, сыно Дъмеялко*).

Селище, на котором грамота № 71 помещает Терпилу, некогда принадлежало человеку по имени *Ильдата*. Это имя, хотя и фиксируется впервые, не уникально в новгородской письменности. С ним нельзя не соотнести отчества двух братьев, названных Новгородской первой летописью среди убитых в Раковорской битве 18 февраля 1268 г.: «И ту створися зло велико: убиша посадника Михаила, и Твердислава Чермного, Никифора Радятинича, Твердислава Моисиевича, Михаила Кривцевича, Ивача, **Бориса Илдятинича, брата его Лазоря**, Ратшю, Василя Воиборзовича, Осипа, Жирослава Дорогомиловича, Поромана Подвоиского, Полюда, и много добрых боярь, а иныхъ черныхъ людии бещисла» (НПЛ. С. 86). Имя отца Бориса и Лазоря – *Илдята* – отличает от *Ильдата* грамоты № 71 лишь мягкость согласного (которая во втором случае могла быть просто не обозначена), что, конечно, не составляет препятствия для

отождествления имен. Но не только имен. Уточненная стратиграфическая дата грамоты № 71 – середина-третья четверть XIII в. – идеально согласуется с летописным упоминанием, позволяя уверенно считать Ильдату/Ильдату берестяной грамоты отцом убитых под Раковором Бориса и Лазоря.

Имя *Ильдята* – очевидно, неславянское (интерпретация его как варианта имени *Ильята* (Baecklund A. Could Old Russian feminine names end in *-yata*? // Slavonic and East European Journal. Vol. 35. 1956. P. 257) фонетически неприемлема). Его можно было бы связать со скандинавским корнем *hild-*, однако последний участвует в образовании исключительно женских имен. На этом фоне наиболее вероятной представляется трактовка данного антропонима как славянизированной уменьшительной формы имени *Ильдар*, распространенного у ряда тюркских народов.

Тюркское происхождение Ильдаты не следует связывать с татарским завоеванием: факт гибели Бориса и Лазоря Ильдятиницей в 1268 г. позволяет предполагать появление в Новгороде его самого еще в домонгольский период. В новгородском обществе второй половины XII – первой трети XIII вв. Ильдята оказывается далеко не изолированной фигурой, пополняя ряд персонажей, наметившийся благодаря нескольким находкам последнего времени. Такими же, как Ильдята, этническими тюрками, были, по всей вероятности: Кыяс – один из адресатов берестяной грамоты № 1000 (сер. XII в.) (Зализняк А.А., Торопова Е.В., Янин В.Л. Берестяные грамоты из раскопок 2010 г. в Новгороде и Старой Руссе // Вопросы языкознания. 2010. № 4. С. 14–15), Сандус – автор надписи в Мартирьевской паперти Софийского собора, Гюлопа и его сын Гюлопинич, упоминаемые в берестяных грамотах № 729 (2-й пол. XII в.) и № 926 (1-й пол. XIII в.) (о тюркской этимологии имени см.: Гиппиус А.А., Михеев С.М. Заметки о надписях-граффити Новгородского Софийского собора. Ч. 3 // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2011. № 2 (44). С. 44–46). Последняя пара составляет наиболее близкую параллель Ильдате и Ильдятиничам, демонстрируя процесс вхождения в новгородскую элиту выходца из тюркского кочевого мира.

Люди, подобные Ильдате и Гюлопе, могли попадать в Новгород разными путями, но в первую очередь – в окружении князей, приходивших из южной Руси. В связи с этим особенно примечателен факт наличия у Ильдаты собственного села. Как известно,

запрет на «держание» князем и его людьми сел в Новгородской земле неизменно присутствует в формуляре договоров Новгорода с князьями. С другой стороны, как видно из тех же договоров, княжеские бояре все же могли, в обход этого запрета, обзаводиться в Новгороде собственными селами, рискуя, впрочем, лишиться их с изменениями политической конъюнктуры. В случае с «Ильдятинным селищем» тюркский этнический элемент выступает как своего рода «меченый атом», проявляющий факт принадлежности села лицу из княжеского окружения.

Г.В. Глазырина (Москва)

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ «САГИ ОБ ЭЙРЕКЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКЕ» (СВИДЕТЕЛЬСТВА РАЗНОЧТЕНИЙ К РУКОПИСЯМ)

Исландская «Сага об Эйреке Путешественнике» (ок. 1300 г.) дошла в более чем пятидесяти списках (пять рукописей – средневековые). Разночтения в них подробно описаны Х. Йенсен в предисловии к осуществленному ею критическому изданию текста (*Eiríks saga víðförla* / H. Jensen. København, 1983 [Далее – Esv]. S. СХІІІ–СХХХІІІ): это орфографические и палеографические варианты, а также лексико-синонимические замены. Несмотря на индивидуальные особенности каждой рукописи, западные исследователи говорят о едином тексте «Саги об Эйреке Путешественнике» и выделяют три основных варианта текста саги, которые обозначаются латинскими литерами А, В и С, и четвертый компилятивный – D, возникший довольно поздно и имеющий сходство с текстами А и С. Все варианты текста восходят к одному несохранившемуся оригиналу, лучше всего представленному в рукописях группы С (Jensen H. *Eiríks saga víðförla* // *Medieval Scandinavia. An Encyclopedia* / Ph. Pulsiano. N.Y.; L., 1993. P. 161).

Смысловые различия, обнаруживающиеся в различных группах рукописей «Саги об Эйреке», исследовала Э. Клейване (Kleivane E. *When small words make a big difference. On adaptation and transmission of texts in Late Medieval manuscripts* // *á austrvega. Saga and East Scandinavia. Preprint papers of The 14th International Saga Conference* / A. Ney, H. Williams, F.Ch. Ljungqvist. Gävle, 2009. Vol. 1. P. 513–520). Сравнивая по разным рукописям соответствующие фрагменты текста, Клейване отмечает наличие или отсутствие в них

дополнительных служебных слов, которые в исландском языке могут менять причинно-следственные связи между частями сложного предложения и влиять на смысл фразы; предпочтение писцом определенных лексических единиц, которые в ряду других синонимов обладают конкретным, индивидуальным смыслом; включение одними писцами формул-референций, указывающих на устное происхождение информации, и отсутствие таких ссылок у других писцов; замены временных форм, например, введение разных форм прошедшего времени (плюсквамперфект вместо перфекта), что может существенно влиять на смысл сказанного, и т. д. Примеры, проанализированные Клейване, позволили ей четко структурировать отмеченные ею разночтения в «Саге об Эйреке Путешественнике» и выявить их функциональную нагрузку: они привносятся писцами из эстетических соображений; для того, чтобы точнее высказать точку зрения; чтобы приспособиться к новым контекстам и употреблением; наконец, в случае неясности или повреждения копируемого текста – для его прояснения (Ibid. P. 515–519). Результаты проведенного Э. Клейване исследования способствуют лучшему пониманию методов работы средневековых писцов и возможностей их влияния на восприятие текста аудиторией. Заметим, однако, что сопоставление рукописных вариантов саги может также немало способствовать ее источниковедческому анализу и реконструкции истории создания текста.

Круг источников «Саги об Эйреке Путешественнике» хорошо изучен. По общему мнению исследователей, сага построена на основе компиляции целого ряда континентальных источников – церковно-дидактических и ученых сочинений, а также средневековых видений. Однако в контексте устойчивой для этих памятников фактографии и терминологии при изучении рукописей В и С обнаруживаются три случая использования топонимии, связанной со специфическим восприятием и уникальным членением скандинавами Восточной Европы – упоминаются *Austrvegr* «Восточный путь» и *Austrlönd* «Восточные земли», а также *Garðaríki* «Древняя Русь»: 1) в описании пути из Дании в Миклагард (Константинополь) через Гардарики (Esv. S. 8); 2) в описании пути из Константинополя на восток (= в Индию и далее в Рай), отрезок которого Эйрек проделал на корабле с «незнакомыми людьми с Восточного Пути» («med okunnum austurvegs monnum» – Esv. S. 54–55); 3) в эпизоде, где дается обзор путешествия, совершенного

Эйреком, и проводится отождествление (части?) территории, пройденной им от Норвегии (через Данию, Гардарики, Константинополь, Сирию, Индию) до Рая, с «Восточными землями» (Esv. S. 100–101). Эта информация полностью отсутствует в рукописи А. Наличие точечных вкраплений сугубо древнескандинавской топонимии в тексте, который по своим источникам и содержанию отличается от традиционных исландских саг, требует своего объяснения.

Обратим внимание на распределение восточноевропейских топонимов в основной части «Саги об Эйреке Путешественнике», где рассказывается о путешествии норманнов (норвежцев и датчан) в поисках рая. Топонимы встречаются в эпизодах, которые маркируют все стадии путешествия: начало пути по Восточной Европе (Гардарики) – дальнейшее путешествие (вместе с людьми с Восточного пути) – конец пути (обозначение территории, по которой проходило путешествие, при помощи топонима «Восточные земли»). Подобное «единство места» едва ли может быть случайным и должно указывать на то, что в этой части сага основана на неизвестном нам рассказе (устном или письменном) о путешествии норманнов по Восточной Европе, которое принадлежало западно-скандинавской литературной традиции. Оно послужило, вероятно, только канвой, на которую средневековый автор нанизывал легко узнаваемые фрагменты средневековых сочинений («Элусидария» Гонория Августодунского, «Этимологий» Исидора Севильского и др.), подбирая их в соответствии с поставленной перед собой задачей: отразить в саге элементарные представления о рае, необходимые каждому христианину, и сделать это в доступной и занимательной форме.

Автор саги соединил традиционные знания и топонимию, хорошо представленные в древнеисландской письменности и отражающие ментальную карту скандинавов, сложившуюся еще в эпоху викингов, с христианскими представлениями о населенной людьми ойкумене и потустороннем мире. Тот факт, что упоминания о Восточной Европе, принадлежащие к собственно скандинавской традиции, отсутствуют в более позднем тексте, представленном рукописью А, может свидетельствовать о целенаправленной переработке произведения в попытке избежать конфликта двух различных систем восприятия географического пространства.

Л.А. Гнатенко (Киев, Украина)

**ГРАФИКО-ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
КИРИЛЛИЧЕСКИХ РУКОПИСНЫХ КНИГ В
ИНСТИТУТЕ РУКОПИСИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ
УКРАИНЫ ИМ. В.И. ВЕРНАДСКОГО: МЕТОДИКА И ПРАКТИКА
ОПИСАНИЯ ИСТОЧНИКОВ XII – XVII вв.**

В Институте рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского (далее – ИР НБУВ) проводятся значительные кодикологические исследования, предполагающие включение графико-орфографического анализа в археографическое и кодикологическое описание письменных источников XII–XVII вв. Непосредственно это касается атрибуции рукописной книги, установления времени ее написания и происхождения. Учитываются особенности хронологических периодов. Поскольку большинство манускриптов XII–XIV вв. написано на пергамене, преимущественно без выходных кодикологических данных (записей писца, заказчика, вкладных и т.п.), это вызывает определенные трудности при датировании письменных памятников. Сочетание же кодиколого-палеографических и графико-орфографических методик дает возможность установить время написания древних пергаменных манускриптов не только в пределах широкого датирования, но и в узких хронологических рамках. Графико-орфографические исследования способствуют и более точному датированию рукописей XII–XIV вв., написанных на бумаге (принимая за основу водяные знаки). С использованием этих методов связано и установление происхождения и языковой локализации кодексов.

Правописание рукописных кодексов рассматривается в историческом и кодикологическом аспектах, осуществляется их датирование по графико-орфографическим особенностям письма, анализируются их изменения в разные хронологические периоды, рассматривается историческое изменение узуса (нормы правописания, когда правило, закрепленное писцовой практикой, употребляется последовательнее, чем не закрепленное). Учитывается и то, что использование узусных орфограмм во многом зависит от «норм» книжного центра (скриптория) и личных предпочтений писца. Определяются основные орфограммы, общие и индивидуальные,

характерные для восточнославянской (русской, украинской, белорусской) и южнославянской (болгарской, македонской, сербской) письменности.

Изучение и описание древних кириллических манускриптов киевских коллекций и сборников, которые сейчас хранятся в ИР НБУВ, началось еще с конца XIX в. (Г. Крыжановский, П. Владимир, Н. Петров, А. Лебедев и др.), однако до сих пор не проведены их комплексные графико-орфографические исследования. В середине XX в. решением этих задач при исследовании древних манускриптов для каталога XI–XIV вв. занимался Н. Геппенер, которым в коротких комментариях были описаны некоторые графико-орфографические особенности манускриптов (Слов'янські рукописи XI–XIV ст. у фондах відділу рукописів Центральної наукової бібліотеки Академії наук Української РСР (Огляд, опис, публікації) / Склад М.В. Геппенер за участю М.П. Візира та Й.В. Шубинського. Київ, 1969. 152 с., 22 табл.). И только начиная с 90-х гг. XX в. это направление исследования получило в ИР НБУВ системное развитие. Изучаются графико-орфографические восточнославянские и южнославянские системы. Основой начатых исследований стала кандидатская диссертационная работа Л.А. Гнатенко (Староукраїнський правопис останньої чверті XIV – першої чверті XVII ст. у зв'язку з проблемою другого південнослов'янського графіко-орфографічного впливу (Букви на позначення голосних звуків): Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Київ, 1997). Автором осуществляются дальнейшие исследования графико-орфографических особенностей украинской письменности (Гнатенко Л.А. Середньо-болгарські орфограми як засіб ідентифікації часу написання староукраїнських конфесійних пам'яток // Наукові праці Національної бібліотеки України ім. В.І. Вернадського. Київ, 2000. Вип. 3. С. 266–277; Она же. Правопис приголосних та буквених знаків у староукраїнських конфесійних писемних пам'ятках (у зв'язку з другим південнослов'янським графіко-орфографічним впливом) // Рукописна та книжкова спадщина України. Київ, 2000. Вип. 6. С. 11–21 и др.), ряд работ посвящен изучению отдельных украинских рукописных кодексов (Гнатенко Л.А. Украинское Лаврское Евангелие апракос XIV века (палеографическое и графико-орфографическое исследование) // *Palaeoslavica*. 2006. № 14. S. 41–76; Она же. Письмо Пересопницького Євангелія та графіко-орфографічні особливості пам'ятки // Пересопницьке Євангеліє 1556–1561.

Дослідження. Транслітерованій текст. Словопоказчик / Видання підготувала І.П. Чепіга за участю Л.А. Гнатенко. Вступне слово О.С. Онищенко. Київ, 2001. С. 55–73; Она же. Графіко-орфографічна система «Четї Мінеї 1489 року» // Українська мова. Київ, 2010. № 2. С. 81–103).

Разработанная графико-орфографическая методика, выделение основных графем были использованы при составлении каталога рукописных книг XIV в., которые хранятся в ИР НБУВ, также было проведено исследование графико-орфографических систем восточнославянских и южнославянских кодексов, установлены критерии идентификации кодексов по основным орфограммам (Гнатенко Л.А. Кодиколого-орфографічне дослідження кириличної рукописної книги XIV ст. з фондів Інституту рукопису НБУВ // Слов'янська кирилична рукописна книга XIV ст. з фондів Інституту рукопису Національної бібліотеки України ім. В.І. Вернадського: Каталог. Кодиколого-орфографічне дослідження. Палеографічний альбом. Київ, 2007. С. 23–81).

Методы графико-орфографического анализа были апробированы и использовались при составлении каталогов XV в. и XVI в. (Київ, 2003; Київ, 2010). Они также применяются и при составлении новых описаний рукописных книг XI–XVII вв.

Д.Е. Гневашев (Вологда)

ПОДЛОЖНЫЙ АКТ ВОЛОГОДСКОГО УДЕЛЬНОГО КНЯЗЯ АНДРЕЯ МЕНЬШОГО ИЗ АРХИВА КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ

Речь в данном сообщении пойдет о давно известном акте – жалованной тарханной и несудимой грамоте кн. Андрея Меньшого иг. Кириллова монастыря Игнатию на два двора в Вологде от 19 декабря 1471 г. Грамота опубликована И.А. Голубцовым в 1958 г. по списку XVII в., хранящемуся в ГИМ (Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. (далее – АСЭИ). М., 1958. Т. II. № 200). Публикатор не отметил никаких особенностей источника, позволяющих усомниться в его подлинности. Видимо, поэтому акт принимается до сих пор в литературе как подлинный. Однако анализ акта – и взятого в отдельности, и в сопоставлении с другими текстами – вынуждает признать его подложность.

Суть пожалования, зафиксированного в разбираемом документе, состоит в следующем: вологодский князь, ссылаясь на жалованные грамоты своих родителей, освободил два двора Кириллова монастыря от суда княжеских наместников (за исключением дел об убийстве) и взимания ряда налогов и пошлин. Объект пожалования специфичен и поэтому настораживает: с одной стороны, князь подтверждает иммунитетные привилегии монастырю на уже наличествующий у него вологодский двор («в городе, в кремле»), с другой, распространяет эти же освобождения на двор, который монахи только еще собирались купить. Покупка монастырем еще при Василии II первого (городского) двора подробно изучена М.С. Черкасовой (Вологодское подворье Кирилло-Белозерского монастыря в XV – начале XVIII века // Вестник церковной истории. 2006. № 1. С. 7–9). Для доказательства подлинности акта более важны обстоятельства приобретения второго (посадского) двора.

Подложность акта можно выводить из ряда обстоятельств, прямых и косвенных. Во-первых, акт известен в единственном позднем списке. Последующие подтверждения на имя других правителей в нем отсутствуют. Особо подчеркнем, что этот, казалось бы, важный документ (поскольку, как увидим далее, он сохранял свое иммунитетное значение еще и в XVII в.) должен был попасть в копиянные книги монастыря (известные сборники из ОР РНБ). В них он отсутствует. Впрочем, следует отметить, что копиянные книги не содержат и два других акта Андрея Меньшого на монастырский двор в городе, сохранившиеся в подлинниках (АСЭИ. Т. II. № 180, 195).

Во-вторых, отсутствуют ссылки на этот акт в описях 1591 г. и 1601 г. монастырской крепостной казны, опубликованных А.В. Маштафаровым, З.В. Дмитриевой и М.Н. Шаромазовым.

В-третьих, о подложности акта говорит упоминание *вислой* печати, его заверяющей. Из всего корпуса актов, некогда выпущенных удельнокняжеской канцелярией, к настоящему времени известны тексты только 24 документов. Сохранившиеся акты дошли до нас как в подлинниках (13 полных текстов, а также два отрывка и один включенный акт), так и в списках XVI – XVIII вв. (8 актов). О наличии у актов Андрея Меньшого печати и способе ее крепления мы знаем в 19 случаях. В 18 случаях акт был заверен прикладной печатью и только в одном, сейчас разбираемом, – вислой. Наблюдения над делопроизводственными обычаями оформления

документов второй половины XV в. говорят о том, что прерогатива использования вислой печати оставалась за великими князьями, но никак не за удельными.

В-четвертых, весьма странной выглядит выдача князем двух актов с временным разрывом в две недели: 6 декабря 1471 г. Кириллов монастырь получает жалованную грамоту на уже имевшийся двор в городе, а 19 декабря – на этот же двор и на другой, который еще предстоит купить.

Наконец, большие сомнения в подлинности акта возникают при анализе самого текста. Укажем лишь на самые яркие текстуальные несоответствия. Так, вызывает недоумение оборот, где князь директивно приказывает монахам приобрести двор («Велел есми им купити собе двор на Вологде черной тяглою, где буде им пригоже на посаде...»). Помимо приказного тона грамоты, вместо привычного в таких случаях пожалования («Пожаловал есми» / «Освободил есми»), усугубляет недоверие к тексту и излишняя детализация параметров объекта будущей (!) сделки: двор должен быть непременно «черный», «тяглый», располагаться «на посаде» и прийти в монастырь исключительно путем покупки, а, скажем, не по обмену или вкладу. В данном контексте неуместным послаблением выглядит оборот «где буде им пригоже».

Разбираемая клаузула документа становится прозрачной, если мы сопоставим его с другими источниками. Как уже отмечено, следов акта во внутримонастырских учетных документах XVI – XVII вв. не обнаруживается. Однако грамота неожиданно «всплывает» в 1627/28 г., когда она была предъявлена вологодским писцам кн. И.А. Мещерскому и подьячему Ф. Стогову, описавшим вологодские дворы Кириллова монастыря в рамках валового письма Вологды и уезда. Сомнений в том, что это тот самый документ, не возникает, поскольку писцы скрупулезно внесли в свои книги его дату (6980 [1471] г.), тип («жалованная»), имя выдавшего князя (Андрей Васильевич) и характерный оборот акта («Велено Кирилова монастыря... на Вологде на посаде [двор – Д.Г.] обелити, где они ни купят на черном месте, где им пригоже»). Грамота была предъявлена на двор, стоявший на правом берегу р. Вологды вниз от устья р. Золотухи (территория Нижнего посада). Вместе с жалованной 1471 г. монахи положили перед писцами купчую 1586 г. на этот двор. Опираясь на купчую, писцы отметили в писцовой книге, что этот двор «преж того был вологжаны посадцких людей Дружинки

Володимерова и Петрушки Григорьева». М.С. Черкасова обоснованно видит в лице последних известных опричных дьяков, а не вологодских посадских (Черкасова М.С. Указ. соч. С. 12–14, 28). Таким образом, если считать изучаемый документ подлинным (а таковым его, несомненно, признали писцы), следует заключить, что «веление» князя Андрея Меньшого монастырь выполнил в полном объеме требований, что и зафиксировала писцовая книга: а) двор был куплен, б) куплен у «тяглецов», в) располагался на посаде. Однако это «веление» Андрея Меньшого было исполнено лишь через 115 лет, что, впрочем, не смутило писцов.

В копийных книгах сохранился текст купчей 1586 г. и, что важно, синхронная купчей «память» старца Пахомия, представлявшего в сделке Кириллов монастырь. В купчей объектом сделки был не один (как явствует из писцовой книги), а два двора, при этом не указывается, что дворы ранее принадлежали посадским людям. В ней бывшие владельцы Д. Володимеров и П. Григорьев названы без определения их статуса. Примечательно, что в монастырской описи приобретенные дворы названы «опальными», что проливает свет на судьбу этих видных деятелей опричнины (Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 г. СПб., 1998. С. 211). В «памяти» же старец Пахомий указывает точное расположение приобретенных дворов. Они стояли отнюдь не на посаде (где их локализует писцовая книга), а внутри вологодской крепости (один двор «в городе у Покровских ворот подле стену», другой рядом с церковью Вознесения).

Объяснить столь серьезные разногласия разновременных источников можно лишь признанием разбираемого акта подложным. Как представляется, акт был сфальсифицирован до 1627/28 г., видимо, незадолго до проведения описания Вологды в 1627/28 г. Помимо фальсификации документа в действиях монахов мы обнаруживаем и подлог – фальшивая грамота 1471 г. и подлинная купчая 1586 г. были предъявлены комиссии писцов на иной объект недвижимости, нежели тот, который фигурировал в купчей. Мотивом фальсификации выступило желание монастыря «обелить» значительную территорию (50 x 25 сажень) на посаде, используемую под соляные склады. Активную эксплуатацию монастырем этой удобной в торговых целях местности Вологды мы видим впоследствии на протяжении многих десятилетий.

А.А. Голубинский (Москва)

**ВОЗМОЖНОСТИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ НЕДОСТАЮЩЕЙ
ИНФОРМАЦИИ В ПОДПИСЯХ ПОЛЕВЫХ ЗАПИСОК
ГЕНЕРАЛЬНОГО МЕЖЕВАНИЯ**

Изучение массового источника, подчиненного строгому шаблону, особенно интересно в отношении той его части, которая часто подвергалась наименьшему воздействию формализующего влияния создателей – это подписи. Спектр проблем, изучаемых с помощью подписей, достаточно разнообразен. Это вопросы грамотности населения; вопросы антропоники; функции священно- и церковнослужителей как грамотных посредников между крестьянством и властью; вопросы, связанные с определением аутентичности документов через сравнение подписавших с данными Ревизий по приведенным населенным пунктам (Соболевский А.И. Образованность Московской Руси XV – XVII вв. Изд. 2-е. СПб., 1894; Мордовина С.П. К истории утвержденной грамоты 1598 г. // Археологический ежегодник. 1968. М., 1970; Голубинский А.А. Грамотность крестьянства Европейской России по материалам полевых записок Генерального межевания. Дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. М., 2011; работы Л.В. Упенского и др.).

В данной работе хотелось бы осветить проблемы, появившиеся в ходе изучения подписей в полевых записках Генерального межевания (всего использовано более 4,5 тыс. подписей), сохранившихся в Межевом архиве РГАДА. Этот источник создавался в ходе землемерных работ и представлял собой описание межи для более чем 150 тыс. земельных участков, покрывавших большую часть территории России.

Формуляр подписи в полевой записке – *subscriptio* (Каштанов С.М. Русская дипломатика. М., 1988 и др.), как правило, состоял из нескольких частей, или смысловых единиц:

- 1) указание типа документа;
- 2) место жительства человека;
- 3) служебные отметки об особенностях функций человека при межевании (выдана ли поверенному владельцем участка доверенность; роль человека при межевании (поверенный/понятой));
- 4) социальное положение;
- 5) имя;

б) служебные отметки об особенностях подписи или ее отсутствии, например, по неграмотности или из-за упрямства;

7) отметка о рукоприкладстве.

Например: «К сему спорному отводу и обыску села Чеботова с[вя]щенник Феодор Кирилов вместо поверенных селца Лагазина крестьян Никиты Иванова, Михаила Памфилова, Герасима Елфимова, Елфтифиева Агеева, Арефы Филиппова и за нижеписанных крестьян по их прошению руку приложил» (РГАДА. Ф. 1337. Оп. 1. Ед. хр. 5548. Л. 10 об.).

Из-за малого распространения грамотности в крестьянской среде значительная часть лиц, принимавших участие в межевании, не могла поставить подпись самостоятельно. Поэтому, как это видно и на приведенном выше примере, рукоприкладство совершалось с помощью присутствовавших при межевании людей, имевших навыки чтения и письма. Для рассмотренных в работе 4 уездов Нечерноземного центра: Балахнинского, Кинешемского, Кашинского и Дорогобужского количество подписавших самостоятельно (включая участвовавших в межевании священнослужителей, землевладельцев и т.д.), в среднем не превышало 1/3 от общего числа.

Значительное количество информации подвергалось сокращению из-за небрежности самих подписавших, канцелярских служителей и землемеров, что делало подписи намного менее информативными. Таким образом, масса информации, которая первоначально должна была быть заложена в подписях (См. межевое законодательство, в частности: № 12570 «Инструкция землемерам к генеральному всей Империи размежеванию». 13 февраля 1766 г. // ПСЗ. Собр. 1. Т. XVII. С. 560–580), отсутствовала. Первой исчезала информация о причине невозможности рукоприкладства (по четырем уездам в среднем 90 %), затем опускалось упоминание места жительства (в среднем 25 %), вслед за этим самоидентификация (около 20 %) и принадлежность (по разным уездам от 20 до 65 %). При этом, естественно, части подписи «Фамилия» и «Имя» не сокращались (такие случаи очень редки и относятся к категории описок). Очевидный путь для восстановления информации – поиск полевых записок, где сохранились сокращенные части подписей по тому или иному человеку. Но это решение не всегда эффективно, так как оставались лакуны даже при валовом рассмотрении полевых записок (что было проведено по Балахнинскому уезду), а также из-за проблем, связанных с антропонимикой.

Пути восполнения пропущенных данных могут быть следующими:

1. При восполнении причины неподписания обращалось внимание на то, каков процент грамотных и неграмотных в случаях, когда неграмотность была указана как причина невозможности поставить подпись. Затем этот процент был сравнен с общим процентом людей, не поставивших самостоятельно свою подпись. Эти процентные соотношения практически совпадают, поэтому именно неграмотность была причиной привлечения чужих услуг для фиксирования своего присутствия на меже.

2. Восстановление данных о месте жительства и о принадлежности человека (в том случае, если он был крестьянином) проводилось на базе сопоставления материалов Экономических примечаний Генерального межевания, в которых сохранилась информация обо всех земельных владениях и их владельцах. Подставляя найденные в примечаниях данные необходимо с большой осторожностью, привлекая при этом картографические материалы, так как совпадения имен и фамилий людей могут привести к ошибочным результатам. Учитывались также характеристики определенных групп населения, участвовавших в межевании – поверенных и понятых. Поверенные – люди, приближенные к помещику, – скорее всего, жили в межуемом населенном пункте, тогда как понятые выбирались из соседних сел и деревень. Если указано место жительства одного из понятых, на помощь приходили материалы ревизий.

3. Восполнение данных о самоидентификации (крестьянин, земской, священнослужитель) в случае с понятыми не вызывало трудностей, так как в своем значительном большинстве они были крестьянами. Заполнение отсутствующих данных для поверенных было невозможно, так как их социальное положение варьировалось, поиск информации о них проводился в делопроизводствах по смежным населенным пунктам.

Таким образом, комплекс полевых записок обладает внутренним потенциалом для восстановления отсутствующей информации подписей, а в сопоставлении со статистическими материалами Генерального межевания (Экономическими примечаниями) и фискальными документами (материалы ревизий), позволяет выяснить пропущенные данные, чрезвычайно важные для

демографических исследований и изучения социокультурного облика России XVIII в.

А.А. Горский (Москва)

О СПИСКАХ ЯРЛЫКА АХМАТА ИВАНУ III

Так называемый «ярлык» ордынского хана Ахмата – его послание великому князю московскому Ивану III с угрозами и требованием выплаты дани – долгое время был известен в одном списке второй четверти XVII в. из Синодального собрания ГИМ, № 272. Большинство исследователей рассматривало «ярлык» как подлинный документ (или по меньшей мере как текст, основанный на подлинном документе). Но появилась и точка зрения, что «ярлык» – подделка, сочиненная в России в XVII веке (Э. Кинан).

Ныне известны четыре списка «ярлыка». Все они находятся в сборниках сходного состава, при этом в сопровождении одного и того же комплекса документов, связанных общей темой – отношений с мусульманскими государственными образованиями. Следом за «ярлыком» Ахмата идет шертная грамота ногайского князя Исмаила Ивану IV 1557 г., далее сообщение о посольстве «литовского короля» к крымскому царю, т.н. «Турецкого царя вольная грамота некоему русину» и запись об измене казанских князей в 1549 г. Ивану IV, их посольстве в Крым и перехваченных ярлыках. Синодальный список не является самым ранним. Список РГАДА (Ф. 181 (МГА МИД). № 591) датируется 30-ми гг. XVII в., а список РГБ (Ф. 236 (собр. Попова). № 59 (2521)) – 1620-ми гг. Четвертый список – ГИМ (Собр. Черткова. № 165-1) – относится к концу XVII ст.

Существует еще один сборник сходного состава, наиболее ранний – 1560-х гг. Это сборник ГИМ (Собр. Забелина. № 419). Он имеет дефект – утрату ряда листов. Из перечисленных пяти документов с «восточной тематикой» здесь сохранилась только концовка «грамоты некоему русину» и следующая за ней запись об измене казанских князей и перехваченных ярлыках. Однако сохранившаяся нумерация текстов сборника не оставляет сомнений, что первоначально в нем присутствовали все пять.

Это означает, что вопрос о возможной фальсификации «ярлыка» в XVII в. должен быть снят, поскольку существовал список его, относящийся к 60-м гг. XVI ст.

Два из документов, расположенных следом за «ярлыком», имеют даты 1557 и 1549 гг. Таким образом, сборник из собр. Забелина (№ 419) появился вскоре после их появления на Руси. Соседство «ярлыка» Ахмата с шертной грамотой Исмаила заставляет вспомнить ряд обстоятельств.

Ногайский князь (бий) Исмаил был сыном Мусы, который вместе со своим младшим братом Ямгурчеем и сибирским ханом Ибаком (Ибрахимом) в январе 1481 г. напал близ Азова на становище Ахмата, двумя месяцами ранее ушедшего от Угры. Ахмат в результате этого нападения был убит. Тот факт, что в рукописных сборниках «ярлык» Ахмата имеет вполне определенную привязку к шертной грамоте сына Мусы Исмаила, появившейся через 76 лет после этих событий, позволяет предположить, что «ярлык» оказался в России одновременно с шертью. Скорее всего, это послание Ахмат не успел отправить, и оно было захвачено в «белой веже царевой Ахматовой» ногаями во время январского 1481 г. нападения. В последующее время «ярлык» хранили в семье Мусы, а когда в 1557 г. Исмаилу понадобилось выразить свою лояльность московскому царю, этот документ (или сделанная в Ногайской Орде его копия) был отослан в Москву вместе с послом Петром Совиным, везшим шерть. В ситуации 1557 г. ногайскому бию было выгодно напомнить о помощи Москве против общего врага, о том, какую услугу оказал отец Исмаила деду Ивана. «Ярлык» служил превосходной иллюстрацией к словам шерти: «и за один с тобою на недруга стояти, и пособляти какъ нам можно».

Если текст «ярлыка» Ахмата оказался на Руси только в 1557 г., то в Забелинском списке, скорее всего, присутствовала первая фиксация его перевода на русский язык.

И.Л. Григорьева (Великий Новгород)

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ ОДНОГО РУКОПИСНОГО УЧЕБНОГО ПОСОБИЯ НОВГОРОДСКОЙ ШКОЛЫ БРАТЬЕВ ЛИХУДОВ (Соф. собр. ОР РНБ)

К середине XVII в. на первый план в духовной и культурной жизни России вышла проблема образования. Перед лицом распространения ересей, возникавших из искаженного восприятия Писания, богослужебных книг и произведений патристики, в России началось формирование регулярной школы. К этому времени в стране уже произошла революция в области книжного дела, когда на смену индивидуальному изготовлению манускриптов пришло тиражное книгопечатание, а издателем-монополистом выступило государство. Возникла нужда в квалифицированных справщиках, обладавших основательным знанием греческого языка, а также хорошей богословской подготовкой.

Фактическим руководителем «книжной справы», средоточием которой стал Московский Печатный двор, был иеромонах Епифаний Славинецкий, получивший образование в Киевской братской школе и продолживший его (предположительно) в Краковском университете. Он был прислан в Москву из Киева (в ответ на просьбу царя Алексея Михайловича) в числе учителей греческого и латинского языков – трех старцев киевского братского Богоявленского монастыря. Помимо исправления текста Библии, предполагалось, что Епифаний будет обучать «еллино-греческому» языку. Вместе с тем, по-видимому, правильно устроенной школы под руководством Епифания в Москве не существовало (Фонкич Б.Л. Греко-славянские школы в Москве в XVII веке. М., 2009. С. 47).

Целью Никоновской реформы было единство в вере Русской и Греческой Церквей. Сложилось представление о тождестве греческого и церковнославянского языков, которые вследствие их функционального параллелизма понимались как идеальное целое, две ипостаси одной и той же сущности. Предполагался как бы единый «еллинославянский» язык, который реализовывался либо как греческий, либо как церковнославянский. Основной языковой установкой Епифания Славинецкого было максимальное уподобление церковнославянского языка греческому. При этом образцом для него служил новопечатный греческий библейский текст. В XVII в.

переводы Епифания Славинецкого считались образцовыми и ставились в один ряд с трудами св. Максима Грека. Благодаря Епифанию Славинецкому утвердилась ориентация литературного языка на нормы грамматических и лексикографических руководств, а также лингвистический характер «книжной справки».

В связи с вышесказанным неудивительно, что именно Епифаний Славинецкий познакомил Русь XVII в. с творчеством Эразма Роттердамского, который, будучи также филологом и богословом, посвятил изданию Библии и Отцов Церкви многие годы. (Первое знакомство с Эразмом состоялось на Руси благодаря князю Андрею Курбскому).

Очевидно, именно Епифанию Славинецкому принадлежит перевод на русский язык знаменитого педагогического трактата Эразма «*De civilitate morum puerilium*» («О приличии детских нравов»), известный под названием «Гражданство обычаев детских». (Епифаний Славинецкий. Гражданство обычаев детских // Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV–XVII вв. М., 1985. С. 314–329; Алексеев М.П. Эразм Роттердамский в русском переводе XVII в. // Славянская филология: Сб. ст. М., 1958. С. 275–336). Произведение Эразма впервые вышло в свет в 1526 г. и после этого не раз переиздавалось. Перевод Епифания Славинецкого выполнен с одной из обработок текста Эразма, распространенных в Европе в XVI–XVII вв. Впервые появившаяся в Базеле в 1538 г. под названием «Эразмовы правила поведения», она принадлежит немецкому гуманисту Рейнгарду Лорихию Гадамарскому, придавшему трактату Эразма катехизическую вопросно-ответную форму. (Эразм Роттердамский. О приличии детских нравов // Педагогика, 1995. № 5. С. 82–94).

Появление русского перевода знаменитого педагогического трактата великого европейского гуманиста, цитаты из которого к этому времени разошлись по всей Европе, связано с появлением в России школ, образцом для которых служили школы православных братств, возникшие на западе Руси. Подобием братских школ были учебные заведения, созданные в Москве (1685) и Новгороде (1706) учеными греческими иеромонахами Иоанникием и Софронием Лихудами.

Учитывая плодотворные педагогические усилия Лихудов и пригласившего их в Новгород митрополита Иова (планировавшего осуществить в Новгороде и новый перевод Библии), вполне

закономерным представляется появление здесь «Эразмовых правил поведения» (См.: Сборник смешанного содержания начала XVIII в. (РНБ. ОР. Соф. 1208. Л. 1–87). Они вошли составной частью в рукописное учебное пособие, подобие азбуковника (Л. 44–87). Составитель «Каталога российских рукописных книг, находящихся в библиотеке Новгородского Софийского собора» озаглавил его: «Детей преднаказание или букварь славенский вместе с греческим... с наставлениями учащихся, сочиненный по примечаниям Лихудами или Арсением Греком, или кем-нибудь из учеников Лихудовых». В этой рукописи, уже введенной в научный оборот (Григорьева И.Л. Новгородская культура XVI–XVII вв. и традиции ренессансного гуманизма (к вопросу об идеях и произведениях Эразма Роттердамского в России // НИС. 7 (17), 1999. С. 115–118; Grigoryeva Inna L. The Ideas of Renaissance Humanism in the Novgorodian Culture from the 16th to 18th Centuries and the Creative Work of Erasmus of Rotterdam // Лихудовские чтения: Материалы научной конференции «Первые Лихудовские чтения». Великий Новгород, 11–14 мая 1998 г. / Отв. ред. В.Л. Янин, Б.Л. Фонкич. Великий Новгород, 2001. С. 17–21), мы находим, среди прочего, букварь для элементарных школ, предполагающий, однако, знакомство с греческим языком, изложение отдельных разделов грамматики и правил орфографии церковнославянского языка. «Эразмовы правила поведения» помещены в разделе под названием «Обозрение христианского учения» (л. 76–79 об.). Рядом – тексты православных молитв: «Отче наш» (л. 75), Символ веры (л. 75 об.) «Богородице Дево, радуйся ...» (л. 76–76 об.).

На наш взгляд, это рукописное пособие нуждается в дополнительном изучении, включая источниковедческий и культурологический аспекты. Попутно отметим, что оно осталось вне поля зрения В.С. Румянцевой. (Румянцева В.С. Епифаний Славинецкий и «Правила поведения для юношества» Эразма Роттердамского // Исторический вестник. Воронеж, 2000. № 1 (15). С. 79–86; Она же. Патриарх Никон и духовная культура в России XVII века. М., 2010).

А.И. Груша (Минск, Беларусь)

**ПОЧЕМУ ОБЩЕСТВО ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО
СТАЛО НУЖДАТЬСЯ В ПРАВОВОМ ДОКУМЕНТЕ?
(К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)**

Объектом нашего внимания являются правовые документы – писанные законы и документы, удостоверяющие (и подтверждающие) правовые акты. Интересующий нас вопрос – каковы факторы и причины появления правовых документов – вполне соотносится с задачами традиционной дипломатики. Однако наиболее перспективные попытки его решения принадлежат исследователям, работающим в области не столько дипломатики, сколько направления, которое уже сейчас вносит коррективы в задачи и круг проблем указанной науки. Речь идёт о направлении, которое известно под названием «исследование письменной культуры» (об этом направлении, см. историографические очерки: Adamska A. *Sredniowiecze na nowo odczytane. O badaniach nad kulturą pisma // Roczniki historyczne. 1999. R. LXV za rok 1999; Briggs Ch. F. Historiographical essay. Literacy, reading, and writing in the medieval West // Journal of Medieval History. 2000. Vol. 26. No 4*). Из всех существующих постановок проблем наш выбор пал на ту, которую в емкой форме озвучил один из ведущих представителей этого направления – английский историк Майкл Клэнчи: «Рост письменности не происходил в культурном вакууме. Ее заменяли бесписьменные способы, которые казались естественными для тех, кто был к ним привычен. Самая трудная первоначальная проблема в истории письменности заключается в том, чтобы выяснить, что ей предшествовало» (Clanchy M.T. *From Memory to Written Record: England 1066-1307. 2nd ed. [Oxford: Blackwell, 1993]. P. 41*). Если мы определим, что было вместо вакуума, вместо документа, мы найдём ту исходную точку, движение от которой приведёт нас к выяснению вопроса о факторах и причинах появления правового документа. Итак, если это был не вакуум, то что же заменяло документ? Ведь, действительно, многие тысячи лет общества жили без правового документа. Время его функционирования в жизни этих обществ составляет сравнительно короткий период. Для решения данных вопросов важно выявить аналогичные по функциям религиозные, социальные и правовые институты, формирующие ряды преемствен-

ности. Можно наблюдать, как в период Средневековья увеличивается количество непосредственных создателей правовых документов, как с духовного на светский меняется их состав, как происходит десакрализация графики письма, формируется и развивается деловой вид письма – скоропись, как осуществляется переход документа с дорогого носителя на пергаменте на дешевый, но массовый – бумагу, как, в конце концов, увеличивается разнообразие и растет объем правовых документов. Но из этих все более увеличивающихся в числе документов мы узнаем, что они не являлись единственным средством подтверждения правовых актов. Наряду с ними существовала присяга, свидетельство Божьей правды, обычное устное свидетельство. Иначе говоря, несмотря на «вторжение» документа в жизнь общества, в этот период функционировали институты, типичные для архаического общества. В одних случаях их значение оставалось стабильным, в других – оно снижалось. И что характерно, в последних случаях место присяги и устного свидетельства начинает занимать документ. Связь между присягой и устным свидетельством с одной стороны и правовым документом с другой имеет спекулятивный характер. Чтобы ее превратить в ряд преемственности, она нуждается в проверке. Оставим пока в стороне устные свидетельства и обратимся к присяге. Присяга – это ритуал. Одним из ключевых моментов ритуала является приглашение к участию в договоре высших сверхъестественных сил. Важно знать, какая роль отводилась этим силам. Последние являлись не просто свидетелями состоявшегося договора, они санкционировали этот договор, выступали его гарантом. В этой связи угрожающая санкция ранних светских документов: «а кто на то поступит, тот уведается с нами перед Богом и зъ его душею», вряд ли в представлениях людей того времени имела отвлеченный характер. Переход этой роли к человеку в лице главы сообщества, государственного образования может вполне рассматриваться не только как взаимодействие мистического, устного и письменного способов коммуникации, но и как последовательная их смена. Решение вопросов, связанных с определением факторов, причин и условий взаимодействия указанных способов коммуникации, обуславливает применение антропологически ориентированного подхода. Его применение позволит обосновать существование не только ряда преемственности «ритуал-документ», но и иных подобных рядов. В рациональном сознании

человека правовой документ являлся средством удостоверения текстовой информации о том правовом акте, который состоялся в прошлом. Что служило средством удержания «устной» информации до того, как появилась текстовая информация, что гарантировало достоверность первой или кто выступал этим гарантом? В данном случае вопрос о мнемотехнике не является самодостаточным. Его решение, в конечном счете, уводит нас к вопросу об определенных религиозных представлениях и верованиях. Использование антропологически ориентированного подхода даёт возможность рассмотреть документ как социально-культурный феномен и формирует ключевую идею, обоснование которой видится в результатах, полученных при изучении изменений в сознании и мышлении индивида и общества. Это обоснование подразумевает использование таких понятий, как деградация религиозных институтов, секуляризация и рационализация сознания, применение рациональных приемов удостоверения правовых актов, их подтверждения, доверие и недоверие в отношениях между верховной властью и подданными и между подданными.

А.Л. Грязнов (Вологда)

ВНОВЬ ОТКРЫТЫЙ ВОЛОГОДСКИЙ АКТ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XV в.

Фундаментальное издание «Актов социально-экономической истории Северо-Восточной Руси» (далее – АСЭИ) было призвано опубликовать все известные акты до начала XVI в. После издания АСЭИ работа по выявлению актов XIV–XV вв. продолжилась и к настоящему времени опубликовано еще около двух сотен актов XV в., не вошедших в АСЭИ, «Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв.» (М., 1952–1956), «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XV вв.» (далее – ДДГ) (М.; Л., 1956), «Грамоты Великого Новгорода и Пскова» (М.; Л., 1949). Возможны и новые архивные находки и выявление уже опубликованных документов в изданиях XIX – первой половины XX вв. Одной из таких находок стала данная грамота конюшего Ивана Юрьевича на земли в вологодской волости Янгосар.

Во втором томе АСЭИ в подборке актов Ферапонтова монастыря была опубликована жалованная грамота великой княгини Софьи. Из

текста грамоты следовало, что Софья Витовтовна дала монастырю земли, принадлежавшие конюшему Ивану Юрьевичу. Грамота датирована 4 августа 1448 г. О том, когда этими землями владел Иван Юрьевич и как они оказались во владении великой княгини, в грамоте не говорится. Других документов на эту вотчину ни во втором, ни в третьем томе АСЭИ опубликовано не было. Однако оказывается, что еще в 1839 г. в «Актах Археографической Экспедиции» (далее – ААЭ) была издана данная грамота в Ферапонтов монастырь самого Ивана Юрьевича. Ее пропуск при подготовке АСЭИ видимо, связан с тем, что этот документ был опубликован не под отдельным номером, а в виде дополнения к жалованной грамоте Софьи Витовтовны (ААЭ. СПб., 1839. Т. I. Добавление к акту № 41. С. 32). Ни подлинника, ни списка этой данной пока обнаружить не удалось, поэтому все, что мы имеем в своем распоряжении – это публикация XIX в.

Что же нового нам дает вновь обнаруженная грамота? Выясняется, что земли в Янгосаре монастырю дала не Софья Витовтовна, а конюший Иван Юрьевич. Вклад осуществлен ранее 1448 г. До Ивана Юрьевича владельцем вотчины был некий Петр Карпович. К Ивану Юрьевичу вотчина перешла в результате купли.

Как оказывается, Иван Юрьевич был связан с Софьей Витовтовной не только по жалованной грамоте на земли в Янгосаре. В духовной грамоте великой княгини сообщается, что среди ее московских дворов, которые она завещала своему внуку Юрию, было дворовое место Ивана конюшего: «А за городом дала есмь... Ивановское место конюшего...» (ДЦГ. № 57. С. 177). Итак, ясно, что конюший Иван Юрьевич принадлежал к верхушке московских служилых людей середины XV в., а кем был предыдущий владелец янгосарской вотчины Петр Карпович?

Среди белозерских актов первой трети XV в. есть один документ, проливающий свет на происхождение вологодского землевладельца Петра Карповича. Это данная в Кирилло-Белозерский монастырь вдовы Александра Карповича на земли в волости Угла (АСЭИ. Т. II. № 55. С. 37). Вклад датируется небольшим промежутком между 1428 и 1434 гг., а волости Угла и Янгосар отделены друг от друга только небольшой полосой земель Водоги. Послухами в этой данной названы восемь человек, четверо из которых – Василий, Григорий, Нестер и Михаил Каровичи. Довольно редкое отчество позволяет предположить, что это братья Александра Карповича и, скорее

всего, Петра Карповича. Примечательно, что за единственным исключением ни самих Карповичей, ни их потомков на Белоозере и на Вологде мы больше не встречаем. Оказывается, что Александр Карпович и его братья в первой четверти XV в. служили дмитровскому князю Петру Дмитриевичу.

Впервые представители этой семьи фигурируют в купчей троицкого старца Григория на двор в Дмитрове. Продавцом двора выступал удельный дмитровский князь Петр Дмитриевич, а послухами названы Александр Карпович, Семен Васильевич, Михайло Карпович (АСЭИ. Т. I. № 13. С. 33). Грамота при издании датирована промежутком между 1392 и 1427 гг., однако датировку можно сузить, поскольку во владение своим уделом Петр Дмитриевич вступил не ранее 1400 г. Очевидно, что послухи – это ближайшее окружение князя, его бояре, причем Александр и Михайло – родные братья. Примерно в это же время Александр Карпович приобрел у братьев Юрия и Тимофея Сурьминых вотчину в Вышгородском стане (АСЭИ. Т. I. № 230. С. 163. Грамота при издании датирована ок. 1440-х гг., однако датировку можно сузить, поскольку Александр Карпович умер не позднее 1432 г.). Немного позднее вдова Александра Мария упомянута в качестве землевладельца в Каменском стане Дмитровского уезда (АСЭИ. Т. I. № 85. С. 71.).

После смерти Петра Дмитриевича братья Карповичи продолжали оставаться дмитровскими вотчинниками. Михайло Карпович был послухом в данной княгини Ефросиньи на с. Новое (1432–45 гг.), а Нестер был послухом в купчих Троице-Сергиева монастыря на деревни, купленные у Александра Васильевича и Ивана Федоровича Кутузова, а также в меновой с Офимьей Александровой (АСЭИ. Т. I. № 100. С. 80; № 85. С. 71; № 87. С. 73; № 86. С. 72).

Итак, в нашем распоряжении два факта приобретения дмитровскими боярами вотчин в очень удаленном от Дмитрова регионе. Расстояние по прямой от Дмитрова до Углы и Янгосара примерно 400 км. Ясно, что эти приобретения были связаны с распространением интересов семейства Карповичей на район, прилегающий к течению рек Угла и Тошня. Вместе с тем, к началу 30-х гг. Карповичи с Вологодско-Белозерскими владениями по какой-то причине расстаются, а дмитровские сохраняют.

Необходимо учитывать, что Янгосар, по всей видимости, выделился из первоначально очень обширной вологодской волости

Тошня. Также к числу выделившихся в XV–XVI вв. из ее состава волостей кроме Янгосара можно отнести Масленскую и Верхвологодскую волости. Исходя из этого владельческая история Янгосара может быть реконструирована на основе сведений о Тошне, которая упоминается в княжеских духовных и договорных грамотах со времен Дмитрия Донского. Скорее всего, приобретение вотчин дмитровскими боярами в Белозерско-Вологодском регионе в 1420–30-е гг. связано кратковременным объединением в одних руках Дмитрова, Усть-Углы и Янгосара. Произойти это могло как в правление Петра Дмитриевича, так и после его смерти, например, в результате получения Дмитрова Юрием Звенигородским.

Б.Б. Давыдов (Москва)

«ПРОЕКТ УЧРЕЖДЕНИЯ О ВОЕННОМ ПОСЕЛЕНИИ ПЕХОТЫ» И ВЫСШАЯ РОССИЙСКАЯ БЮРОКРАТИЯ

«Проект учреждения о военном поселении пехоты» – один из основных законодательных документов, на которых строилась система военных поселений пехоты в первой четверти XIX столетия. Необходимо отметить, что еще в конце 20-х годов прошлого века украинский историк О.Д. Багалея-Татарина пыталась установить автора «Проекта». Но ее попытка оказалась безуспешной (Ячменихин К.М. Армия и реформы: военные поселения в политике российского самодержавия. Чернигов, 2006. С. 46.) Другой советский историк П.П. Евстафьев называет этот документ проектом А.А. Аракчеева, но, к сожалению, исследователь не поясняет, являлся ли тот руководителем его разработки или сам был автором «Проекта» (Там же). Современный исследователь военных поселений К.М. Ячменихин достаточно убедительно доказал, что авторами «Проекта» являлись ближайшие помощники А.А. Аракчеева, чиновники Собственной Е.И.В. канцелярии И.Ф. Самбурский и А.И. Персидский (Там же). А разделы, касающиеся обучения военных кантонистов, вероятно, составлены г.-м. Е.К. Сиверсом (Там же. С. 47).

Укажем также, что оценки «Проекта» генералитетом русской армии можно найти в нашей опубликованной ранее статье (Давыдов Б.Б. «Проект учреждения о военном поселении пехоты» в оценках командного состава русской армии // Менталитет

россиянина: История проблемы: Материалы Семнадцатой Всероссийской заочной научной конференции. СПб., 2000. С. 21–23).

В данной же работе ставится задача: проследить, кому из высших чиновников Российской империи был послан указанный «Проект» и как они оценили этот документ или хотя бы отреагировали на его получение. Сначала 1-я часть «Проекта», составленная весной 1817 г., была разослана высокопоставленным военным, а отзывы на нее поступили в мае-июле того же 1817 г. (Там же. С. 22–23).

6 апреля 1817 г. 1-я часть «Проекта учреждения о военном поселении пехоты» была послана А.А. Аракчеевым великому князю Константину Павловичу (РГВИА. Ф. 25. Оп. 2/161 а. Д. 200. Л. 8–8 об.). В августе того же года 2-ю часть «Проекта» получает канцлер граф Н.П. Румянцев, о чем с благодарностью уведомлял А.А. Аракчеева в письме от 20 августа, отмечая, что в «Проекте» «все продумано и от прозорливости ничего не ушло». (Дубровин Н. Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I (1807–1829). М., 2006. С. 197).

В октябре 1817 г. уже 3-ю часть «Проекта» получил морской министр адмирал И.И. Траверсе (Там же. С. 199), о чем он незамедлительно с благодарностью сообщил Аракчееву в письме от 30 октября того же 1817 г. Однако, отзыва на этот документ со стороны адмирала, видимо, не последовало, так как в то время он болел (Там же. С. 214).

Итак, мы видим, что «Проект учреждения о военном поселении пехоты» был разослан для ознакомления отдельным высшим военным и гражданским чиновникам Российской империи, и они получили представление об основных принципах устройства военных поселений пехоты, а некоторые из них отметили продуманность и четкость построения в «Проекте» каждого звена поселенной системы.

А.В. Дедук (Москва)

ГРАМОТЫ РЯЗАНСКОГО КНЯЗЯ ОЛЕГА ИНГВАРЕВИЧА ИВАНУ ШАЕ

Одними из самых спорных и малоизученных в отечественной дипломатике остаются грамоты Олега Ингваревича Ивану Шае, якобы выданные в 1256/57 гг.

До нас дошли две такие грамоты. Первая хранится в составе фонда «Государственное древлехранилище хартий и рукописей» (РГАДА. Ф. 135. Приложение. Рубр. IV. № 2. Л. 1). Грамота написана на бумаге. Филиграни не просматриваются. К грамоте приложена черновосковская отворотная печать (сейчас от печати отколота и утрачена нижняя часть; сохранившийся верх печати расколот на две части). На печати изображен воин с мечом в руке. Под тем же архивным шифром хранятся три копии акта, датируемые XVIII–XIX вв. (Там же. Л. 2–4).

Первым, кто написал про грамоту, был Н.М. Карамзин. Он считал данный акт подложным (Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. IV. М., 1992. С. 201–202. Прим. 90).

Печать, приложенная к грамоте, выглядит анахронично. Воин с мечом – герб Рязани с начала XVII в. (Шелковенко М.К. Герб Рязани: в поисках достоверности // Гербоведъ. 2001. № 4 (54). С. 114–115).

Еще одним доказательством подложности первой грамоты, является материал, на котором она написана. Самыми древними актами на бумаге являются договорные грамоты смоленского великого князя Ивана Александровича с Ригой (первая половина XIV в.) и московского князя Симеона с его братьями Иваном и Андреем (1348 г.), в это же время появляются и первые бумажные книги (Столярова Л.В., Каштанов С.М. Книга в Древней Руси (XI–XVI вв.). М., 2010. С. 91–95).

Писец грамоты использовал «юс большой» как в его собственном фонетическом значении, так и в значении, свойственном «юсу малому». Это также может косвенно свидетельствовать о времени изготовления фальсификата – в XVII в. «юс большой» окончательно вышел из употребления.

Со второй половины XIX в. известна вторая грамота, дошедшая в составе списков с акта XVI в. Данный акт известен в двух списках XVIII в., хранящихся в фондах Герольдмейстерской конторы и в «портфелях Миллера» (РГАДА. Ф. 286. Книга к № 241. Л. 308 об.–309 об.; Ф. 199. Портф. 284. Ч. 3. Д. 16. Л. 6 об.–7). Грамота неоднократно публиковалась (Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII вв. Т. 4. М., 2008. № 159. С. 123; Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. М., 1964. Т. 3. № 347. С. 373, 510; Акты XIII – XVII вв., предоставленные в разрядный приказ представителями служилых

фамилий после отмены местничества / Собр. и изд. А. Юшков. Ч. I: 1257–1613. М., 1898. № 1, 180. С. 1–2, 162–163; Лихачев Н.П. Разрядные дьяки XVI в.: опыт исторического исследования. СПб., 1888. С. 357). При этом мнения публикаторов разделились: Н.П. Лихачев и А.В. Антонов считали акт подложным, А.И. Юшков и И.А. Голубцов – подлинным.

Первым, кто «связал» обе грамоты Олега Ингваровича был В.Б. Кобрин: он указал на ряд несоответствий формуляра второй грамоты формуляру актов XIII–XIV вв., на ряд слов, употреблявшихся с XVII в., неверное употребление слова «ести». С другой стороны, В.Б. Кобрин указал на несоответствия в акте из Древлехранилища: ободок печати, характерный для XVIII–XIX вв.; употребление буквы «юс малый»; выражение «приемлю его в приютство» характерное для XVIII в. (Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). М., 1985. С. 20–21).

Интересные данные дает локализация населенных пунктов, упомянутых во второй грамоте – деревень Стифурлова и Зикеева.

По приправочной книге 1594–1597 гг. Окологородного стана Рязанского уезда «за Микитою, да за Иваном Васильевыми детьми Измайлова – д. Стафурлова» (Писцовые книги Рязанского края: XVI в. Т. I. Вып. I. Рязань, 1898. С. 38). По писцовой книге 1628/29–1629/30 гг. в Окологородном стане «за стольником за князем Михайлом княж Михайловым сыном Темкиным-Ростовским в вотчине половина д. Стафурловой»; «За стольником за Петром Никитиным сыном Измайлова – старинная вотчина полд. Стофурлова на колодезе на Черлукове» (Писцовые книги Рязанского края: XVI и XVII вв. Т. I. Вып. II. С. 646, 655.).

По писцовой книге 1628/29 гг. в Моржевском стане упоминается «За стольником за Петром Никитиным сыном Измайлова – старая ево родовая вотчина, что прежь того за Ортемьем да за Тимофеем Измайловыми з братьею, сц., что была деревня Зикеевка, Абутова тож на колодезе» (Писцовые книги Рязанского края XVI и XVII вв. Т. I. Вып. III. Рязань, 1904. С. 882). Таким образом, вотчинные комплексы, упомянутые в этой грамоте, соотносятся с землевладением Петра Никитича Измайлова, отца представившего грамоту Матвея Петровича.

Все это говорит, о крайне позднем происхождении грамот (не ранее XVII в.) и о том, что они являются фальсификациями. Вторая грамота была предоставлена в Разряд 24 декабря 1685 г. Матвеем

Петровичем Измайловым (Антонов А.В. Разрядные росписи конца XVII в. М., 1996. С. 166–167). Примерно этим временем можно датировать фальсификацию акта.

Я.В. Денисенко (Киев, Украина)

Инвентари и люстрации как источники информации для реконструкции частновладельческих замков Волынского воеводства Речи Посполитой XVII в.

Внешний и внутренний вид замка в полной мере можно реконструировать только в том случае, если сохранено само сооружение, существуют его детальные описания, рисунки и чертежи. Однако, к сожалению, таких случаев очень мало. Более того, изучая фортификационное наследие Украины, в частности, оборонное зодчество раннемодерной эпохи, историки каждый раз сталкиваются с проблемой установления точного количества исследуемых объектов, что обусловлено их разрушением.

Источники информации, с помощью которых можно реконструировать облик замка, мы можем разделить на документальные, архитектурные, археологические, визуальные и картографические.

Если королевские и большие магнатские замки широко известны и достаточно неплохо изучены, то меньшей величины, особенно, деревянно-земляные объекты остаются вне поля зрения исследователей.

Однако именно они, как свидетельствуют источники, в XVI–XVII вв. густой сетью покрывавших территорию Украины и, в частности, Волынского воеводства, становясь «залогом безопасности для жителей небольших населенных пунктов во время опустошительных татарских набегов и локальных конфликтов шляхты» (Годованюк О. Оборонні споруди Поділля за «Інвентарем» 1615 р. // Архітектурна спадщина України. Київ, 1996. № 3. Ч. 1. С. 60).

Со второй половины XVI в. Волынское воеводство охватил широкий урбанизационный процесс, который «сопровождался развитием сети замков» (Атаманенко В.Б. Описи замків князів Острозьких першої половини XVII ст. // Середньовічні і ранньомодерні споруди Волині: Збірник наукових праць. Тернопіль, 2006. С. 118). Эти объекты не только формировали систему обороны Волыни от нападений татар, но и играли важную роль в общем локационном процессе, способствуя развитию градостроительства. Новооснованные урбанизационные центры, которые не имели замков, чаще всего (в 70 % случаев) были обречены на потерю городского статуса (5,134), а наличие замков в селах может служить основанием для определения далеко идущих стремлений собственника.

В целом, по подсчетам Андрея Зайца, по состоянию на середину XVII в. «замки существовали не менее, чем в 105 волыньских городах, 99 из которых были частновладельческими» (Заяць А.Є. Урбанізаційний процес на Волині в XVI – першій половині XVII століття. Львів, 2003. С. 129).

Быстрое заселение территории было тесно связано с общим ускорением темпов социально-экономического развития, с одной стороны, завися от него, а с другой – на него влияя. Одним из последствий этих глобальных преобразований было распространение различных форм хозяйственного учета, который дополнялся фиксацией правового, имущественного статуса поселений с подробной информацией о подданных. В случае наследования или раздела имущества этот учет «приобретал формы ревизии замков» (Атаманенко В.Б. Описи замків князів Острозьких першої половини XVII ст. С. 119), что кроме описания фортификаций включала информацию об обеспечении оружием и военным снаряжением, а также «фиксировала наличие ресурсов как для содержания гарнизона, так и для поддержания необходимого уровня обороноспособности» (Там же). Среди этого многообразия письменных источников первостепенное значение при изучении оборо-

нительных сооружений приобретают люстрации королевских староств и инвентари имений (Володіння князів Острозьких на Східній Волині (за інвентарем 1620 року). Київ; Старокостянтинів, 2001.С. 3).

Первые инвентари замков на Волыни появились в середине XVI века (Литовська Метрика. Книга 561. Ревізія українських замків 1545 року / Підг. В. Кравченко. Київ, 2005. С. 13). Благодаря документам магнатских архивов первая половина XVII в. представлена большим количеством описаний замков, чем вторая половина XVII в. (Атаманенко В.Б. Описи замків князів Острозьких першої половини XVII ст. С. 119) На данный момент окончательные выводы об их количестве делать рано по причине недостаточной исследованности под этим углом зрения актовых книг судебно-административных учреждений Волыни, на страницы которых нередко попадали инвентари. Речь идет, в первую очередь, об инвентарях магнатских владений; описания королевских замков здесь встречаются редко. В целом, нами было просмотрено 75 актовых книг Луцкого градского и Кременецкого земского судов за период с конца XVI до конца XVII в. и в итоге было выявлено всего три описания королевских замков. Вместе с тем, по мнению некоторых историков, оценка состояния частновладельческих замков дает основания для определения состояния королевских замков, поскольку последние находились в фактическом владении магнатов (Атаманенко В.Б. Описово-статистичні джерела до історії Володимира та староства // Минуле і сучасне Волині та Полісся. Луцьк, 2004. С. 4). В условиях постоянной нехватки средств, находящихся в казне монарха, и невысокого удельного веса на Волыни королевских староств, наибольшее внимание в вопросе обороны уделялось именно частным замкам.

Девятнадцать из 105 замков, существовавшие к середине XVII в. (около 20 %), находились во владениях князей Острожских (Атаманенко В.Б. Описи замків князів Острозьких першої половини XVII ст. С. 122). Если к ним добавит замки младшей ветви этого

рода – князей Заславских, которые, к тому же, были наследниками половины Острожчины, их общее число возрастет до 22. В нашем распоряжении имеются описания девяти из них: 5 помещено в инвентарях владений Януша Острожского 1615 г. и еще 4 – в ревизии владений потомков Александра Острожского 1620 г. (Там же).

К числу описательно-статистических источников, которые дают возможность исследовать функционирование оборонительных сооружений, относятся также поборовые реестры и ревизии (люстрации). Хотя в поборовых реестрах нет характеристики замков, однако сам факт существования в местности укрепленного объекта в этих документах фиксируется. Кроме того, в фискальных документах, которыми являются поборовые реестры, часто попадали имена слуг и ремесленников, которые жили и (или) работали в замке (Литовська Метрика. Книга 561. Ревізії українських замків 1545 року. С. 13).

Инвентари и люстрации второй половины XVI – первой половины XVII в. имеют для нас особое значение в связи с тем, что, начиная с середины XVII в., упомянутые в них замки претерпели существенные разрушения, а их восстановление в XVIII в. велось уже на других архитектурных принципах. Вместе с тем, немало замков после войны не восстанавливались: в некоторых случаях от них не осталось и следа, в других – на месте старого укрепления находились его останки. Следовательно, «первобытное состояние замковых укреплений можно реконструировать лишь на основе показаний инвентарных описей» (Атаманенко В.Б. Описи замків князів Острозьких першої половини XVII ст. С. 125).

Таким образом, описательно-статистические источники (инвентари, ревизии/люстрации, поборовые реестры) можно рассматривать как источники изучения, во-первых, состояния и особенностей планировки замков, во-вторых, состояния имений, которые обеспечивали их функционирование, и, в-третьих, обороноспособ-

ности и оснащенности замков оружием и необходимыми припасами (Там же. С. 119).

С.А. Денисов (Москва)

**ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЕЙ ЭПИРСКОГО ЦАРСТВА (1204–1261 гг.)
В ОТНОШЕНИИ ДУХОВЕНСТВА
ПО ДАННЫМ АКТОВОГО МАТЕРИАЛА**

Эпирское царство – греческое государство, появившееся на западе Балканского полуострова после падения Константинополя в 1204 г. Правители царства, происходившие из династии Дук, стали крупными участниками борьбы за освобождение Византии от власти крестоносцев. Военные успехи эпирских Дук ставят вопрос об их политике в отношении населения освобожденных земель как о залоге успешного распространения власти. Какими были отношения правителя и представителей высшего духовенства, пользовавшегося высоким авторитетом в византийском обществе?

Положение эпирского духовенства к началу XIII в. определялось общими тенденциями, наблюдаемыми в развитии данной группы в XII в. Развитие центробежных сил, обеспеченное ослаблением центральной власти, коснулось также церковной организации. Происходил постепенный процесс обособления византийской церкви, обусловленный стремлением духовенства к превращению в отдельную группу (Литаврин Г.Г. Раннефеодальные государства на Балканах VII–XII вв. М., 1985. С. 123). Митрополиты и епископы уделяли много внимания политическим и социальным вопросам, превращаясь практически в глав администрации (Каждан А.П. Византийская культура (X–XII вв.) / 2-е изд. СПб., 2000. С. 82–83).

Правители Эпирского царства попытались добиться поддержки со стороны духовенства путем предоставления следующих жалованных грамот, согласно которым подтверждались и расширялись привилегии, уже имеющиеся у глав диоцезов:

1) хрисовул Феодора I Дуки (1215–1230), пожалованный Навпактской митрополии в 1228 г. (Пападопуло-Керамевс А.И. *Noctes petropolitanae*. СПб., 1913. С. 250–254);

2) хрисовул Феодора I Дуки, пожалованный митрополии о. Корфу в 1228 г. (MM. V. P. 14–15);

3) два хрисовула, пожалованных Михаилом II Дукой (1230–1267) духовенству митрополии о. Корфу в 1246 г. (Lemerle P. *Trois actes du despotate d'Épire Michel II concernant connus en traduction latine // Ελληνικά*. Vol. 4. Προσφορά εις Στ. Π. Κυριακῆν / Ελ. εκδ. Ι. Κακριδῆς. Θεσσαλονίκη, Ρ. 418–423).

Данные документы становились предметом изучения в историографии (Nicol D. *The Despotate of Epiros*. Oxford, 1957. Ρ. 105–106, 122–123, 133; Angold M. *Church and Society in Byzantium under the Comneni 1081–1261*. Cambridge, 1995. Ρ. 220, 232–233), однако политика эфирских правителей в отношении высшего духовенства на их основании не была рассмотрена для периода 1215–1267 гг. Также не был решен вопрос о соотношении данной политики и политики предшествующих императоров из династии Комнинов.

Перечисленные документы подтверждали привилегии, предоставленные митрополиям в XII в., а также предоставляли новые, заключающиеся в расширении иммунитетных прав: освобождение от налогов, защита от посягательств на имущество со стороны представителей власти и др. Важно отметить определение в хрисовулах полномочий правителя. Помимо традиционных формул о защите правителем прав митрополии, речь идет о возможном ограничении правителем своих полномочий, если он пожелает нарушить данные обязательства. Такие условия сформулированы в двух указанных выше грамотах Феодора I.

Это относительно новое явление, по сравнению с традиционными формулировками. Разделяя мнение Г. Острогорского, отметим, что эта особенность является следствием развития иммунитетных привилегий, становящихся все более сложными (Острогорский Г. К истории иммунитета в Византии // *Византийский временник*. Т. 13. М, 1959. С. 77–78). Однако данный случай не получил, как показывают более поздние грамоты Михаила II, дальнейшего развития: после 1230 г. правитель при составлении документов придерживались традиционных формулировок. Соответственно попытка Феодора I уменьшить воздействие центральной власти на церковь не получила развитие в последующий период.

Политика Феодора I имела вполне конкретную цель. Расширяя привилегии глав диоцезов, он стимулировал дальнейшее развитие процесса децентрализации церкви, что нашло выражение в создании автономной церкви Эпира. Данная церковь, подчиняясь (хотя и с

некоторыми исключениями) правителю, стала опорой для его претензий на титул императора.

После поражения Феодора I в 1230 г. от войск болгарского царя Ивана II Асеня (1218–1241/1242), над эпирской церковью была восстановлена власть Вселенского патриарха, однако западно-греческое духовенство сохранило свое значение как политическая сила. Поэтому Михаил II Дука, племянник Феодора I, издал две жалованные грамоты, подтверждающие и расширяющие привилегии духовенства Керкирской митрополии, как одного из важнейших диоцезов царства. Политика Михаила II привела к 1250-м гг. к дальнейшему обособлению эпирской церкви. Так, Навпактский митрополит, Иоанн Ксир, именуется себя как «папа» (*Prosopographisches Lexicon der Palaiologenzeit* / Ert. E. Trapp. Wien, 1976–1996. Fasc. 1–12. Nr. 20291).

В целом, политика эпирских Дук в отношении церкви (по данным актового материала) представляет собой своеобразное продолжение политики Комнинов. С одной стороны, правители пытались заручиться поддержкой духовенства, подтверждая прежние привилегии и жалую новые. Эти действия, укрепляющие автономное положение диоцезов, означали опору на силы децентрализации, выражающиеся в стремление архиереев выйти из-под контроля церковных властей. С другой стороны, эпирский правитель находился во главе автономной церковной организации, что означало непрерывный контроль со стороны светской власти над церковью. Попытки уменьшить влияние центральной власти не получили дальнейшего развития.

Указанные тенденции говорят о том, что политика в отношении церкви, проводимая Комнинами, отнюдь не исчерпала своего потенциала в XII в. и стала основополагающей для существования нового греческого государства, появившегося после 1204 г.

В.В. Десятник (Москва)

АКТОВЫЕ ИСТОЧНИКИ В АРХИВЕ МОСКОНЦЕРТА

Москонцерт – старейшая концертная структура Москвы в ведомстве Министерства культуры Российской Федерации, занимающаяся организацией и проведением концертных мероприятий, был создан в 1931 г. В советское время Москонцерт обладал самостоятельным юридическим статусом, имел крупный кадровый аппарат, а также

широкий штат артистов, среди которых К.И. Шульженко, М.В. Кристаллинская, Л.А. Русланова, Л.О. Утесов, А.Б. Пугачева, В.В. Толкунова, группы «Самоцветы», «Голубые гитары», «Поющие сердца» и др.

Архив организации – особый, исторически сложившийся комплекс документов, специфика которого связана со сферой деятельности организации (культура, просвещение, досуг). Во много поэтому архивная документация Москонцерта по своему содержанию отличается от документации любой другой организации или учреждения.

Вместе с тем, проблемы современной дипломатики могут решаться и на основе изучения актовых источников, хранящихся в архиве Москонцерта: до сих пор разноплановый массив документов, накопившийся в течение XX в., мало и фрагментарно изучен.

Текущий архив организации содержит документы 1943–2005 гг. На сегодняшний день в архиве хранится приблизительно около 60 тысяч единиц хранения, из которых более 10 тысяч составляют акты. Основной разновидностью актовых источников архива являются *договоры*.

В деятельности Москонцерта используются различные разновидности договоров. Наиболее распространенной разновидностью договоров является *трудовой договор*, в котором оформляются отношения работодателя и работника. В Москонцерте еще с советских времен существовал следующий порядок заключения договоров: с работниками, зачислявшимися на работу на постоянной основе по трудовой книжке, заключались трудовые договоры, которые перезаключались каждые пять лет, либо в конце каждого года. Трудовой договор, заключенный сроком на один год, было проще и быстрее расторгнуть в случае внезапного увольнения сотрудника. Так, К.И. Шульженко, являлась штатным сотрудником Москонцерта и работала по трудовому договору и трудовой книжке. Сейчас развернутую информацию о штатных сотрудниках, их стаже и заработках дают личные дела, карточки учета и лицевые счета, хранящиеся в архиве Москонцерта. Трудовые договоры советского времени либо переданы на хранение в вышестоящий архив, либо уничтожены.

Москонцерт заключал и так называемые *разовые договоры* на короткий срок – на концерт, серию концертов, на какие-либо мероприятия или работы. Заключенный договор предусматривал выполнение работы, после чего работник по договору получал

оговоренную сумму. Заключение трудовых и разовых договоров занимался отдел кадров Москонцерта.

С начала 90-х гг. *разовые договоры* назывались *контрактами*, а затем – *договорами подряда*. Договор подряда обязательно сопровождался *актом сдачи-приемки работ*, являющимся основанием для выплаты гонорара. Бухгалтерия Москонцерта регистрировала и *хранила договоры*, которые затем передавались на хранение в текущий архив.

Кроме того, комплекс актовых источников архива Москонцерта включает *авторские договоры*. В Москонцерте авторские договоры получили широкое распространение, являясь наиболее многочисленной (около 5–6 тысяч ед. хр.) разновидностью актовых источников архива. Именно авторские договоры являются характерными для организации актовыми источниками, наглядно отображающими специфику деятельности Москонцерта. Понятие об авторском договоре лежит в сфере авторского права, оно же регламентирует порядок заключения такого рода договоров.

Договоры с авторами стали заключаться с 1939 г., когда Москонцерт стал Всесоюзным гастрольно-концертным объединением. С момента заключения авторские договоры находились в ведении бухгалтерии, которая занималась выплатой оговоренных в договорах гонораров, и поступали в архив вместе с иной бухгалтерской документацией. Сейчас в текущем архиве хранятся авторские договоры за 70–90-х гг., В советский период количество заключенных авторских договоров каждый год было практически неизменно. Количество договоров, заключенных в 90-х гг., сильно варьируется. Авторские договоры, наряду с приказами по личному составу и лицевыми счетами, подтверждают трудовой стаж работника. Архивное хранение авторских договоров предполагает формирование дел, куда входят также справки, заявления-справки, которые, как правило, прилагаются к каждому экземпляру договора.

Бланк авторского договора печатный, формуляр его мало изменился за десятилетия. Как правило, менялся статус Москонцерта – менялась «шапка» документа, изучение комплекса сохранившихся авторских договоров не выявило никаких существенных изменений в бланке авторских договоров.

Формуляр включает в себя три основных блока сведений: информация о контрагентах, условия договора и юридические адреса контрагентов. Москонцерт в лице директора в таких

договорах – один из контрагентов, второй именуется «автором». Обычно в условиях договора прописывается право Москонцерта на публичное исполнение авторского произведения (в срок не позднее одного года), указывается сумма выплачиваемого автору вознаграждения, указываются обстоятельства, при которых договор может быть расторгнут. Как правило, вся информация располагается на одной странице печатного бланка. К каждому экземпляру договора обязательно прилагался акт о выполнении автором работы (создании произведения).

Как правило, договоры заключались либо на готовые произведения (готовое драматическое, музыкальное произведение, готовое музыкальное произведение и литературный текст, связанный с музыкой, готовое литературное произведение для эстрады), либо на произведения, находящиеся в процессе создания.

С начала 90-х гг. авторские договоры перестали использоваться в Москонцерте. Творческие коллективы с 1989 г. были включены в образованные Москонцертом отделы-объединения, а большинство коллективов и артистов покинули организацию, которая больше не способна была обеспечивать бесперебойную, прибыльную и стабильную гастрольную и концертную деятельность. С 1991 г. роль авторского договора стал выполнять более универсальный договор подряда.

Т.Н. Джаксон (Москва)

«СТРАСТИ И ЧУДЕСА СВЯТОГО ОЛАВА»

Норвежский конунг Олав Харальдссон погиб в битве при Стикластадире 29 июля 1030 г. Через год после его смерти (3 августа 1031 г.) Олав был объявлен святым, а его останки были перенесены в церковь св. Климента, основанную самим конунгом в Нидаросе (Тронхейме). Олав стал восприниматься как святой покровитель Норвегии и как *perpetuus rex Norwegiae*. Возведенный на престол в 1035 г., сын Олава Магнус ввел празднование дня св. Олава (29 июля), упрочив официальный статус культа как государственного. Учреждение культа повлекло за собой не только создание местных литургических текстов, но и возникновение жития св. Олава, а также собрания его чудес.

Чудеса, совершенные Олавом, фигурируют уже в скальдических стихах, сочиненных вскоре после его смерти. Это – поэма Торарина Славослова «Песнь спокойного моря», созданная им между 1031 и 1035 гг. в честь Свейна, сына Кнута Могучего, а также две поэмы начала 1040-х гг.: «Драпа креста» Торда Сэрехссона и «Поминальная драпа» Сигвата Тордарсона, придворного скальда конунга Олава Харальдссона, а затем его сына Магнуса. Чудеса, упомянутые скальдами, не были частью письменной культуры, а потому о формировании собрания чудес св. Олава можно говорить лишь через век после гибели конунга. Целый ряд чудес, совершенных Олавом, описывается в поэме «Солнечный луч» исландского священника Эйнара Скуласона, которую тот декламировал в Церкви Христа зимой 1152/53 г. на церемонии учреждения архиепископской кафедры в Нидаросе. Поэма была написана Эйнаром по заказу конунга Эйстейна Харальдссона (ок. 1142–1157), чьим скальдом он был, и прочитана у гробницы Олава в присутствии двора и Нидаросского архиепископа. Вместе с другим источниковым материалом эта поэма подтверждает, что к середине XII в. уже сложилась группа из десяти «базовых чудес». Л.Б. Мортенсен склонен думать, что эти чудеса были записаны в 1140-х гг. или даже несколько раньше (Mortensen L.B. *Olav den Helliges mirakler i det 12. årh.: Streng tekstkontrol eller fri fabuleringen? // Olavslegenden og den latinske historieskrivning i 1100-tallets Norge*. Copenhagen, 2000. S. 97). Л. Жирушкова датирует их несколько осторожнее. Она утверждает, что, во-первых, серия чудес № 1–10 явно связана с древне-норвежской поэмой «Солнечный луч», в которой они (за исключением №№ 8 и 10) излагаются в поэтической форме, а во-вторых, именно эта группа чудес присутствует – полностью или частично – во всех рукописях «*Passio et Miracula Beati Olavi*», так что *terminus ante quem* этой группы чудес – год 1153 (Jiroušková L. *Textual Evidence for the Transmission of the Passio Olavi Prior to 1200 and its Later Literary Transformations // Saints and their Lives on the Periphery: Veneration of Saints in Scandinavia and Eastern Europe (c. 1000–1200)*. Turnhout, 2010. P. 233).

Латиноязычное сочинение, включающее в себя и житие, и чудеса св. Олава и известное по публикации Ф. Меткалфа (*Passio et Miracula Beati Olavi / Ed. from a twelfth-century manuscript in the library of Corpus Christi College, Oxford, with an introduction and notes by F. Metcalfe*. Oxford, 1881) под названием «*Passio et Miracula Beati*

Olavi» («Страсти и чудеса Святого Олава»), сохранилось в пергаменной рукописи ок. 1200 г. (ССС 209). По мнению исследователей, этот вариант обзора жизни, смерти и чудес св. Олава принадлежит нидааросскому архиепископу Эйстейну Эрлендссону (1161–1188), работавшему над сочинением в 1170-х или 1180-х гг. (возможно, во время своей английской ссылки в 1179–1182 гг.).

Как показывают новейшие исследования, серьезным историографическим заблуждением является утверждение, что латинский текст жития св. Олава сохранился в двух редакциях – старшей (краткой) и младшей (пространной), что краткая редакция, во многом параллельная норвежскому варианту, входящему в «Древненорвежскую книгу проповедей», якобы издана Г. Стормом под названием «Acta sancti Olavi regis et martyris» (*Monumenta historica Norvegiæ. Latinske kildekrifter til Norges historie i middelalderen / G. Storm. Kristiania, 1880. P. 125–144*), а пространная сохранилась только в одной рукописи (ССС 209), найденной и опубликованной Ф. Меткалфом. Во-первых, то, что издано Г. Стормом, есть не издание источника, а его реконструкция, основанная на ряде бревиариев, на «Acta sanctorum» и на «Древненорвежской книге проповедей» (см.: Jiroušková L. *Textual Evidence. P. 224, note 17*), так что издан текст на сегодняшний день только по одной рукописи. Во-вторых, известно девять рукописей этого памятника, созданных с конца XII по начало XVI вв. в Норвегии, Швеции, Англии, Германии, Фландрии. При этом можно говорить о двух редакциях «Passio Olavi» – пространной (А) и краткой (В), – но различие между ними заключается не только в объеме жития св. Олава, но и в составе и организации собрания чудес. Все девять рукописей имеют различное соотношение краткой и пространной редакций жития, вводных и заключительных слов и набора чудес. Более того, целый ряд данных заставляет думать, что житийная часть и собрание чудес существовали независимо. Отсюда делается вывод, что архиепископу Эйстейну и его окружению принадлежит лишь известная по публикации 1881 г. версия рукописи СССР 209, включающая в себя пространный текст жития и наиболее полное собрание чудес св. Олава, а именно – сорок девять (подробно см.: Jiroušková L. *Textual Evidence*). Соответственно, ошибочным, в свете всего вышеизложенного, представляется и бытующее в нашей историографии мнение, что по мере формирования агиографической традиции происходит отбор и «канонизация» 20-ти сюжетов о чудесах св. Олава (Древняя Русь в свете

зарубежных источников / Е.А. Мельникова. М., 1999. С. 553). Процесс сегодня видится идущим в обратном направлении – не как отбор «канонических сюжетов» из большого их числа, а, напротив, как постепенное нарастание количества чудес – от первых десяти до пятидесяти.

Е.В. Дианова (Петрозаводск)

КООПЕРАТИВНЫЕ ОТЧЕТЫ: ДЕЛОВАЯ ПЕРЕПИСКА ИЛИ ОПЫТЫ ЛИТЕРАТУРНОГО ТВОРЧЕСТВА?

Среди письменных источников по истории кооперативного движения на Европейском Севере в первые десятилетия XX в. важное место занимают отчеты кооперативных организаций. Как правило, они заполнялись на типографском бланке по единой схеме, разработанной Московским союзом потребительских обществ (сведения о местонахождении кооператива, социальном составе и числе членов, общем количестве крестьянских хозяйств и т.д.).

Ряд отчетов написан в произвольной форме. Они принадлежат инструкторам кооперативных союзов, отправленным в уезды и волости для обследования и проверки деятельности первичных кооперативов. Отдаленность низовых ячеек от губернского кооперативного центра часто приводила к невыплатам паевых взносов, нецелевому использованию средств, задолженности по ссудам. Нередко нормальной деятельности кооперативов мешали неграмотность и низкий образовательный уровень руководящих работников, отсутствие счетовода и бухгалтера. Инструкторы должны бы помочь исправить ошибки, дать необходимые указания, ответить на вопросы по организации и деятельности кооператива, разобраться в запутанных ситуациях по взысканию долгов по паевым взносам, провести перевыборы правления.

Если при заполнении анкетных листов председатели правлений должны были только правильно ответить на поставленные вопросы и внести необходимые записи в соответствующие графы, то инструкторы, составляя отчеты по командировкам в низовую кооперативную сеть, могли не ограничивать себя в описании впечатлений от поездки. Отчеты инструкторов о командировках в первичные кооперативы регулярно печатались в кооперативной печати Европейского Севера, в том числе в журналах «Олонецкий

кооператор», «Кооперация Севера», «Северный кооператор». Эти отчеты больше напоминали не деловые документы, а зарисовки из сельской жизни, написанные в форме рассказа или путевого очерка. В них повествование велось от лица путешественника, который во время поездки по уезду знакомился с крестьянами и расспрашивал их о работе местной кооперации, потребительском обществе («потребилровке»), попутно характеризовал деятельность правления и ревизионной комиссии, сообщал о культурных достижениях кооператоров.

Такие кооперативные отчеты представляли собой образец «простонародной, живописной, выразительной речи, очень далекой от школьной грамматики», сравнимый с речью героев рассказов М. Зощенко, Л. Пантелеева, которые для придания достоверности повествования воссоздавали в своих произведениях «трогательную речевую нескладницу только что пробуждавшихся к культуре людей». Как отмечал К.И. Чуковский, их фразеология отражала «в себе ранний этап речевого развития масс, относящийся к первым годам революции, когда городская культура принесла в отсталую деревню множество новых понятий и слов, освоение которых далось деревенскому человеку не сразу». (Чуковский К.И. Пантелеев // Пантелеев А.И. Собр. соч. В 4-х т. Л., 1976. Т. 1. С. 14, 15).

С этой точки зрения представляет интерес доклад о поездке весной 1919 г. в город Вытегру инструктора кооперативного отдела Олонецкого губернского совета народного хозяйства. Можно предположить, что его автором был Николай Торянский. В своем отчете инструктор описывает деятельность кооперативов в тех селах и деревнях, которые попадались ему на пути следования из Петрозаводска в Вытегру. В Национальном архиве Республики Карелия (НАРК) этот отчет представлен в двух вариантах – машинописном и рукописном, в последнем имеется масса орфографических ошибок, текст написан без точек и запятых. Машинописный текст перепечатан слово в слово с рукописного варианта с некоторыми исправлениями самых грубых недочетов.

В данном документе особо заметно соединение канцелярского стиля и разговорной речи. В этом, как и других кооперативных отчетах, встречаются слова и речевые обороты, заимствованные из докладов и выступлений руководителей первых лет Советской власти. Авторы не всегда понимают уместность их использования, но, тем не менее, стараются проявить себя как официальные лица.

При этом такие канцеляризмы, как «дал указания», «дал некоторые объяснения», «не было кворума», «вышли большие прения», «в моем присутствии», легко совмещаются с разговорной речью, например, «останавливаться дома не было времени», «покуда все в порядке», «перешли на личные счета». В кооперативной деловой переписке 1918–1920 гг. часто использовались старорежимные речевые обороты, когда сначала пишется имя существительное, а затем – имя прилагательное: «цены высокія». Несмотря на советскую реформу алфавита и введение новой орфографии, работники и члены кооперативов писали так, как были научены грамоте до революции, поэтому в их документах нередко встречается упраздненная буква «И» десятеричное, например, «благія начинания».

В отчете присутствует одна речевая особенность, характерная для жителей Присвирья и южных уездов Олонецкой губернии – при указании местонахождения объекта в устной речи осуществляется замена окончания в словах предложного падежа: вместо «е» произносится «ы»: «некоторые товары просто оказались в тары».

Отчет позволяет сделать вывод о том, как весной 1919 г. в некоторых кооперативах были налажены счетоводство и бухгалтерия, как была организована работа по снабжению населения продуктами и товарами первой необходимости. В условиях гражданской войны и политики военного коммунизма кооперация подвергалась различным реорганизациям. 16 марта 1919 г. был принят декрет СНК «О потребительских коммунах». Дата командировки и написания доклада – март–апрель 1919 г., но о начале реализации этого декрета даже не упоминается. С одной стороны, это говорит о том, что постановления центра приходили на места с большим опозданием, с другой – может быть, население игнорировало данное распоряжение Советской власти, демонстрируя свое отрицательное отношение к насаждению коммун. Также из отчета можно узнать об отношении местных руководителей к потребительскому обществу. Оно соответствует официальной линии Советской власти и взглядам большевистского руководства на кооперацию как «лавочку», «буржуазный аппарат», «наследие капитализма» и т. п.

Данные кооперативные отчеты раскрывают многие частные факты из деятельности первичных кооперативов, которые не отражались в официальных документах. Среди различных документов кооперативных организаций встречается достаточно много

анонимных писем и заявлений, что ставит перед исследователем проблему авторства.

Л.А. Дубровина (Киев, Украина)

**РАЗВИТИЕ КОДИКОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В
ИНСТИТУТЕ РУКОПИСИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ
УКРАИНЫ ИМ. В.И. ВЕРНАДСКОГО (1992 – 2011)**

Институт рукописи был создан в 1992 г. на базе отдела рукописей Библиотеки как научно-исследовательское подразделение, призванное осуществлять развитие научных направлений, связанных с вопросами собирания, научного описания и источниковедческого исследования рукописного и книжного наследия Украины. В структуре Института было создано несколько отделов, среди которых особое внимание уделялось отделу кодикологии и кодикографии, а также отделу источниковедения, объектом научной деятельности которых являлись рукописная книга и документальные источники, хранящиеся в библиотечных коллекциях. С 1993 г. выходит специальная серия научных трудов «Рукописное и книжное наследие Украины» («Рукописна та книжкова спадщина України»), насчитывающая 15 томов по состоянию на 2011 г.

Проблематика кодикологических исследований предполагает изучение теоретических аспектов кодикологии как специальной исторической дисциплины, и ее практической сферы – кодикографии как системы описания рукописных книг и, в конечном итоге, создание информационных ресурсов. Широко используются и развиваются методы палеографии, археографии, маргиналистики, филигранологии, текстологии, лингвистики, истории книжного искусства, иконографии и др. За 20 лет своего существования отдел кодикологии и кодикографии издал свыше сорока монографий, тематических сборников, научных каталогов рукописных книг (кириллических, латинских, греческих, еврейских, арабских), нотных рукописных книг (крюковых и нотолинейных), а также свыше 700 отдельных статей, подготовленных сотрудниками отдела. Поскольку Библиотека является академической, отдельное внимание уделялось совместным исследованиям и публикации рукописных памятников Украины, которые осуществлялись совместно с родственными академическими институтами, как, например,

«Пересопницкое Евангелие 1556–1561 г.», включающее кодикологическое и палеографическое исследование рукописной книги. Отдельное направление – создание электронных информационных ресурсов, прежде всего, действующей базы данных рукописных книг «Кодекс», в которую включены описания славянских рукописных книг XI–XVI вв. В 2011 г. ресурс этой базы данных конвертирован для представления в сети Интернет. В настоящее время продолжается оцифровывание рукописных книг для создания полнотекстового ресурса.

Ориентирование на комплексные исследования в области рукописного наследия позволило создать новое направление – изучение рукописно-книжной культуры Украины, определение истории, происхождения, содержания и бытования рукописной книги в разные исторические периоды. Научная школа Института характеризуется также подготовкой специалистов высшей квалификации, докторов (три доктора) и кандидатов наук (11 кандидатов исторических наук) в области кодикологии и кодикографии, истории рукописной книги и книжных коллекций.

Спектр направлений изучения рукописных книг включает в себя следующие темы:

- теоретические вопросы историко-кодикологических исследований, объекта, предмета, методов кодикологии, истории книги, историографии и библиографии (Л.А. Дубровина, Л.А. Гнатенко, О.А. Иванова, А.А. Хамрай, С.М. Мищук);

- кодикография как методический аппарат кодикологии и система комплексного научного описания рукописных книг по форме, содержанию, происхождению, бытованию и историко-культурному контексту (Л.А. Дубровина, О.А. Иванова, Л.А. Гнатенко, М.К. Иванникова, Э.С. Клименко, И.А. Сергеева, А.А. Хамрай);

- украшение рукописных книг и формализация элементов украшения книги и переплета, изучение стилевых особенностей художественных школ (С.П. Прудников, И.А. Сергеева, Е.М. Гальченко);

- палеографические, графико-орфографические исследования рукописных книг и памятников письменности (Л.А. Дубровина, Л.А. Гнатенко, О.А. Иванова, А.А. Хамрай);

- вопросы истории и теории археографии, полевой и камеральной археографии рукописных книг и письменных памятников XIV–

XVIII вв. (Л.А. Гнатенко, Л.А. Дубровина, Э.С. Клименко, О.А. Иванова, М.К. Иванникова);

– переплет рукописных книг и развитие исторических форм книги, аспекты сохранности рукописных книг в системе археологии и кодикологии (Е.М. Гальченко, С.П. Прудников);

– вопросы кодикологии и научного описания рукописных книг разного происхождения: греческой и латинской рукописной книги – Е.К. Чернухин; польской рукописной книги – С.О. Булатова; еврейской рукописной книги, арабских и арабо-еврейских рукописей – И.А. Сергеева, А.А. Хамрай;

– исследования рукописной книги в разные хронологические периоды в контексте развития науки, культуры, образования, в частности, – описание рукописной книги XIV–XVII вв. (Л.А. Гнатенко; О.А. Иванова, Л.А. Дубровина; М.К. Иванникова, А.А. Хамрай);

– кодикологические исследования украинской рукописной музыкальной книги (Э.С. Клименко);

– создание баз данных рукописных книг на базе кодикологического описания (Л.А. Дубровина, О.А. Иванова, Е.М. Гальченко);

– история коллекций рукописных книг (С.О. Булатова, Л.А. Дубровина, С.В. Сохань, С.Н. Мищук).

Перспективными направлениями кодикологии являются изучение региональной истории книги, книжной технологии, флиграноведческий, палеографический и текстологический анализ кодексов, выявление особенностей списков памятников, установление репертуара рукописной книги, исследование искусства оформления, маргиналий как исторических источников, истории переплета. Серьезного внимания требует работа по включению рукописных книг в Государственный реестр национального культурного книжного наследия, который создается в Украине.

В.И. Дурновцев (Москва)

«ЗЕМНОЕ ЭХО СОЛНЕЧНЫХ БУРЬ»

С.М. Каштанову случалось не раз и по различным поводам высказываться по проблеме, которая время от времени, если не приобретала первостепенное и принципиальное значение в пространстве источниковедческих методологических и методических

дискуссий, то, во всяком случае, была одним из важнейших их компонентов – проблеме определения исторического источника. Более или менее строгое, согласованное и относительно исчерпывающее определение исторического источника открывало пути к созданию убедительных для научного сообщества классификаций информационных ресурсов истории, затем к успешному, правильному критическому анализу отдельных групп источников, наконец, реконструкции исторической реальности. Спор о понятиях постоянно выходил за границы отвлеченного теоретизирования, отвечал потребностям прикладного источниковедения. Но он, как правило, был включен в соответствующую историографическую ситуацию, вмещал прошлые опыты историко-научного познания. Успешное приращение прошлого источниковедческого опыта не всегда сопровождалось стремлением заглянуть в будущее науки и ее важнейшей отрасли, учетом, что, возможно, на новом, очередном витке развития источниковедения, казалось бы, более или менее устоявшаяся ресурсная база, методологические основания, наконец, требования социальной действительности потребуют внесения корректив в предлагаемые схемы. Между прочим, сигналы о неизбежности появления новых направлений исторической науки, могущих разрушить сформировавшийся образ, давно поступали именно из прошлого историографии.

В конечном итоге разнообразные определения исторического источника сводились к двум толкованиям – ограничительному и расширительному. Первое отчетливо опиралось на давнюю историографическую традицию: коль скоро предметом истории являются «человеческие деяния», то и исторические источники не что иное, как остатки, результаты деятельности человека. Процесс антропологизации истории, сведение истории к истории людей во времени, как будто усилил позиции тех, кто определял исторические источники исключительно как продукты реализованной человеческой психики. Этот взгляд оброс обширной литературой, многое в ней сохраняет безусловную значимость, тем более что подавляющее большинство исследователей и в самом деле имеют дело с источниками человеческого происхождения, как бы их не называли и прежде, и теперь – «остатки прошлой жизни», «предания», «свидетельства о прошлом», «след», «памятники», «документы». И «реализованные продукты человеческой психики», и «объективи-

рованные результаты человеческой деятельности». А еще «совокупность произведений человека/продуктов культуры» и пр., и т.д.

Но давно замечено: определение – всегда ограничение, и любые определения при слепом и бездумном следовании строго заданному вектору научно-исторического познания рано или поздно становятся препятствием для решения неизбежно возникающих новых научно-познавательных проблем истории, в числе прочего обусловленными и связанными с общественными потребностями. К тому же природа исторического познания такова, что все доступное историческому измерению, все так или иначе нуждающееся в собственной истории, стремящееся к истокам, неизбежно включается в сферу осмысления и освоения. Действительность формулирует и постоянно ставит перед историей все новые и новые задачи, и никто не может поручиться за то, что список рано или поздно будет исчерпан. Бывает и так: историография предвосхищает будущие социальные вызовы, но скажем, проблема взаимодействия общества и природы не актуализируется на данном историческом этапе, и спрос на ее разрешение тем самым откладывается.

Казалось бы, сфера профессиональных интересов С.М. Каштанова – дипломатика и археография, кодикология и филигроведение, и, конечно же, шире, – основанная на безупречном изучении источников многовековая социально-экономическая, политическая, культурная история России, позволяла ему, предельно эффективному практикующему историку и источниковеду, или со стороны наблюдать за перипетиями методологических источниковедческих дискуссий, или присоединиться к сторонникам антропогенного толкования исторического источника.

Однако, как известно, С.М. Каштанов неоднократно выступал в печати по вопросам определения и классификации исторических источников и, в частности, однозначно высказался в пользу последовательно отстаиваемой, развиваемой и убедительно аргументированной позиции С.О. Шмидта, с 60-х гг. прошлого века предлагавшего включать в понятие исторического источника не только результаты «человеческой деятельности», но и естественно-географическую среду в самом широком понимании этого термина... и физико-психические свойства человека». Источниковедческая база исторической науки, «шкала ценности исторических источников», писал С.О. Шмидт, меняется: климат, ландшафт, природные катастрофы, животный мир, эпидемии не менее

значительные источники информации, чем продукты человеческой деятельности. Сетую на игнорирование источников природного происхождения при изучении антропологически ориентированной истории, назревших вопросов взаимодействия общества и природы, С.О. Шмидт предлагал в первую очередь считать историческим источником все, что источает или может источать информацию, источником исторической информации (См. цикл статей на эту тему в кн.: Шмидт С.О. Путь историка. Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997).

Не следует забывать, отмечал С.О. Шмидт, что оппонентами на защите А.Л. Чижевским диссертации на тему «Земное эхо солнечных бурь», посвященной связи активности солнца с жизнью Земли, были Н.И. Кареев и С.Ф. Платонов.

Точно так же, как С.О. Шмидт, считал и считает С.М. Каштанов. С широким определением исторического источника оказались связанными скептические взгляды С.М. Каштанова на подмену понятия «исторический источник» понятиями «памятник», «документ», предложенная им версия классификации источников первоначально «по признаку материальной формы их существования», «по субстанциональному признаку», а затем по фундаментальному признаку происхождения. В результате предлагалось исторические источники различать на явления и произведения природы и проявления и результаты созидательной деятельности человека (Каштанов С.М. С.О. Шмидт и проблема определения исторического источника // Источниковедение. Проблемные лекции: учебно-методический модуль. М., 2005. С. 132).

Для историка, реконструирующего прошлое, информация, заключенная в источнике, на первом месте. Где и откуда он «взял», «добыл» эту информацию, конечно, важно. Но существеннее то, что эта информация необходима ему для целей, которые он перед собой поставил, научной темы, которую он сформулировал, задачи, которую ему предстоит решать. Скажем, «для изучения древнейшей истории с ее относительно ограниченной источниковой базой и очень тесной зависимостью общества от природной среды», наряду с источниками этнографическими, археологическими, антропологическими, лингвистическими и письменными необходимо изучение источников и естественно-научных как преобразованную человеком, так и непреобразованную природную среду (Першиц А.И. Понятие и классификация первобытно-исторических источников // История

первобытного общества: Общие вопросы. Проблемы антропогенеза. М., 1983. С. 35; Он же. Непреобразованная природная среда как источник изучения древнейшей истории // Источниковедение и краеведение в культуре России. М., 2000. С. 18).

Примерно в то же время, когда в отечественной историографии оживилась полемика по методологическим вопросам источниковедения, естественно включавшая как ключевую и первостепенную проблему определения исторического источника, в американской и западноевропейской историографии все чаще и чаще стали раздаваться голоса, что разрыв между естественными и гуманитарными науками становится критическим, что он опасен, в том числе и потому, что влечет за собой интеллектуальную деградацию субъектов научного познания, что, по существу, речь идет об оформлении двух научных культур, тогда как сложнейшие проблемы человеческого развития, связанные, в частности, с назреванием экологического кризиса, грозящей миру катастрофой, требует объединения усилий. Дональд Уорстер (Donald Worster), но, конечно, не только он, конкретизировал: естественнонаучное знание и историческая наука стали по существу независимыми сферами научного познания. Историки, разумеется, в первую очередь изучают людей, общества, культуры, а как воссоздать и понять историю без учета и научного освоения всего, что касается человека и природы?

Проблема «человек и природа», конечно, для историографии не была новостью. Классическая история вмещает в собственной истории предысторию экологической истории, которая зрела в ней, облекаясь в формы исторической географии, предвещая свое будущее проявлениями географического детерминизма, смущая историков, обнаруживающих могучее воздействие природно-климатических факторов на этносы и культуру. Обратное и, как оказалось, могучее стать губительным воздействие части природы (человечества) на целое сыграло мобилизующую роль в рождении экологии, а вслед за этим и экологической истории. Она трансформировала идеи географического детерминизма. Она стала изучать свою собственную, предэкологическую историю. Она стала мощным аргументом в пользу междисциплинарных подходов в исторических исследованиях.

Экологическая история – это всегда взаимодействие человека с миром природы, или, выражаясь иначе, она изучает взаимодействие между культурой и природой. Главной целью экологической

истории является углубление нашего понимания о том, как человек и общество изменялись под влиянием природной среды в прошлом, но также и о том, каковы были течение и результат их влияния на природную среду.

В настоящее время историческому познанию узки строгие рамки человеческой истории. Вопросом вопросов, основой всех остальных становится выяснение места, которое занимал и занимает человек в природе, пределы человеческой силы над природой и власти природы над человечеством. Глобальный исторический анализ, т.е. формирование образа мировой истории, осуществляется, по-видимому, по меньшей мере, в трех направлениях: межкультурного взаимодействия и распространения, крупномасштабной экономики и социальной истории, глобального эколого-исторического анализа, т.е. в границах экологической истории (Джерри Бентли (Jerry H. Bentley). Образы мировой истории в научных исследованиях XX века – www.tuad.nsk.ru).

Разумеется, при изучении истории климата, животного и растительного мира, изменений ландшафта историк основывается на привычных для него источниках, письменных и вещественных, изобразительных и этнографических. Но изучение окружающей среды истории на основе *исключительно* результатов, исключительно продуктов человеческой деятельности невозможно. История, воссоздаваемая, реконструируемая на основе письменных или вещественных источников, источников человеческой культуры имеет свои пределы, когда историография переходит на новый, качественно новый уровень развития, обращаясь к истории взаимодействия между человеком и обществом в прошлом. Естественные науки могут рассказать и реконструируют историю по-своему. Экологическая история, пишет Дж. Р. Мак Нил, как минимум, интересуется материальными, культурно-интеллектуальными, политическими феноменами и может позволить себе, обращаясь к эволюции экосистем, не интересоваться людьми. Но точно так же и в обобщающих, и тем более в локальных исследованиях легко дистанцироваться от природы, оставаться в границах собственно человеческой истории. Что делалось, делается и будет делаться в обозримом будущем. И это отнюдь не антропоцентризм, но естественное ограничение научно-исторических занятий, оставляющее простор для деятельности других направлений познавательной деятельности в границах истории. Поскольку в каждой отрасли

знания своя история человечества, объединение сил и возможностей становится неизбежным.

Экологический историк, ориентируясь в физической географии, биологии, экологии, не претендует стать экспертом в этих областях. Он остается историком, использующим инструментарий, методы, наконец, источники информации естественных наук. В конечном счете, для антропологической истории. А значит источниковедение, экологическое источниковедение, включает в предмет своего исследования не только исторические информационные ресурсы о человеке и обществе, но в равной степени и исторические данные о преобразованной, но не зарегистрированной «традиционными источниками» природной среде, и тем более данные о непреобразованной природной среде. Но это уже Новое источниковедение.

О.А. Дячок (Днепропетровск, Украина)

**Источники по истории торгово-таможенных
отношений в издании 1843 г. древних грамот и актов
Вильна, Ковна и Трока**

Анализ археографических изданий необходим для полного и всестороннего использования источников в научных исследованиях.

К изданиям, редко привлекающим внимание, относится «Собрание древних грамот и актов городов Вильны, Ковна, Трока, православных монастырей, церквей...» (В 2-х ч. Вильно, 1843). Акты, содержащиеся в 1-й части, подготовил к публикации Г. Марциновский, а содержащиеся во 2-й – Г. Нарбутт. Издание было своевременным, поскольку часть документов на момент их обработки истлела и через несколько лет могла быть утраченной. Все акты, находящиеся во 2-й части, печатались впервые. Публикаторы подчеркнули, что тексты документов тщательно сверены, даны на языке оригинала с воспроизведением древнего правописания. Указано, с оригинала или списка снималась копия. Однако, то, что были опущены имеющиеся в источниках титла, в определенной мере затрудняет работу.

Публикации документов предшествует обширное предисловие на русском и польском языках с кратким изложением истории Литвы, генеалогии литовских князей, истории православного и католического вероисповеданий на территории Великого княжества

Литовского (ВКЛ), братств, магдебургского права и т. д. Археографический уровень сборника нельзя назвать достаточно высоким, поскольку отсутствуют комментарии к документам, разъяснения некоторых слов и т. д.

Сборник содержит ряд источников, важных для изучения торгово-таможенных отношений в ВКЛ. Одним с древнейших документов, навсегда освобождавших виленцев от уплаты таможенной пошлины на территории ВКЛ, была грамота Сигизмунда Корибутовича от 23 сентября 1432 г. Пожалование дано «ляхам и руси», под которыми, очевидно, следует понимать горожан-католиков и православных. Позже термин «грамота» в делопроизводстве ВКЛ исчезает. Утверждаются такие разновидности документов, как привилей и лист. В привилеях, в частности, фиксировались пожалования мещанам на беспошлинную торговлю. Эти документы имеют много общего с листами, но отличаются от последних тем, что не содержат норм императивного характера. Хотя какое-то время однозначного употребления терминологии не было. Например, документ Казимира от 1440 г. в инскрипции содержит оборот «оузьявляемъ тымъ листомъ», а в короборации – «дали сию нашу грамоту».

Достаточно распространённым видом документов в ВКЛ были листы, отличающиеся как по происхождению, так и по содержанию.

Беспошлинные листы давались правителем отдельным лицам за определённые заслуги или общинам для их поддержки. В сборнике опубликовано несколько таких документов. В 1440 г. Казимир издал два листа (на латинском и русском языках) о невзимании торговых пошлин с виленцев на территории всего государства, второй из которых является подтверждением освобождения виленцев от уплаты пошлин, предоставленного ранее Ольгердом и Владиславом (Ягайлом). В санкции последнего содержится императивная норма, адресованная частным и служебным лицам, запрещающая взимание пошлин с виленских мещан. В 1502 г. Александр освободил виленцев от уплаты пошлин и на территории Польши, что было подтверждено Сигизмундом I в 1514 г. А в мае 1585 г. Сигизмунд III освободил трокских обывателей от уплаты таможенных пошлин арендатору Августовской таможни. Иногда листами устанавливался размер взимаемых пошлин (Сигизмунда I от 29 мая 1542 г.).

Великокняжескими актами регламентировались и правила торговли. Некоторые из них утверждали более благоприятные условия

для виленских торговцев. Так, в 1511 г. Сигизмунд I обязал приезжих купцов продавать товары только в торговые дни. 10 июня 1538 г. он же подтвердил запрет приезжим купцам торговать между собой и продавать товары в розницу в неярмарочные дни. С другой стороны, виленцы в 1523 г. получили разрешение выгружать свои товары в Ковне и продавать кому-либо, несмотря на наличие у города права склада. Ковенцы же стремились отстаивать собственные интересы. В господарском суде рассматривался спор ковенских и виленских мещан об обязательном для последних праве склада в Ковне, о чём свидетельствует запись в 8-й книге судных дел Литовской метрики. Отобранные ковенцами свидетели виленцев под присягой показали, что последние складировали свои товары добровольно. В результате, в 1552 г. виленцы получили от Сигизмунда Августа привилей, освобождавший их от склада товаров в Ковне. Они могли сплавлять собственные товары вниз по Неману в Пруссию или продавать их в этом городе прусским или местным купцам. Поскольку на практике льготы виленцев нарушались, то 1 сентября 1560 г. Сигизмунд Август подтвердил их, установив штраф за нарушение в тысячу коп грошей. Позже право склада в Ковне было подтверждено конституциями 1581, 1607 и 1647 гг., но на виленских купцов оно не распространялось. Листом Сигизмунда III от 4 августа 1609 г. иностранным купцам, приезжающим в ВКЛ, дабы не уклонялись от уплаты пошлин, разрешалось торговать только в Ковне с жителями города, а также в городах и местечках, имеющих магдебургское право.

Сигизмунд I 9 августа 1516 г. в ответ на просьбу жителей Троков позволил учредить здесь две ярмарки в году в удобные горожанам сроки, на которые могли бы приезжать литовские и иностранные купцы, не уплачивая мыто. 19 июня 1579 г. Стефан запретил ковенским урядникам и мещанам препятствовать Жителям Троков вести торговлю в Ковне. Документ аналогичного содержания издал и Сигизмунд III 28 марта 1589 г.

В 1542 г. Сигизмунд I с Панами-радой рассматривал жалобу на епископа виленского о незаконном взимании пошлин, результатом чего была отмена последнего. А листом Сигизмунда III от 17 марта 1623 г. запрещалось взимать пошлины с ковенских мещан на ездах.

Особо стоит документ Яна Казимира от 1697 г., составленный после заключения мира с московским царём, в котором сообщалось о возобновлении торговли в приграничных районах, за исключением

заповедных товаров, а также о свободной торговле между купцами Смоленска и Риги с уплатой причитающегося мыта и цда (пограничного мыта).

В.А. Есипова, Т.Э. Куклина (Томск)

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ОПИСАНИЯ СЛАВЯНО-РУССКИХ РУКОПИСЕЙ НА БЕРЕСТЕ XX в.*

В сообщении предполагается рассмотреть некоторые аспекты описания поздних славяно-русских рукописей, написанных на бересте. Постановка проблемы была осуществлена в статье (Есипова В.А., Куклина Т.Э., Данченко А.М. Рукописи на бересте: проблемы описания и терминологии // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. №1(13). С.121–127), где предлагалось подразделить проблему на ряд более частных вопросов:

- описание бересты как материала для письма;
- описание чернил и способа письма;
- описание почерка.

Рассмотрим подробнее первый из обозначенных вопросов. Описание бересты как материала для письма особенно актуально для поздних рукописей, поскольку для них неприемлем, например, стратиграфический метод датировки, широко применяющийся при работе с новгородскими берестяными грамотами. По существу, вопрос датировки на основе данных материала для письма для этого вида документов является открытым. Действительно, если для рукописей на бумаге используется датировка по филиграммам и штемпелям, то ничего подобного для бересты пока не разработано. Положение осложняется тем, что в биологии не существует классификации бересты по тем параметрам, которые доступны для фиксации при описании рукописи на бересте. Кроме того, как в европейской части России, так и в Сибири для письма использовалась преимущественно кора березы повислой или пушистой, имеющих очень большой ареал и значительную внутривидовую изменчивость.

При описании бересты, использованной в качестве материала для письма, предлагается обращать внимание на следующие особенности:

- используемый слой коры; для листов и переплета используются обычно разные слои. Как правило, берестяной «лист», исполь-

зубчатый в сибирских старообрядческих рукописях, представляет из себя тонкий слой пробки, а «переплет» может включать также нижележащий слой – луб или его фрагменты.

- цвет. Для точной характеристики цвета логично использовать широко применяющуюся в биологии шкалу цветов (Бондарцев А.С. Шкала цветов (пособие для биологов при научных и научно-прикладных исследованиях). М.-Л.: изд-во АН СССР, 1954. 27 с.). Это позволит ввести унифицированные обозначения цветов и избавиться от субъективных оценок в этой части описания.

- характер выделки.

- расположение чечевичек параллельно или перпендикулярно строке. Отметим, что преобладает параллельное расположение, возможно, это связано со свойством бересты сворачиваться в рулон в направлении, перпендикулярном чечевичкам, что соответствует естественному положению коры вокруг ствола. Кроме того, расположение чечевичек на «листе», видимо, связано с их размерами (длиной), так как длинные чечевички, расположенные поперек «листа» могли привести к его разрушению. Можно также предположить, что при заготовке бересты отбирались деревья с определенными размерами чечевичек по указанной выше причине.

- количество чечевичек на единицу площади. Возможно, следует принимать во внимание и этот показатель, т. к. он сильно разнится от случая к случаю. Однако он не может служить указанием на вид березы или территорию ее произрастания. Но при этом не исключено, что позже, когда будет собран более обширный материал, удастся выявить некоторые закономерности.

- графление. В целом для берестяных рукописей независимо от места производства характерно отсутствие графления листов, что, скорее всего, связано с наличием чечевичек, которые и без графления задавали направление строки.

Учитывая сказанное выше, был произведен обмер ряда образцов из коллекций отдела рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета (ОРКП НБ ТГУ, 12 ед. рукописей на бересте) и Томского областного краеведческого музея (ТОКМ, 19 ед., а также 12 ед. с обложками из бересты), всего было обследовано 46 образцов. Обмеры производились по следующим параметрам: минимальная и максимальная длина чечевичек и количество чечевичек в 10 см. Полученные результаты были ранжированы в порядке возрастания

минимальной длины чечевички. После систематизации стало видно, что все параметры колеблются в определенных интервалах. Так, минимальная длина чечевички варьируется от 1 до 15 мм, максимальная – от 3 до 69 мм, при этом основная масса значений располагается в интервале от 10 до 30 мм. Отметим здесь, что минимальный размер чечевички служил в данном случае скорее базовым элементом ранжирования, чем смысловым: поскольку чечевички – отверстия для дыхания стебля дерева – образуются на протяжении всей жизни растения. Поэтому чечевички размером в 1–2 мм будут, скорее всего, присутствовать в любом случае; в дальнейшем есть смысл измерять не минимальный, а средний размер чечевички. Что касается максимальных размеров, здесь бросается в глаза, что из интервала 10–30 мм выпадает лишь пять образцов, максимальная длина чечевичек которых составляет от 40 до 69 мм. Возможно, это зависит от возраста, скорости роста, но есть вероятность и видовых различий. Что касается количества чечевичек в 10 см, этот показатель располагается в основном в интервале от 5 до 10; два значения ниже этих цифр (3 и 4), пять – выше.

Поскольку полученные результаты укладываются во вполне определенные численные интервалы, есть вероятность, что внешние особенности бересты как материала для письма удастся использовать если не для датировки, то для географической локализации рукописи. Однако для этого необходим более обширный фактический материал.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект №10-04-00087а.

М.Б. Желтов (Рязань)

ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ КОЛОМЕНСКОГО УЕЗДА ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.

Многочисленные и дорогостоящие начинания Петра I потребовали максимального напряжения всех ресурсов России. Важнейшей мерой мобилизации являлся учёт податного населения. За первую четверть XVIII столетия было испробовано несколько вариантов переписей, отличавшихся как своим форматом, так и тщательностью реализации. Пристальное внимание правительства к переписям не только дало мощный стимул к развитию переписного

дела, но и существенно сказалось на налогообложении и социальной структуре. Между тем, если писцовым и переписным книгам XV–XVII вв. и ревизиям XVIII–XIX вв. посвящено большое количество работ, то стык этих двух важнейших эпох в деле учета податного населения, время активной трансформации первого во второе, практически не изучен.

Материалы ревизий первой четверти XVIII в. сосредоточены в двух фондах РГАДА: 1209 (Поместный приказ) и 350 (Ландратские книги и ревизские сказки).

Первая из петровских переписей прошла в 1705–1706 гг. (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 9276, 9277). Переписчик – стольник Афанасий Тимофеев сын Савелова. Книга 9276 (селения дальше 100 верст от Москвы) содержит 333 листа, книга 9277 (селения ближе 100 верст от Москвы) – 801 лист. На странице 18 строк. Внутри административно-территориальных единиц (далее: АТЕ; речь идет о станах и волостях) описание структурировано по владельцам. Поместья и вотчины помещены вместе. Итог подводится в конце владельческого описания, учитывается количество населенных пунктов, количество дворов (крестьянских) и число людей в них. В отличие от переписей XVII в., в переписи 1705–1706 гг. отсутствует деление сельского зависимого населения на разряды (крестьяне, бобыли, дворовые, задворные, деловые, плотники, кабальные, мельники, скотники, конюхи, сторожа, печники, овчинники и т.д.). Возраст указывается не только для детей и подростков (как было в описании 1678 г.), а для всего мужского населения (кроме глав дворов). Помещены данные о церковнослужителях.

В 1709 г. прошла вторая перепись (РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 195). Книга по Коломенскому уезду содержит 573 листа. На странице 27 строк. Не хватает описания Высоцкой, Оглоблинской и Малинской волостей. Внутри АТЕ описание делится по владельцам. Указывается прежний владелец по книгам 1677 г. Итог дается в конце описания – количество дворов и людей в них без конкретизации разрядов населения.

Третья перепись прошла в 1710 г. (РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 196). Книга содержит 228 листов. Представляет собой сказки, принимавшиеся стольниками-писцами на съезжих дворах. Описание успело охватить лишь три стана: Большой Микулин, Песоченский и Маковский. Имеются сказки церковнослужителей. В сказках

помещены данные о возрасте крестьян, их женах, даты смерти жителей убылых дворов, сведения о фактах нищенствования.

Перепись 1715 г. проводилась ландратами (откуда и её название – Ландратская) по дистриктам. Коломенский дистрикт был несколько меньше Коломенского уезда (РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 197, 198). Книга 197 содержит 1244 листа, книга 198 – 717 листов. На странице 25 строк. Порядок АТЕ схож с описанием 1709 г., но разбивка по книгам без территориальной приуроченности. Книга 197 содержит описание Большого Микулина, Песоченского, Боршевского, Усмерского, Каневского, Маковского станов, Раменской, Мезинской и Высоцкой волостей. В книге 198 даны описания Комаревского, Похрянского, Левыченского, Скулневского, Деревенского станов, Крутинской, Дарицкой, Мещерской, Алексеевской, Оглоблинской и Малинской волостей. Единственный раз за весь изучаемый период в масштабе всего уезда полно указывается женское население. Итог подводится не по селениям, а только по владениям. Указывается количество дворов и мужчин, далее мужское население разбивается по возрастам (до 5, до 10, до 15, до 20, до 30 и т.д. лет). По возрастам считается и женское население. Затем производится сравнение с книгами 1678 г. (прежний владелец, бывшее количество крепостных, причины и время убыли конкретных дворов). Кроме крестьян указаны лица духовного звания, причем в отличие от описания 1627 г., они идут не внутри владельческих статей, а отдельно. При подведении общего итога по уезду сделан акцент на доскональном учете движения населения. Всего в Коломенском уезде насчитывалось за помещиками и вотчинниками 2765 крестьянских дворов, в которых проживало 12 949 мужчин и 11 771 женщина. В том числе увеличилось за счет раздела на 290 дворов, перевезены из других станов и уездов 83 двора, итого 373 двора. Убыль составила 429 дворов, в т.ч. перевезены в другие уезды 89 дворов, вымерло 256 дворов, бежало 110 дворов, взяты в солдаты 56 дворов, стали нищими 2 двора и 5 дворов взяты в помещиковы дворы. Направление географического движения подтверждает вывод Ю.И. Готье о том, что население из более северных районов перемещалось в южные (Готье Ю.И. Замосковский край в XVII веке: опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М., 1937. С. 176). Важно отметить, что основной единицей учета оставалась не душа мужского пола, а двор. Методика подсчета изменения по сравнению с переписью 1678 г. количества дворов и

душ мужского пола у ландрата своеобразная и затуманивает реальные процессы. По данным книг 1678 г., в Коломенском уезде за помещиками и вотчинниками было 5618 дворов (убыль к 1715 г. – 51 %) и 22 595 душ мужского пола (убыль 43 %) (РГАДА. Ф. 1209. Л. 1032 об.). Но при этом и переписчики, и правительство не могло не признать неудовлетворительность полученных итогов.

В связи с этим в 1719 г. было предпринято описание, ставшее отправной точкой для последующих ревизий (РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1461; об обстоятельствах проведения I ревизии см.: Подъяпольская Е.П. Ревизские сказки как исторический источник // Академику Б.Д. Грекову ко дню семидесятилетия: сб. ст. М., 1952. С. 315–316). Отчетливое деление по владельцам, по АТЕ только сгруппировано (нет особого выделения АТЕ и итогов по ним). Каждое описание имеет пространную преамбулу, включающую дату, основание описания (царский указ), имя переписчика (ландрат Иван Родионович Чирков), наименование АТЕ, владелец, податели сказки (староста и выборный). Далее идет членение по селениям. В конце описания по селениям указываются бежавшие и вывезенные крестьяне. В конце описания идет клаузула об ответственности подателей сказки за достоверность информации (в противном случае податели готовы были подвергнуться смертной казни «без всякой пощады» и соглашались с конфискацией утаенных душ и их земельных наделов и их дальнейшей передачей комиссарам-переписчикам и «другим доносителям»). После этого следует отделенный от описания итог количества мужского населения отдельно по деревням. Итог, как и в книге 1715 г., подводится по возрастным категориям (до 5, до 10, до 15, до 20, до 30 лет и т.д.). В конце подводится итог мужского населения без разбивки по возрастам. Клаузула об ответственности подателей сказок была закономерна, но функцию свою не выполнила: прописные составляли десятки процентов. Психология не могла заменить методические и формулярные недостатки переписи. Описание опиралось на предоставленную подателями сказок информацию и было мало связано с предыдущими переписями, что давало возможность утаивать существенную долю крестьян.

Обычно считается, что спустя три года после переписи 1719 г. начался пересмотр ее итогов. Однако, как показывают материалы Коломенского уезда, уточнение стало производиться сразу после 1719 г. (РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1463, 1465, 1466). Принимались

данные о прописных, утаённых и вернувшихся беглых крестьянах, которые вносились в оклад.

Суммирование изменений после переписи 1719 г. приурочено к 1722 г. и получило название I ревизии (РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2610). Ревизия учитывала наличествующее население, переписанное тремя годами ранее. Затем указывались бежавшие, умершие, отданные в матросы и солдаты, прописные, прописные увечные (глух, крив, горбат, малоумен и т.д.), прибывшие из рекрут, прибывшие из бегов – подводился итог надлежащих «быть в подушном окладе». Затем учитывались родившиеся за три года.

За двадцать лет петровские описания существенно усовершенствовались. Главным итогом двадцатилетней работы стало формирование преимущественно-соотносимой формы: крестьянин предыдущего описания не мог теперь бесследно исчезнуть в последующем, равно как и появление крепостного со стороны требовало указания (переведен, родился, вернулся из бегов/армии/работ и т.д.). Если в XVII в. порядок перечисления дворов в селении был произвольным, то при Петре I он стал задаваться предшествующим описанием. При этом заметно резкое сведение дворов между переписями 1705 и 1709 гг. – попытка в условиях подворного обложения облегчить всё возрастающее бремя государственных налогов.

Деление крепостного населения на разряды (крестьяне, бобыли, дворовые) утрачивает значение, поскольку в итогах крепостные не разделяются. Возраст населения частично (до 15 лет) учитывался уже в переписных книгах 1678 г. При Петре I стал указываться возраст всех описываемых крестьян. К тому же возраст (с разбивкой по 5 или 10-летним интервалам) стал одним из пунктов итогов. Возраст, указывавшийся арифметическим прибавлением к числу лет по предыдущему описанию количества лет между учетами населения, стал неизмеримо точнее соответствовать действительности. Стремление к регулярности уже с описания 1705 г. привело к фиксации имен крестьян в полной форме. Интересна попытка учета женского населения во время Ландратской переписи. Правда, от этого в дальнейшем (до 1763 г., III ревизии) отказались, поскольку это вдвое увеличивало объем работы, да и движение женского населения было намного более активным (брачные миграции). Имение окончательно стало основной единицей описания, а селения практически утратили рубрикационную функцию (по ним перестал подводиться итог). Формуляр описания имения

существенно усложнился. К существовавшему еще в XVII в. элементам (владелец, прежний владелец, селение, населения дворов, итог) прибавились расширенные данные о движении населения, ответственности информаторов (смертная казнь, конфискация за ложные сведения).

Прогресс в переписном деле первой четверти XVIII в. – единый и непрерывный процесс. Новые методы накапливались постепенно, поэтому делать строгие разграничения описаний на старые и новые (ср.: Кузнецов В.И. Из истории феодального землевладения России (по материалам Коломенского уезда XVI–XVII вв. М., 1993. С. 16) неправомерно.

Изменения в переписном деле отражали происходившие в России процессы. Даже стиль реформирования – жесткие установки, ряд дорогостоящих неудачных опытов ради приемлемого результата – передает общий дух петровских преобразований.

Л.Ю. Жеребцова (Днепропетровск, Украина)

КЛАССИФИКАЦИЯ ДОКУМЕНТОВ ПО ИСТОРИИ ТАМОЖЕННОЙ СИСТЕМЫ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО (ПО МАТЕРИАЛАМ ЛИТОВСКОЙ МЕТРИКИ)

Литовская Метрика (далее – ЛМ) является основным источником по изучению истории Великого княжества Литовского (далее – ВКЛ), в частности, формирования таможенной системы. В отношении документов по истории таможенной системы видовая классификация русских актов С.М. Каштанова была дополнена схемами А.Л. Хорошкевич, Н.П. Ковальского, С.В. Абросимовой и В.С. Менжинского с учетом специфики таможенной проблематики. Выработанные С.М. Каштановым и А.Л. Хорошкевич рекомендации по изданию книг ЛМ также учитывались при определении видовой принадлежности документов книг ЛМ. Цель данной работы – построить классификацию записей ЛМ, содержащих данные по истории таможенной системы ВКЛ (до 1569 г.), а также показать возможность применения компьютерных технологий для проведения дипломатического анализа документов.

Информация об организации таможенной системы на землях ВКЛ содержится практически во всех видах записей книг ЛМ, которые можно разделить на такие группы:

I. Публичноправовые.

1. Договорно-законодательный вид:

а) жалованные грамоты:

– жалованные данные – с помощью которых великий князь разрешал или подтверждал взимание пошлин при основании населенных пунктов, устройстве ярмарок и торгов, коммуникационных сооружений, пожаловании имений, в счет оплаты государственного долга («*привилеи*»);

– жалованные подтвердительные – на покупки имений или фольварков с правом взимания пошлин, взимания пошлин, беспошлинного пропуска товаров, других жалованных грамот («*подтверждения*»);

– жалованные уставные – грамоты, регламентирующие основные принципы управления и суда различных социальных категорий населения на всей территории ВКЛ или определенной области, в частности, и порядок взимания пошлин («*привилеи*», «*подтверждения*»);

– жалованные льготные – с предоставлением привилегий городским общинам или отдельным лицам от уплаты пошлин по причине бедствий, при пожаловании права беспошлинной торговли («*привилеи*», «*вольности*»);

– жалованные арендные – договоры, которыми регулировались условия аренды таможенных сборов или корчем («*аренда*»);

– жалованные указные – с помощью которых местные власти уведомляли о пожалованиях третьим лицам: права взимания пошлин, разрешения беспошлинной торговли или о выплате жалования с определенных пошлин («*лист*», «*лист арендовный*», «*лист беспошлинный*»);

б) сеймовые постановления – решения, принятые на общеземских или областных сеймах относительно беспошлинного пропуска шляхетских товаров собственного производства за границу, установления государственных таможен и корчем на частных землях («*ухвалы*»).

2. Договорно-распорядительный вид:

– указные грамоты, с помощью которых представители центральной власти сообщали местной администрации или таможенникам свои распоряжения: относительно конфликтных ситуаций, незаконного взимания пошлин с мещан или купцов, конфискации товаров, взимания штрафов, уклонения от уплаты пошлин («*листы*»).

3. Регистрационный вид:

– отчеты таможенников о приходах и расходах с пошлин («личба»);

– квитанция таможенникам об отчете о приходах и расходах с таможенных пошлин («квитация»);

– приказы таможенникам о выплате денег или выдачи товаров с определенных таможенных пошлин («отправа»);

4. Судебно-процессуальный вид – документы, связанные с судебным разрешением конфликтных ситуаций при взимании пошлин («вырок», «декрет», «справа», «оповеданье»).

5. Дипломатические акты:

– «посольства» – документы, адресованные, преимущественно, турецким царям, в которых обсуждались вопросы безопасной торговли для купцов обоих государств после оплаты установленных пошлин;

– «отказы» – ответы послам на «посольства», в которых правители обоих государств гарантировали безопасность купцов во время ярмарок после оплаты соответствующих пошлин.

II. Описательно-статистические

– описания великокняжеских замков с перечислением взимаемых в пользу замков таможенных пошлин («ревизии», «люстрации», «инвентари»).

Данная классификация не является исчерпывающей, поскольку в ней отсутствуют документы частного правового характера, составляющие небольшой процент от общего числа, и те записи, заголовки которых не позволяют отнести их к выделенным группам.

Активная деятельность по изданию книг ЛМ в Литве, Белоруссии, Украине и Польше вызвала необходимость создания информационно-поисковых систем источник-ориентированного типа, которые позволяют сохранять полный оригинальный текст источников, их графические изображения, сопровождать их комментариями, предметным, именованным и географическими указателями, а в идеале – осуществлять быстрый поиск необходимых документов во всем комплексе ЛМ. Разработка подобных баз данных, в основе которых лежит дипломатический метод анализа формуляра актов и разметка документов с помощью XML-технологий, существенно облегчит работу по созданию справочного аппарата к публикуемым книгам ЛМ. В данное время ведется апробация XML-технологий для проведения дипломатического анализа

документов и создания указателей к публикуемой книге записей 49 ЛМ (совместно с А. Блануцой).

Для удобства изучения таможенной системы нами была разработана информационно-поисковая система «Мыто» – база данных, содержащая информацию о 42 видах известных пошлин и документах (архивных и опубликованных), в которых они отражаются. Описание документов ведется в соответствии со структурой «условного формуляра» акта, что позволяет четче определять видовую принадлежность записей. ИПС «Мыто» осуществляет поиск необходимых пошлин по разным критериям, в частности, по видам записей. Наиболее информативными и численными являются документы договорно-законодательного и распорядительного вида. Преобладание в течение изучаемого периода документов, выполняющих разные социальные функции, свидетельствует о развитии таможенной системы как государственной структуры ВКЛ.

О.И. Журба (Днепропетровск, Украина)

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЕ «ШУРФЫ» ИСТОРИОГРАФИИ

Историография, как и другие отрасли исторического знания, переживает сегодня серьезный дисциплинарный кризис, находясь в сложном поиске и освоении новых предметных полей, своего места в гуманитаристике. Изучение истории исторического сознания/знания/познания выдвигает новые требования ко всему комплексу взаимоотношений вспомогательных (специальных) исторических дисциплин, тесное взаимодействие которых приводит к формированию все более синкретичного, «полидисциплинарного» пространства гуманитарного знания.

В таких же поисках пребывает и археология, осознание необходимости расширения предметного поля которой, произошедшее за последние пару десятилетий, серьезно изменило традиционный дисциплинарный репертуар.

Если раньше археологические исследования в основном сводились к обзору опубликованных источников как носителей информации для решения конкретно-исторических проблем, представлении места археологического сегмента в творчестве отдельных историков и деятельности исторических институций, в лучшем случае посвящались изучению технологий археологической

практики, взятым, как правило, вне историографического и общекультурного контекста, то, не преувеличивая резвости «поворота», все же нельзя не заметить значительного усложнения дисциплинарной структуры археографии, границы которой не просто раздвигаются, но и проникают за привычные пределы смежных, прежде всего источниковедчески ориентированных отраслей знания.

Если продолжать рассматривать археографию как целостную систему, то задачи осмысления её истории как пространства опыта и ограничений, призваны охватывать все составляющие этой системы, а не только отдельные фрагменты. Поэтому в соответствии с современным пониманием археографии, её исторический раздел обращается не только к изучению публикаторской практики, но и к развитию археографии как специальной отрасли знаний.

В связи с этим актуализируется необходимость изучения истории и теории археографии, археографических идей, которые рассматривают издание/издания (и как процесс, и как результат) документов как исторических источников в широком контексте интеллектуальной истории. Предметом этой сферы историко-археографических исследований становится изучение генезиса и эволюции археографической мысли. На главное место содержательного исследования археографических идей и вообще истории археографии выходит комплекс взаимосвязанных вопросов, представляющих собой специфические и существенные теоретические установки археографов. Это то, что непосредственно касается понимания исследователями целей и задач археографии, в том числе и публикаторской деятельности.

Устойчивое осознание важности изучения прошлого археографии само по себе является достаточно симптоматичным и отражает назревшую потребность не только в историко-археографических исследованиях, но и в понимании насущной необходимости, по примеру историографии и источниковедения, претендующих на статус «универсальных ключей-отмычек» не только исторического, а тотального гуманитарного познания, заявить и о своих скромных методологических претензиях.

Процесс формирования спроса, производства, сохранения, отбора, актуализации, трансляции и инструментализации исторической памяти, зафиксированной в документе как важнейшие и теснейшим образом взаимосвязанные этапы реализации социальных

практик, сформировали и определили круг актуальных задач исторического познания. Его сложная и многоуровневая структура предоставляет возможность определения разнообразных исследовательских стратегий, в том числе и взаимного дисциплинарного «шурфования».

Безусловно, изучение археографии, осознание её специфики и насущных задач невозможно без учета, прежде всего, историографического контекста. Это связано с пониманием включенности в общий процесс развития исторического знания и истории общественной мысли. Именно поэтому историографические сюжеты могут становиться не только и не столько «конвоем» собственно историко-археографического изучения, а способны формировать один из ключевых подходов к решению поставленных задач, суть которого состоит в том, что изучение «археографического» в историописании может рассматриваться как метод исследования исторической науки, а «историографическое» способно выступать как важный способ выделения из неразъемного текста исторической литературы и исторического знания археографических элементов.

Действительно, природа археографической деятельности, особенно с начала формирования современного образа науки, откровенно опосредована общественным спросом на историческое знание, внутренней потребностью историописания, претендующего на научный статус, в собственной легитимации. Сама процедура отбора, имманентно присущая археографической практике, не говоря уже о технологиях презентации источниковых комплексов, способна предоставить чуткому историографу широкое информационное поле для исследования комплекса вопросов расположенных далеко за пределами традиционной модели дисциплинарного археографического пространства.

Необходимо учитывать и то обстоятельство, что археографические практики, в конечном счете, вызванные к жизни, прежде всего, потребностями историописания, обладают немалым потенциалом относительной самостоятельности. В определенные историографические периоды, особенно становления исторической науки, публикация документов, введение в публичный оборот неизвестных комплексов исторических источников оказывались способными определять облик и состояние исторического знания в целом.

В то же время при решении специальных археографических задач, историографические «шурфы» способны определить место и

роль археографической деятельности и её результатов в формировании не только историографического ландшафта, но и исторической культуры общества в целом.

И.В.Зайцев (Москва)

ДВА НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСНЫХ ВОСТОЧНЫХ РЕЦЕПТА ИЗГОТОВЛЕНИЯ ЧЕРНИЛ

Технология изготовления чернил на исламском Востоке известна весьма неплохо, причем как для центров книжной культуры (см. например: Семенов А.А. Гератская художественная рукопись эпохи Навои и ее творцы // Алишер Навои. Сб. статей под ред. чл.-корр. АН Уз ССР А.К. Боровкова. М.; Л., 1946. С. 158–160), так и для периферии, где иногда встречались довольно экзотические рецептуры. Ногайцы, например, готовили чернила (сыя) так: жарили просо дочерна, затем толкли и кипятили его в воде. Чернила представляли собой быстро твердевшую черную массу, при необходимости ее разводили водой и получали темно-коричневую жидкость (Курмансеитова А.Х. У истоков ногайской книги (XIX – начало XX века). Черкесск, 2009. С. 38). Для некоторых регионов исламского мира (например, для средневекового Крыма) в известных и доступных рукописных памятниках сведения о технологии изготовления чернил не сохранились. Но и тогда мы можем реконструировать рецептуры по схожим технологическим процессам, описанным этнографами. Так, выдающийся естествоиспытатель и путешественник П.С. Паллас приводит рецепт краски для волос, которым пользовались крымские женщины (и мужчины?) в XVIII в. Краска эта придавала волосам «на несколько месяцев блестящий черный цвет». «Берут двадцать пять хороших чернильных орешков (баламут), которые кипятят в масле и сушат, затем истирают в тонкий порошок, прибавляют три цента (четверть лота) железного купороса, один цент кремортартара [Cremor Tartari — белый винный камень (твердый осадок в бочках виноградных вин)], столько же индиго и полную чашку кны или *Lawsonia alcaanna*. Хорошо смешивают первое вещество в двух фунтах воды, постепенно примешивая порошок кны, пока не получится род теста. Затем натирают волосы, остерегаясь зачерпнуть кожу, заворачивая их на ночь в платок. На другой день моют волосы, крашенные накануне»

(Крымские татары: Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре. Симферополь, 2005. С. 348, примеч. 11). Перед нами, безусловно, описание процесса производства краски, которая по своему составу почти ничем не отличалась от чернил для рукописей. Вероятно, косметическое средство было получено первоначально как побочный продукт производства чернил (или наоборот?).

Опубликованные рецепты показывают, что в общих чертах чернила мусульманских рукописей были схожи с европейскими и русскими. Однако все те же опубликованные рецепты касаются в основном чернил хорошего качества, предназначенных для выдающихся каллиграфов и требовавших сложной и тщательной выработки. Меньше известно о заурядном продукте (в том числе о часто применявшихся цветных чернилах), который изготавливался не специализированными мастерами, а самими переписчиками для повседневного использования. Такие рецепты, как правило, помещались в рукописях самого разного содержания в качестве заметок для личного пользования, наряду с рецептами блюд и лекарств, хронологическими записями (чаще всего о рождениях и кончинах близких или известных людей), разного рода глоссами, стихами и молитвами.

В рукописном собрании Боснийского Института в Сараеве (Босния и Герцеговина) (Bošnjački Institut – Fondacija Adila Zulfikarpašića, Sarajevo) хранится любопытный сборник на турецком и частично персидском языках. Рукопись под шифром Ms 680 представляет собой типичный сборник османского времени (так как начало рукописи утрачено, а даты окончания переписки нет, приблизительно по упоминанию боснийских санджакбеев вплоть до 1290/1873 г. можно датировать рукопись концом XIX в.). Он включает в себя образцы произведений османских поэтов, изречения разных авторитетов (вроде Абу Ханифы, имама Газали, Платона, Насирадина Туси, Байазиды Бистами, Гиппократ, Птолея и проч.), несколько народных баллад – *тюрки*, отрывок из Гюлистана Саади на фарси, несколько тарихов, *семаи* на турецком некоего Хафиза, несколько стихов на турецком и фарси Мудами и Джаухари, список санджакбеев Боснии и великих везирей-боснийцев, условия вступления в суфийский тарикат, несколько *илахи* на турецком, даже медицинские рецепты (против зубной боли) и проч. (Подробнее см.: Katalog arapskih, perzijskih, turskih i bosanskih rukopisa iz zbirke

Bošnjačkog Instituta. Svezak II. Obradili F.Nametak, S.Trako. Zürich-Sarajevo, 2003 (Catalogue of Arabic, Persian, Turkish and Bosnian Manuscripts in the Collection of the Bosnians' Institute. Tome II. Prepared by F. Nametak, S. Trako). С. 318–320 (465–466), № 1099). Небольшой текст на турецком языке, озаглавленный «О чернилах», в сборнике (fol. 34) посвящен приготовлению красных, алых, зеленых, голубых и белых чернил. В рецепте подробно описана технология получения цвета за счет минеральных красителей.

Еще один рецепт приготовления красных чернил содержится в османской рукописи из коллекции Wellcome Trust Library, Лондон (Шифр: WMS Turkish 13). Это широко известное и популярное турецкое сочинение по медицине Нусрета-эфенди «Ма хазар». Согласно колофону (fol. 63 b), рукопись была закончена 15 шабана 1020 г.х. (или 1025 ?) – 22 октября 1611 г. (или же 28 декабря 1616). На fol. 62 a. рукопись содержит рецепт приготовления красных чернил. Он любопытен тем, что наряду с традиционными материалами, такими как гуммиарабик и листья мыльной травы (saponaria), в качестве красителя, придающего чернилам красный цвет, указана кошениль.

Л.П. Зайцева (Москва)

ВЕКСИЛЛОЛОГИЯ: СОВРЕМЕННЫЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ СВЯЗИ С ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕМ

Для вексиллологии, изучающей историю создания и развития знамен, флагов и их разновидностей, очень важны междисциплинарные связи с источниковедением. В данном направлении исследований прослеживается определенный наработанный опыт. Исследования Л.М. Яковлева (Русские старинные знамена. М., 1865), А.В. Висковатова (Историческое описание одежды и вооружения Российских войск. СПб., 1899), Ю.В. Арсеньева (Геральдика. М., 1908) показали перспективность использования летописных источников в изучении вексиллологического материала Древней и Средневековой Руси. В трудах Н.Г. Николаева (Исторический очерк о регалиях знаках отличия русской армии. СПб., 1898–1899), П.И. Белавенца (Краткая записка о старых русских знаменах. СПб., 1911) наработаны подходы и методы изучения знамен древнерусского государства на основе летописных сведений.

Термин «знамя» в толковании словаря древнерусского словаря означает знак, отметка, изображение (И.И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893. Т.1. С. 990–991). В свою очередь, этимологический словарь русского языка указывает на старославянские корни слова «знамя», обозначающего знак, печать. (М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. М., 1967. Т. 2. С. 100). Изучение летописных источников позволило исследователям в области вексиллологии решить вопрос о более полном и точном определении термина «знамя». По мнению А.В. Висковатова, понятие «знамя» имеет следующую историю: «В России первоначальное название знамени было "стяг", и как войска имели обыкновение сражаться вокруг своих стягов, распускающихся только перед битвою, то от этого и произошли, встречаемые у летописцев, выражения: "поставить стяг", "наволочить стяг", означающие приготовления войска к бою». Анализ летописных списков позволил Л.М. Яковлеву сделать вывод, что «в России название "знамя" начинает входить в употребление уже в XV в.; в XVI в. оба названия "стяг" и "знамя" встречаются одинаково; к концу XVI в. слово "стяг" употребляется все реже и реже, а концу XVII в. вовсе выходит из употребления, уступив место слову "знамя"».

Использование летописных источников помогает более точно проводить научную атрибуцию немногочисленных старинных знамен, сохранившихся в музейных собраниях. В этом направлении наработан определенный исследовательский опыт. Работы К.К. Мамаева («Видение Царьградское» в «Повести о Царьграде» Нестора Искандера и его интерпретация в некоторых памятниках прикладного искусства // Труды Общества Древнерусской Литературы. М.; Л., 1966. Т. 22), Р.А. Симонова (Каким было знамя Дмитрия Донского? // Гербовед. № 39. 2000. С. 143–145), М.П. Головановой (Реликвии российской истории из собрания Оружейной Палаты Московского Кремля: знамена с Образом Спаса Нерукотворного // Гербовед. № 91. 2006. С. 22–53) свидетельствуют о перспективности вексиллологических исследований в данной области.

Многочисленные подтверждения о значении знамен в политической, духовной, культурной жизни Древней Руси мы находим не только в информации летописных сводов. Пожалуй, самыми убедительными и в то же время иллюстративными историческими свидетельствами древнерусской знаменной культуры

являются летописные миниатюры. Так как древние стяги из-за своих материально-технических особенностей не сохранились до наших дней, древнерусские миниатюры позволяют составить представление о значении и применении стягов, их внешнем виде.

Летописные миниатюры А.В. Арциховский называл «своеобразными окнами, сквозь которые можно смотреть на исчезнувший мир Древней Руси, стоит только усвоить тогдашнее восприятие формы и пространства». (А.В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник. Томск; Москва, 2004). В вексиллологической историографии прослеживается определенный опыт изучения летописных миниатюр. (Дмитриев Л.А. Миниатюры «Сказание о Мамаевом побоище». М.; Л., 1966; Рабинович М.Г. Древнерусские знамена (X–XV вв.) по изображениям на миниатюрах // Новое в археологии. М., 1972).

Авторами исследования «Древнерусские знамена» была проделана большая работа по выявлению летописных миниатюр на вексиллологическую тематику, в результате чего было выявлено 3500 изображений древних стягов. Сама цифра говорит о широком использовании знамен в жизни Древней и Средневековой Руси и служит неоспоримым доказательством наличия древнерусской знаменной культуры, с богатейшими традициями. Следует отметить, что столь представительное собрание рисунков древних стягов относится к разным историческим отрезкам времени. Это обстоятельство позволяет проследить эволюцию вексиллологических памятников на протяжении X–XV вв. Исследователями было установлено, что все выявленные изображения стягов иллюстрируют сведения летописных списков о сражениях, походах, осадах. Данные наблюдения подтверждают, что знаменная культура Древней и Средневековой Руси развивалась, прежде всего в военной среде. Отношение к стягам, как особо почитаемой святыни объясняет особую тщательность в изображении каждого стяга миниатюр. В этом плане большой интерес для вексиллологической тематики представляет Радзивилловская летопись. Из 617 миниатюр летописи на 168 имеются 213 изображений древних стягов. В этих рисунках четко просматриваются составные части всего стяга, а именно: полотнище, которое крепилось к древку; в верхней части древка помещалось навершие, а под навершием подвязывалась «чолка». В миниатюрах полотнище стяга часто изображалось в форме треугольника, но и встречаются трапецевидные полотнища с

одним или двумя и даже тремя концами. Как отмечают исследователи, в изображении расцветки полотнищ древних стягов предпочтение отдавалось красному цвету.

В то же время, летописные миниатюры наибольшее представление дают о внешнем виде стяга, и менее о символических знаках. Возможно, это не случайно, учитывая определенную политическую и идеологическую «цензуру» авторов летописания. Косвенно это подтверждается и наблюдением исследователей, отмечающих, что стяги изображались по одному общепринятому канону. С другой стороны, всесторонний анализ сохранившихся древнерусских письменных источников позволит составить более полную картину развития знаменной культуры Древней и Средневековой Руси. Решение данной задачи ещё ждет своих исследователей.

С.В. Зверев (Москва)

**МОНЕТЫ КАРЛА-ФРИДРИХА
ШЛЕЗВИГ-ГОЛЬШТЕЙН-ГОТТОРПСКОГО (1702–1739),
ПЛЕМЯННИКА КАРЛА XII, ЗЯТЯ ПЕТРА I**

Монетная чеканка Карла-Фридриха Шлезвиг-Гольштейн-Готторпского (1702–1739) мало привлекала внимание исследователей. Популярные нумизматические каталоги (Ч. Краузе и К. Мишлера и др.) даже перечисляют его монеты не полностью. В российской нумизматике со времени её возникновения в XVIII в. до сего времени совсем не было работ, посвящённых монетам Карла-Фридриха, хотя он являлся отцом императора Петра III и, по сути, родоначальником Гольштейн-Готторпской линии на престоле Российской империи. Отмечая этот удивительный факт историографии отечественной нумизматики, можно лишь строить предположения о его причинах.

Герцог Карл-Фридрих обладал довольно небольшими земельными владениями, но, благодаря своим родственным связям с правящими домами Швеции и России, являлся заметной политической фигурой начала XVIII в. Карл-Фридрих родился в 1702 г. в Стокгольме и был сыном герцога Фридриха IV (1694–1702), жена-того на старшей дочери шведского короля Карла XI, принцессе Ядвиге Софии, старшей сестре короля Карла XII. По своему рождению Карл-Фридрих имел права на наследование шведского трона.

Доставшийся ему в наследство многовековой спор с Данией о правах на Шлезвиг стал важным аспектом Северной войны 1700–1721 гг. В конце XVII в. сложился Северный союз России, Дании и Саксонии, направленный против Швеции и Шлезвиг-Гольштейн-Готторпа. В марте 1700 г. датские войска вторглись в Гольштейн. Но действия Дании были неудачны, а армия шведского короля Карла XII, предприняв морской десант, высадилась недалеко от Копенгагена. В августе 1700 г. Дания была вынуждена заключить Тревендальский мир, признав суверенные права голштинского герцога на Шлезвиг и выплатив значительную денежную компенсацию. Но 19 июля 1702 г. герцог Фридрих IV погиб в битве под Клиссовом (между Варшавой и Краковом), сражаясь на стороне шведов против польско-саксонских войск. Его наследнику Карлу-Фридриху тогда исполнилось лишь два года. Он жил в Стокгольме с матерью, которая скончалась в 1708 г. Мальчика воспитывали в духе шведского патриотизма. Управление герцогством с 1702 г. временно перешло к его дяде Христиану-Августу, епископу Любекскому (в будущем – деду Екатерины II).

Можно выделить два этапа монетной чеканки Карла-Фридриха: 1702–1712 гг., в период регентства дяди, и 1722–1726 гг., в период самостоятельного правления. На первом этапе, в 1702 г. небольшим тиражом была отчеканена монета в 1 1/2 талера на смерть отца, герцога Фридриха IV. Монеты с именем Карла-Фридриха появились лишь в 1703 г. Среди выпусков преобладали монеты мелких номиналов из серебра пониженной пробы. Почти на всех монетах помещены буквы ВН – инициалы минцмейстера Бастиана Хилле Младшего, работавшего на герцогском монетном дворе в Киле, а в 1716–1720 гг. выпускавшего монеты с именем датского короля в Рендсборге.

В 1703 г. были выпущены 1/48 талера с вензелем герцога Карла-Фридриха из переплетенных букв С и F под короной. Интересно отметить, что по образцу этого вензеля был выполнен вензель его сына российского императора Петра III на пробном серебряном пятаке 1762 г.

В 1703–1712 гг. непрерывно чеканили монеты 4 шиллинга и 1 шиллинг. Также известны более мелкие номиналы: зекслинг 1707–1709 гг. и 1712 г., 3 пфеннига 1707–1708 гг., 1/12 шиллинга 1706 г. На этих монетах можно видеть четыре разных варианта вензеля герцога. Некоторые из них напоминают вензеля на монетах шведских королей, что подчеркивало права Карла-Фридриха. На некоторых

мелких монетах 1711–1712 гг. помещен портрет герцога. В круговой надписи «CAR. FRID. D.G. H.N. DUX SLES. HOL» (Carolus Fridericus Dei Gratia Haeres Norvegiae Dux Slesvici Holsatiae) в титуле особо выделены Шлезвиг и Гольштейн, а громкий родовой титул «Наследник Норвежский» обычно передан лишь аббревиатурой. Из геральдических изображений на монетах также часто помещен лишь герб Шлезвига. Геральдические и эпиграфические особенности монет четко выражали позицию в вопросе о Шлезвиге.

Также были реализованы права герцога на чеканку крупных серебряных и золотых монет. В 1711 г. был отчеканен талер с портретом юного герцога. Чеканка золотых монет была в большей мере декларативной. Известны 1/4 дуката 1708 и 1711 гг., дукаты разных типов 1705–1706, 1710–1712 гг., двойной дукат 1711 г. В малом числе штемпелями талера были отчеканены крупные золотые монеты весом в 10 дукатов. На многих золотых монетах Карла-Фридриха помещен унаследованный от отца девиз: «CONSTANTIA ET LABORE» (Постоянство и труд).

Но вскоре герцогство вновь оказалось втянутым в Северную войну. Когда в 1709 г. Карл XII потерпел сокрушительное поражение от России в битве при Полтаве, Дания вновь вступила в войну. Датская экспедиция в Сконе закончилась неудачей, но в Северной Германии датчане захватили Бремен и Верден. Но в 1712 г. шведы разбили их у Гадебуша в Мекленбурге. Когда шведские войска перешли в наступление, против них выступила объединенная армия датчан и саксонцев. Шведы попытались укрыться в готторпской крепости Тённинген, несмотря на то, что Шлезвиг-Гольштейн-Готторпское герцогство заявило о своем нейтралитете, однако вскоре вынуждены были ее сдать. Дания, воспользовавшись представившейся возможностью, полностью оккупировала герцогство.

В ноябре 1718 г. погиб бездетный король Карл XII. Однако шведскую корону получил не племянник, а младшая сестра короля Ульрика Элеонора, передавшая в скором времени бразды правления своему супругу, наследному принцу Гессен-Кассельскому.

Карл-Фридрих покинул Стокгольм и уехал в Гамбург. Он был объявлен совершеннолетним и мог вступить во владение своими землями, но Дания, заключив в 1720 г. мир со Швецией закрепила присоединение Шлезвига и вернула герцогу только Готторп. Теперь ему принадлежал лишь важный порт Киль и несколько небольших анклавов в Северной Германии.

Но Карл-Фридрих сохранял права на шведский престол и оставался фигурой, интересной для далеко идущих политических планов Петра I. В 1720 г. начались переговоры о браке герцога с одной из царских дочерей. В 1721 г. Карл-Фридрих приехал в Петербург. Но при заключении Ништадского мира с Швецией Петр I сбыл вынужден исключить из трактата статьи в пользу Голштинии. Однако вскоре шведский сейм постановил дать Голштинскому герцогу титул королевского высочества и уплачивать ему ежегодно субсидию в 25 000 талеров. Также он получал немалые деньги от царя.

В 1722 г. Карл-Фридрих возобновил в Киле чеканку своих монет. Известны 6 шиллингов 1722–1726 гг. с девизом «PIE IUSTE ET HONESTE» (Честно, справедливо и искренне), что видимо должно было указывать на высокие личные достоинства герцога. Также в 1723–1724 гг. чеканили монеты достоинством в шиллинг, зекслинг и 3 пфеннига. На большей части монет помещен его старый сложный вензель из зеркально размещенных двух пар букв CF, который теперь мог получить новое значение. Центр вензеля образовывал овал, в котором мачты скрещенных букв F образовывали Андреевский крест. Это могло быть намеком на награждение в августе 1722 г. Карла-Фридриха орденом Св. Андрея Первозванного. Также среди завитков и переплетений букв вензеля можно было прочесть инициалы невесты, а затем супруги, царевны Анны Петровны. Свадьба состоялась в Санкт-Петербурге 21 мая 1725 г., уже после смерти Петра I.

При императрице Екатерине I герцог Карл-Фридрих стал одним из членов Верховного Тайного совета и влиял на решение важнейших государственных дел России. Но после воцарения Петра II герцог с супругой происхождения А.Д. Меншикова были вынуждены в начале 1727 г. отбыть в Голштейн-Готторп, где в 1728 г. в Киле родился их сын Карл Петер Ульрих – будущий император Петр III. Однако, после 1726 г. чеканка монет Карла-Фридриха уже не велась.

С.В. Зверев (Москва)

РУССКАЯ ВЕТВЬ РОДА ДЕММЕНИ – БОЛЕЕ ВЕКА В ПЕДАГОГИКЕ, НУМИЗМАТИКЕ, ТЕАТРАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ

В исследовании важного аспекта европейской истории – долго-временных контактов россиян и выходцев из Западной Европы в различных сферах деятельности – изучение отдельных семей служит

важным материалом для понимания закономерностей общеисторического развития и уяснения характерных черт определенной эпохи.

Французская дворянская семья de Menie переселилась в 1600 г. в Нидерланды, а в середине XIX в. один из представителей рода – Гуго Иванович (Hugues Charles Jacques) Деммени (1. 04. 1820, Париж – 26. 10. 1894, С.-Петербург) приехал в Россию. С 1850 г. он преподавал французский язык в Санкт-Петербурге в Главном (Николаевском) Инженерном училище, в Школе гвардейских прапорщиков и кавалерийских юнкеров (Николаевское кавалерийское училище), в Артиллерийском училище, а также в женских учебных заведениях: Великой княгини Елены Павловны и Мариинском институте, а с 1861 г. – в Александровском училище (институте). Во время Русско-Турецкой войны 1877–1878 гг. Гуго Иванович состоял помощником воспитателя великого князя Петра Николаевича.

Г.И. Деммени выделялся из среды преподавателей-иностранцев знанием русского языка, который он изучил в совершенстве и говорил на нем, как на своем родном. Во второй половине XIX в. многим учащимся было хорошо знакомо, составленное Г.И. Деммени, руководство для практических упражнений во французском языке, в виде сборника рассказов, под названием «Narrations». Его педагогическая деятельность была отмечена чином статского советника и несколькими наградами: орденом Св. Станислава I-й степени и др.

В браке с Александрой Дмитриевной, урождённой Волгиной (ум. 1. 07. 1863) Гуго Иванович имел сыновей Михаила, Сергея и Евгения (умер молодым 12. 10. 1876). Г.И. Деммени скончался в 1894 г. в Санкт-Петербурге и был похоронен на Георгиевском (ныне Большеохтинском) кладбище, рядом с могилами жены и сына.

Также в Россию переселился его младший брат Климент-Оскар (Oscar Klement Francis) Деммени (23. 11. 1823 – 30. 03. 1903, Санкт-Петербург). Сведений о нём немного. Изданный великим князем Николаем Михайловичем «Петербургский некрополь» указывает в Новодевичьем монастыре его могилу, где также был захоронен рано скончавшийся Н.Н. Вильбрехт (1889–1904), который видимо был его родственником (внуком?).

В конце XIX – начале XX в. заметную роль в государственном управлении и общественной жизни столицы играл Михаил Гугович Деммени (1859, С.-Петербург – 1923, Новгород). Он окончил 3-ю Санкт-Петербургскую классическую гимназию (52-й выпуск, 1879 г.).

Причём, в одном классе с ним учились граф Д.И. Толстой, впоследствии директор Имп. Эрмитажа, и В.Г. Дружинин, в будущем крупный историк и археограф, секретарь Имп. Российского Археологического Общества (ИРАО). Затем М.Г. Деммени окончил юридический факультет Имп. Санкт-Петербургского университета. В государственную службу он вступил в 1886 г. С 1889 г. служил в Пробирной инспекции при Главном по фабричным и горнозаводским делам присутствии Министерства финансов. С 1896 г. он стал столоначальником Отдела промышленности. К 1909 г. он получил чин статского советника, а в 1916–1917 гг. был исполняющим обязанности секретаря при товарище министра торговли и промышленности.

Михаил Гугович был увлечённым коллекционером. В нумизматике областью его интересов были монеты императорского периода. Также он собирал старые гравюры и книги. В 1887 г. по поручению великого князя Георгия Михайловича, который также был известным нумизматом, М.Г. Деммени провел археографическую работу по выявлению документальных источников по истории монетного и медальерного дела в России. Итогом работы стали три солидных тома, которые были изданы великим князем. М.Г. Деммени, вместе с известными нумизматами Х.Х. Гилем, графом И.И. Толстым и А.А. Ильиным, участвовал в составлении многотомного издания «Корпуса русских монет» XVIII и XIX вв., предпринятого великим князем Георгием Михайловичем (СПб., 1888–1914 гг., Т. 1–10). Михаил Гугович вёл обширную археографическую часть Корпуса, которая включала очень большое количество документов по истории монетного дела и денежного обращения России. С 1889 г. Деммени уже состоял на постоянной службе по Двору великого князя и числился заведующим Минцкабинетом.

В 1902 г. Михаил Гугович стал действительным членом Имп. Санкт-Петербургского Археологического института (Выпуск XIX).

С 1906 г. М.Г. Деммени являлся секретарём вновь созданного Нумизматического отделения Имп. Русского археологического общества (ИРАО). Он был в 1906–1913 гг. редактором «Записок нумизматического отделения» ИРАО и публиковал там свои материалы. В 1910 г. Михаил Гугович участвовал в Нумизматическом конгрессе в Брюсселе. В 1911 г. он стал одним из учредителей Российского Общества Нумизматов. В 1910–1912 г. М.Г. Деммени был членом

Оргкомитета выставки «Ломоносов и Елизаветинское время» и обеспечивал формирование нумизматического раздела выставки.

О личной жизни М.Г. Деммени известно немного. Его первая супруга Елизавета Федоровна умерла в 1907 г. в возрасте 50 лет и была похоронена на Георгиевском (ныне Большеохтинском) кладбище в Санкт-Петербурге. Второй супругой Михаила Гуговича стала Инна Александровна Лутовинова, которая по профессии была глазным врачом.

В 1917 г. М.Г. Деммени уехал из Петрограда в Новгород. Многие были уверены, что он вскоре умер. В.Н. Бенешевич, опубликовавший в 1921 г. в «Русском историческом журнале» сведения об умерших и погибших историках и коллекционерах, написал о нем: «Деммени Михаил Гугович – нумизмат, член Русского Археологического Общества. Род. ок. 1870 – ум. в 1920.». Эта публикация надолго внесла ошибки в биографические сведения о нём. Однако Михаил Гугович в начале 1920-х гг. был жив и активно участвовал в деятельности Новгородского Общества Любителей Древности. Вместе с тем, с 1919 г. он служил в Губархиве архивариусом. М.Г. Деммени скончался в 1923 г. в Новгороде или в имении «Лутовиновка», принадлежавшем до революции семье его супруги. Точная дата его смерти и место захоронения пока остаются неизвестными.

Другой сын Г.И. Деммени – Сергей Гугович (ум. 30. 07. 1903, Санкт-Петербург) имел чин надворного советника и служил в Русском торгово-промышленном и коммерческом банке. Также он занимался предпринимательством, был директором Харьковского общества мукомольных заводов, Имп. Российского общества рыбоводства и рыболовства.

Фамилию Деммени сделал всемирно знаменитой его сын – Евгений Сергеевич Деммени (28. 02 (12. 03). 1898, Санкт-Петербург – 23. 01. 1969, Ленинград), блистательный актёр и режиссёр, заслуженный артист РСФСР (1934), создатель в Ленинграде кукольного театра, который теперь носит его имя – Санкт-Петербургский государственный театр марионеток им. Е.С. Деммени.

Он окончил Николаевский кадетский корпус и офицерские курсы Пажеского корпуса. Участвовал в Первой мировой войне. Служил в Красной армии. В 1918 г. начал выступать как актёр-любитель. После демобилизации в 1922 г. Е.С. Деммени поступил на техническую должность в Театр юного зрителя. Случайная покупка им старинных кукол в комиссионном магазине, подсказала идею

создания «Театра Петрушки». В 1924 г. Евгений Сергеевич организовал в Ленинграде театр кукол-петрушек (первоначально при Ленинградском ТЮЗе). В 1930 г. театр объединился с Театром марионеток Л.В. Шапориной-Яковлевой и получил название Ленинградский кукольный театр под руководством Евгения Деммени, где он выступал как актёр и режиссёр. С 1929 г. он также выступал с куклами на эстраде.

Е.С. Деммени поставил первые в стране спектакли в куклах по произведениям Сервантеса, Шекспира, Мольера, Свифта, Анатоля Франса, Пушкина, Гоголя, Чехова, Метерлинка. В 1928 г. он был режиссёром и сценаристом первого игрового кукольного фильма «Макс и Мориц».

В годы Великой Отечественной войны коллектив театра работал в блокадном Ленинграде в своём помещении до конца января 1942 г., затем выступал на фронте. Памфлет «Юный фриц», написанный С. Маршаком, был сыгран на передовой более 650 раз. В послевоенный период творчество театра марионеток под руководством Е.С. Деммени оказало большое влияние на развитие этого вида искусства в России. Евгений Сергеевич содействовал подъёму профессиональной культуры этого вида театрального искусства, разработке методологических проблем кукольного спектакля, вёл большую педагогическую работу. Скончался Е.С. Деммени в 1969 г. Похоронен на Большеохтинском кладбище в одной могиле с матерью Евгенией Николаевной (1862–1940).

К. Зольдат (Кёльн, Германия)

ТАУБЕ И КРУЗЕ ИЛИ *GEORG VON HOFF* – АВТОРСТВО И ВАРИАНТЫ ПРОЧТЕНИЯ ОДНОГО ИСТОЧНИКА ОБ ОПРИЧНИНЕ ИВАНА ГРОЗНОГО

Опричнина Ивана Грозного – одно из самых знаменитых событий Российской истории. Не только потому, что в советское время Советский Союз и Сталина сравнивали с Грозным и его опричниной. Не только потому, что на Западе и сегодня обычно знают о «грозном царе» – он до сих пор является одним из известнейших лиц российской истории. Иван Грозный и его опричнина стали и героями анти-утопистских романов Владимира Сорокина «День опричника» и «Сахарный Кремль» (Сорокин В. День опричника. М.,

2006; Он же. Сахарный Кремль. М., 2008). С изданием и переводом романов на разные языки Иван Грозный и опричнина добились еще большей актуальной известности.

Одним из наиболее любопытных источников об опричнине Ивана Грозного стал текст с названием «Erschreckliche greuliche und unerhorte Tyranney Iwan Wasilowitz» (Erschreckliche / greuliche und unerhorte Tyranney Iwan Wasilowitz / itzo regierenden Großfürsten in Muscow / so er vorrückter Jar an seinen Blutsverwandten Freunden / Underfürsten / Baioaren und gemeinem Landtvolck unmenschlicher weise / wider Gott und Recht erbermlich geübet. Den jenigen / welche seines theils / und sich böser meinung an ihnen zubegeben willens / zur warnung in druck verfertigt. AMS M.D. LXXXIV), изданный в Германии под именем автора Георга фон Гоффа.

Текст опубликован в виде листовки XVI в. и является типичным немецким публицистическим документом, посвященным в предисловии саксонскому герцогу Христиану (О немецких листовках времени Ивана Грозного см. Kappeler A. Ivan Groznyj im Spiegel der ausländischen Druckschriften seiner Zeit. Ein Beitrag zur Geschichte des westlichen Russlandbildes. Bern – Frankfurt am Main, 1972 (= Geist und Werk der Zeiten; 33)).

Кроме того, авторами текста считаются и опричники Иоганн Таубе и Эллерт Крузе (Браудо А. И. Послание Таубе и Крузе к герцогу Кетлеру. Библиографические заметки // ЖМНП. 271 (1890). С. 386–395. См. также: Рогинский М.Г. Послание Иоганна Таубе и Елерта Крузе как исторический источник // РИЖ. 8 (1922). С. 10–28. О Таубе и Крузе см.: Staden, Heinrich von. Aufzeichnungen über den Moskauer Staat. Nach der Handschrift des Preußischen Staatsarchivs in Hannover / hrsg. von Fritz T. Epstein. Hamburg, 1964 (=Abhandlungen aus dem Gebiet der Auslandskunde; 34: Reihe A, Rechts- und Staatswissenschaften; 5), S. 257–260).

Исследователи называют авторами текста или Таубе и Крузе (Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 2002 (Историческая библиотека). С. 186; Madariaga, Isabelle da. Ivan the Terrible. New Haven u.a., 2005. P. 432, note 13 et passim.; A.M. Kurbsky's History of Ivan IV / ed. with a transl. and notes by John Lister Illingworth Fennell. Cambridge, 1965. P. 221 note 6) или Г. ф. Гоффа (Staden. Aufzeichnungen über den Moskauer Staat. S. 260.; Skrynnikov R.G. Das letzte Testament Ivans IV. und sein Schicksal // Osteuropa in Geschichte und Gegenwart. Festschrift

für Günther Stökl zum 60. Geburtstag / hrsg. von Hans Lemberg, Peter Nitsche und Erwin Oberländer. Köln u.a., 1977. S. 18–33).

Мы хотели бы рассмотреть причины того, почему именно им приписывают авторство данного документа и ответить на вопрос, можно ли считать источник актуальным сегодня, когда в свете исторических исследований XX в. мы имеем другие представления об опричнине, чем автор приписки.

Кроме изучения авторства второй задачей является прочтение текста Г. ф. Гоффа (или Таубе и Крузе) в контексте жанра листовки и решение вопроса, какую историческую ценность он имеет как текст этого или другого автора. Такое рассмотрение должно внести свой вклад в исследование опричнины.

Г.В. Ибнеева (Казань)

РЕЧИ И ХВАЛЕБНЫЕ СЛОВА ДУХОВНЫХ ЛИЦ ЭПОХИ ЕКАТЕРИНЫ II КАК ИСТОЧНИК

Речи духовных лиц (приветственные речи, хвалебные слова, поздравительные речи), написанные по случаю приезда императрицы Екатерины II, одическая поэзия, канты учащихся и учителей российских семинарий, долженствующих приветствовать российскую царицу, являлись важным средством легитимации власти монарха. Этот вид источников опубликован отдельными изданиями преимущественно в XVIII в., в журналах, и отчасти в сборниках.

Речь, слово – это вид церковной проповеди. Содержание проповеди определялось двумя планами: планом текущей ситуации и планом авторитетных топосов, которые заимствовались из сакральных текстов, святоотеческой и агиографической литературы и т. д. Этот тип словесного творчества показывает возможности манипуляции авторитетной топикой в интересах текущей, актуальной политической ситуации (Кагарлицкий Ю.В. Проповедь как источник по истории русской культуры XVIII в. // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 2000. С. 248). Думается, что данное суждение применимо и к речам, и к словам, произнесённым в шествиях Екатерины II. Анализируя подобные тексты, следует принимать во внимание элемент конъюнктуры: встречая коронованную особу, духовные лица надеялись и на повышение статуса,

и на вознаграждение, и на улучшение материального состояния епархий и т. д.

Сравнительный анализ данных текстов дает возможность определить конструирование различных составляющих легитимности власти императрицы. Важнейшим ее аспектом является **сакрализация** образа монарха.

Уподобление императрицы образу и подобию Бога просматривается во многих хвалебных речах. В некоторых текстах ситуация приезда или прихода императрицы приравнивается к Христову пришествию, и она олицетворяет образ Христа, «грядущего во полунощи» (Конисский Г. Речь на прибытие Ея Императорского Величества в город Мстиславль 19 января 1787 г. // Собрание сочинений Георгия Конисского, архиепископа Белорусского. СПб., 1861. Ч. 1. С. 275–276).

Другим важным аспектом легитимации монархической власти является установление **преемственности** власти Екатерины II с предшествующими правителями. В Екатерине видят не просто наследницу предшествовавших правителей, но продолжательницу дел Петра I и Елизаветы Петровны (Речь приветственная на пришествие в Казань... государыни императрицы Екатерины Алексеевны, самодержицы Всероссийская, говоренная... преосвященным Вениамином, архиепископом Казанским и Свияжским, 26 мая 1767 года // Духовная церемония, производившаяся во время всевожденнейшего присутствия Ея Императорского величества государыни... Екатерины Вторыя в Казани. СПб., 1769. С. 4–5.)

Значимым фактором в утверждении легитимного образа императрицы являлся акцент духовенства на её **православной идентичности**. Истовое исполнение Екатериной религиозных ритуалов явилось поводом для духовенства подчеркнуть её православный облик. Так, в речи, сказанной в Девичьем монастыре архимандритом Свияжского Богородицкого монастыря Иеронимом, отмечается благочестие императрицы, которая вместо того, чтобы отдохнуть от тягот путешествия («от зыбей водных, от жара солнечного»), «поклоняется святой трапезе, лобзает честные иконы, почитает чудотворные мощи Гурия (в Казани) с чудным благоговением». Это даёт повод Иерониму сравнить её с образцами благочестия – «Ольгой христоролюбивой», «Феодосием Благочестивым» (Слово во время высочайшего присутствия Ея Императорского Величества, говоренное в Казанском девичьем монастыре Казанской семинарии

Ректором Спасо-Казанского Преображенского... Богородицкого монастыря Архимандритом Иеронимом // Духовная церемония... С. 17).

Рассматриваемые тексты относятся к последней четверти XVIII в. Исследователями отмечалось, что барочная традиция, в отличие от гражданской сферы, устойчиво сохранялась в духовной среде и в XIX веке (Живов В.М., Успенский Б.А. Царь и Бог (Семиотические аспекты сакрализации монарха в России) // Успенский Б.А. Избранные труды: в 3 т. Т. 1. М., 1996. С. 303). Однако эпоха просвещенного абсолютизма всё же не могла не повлиять на культуру проповедничества. В текстах духовных лиц прослеживается одно из оснований легитимности власти в XVIII веке: целью государства провозглашалось общее благо всех подданных – их телесное и духовное благосостояние, лучшее земное устройство и общий мир. **Концепт «общего блага»** в текстах духовных лиц прослеживаются во взаимосвязи с концептом **«матери отечества»**. В отдельных речах духовных лиц разворачиваются рациональные составляющие образа Екатерины II как «матери отечества», такие как «снисхождение», «милосердие», «попечение» о своем народе.

К данной группе источников относятся также *хвалебные речи, оды, канты*, сочинённые учащимися различных семинарий, в том числе новокрещенской школы г. Казани. В отличие от речей духовных лиц, семинаристы в выборе риторических приёмов апеллируют не только к Священному писанию, но и к античному наследию, античной мифологии. Их тексты позволяют выявить новые константы образа Екатерины как «матери отечества»: попечение её о просвещении неправославных народов, которое было сопряжено с утверждением православия (Духовная церемония... СПб., 1769. С. 36; Разные поучения и речи, сказыванья на пришествие... государыни Екатерины Второя в 1787 год... архиепископом тверским Иоасафом. М., 1787. С. 5).

Хвалебные слова православного духовенства, приветственные речи дворянства, одическая поэзия духовных семинарий и дворянства легитимировали власть российской императрицы. В них были отражены определённого рода идеологические «матрицы», которые действовали на сознание населения в правильном направлении. Именно они формировали представление об императрице у населения как благочестивой монархине, руководствующейся в своих действиях только целями «общего блага».

Е.В. Иванова (Коломна, Московская обл.)

**ПОРЯДОК СОСТАВЛЕНИЯ И ВЕДЕНИЯ ЗАПИСЕЙ В
РЕГИСТРАЦИОННЫХ КНИГАХ ПЕЧАТНОГО ПРИКАЗА
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.**

Печатный приказ – орган центрального управления Московского государства XVII–XVIII вв. В Печатном приказе грамотам и актам придавалась юридическая сила, они удостоверялись государственной печатью, за что взималась пошлина. Запечатанные государевой печатью акты выдавались их владельцам на руки и соответственно расходились по всей территории Московского государства. Запись о них оставалась в регистрационных книгах приказа. Самая ранняя книга Печатного приказа относится к 1613 г. и хранится в фонде 233 в РГАДА (Первые пошлинная и беспошлинная книги были опубликованы С.Б. Веселовским: *Документы Печатного приказа (1613–1615)*. М., 1994). Документация Печатного приказа включает регистрационные книги двух типов: пошлинные и беспошлинные, разделенные так на основании уплаты или освобождения от уплаты печатных пошлин. Каждая запись должна была отражать конкретное дело с его индивидуальными характеристиками. Обязательными для записи и пошлинных, и беспошлинных книг устанавливалось несколько элементов: дата регистрации (число, месяц, год); населенный пункт, на который грамота или акт посылались; полное имя владельца грамоты или акта; краткое содержание сути дела, изложенного в регистрируемом документе и соответствующая пометка служащих приказа о том, были ли взяты печатные пошлины и в каком количестве.

Перед новым правительством после Смутного времени закономерно встали два вопроса: закрепление за прежними владельцами старых поместий, пожалование за верность и службу новыми наделами и вопросы восстановления правопорядка на всей территории Московского государства. В связи с этим в книгах Печатного приказа активно регистрировались отказные, ввозные, послушные, жалованные грамоты на вотчины, а также судимые грамоты, сыскные, управные, бережельные, правые.

Регистрационные записи преимущественно беспошлинных книг удостоверяют существование разновидностей жалованных грамот: жалованные вотчинные грамоты, жалованные льготные, жалован-

ные несудимые и жалованные проезжие. В 1613 г., было подтверждено множество тарханов для духовных лиц и монастырей. (РГАДА. Ф. 233. Кн. 661. Л. 12 об.)

Наибольший удельный вес среди судебных грамот занимают управные и сыскные. По книгам Печатного приказа установлено более 60 разновидностей управных грамот и около 30 сыскных. Вот некоторые из них: управные в бою, в грабеже, в разбойном деле, в краже, в воровстве, в насильстве, в убийстве, в татьбе, в бесчестье и лае, в волоките и проести, в беглых людях, в крестьянской вывозке, в кабальном человеке, в животах, в обыске, в хлебном деле, в убытках, в продаже, в деньгах, в долгах, в поклепном иске, в товарном деле, в торговом промысле, в поклажеях, в кабальном и бескабальном долгу, в поместном владенье, в лошадях, в поручном деле, в непослушанье, в увечье и т.д. Акты о сыске представлены следующими разновидностями: сыскные про крестьян, грабеж, двор, землю, лавочное место, ямское строенье, воровство, убийство, служилую кабалу, лошадь, кабального человека, поклеп и многие другие.

Значительный объем судимых грамот приходится примерно на конец 1630-х гг. К разновидностям судимых грамот можно отнести такие как, «поставить на Москве», «прислать к Москве», «дать на поруку», «дать суд», «о судебном вершенье», «учинить указ» и т.д. Сравнительно мало в регистрационных книгах встречается правых грамот. В записях пошлинных книг по правым грамотам указы-валось лицо, получившее грамоту, и содержание судебного решения. Например, «правая грамота Ивану Суровцеву на старую его вотчину на 23 четверти» или «правая грамота дьяку Добрыне Семенову велено ему беглово человека выдать». (РГАДА. Ф. 233. Кн. 4. Л. 24) Бережельные грамоты регулярно появляются на страницах пошлинных книг. В них содержится повеление государя, обозначенных лиц «от обид беречь». (Там же. Л. 18, 37)

Зазывные грамоты, наказные памяти, полетные грамоты, обыскные, грамоты в проестях и волокитах сопровождали судебный процесс XVII в. В книгах Печатного приказа встречаются записи о погонных грамотах, объездных памятях, ездовых записях и ездовых памятях, грамотах по городам.

Подавляющее количество указных грамот с распоряжениями верховной власти по каждому конкретному поводу содержится почти на каждой странице регистрационных книг. Записи о

запечатанных указных грамотах посвящены в основном вопросам службы. В них заложен богатейший материал о назначениях на служебные посты и отставке, о верстанье и выдаче жалованья самым разным чинам: от сторожей, подьячих и дьяков до воевод и сотников. Пример таких записей: «велено его от таможенного и кабацкого сбора переменить», «велено ему быть в засечных сторожах на отцово место», «велено его написать по выбору», или «велено ему в Казани у стрельцов быть в сотниках» и др.

На основе подсчета и анализа записей книг 1613-1649 гг. можно прийти к выводу о том, что большая часть зарегистрированных актов и грамот приходится, во-первых, на частные акты, регулирующие вопросы землевладения, и во-вторых, на публично-правовые акты судебного-процессуального характера. После 1613 г. замечен значительный спад количества запечатанных грамот на землю, который в последующие годы остановился примерно на уровне 20–30 % от общего количества зарегистрированных грамот и актов. Параллельно видим рост количества удостоверяемых актов судебного-процессуального или следственного характера, которые с 20-х гг. неизменно составляют половину актов и грамот, поданных на рассмотрение и регистрацию в Печатный приказ.

О.А. Иванова (Киев, Украина)

СПЕЦИФИКА ОПИСАНИЯ КИРИЛЛИЧЕСКИХ РУКОПИСНЫХ КНИГ ДЛЯ БАЗ ДАННЫХ И СОЗДАНИЕ КАТАЛОГА НА ОСНОВЕ БАЗЫ ДАННЫХ «КОДЕКС»

Одной из первостепенных задач научных библиотек является всесторонняя компьютеризация, создание информационных технологий, позволяющих хранить и обрабатывать большие массивы сложно структурированной информации. Составной частью направления исследования рукописных книг (далее – РК) в Институте рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского явилась разработка программы электронного каталога, призванного обеспечить обработку РК и научное использование их описаний.

Система электронного каталога для рукописных фондов призвана не только решать проблему фиксации, хранения и использования информации по детальному описанию РК, но и путем практической

регистрации всех подробностей внешнего описания собирать материал для изучения общих закономерностей формирования языка, литературы, искусства, науки, духовной культуры.

Описание кириллических РК в электронном формате имеет свою специфику, которая обуславливается решением двух разнонаправленных задач в изучении кодекса. Они базируются, с одной стороны, на открытом, «неконечном» характере описания РК, который предполагает возможность фиксации новых показателей, возникающих в постоянно продолжающемся процессе разноаспектного изучения РК, с другой – на создании унифицированной схемы описания РК, с возникающей в связи с этим неизбежностью формализации рубрик и элементов описания, введения унифицированной терминологии.

Процесс кодикологического анализа каждой РК, как правило, представляет собой отдельное самостоятельное научное исследование, которое, в конечном итоге, может привести к новому расширению или детализации самой полной схемы описания. В особенности это касается данных, существенных для происхождения и истории книги или способствующих более узкой ее локализации, таких как язык, записи, украшения, письмо, поэтому даже самый полный вариант схемы описания никогда не будет абсолютно достаточным, конечным.

Фиксации унифицированных данных по каждому кодексу в электронном каталоге предшествуют несколько этапов его всестороннего изучения: атрибуция РК, научное описание на базе историко-кодикологических, археографических, палеографических и языковых исследований славянских кириллических рукописей в соответствии с современным уровнем исследований письменных памятников, научное редактирование подготовленных описаний РК, структуризация отредактированных описаний для внесения в базу данных, заполнение базы данных подготовленными описаниями, подготовка и кодировка имен файлов графической информации (например, украшения и образцы письма), при необходимости – модификация структуры базы (введение дополнительных полей) с целью возможности печати каталожных карточек.

Первоначальный – необходимый и достаточный – формат верхнего уровня детализации разработанной в Институте рукописи базы данных «Кодекс» (12 полей: количество листов, сохранность, материал письма, организация страницы, письмо, язык, украшения, переплет, содержание, записи, старые шифры и штампы, библи-

ография) в процессе исследований, проводившихся в связи с изучением РК XV–XVI вв., был несколько расширен. Введены дополнительные поля (поля: локализация, происхождение бумаги), некоторые показатели потребовали детализации («украшения»), для ведения учета исследователей, работавших с каждой РК, был введен показатель «лист использования».

Несовершенство унификации украинской книговедческой терминологии привело к необходимости проведения работы по общей унификации терминологии, которая используется в базах данных. Кроме того, в ИР НБУВ был разработан терминологический словарь «Вибрані терміни з інтралігаторства та палітурництва» (Гальченко О.М. Оправа східнослов'янських рукописних книг та стародруків в Україні. Київ, 2005. Додаток).

Для хранения содержания каталожных карточек в БД создано отдельное поле «Каталожна картка» («Каталожная карточка»), которое, хотя не относится к перечню обычных рубрик классических описаний РК, однако отражает существующую до сего дня потребность в каталогах бумажных карточек. Спецификой содержания такого поля является индивидуальный подход к выборке информации для отдельных элементов заполнения, при необходимом и достаточном их наборе, опирающемся на традиционный стандарт каталожной карточки: шифр, автор (индивидуальный или коллективный), заголовок, подзаголовочные данные, дата, место написания, краткая текстологическая и внешняя характеристика, дополнения, количество листов, аннотация.

В помощь первоначальному заполнению поля «Каталожна картка» показателями, хранящимися в сокращенном виде в специальных полях, предназначенных для использования при заполнении данного поля, предусматривается возможность автоматической записи полного содержания всех полей, содержащих необходимую информацию для поля «Каталожна картка», обеспечивая, таким образом, возможность расширения или изменения отдельных элементов заполнения карточки за счет подачи дополнительной или специфической информации.

Таким образом, сохранение базовых описательных полей обеспечивает возможность создания научных каталогов, а их детализация и расширение создают дополнительные возможности при обработке информации в процессе решения конкретных задач – как технических –

при создании учетного формата каталожной карточки, так и научных – в дальнейших специальных исследованиях.

А.С. Иванов (Даугавпилс, Латвия)

АРХЕОГРАФИЯ И АКТОВОЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ В ЭПОХУ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В последние годы компьютерные технологии все чаще применяются для введения в научный оборот и изучения актов материала. Об этом свидетельствуют многочисленные проекты по публикации документальных источников в Интернете («Манускрипт. Древние славянские памятники» – <http://manuscripts.ru>; «Древнерусские берестяные грамоты» – <http://gramoty.ru>; «Codices Electronici Ecclesiae Coloniensis» – <http://www.ceec.uni-koeln.de>; «Monasterium Project» – <http://monasterium.net> и многие др.). В то же время теоретические и прикладные вопросы актовой археологии и источниковедения в эпоху интенсивного развития информационных технологий рассматриваются специально на представительных научных конференциях (см., например, «Digital Diplomacy – 2011», <http://www.cei.lmu.de/digdipl11>).

Электронные издания актов имеют свои особенности, и сделать такую публикацию лучше традиционной непросто. В то же время нельзя отрицать, что новейшие технологии открывают широкие возможности перед археографами, снимая многие технические ограничения традиционных публикаций, но, вместе с тем, ставят и принципиальные вопросы, на которые современная археология и дипломатика не дают готовых ответов. Например, это вопрос о принципах отбора актов для издания в условиях практически полного отсутствия ограничений на объем публикации. Не существует единого мнения и по ряду других вопросов: (1) стоит ли включать в издания переведенные в электронную форму тексты документов, или можно ограничиться предоставлением только их изображений; (2) какой научный аппарат должен сопровождать электронные публикации, если имеются технические возможности не только дать исчерпывающую информацию о палеографических особенностях актов, их происхождении и функциях, внутреннем и внешнем содержании, но и вычленив и прокомментировать все статьи, обороты, элементы и характеристики в текстах актов,

указать варианты и разночтения; (3) какими инструментами поиска и анализа текстов должно быть снабжено электронное издание.

Как правило, основная цель публикации актов в Интернете заключается в облегчении доступа исследователей к документам, находящимся в различных архивохранилищах. Для этого достаточно представить сканированный актовый материал в базах данных и снабдить его метаинформацией – сведениями о времени и месте появления документа, авторе, месте хранения оригинала и другими данными, которые в традиционных публикациях включаются в заголовок и легенду. Иногда электронная публикация содержит только метаданные и транскрипции текстов актов виде HTML-страниц, полнотекстовых реляционных баз данных или XML-документов, при этом сканированные изображения оригиналов не предоставляются. Однако в последнее время все чаще появляются издательские проекты, в которых представлены как электронные тексты (транскрипции), так и исходные изображения документов.

Представляется, что именно третий вариант является оптимальным для репрезентации актового материала в Интернете. Во-первых, электронные тексты актов, подготовленные с соблюдением правил дипломатической транскрипции, предоставляют возможности для изучения внутренней формы актов, так как такие публикации включают в себя инструменты поиска, сопоставления и анализа информации (см., например, инструментарий, разрабатываемый в рамках проекта Charters Encoding Initiative –<http://www.cei.lmu.de>). В то же время сканированные изображения и метаинформация об актах позволяет на достаточно высоком уровне осуществлять анализ внешней формы актовых источников.

Однако магистральным направлением развития проектов электронных изданий документов является переход к аналитико-семантическим публикациям актовых источников. Такие публикации должны обладать определенными качествами. Прежде всего, они должны удовлетворять всем общепринятым требованиям археографии, касающимся транскрипции текстов, репрезентации метаинформации, а также состава, полноты и качества научного аппарата. При этом электронные документы – дипломатические транскрипции текстов актов – должны сопровождаться сканированными изображениями оригиналов для проверки и коррекции передачи текстов.

Главная цель таких изданий – создание возможностей для эффективного проведения внутренней и внешней критики актов, а также исторического синтеза на основе выявленной и верифицированной источниковой информации. При этом основное условие успешного применения компьютерных технологий в источниковедческой критике – наличие репрезентативных выборок, т.е. исторически сложившихся комплексов источников (см. подробнее: Иванов А. Источниковедческие и археографические аспекты реконструкции исторических комплексов источников // Сословия, институты и государственная власть в России. М., 2010. С. 97–105). В рамках таких комплексов увеличение информационной отдачи источников может быть достигнуто только при их сплошной компьютерной обработке (Ivanovs A., Varfolomeyev A. Editing and Exploratory Analysis of Medieval Documents by Means of XML Technologies // Humanities, Computers and Cultural Heritage. Amsterdam, 2005. P. 155–160). При этом должно происходить как семантическое связывание информации в пределах комплексов актов источников, так и восполнение пробелов в источниковой информации за счет специализированных исторических онтологий, и, в конечном итоге, генерация новых знаний о прошлом. Эффективное решение данных задач возможно при условии широкой репрезентации актового материала в семантических сетях (Ivanovs A., Varfolomeyev A. Semantic Publications of Charter Corpora // International Conference «Digital Diplomatics: Tools for the Digital Diplomatist». [Naples], 2011. P. 36–40), использовании технологий сетевых сообществ для организации распределенной обработки больших комплексов документов и обеспечении воспроизводимости исследований актов с помощью сохранения методик и результатов изучения в рамках баз знаний сетевых сообществ.

В.И. Иванов (Краснодар)

О СОДЕРЖАНИИ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Устоявшееся представление об основных этапах источниковедческого исследования письменных источников включает: 1) выявление источников (эвристика); 2) установление текста; 3) изучение происхождения; 4) анализ содержания; 4) синтез. На этапе источниковедческого анализа предполагается: а) установление фактов,

содержащихся в источнике; б) проверка их точности и достоверности; в) определение полноты освещения событий данным источником; г) установление социально-политической направленности источника (Булыгин И.А. Предмет и задачи источниковедения. Текст лекций. М., 1983. С. 33).

Каждый источник индивидуален и требует особого подхода, специфической методики. Однако общий алгоритм проведения анализа содержания письменных источников может быть, на наш взгляд, представлен следующим образом: а) уяснение общего характера содержания, цели и предназначения источника; б) установление формуляра текста и его соответствия происхождению источника; в) выделение клаузул формуляра; разделение текста на простейшие грамматические и семантические (смысловые) единицы, их интерпретация; г) сопоставление между собой сведений о фактах, содержащихся в тексте, и установление их согласованности или противоречивости; д) сопоставление простейших смысловых единиц текста с данными о происхождении источника и о личности и деятельности автора источника; е) установление первичности или вторичности происхождения, выявленной в тексте информации; определение степени адекватности вторичной информации первичным сведениям; ж) сопоставление с данными других источников с целью выявления факторов возможного сознательного искажения содержания источника; з) выявление возможных факторов несознательного искажения содержания источника; и) выделение фактов низкой степени точности и достоверности; явно сомнительных; к) выделение фактов высокой степени точности и достоверности (не вызывающих сомнения); л) определение степени точности и достоверности оставшихся фактов, простейших смысловых единиц; м) рассмотрение вопроса о степени полноты, с которой данный источник раскрывает изучаемое явление, и об особенностях отражения фактов.

О.А. Зимовина, И.Н. Извеков (Сочи)

**ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
КАК СУБЪЕКТНАЯ ПАРАДИГМА В СТАНОВЛЕНИИ
ЛИЧНОСТИ ГРАЖДАНИНА РОССИИ**

В современной ситуации развития общества преобладает новая гуманистическая парадигма образования, которая существенно отличается от образовательной теории и практики предшествующей естественнонаучной парадигмы советского периода. С позиции построения российского гражданского общества, педагогика целенаправленно исходит из того, что новую парадигму образования должна отличать его гуманистическая направленность, основным импульсом и предпосылкой воспитательно-образовательной деятельности которой является уважение к личности и становление ее гражданственности.

В сегодняшних сложившихся условиях известного дефицита нравственности в российском социуме анализируются механизмы становления индивида как культурно-исторического субъекта, воспринимающего историю семьи, как свое прошлое и чувствующего ответственность перед будущим гражданского общества как перед своим будущим, зависящим от его действий в настоящем. Именно ощущение человеческой истории, своей непосредственной причастности к этому процессу, позволяет индивиду найти место своей эпохи, своего общества и себя самого относительно ее гражданской целостности. Воспитание молодежи на традициях предшествующих поколений мы рассматриваем как формирование генеалогического феномена идентификации личности в процессе изучения микроистории семьи в контексте истории государства. (Извеков И.Н. Генеалогический феномен идентификации личности. LAP: Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG; Germany, 2011).

Генеалогическую составляющую учебно-воспитательного процесса в образовательных учреждениях мы связываем с субъектной парадигмой формирования генеалогической культуры растущего человека, которая, как показало наше многолетнее исследование, развивает мотивацию учащихся к творческо-поисковой деятельности, вырабатывает ответственность индивида за свои решения и поступки в духовно-социальной сфере гражданского общества. Приобщение учащейся молодежи к генеалогической культуре, по

нашему мнению, должно выстраиваться на взаимодействии учащегося с семьей под руководством преподавателей вуза в процессе изучения, анализа и систематизации семейных ценностей воспитанниками с учетом закономерностей генеалогии.

Человек, как представитель семьи – частица непрерывно меняющегося государства (как в прошлом, так и в настоящем). Семья, как ячейка государства, вносит свой вклад в его развитие, принимает участие в духовной жизни и в духовном развитии общества. Отдельная семья (или ветвь рода) в тот или иной исторический период отражает и приумножает духовно-нравственные ценности государства. В многовековой истории Отечества имеются многочисленные примеры сохранения семьями сведений о ее становлении и развитии, о предках, сформированных поколениях, оперирования метрическими и памятными датами в жизни близких, сохранения родственных (кровных и свойственных) связей среди породненных современников и потомков. Такие сведения накапливались и сохранялись в домашних архивах преимущественно дворянских семей, в генеалогических документах ветвей рода, передавались представителями фамилий в архивы для систематизации, учета и хранения. Следует отметить, что такое почтительно-уважительное, поддерживающее отношение государства к генеалогии сохранилось из глубины веков и отразилось в развитии теории и практики педагогики как основа нравственного воспитания в программах народного образования в дореволюционной России (с 1803 г.).

Однако после установления советской власти, в годы существования СССР и постперестроечный период основам генеалогии и методам сбора родоведческой информации в семьях должного внимания не уделялось. Для граждан страны доступ к генеалогическим материалам в государственных архивах был ограничен, генеалогическая практика исследования историй семей была исключена из практики образовательных учреждений и не поощрялась.

В советский период формировалась система нравственного воспитания под эгидой коммунистической идеологии. Под системой коммунистического воспитания понималась совокупность воспитательных влияний общественных организаций и государственных учреждений СССР, направленных на всестороннее развитие строителей коммунизма. Естественнонаучная парадигма советского образования, направленная на развитие индустриальных технологий и предполагающая объективизацию научного знания, независимо от

индивидуального социокультурного опыта граждан, неизбежно приводила поколения к отчуждению от своих исторических корней. Авторитарная советская власть, контролируемая коммунистической партией, формировала поколения людей XX в. без корней, без духовной памяти о предках, об историческом вкладе конкретных людей в становление и развитие Отечества. В этой связи, ныне живущие граждане в большинстве своем не знакомы с вопросами практической генеалогии и с ее проблемами. Для поколения россиян, вступивших в XXI в. практически нет ограничений в доступе к историческим документам, материалам архивов, фондам крупных библиотек, музеев, что открывает возможности приобщения к генеалогическим ценностям в духовном плане и создает условия для нравственного воспитания личности. Однако до последнего времени этот ресурс человеческой памяти практически не используется в педагогике, несмотря на то, что любой гражданин имеет право практически осуществлять генеалогическую идентификацию с предками: заниматься разысканием историй семей, выстраивать родословные, прослеживать становление своих фамилий, устанавливать историческую правду о предках и чтить родство свое. Задача состоит в том, чтобы дать знания основ генеалогии, методов генеалогических разысканий тем, кто имеет намерение восстановить историю своей семьи.

В нашей практике многолетнего консультирования по вопросам исследования историй конкретных семей установлено, что человек, обращаясь к памяти предков, начинает осознавать необходимость проведения исследования истории семьи. Для осуществления исследования ему необходимы знания по вспомогательным историческим дисциплинам, кропотливая поисковая практическая деятельность. Мониторинг деятельности субъекта по изучению истории семьи позволяет проследить изменения, которые происходят в личности под влиянием сбора генеалогической информации, креативной деятельности синтеза и систематизации родоведческих материалов. Изучение истории семьи человеком активизирует формирование духовности и значимости семейных ценностей, исторической преемственности поколений, нравственных чувств, нравственного поведения, способствует его становлению, развивает его генеалогическую культуру. Процесс изучения истории семьи под руководством преподавателя учебного учреждения приводит к изменению отношения учащихся к микроистории семьи на

фоне становления истории Отечества. У них появляется убежденность в необходимости изучения истории семьи, настойчивость в достижении поставленной цели, целеустремленность в поведении и деятельности, доброжелательность и уважение не только к семье (к родителям, к предкам), но и к своему окружению. Для них память о предках приобретает значимость почитания своего родства, формирования генеалогической культуры, что позволяет судить о субъектности развития личности.

Задача образовательных учреждений состоит в разработке технологий по приобщению молодежи к разысканиям по истории своей семьи, к формированию у нее основ генеалогических знаний и практических умений и навыков поиска и систематизации родоведческих материалов. Реализация в учебном процессе модели взаимодействия обучаемого, его семьи и образовательного учреждения в сфере генеалогических исследований позволяет обучающимся, на основе собранной информации, проследить историю своей семьи и прочувствовать сопричастность предков, родительской семьи, себя и потомков к истории Отечества. Организация такой деятельности воспитанников в целостной образовательной среде семьи и учебных учреждений помогает воссозданию института российской семьи с целью поддержания благоприятного климата в семье, возрождения семейных ценностей и традиций, сохранения и укрепления внутрисемейных и межпоколенческих связей, преемственности поколений, передачи положительного опыта старших младшим. Именно такая работа в сфере образования представляется нам одним из приоритетных направлений в системе нравственного воспитания растущего поколения в гражданском обществе.

Л.И. Илларионова (Москва)

КНИГИ АРХИТЕКТОРА И.Е. БОНДАРЕНКО КАК ПАМЯТНИК ИСТОРИЧЕСКОЙ И ИСКУССТВОВЕДЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Система источников по истории архитектуры значительно обогащается изданиями, подготовленными профессиональными архитекторами. Этим они внесли большой вклад в историческую и искусствоведческую науку. История искусств знает немало примеров, когда профессиональный архитектор серьезно занимается изучением и публикацией наследия прошлого. Таким был московский художник-

архитектор, историк архитектуры Илья Евграфович Бондаренко (1870–1947). Он один из немногих архитекторов, кто успешное архитектурное творчество сочетал с графическими работами и историческими трудами.

И.Е. Бондаренко учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, работал в мастерской А.С. Каминского, в 1891 г. завершил архитектурное образование в Цюрихском политехникуме (Швейцария), работал в мастерской архитектора А.Е. Вебера. По возвращении в Москву сотрудничал с Ф.О. Шехтелем, затем открыл собственное архитектурное бюро. Сблизившись с С.И.Мамонтовым, тесно общался с членами его кружка – К.А. Коровиным и М.А. Врубелем. Изучал русское искусство в Русском Историческом музее и музее П.И. Щукина, путешествовал по древнерусским городам Поволжья и по деревням русского севера (Псков, Новгород). Спроектировал павильон Русского кустарного отдела на Всемирной выставке в Париже (1899–1900). Принял участие в знаменитой Московской выставке Архитектуры и художественной промышленности нового стиля (1902), ставшей точкой отсчета в широком распространении модерна в застройке Москвы. Для купца И.А.Морозова сделал несколько орнаментальных рисунков для тканей. Благодаря близкому знакомству с Морозовыми, Щукиными, Бахрушиными и другими выходцами из богатых старообрядческих семей, он получил возможность спроектировать и построить несколько старообрядческих храмов (в Токмаковом и Малом Гавриковом переулках в Москве, храм в Богородске Московского уезда) и загородные дома московской знати в псевдорусском стиле с элементами модерна и ампира. После 1917 г. он отошел от архитектурной практики, но деятельно занимался проблемами охраны памятников архитектуры, исследованиями творчества московских зодчих. По его проектам построены больницы, торговые ряды, загородные дома, церкви. Он возглавлял Комиссию по восстановлению Кремля, являлся организатором Уфимского художественного музея (на своей родине).

На протяжении всей жизни он изучал историю архитектуры, в результате чего увидели свет книги: «Архитектурные памятники Москвы» (1904), «Остатки Москвы XVII в.» (1909), «Подмосковные дворцы XVIII в.» (1911), «Останкино» (1917), совместно с И.Н. Павловым (хранятся в ФБ РГБ, МК РГБ). «Архитектурные памятники Москвы» – три выпуска фотографий (более 100 л.)

московских шедевров эпохи Александра I (I вып.), эпоха Петра I, Елизаветы, Екатерины II (II, III вып.), издан в московской художественной фототипии К.А. Фишера. Уникальны и другие альбомы. «Остатки Москвы XVII в.», где представлены редчайшие изображения: церковь Спаса на Бору, Потешный дворец, Синодальная типография, Крутицкий терем, трапезная Симонова монастыря и т. д. Альбом издан в Санкт-Петербургской типографии «Сириус». К альбому «Подмосковные дворцы XVIII в.» текст вступительной статьи написал И. Е. Бондаренко. 52 фототипии с гравюрами Ив. Зубова: Царицыно, Старый Коломенский дворец, дворец в с. Конькове (архитектор М.Ф. Казаков). Альбом «Останкино» подготовлен совместно с Иваном Павловым. Вступительный очерк написал И.Е. Бондаренко. Опубликованные здесь 18 гравюр были выставлены на Московской выставке современной живописи. Тиражи этих изданий настолько малы, что считаются библиографической редкостью.

Тонкий знаток архитектуры московского классицизма И.Е. Бондаренко подготовил и опубликовал исследование «Архитектор Матвей Федорович Казаков. 1733–1812» – первая монография о творчестве мастера, подготовленная к 100-летию со дня его смерти. В ней впервые было представлено место этого мастера в истории русской культуры. Она выдержала два издания (1912, 1938). Первое издание вышло из печати в типографии П.П. Рябушинского на средства Московского архитектурного общества, членом которого он являлся долгие годы. 41 фототипия архитектурных проектов М.Ф. Казакова, его портрет из собрания портретов, изданных Платоном Бекетовым. Альбом является лучшим образцом полиграфического искусства начала века. Особенностью оформления всех этих изданий является тяготение к широкому распространению элементов классицизма и древнерусских традиций и осторожным использованием элементов модерна.

Ряд его исторических работ остались неизданными и хранятся в архиве (РГАЛИ) («Церкви Москвы. Краткое описание», «Словарь русских архитекторов и иностранцев, работавших в России», «Записки художника-архитектора» и т. д.). Они ждут своего исследователя и издателя. Но те издания, бесспорно книжные памятники, которые мы имеем – достояние отечественной науки.

Р.Б. Казаков (Москва)

**ОПЫТ ФОРМУЛЯРНОГО АНАЛИЗА ТОМОВ
«ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО» Н.М. КАРАМЗИНА**

Принципы формулярного анализа, достоинства и исследовательские возможности которого блистательно демонстрирует Сергей Михайлович Каштанов при изучении актовых источников, представляется соблазнительным применить в изучении произведений, которые весьма далеко отстоят в видовой классификации источников от актов, например, – исторических сочинений. Возможно ли предложить своеобразный формулярный анализ 12 томов «Истории государства Российского», и может ли это дать новое знание о таком историографическом источнике?

Есть ли начальные условия для проведения формулярного анализа «Истории» Карамзина – наличие определенной устоявшейся структуры текста? В историографии накоплен определенный опыт суждений о структуре «Истории». В основном это касалось проблемы соотношения текста и примечаний (например, С.О. Шмидт, В.П. Козлов). Я обращал внимание на то, что структура «Истории государства Российского» в целом, начиная от посвящения императору и заканчивая генеалогическими схемами, соответствует структуре научного труда (в будущем – монографического труда, квалификационной работы), какой она, видимо, начнет складываться под воздействием именно «Истории» Карамзина. Элементы структуры текста «Истории» изначально имели функции, сходные с функциями элементов структуры текста монографических трудов и квалификационных работ, появившихся после выхода 12-го тома «Истории» (1829 г.), т. е. окончания ее печатания.

Понятно, что опыт формулярного анализа, предложенный ниже, по необходимости интерпретирует элементы формуляра в категориях, не свойственных эпохе Карамзина.

«Посвящение» императору (которое не имеет названия, данного бы ему Н.М. Карамзиным) выполняет функции Предисловия в монографиях новейшего времени, где автор благодарит тех, кто помог ему в осуществлении его замысла.

«Предисловие» Карамзина включает характеристику заявленной проблемы: «История в некотором смысле есть священная книга народов...», к своеобразной проблематизации Карамзин не раз

прибегает в «Предисловии»: «...сделать Российскую Историю известнее для многих, даже и для строгих моих судей. <...> Мы одно любим, одного желаем: любим отечество...».

В «Предисловии» содержатся подробные рассуждения об актуальности создания «Истории»: «Правители, законодатели действуют по указаниям Истории...», «Но и простой гражданин должен читать Историю», «Вот польза: сколько же удовольствий для сердца и разума!». Здесь можно видеть, что актуальность для Карамзина уже дифференцирована. Историю важно создать с точки зрения самой ощущавшейся проблемы, т. е. необходимости создания такого историописания, которое было бы востребовано всеми и ставило бы Россию и россиян в один ряд с просвещенными народами, поскольку этот народ «смелостию и мужеством снискал господство над седьмою частию мира, открыл страны, никому дотоле неизвестные, внес их в общую систему Географии, Истории, и просветил Божественною Верою...». Такое произведение будет повествовать о героях и событиях равноценных и равноважных героям и событиям античной и средневековой западноевропейской истории (но Карамзин не забывает при этом упоминать Азию, Африку и Америку).

Но еще более любопытно, что актуальность выстраивается и через представление об источниках историописания как произведениях, равноценных тем, из которых историописатели античные и западноевропейские черпали сведения о прошлом в своих трудах. Для Карамзина это в первую очередь летописи: «народ с жадностию внимал сказаниям Летописцев», «Кроме особенного достоинства для нас, сынов России, ее летописи имеют общее», «я не мог дополнять Летописи», «я искал выражений в уме своем, а мыслей единственно в памятниках...».

«Предисловие» содержит характеристику источников, которые использованы Карамзиным, причем здесь давалась их обобщенная характеристика с точки зрения их информационного и художественного потенциала: «Прилежно истощая материалы древнейшей Российской Истории, я ободрял себя мыслию, что в повествовании о временах отдаленных есть какая-то неизъяснимая прелесть для нашего воображения...».

Здесь же анализируется историография историописания, вполне адекватная поставленной проблеме: Карамзин называет имена и

труды тех, кто известен своими обобщающими трудами по истории народов и государств: античные авторы, Робертсон, Юм, Мюллер.

Карамзин предлагает свою периодизацию истории России и обосновывает ее, споря с Шлецером, подробно характеризует свой метод, который состоял в том, чтобы максимально использовать имевшиеся в его распоряжении источники: «Чем менее находил я известий, тем более дорожил и пользовался находимыми...». Наконец, здесь вполне четко артикулирована цель всего труда: «Историк не Летописец: последний смотрит единственно на время, а первый на свойство и связь деяний: может ошибиться в распределении мест, но должен всему указать свое место».

Ранее я обращал внимание на то, что раздел «Об источниках Российской истории до XVII века» впервые в историографии стал самостоятельным и выделенным структурно и даже графически (Карамзин успел внести правку во 2-е издание «Истории»). Кроме того, это единственно место в «Истории», где примечания следуют под строкой, а не разнесены в разные части издания.

Структура глав «Истории» также вполне устоялась и стала гармоничной и логично выстроенной к моменту появления наборной рукописи томов «Истории». За номером названием главы следовало аббреже. Текст сопровождался номером примечания (арабская цифра в круглых скобках). На полях были своеобразные подзаголовки глав – «фонарики». Они, вероятно, становились затем основой для аббреже, но аббреже не совпадали с текстом «фонариков». В состав колонтитула 2-го издания «Истории» входила дата, показывающая, о событиях каких лет идет повествование в тексте.

Неоднократно обращалось внимание на то, что Примечания были вынесены в конец текста и, по сути, составили еще 12 томов, но уже выписок из источников, уточнений датировок событий, действующих лиц и пр. Связь основного текста и Примечаний к нему пока плохо прояснена: можно лишь говорить о том, что события истории или наиболее важные исторические источники (по мнению Карамзина) излагались и характеризовались в основном тексте, а затем сопровождалась объемными выдержками или практически полной публикацией источников в Примечаниях.

В историографии известно, что Примечания писались после того, как был готов основной текст тома. Обращение же к черновым рукописям показывают, что номер примечания – это последнее, что вписывалось в оставленные пустые круглые скобки белой

рукописи Карамзиным (после этого оставались еще «фонарики» и абреже. Трудно говорить о том, кто писал их). Но примечаний в белой рукописи оказывалось меньше по количеству (но они были объемнее и часто содержали источниковедческие и историографические мини-исследования тех или иных источников), нежели ссылок на имевшиеся в руках Карамзина источники, которые он проставлял на полях черновых рукописей «Истории».

Карамзин правил не только корректурные листы, но и тома 2-го издания «Истории». Он вписал несколько новых примечаний или поправок на страницах томов 2-го издания. Кроме того, к томам прикладывался список замеченных опечаток, где поправки часто носили смысловой характер. Такие опечатки учтены с необходимыми оговорками, насколько мне известно, лишь при издании 6-го тома «Истории», выполненного в издательстве «Наука».

Анализ структуры «Истории государства Российского» как целого, кажется, снимает вопрос о возможности публикации лишь текста «Истории» без Примечаний. Без Примечаний «Историю» Карамзина публиковать невозможно. Элементы формуляра «Истории» создавались Карамзиным и его помощниками в разное время, а в процессе создания сильно меняли свою форму и объем. От издания к изданию их расположение и вид изменялись, что в конце концов может трактоваться и как нарушение авторской воли.

Е.В. Казбекова (Москва)

**ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АСПЕКТ В КОДИКОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЯХ СПИСКОВ XIII – XVI ВВ.
«NOVAE CONSTITUTIONES» ПАПЫ ИННОКЕНТИЯ IV**

Особенности сводов папского декретального права XIII – начала XIV вв. как исторических источников обуславливают важность изучения историко-географической проблематики в кодикологических и текстологических исследованиях этих памятников, а также в изучении социальных аспектов истории декретального права. Очень большое количество сохранившихся списков сводов, рассеянных по библиотекам и архивам Европы и США, значительный объем самих памятников являются основными препятствиями на пути изучения истории текста этих сводов: до сих пор отсутствуют современные критические издания, для большинства сводов не

известно даже число списков. Между тем такое большое количество списков предоставляет богатый материал для изучения пространственных аспектов истории текста сводов, истории книгопроизводства и книжного рынка XIII–XVI вв., истории архивов и библиотек Европы в средние века и Новое/новейшее время, равно как и пространственных аспектов истории средневековой юриспруденции и правового образования, истории университетов, пространственных аспектов функционирования декретального права, в первую очередь, вопросов, связанных с его коммуникативной функцией (получение, усвоение, хранение, использование правовой информации).

На сегодняшний день приблизительное количество списков установлено для 5 из 11 сводов второй половины XIII – начала XIV вв., в том числе для «*Novae constitutiones*» папы Иннокентия IV. П.-Й. Кесслером была исследована 231 рукопись с «*Novae constitutiones*» (Kessler P.-J., 1941/1944, 1967, 1982), М. Бертрам несколько расширил этот список (Bertram M., 2011). В ходе работы с опубликованными каталогами рукописных отделов библиотек Европы, США и стран СНГ мне удалось обнаружить описания приблизительно 366 рукописей с Новеллами Иннокентия IV, среди них более 150 новых списков, не упомянутых П.-Й. Кесслером и М. Бертрамом. В общей сложности на сегодня мною собрана опубликованная информация по 409 спискам «*Novae Constitutiones*».

Разное качество, полнота и достоверность опубликованных каталогов, особенно изданных до второй половины XX в., делают их не слишком надежным источником: собранные на их основе данные о списках Новелл носят лишь предварительный характер. Кроме того, эти каталоги содержат сведения о сегодняшнем месте пребывания списков и часто о последнем их месте хранения в XVII–XIX вв., то есть отражают ситуацию с распространением списков в позднее средневековье и Новое время; данные о владельцах рукописей до XVI–XVII вв. приводятся редко. Лишь для 88 % списков в каталогах присутствует информация о содержании рукописи, для 80 % о датировке, для 27 % о месте создания. Тем не менее, даже с учетом этих оговорок, анализ географического распространения списков Новелл на основе опубликованных каталогов может дать ценную информацию.

Территориальное распределение современных мест хранения списков «*Novae constitutiones*», отражающее в значительной степени их распространение на конец средневековья, показывает их

концентрацию в Австрии и Германии (особ. Южной, в архивах крупных монастырей и капитулов); всего на территориях средневековой германской империи хранится ок. 50 % всех списков. В 2,5 раза меньше рукописей находится в Северной Италии (менее 20 %), приблизительно столько же во Франции. Менее 10 % – в Англии и Шотландии, менее 4 % – на Пиренейском п-ве, в Новый Свет было вывезено менее 2 % списков. Подобное распределение обусловлено не столько успехами процесса каталогизации центральноевропейских библиотек, сколько отражает особенности распространения папского декретального права и рецепции римского права в высокое и позднее средневековье, разработки *ius commune* в римско-германской империи XV–XVI вв. Основная масса списков сосредоточена в Рейнской и Южной Германии, в университетских центрах Нового времени, библиотеках капитулов, монастырей. Во Франции наблюдается относительно равномерное распределение рукописей по всем регионам с небольшим перевесом северо-восточных областей, бросается в глаза отсутствие Новелл в таком правовом университетском центре как Орлеан. В Италии все списки сосредоточены на Севере в университетских центрах и крупных капитулах, за исключением рукописей из университета Неаполя. На Британских островах преобладают библиотеки университетов и капитулов. На Пиренеях Новеллы сосредоточены на севере полуострова в кафедральных библиотеках.

Половина всех датированных рукописей относятся к XIV в., около трети – к XIII в., еще около 15 % – к XIII и/или XIV вв. Около 6 % списков были изготовлены в XV в., по одной рукописи в XVI и XVII вв. Приблизительно половина списков, для которых известно место создания, произведены в Италии (ок. половины в Северной Италии), немного меньше половины – во Франции, ок. 10 % – в Германии, Австрии, Англии, Испании. Если в Центральной Европе, в Италии, на Пиренеях доминируют списки XIV в., то во Франции доля рукописей XIII и XIV вв. приблизительно равна, а в Англии явно преобладают ранние списки XIII в. При этом в Центральной Европе и Италии количество манускриптов итальянского происхождения почти вдвое превосходит французские, в Англии доля привозных итальянских и французских рукописей и местных английских приблизительно равна; данные по Франции и Испании слишком малочисленны, чтобы делать определенные выводы.

Данные о датировке списков показывают, что активное преподавание и изучение Новелл приходится на XIV в. Количество, содержание и географическое распределение списков демонстрируют доминирование университетской системы книгопроизводства и наличие развитого книжного рынка канонической литературы, а также указывают на то, что если во второй половине XIII в. Новеллы преподавались и изучались студентами из германской империи, Франции, Англии в университетах Северной Италии и Франции, то в XIV в. преобладание получают правовые университетские центры Северной Италии и студенты из Центральной Европы.

Ш.С. Камолиддин (Ташкент, Узбекистан)

ДВА ВАКФА ИБРАХИМА ТАМГАЧХАНА В САМАРКАНДЕ

В середине XX в. были обнаружены тексты двух вакфных документов, составленных в XI в. на арабском языке в Самарканде, которые представляют большую ценность для изучения истории и культуры Средней Азии эпохи Караханидов. Один из них был составлен на мадрасу, а второй на больницу в г. Самарканде, которые были переданы для общественного пользования в качестве благотворительного пожертвования караханидским правителем Самарканда Абу Исхаком Ибрахимом ибн Насром Тамгач-Буграханом (правил в 444 – 460/1052 – 1068 гг.) в месяце раджаб 458 / июне 1066 г. Эти два документа являются ценными источниками по исторической топографии Самарканда середины XI в., денежной системе Западного Караханидского каганата и экономическом положении в городе того времени.

Оригиналы этих двух документов до нас не дошли, но их тексты были включены в состав некоторых сочинений по фикху средневековых правоведов. Самым ранним из них является сочинение по фикху «ал-Мухит ал-Бурхани фи-л-фикх ан-Ну‘мани» («Бурханов свод законоведения ханафитского толка»). В различных рукописных фондах мира имеется множество (около 50) списков сочинения «ал-Мухит ал-Бурхани» Бурхан ад-дина Махмуда ибн Ахмада ибн ‘Абд ал-‘Азиз ал-Бухари (ум. ок. 570/1174 г.). В библиотеке Сулаймания в Стамбуле (ал-Хамиди: № 601) хранится наиболее ранний список этого сочинения, переписанный 26 зу-л-ка‘да 587 / 15 декабря 1191 г. в Самарканде с текстом двух вакфов Тамгач-хана (Л. 72 а–

776). Тексты этих двух вакфов были включены также в некоторые из трудов по фикху более поздних средневековых правоведов.

Изучение двух вакфов Тамгач-хана в Самарканде было начато в середине XX в. А.А. Семёнов опубликовал перевод фрагмента сочинения «Рисала-и Баха'ийа», в котором приводится отрывок из вакфного документа на мадрасу Тамгач-хана в Самарканде (Ташкент, 1951). М. Хадр опубликовал в Париже текст двух вакфов Тамгач-хана, который он составил на основе их копии, содержащейся в составе каирской рукописи «ал-Мухит ал-Бурхани». Издание текста было сопровождено обширным введением К. Каэна и переводом на французский язык (Париж, 1967). О.Г. Большаков опубликовал на русском языке краткое содержание этих двух вакфов, на основе их текста, опубликованного в статье К. Каэна и М. Хадра, и изложил свою интерпретацию приведенных в них сведений (Москва, 1971). Дж.З. Бунятов и Т.Б. Гасанов осуществили в Москве русский перевод текста этих двух вакфов на основе их текста, опубликованного в статье М. Хадра (Москва, 1994).

Первый документ касается учреждения в Самарканде «Дома для больных» (дār ли-л-мардā), т. е. больницы. В то время подобные заведения, очевидно, уже существовали во многих городах мусульманского Востока. Второй документ касается мадрасы, которую Тамгачхан основал в Самарканде и передал для общественного пользования. В нем приведен полный перечень персонала мадрасы, годовая и ежемесячная оплата в денежном выражении.

Копии этих вакфных документов имеют большое значение для изучения исторической топографии, социально-экономической истории Самарканда XI в. Эти документы дают массу новых сведений, часть которых подтверждается данными других источников. Особую ценность представляют данные о денежной системе и оплате труда служащих того времени.

В 60-е гг. XX в. в результате археологических исследований Н.Б. Немцевой на ансамбле Шахи-Зинда были вскрыты остатки мадрасы XI в. Именно эта мадраса указана в вакфном документе XI в., где сообщается что она, была основана караханидским правителем Тамгач Бугра-ханом около «Машхада Кусама». Местонахождение больницы, упомянутой в первом документе, О.Г. Большаковым определено на юге пригорода Самарканда, юго-восточнее современной площади Регистан.

Для дальнейшего изучения этих двух вакфов Тамгач-хана Ибрахима большую ценность представляют их копии, содержащиеся в некоторых списках сочинения «Мухит ал-Бурхани», хранящихся в рукописном фонде Института востоковедения АН РУз. Предварительное исследование этих копий показывает, что между их текстами имеются определенные различия и разночтения, что в свою очередь, говорит о том, что в настоящее время перед исследователями стоит задача составления критического текста и нового перевода этих документов. Кроме того, мы считаем, что при написании комментариев к новому переводу следует более широко использовать данные археологических исследований на городище Афрасиаб и, особенно, на самом памятнике Шах-и Зинда в Самарканде, который в последние десятилетия был детально исследован археологами Узбекистана.

А.Н. Кежутин (Нижний Новгород)

МЕДИЦИНСКАЯ ПЕРИОДИКА XIX В. КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В современной исторической науке появляется все больше исследований по тематике нового и новейшего времени, выполненных на материалах периодической печати. Из общих черт периодики необходимо отметить целенаправленную отобранность и подачу, систематичность, репрезентативную сохранность информации, осуществление функции организации (структурирования) общественного мнения (Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники Российской истории / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М., 2000. С. 451).

Выделение периодики в самостоятельный исторический источник происходило в советском источниковедении в 1950–1960-х гг. в процессе выработки классификации письменных источников и утверждения их деления на виды (Селезнев М.С. О классификации исторических источников в связи с построением курса источниковедения в вузах // Источниковедение истории советского периода. М., 1964. С. 320–332). Единой, общепринятой классификации периодической печати выработано не было, но постепенно происходила дифференциация периодической печати по содержанию. Обособлялись сельскохозяйственные, женские, спортивные, театральные,

военные, юридические и, наконец, медицинские периодические издания как самостоятельные источники исторического исследования.

Медицинская периодическая печать – специфический исторический источник. Это выражается, с одной стороны, в общем сходстве с другими видами периодики, в общих с ними основных чертах и особенностях, присущих данному виду исторических источников. С другой стороны, для медицинской периодики характерны черты, отличающие ее как от других видов периодической печати, так и от других видов исторических источников в принципе.

Главная особенность медицинской периодической печати XIX в. заключается в ее направленности, а именно, в акценте на клинических и научных аспектах. Вместе с тем, другой особенностью отечественной дореволюционной медицинской периодики стало отражение на ее страницах особого интереса общественной мысли к социальным вопросам. Причем, большинство изданий по данным вопросам выступало с демократических позиций. Медицинская периодика объективна, полна и репрезентативна, так как оперирует большим объемом специальной научной и статистической информации (в официальной части), что отражается и в социальной проблематике. При этом общественно-значимые вопросы рассматриваются с учетом медицинской специфики, а клинические – с учетом социальных и бытовых условий жизни населения.

Социальная проблематика обнаруживается в ежемесячных медицинских журналах Общества русских врачей в память Н.И. Пирогова, Русского общества охранения народного здоровья, в Военно-медицинском журнале, в Вестнике общественной гигиены и судебной медицины и др.

Контент-анализ тематики публикаций, посвященных социальным проблемам, подвел к выводу об относительно широком наборе исследуемых тем: распространение эпидемий и туберкулеза, борьба с алкоголизмом, венерические заболевания, проституция, табакокурение, наркотическая зависимость, самоубийства и другие вопросы.

Показательным в данном отношении являлся всплеск интереса медицинской общественности в конце XIX в. к таким явлениям, как венерические заболевания и связанной с ними проституцией. Вызвано это было постановкой вопроса о домах терпимости, до 60 % обитательниц которых, по данным А.А. Введенского, было заражено сифилисом и другими венерическими заболеваниями,

что и заставило обратить повышенное внимание на указанные вопросы (Введенский А.А. Сифилис у проституток домов терпимости в Санкт-Петербурге // Вестник общественной гигиены и судебной медицины. 1896. Т. XXXI. Кн. 1).

На страницах медицинской периодической печати уделялось много внимания борьбе с алкоголизмом, поскольку в обществе возникала угроза превращения алкоголизма в массовое явление. Н.А. Хржончевский попытался выделить причины и найти средства борьбы с этим явлением, справедливо указав, что пьянство приобрело массовый характер, особенно, среди рабочих, мастеровых, проникло в войска и другие социальные сферы (Хржончевский Н.А. Кому, когда и сколько пить водки // Журнал общества русских врачей в память Н.И. Пирогова. 1899. № 1).

Внимание медицинской общественности к проблеме распространения эпидемий и борьбы с ними было обусловлено необходимостью проведения массовых профилактических мероприятий среди широких слоев населения. Одной из наиболее эффективных мер в борьбе с распространением оспы, по утверждению Н.Ф. Михайлова, является оспопрививание учащихся городских и начальных училищ (Михайлов Н.Ф. Оспопрививание в городских и начальных училищах Москвы в 1891 г. // Журнал русского общества охранения народного здоровья. 1893. № 6).

С точки зрения «охранения народного здоровья» медицинской периодикой рассматривались вопросы внешней политики и дипломатии, влияющие на здравоохранение в целом и на санитарное состояние войск, населения страны и отдельных регионов в частности. В своем докладе Общему собранию Русского общества охранения народного здоровья профессор Е.В. Павлов говорил о широком спектре влияния перевооружения современных армий новейшим оружием на различные вопросы. Затронув вопросы политики, международных отношений, Павлов сделал вывод о том, что «...выработанные Женевской конвенцией 1864 г. постановления являются неудовлетворяющими международное право» (Павлов Е.В. О значении вооружения армии малокалиберными ружьями в военно-санитарном отношении // Журнал русского общества охранения народного здоровья. 1893. № 1).

Вышеприведенные исторические факты убеждают, что медицинская периодическая печать – ценный источник исторического исследования, дающий информацию по широкому спектру не только

социально-значимых вопросов, но и по вопросам международных отношений и внешней политики Российской империи.

С.Л. Кинёв (Томск)

**ПРОБЛЕМА НАСЛЕДОВАНИЯ СТАРШИНСТВА В ДУХОВНЫХ И
ДОГОВОРНЫХ ГРАМОТАХ ВЕЛИКИХ И УДЕЛЬНЫХ КНЯЗЕЙ
(КОНЕЦ XIV – НАЧАЛО XVI ВВ.)**

Наследование старшинства и права на него – один из важнейших аспектов межкняжеских отношений в средневековой Руси. В конце XIV – начале XVI вв. в Северо-Восточной Руси этот вопрос приобрел особую остроту, поскольку сопровождался изменениями характера отношений между старшим и младшими князьями.

В исторических исследованиях начиная с Н.М. Карамзина сложилось представление о том, что к концу XIV в. принцип наследования великокняжеского титула (частный случай проявления старшинства в роде/семье) изменился (Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1993. Т. 5. С. 60). Позднее эта мысль была развита в рамках исследований представителей государственной школы.

Одним из важнейших (и сложных для изучения) документов при освещении данного вопроса стала вторая духовная грамота великого князя Дмитрия Ивановича, предполагавшая передачу уделов после смерти владельцев их братьям и великого княжения – старшему из оставшихся в живых (Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. № 12. С. 35 (далее – ДДГ)).

Принято считать, что данное распоряжение сделано на случай бездетной смерти кого-либо из братьев (А.Е. Пресняков, А.А. Зимин, Ю.Г. Алексеев, А.С. Фетищев). Ярким примером спорности данной точки зрения является мнение Л.В. Черепнина, объяснявшего эти положения духовной внешнеполитическими, а не внутрисемейными соображениями завещателя (Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы. XIV–XV вв. Ч. 1. М., 1948. С. 61–62). Тем не менее, сама идея нового порядка наследования присутствует и в работах этого исследователя. Данная мысль основана на небесспорной трактовке практики наследования старшинства в московской княжеской семье до Дмитрия Ивановича. Единственная попытка пересмотра взглядов на проблему предполагает сосуществование

одновременно двух взаимоисключающих порядков наследования великого княжения, что не позволяет принять позицию ее автора (Мельников С.А. Правовой режим наследования престола в древней Руси IX – начала XVI вв. М., 2009.).

Отсутствие в источниках сколько-нибудь явных указаний на изменение норм межкняжеских отношений побуждает вновь обратиться к данному вопросу и сопоставить данные всех сохранившихся духовных, а также договорных грамот, так или иначе проливающих свет на данную проблему.

Изучение содержания всех сохранившихся духовных и договорных грамот русских князей приводит к следующим выводам:

Во-первых, текст грамоты Дмитрия Ивановича не дает оснований для поиска «подразумеваемых» условий (бездетная смерть наследников и пр.). Единственное условие, предусмотренное завещателем – рождение еще одного сына-наследника (ДДГ. № 12. С. 35). Первая (1406 г.) и третья (1423 г.) духовные Василия I позволяют говорить о сохранении традиционного порядка наследования в первой четверти XV в. (ДДГ. № 20. С. 56; № 22. С. 61.).

Во-вторых, традиции регулировать в завещаниях отношения в третьем поколении (внуков) судя по дошедшим духовным и эпизодам, зафиксированным в летописях, не было. Исключения составили лишь две духовные грамоты: кн. Владимира Андреевича Серпуховского, составленная в 1401/1402 г., и кн. Юрия Дмитриевича Звенигородского, написанная в 1433 г. Только в этих грамотах предполагается передача уделов (но не старшинства) братьям покойного, если у него нет сыновей (ДДГ. № 17. С. 49; № 29. С. 75). Оба документа появились в ситуации конфликта в московском княжеском доме и были призваны, по-видимому, уточнить порядок уделов во избежание подобных конфликтов в отдельных ветвях рода. Сохранившиеся духовные, составленные после династических войн, такого рода распоряжений не содержат (ДДГ. № 61. С. 193–199; № 71. С. 249–251).

В-третьих, московские князья добивались от соседей и родственников обязательства «держат великое княжение честно и грозно» не только «под князем», но и «под детми» князя. Иными словами, наследниками великого княжения большую часть времени считались все сыновья великого князя.

В-четвертых, в текстах договоров между различными княжескими домами перечисляются все родственники и обозначается их

статус по отношению друг к другу. В силу этой особенности в договорных грамотах данного периода часто можно увидеть свидетельства особого положения вторых братьев в московской княжеской семье. Так, особняком упоминается в «докончаниях» звенигородский и галицкий князь Юрий Дмитриевич. Второй сын Василия II, Юрий в одном из «докончаний» назывался даже «братом старейшим» по отношению к владельцу другого княжества, наравне с Иваном III, более того, здесь есть и третья относительно высокая ступенька – на ней помещен Андрей Большой, и только после этого упоминаются «меньшие» дети великого князя. Косвенно о таком статусе второго брата могут свидетельствовать договоры Василия Ивановича с братом Юрием Дмитровским в 1504 г. и 1531 г., свидетельствующие о правах второго на великое княжение (ДДГ. № 11. С. 31; № 64. С. 208, 210; № 90. С. 365, 367, 368; № 101. С. 416, 418). Впрочем, необходимо отметить, что в духовной их отца Ивана III недвусмысленно говорится о необходимости для младших сыновей завещателя держать великое княжение под старшим, Василием, и его сыном (ДДГ. № 89. С. 363).

Исходя из анализа всей совокупности духовных и договорных грамот, можно сделать вывод о сохранении принципа наследования великого княжения по старшинству, и основных норм межкняжеских отношений, по меньшей мере, до начала XVI в., когда и происходит изменение наследования. Как покажут дальнейшие события – не окончательное. Практиковавшиеся нарушения традиционных норм отношений в пользу своих детей самих норм не отменяли.

Л.А. Кириченко (Москва)

ОПИСИ СТРОЕНИЙ И ИМУЩЕСТВА ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА МОНАСТЫРЯ XVI–XVIII ВВ. О СИСТЕМЕ ХРАНЕНИЯ И УЧЕТА КНИЖНОГО СОБРАНИЯ

Опись Троице-Сергиева монастыря 1641 г. является самой ранней из сохранившихся, что ставит ее в ряд исключительных памятников (СПГИХМЗ, Инв. № 289). Вопрос о существовании более ранних Троицких описей, впервые был поставлен Е.Н. Клитиной.

В недавней работе нами было показано, что до 1641 г. в монастыре осуществлялось не менее семи переписей имущества. Недошедшие до нашего времени описи датируются 1539/40 г., 1541/42 г.,

1559/60 г., 1574/75 г., 1633/34 г., они составлялись по инициативе монастыря и по своему характеру являлись актами приема-передачи от одного игумена к другому. Опись 1580/81 г., вероятнее всего, появилась по инициативе государства в связи с процессом ограничения монастырских землевладельческих и иммунитетных привилегий между соборами 1580 г. и 1584 г. Опись 1624/25 г. была создана при контроле патриаршего Разрядного приказа, она являлась свидетельством особой политической роли патриарха Филарета в 20-е гг. XVII в.

К 1641 г. монастырское книжное собрание было сосредоточено в трех хранилищах: ризнице, книгохранильнице и казне. Перечень книг ризницы в Описи 1641 г. систематизирован по тематически-форматному принципу учета.

Опись книгохранильницы включает разделы: 1) книги, которые принял на хранение старец Иоасаф Кирьяков, вступив в должность книгохранителя в 1632 г.; 2) книги, поступившие в Книгохранильницу при Иоасафе Кирьякове до времени составления Описи (1632–1641 гг.); 3) книги, выбывшие из состава Книгохранильницы при Иоасафе Кирьякове. Первый и третий разделы следуют тематически-форматному принципу учета, описание второго раздела его не придерживается.

Описание книжного собрания казны состоит из разделов: 1) печатные книги, поступившие после прежних отписных книг; 2) вкладные книги из библиотеки бывшего архимандрита Дионисия; 3) книги, поступившие за время казначейства старца Симона Азарьина; 4) книги, оставшиеся после умершей братии.

Описи книг ризницы и книгохранильницы близки. Во-первых, они систематизированы по тематически-форматному принципу учета. Во-вторых, формуляры конкретных книжных описаний имеют идентичное построение. По всей вероятности, у записей древнего ядра книг сложился более развернутый тип формуляра, который восходит к ранним описям. Чего нельзя сказать об описи книг казны. Здесь не прослеживаются известные принципы систематизации и учета, формуляры конкретных записей отличаются краткостью, описания часто составлялись на несколько книг одновременно. Эти же признаки характерны для второй части описи книг книгохранильницы. Указанные признаки позволяют сделать вывод о том, что книги, попадавшие в монастырь, на первом этапе поступали в Казну, хранилище которой рассматривалось как временный фонд.

Отсюда книги направлялись на продажу, обмена, дарения и в монастырское собрание, т. е. в книгохранительницу или ризницу.

Опись 1641 г. позволяет поставить вопрос о сложившейся системе учета и хранения книжного собрания, восходящей к древнейшим описям. В описаниях 16-ти книг книгохранительницы сохранились номера их старого учета. Во Вкладной книге 1639 г. находим три записи о вкладах книг со старыми номерами учета, здесь упоминается, что они значились в отписных ризных книгах 7083-го г. (1574/75). В 1641 г. названные три книги находились в ризнице. Таким образом, книги ризницы и книгохранительницы когда-то имели единую нумерацию, восходящую к 1574/75 г., составляли единый книжный фонд и хранились в ризнице.

Когда могло произойти разделение и утрата древней нумерации? Как было установлено ранее, перечень книгохранительницы 1641 г. был переписан с несохранившейся описи 1633/34 г. Поэтому период, когда монастырское собрание было переинвентаризировано и поделено определяется нами между 1574/75 г. и 1624/25 г.

Установив связи Описи 1641 г. с более ранними, попытаемся сравнить ее с последующими описаниями. Ближайшая по времени Опись 1703 г. близка по структуре.

Следующие описания относятся к 1723 г. и 1729 г. После 70-х гг. XVII в. нумерацию книг вновь встречаем в описи 1723 г. Однако, в ней отсутствуют некоторые инвентарные записи книг вместе с присвоенными им номерами – «главами». Объяснение этому заключается в том, что между 1703 г. и 1723 г. существовала еще одна опись, в которой книги были пронумерованы. Выбывшие из монастырского собрания книги после этой описи были изъяты вместе с присвоенными им номерами, поэтому в следующей описи 1723 г. они и отсутствуют.

Когда могла быть составлена неизвестная нам опись? Обратимся к списку книгохранителей. В 1702-1715 гг. книгохранителем был Иоасаф Суздалец; в 1715-1723 гг. – Ефрем Силин. Поэтому, вероятное время составления упомянутой описи можно отнести к 1715 г., времени смены книгохранителей. Таким образом, описи 1715 г., 1723 г., 1729 г. имели общую систему построения и нумерации книг, в основе которой лежали описания 1641 г. и 1703 г.

Следующими по времени были описи 1767 г. и 1795 г., которые составлялись по приказанию митрополита Платона. В них полностью поменялась система описания библиотеки, была полностью

утрачена связь старых инвентарных записей с новой нумерацией. Можно сказать, была потеряна нить, связывающая тексты старых и новых описаний монастырской библиотеки. Однако отметим, что сохранившиеся номера на корешках книг и их первых переплетных листах позволили идентифицировать их с описями 1723 г. и 1729 г., что открыло некоторые перспективы в определении соответствий книг описи 1641 г. и известным перечнем, составленным библиотекарем Илларием и его предшественниками в кон. XIX – нач. XX вв.

Н.В. Козлова (Москва)

СВАДЕБНЫЕ АКТЫ ЗАПИСНЫХ КНИГ МОСКОВСКОЙ КРЕПОСТНОЙ КОНТОРЫ НАЧАЛА XVIII в.

Как известно, Петр I сделал единственно возможным крепостной порядок оформления частноправовых сделок. Правда, несмотря на строгое запрещение составлять акты «не у крепостных дел», «своеручно», население в силу различных обстоятельств (тяжелой болезни, необходимости скорого отъезда к месту службы, отсутствия крепостной конторы в уездном городе и пр.) нередко по-прежнему писало акты в домашних условиях. Но и в этих случаях такие составленные дома документы получали юридическую силу только после их регистрации в крепостных учреждениях. В результате функционирования такого порядка сложился обширный комплекс исторических материалов, включающий как коллекции записных книг крепостных контор, так и документы, возникавшие на разных стадиях регистрации в них актов. Документы крепостных контор широко используются в исторических исследованиях, ведется их источниковедческое изучение, а в последние годы и публикация. Особое внимание уделялось документам Московской крепостной конторы. На их основе сделаны наблюдения относительно истории крепостного дела в России в XVIII в., вида и сохранности записных книг, состава, входящих в них актов, особенностей их формуляра и его эволюции. (Капустина Г.Д. Записные книги Московской крепостной конторы как исторический источник (первая четверть XVIII в.) // Проблемы источниковедения. Т. VII. М., 1959. С. 216–273). В предлагаемом сообщении автор на основе записных книг Московской крепостной конторы попытается развить и конкретизировать некоторые уже обозначенные в литературе

положения относительно группы свадебных документов на этапе реформирования их видов в начале XVIII в.

Применительно к допетровскому времени опыт историко-дипломатического описания рядных и сговорных записей был предпринят Г.М. Котляровым еще в начале XX в. Он обратил внимание на употребление названий свадебных актов. На основе 127 известных ему опубликованных записей XVI–XVII вв. ученый пришел к выводу, что строго различия в применении терминов «рядная запись» и «сговорная запись» не было. И все же «в чистом виде» рядная – это «объявление сговора и договор о приданом», а «сговорная» понималась как договор о свадьбе с определением ее сроков и неустойки. (Котляров Г.М. Рядные-сговорные записи XVI–XVII вв. (Опыт историко-дипломатического описания актов) // Историческое обозрение. Пг., 1916. Т. 21. С. 188–190). В XVII в. нередко встречались и акты «смешанного» типа, в которых, помимо срока свадьбы и неустойки в связи с его нарушением, обозначалось приданое и указывалась его стоимость.

Сговорные писались как со стороны невесты, так и жениха, но с разным составом свидетелей, а рядные о приданом составлялись от лица того, кто сговаривал невесту (отец, мать, брат, дядя и другие родственники) или ею самой (когда замуж выходила вдова или сирота). За 1701 г. встретилась единственная запись рядной о приданом, составленной женихом. Но в ней речь шла не о размере приданого, а об отказе от претензий к дядьям невесты, которые владели ее прожиточным поместьем и пользовались доходами с него. (РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ч. 1. Д. 539. Л. 3 – 3 об.).

После указа 3 апреля 1702 г., повелевшего вместо рядных и сговорных писать росписи приданому, такие росписи совместили формуляр рядных-сговорных, то есть актов «смешанного» типа предшествовавшего времени. За ними закрепилось прежнее название «сговорных» записей, росписей, реже рядных. Из текста лишь исчезло упоминание о сроке свадьбы и размере неустойки («заряда»), указывать которую отныне закон запрещал. В случае необходимости составлялись особые сделочные записи, конкретизировавшие отдельные условия передачи приданого и распоряжения им, или обозначавшие условия личного характера. Они оформлялись от имени того, кто брал на себя дополнительные обязательства. Причем в одних случаях все условия объединялись в одном документе, в других – прописывались отдельно. Например,

могли оговариваться особые условия использования женихом или его отцом приданных земель, в частности возможность или, напротив, запрет взимания доходов с вотчин и поместий до смерти тестя или тещи (Там же. Д. 794. Л. 154 об.–155; Д. 795. Л. 90). В других рядных прописывались обязательства жениха по отношению к теще, в доме которой намеревались жить молодые (Там же. Д. 795. Л. 93 об.), или его гарантии не бить челом на отчима невесты о вотчинах и пожитках ее умершего отца или на иных родственниках, в доме которых воспитывалась невеста и которые владели и пользовались доходами с ее прожиточного поместья (Там же. Д. 539. Л. 3–3 об.; Д. 794. Л. 158). Невеста-вдова или ее отец особой записью ограждали будущего мужа от взыскания с него возможных долгов умершего супруга (Там же. Д. 795. Л. 84 об.). В таких записях сохранялось и указание на неустойку, но теперь она касалась не самой женитьбы, а, например, сроков передачи зятю приданого (Там же. Д. 795. Л. 317 об.), обязательств тестя по очистке вотчин, людей и крестьян, входивших в приданое дочери (Там же. Л. 162–162 об.), оформления приданной вотчины на имя дочери (Там же. Л. 116 об. – 117) и так далее.

Если свадебные акты при оформлении их крепостным порядком записывались в рядных книгах, то документы, в которых содержались различные условия женитьбы, включались в так называемые «зделошные» книги, хотя сами акты также назывались «рядными». В фонде Юстиц-коллегии РГАДА они подобраны в отдельную группу дел и за исключением некоторых лет имеются за период с 1702 по 1782 г. В них наряду с записями свадебных документов имеются записи купчих, поступных, меновных, заемных, поручных, раздельных и других актов. Это делает процесс выявления нужных записей весьма трудоемким. Однако учет и изучение всех разновидностей документов брачной и шире – семейной тематики позволяет увидеть многие, ранее ускользавшие от внимания исследователей нюансы внутрисемейных отношений людей той эпохи. Большую ценность они представляют и для изучения самых различных сторон социальной жизни. Значение выявляемых записей повышается, когда удается обнаружить несколько однотипных документов, относившихся к представителям одной фамилии, семьи, или различные по видам записи, составленные одним лицом.

В.Н. Козляков (Рязань)

**О РОДСТВЕ КНЯЗЕЙ ХВОРОСТИНИНЫХ И ПОЖАРСКИХ
(ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ ЗАМЕТКА)**

В публикации актов Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря, подготовленной С.Н. Кистеревым и Л.А. Тимошиной в 1998 г., впервые был издан один примечательный документ: данная княгини Анастасии Ивановны – жены князя Федора Ивановича Пожарского, передавшей в монастырь село Могучее с деревнями в Стародубе Рязоловском в 7095 (1586/1587) году. Она объяснила свое право распоряжения этой вотчиной необычно: тем, что «ту мне вотчину село Могучее з деревнями дал князь мой княж Федор Иванович за приданое за триста рублей». Распорядилась она ею как вкладом «по своей душе» и для поминания своих родителей: «князя инока Иосифа, княгиню иноку Софью, князя инока Деонисья, князя Петра, князя инока Афонася, иноку Маремьяну». На выкуп вотчины был наложен запрет: «а нет дела до тое вотчины ни роду моему, ни племяни». Словом, создается впечатление какого-то семейного раздела, но речь не об этом. Удастся восстановить, что княгиня Анастасия Ивановна Пожарская происходила из заметного рода ярославских князей-опричников Хворостининых. Инок Иосиф – это ее отец князь Иван Михайлович Хворостинин – тысячник по Коломне в 1550 г., носивший высокий думный чин окольничего. Он умер в 1571 г. и принял постриг в Ростовском Борисоглебском монастыре. Упомянутый в списке для поминания «князь Петр», возможно, князь Петр Иванович Хворостинин. Другой брат Дмитрий Иванович, в монашестве, действительно, принял имя Дионисий. В духовной 1602 г. князя Федора Ивановича Хворостинина, как обращал внимание В.Б. Кобрин, одним из душеприказчиков выступила его сестра «княгиня Настасья княж Федорова княгиня Пожарскаго». Она же и выдала упомянутую данную 1586/87 г. на село Могучее с деревнями. (Духовное завещание князя Ф.И. Хворостинина / Публ. С. Шереметева // Русский архив, № 4. 1896. С. 572; Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 235; Кобрин В.Б. Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV–XVI вв. М., 1995. С. 63; Акты суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506–1608 гг. / Сост. С.Н. Кистерев, Л.А. Тимошина. М., 1998. № 225. С. 424–426).

Родственные земли старшей ветви князей Пожарских – село Могучее, пустоши и уголья вокруг Богоявленского (ныне Ламненского) озера, переданные в 7095 (1586/87) г. княгиней Анастасией Ивановной в Спасо-Евфимиев монастырь, располагались рядом с родовым селом Волосынино (Мугреево) князя Дмитрия Михайловича Пожарского. Все это позволяет думать, что княгини Авдотья Ивановна Пожарская и Евфросинья-Мария Федоровна Пожарская, бывшие замужем за двоюродными братьями, хорошо знали друг друга. И у той, и у другой (дед князя Дмитрия Михайловича по материнской линии – коломенский сын боярский Федор Берсенев Беклемишев) еще и отцы служили по Коломне и владели там землями. Впоследствии князю Дмитрию Михайловичу удалось выкупить приселок Могучий (где тоже располагался «вотчинников двор») и другие земли обратно «по родству», в писцовых книгах 1620–1630-х гг. они уже записаны вместе с другими его мугреевскими селами и деревнями (например, в данной 1586/87 г. упомянута пустошь Нестерова, а в писцовых книгах она записана как «починок, что была пустошь Нестерово»). Конечно, это нарушало распоряжение княгини Анастасии Ивановны Пожарской, но отдавая вотчину в монастырь в 1586/87 г., она и сама действовала вопреки известному соборному приговору 1580 г. об ограничении церковных владений. Интересно, что князь Дмитрий Михайлович включал «княгиню Анастасию» в поминание своего рода в синодике Спасо-Евфимиева монастыря. Действительно ли это была княгиня Анастасия Ивановна установить трудно, тем более, что в своей родовой усыпальнице она была погребена с другим, видимо, крестильным именем как княгиня Мавра (умерла 17 февраля 1615 г.). (Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря... № 225. С. 424–426; Погодин М.П. О месте погребения князя Дмитрия Михайловича Пожарского... С. 28–29, 31; Ундольский В.М. Новые разыскания о месте погребения Прокопия Ляпунова // Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1846. № 2. С. 37).

Исследователи генеалогии князей Пожарских давно обратили внимание на эти записи в Списке надгробий Троице-Сергиева монастыря XVII в. и посчитали, что в них упоминаются родная бабка и дед князя Дмитрия Михайловича Пожарского – князь Федор Иванович Пожарский, умерший 2 июля 1581 г. (Савелов Л.М. Князья Пожарские // Летопись историко-родословного общества в Москве. 1906. Вып. 2–3. С. 18). Однако на самом деле произошла

путаница с именами двух полных тезок (о такой опасности предупреждал и Л.М. Савелов). Ведь сам факт того, что захоронения князей Хворостининых и князей Пожарских расположены рядом, не был случайным. Кроме того, недавно обнаружен документ, в котором родной дед князя Дмитрия Михайловича упоминался и после 1581 г. В явочной челобитной о побеге, разбойника, пойманного в Пурехской волости Луховского уезда, датированной октябрём 1582 г., упоминаются люди князя Михаила Федоровича Пожарского и князя Федора Ивановича Пожарского. (Маштафаров А.В. Явочные челобитные 1568–1612 годов из архива Суздальского Покровского девичьего монастыря // Русский дипломатарий. М., 2003. С. 286).

Возможно также, что «ниточка» от князей Пожарских через родство с князьями Хворостиниными, может быть протянута еще дальше к самим Годуновым (тоже опричникам). Родная племянница княгини Анастасии Ивановны Пожарской – Авдотья Дмитриевна Хворостинина была замужем за одним из временщиков правления царя Бориса Годунова – Степаном Степановичем Годуновым. Это выясняется из сказки князя Юрия Дмитриевича Хворостинина, подавшего в 1628 г. челобитную о возвращении сестре Авдотье рязанской вотчины Годуновых, отобранной у них после ссылки Степана Годунова в Алатырь в 1605 г. Кстати, в усыпальнице Хворостининых были похоронены умершие в младенчестве дети Степана Степановича Годунова. (Ундольский В.М. Новые разыскания... С. 37; Корецкий В.И., Соловьева Т.Б., Станиславский А.Л. Документы первой крестьянской войны в России // Советские архивы, № 1. 1982. С. 37).

Таким образом, установленное родство известных опричников князей Хворостининых и старшей ветви князей Пожарских помогает лучше объяснить судьбу рода, к которому принадлежал князь Дмитрий Михайлович Пожарский, во времена опричнины и годуновского правления. Возможно, что это также прольет немного света на то, каким образом мать князя Дмитрия Михайловича Пожарского вдова Евфросинья-Мария Федоровна могла оказаться в верховых боярнях у царицы Марии Григорьевны Годуновой.

К.Н. Колесников (Днепропетровск, Украина)

ТАМОЖЕННЫЕ ЛЬГОТЫ СЕВЕРОПРИЧЕРНОМОРСКИХ ПРОКСЕНИЙ В СВЕТЕ ФОРМУЛЯРНО-ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Из всего многообразия источников по истории таможенных отношений в античном Причерноморье наиболее подходящими, «удобными» для применения методов дипломатики являются официальные постановления – псефимы (*ψήφισμα*), а среди них – проксении (*προξενία*). Проксении относятся к подзаконным нормативно-правовым актам экстраординарного, а именно почетного характера. Зародившись в Афинах в эпоху архаики, они прошли длительную эволюцию, завершившуюся при раннем принципате их запретом в восточных городах империи. Такие акты принимались в ответ на какие-либо благодеяния, оказанные государству иностранцами (как правило, частными лицами), или же – в ожидании каких-либо выгод от сотрудничества с оными. Это – индивидуальные акты, предоставляющие награждаемому лицу (нередко – с компаньонами, слугами и потомками) целый ряд привилегий. Среди них наиболее распространенными были ателия (*ατέλεια*) – беспошлинность, право свободного доступа в гавань и неприкосновенности имущества (*εσπλουν τε και εκπλουν εν ειράναι και πολέμωι ασυλει ασπονδει αυτωι τε και εκγόνοις και χράμασιν αυτωι*) и проксеническая полития (*προξενίας πολιτεία*) – гражданство.

Проксены брали на себя заботу о приезжающих к ним на родину гражданах полиса, исполняя в частном порядке консульские функции. Основная задача ольвийских и боспорских проксений IV–III вв. до н. э. – развитие торговли определенными товарами в интересующем государство направлении, т. е. регулирование внешнеэкономической деятельности. В эллинистическую и римскую эпохи проксении теряют былое практическое значение, становясь скорее почетной наградой, нежели методом торгово-таможенного регулирования: среди льгот беспошлинность отходит в прошлое, уступая место гражданству. В I–III вв. н. э. массовый проксенический материал встречается лишь в Херсонесе, который претендовал на элевтерию (*ελευθερίας* – свобода) – формальный статус вольного города.

Эволюция задач и функций проксений отразилась на их формуляре. Акты V–IV вв. до н. э. крайне лаконичны. Начальный протокол открывает салютация: стандартная для всех публично-правовых актов формула приветствия *Ἀγαθῆι τύχηι* («Счастливой судьбы!», «В добрый час!»). Далее следует либо интитуляция – указание издателя документа, либо инскрипция – указание адресата проксении – конкретного лица с именем, патронимом и этниконом. В актах IV в. до н. э. в формуле интитуляции указывается Народ и Совет полиса-дарителя, на Боспоре – архонт-басилевс и его соправители (при наличии таковых) без указания титулов. Из формул интитуляции известно, что эйсегетия – право законодательной инициативы в вопросах дарования проксений – изначально принадлежало любому гражданину, с III–II вв. до н. э. в Херсонесе и Ольвии указываются имена, патронимы и должности (или же только должности) официальных лиц, предложивших принятие псефисмы (Колесников К. Митні відносини на півночі римського Понту: історіографічно-джерелознавчий аналіз проксеній // Древности 2009. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков, 2009. С. 105). Основная часть документа в проксенических актах V–IV вв. до н. э. включает в себя диспозицию – распоряжение по сути дела. Например, боспорская проксения второй половины IV в. до н. э. предлагает такой ряд резолютивных формул: «...дали... хиосцу (?) проксению и свободу от пошлин на все товары и право въезда в гавань и выезда во время войны и мира, без конфискации и без договора, ему самому и (его) потомкам» (*ἔδοσαν ... / Χ[ίωι? προξενίαν καὶ ἀτέλειαν] / π[άντων] χρημάτων καὶ εἰσπλοῦν] / καὶ ἐκ[πλοῦν ἐν πολέμῳ καὶ ἐν] / εἰρήν[ηι ἀσυλεί καὶ ἀσπονδεί] / καὶ [αὐτῶι καὶ ἐκγόνοις]*). (Корпус боспорских надписей / под ред. В.В. Струве, М.Н. Тихомирова, В.Ф. Гайдукевича и др. М.; Л., 1965. № 3). С III–II вв. до н. э. основная часть проксении начинается с наррации – изложения существа дела. Она представляет собой более-менее стандартизированный набор пышных мотивировочных формул, сообщающих о благородном происхождении награждаемого лица и его благонравии как вообще, так и во время пребывания в городе-дарителе. Также в наррации нередко излагается суть благодеяний будущего проксена (поддержка граждан полиса-дарителя у себя на родине, оказание денежной, продовольственной или иной помощи полису в целом и т. д.), которые побудили эйсегетов инициировать награждение иноземца. Это, по мнению ряда исследователей, свидетельствует

об утрате проксениями практического значения и превращении их в почетные награды и титулы. Впрочем, подобный вывод для Северного Причерноморья является лишь отчасти справедливым. Постановляющая (резолютивная) часть проксении завершается распоряжением высечь декрет на беломраморной плите и поместить на самом видном месте, как правило, акрополя (*τὸ δὲ ψάφισμα τοῦτο ἀναγραφῆμεν λευκολίθου στάλαι καὶ θέμεν ἐν τῷ ἐπισαμοτάτῳ τῆς ἀκροπόλις τόπῳ*) (Inscriptiones Antiquae Orae Septentrionales Ponti Euxini: Graecae et Latinae / Ed. V.V. Latyshev. Petropoli, 1916. Vol. I. 354, B; 359, 15–17).

Конечный протокол (эсхатокол) открывался традиционным датумом: в обязательном порядке указывалось, кем принято решение, в каком году по местной эре, при каком жреце и секретаре было издано данное постановление. Например, херсонесский декрет 129 / 130 г. н. э. содержит следующую формулу: «Так решено Советом и Народом, в царствование Девы, года 154-го, при жреце Хрестионе, сыне Боиска, месяца Гераклеона, 8-го дня, при секретаре Аристоне, сыне Аттины» (*Ταῦτ' ἔδοξε βουλᾷ δάμῳ, βασιλευούσας Παρθένου, ἔτεος ρνδ', ἱερέως δὲ Χρηστίωνος τοῦ Βοίσκου, μανός Ἀρακλείου ἧ', γραμματεύοντος Ἀρίστωνος Ἀττίνου*) (Ibid. 359, 17–20). В первые века н. э. эсхатокол херсонесских псефисм завершался перечнем имен, патронимов, а и порой должностей лиц, приложивших свои печати к документу, что свидетельствовало об олигархизации управления в общине. Акт завершался указанием на подписание его секретарем Совета.

В заключение отметим, что детальное изучение индивидуальных формуляров северопричерноморских проксенических псефисм, их сравнение между собой и сопоставление с формулярами декретов из других частей эллинского мира позволило составить общую схему построения почетных постановлений (абстрактный формуляр) и конструкцию проксенических декретов, как разновидности почетных постановлений вообще (конкретный формуляр). В дальнейшем построение подобных схем сделало возможным реконструкцию поврежденных и частично утраченных надписей путем соотнесения между собой известных схем построения документа, его стандартных формул, а также используемых древними резчиками шрифтов, длины строк, размеров букв и самих каменных плит.

А.И. Комиссаренко (Москва)

ЧЕЛОБИТНЫЕ МОНАСТЫРСКИХ КРЕСТЬЯН В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ВЯТКЕ В СЕРЕДИНЕ XVIII в.

Расширение спектра исторических подходов к событиям прошлого привело к формированию целого направления – исторической антропологии, в «центре исследовательских интересов которой оказалось... история коллективных форм сознания в различные эпохи» (Барг М.А. К вопросу о современной структуре предмета истории как науки // Всеобщая история: дискуссия новые подходы. Вып. 1. М., 1989. С. 89–90).

Предлагаемое сообщение посвящено рассмотрению крестьянских челобитных и других документов как источника о ментальной стороне социального движения в церковных владениях Вятской провинции Казанской губернии в середине XVIII в. Они хранятся в фондах РГАДА, прежде всего в материалах Сената, Вятской провинциальной канцелярии, следственных комиссий. Особый интерес представляют те из них, в которых отражены компоненты общественного сознания церковных (монастырских и архиерейских) крестьян, проявившиеся в ходе социальных движений на Вятке. Это, в первую очередь, крестьянские челобитные, подававшиеся в центральные органы государственной власти и местной администрации. Нами обнаружено и исследовано 510 крестьянских коллективных челобитных. Обстоятельства, вызвавшие появление челобитных, заключаются в общей социально-экономической и политической обстановке, сложившейся в Вятской провинции к середине XVIII в.

Церковные владения на Вятке в XVIII в. (до секуляризации 1764 г.) были представлены вотчинами 28 монастырей – Вятского Успенского Трифонова, Слободского Богоявленского, Котельничского Предтеченского, Чепецкого Воздвиженского, Истобенского Троицкого и др., а также Вятского архиерейского дома. Церковные вотчины располагались преимущественно в уездах – Хлыновском (32,6 %), Орловском (11,5 %), Котельничском (11,3 %), Слободском (9,6 %), Шестаковском (9,5 %), Кайгородском (2 %). К середине XVIII в. в общем крестьянском населении Вятской провинции численность 145453 д.м.п. считалась церковными 34459 д.м.п. (23,7 %) (РГАДА. Ф. Вятской провинциальной канцелярии. Оп. 2.

Д. 130. Л. 515–516 об.) Помимо Крестьян, в руках духовенства находились почти 8,5 тыс. четвертей пашни, 34 тыс. копен сенных угодий, 71 мельница, ежегодный доход с которых составлял более 22 тыс. руб. (Труды Вятской ученой архивной комиссии. 1912 г. Вып. 1–2. С. 121–123).

Внедрение товарно-денежных отношений в экономику Вятского края, превращение его к середине XVIII в. в крупный рынок сельскохозяйственных продуктов, поставляемых как в районы европейского севера страны, так и за рубеж через Архангелогодский порт (преимущественно в Англию, Нидерланды, северогерманские города), свобода земельной мобилизации, свойственная северной черносошной деревне, вступали в противоречие с лично зависимым положением крестьян церковных владений, несших двойные повинности – и в пользу государства (подушные и оброчные деньги), и в пользу монастырских и архиерейских владельцев (барщина, денежные и натуральные сборы). Не могло не вызывать противодействия зависимых крестьян и то, что в ходе первой ревизии в 20-е гг. XVIII в. монастырские и архиерейские власти насильно записали за собой многих из них, до этого считавшихся черносошными.

Неудивительно, что с проведением в 1743–1744 гг. второй ревизии в церковных владениях вспыхнули крестьянские волнения. По сообщению вятского ревизора полковника Ифлонта из «обревисованных» к началу 1744 г. 20771 д.м.п. 5227 объявили себя черносошными. К 1748 г. число таких «отпирающихся» на Вятке от власти духовных владельцев возросло, по данным главного ревизора в Казанской губернии генерала Бардекевича, до 14661 д.м.п. (РГАДА. Ф. Сената. Кн. 267. Л. 1536–1538, 1542–1543, 1551–1551 об.) Попытки церковных администраций погасить разгоравшегося очаг социального конфликта репрессивными мерами (например, посылкой команды во главе с вотчинами управителями и служителями, офицерами хлыновского гарнизона – капитаном Качаловым, поручиком Чалеевым) привели лишь к усилению волнений.

В начале 50-х гг. XVIII в. в Хлынове была учреждена следственная комиссия коллежского советника Уварова, рассматривавшая прошение, поданное репутацией из 20 церковных крестьян, делегированной мирскими сходами. В нём содержалось требование считать их черносошными как «незаконно» записанных за монастырями и архиерейским домом, а «...земля... у них многих... имеется покупная, а иные землю розчищали собою» (РГАДА. Ф. Следствен-

ных комиссий. Оп. 1. Д. 90. Л. 1–29; Там же. Ф. Сената. Кн. 267. Л. 858). Однако комиссия Уварова не стала вникать в эти доводы, а направила «для вразумления» крестьян военный отряд под командой комиссионного секретаря В. Можайтинова и капрала П. Трубникова. Начавшиеся расправы с «непокорными», аресты, битье кнутом и батогами «заводчиков» и «сообщников» (в селах Курчуме, Нолинском, Сунском и других) вызвали отпор со стороны крестьян, вооружившихся дубьем, косами и топорами. 31 марта 1751 г. в с. Верхошиженском солдаты вступили в бой с крестьянами, открыв по ним огонь из ружей. С обеих сторон были убитые и раненые. Расправы с «отпирающимися» крестьянами продолжались всё лето этого года.

13 июня 1751 г. Главный комиссариат вынужден был осудить практику разорения крестьян, однако всего только через три недели после этого Вятская духовная консистория квалифицировала мнение комиссариатских чиновников как «...учиненное за неведением» (РГАДА. Ф. Вятской провинциальной канцелярии. Оп. 2. Д. 190. Л. 157–159, 162–165). Все же хозяйство вятских церковных вотчин в результате крестьянских выступлений понесло значительный урон.

В октябре 1751 г. правительство императрицы Елизаветы Петровны учредило и отправило на Вятку сенатскую комиссию статского советника Ивана Любимовича Полянского (57 – летнего помещика Рьельского у.) 19 марта 1752 г. он прибыл в Хлынов и приступил «к следствию», в первую очередь к рассмотрению крестьянских челобитных (РГАДА. Ф. Сената. Кн. 267. Л. 137–142, 161–161 об.). Челобитные интересны не только тем, что они рисуют в деталях картину волнений и выступлений в различных монастырских и архиерейских вотчинах, но и фиксируют время и нередко причины поступления в зависимость к церковным владельцам. Так, из них видно, что они представляют 6144 д.м.п. из которых 3222 – жители вотчин Вятского Успенского Трифонова монастыря, 650 – других вятских монастырей (например, 539 д.м.п. принадлежали Верхоуспенскому Воздвиженскому монастырю), остальные 2272 д.м.п. – крестьяне архиерейские. Основная масса крестьян попала в зависимость от церкви еще во второй половине XVII – начале XVIII в. – 206 челобитных из 510, то есть 40,3 % указывают на период с 1646 по 1722 гг. В 26 документах (3,9 %) точно отмечено время закрепления – в ходе проведения подворной переписи 1678 г. Большинство челобитчиков «за давностью лет» не помнит о причинах, заставивших их дедов и отцов выйти из чернососшной деревни (323

из 510, то есть 63,3 %) В этом случае во всех челобитных употребляется формула: «перешел для жительства», «перешел... неведомо от чего...». В 53 челобитных (10,1 %) причина указана весьма точно: «за неимением пашенной земли...» или «...в малоимении пашенной земли». В 125 челобитных (24,5 %) отмечается, видимо, производная от этих двух факторов причина – «...от хлебной скудости», «за небородом хлеба». Между тем в середине XVIII в. в рыночные связи были втянуты все уезды Вятской провинции. (РГАДА. Госархив. Разряд XVI. Оп. 1. Д. 329. Л. 1–41; Там же. Д. 347. Л. 58–90). В вятской деревне видную роль играли «торгующие» крестьяне, а весь край являл собою систему мелких рынков. Зависимые от духовных владельцев крестьяне стремились к свободе хозяйственной деятельности, какой обладало черносошное крестьянство. К концу 1751 г. – к моменту назначения комиссии И.Л. Полянского – из многих десятков тысяч подчиненных монастырям и архиерею крестьян, как сообщала в Сенат Вятская духовная консистория, «...осталось крепостных по жалованным... грамотам... только 7881 душа», но и эти крестьяне отказывались нести барщинные и натуральные повинности в пользу своих владельцев: «к будущему... году под рожь... пашни не пахали и посеянного хлеба и столовых припасов платить не хотят» (РГАДА. Ф. Сената. Кн. 267. Л. 489 об.–490, 505–511 об., 767 об.–768). Работа комиссии И.Л. Полянского продолжалась до конца января 1755 г. и завершилась «определением» оставить «отпирающихся» крестьян – челобитчиков в ведомстве монастырей и архиерейского дома. Однако из-за продолжавшегося крестьянского сопротивления Сенатом оно было утверждено лишь 27 июня 1758 г. (РГАДА. Ф. Сената. Кн. 267. Л. 1330–1333). Крестьяне отправили в Сенат челобитную, содержащую несогласие с таким исходом, который их «...в то же незаконное владение за домом архиерейским и монастыри укрепил» (Там же. Л. 2172–2173 об.)

Проанализированные челобитные свидетельствуют о том, что упорное стремление церковных крестьян к выходу из-под власти духовных владельцев в конечном итоге убеждало имперские власти в неизбежности давно назревшей секуляризации монастырских и архиерейских владений и ускоряло меры, принятые в ее осуществление в 1764 г.

Е.Л. Конявская (Москва)

**«ИКОНОГРАФИЧЕСКИЕ» ТЕКСТЫ В СБОРНИКЕ
ИОСИФО-ВОЛОКОЛАМСКОГО МОНАСТЫРЯ***

Сборник РГБ. ОР. Ф. 113. № 491 датируется по водяным знакам 20-ми годами XVI в., а дата, содержащаяся в рассказе о преставлении старца Антония Галичанина (Л. 160), – 1526 г. – позволяет относить его создание ко времени не ранее этого года. Манускрипт этот чрезвычайно интересен для изучения «иконографических» сюжетов, ибо содержит пять таких текстов. Характерно, что при этом он не принадлежит к числу сборников, где видна целенаправленная работа составителя, сделавшего соответствующую подборку. Рукописи с такими подборками XVI и XVII в. известны. Чаще они новгородского происхождения, в них рассказы о чудотворных иконах и поучения, разъясняющие смысл той или иной иконографии, следуют непосредственно друг за другом. Здесь мы имеем дело со сборником иного типа. Рукопись писалась несколькими писцами (почерки чередуются) и при наличии определенной доминанты – темы смерти и похорон (и в связи с этим отчасти эсхатологии) – тематика весьма разнообразна. Причем зачастую в сборнике помещаются не полные тексты, а фрагменты поучений, житий, патериков, иногда соединения в один текст выборки из сочинений разных авторов. «Иконографические» тексты идут в различных частях рукописей, иногда даже не выделенные киноварью или каким-то определенным заголовком.

Первый текст интересующей нас тематики – это Послание Максима Грека об образе, называемом «Уныние» (имеется в виду Пьета) (Л. 62–63). Текст приписан папе Римскому Григорию. Это видимо, объясняется тем, что в момент составления сборника Максим уже был осужден собором и иноки Иосифо-Волоколамского монастыря, собирая его труды, не стремились это афишировать (так же не указано авторство Максима Грека в Слове об утопленных и убитых (Л. 20 об.–26), хотя оно здесь имеет киноварное название, в остальном совпадающее с заглавием в других сборниках, содержащих этот текст). Нахождение этого раннего Послания Максима Грека в данном сборнике, хорошо датирующемся по водяным знакам, подтверждает, что произведение было написано автором в относительно ранний период его творчества.

На л. 156 об.–157 имеется один из двух самых ранних списков легенды об освящении Софии Новгородской и Спасовом образе (см. об этом: Конявская Е.Л. Сказание об освящении Софии Новгородской и Спасовом образе: к истории текста // Лингвистическая герменевтика. Сб. научных трудов. М., 2010. Вып. 2. С. 60–65). Текст имеет киноварное заглавие, но логика помещения его между выписками из Пчелы и Синайского патерика не ясна.

Самый же интересный текст читается на л. 411–411 об., он идет без какого-либо заглавия, но начинается с киноварной буквы после фрагмента трактата Григория Нисского «Об устройении человека» (приписано Иоанну Златоусту). Это текст молитвы, близкий к молитве со свитка знаменитой Боголюбской Божией Матери.

Сегодня на древнем образе различаются два слоя, и из-под верхнего свитка виден более древний. На древнем сохранились лишь отдельные буквы и их сочетания, текст на более позднем свитке читается почти полностью (отсутствует начало). Составитель протографического сборника не только привел молитву со свитка, но и счел необходимым пояснить, что он списал его с иконы из Боголюбского Рождественского монастыря, а также рассказал историю иконы, как он ее себе представлял. Согласно его версии, икону из Киева привез Андрей Боголюбский, а «письма она греческого» и происходит из Корсуня, где ее получил Владимир Святославич, чтобы с нею «идти в святость». В тексте есть примета, которая помогает его датировать. В последней фразе упомянут инотарий «нашей земли», для которого и переписана молитва. По-видимому, имеется в виду секретарь местного архиерея. Слово «инотарь», «инотарий» употребляется в русских источниках лишь по отношению к греческим реалиям, и использование его применительно к русской епархии, скорее всего, свидетельствует о том, что иерархом, при котором служил этот инотарий, был грек. В ранний период епископов, а потом и митрополитов-греков (Владимирская земля, о которой, видимо, автор говорит «наша земля», с рубежа XIII–XIV вв. входила в диоцез митрополита) было немало. Но далее, после середины XV в., греков среди наших верховных иерархов уже не встречается. Таким образом, текст не современен рукописи, а явно переписан из какого-то раннего манускрипта.

Ценным в рассматриваемом тексте представляется упоминание в молитве Андрея Боголюбского. Автор выражает надежду на «моление «правоверного своего князя Андрея Юрьевича, внука князя

Воладимерова Манамаша Боголюбскаго». Свитки на иконах, даже поздних, созданных уже после канонизации благоверного князя (не ранее XVII в.), ничего подобного не содержат. Данный прецедент подтверждает то, что, начиная с раннего времени и на протяжении веков Андрей Боголюбский воспринимался Владимирской землей как ее заступник и молебник.

Молитва, читающаяся на указанных листа сборника, – не единственный из принятых для написания на свитке Боголюбского образа Божией Матери. Разнообразие таких текстов велико, но можно выделить два основных типа: моления от имени Богородицы к Спасителю и молитва к Богородице от имени взирающих на образ христиан. Первый вариант встречается чаще, наиболее распространены: «Владыко многомилостивый, Господи Иисусе Христе...» (он читается на позднем окладе иконы) и «Царю небесный, многомилостивый и премилостивый...». В тех случаях, когда на иконе имелся и развернутый свиток в руке Христа, текст последнего содержал ответ на моление Матери. В данном сборнике есть и такой текст-диалог, который мог бы помещаться на двух свитках (Л. 63–63 об.). Причем моление Богородице в данном случае совпадает с текстом на Ее свитке с образа другого иконографического типа – псковской иконы «Спас Недреманное Око» (см. о ней: Родникова И.О. Икона «Спас Недреманное Око» из Псковского музея. К истории иконографического извода. Псков, 2003). Ответные же слова Спаса Эммануила на этой иконе XVI в. отличаются от «Ответа» в сборнике, что еще раз показывает, сколь разнообразны варианты текстов на свитках. Видимо, иноки Иосифо-Волоколамского монастыря проявляли к ним интерес, дабы использовать при заказе или написании икон.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 10-04-00338а.

М.В. Корогодина (Санкт-Петербург)

«СКАЗАНИЕ ОБ ИКОНОПИСЦАХ»: ПРОБЛЕМЫ АТРИБУЦИИ*

«Сказание об иконописцах» – общее название, данное нами целому комплексу текстов по первой статье, входящей в этот комплекс: «Сказание о иконописцахъ, каковымъ подобаетъ быти»; «О томъ, еже кроме святыхъ иконъ правоверному изграфу ничто же

писати»; «О иконахъ иже над вратами поставляеми»; «Паки о иконописцахъ»; «О иконахъ, иже от рукъ неверныхъ написаны не приимати, и святыхъ иконъ в руки неверныхъ не предавати»; «О томъ, на коихъ вещехъ писати и вообразити святыхъ иконы и на коихъ не писати»; «О томъ еже святыхъ не отягчити ценою сребра»; «О томъ еже не оскудити изграфа». Подборка открывается рассуждением о моральной чистоте иконописцев и наставлениями относительно их ремесла, близкими по сути к 43-й главе Стоглава (Емченко Е.Б. Стоглав: Исследование и текст. М., 2000. С. 320–322). В них запрещается вводить любые новшества и подчеркивается, что иконописец должен быть не только умельцем, но и добродетельным человеком. Помимо икон мастер не может писать никаких других изображений. Недопустимо иметь у себя иконы, написанные неверными; также нельзя православные иконы продавать неверным. Иконы можно писать на любом крепком материале, кроме стекла. На празднествах иконописцев надо сажать на почетные места рядом со святителями. Иконописцу следует довольствоваться платой, необходимой для покупки пищи и одежды.

«Сказание об иконописцах» входит в состав так называемой Кирилло-Белозерской редакции кормчей книги (главы 124–127), созданной предположительно в 1590-х гг. и сохранившейся в трех списках 20–40-х гг. XVII в.: РГБ. НИОР. Ф. 247 (собр. Рогожского кладбища). № 272; РНБ. ОР. Кир.-Бел. 3/1080; ГИМ. ОР. Син. 570. Статьи об иконописцах в XVII в. были включены со ссылкой на кормчую книгу в предисловие к Иконописному подлиннику Большакова, наравне с 43-й главой Стоглава (Подлинник иконописный / Изд. С.Т. Большакова, под ред. А.И. Успенского. М., 1903. С. 21–23). Предисловие к иконописному подлиннику Большакова появилось не ранее конца XVII в., поскольку его автор ссылается на печатные и рукописные книги второй половины XVII в., в том числе на Щит веры с датой 7198 (1689/90) г. В Иконописном подлиннике статьи были приписаны Исидору Пелусиотскому, очевидно, потому, что одна из предшествующих глав в кормчей была надписана именем этого святого (глава 120, «Правило къ зиждущимъ церковь»), и все последующие анонимные главы составитель Иконописного подлинника также посчитал принадлежащими этому автору. Ложная атрибуция Исидору Пелусиотскому, появившаяся в Иконописном подлиннике, была принята О.Ю. Тарасовым (Тарасов О.Ю. Икона и благочестие:

Очерки иконного дела в императорской России. М., 1995. С. 132–134). Возможно, соседство с выписками из Стоглава в Иконописном подлиннике навело А.И. Иванова на мысль, что статьи об иконописцах послужили источником для 43-й главы Стоглава (Иванов А.И. Литературное наследие Максима Грека: Характеристика, атрибуция, библиография. Л., 1969. № 151). Предположение было поддержано Тарасовым, который всю изучаемую нами кормчую отнес ко времени митр. Макария, предположив, что кормчая была составлена при подготовке Стоглавого собора (Тарасов О.Ю. Икона и благочестие. С. 132–134). Однако, исследования Я.Н. Щапова и наши собственные показали, что кормчая Кирилло-Белозерской редакции не могла быть составлена ранее 1590-х годов (Брюсова В.Г., Щапов Я.Н. Новгородская легенда о Мануиле, царе греческом // Византийский временник. Т. 32. М., 1971. С. 91; Корогодина М.В. О редакции кормчей книги из Кирилло-Белозерского монастыря // Каптеревские чтения. Сб. ст. М., 2010. Вып. 8. С. 23–34). Если статьи об иконописцах использовались при подготовке Стоглавого собора, то непонятно, почему в постановлении собора вошли идеи лишь первой статьи, и совершенно не были востребованы остальные статьи. Скорее, пространный 43-й глава Стоглава послужила источником для первой статьи «Сказания об иконописцах» в кормчей. Вероятно, как и во многих других случаях, составитель кормчей кратко пересказал источник, дополнив его собственными рассуждениями.

Некоторые исследователи предполагали, что статьи, входящие в «Сказание об иконописцах», принадлежат перу Максима Грека (Иванов А.И. Литературное наследие Максима Грека. № 151; Тарасов О.Ю. Икона и благочестие. С. 132–134). Основанием для такого предположения стали старообрядческие сборники XIX в., где статьи об иконописцах надписаны именем Максима Грека (Большаковское собрание по терминологии Д.М. Буланина и А.Т. Шашкова. См.: Буланин Д.М. Переводы и послания Максима Грека. Л., 1984. С. 247–249). Можно ли доверять указанию на авторство Максима Грека, появляющемуся в столь поздней традиции, в старообрядческой среде? В других старообрядческих рукописях, включавших «Сказание об иконописцах», дана отсылка к кормчей книге (РГБ. НИОР. Ф. 199 (собр. Никифорова П.Н.). № 557. Л. 1–5), причем старообрядцы хорошо знали кормчую Кирилло-Белозерской редакции – она легла в основу переделки кормчей, выполненной в

Белокриницкой епархии и уже в сер. XIX в. активно переписывавшейся в московских старообрядческих общинах (Корогодина М.В. О редакции кормчей книги из Кирилло-Белозерского монастыря. С. 23–34). Поэтому можно предположить, что «Сказание об иконописцах» было изначально выписано из кормчей и приписано Максиму Греку уже в старообрядческой среде, поскольку этот любимый старообрядцами книжник оставил несколько сочинений о почитании икон. При этом собственные сочинения о почитании икон Максима Грека не имеют никаких перекличек с текстами, извлеченными из кормчей.

Таким образом, автор «Сказания об иконописцах» – одной из наиболее ранних, после постановлений Стоглавого собора, подборки статей об иконописцах и иконописи, по-прежнему остается неизвестным. Изучение кормчей Кирилло-Белозерской редакции позволяет предполагать, что эти статьи были созданы тогда же, когда и другие оригинальные статьи этой кормчей, то есть в 1590-х гг., и принадлежат составителю кормчей.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ, грант 11-01-00184а.

Н.Ф. Котляр (Киев, Украина)

ЮЖНОРУССКИЕ ЛЕТОПИСНЫЕ СВОДЫ XII–XIII вв.

Канули в лету времена, когда историки и филологи видели в летописях авторские произведения, дожившие до нашего времени без существенных изменений. Еще в начале XIX в. исследователи начали склоняться к мысли о том, что летописи, начиная от древнейших, состоят из разновременных и неоднородных частей (П.М. Строев). О том, что своеобразная мозаичность структуры присуща всем древнерусским сводам, начиная с первых, даже не дошедших в целостности до нашего времени (Древнейший, Начальный, оба Печерские), писали историки второй половины XIX в. Само понятие летописного свода было обосновано в сочинениях М.П. Погодина, И.И. Срезневского, И.Д. Беляева, К.Н. Бестужева-Рюмина. А.А. Шахматову принадлежит введение в науку понятия «общерусский летописный свод», к коим он причислил Повесть временных лет, Ипатьевскую и Лаврентьевскую летописи. По

мнению Д.С. Лихачёва, уже первая из сохранившихся летописных памятников, Повесть временных лет, была сводом, и что стремление обнаружить ее автора обречено на неуспех и свидетельствует об исследовательской наивности ищущих. Точно так же попытки восстановить авторский оригинал Повести (А.Л. Шлецер) или определить одного-единственного составителя огромного по объему текста Киевского свода XII в. (В.Н. Татищев) скептически воспринимались даже их современниками.

Еще в большей степени, чем Повести временных лет, летописям конца XII и XIII вв. присущи неоднородность текста, сложный состав, включающий множество больших и малых повестей, каждая из которых представляет собой законченное историко-литературное произведение, оставаясь при этом естественной составной частью всего свода. Как писал Б.А. Рыбаков, «редактор-сводчик конца XII в. был не столько продолжателем какой-либо одной хроники, сколько художником-мозаичником, составлявшим сложную историческую композицию из целой библиотеки областных летописей». Подобный состав и соответствующая ему структура в высшей степени характерны для южнорусских летописей XII–XIII вв.: Повести временных лет, Киевского и Галицко-Волынского сводов, о которых речь идет в моем сообщении.

Уже Повесть временных лет обнаруживает в своем составе особые повести, посвященные Владимиру Мономаху и его родичу теребовльскому князю Василько Ростиславичу. Основной текст Повести представляет собой всё же погодную хронику, комментирующую события, но хронику особенную, изобилующую отступлениями, философскими размышлениями о настоящем и будущем Русской земли. Иначе дело обстоит с продолжившей ее Киевской летописью XII в. Она, на мой взгляд, в большей своей части состоит из исторических, преимущественно воинских, повестей различного объема и характера. Они соединены в свод посредством статей погодного, хроникального характера. В центре внимания этих повестей находятся фигуры глав княжеских кланов: киевских Мстиславичей и смоленских Ростиславичей (потомков Владимира Мономаха), а также черниговских Ольговичей. Заметное место в Киевском своде занимают повести о галицких Ростиславичах, потомках Володаря Ростиславича, – его сыне Володимирко, внуке Ярославе и правнуке Владимире.

Составленная в основном из повестей, Киевская летопись при этом отличается целостностью, высокими идейно-политическими достоинствами, патриотизмом, она бросает свет на эволюцию государственного устройства Руси, ярко описывает отношения между Ярославичами в течение почти всего XII в., рассказывает о феодальной иерархии, порядках престолонаследования. Как никакая иная древнерусская летопись того времени, Киевская создает широкую панораму международной жизни Европы, рассказывает об отношениях Руси с Византией, Германской империей, близкими и далекими соседями (Венгрия, Польша, Литва, ятвяги, половцы). В Киевском своде содержатся яркие и достоверные характеристики членов дома Ярославичей, как апологетические (Изяслав Мстиславич), так и саркастические (Володимирко Володаревич), и в каждой из них персонаж выглядит многомерно и реалистично.

Высшей точкой в деле составления летописных сводов на Руси мне представляется Галицко-Волынская летопись XIII в. Введенный в науку Н.М. Карамзиным, этот источник во многом отличается от прочих летописей. В нем отсутствует хронологическая сетка (даты на полях одного из списков, Ипатьевского, проставлены гораздо позже времени его составления, конца XIII – начала XIV в., и весьма приблизительно), разделение на погодные статьи выполнено также позднее времени его написания и произведено достаточно формально, связи между частями весьма приблизительно. Все это выделяет Галицко-Волынский свод среди прочих древнерусских летописных сводов.

Историография Галицко-Волынского свода весьма богата. Уже Карамзин определил, что он состоит из двух основных, неодинаковых по объему частей: Галицкой и Волынской. С ним согласились почти все исследователи позднейших времен, среди них Л.В. Черепнин и В.Т. Пашуто. К.Н. Бестужев-Рюмин предположил, что в этом источнике выделяется немало исторических повестей (о битве на Калке, «Батыевом погроме», о болезни и кончине волынского государя Владимира Васильковича, последнего в роду Галицких Ростиславичей). М.С. Грушевскому принадлежит выделение нескольких летописных повестей в составе свода. А.С. Орлов и М.Д. Присёлков мало занимались его структурой, сосредоточив свое внимание на источниках и художественных достоинствах памятника. Выдающийся вклад в историографию Галицко-Волынской летописи внесли Л.В. Черепнин и В.Т. Пашуто. Первый показал, что

памятник состоит не из двух, а из трех частей, обнаружив в нем фрагмент Летописца Мстислава Даниловича (1289–1290 гг.), которым он и завершается. Ученый подробно рассмотрел крупнейшую по объему повесть в его составе – первую, Галицкую, которую он назвал Летописцем Даниила Галицкого. В.Т. Пашуто считал все же Галицко-Волынский свод обычной летописью, отмечая необычность и своеобразие его структуры и изобразительных средств. Он видел летописные повести в качестве источников этого свода. Двадцатилетнее исследование текста Галицко-Волынской летописи привело меня к выводу о том, что она целиком состоит из отдельных повестей, соединенных в свод позднейшими редакторами.

Т.В. Круглова (Псков)

«БОЛОТОВСКИЙ ДОГОВОР» С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ РУССКОЙ ДИПЛОМАТИКИ

Название «Болотовский договор» в научной литературе закрепилось за неким документом, который упоминается единственный раз в летописном рассказе под 6955 (1348) г. о походе новгородско-псковского войска к захваченному шведами Орешку. Текст самого акта до наших дней не сохранился, но его содержание пространно пересказывается летописцем. Летописный рассказ представлен двумя редакциями: новгородской и московской. Они имеют общую основу и существенные различия.

Несмотря на единственное упоминание в письменных источниках этот документ вызвал множество споров и дискуссий. К его истории обращались Г.В. Проскуракова, С.И. Колотилова, Т.В. Круглова, В.Л. Янин, В.А. Буров, С.В. Белецкий, А.В. Еременко, А.В. Валеров. В работах исследователей были рассмотрены важные вопросы, касающиеся времени появления, содержания и значения данного документа в системе новгородско-псковских отношений. Тип несохранившегося документа определялся как: «договор», «докончание», «соглашение», «мир».

Однако в тексте летописного рассказа 1348 г. использовались другие обозначения данного акта: в новгородской редакции – «жалоба» и «жалование»: «топерво мы вам дали жалобу на Болотове (Волотове)»; «но борзо есте забыли наше жалование»; в московской версии летописного рассказа сохранилось только слово «жалова-

ние»: «коли идучи новгородци к Ореховцу, даша жалование городу Пскову».

Согласно классификации русских актов С.М. Каштанова, «жалобы» относятся к частно-публичным документам. Это делопроизводственные документы неактового характера. «Жалования» – это договорно-законодательный вид публично-правовых актов. К этому же виду принадлежат уставные грамоты территориям и кормленные грамоты, получившие распространение со второй половины XIV в.

Насколько терминология летописной статьи соответствует пересказу диспозитивной части несохранившегося акта. Для сравнительного анализа привлекается две разновидности новгородских жалованных грамот: жалованные несудимые грамоты и жалованные грамоты, выданные от имени вечевого Новгорода. До наших дней сохранились (в списках и подлинниках) около полутора десятка новгородских жалованных грамот (XIV–XV вв.). Несудимых среди них – 3. Это жалованные грамоты новгородских архиепископов Евфимия, Ионы и Феофила Спасскому Верендовскому монастырю. Две последние носят подтверждающий характер и опираются на первый акт, выданный в период архиепископства Евфимия, между 1434–1458 гг.

Формуляр всех трех актов единый. Диспозитивная часть этих жалованных (несудимых) грамот («пожаловал есмь... не позывати их в Великий Новгород ни подвоискими, ни дворяни, ни бирици, ни изветники и их позовницы; а кому будет до них каково дело, и он их зовет моею позовной, и суд им предо мною в Новгороде») текстологически близка пересказу содержания утраченного документа в летописном рассказе о походе 1348 г. Так, в новгородской редакции говорится: «посадникам нашим у вас в Пльскове не быти, ни судити, а от владыци судити вашему брату пльсковитину, а из Новаграда вас не позывати дворяны, ни подвоискими, ни софьяны, ни изветники, ни биричи». В московской версии дан тот же текст, но с небольшими отличиями: «посадникам новгородским в Пьскове ни сидети, ни судити, а от владыкы судити их брату пьсковитину, а из Новагорода их не позывати ни дворяны, ни подвоискими, ни софьяны, ни изветники, ни биричи».

Из пяти сохранившихся до наших дней грамот, выданных от имени вечевого Новгорода, особый интерес представляют две. Это список с жалованной грамоты Новгорода Степану Есиповичу с братьею о сборе пошлин (1422–1423 гг.). Другой документ – жало-

ванная грамота Новгорода Соловецкому монастырю на Соловецкий и другие острова, которая сохранилась в подлиннике (1468 г.). Формуляр этих двух жалованных грамот XV в. сложнее, он демонстрирует устойчивые традиции, уходящие в предшествующее столетие.

Оба акта начинаются с обозначения адресатов жалобы. Далее упоминается место подачи жалобы: «на вече на Ярославле дворе». После этого следует формула: «се били челом». Затем помещается перечисление имен челобитчиков. Просителями (челобитчиками) в первом акте выступили потомки владельца погоста Андрея (поименно); во втором – игумен и все старцы. В нарративной части находится изложение сути жалобы. Распорядительная часть (диспозиция) достаточно подробна. В тексте этих двух грамот имеется санкция. По указанию позднего списка подлинная жалованная грамота новгородского веча, устанавливающая размер поралья и потуг крестьянам Терпилова погоста, была когда-то скреплена двумя вислыми свинцовыми печатями. Подлинную грамоту 1468 г. скрепляли 8 печатей: архиепископа, посадника, тысяцкого и пяти концов.

А.А. Зимин в жалованных грамотах выделял вступительную часть с изложением челобитья. В рассмотренных выше грамотах, выданных новгородскими властями, в начальной части также излагается суть жалобы, называются корреспондент и адресат жалобы. В новгородской редакции летописного рассказа о походе под Орешек также упоминается жалоба: «топерво мы вам дали жалобу на Болотове (Волотове)». В московской версии эта важная подробность рассказа опущена. Скорее всего, речь здесь идет о выдаче Новгородом грамоты в ответ на жалобу, челобитье псковичей. Что касается топографического комментария «на Болотове» или «на Волотове», то анализ конкретного формуляра двух новгородских жалованных грамот позволяет предположить, что здесь речь идет о месте подачи жалобы псковичами, а не о месте выдачи грамоты. Сама жалованная грамота от имени Новгорода могла быть дана только на вече «на Ярославле дворе».

После первой фразы «топерво мы вам дали жалобу на Болотове» летописец подробно, близко к формуляру передает распорядительную часть несохранившейся грамоты. Видимо, этим диспозитивная часть исчерпывалась. Все остальные части формуляра акта остались за границами летописного рассказа: когда и кто ездил с

челобитьем (жалобой) от Пскова, были ли определены санкции за нарушение положений грамоты, кто и как удостоверял документ.

Таким образом, формулярный анализ двух разновидностей новгородских жалованных грамот XV в., сравнение их с текстом летописного пересказа содержания утраченной грамоты, терминология документов в летописном сообщении о походе к Орешку, позволяют предположить, что упоминаемый в известии 1348 г. утраченный акт представлял собой жалованную грамоту Новгорода Пскову на право местного суда, выданную на вече в ответ на жалобу (челобитье) Пскова. Называть этот акт «Болотовским договором» неправомерно, т.к. никаких признаков договорной грамоты летописный рассказ не содержит.

А.С. Кручинин (Москва)

Три соглашения (К вопросу о дипломатическом и военном представительстве России в Польше в 1920 г.)

Воссоздание в конце 1918 г. независимого Польского государства поставило на повестку дня вопрос об отношении его к России, охваченной Гражданской войной. Польские вооруженные контингенты в 1918–1919 гг. действовали совместно с Белыми войсками на правах союзников; на польско-советском фронте (с польской стороны) существовали русские отряды, а также функционировали вербовочные бюро, направлявшие добровольцев, главным образом, в Северо-Западную Армию. Тем не менее, лишь 18 августа 1919 г. польский премьер-министр И. Падеревский выразил согласие на аккредитацию в Варшаве дипломатического представителя Российского Правительства, возглавляемого Верховным правителем России адмиралом А.В. Колчаком; с генералом А.И. Деникиным отношения поддерживались путем обмена военно-дипломатическими миссиями. Но уже вскоре, после того как в январе 1920 г. прекратило свое существование Правительство Колчака, а Деникин не воспринял после гибели адмирала титула Верховного Правителя, проблема представительства и защиты русских интересов в Польше вновь оказалась актуальной.

Новый Главнокомандующий и Правитель Юга России генерал П.Н. Врангель назначил своим военным представителем при

правительстве Польши генерала П.С. Махрова, однако по приезде в Варшаву тот должен был узнать о существовании еще одного органа, претендующего на исполнение функций русского представительства. Этим органом стал сформированный в том же июле Русский Эвакуационный Комитет (РЭК), вскоре переименованный в Политический (РПК), во главе с Б.В. Савинковым. Несмотря на то, что со стороны он воспринимался как «Западное Русское Правительство» (и, наверное, на желание Савинкова действительно превратить его в таковое), Комитет, разумеется, не мог выполнять «правительственных» функций. В то же время Савинкову еще «в конце июня» 1920 г. «было разрешено Верховным Польским Командованием формирование русских отрядов на территории Польской Республики» – то есть предоставлена своего рода монополия, превращавшая РПК в единственное связующее звено между польским правительством, с одной стороны, и русскими военными, стремившимися к продолжению борьбы против большевиков, – с другой. Впрочем, официальная сторона дела ограничилась лишь письмом польского военного министра генерала К. Соснковского Савинкову; соответственно, и взаимоотношения с командованием формируемых русских отрядов РПК должен был выстраивать путем «сговора» или соглашений.

Известны тексты трех таких соглашений – с генералом П.В. Глазенапом от 7 июля 1920 г., генералом графом А.П. Паленом от 28 июля и генералом С.Н. Булак-Балаховичем от 27 августа. Показательно, что Врангель упоминается лишь в первом соглашении; вместе с подчеркиванием, что «во всех делах политических и дипломатических, как касающихся армии, так и не касающихся, – последнее слово принадлежит Б.В. Савинкову», это свидетельствует о претензиях РПК, действительно выходящих за рамки простого посредничества или дипломатического представительства. В остальных соглашениях фигурирует даже не РПК, а «русский политический центр, руководимый Б.В. Савинковым». С другой стороны, Глазенап был единственным из военачальников, с кем Савинков хотя бы формально разговаривал как с равным, и соглашением с ним образовывался «негласный организационный комитет» в составе Савинкова (председатель), Глазенапа и Д. В. Философова.

Соглашения с Паленом и Балаховичем уже не имели такого характера, трактуя в первую очередь о политическом подчинении Савинкову и принятии генералами «общих лозунгов». В то же время

относительно первого из этих соглашений приходится предположить, что оно основывалось на мистификации со стороны Палена, который именуется в нем руководителем «Русских формирований на границе Латвийской Республики и территорий Псковской и Витебской губ.». На самом деле в этом районе никаких «отрядов графа Палена» так и не было создано, или же последние ничем себя не проявили; впоследствии Пален, перебравшись в Польшу, был начальником дивизии, не завершившей своего формирования и на фронт не успевшей. Более того, по позднему признанию самого Палена, костяк дивизии был образован благодаря вербовке представителями Савинкова, а отнюдь не переброске якобы уже имевшихся в Латвии его «отрядов».

Соглашение с генералом Балаховичем отличается тем, что в нем – единственном из трех рассматриваемых здесь – оговариваются и «обязанности» второй договаривающейся стороны – Савинкова. Причина кроется, очевидно, в наличии у Балаховича небольшого, но сплоченного и боеспособного отряда, с успехом принимавшего участие в советско-польской кампании 1920 г. При этом РПК («политическим центром») принимаются на себя уже функции представительства перед поляками балаховских формирований, то есть части русских войск, отнюдь не претендующей на «центральный» или «верховный» характер.

Официальное признание «власти ген. Врангеля и его программы» Савинковым состоялось только 2 октября в форме «Декларации», подписанной, однако, не от имени Политического Комитета, а просто группой лиц, ни о каком своем организационном объединении не упоминающих (Савинков, Философов и др.). Оглашение декларации имело целью установление «большей ясности <...> взаимоотношений между русским политическим центром в Варшаве и Правительством ген. Врангеля», однако расплывчатость формулировок вряд ли способствовала этому, а побудительные мотивы к «признанию» могли вовсе не иметь принципиального характера.

Формально основанием для «признания» считались «принципы, которые генерал Врангель положил в основу своей внутренней политики», однако следует обратить внимание, что незадолго до появления савинковской декларации, 28 сентября, Врангель отдал через генерала Махрова распоряжение сформировать «3-ю Русскую Армию», основу которой составил бывший Русский Отряд, фор-

мировавшийся летом Глазенапом. Возможно, проявление воли Главнокомандующего и его намерение управлять русскими войсками в Польше, не прибегая к посредству РПК, и подтолкнули Савинкова к решению декларировать свое «признание».

Врангель отреагировал на «признание» незамедлительно, телеграммой от 4 ноября, однако не предоставил Савинкову и РПК никаких официальных полномочий, ограничившись «приветствием» и «уверенностью», что Савинков «с прежней энергией будет привлекать новых борцов за русскую Государственность». Быть может, именно поэтому в ноябрьскую кампанию 1920 г. Савинков поддержал действия генерала Балаховича, практически не связанные с попыткой наступления 3-й Русской Армии на Волыни.

Таким образом, амбиции и претензии главы РПК привели к тому, что вопрос о quasi-дипломатическом представительстве России в Польше так и остался, в сущности, нерешенным, хотя влияние Савинкова в польских политических кругах и отсутствие у него непреодолимых разногласий с программой Врангеля, казалось бы, давали реальную основу для создания и эффективного функционирования такого представительства.

В.В. Кудряков (Москва)

ХРОНИКА ИНГУЛЬФА И ЕЕ ПРОДОЛЖЕНИЯ: СУДЬБЫ ИСТОЧНИКА

Первое упоминание о Кройлендской хронике и содержащихся в ней хартиях приходится на 1415 г., когда в Лондоне в ходе тяжбы одноименного монастыря с жителями Сполдинга и Моултона приор Кройленда Ричард Уптон внезапно предъявил суду пожалования на спорные земли, сделанные обители еще королями англо-саксонского периода Этельболдом, Идредой и Эдгаром. Эти хартии были инкорпорированы в прекрасный манускрипт, повествующий об истории Англии с седьмого столетия. В качестве его автора был упомянут аббат Кройлендского монастыря Ингульф, служивший одним из секретарей или клерков канцелярии Вильгельма Завоевателя. В XII в. его работа была дополнена известным ученым-монахом Петром из Блуа. Судьи сочли, что предъявленные документы являются подлинными, и дело оказалось решено в пользу монастыря. Подлог обнаружился лишь более четырех веков спустя, а до XIX

века хроника пользовалась непререкаемым авторитетом (H.T. Riley (ed). *Ingulph's Chronicle of the Abbey of Croyland*. London, 1854. P. XI–XII; Gross Ch. *The Sources and Literature of English History from the Earliest Times to 1485*. London, New York, Bombay, 1900. P. 187).

В районе 1470 г. один из приоров обители составил продолжение хроники, охватывающее период с 1149 по 1469 гг. Как и хроника Ингульфа, так и хроника Приора была, по-видимому, работой профессионального скриптория. Можно различить почерк нескольких писцов, принимавших участие в этой работе. Шестнадцать лет спустя манускрипт вновь дополняется, на сей раз описанием событий, имевших место между 1459 и 1486 гг. (Gransden A. *Historical Writing in England*. London, 1998. Vol. 2. P. 408). Второе продолжение резко контрастирует со всем предыдущим текстом. Здесь мы имеем дело не с работой группы каллиграфов, а с плодом деятельности чиновника XV столетия (Proney N., Cox J. (ed). *The Crowland Chronicle Continuations: 1459-1486*. London, 1986. P. 44–46). Второе продолжение заслуженно считается лучшим источником второго царствования Эдуарда IV (Kingsford M.A. *English Historical Literature in the Fifteenth Century*. N-York, 1963. P. 179). Вскоре после завершения этого нарратива в том же 1486 г. манускрипт получает третье продолжение, однако оно занимает лишь несколько страниц и обрывается после описания первых нескольких месяцев правления Генриха VII и очередной тяжбы между Кройлендским аббатством и аббатством Питерсборо (Edwards J.G. *The Second «Continuation» of the Crowland Chronicle: Was it Written in 10 days?* // *Bulletin of the Institute of Historical Research*. XXXIX, 1966. P. 117; 122–123).

Дальнейшая судьба манускрипта изобилует лакунами и белыми пятнами. С большой долей вероятности можно утверждать, что к 1506 г. его уже либо не было в стенах обители, либо он оказался тщательно сокрыт, ибо сэр Джон Хэррингтон, получивший в это время заказ на составление монастырской летописи, абсолютно проигнорировал труды предшественников. Более того, выражая благодарность аббату Кройленда за документы, предоставленные ему в распоряжение, Хэррингтон скрупулезно перечисляет их, и в его списке отсутствует какое-либо упоминание о хронике Ингульфа и ее продолжениях (Proney N. and Cox J. *Op. cit.* P. 102).

Зато придворный тюдоровский летописец Полидор Вергилий использовал этот источник для создания образа Ричарда III. Затем, уже после роспуска Кройлендского монастыря в результате раз-

вернувшейся в Англии Реформации манускрипт вновь обнаружился в Кройленде, где с превеликим тщанием хранился в местной церкви в сундуке, запиравшемся на три замка. Тем не менее, цитаты из него встречаются в трудах доктора Кайюса в 1568 году и архиепископа Паркера в 1572 г., а в 1596 г. хроника Ингульфа, хотя и без продолжений, была опубликована сэром Генрихом Сэвайлом (Hicks M. *The Second Anonymous Continuation of the Crowland Abbey Chronicle 1459–86 Revisited* // *The English Historical Review*. V. CXXII, № 496, 2007. P. 350; Riley. *Op. cit.* P. 9). Следующее упоминание о судьбе манускрипта относится уже к тому времени, когда он являлся частью коллекции известного собирателя средневековых текстов сэра Роберта Брюса Коттона и отмечается в каталоге его библиотеки, составленном в 1623 г. Здесь он фигурировал уже не в качестве самостоятельной единицы, но как часть кодекса Otho B.13 по классификации коттоновской библиотеки. В нем наряду с хроникой Ингульфа и ее продолжениями содержалась история Шотландии первой половины XII в. и хроника Матвея Ветминстерского (Proney N. and Cox J. *Op. cit.* P. 49–50). В 1684 г., опираясь на Otho B.13, В. Фулман осуществил единственное полное издание Кройлендской хроники (Hicks M. *Op. cit.* P. 350). В 1700 г. сэр Джон Коттон передал государству уникальную коллекцию манускриптов, собранную его семьей. Парламент принял этот дар и Коттоновская коллекция оказалась объединена вместе с королевской библиотекой, которая к тому времени не имела надлежащих помещений. 23 октября 1731 г. пожар нанес библиотеке невосполнимый ущерб. В числе его жертв оказался и кодекс Otho B.13. Двадцать два года спустя при возникновении Британского музея собрание Р.Б. Коттона стало одной из основ его библиотеки (Miller E. *A brief history of the British museum*. London, 1970. P. 3; Британская библиотека. М., 1987. С. 6).

На составление нового подробного каталога коттоновского собрания ушло почти 50 лет. Он был опубликован в 1802 г., и в нем кодекс Otho B.13 числился как утраченный. Однако в департаменте манускриптов Британского музея в результате реставрационных работ, завершившихся лишь в 1884 г., в распоряжении исследователей оказалось 150 уцелевших фрагментов, расположенных на 76 кусочках пергамена и идентифицированных как части хроник Ингульфа, Петра из Блуа, а также Первого и Второго продолжений (Proney N. and Cox J. *Op. cit.* P. 41). Вплоть до образования Британской библиотеки они хранились в Британском музее, а после вошли

в состав ее фондов (Британская библиотека. С. 5), где и пребывают в настоящее время.

М.А. Курьшева (Москва)

БИБЛИОТЕКА ВИЗАНТИЙСКОГО МОНАСТЫРЯ XI в.: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ

История и реконструкция византийских монастырских библиотек и скрипториев всегда связана со специфическими трудностями. Соотнести недатированную и нелокализованную рукопись с точным местом ее написания и бытования – сложная исследовательская задача. Не последнюю роль здесь играет разрозненность идентифицируемого материала: греческие рукописи рассредоточены в многочисленных рукописных собраниях.

Рукописи библиотеки известного средневекового монастырского центра на Галисийской горе были впервые выявлены и перечислены в статье Ф. Алькэна (Halkin F. *Manuscrits Galésiotés // Scriptorium*. 1961. P. 221–227). Ученого привлекла редкая помета, обнаруженная им на полях одного из древних кодексов X–XI вв. в собрании манускриптов *Biblioteca Malatestiana* в Чезене: – запись XIII–XIV вв., позволившая ему выявить рукописи этой монастырской библиотеки в других собраниях.

Монастыри Галисийской Горы близ Эфеса известны, начиная с первой половины XI в., основание их связано с именем святого столпника преподобного Лазаря Галисийского (память 7 ноября, ум. в 1053 г.). Монастырская библиотека появилась там, по-видимому, с приходом первых насельников. Этот монастырский центр пережил периоды расцвета и упадка и, вероятнее всего, был разорен турками в начале XIV в. во время взятия Эфеса в 1304–1308 гг.

К периоду создания и расцвета монастырей Галисийской горы относятся самые ранние свидетельства деятельности монастырского скриптория – два греческих манускрипта, находящиеся ныне в собрании Государственного Исторического музея в Москве были описаны в Каталоге архимандрита Владимира 1894 г. (Владимир (Филантропов), епископ. Систематическое описание рукописей Московской Синодальной (Патриаршей) библиотеки: Ч. 1: Рукописи греческие. М., 1894. С. 117–118, 558–559) и в Дополнениях Б.Л. Фонкича 1993 г. (Фонкич Б.Л., Поляков Ф.Б. Греческие руко-

писи Синодальной библиотеки: Палеографические, кодикологические и библиографические дополнения к каталогу архимандрита Владимира (Филантропова). М., 1993. С. 54, 120).

Первая рукопись – Син. греч. 252 (Влад. 122), датируется первой половиной X в., по содержанию – Аскетикон Василия Великого. Вторая рукопись – Син. греч. 157 (Влад. 372), датируется XI в., содержит тексты на декабрь и январь из Минология Симеона Метафраста. Обе рукописи были привезены в Москву Арсением Сухановым в середине XVII в. из монастырей Афона: Пандократора и Ивира.

Результаты изучения указанных рукописей, основанные исключительно на данных палеографии и кодикологии, дают возможность получить принципиальные для исследователя греческой книжности эпохи средневековья свидетельства о первоначальном ядре монастырской библиотеки на Галисийской Горе, в которой были как привезенные из других мест древние греческие рукописи X в., так и рукописи, написанные уже в скриптории монастыря в XI в.

Память об их происхождении «из книг» монастыря Галисиу бережно хранилась и передавалась даже тогда, когда этот монастырский центр был разорен турецкими войсками. Сами рукописи получили новую жизнь в афонских обителях, были включены в состав монастырских библиотек с соответствующими пометами, а оттуда спустя почти 350 лет попали в Москву.

Т.А. Лаптева (Москва)

ДЕСЯТНИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПРИКАЗНОГО ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА XVII в.

Десятни являются основополагающим источником по истории служилого «города» в России XVII в. Однако до сих пор не выяснено происхождение самого термина «десятни».

Из публикации В.Н. Сторожевым разборных десятен 1622 г. по Твери (Сторожев В.Н. Тверское дворянство Вып. 1–4. Тверь, 1891–1895) видно, что составлению десятни предшествовало создание чернового разборного списка дворян и детей боярских по «городу», для чего ими подавались сказки за своими руками (с собственноручными подписями) или за руками их доверенных лиц (Сторожев В.Н. Тверское дворянство. Вып 1. Тверь, 1891. С. 37, 39,

44–72; Вып. 3. Тверь, 1894. С. 5–49; Вып. 4. С. 59). Указания на подобные сказки имеются и в других десятиях, в том числе и в десятиях денежной раздачи 1634 г.; разборных и денежной раздачи 1648–1649 гг. (РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 4. № 105. Л. 12; № 200. Л. 3, 45, 32, 33 об, 35 и др.; № 263. Ч. 2. Л. 555–556 об. и др.).

Составление десятиен представляло собой сложный и много-ступенчатый процесс, в ходе которого полученная информация подвергалась унификации.

Информация о дворянах и детях боярских «городов» записывалась на полулистах бумаги, сшитых суровыми нитками. Размер подобных носителей информации был примерно одинаков (20 x 15 см). Они заключались в кожаные переплеты, к которым привязывались тесемки. Полулист бумаги назывался «десть» или «рука» (Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4. М., 1977. С. 232; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М., 1986. С. 507), поэтому можно предположить, что отсюда возникло и название «десятина».

В отличие от десятиен информация в боярских книгах и боярских списках записывалась на целых листах бумаги (РГАДА. Ф. 210. Оп. 1, 2).

Термин «десятина» не имеет какого-либо военного или социального значения и связан с историей приказного делопроизводства в России XVII в.

А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский (Москва)

МИМОЛЕТНОСТЬ СОБЫТИЯ И СОХРАННОСТЬ ТЕКСТА: О СУДЬБЕ ОДНОЙ ФОРМУЛЫ В ДОКУМЕНТЕ И ЛИТЕРАТУРЕ

8 июля 1816 г. Гавриил Романович Державин записал на аспидной доске восемь строк, которые стали его последним стихотворением:

Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы!

Стихи эти, которые по словам близких Державину людей, поэт собирался назвать «На тленность», практически сразу воспринимались его окружением поэта как завещание. В своем докладе мы хотели бы подчеркнуть, что несколько неожиданным образом современники были совершенно правы и с формальной точки зрения – державинский текст опознается как завещательный не только по обстоятельствам его написания, но и по существеннейшим структурным параметрам. Он являет собой не что иное как поэтическую реплику чрезвычайно устойчивой и весьма древней формулы, которую Державин сначала воспроизводит, а затем оспаривает.

1. Перед нами, со всей очевидностью, обыгрывание и переосмысление формулы, противопоставляющей, с одной стороны, быстротечный поток времени, приносящий и уносящий, созидающий и губящий, и с другой стороны, – некое культурное умение, противостоящее этому всепожирающему потоку, и способное с помощью письменной речи, поэзии или истории сохранить навсегда речь или событие.

2. Это риторическое построение, облеченное в двучленную формулу (= **все дела людские творятся во времени, и необратимое течение времени стирает их из памяти, если они не будут навсегда закреплены словами свидетелей или письменно*), является своего рода культурным долгожителем, так как существует и активно используется не менее полутора тысячелетий. В Средневековье ее воспроизведение и тиражирование распределяется по двум руслам, по двум письменным традициям.

а) С одной стороны, она весьма популярна и востребована в сфере высокой книжности, где она используется в качестве преамбулы в исторических и дидактических сочинениях, как на востоке, так и на западе христианского мира; здесь можно упомянуть столь далеко разнесенные во времени и пространстве памятники, как сочинения Иоанна Епифанийского (VI в.), «Книжица епископа Этельвольда» (XII в.) или «Алексиада» Анны Комниной. При этом один из пиков ее популярности приходится на XII столетие.

б) С другой стороны, она спускается в более низкий тип письменных текстов, а именно – в деловые документы, превращаясь в стандартную аренгу в различного рода актах. Для представителя развитой канцелярии – находись она в Германии или Византии, в Норвегии или в Польше – способность употреблять и варьировать аренги подобного рода является демонстрацией выучки и доста-

точно изошренного владения риторико-бюрократическими техниками; но при аренга не утрачивает своего узнаваемо формульного облика, и всяческое варьирование остается вышиванием по заранее заданной канве.

3. Первоначально наша аренга существует на греческом и латыни, потом в некоторых местных традициях начинает переводиться на национальные языки. На русской почве она впервые появляется, по-видимому, в Смоленской грамоте 1229 г., а позднее возрождается в русской канцелярии Великого Княжества Литовского, взаимодействующей с канцелярией латинской.

4. Данная аренга в принципе может присоединяться практически к любому документу, независимо от его содержания, однако наиболее востребованной во всем (весьма значительном) ареале ее распространения она оказывается в двух достаточно дистанцированных документальных жанрах: во-первых, в максимально торжественных и значимых публичных документах (таких, как свод законов или привилегии на магдебургское право) и, во-вторых, в частных актах, а именно – в завещаниях, где она может фигурировать как сама по себе, так и в составе развернутой автобиографической преамбулы. Она остается, таким образом, своеобразным «мостиком» между высокой литературой и деловой письменностью.

5. Благодаря деловой письменности наша риторическая конструкция разносится и распространяется по свету так, как едва ли могла распространиться в допечатную эпоху в составе трактатов или исторических сочинений. При таком тиражировании ее смысловое наполнение отчасти нивелируется и стирается. Однако существенно позднее, когда в XVIII в. поток ее употребления в документах ослабевает, интересующая нас аренга возвращается, принимая самые разные облики, в дидактическую и относительно расхожую историко-философскую литературу, а также в художественные тексты.

6. В литературе Нового времени «старинные» преамбулы к завещательным текстам становятся предметом обыгрывания и переосмысления (в этом смысле очень характерен перифраз юго-западнорусских актов, открывающих «Жизнь Арсеньева» И.А. Бунина). Этот же тип источников, актовые аренги, наряду с исторической картой «Река времен, или Эмблематическое изображение всемирной истории от древнейших времен по конец осьмого на десять столетия», составленной Ф. Страссом, по всей видимости, и послужил основой для поэтического завещания Державина, оспари-

вавшего возможность сохранить что-либо из людских деяний с помощью письма или искусств, «через звуки лиры и трубы».

7. Что же, однако, явилось исходным культурным образцом для риторической конструкции, просуществовавшей столь длительное время на огромной территории и в весьма несхожих областях письменной практики? Целая череда наблюдений за ее миграциями из текста в текст, из канцелярии в канцелярию, из страны в страну, из жанра в жанр, не приближает нас к ответу на этот вопрос (как это чаще всего и бывает с подобными формулами). Мы с определенной долей уверенности можем указать лишь, откуда ее взял тот или иной автор или составитель документа, однако и здесь наши утверждения небесспорны, поскольку она всегда остается общим достоянием, элементом общекультурного фонда. Чрезвычайно редко кто-либо из воспользовавшихся ею ссылается на свой источник. Некоторое исключение здесь являет собой Анна Комнина, упомянувшая, впрочем, довольно косвенно и неопределенно, некие древнегреческие источники и трагедии. У Софокла действительно встречается реплика, которая может быть так или иначе соотнесена с нашей формульной преамбулой. Однако в античной традиции у нее обнаруживается куда более ясный и несомненный прототип – это не что иное как вступительные строки к «Истории» Геродота.

В.Э. Лось (Киев, Украина)

**АКТОВЫЕ КНИГИ И ХРОНИКИ ВАСИЛИАНСКОГО
ЛЮБАРСКОГО МОНАСТЫРЯ XVIII – НАЧАЛА XIX в. в
ФОНДАХ ИНСТИТУТА РУКОПИСИ НАЦИОНАЛЬНОЙ
БИБЛИОТЕКИ УКРАИНЫ ИМ. В.И. ВЕРНАДСКОГО**

Среди комплекса внутренних церковных источников, имеющих значительную информацию для изучения истории униатской (грекокатолической) церкви, определенное место занимают василянские монастырские хроники, монастырские акты, книги фундаментов, помянники и др. Информативные возможности данных источников достаточно широкие и охватывают не только историю того или иного монастыря, но позволяют нам запечатлеть также региональную историю, географию, хозяйство, быт, устои в обществе XVIII – начала XIX в., а также определить положение, которое занимали в нем монастыри.

Несмотря на тот факт, что данные источники уже давно пребывают в поле зрения исследователей, они изучены все еще недостаточно, что обусловлено, прежде всего, отсутствием более или менее полного каталога монастырских хроник Василианского ордена. Впрочем, создание такого каталога является заданием достаточно сложным, поскольку далеко не все рукописи дошли до нашего времени. Кроме того, собирание и описывание сохранившихся также осложняется их разбросанностью по многим архивным и библиотечным учреждениям.

Часть рукописных книг Василианского ордена хранится в Институте рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского. Прежде всего, это касается книг Любарского монастыря: книги фондов и книги «актов» – ценного наследия монастыря для современных историков и источниковедов.

Особое место в монастырях уделяли документам материального обеспечения, поскольку фундуш был основой существования самого монастыря; соответственно его охрана, и охрана документов были одной из главных задач обители.

Книга фондов Любарского монастыря состоит из трех разных тематических разделов: «*Fundationes et dokumenta nei non akta Monasterii Lubarensis ord. Sankti Basili Magni <...> Anum 1764*»; «*Rejestr ksiązek Biblioteki Kollegium Lubarskiego <...> 1789*»; «*Inwentarz Zakrystii klasztoru Lubarskiego, 1789*». Каждый из указанных разделов отличается богатым информационным потенциалом для исследователей Церкви. Рукопись содержит 136 листов, из которых 40 – чистые. Текстологический анализ позволяет сделать вывод, что исследуемая рукопись не является однородной. Она состоит из двух отличных по времени частей. Первая (Л. 1–55) более древняя часть (филигрань «всадник» соответствует № 3553 (1734–1736 гг.) по Лауцявичусу). Вторая часть (Л. 55–136) с филигранью буквы АУ № 254 (1788 г. по Участкиной). Переплет – картон в коже коричневого цвета второй половины XVIII в. Текст написан на латинском и польском языках несколькими почерками.

На 85 листах в хронологическом порядке содержится перечень фондовых документов Любарского монастыря. Крайние даты документов – 1666–1824 гг. Как следует из титула книги, ранние документы фондов были переписаны с оригиналов в 1764 г. Далее в хронологическом порядке идут записи разными почерками имущественных документов и разнообразных судебных дел, кото-

рые вели монахи в целях сохранения своего имущества. Заканчивается книга 1824 г. Подпись – визитатора аббата С. Билинкевича. Таким образом, книга Любарского монастыря, содержащая в себе имущественные документы, а также инвентарные записи на имущество, позволяет более полно воссоздать картину эволюции материального положения указанной обители. В книге четко фиксируются все представления на монастырь, осуществленные в течение многих лет. Вообще, такое усиленное внимание к имущественной документации было характерной чертой монастырской жизни того времени, ведь нередко монахам приходилось судиться с потомками основателей своего монастыря. Конфликты об имуществе и судебные процессы были не исключением, а обычным аспектом жизни монастырской общины.

Большое внимание уделялось орденом руководством и ведению монастырских хроник, особенно это касается второй половины XVIII в. – времени расцвета Василианского ордена. Вторая из исследуемых нами книг относится к типу хроник событий. Ее название: «Acta monasterii Lubarensis. Anno 1769». На обложке рукописи выведено «Akta loci ab am 1769 ad am 1809 г.». Переплет картонный второй половины XVIII в., немного поврежденный. Текст – латинский польский языки, около 20 почерков. В книге, которая содержит 103 листа с текстом, в хронологическом порядке с 1769 по 1809 гг. излагаются так называемые «домашние» события монастыря. Запись прерывается в 1792 г. и восстанавливается в 1801 г. Текстологический анализ, а также анализ филиграней на бумаге рукописи, свидетельствует о том, что это действительно была монастырская летопись конца XVIII – начала XIX в., а не более поздняя компиляция. Бумага имеет одну филигрань типа «Pro Patria». Такой тип встречается в альбомах филиграней Ностица, Клепикова и Участкиной. Установить полную тождественность достаточно сложно, поскольку даты различаются – от 1762 до 1786 гг. Впрочем, в любом случае, это соответствует примерной дате начала монастырского летописи.

Стоит заметить, что власти ордена уделяли много внимания внедрению монастырских хроник, периодически выдавая распоряжения относительно порядка их ведения. Показательно, что примерно в этот же период (1720–1730 гг.) высшие иерархи православной церкви также издавали указы о введении в обителях специальных книг для записи информации о монахах. Впрочем, как

и в униатской церкви, наибольшее количество таких рукописных книг дошло до нас со второй половины XVIII в.

Источниковедческое исследование рукописных книг Любарского монастыря предоставляет богатый материал по истории василианского летописания. Именно хроники дают нам возможность освещения особенностей существования монашества, его повседневной жизни. Детальный анализ указанного источника позволяет установить особенности реализации постановлений орденского руководства, что является необходимым элементом для воспроизведения полной картины истории как Любарского монастыря, так и Василианского ордена. Итак, монастырская хроника и книга фундаментов содержат ценную информацию в области церковной микроистории второй половины XVIII – начала XIX в.

С.А. Лушников (Москва)

ПРЕАМБУЛЫ АНГЛО-НОРМАННСКИХ ДОГОВОРОВ IX – X вв.

Дипломатия раннесредневековых европейских государств (за исключением Византии) крайне мало исследована. Одна из основных причин заключается в почти полном отсутствии аутентичных документов, хотя анналы и хроники содержат немало упоминаний об обмене посольствами и заключении договоров правителей различных стран. Редким исключением являются дошедшие в рукописи начала XII в. два договора, заключенных английскими королями с вторгшимися на территорию Англии викингскими отрядами, представлявшими для страны серьезную угрозу. Первый был заключен между 878 и 886 гг. королем Уэссекса Альфредом Великим и Гутрумом, предводителем войска викингов, только что потерпевшим сокрушительное поражение и вынужденным сдаться на условиях Альфреда. Главной целью Альфреда было локализовать уже неизбежное расселение скандинавов в средней Англии и регламентировать их отношения с местным населением. Второй договор явился результатом соглашения между английским королем Этельредом Нерешительным и вождями крупного отряда викингов, одержавшего победу над англами в 991 г. и зазимовавшего в Англии. Этельред, безусловно, стремился к прекращению грабежей и, видимо, полагал, что скандинавы намерены расселиться на занятых ими землях.

В настоящем докладе я рассмотрю формуляр этих договоров в сопоставлении с формулярами многочисленных актов англосаксонского времени. Оба договора состоят из преамбулы, содержащей только интитуляцию, и основного текста, в котором определяются условия, составляющие содержание самого договора. В обоих договорах полностью отсутствует эсхатокол, что вряд ли можно объяснить тем, что имеющийся в нашем распоряжении текст является копией: большое количество жалованных грамот, а также законодательных актов того же времени также дошли в более поздних рукописях, но сохранили заключительную часть документа, в том числе имена поручителей.

Протокол договоров конца IX и конца X в. сходен, хотя и имеет ряд отличий.

Договор Альфреда	Договор Этельреда
Вот тот мир, который король Альфред и король Гутрум и уитаны всего народа англов и все те люди, которые есть в Восточной Англии, постановили и скрепили клятвами для себя и своих подданных, как рожденных, так и нерожденных, кто печется о Божьей милости или нашей.	Король Этельред и все его уитаны совершили [мир] с этим войском, с которым находятся Анлаф, и Йостейн, и Гудмунд сын Стегитана. Вот первое: всеобщий мир устанавливается между королем Этельредом и всем его народом и всем тем войском, которому король выплатил деньги.

Неустойчивость протокола особенно заметна в договоре 991 г., где он повторен дважды, в преамбуле и в первой его статье, причем в разных формулировках: в первом случае наряду с королем упомянуты уитаны, во втором – «весь народ», в первом случае поименованы вожди викингов, во втором они не названы совсем. Различными способами обозначена «викингская» сторона в документах: договор Альфреда заключается с конкретным лицом – предводителем войска, которое не упоминается; Этельред рассматривает в качестве договаривающейся стороны «все войско», вожди, по определению договора, лишь «находятся» с войском. (Войско выступает ответственной стороной и в последней статье, где указано: «Две и двадцать тысяч фунтов золота и серебра выплачивается от Англии этому войску за мир»).

При всех различиях формулировок, определение договаривающихся сторон в обоих документах одинаково: с английской сторо-

ны договор заключается королем, его уитанами и «всем народом»; с викингской – войском или его вождем.

Протокол договоров может быть сопоставлен с двумя видами англо-саксонских документов IX–X вв.: жалованными грамотами и законодательными актами. Он существенно отличается от протокола жалованных грамот, которые в подавляющем большинстве случаев выдаются королем без участия других лиц («Я, Альфред, милостью Божией король англов и саксов...»), и лишь две грамоты из 16 выданы Альфредом «по совету и с согласия... моих лучших/мудрых [людей]», т.е. уитанов, которые названы и в договорах. В жалованных грамотах всегда присутствует эсхатокол – перечень лиц, свидетельствующих пожалование.

Иначе оформлялись законодательные акты Уэссекса IX–X вв. В их интитуляции наряду с королем представлены уитаны (в отличие от древнейших кентских судебных актов, которые начиная с судебного Этельберта, 602–603 гг., издавались от имени только короля). Издание судебного акта тем самым рассматривалось как коллективное действие, что придавало ему легитимность.

Формуляр договоров с норманнами, близкий к уэссекским законодательным актам, вероятно, указывает на то, что для договоров – в силу редкости их заключения – еще не сложился особый формуляр, но сами договоры рассматривались как своего рода законодательный документ, что и требовало участия уитанов в их заключении.

Главным отличием интитуляции договоров Альфреда и Этельреда от судебных актов является включение в состав англо-саксонской стороны «всех людей»: в первом случае – «всех тех людей, которые есть в Восточной Англии» (на чьей территории расселялось войско Гутрума), во втором – «всего народа» Этельреда. Беспрецедентность подобной «апелляции» к народу позволила Е.А. Мельниковой предположить здесь скандинавское архаизирующее влияние: скандинавская традиция утверждения любого решения конунга на тинге, собрании всех свободных, была перенесена расселявшимися норманнами и в Англию (*wapnatāc*).

ПОЛЬСКО-ИТАЛЬЯНСКИЕ ДОКУМЕНТЫ РЯЗАНСКОГО АРХИВА

В научной библиотеке при Государственном архиве Рязанской области (ГАРО) хранятся пять переплетенных томов документов XVIII в. (с 1763 по 1798 гг.) на итальянском языке. Это часть архива каноника Каэтано Гиджотти, кабинет-секретаря короля Польши Станислава-Августа, ведавшего сношениями с Ватиканом.

Комплекс содержит три вида документов: 1) оригиналы полученных из Рима писем: ГАРО. № 13097 (1763–1772); 2) копии отправленных в Рим писем: ГАРО № 13098 (1764–1774) и № 13096 (1785–1788); 3) полученные из Рима сводки политических событий, отправлявшиеся еженедельно – т. н. «бюллетени» под заглавием «Новости из Рима» (*Nuove di Roma*): ГАРО № 13120 (1765–1769) и № 13120 доп. (1796–1798).

Итальянец Гаэтано Гиджотти (1728–1796) впервые прибыл в Польшу в 1760 г. как секретарь и казначей папского нунция Висконти; очень скоро заслужил доверие короля Августа III и в начале 1763 г. стал его личным «агентом» в Риме, а затем и посланником там же от всей Речи Посполитой. После смерти Августа III (5 октября 1763 г.) при наступившем бескорольевьи Гиджотти выехал из Рима в Польшу чтобы получить от новых властей подтверждение своей должности. Он добился даже большего, сумев так понравиться новоизбранному королю Станиславу-Августу Понятовскому, что тот сразу же после избрания, в сентябре 1764 г. назначил его секретарем своего личного кабинета, ведающим сношениями с Италией (прежде всего, естественно, с Ватиканом). С 1774 г. канцелярия Гиджотти заняла свое место в системе государственных органов Речи Посполитой, став Итальянским (или Церковным) отделом в Департаменте иностранных дел созданного сеймом Постоянного совета. Во время всего правления Станислава-Августа Гиджотти оставался одним из его близких доверенных лиц и выполнял самые разнообразные королевские поручения. Итальянский отдел он возглавлял до 1788 г., когда вышел в отставку, передав свою канцелярию молодому помощнику Федерико Баччарелли (1756–1829), сыну своего доброго друга Марчелло Баччарелли (1731–1818; первый художник двора, архитектор, создатель Лазенок); но и после этого он продолжал вести собственную корреспонденцию с Италией.

Скончался Гиджотти 29 марта 1796 г. в Варшаве, только на четыре месяца пережив отречение Станислава-Августа от престола уже не существовавшего государства. После Гиджотти остался обширный архив, основная часть которого (около 10 тыс. документов), до Второй мировой войны находившаяся в частном архиве Потоцких в Яблонне (бывшее имение Понятовских), ныне хранится в Главном архиве древних актов (Archiwum Głównie Akt Dawnych, AGAD) в Варшаве, где составляет особый фонд («Архив Гиджотти»).

Что касается бумаг, специально связанных с деятельностью Итальянского отдела, то сразу после 1788 г. вышедший в отставку Гиджотти отобрал их, насколько то было возможно, из общего архива и сосредоточил в особом «большом шкафу», предназначив для своего преемника по должности Федерико Баччарелли, к которому они и перешли после смерти прелата, причем Баччарелли соединил их с накопившимися бумагами его собственного ведомственного архива.

Вопрос о судьбе выделенного из фонда Гиджотти архива Итальянского отдела был исчерпывающим образом освещен по польской документации в статье Е. Браньской (Branska E. *Archiwum Departamentu Włoskiego z czasów Stanisława Augusta* // «Archeion». Т. 38. Warszawa, 1962. S. 67–88).

До конца наполеоновских войн этот архив находился на дому у Баччарелли, который с 1815 г. начал хлопотать о его продаже. Вначале он предлагал совершить эту покупку властям созданного под скипетром Александра I Королевства Польского, но те не проявили интереса к делу, ссылаясь на отсутствие денег и устарелость фонда. В конечном счете архив был куплен за 2500 рублей российским министром духовных дел и народного просвещения А.Н. Голицыным (1773–1844) и в мае 1820 г. доставлен в Петербург. Министр счел, что документы о польско-ваканских отношениях могут представить интерес для входившего в состав его министерства Департамента духовных дел иностранных исповеданий.

Перед отправкой архива в Петербург Баччарелли составил его полную опись, опубликованную Е. Браньской (Ibid. S. 82–88). Этот реестр имеет 27 рубрик под номерами и охватывает 168 единиц хранения в разных видах (переплетенные тома, тетради, картонные связки). Рассмотрим его, отмечая соответствия с томами рязанского комплекса.

№ 2. «Министерские депеши, адресованные кардиналу Античи, польскому посланнику в Риме, с 1764 до 1797 г.» – 8 переплетенных томов, 6 тетрадей, 2 связки. Один из томов может соответствовать ГАРО. № 13096.

№ 4. «Том министерских депеш, адресованных кардиналу-протектору Альбани» – 1 переплетенный том. ГАРО. № 13098 (имеющаяся в нем запись удостоверяет, что данный том писем к Альбани действительно был единственным).

№ 7. «Два тома депеш экспедитора Роккатани» – 2 переплетенных тома. Один из них – ГАРО. № 13097.

№ 11. «Бюллетени или политические новости Европы, с 1764 по 1798 гг.» – 8 переплетенных томов, 1 связка. ГАРО. № 13120, 13120 доп. (Т. I, VIII).

Как видим, после этого сличения оказалось, что все пять рязанских томов находят себе соответствия в описи Баччарелли. Итак, можно сделать уверенный вывод – рязанский комплекс является фрагментом архива Итальянского отдела, проданного в 1820 г. Ф. Баччарелли А.Н. Голицыну. Это законная российская собственность, купленная у законного владельца. Другой вопрос – как и когда эти тома попали из Петербурга в Рязань, и здесь нет никакой определенности.

Где находится основная часть архива Итальянского отдела, купленного Голицыным, и были ли другие из него изъятия? Прежде всего, естественно, следовало бы произвести поиски в фонде Департамента духовных дел иностранных исповеданий (РГИА. Ф. 821. 29039 ед. хр. за 1809–1917 гг.)

И.Л. Манькова (Екатеринбург)

Источники для изучения религиозности православного населения Западной Сибири в XVII в.

Православное население появилось в Западной Сибири в результате освоения этой территории русскими землепроходцами в конце XVI–XVII в. Основу старожильского населения составили крестьяне, переселившиеся в основном из Поморья и Приуралья, а также служилые люди, присылавшиеся в Сибирь из центральных районов страны для строительства и обороны острогов.

Под влиянием работ П.Н. Буцинского и Н.Н. Оглоблина, вышедших в начале XX в., в исторической литературе сложилось устойчивое представление о «неблагочестивом», безнравственном облике сибирских первопоселенцев. В своих суждениях известные историки в основном опирались без должной критики на ограниченный круг источников: переписка первого сибирского архиепископа Киприана с царем и патриархом (1621–1623) и ряд делопроизводственных документов из фонда Сибирского приказа. Как известно, на страницы подобного рода документов в основном попадали события, связанные с конфликтными ситуациями, отклонениями от нормы. Именно эта информация в первую очередь и привлекает внимание, так как она «лежит на поверхности», а повседневность, обыденные практики присутствуют лишь отдельными деталями, неким фоном. Поскольку в эпоху средневековья религиозность была неотъемлемой частью мировоззрения человека, то и проявления религиозного сознания и поведения, религиозные практики относились к сфере повседневного.

На наш взгляд, чтобы получить более адекватное представление о нравственном состоянии сибирского общества, необходимо обратить внимание на выявление степени религиозности отдельных индивидов, локальных социумов, наиболее очевидно проявившихся в инициировании и исполнении определенных религиозных практик.

Сегодня основной массив документов по истории Сибири XVII в. сосредоточен в фондах Сибирского приказа и уездных приказных изб (РГАДА, Архив Санкт-Петербургского института истории РАН; оригиналы XVII в.), а также в фондах «Портфели Миллера» (РГАДА, Архив РАН в Санкт-Петербурге; копии XVIII в., оригиналы XVII в. единичны). Выделим виды источников по нашей теме и выстроим их последовательность в соответствии с задачами исследования.

Поскольку нас интересует проявление инициативы православного населения, то начнем с частно-публичных документов, а именно с просительного и просительно-апелляционного видов. Этот вид источников представлен челобитными, которые можно разделить на группы по их содержанию. Первая группа – коллективные челобитные, адресованные царям о разрешении строительства храмов, их обеспечении церковной утварью, книгами, миром, ладаном, церковным вином. Подобного рода проблемы возникали

при строительстве нового острога или слободы, либо когда надо было восстанавливать сгоревший храм. Были случаи, когда челобитчики просили центральную власть взять на казенное обеспечение храм и причт, мотивируя просьбу своим бедственным положением. В основном такого рода челобитные шли от служилых людей «беспашенных» городов Сибири. Вторая группа челобитных – индивидуальные и коллективные просьбы, связанные с передвижением (в широком смысле слова) – пространственным (поездки на богомолье) и социальным (оставление тягла и постриг в монастырь). Третья группа челобитных – жалобы, изветы о нарушении каких-то религиозных норм.

Часть челобитных доставлялась в Сибирский приказ самими челобитчиками, либо с оказией. Но в основном челобитные подавались в слободские судные и уездные приказные избы, и затем подклеенные под приказчицкими или воеводскими отписками отправлялись в Москву. В данном случае отписки выполняли роль сопроводительного письма. В сохранившихся фондах не всегда мы имеем дело непосредственно с челобитной. Часть их дошла до нас в дословном пересказе (копии) в составе приказчицких и воеводских отписок и в данном случае челобитные являются частью делопроизводства.

Большой блок источников по данной теме относится к делопроизводственным документам, среди которых необходимо выделить докладной и распорядительный виды. Первый вид представлен отписками сибирских воевод в Сибирский приказ. По содержанию их можно разделить на группы: отписки уведомительного характера (лишь констатация факта) и отписки, в которых сообщалось о возникшей ситуации (например, челобитье о строительстве нового храма) и об ожидании царского указа по этому поводу. К данному виду относится переписка сибирских воевод между собой, воевод и слободских приказчиков, которая также имела форму отписок. Эти документы позволяют выявить разнообразие религиозных практик (например, отписки воевод из Пельыма 1622 г. на Тару о явлении образа архистратига Михаила, 1658 г. в Верхотурье о посылке служилого человека для найма иконника для росписи церкви Михаила Архангела по челобитной прихожан и пр.).

К распорядительному виду относятся грамоты и памяти. Как правило, царские грамоты были реакцией на челобитные сибирского населения, отписки воевод (например, грамота царя Михаила Федо-

ровича от 2 ноября 1622 г. верхотурскому воеводе И. Пушкину не запрещать пашенным людям давать в монастыри пашни для поминовения). На основе царских грамот в приказных избах составлялись памяти от имени воевод, адресованные приказчикам подведомственных им слобод. Также памятьми оформлялись распоряжения тобольского разрядного воеводы воеводам других городов.

Сохранилась довольно обширная переписка сибирских преосвященных с царями и патриархами. Эти документы относятся к докладному (отписки сибирских иерархов), распорядительному (царские и патриаршие грамоты), просительному (челобитные) видам и охватывают весьма разнообразный круг вопросов жизнедеятельности Тобольского архиерейского дома, а также содержат информацию о проблемах в религиозной жизни епархии.

Определенные представления о религиозности сибиряков может дать актовый материал, возникший в результате деятельности сибирских преосвященных. Это документы, относящиеся к договорно-законодательному (благословенные грамоты на строительство церквей) и распорядительно-агитационному (послания о чудесных явлениях) видам. Источники, отнесенные к последнему виду, в равной степени могут быть причислены и к литературным произведениям (сибирские «Послания на арменов и полуарменов» митрополита Игнатия). По мере укоренения православного населения на сибирских землях происходило складывание культов местных святых, появление и почитание чудотворных икон. Эти явления находили отражение в литературных произведениях – сказаниях и житиях (Сказание о явлении Казанской иконы Богородицы в Тобольске, Сказание о явлении и чудесах Абалацкой иконы Богородицы, Житие Симеона Верхотурского, Житие Василия Мангазейского).

Несмотря на значительную удаленность Сибири от древнерусских центров паломничества, довольно распространенной была практика дальних поездок на богомолье. Сведения об этом дают не только челобитные богомольцев, но и целый ряд разнородных документов, связанных с такого рода поездками: поручные записи по отправлявшимся на богомолье, отпускные грамоты и проезжие памяти, разрешавшие поездки, а также таможенные книги. Среди последних по информативности можно выделить таможенные книги Верхотурья, который являлся главным пропускным пунктом из

Сибири в европейскую часть России. Поскольку каждый проезжавший через верхотурскую таможенную платил разнообразные пошлины, то и соответственно попадал на страницы таможенных книг. Очевидно, эти книги можно отнести к учетно-фискальному виду. В совокупности перечисленные выше документы дают возможность выявить географию паломнических поездок, наиболее популярные места богомолий.

Таким образом, для изучения религиозности православного населения Сибири в XVII в. имеется источниковая база, представленная разнообразными видами источников.

В.Я. Мауль (Нижневартовск)

ПРОТОКОЛЫ ДОПРОСОВ ПУГАЧЕВЦЕВ КАК БИОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК (НОВЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТРАТЕГИИ)

Юрий Михайлович Лотман утверждал, что «биография неизвестного человека – тема для романиста: она почти недоступна для историка-биографа, поскольку неизвестность подразумевает отсутствие источников – препятствие, перед которым исследователь в бессилии отступает» (Лотман Ю.М. Биография – живое лицо // Новый мир. 1985. № 2. С. 229).

При этом аксиоматично, что биография должна не только изображать основные вехи жизни, но и раскрывать взаимодействие и взаимозависимость человека и эпохи. Возникает, как отметила Л.П. Репина, «проблема масштаба исторического пространства, в котором действует и проявляется рассматриваемая личность» (Репина Л.П. Интеллектуальная история в человеческом измерении // Человек второго плана в истории. Вып. 3. Ростов-на-Дону, 2006. С. 7).

В основе доклада будет лежать анализ одного из множества протоколов допросов участников Пугачевского бунта, в которых, как правило, достаточно полно уточнялась картина их жизни. Протоколы принадлежат к специальным системам государственного делопроизводства, относятся к судебным-следственным материалам, весьма интересным, но и сложным с источниковедческой точки зрения.

О.Г. Усенко резонно считает, что «судебно-следственные материалы... по сути, – сборники «историй» (небольших рассказов), описывающих конкретные случаи (казусы). Они сообщают о собы-

тиях, которые произошли или могут произойти в реальной жизни» (Усенко О.Г. Комплексная методология изучения судебно-следственных материалов по делам о государственных преступлениях в России XVII–XVIII вв. // Актуальные проблемы исторической науки и творческое наследие С.И. Архангельского: XIV чт. пам. чл.-корр. АН СССР С.И. Архангельского. Нижний Новгород, 2005. Ч. 2. С. 20).

Р.В. Овчинников справедливо полагает, что они создавались «в обстановке неравной психологической борьбы между следователем и подсудимым. Первый, используя весь арсенал устрашения, вплоть до истязания и пыток, стремился, часто в ущерб истине, добиться показаний, усугубляющих вину и участь подсудимого. А последний, стараясь избежать новых истязаний и спасая свою жизнь, пытался умалить собственную роль в событиях восстания» (Овчинников Р.В. Сподвижники Пугачева свидетельствуют... // Вопросы истории. 1973. № 8. С. 98).

По мнению А.С. Майоровой, «существенным моментом при исследовании материалов допросов с точки зрения биографической является проблема достоверности. Важно иметь в виду, что лица, проводившие допрос, тоже были заинтересованы в выяснении подлинных фактов. Но на представителей администрации полностью положиться нельзя – их интерпретация фактов зависела от разных обстоятельств; и излишнее служебное рвение, и возможность получения взятки играли здесь немаловажную роль». С другой стороны, «материалы допросов в серьезных случаях могли быть проверены на самом высоком уровне. Поэтому любые ложные показания должны были находиться в рамках правдоподобия. В этом были заинтересованы и сами допрашиваемые, и представители администрации» (Майорова А.С. Материалы допросов участников Пугачевского восстания как биографический источник // Россия в IX–XX веках. Проблемы истории, историографии и источниковедения. М., 1999. С. 258).

Сдержанным оптимизмом наполнены и слова Р.В. Овчинникова о том, что «через пелену вынужденных показаний, сквозь штампы официальной фразеологии и терминологии отчетливо проступает подлинная история в том виде, какой запечатлелась она в памяти пугачевцев; проступает реальный облик этих незаурядных людей, звучит их живая речь, их безыскусный рассказ о прожитой жизни» (Овчинников Р.В. Сподвижники Пугачева свидетельствуют... С. 98).

Наибольшие трудности указанного рода возникают, однако, при традиционном восприятии исторического источника, задачей критики которого было получение конкретных фактических сведений об изучаемых людях, событиях или явлениях (степень полноты и достоверности сообщаемых свидетельств, биографическая атрибуция упоминаемых лиц, определение и уточнение дат событий и т.д.).

Но, вспомним, что уже около столетия дорогу себе уверенно пробивает иное отношение к источникам, восходящее к работам историка и методолога А.С. Лаппо-Данилевского. Явно доминирующим сегодня стало культурологическое наполнение их дефиниций. Известный источниковед О.М. Медушевская отмечала: «Ключевым моментом источниковедческой парадигмы методологии истории является понятие источника как продукта целенаправленной человеческой деятельности, явления культуры» (Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М., 1998. С. 26).

Если же рассматривать источник как фрагмент культуры его породившей, тогда в зачет должны идти и ложные показания, поскольку они все равно отражают характер взглядов изучаемого времени. К похожему выводу на материалах следственных дел XVII в. пришел П.В. Лукин: «Ведь нас интересует не столько то, говорил ли на самом деле обвиняемый те или иные «непригожие речи», а сама возможность их произнесения. То, какие именно высказывания могли быть сделаны с точки зрения людей XVII в., уже достаточно свидетельствует об их представлениях» (Лукин П.В. Народные представления о государственной власти в России XVII века. М., 2000. С. 15).

В качестве примера предполагаю рассмотреть биографические возможности протокола допроса видного пугачевского атамана, яицкого казака Тимофея Григорьевича Мясникова в Оренбургской секретной комиссии 9 мая 1774 г. (Протокол показаний сотника яицких казаков-повстанцев Т.Г. Мясникова на допросе в Оренбургской секретной комиссии 9 мая 1774 года // Вопросы истории. 1980. № 4. С. 97).

А.Н. Медведь (Москва)

**АКТОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ОБ ЭПИДЕМИЯХ XVII в.
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ АНТРОПОЛОГИИ БОЛЕЗНИ В
МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ**

Эпидемия 1654–1655 гг. относится к одному из наиболее хорошо изученных сюжетов в истории медицины. Можно было бы упомянуть исследование Н.Ф. Высоцкого (Высоцкий Н.Ф. Чума при Алексее Михайловиче. Казань, 1879). В своей работе он обратил внимание на симптомы и географию чумы, на статистику и, конечно же, на меры правительственных чиновников по предотвращению этой напасти. Эти меры оцениваются им и современными историками медицины весьма высоко. Но за историко-медицинским аспектом скрывается еще и огромная тема, которую можно было сформулировать как «Эпидемия и общество».

Основным источником для исследователей, изучавших эпидемию 1654–1655 гг., являются актовые материалы, собранные в Дополнениях к Актам историческим (СПб., 1848. Т. 3. С. 442–512).

Главным действующим лицом здесь выступает царевич Алексей Алексеевич, который в отсутствие царя Алексея Михайловича, который был на войне под Смоленском, выступал в качестве правителя. Сами документы состоят из двух больших групп – грамоты царевича Алексея на места и письменные доклады чиновников с мест.

Учитывая, что эти доклады были довольно откровенными, можно считать актовые материалы о моровом поветрии единственным источником, адекватно описывающим это бедствие.

Актовые материалы также фиксируют, с одной стороны, постепенное ухудшение эпидемиологической ситуации в государстве (от описания частных случаев заболеваний в отдельно взятых селах и деревнях до сведений о поветрии, охватившем целые регионы). С другой стороны, эти материалы отражают и все увеличивавшееся внимание царевича Алексея к этому бедствию. Это касается и установления карантинных, и усиления их эффективности (за счет жжения костров). Также по актовым материалам мы можем проследить и перемещение царского двора в зависимости от эпидемической опасности – в конце лета 1654 г. двор находился в Троице-Сергиевой Лавре, в первых числах сентября двор располагался станом на р. Нерли, а чуть позже – в Калязинском монастыре, где цар-

ская семья и переждала эпидемию. Также интересна и динамика создания грамот царевича. Если в сентябре эти грамоты писались не каждый день, то с октября, по мере усиления опасности, грамоты с распоряжениями стали почти ежедневными, а были и дни, когда таких грамот было несколько.

При этом в актовых материалах не прослеживаются какие-либо изменения в методах борьбы с эпидемией – по-прежнему главным средством объявляется карантин. Добавляются лишь отдельные распоряжения, которые касались в основном крупных городов. Суть их сводилась к следующему:

1. Запирать дворы, где обнаруживались больные люди;
2. Если на дворе умирали все, то приказывалось ломать дворовые строения или даже сжигать их;
3. Умерших должны были хоронить здесь же, на территории двора, в той же одежде, в которой умерли и на тех же постелях («в чем и на чем» – так гласила устоявшаяся формула наказов);
4. Государственные учреждения предлагалось замуровывать, закладывая кирпичом окна. Рабочие во время этих работ должны были находиться *снаружи* здания, чтобы не нанести заразу внутрь.

Ближе к концу сентября 1654 г. формулируется и своеобразная форма отчета с мест о характере поветрия. В самом общем виде эта форма включала в себя следующие вопросы:

1. Есть ли поветрие вообще;
2. Если есть, то где и сколько человек умерло;
3. Чем эти люди были больны;
4. Как долго болели;
5. Были ли на них язвы или не были.

Однако доклады с мест чаще всего носили общий характер. Болезни были и длительными, и короткими, люди умирали как с язвами, так и без, а более-менее точные данные о количестве умерших стали поступать лишь в середине осени, в самый разгар чумы.

Как это обычно бывает, идеальная схема верховной власти столкнулась с российскими реалиями. И в актовых материалах это хорошо видно. Прежде всего бросается в глаза нежелание обывателей менять установленный порядок жизни (даже перед лицом смертельной опасности). Нередки доклады чиновников о том, что люди все равно ездят через заставы, буквально прорываются через них.

Иногда заставы ставились таким образом, что практически обрекали людей на голодную смерть, не давая возможности добраться до

мельниц и полей (так было в Троице-Сергиевой лавре). Также в наказах царевича и царицы содержалось требование о прекращении всякого обмена и торговли с зараженными селами. Такая логичная мера фактически ставила под угрозу голодной смерти всю вотчину и само село, так как значение меновой торговли в микрорегионах Московского государства было весьма высоким, особенно в период ранней осени, когда заготавливались продукты на зимний период. Вполне естественно, что подобные наказания почти не исполнялись. Для обывателей смерть от голода зачастую была гораздо более явным злом, чем смерть от эпидемии, которая воспринималась как нечто далекое и неявное.

Наконец, в некоторых местах заставы было не из кого ставить – служилые люди либо сбежали, либо не хотели идти на эту службу, либо уже умерли.

Не всегда соблюдался и наказ о захоронении умерших на месте их смерти – в глазах православного человека быть похороненным вне церковного места означало невозможность попадания в лучший мир после смерти. Поэтому оставшиеся в живых родственники всеми силами стремились обойти этот запрет, организовав похороны на церковной территории. Кстати, любопытно тут сравнить актовый и археологический материал. Выясняется, что, например, в Москве отсутствуют массовые находки человеческих останков на территории городских усадеб XVII в. При таких масштабах эпидемии (тысячи погибших) подобные находки в историческом центре города были бы неизбежны. Значит, действительно распоряжения царевича о захоронении больных на территории их усадеб игнорировались обывателями.

Охрана дворов умерших людей не могла быть организована, так как слишком было много умерших и слишком мало тех, кто мог нести эту охрану. Воровство вещей из покинутых жилищ приводило к дальнейшему распространению эпидемии. Ну а сжигание этих дворов было также невозможно, так как могло привести к общегородскому пожару, который, опять же, было некому тушить.

В целом нужно признать, что мор не считался русскими обывателями причиной изменения жизненного уклада. Для русского обывателя даже в этих стрессовых условиях главным оставалось сохранение торговых и личных связей, соблюдение ритуала. Следует отметить полное отсутствие упоминания в актовых материалах врачей в районах, подверженных эпидемии. Это неудивительно, так

как врачи в Московском государстве в основном обслуживали царский двор, либо служили в русском войске (основная часть которого находилась в это время под Смоленском). И еще один момент, который любопытен для исследователей ментальностей – в актовых материалах мы не встречаем ни одной фразы о том, что эпидемия является Божьей карой. Возможно, так понимался сам факт начала эпидемии, но частные случаи заболеваний (в том числе и в границах довольно больших регионов) объяснялись вполне рационально – например, эпидемия в г. Михайлове на Рязанщине объяснялась тем, что ее принесли михайловские стрельцы, бывшие на службе в Москве и самовольно сбежавшие оттуда.

Актовые материалы по истории эпидемии 1654–1655 г. содержат информацию не только по характеру и местам заболевания, но и фиксируют динамику заболевания, и разное отношение к нему со стороны верховной власти и общества.

А.Г. Мельник (Ростов)

ОПИСИ ЦЕРКВЕЙ И МОНАСТЫРЕЙ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПОЧИТАНИЯ РУССКИХ СВЯТЫХ В XVI – НАЧАЛЕ XVII В.

Описи церквей и монастырей (далее – Описи) пока еще редко и непоследовательно используются в качестве источника по изучению такой важной темы, как история почитания русских святых в XVI – начале XVII в. Какие же вопросы по избранной теме помогают осветить эти документы? Из них можно извлечь свидетельства о приверженности отдельных религиозных сообществ к культам святых.

Наиболее значительным указанием на такую приверженность жителей городов, сел и насельников обителей является строительство и функционирование в названных центрах храмов, посвященных определенным подвижникам благочестия. В Описях можно почерпнуть сведения о таких храмах. Второй по значению признак, обозначающий более или менее развитое почитание святого, – его иконы, зафиксированные Описями в городских, сельских и монастырских церквях. Действительно, любая икона предполагает молитвенное обращение людей к изображенному на ней святому и, значит, свидетельствует о развитости его культа в месте расположения этого образа.

К наименее существенным признакам следует отнести указания Описей на книги, содержащие житие святого и службу ему, поскольку наличие этих произведений не может свидетельствовать, поднялось ли почитание святого выше формального или этикетного уровня. При наличии данных книг память такого святого в определенном духовном центре могла каким-то образом отмечаться в соответствующий день, а могла и вообще не праздноваться.

У отдельных локальных сообществ существовали свои предпочтения в отношении культов подвижников благочестия. Чтобы выявить эти предпочтения, иконы святых, зафиксированные Описями, следует разделить на четыре группы. Первую, самую существенную из них, составляли иконы деисусных рядов, являвшихся одними из важнейших элементов церковных иконостасов. Несомненно, в такие ряды включались иконы только самых значимых для соответствующего сообщества святых. Вторая группа, почти столь же значимая, - житийные иконы святых (т.е. имеющие житийные клейма). Действительно, если прихожане какого-либо храма или насельники некоего монастыря заказали подобную икону, весьма дорогую и сложную в исполнении, то, значит, почитание изображенного на ней святого достигло в данном сообществе в тот момент необыкновенно высокого уровня. И оно выражалось уже не только в молитве святому, а и в стремлении зримо представлять его земные подвиги и посмертные чудесные деяния.

Третья группа – большие иконы святых, находившиеся в местных рядах иконостасов, на стенах и столпах церквей. Понятие «большой» применяется здесь ко всем образам, превосходившим своими размерами пядничные иконы, высота которых в то время колебалась от 18–19 до 40 с небольшим см. Вероятно, большие иконы появлялись в храмах по специальному заказу верующих. В силу своих размеров они должны были особо привлекать внимание молящихся в храме. Значит, такие иконы достаточно определенно отражали значительную приверженность соответствующих сообществ к культурам представленных на них святых. Четвертую группу, наименее значимую для нашей темы, составляли упомянутые выше небольшие – пядничные – иконы. Они могли появиться в приходской или монастырской церкви и по заказу соответствующего сообщества, и в качестве пожертвования отдельного лица, и в силу иных случайных обстоятельств. Но, единожды появившись, они начинали влиять на сознание верующих, усиливая интерес к изображенным на них святым.

Суммировав данные максимального числа сохранившихся описей, можно установить, иконы каких святых чаще всего встречались в храмах России определенного времени. А это, в свою очередь, поможет определить степень распространенности культов представленных на иконах подвижников благочестия. В частности, Описями второй половины XVI – начала XVII в. в монастырях, городских и сельских церквях страны зафиксировано наибольшее число икон следующих русских святых: Бориса и Глеба, Сергия Радонежского, Петра Московского, Алексея Московского, Леонтия Ростовского, Зосимы и Савватия Соловецких, Варлаама Хутынского, Кирилла Белозерского, Дмитрия Прилуцкого, Александра Свирского и Никиты Новгородского.

Описи проливают достаточно яркий свет на то, как осуществлялась репрезентация культов святых в указанное время. Один из распространенных способов такой репрезентации заключался в том, что иконы самого почитаемого святого в определенном монастыре размещались в наибольшем числе храмов, а иногда – и в других местах его ансамбля. Например, таким образом были установлены иконы Кирилла Белозерского в Кирилло-Белозерском монастыре, Зосимы и Савватия Соловецких – в Соловецком монастыре, Сергия Радонежского – в Антониевом Сийском монастыре, Дмитрия Прилуцкого в – Коряжемском монастыре.

Одним из важнейших способов репрезентации культа любого подвижника благочестия являлось оформление места его упокоения. Согласно Описям, у гробниц святых устраивались целые комплексы сакральных предметов. Эти надгробные комплексы не были унифицированы и отличались заметным разнообразием. Анализ состава данных комплексов приближает к пониманию своеобразия культов отдельных святых. В практике почитания святых рассматриваемого времени особую роль играли вещи, связывавшиеся с их именами. Описи позволяют представить характер этих вещей-реликвий и иногда – историю их возникновения. Особую ценность для избранной темы представляют те немногие случаи, когда от одного монастыря до нас дошли не одна, а две и более Описей. Тогда удастся проследить эволюцию культов святых, почитавшихся в этих обителях.

Предложенные выше приемы анализа могут быть применены при использовании описей церквей и монастырей XVII – начала XX вв. в качестве источника по истории почитания святых в указанное время.

**ИСТОРИЯ ТЕКСТА МЕМУАРОВ СХИМОНАХИНИ НЕКТАРИИ
(кн. Н.Б. Долгорукой)**

Знаменитые записки схимонахини Нектарии были впервые опубликованы в 1810 г. в № 1 журнала «Друг юношества» (Друг юношества, издаваемый Максимом Невзоровым. М.: В унив. тип., 1810. [№1]. Январь. С. 8–69). Текст был отредактирован внуком автора, известным писателем князем Иваном Михайловичем Долгоруковым. Им же дано название – тогда оно выглядело так: «Записки, оставшиеся по смерти Княгини Натальи Борисовны Долгорукой, дочери славного Фельдмаршала Графа Бориса Петровича Шереметева, супруги Князя Ивана Алексеевича Долгорукого, ближайшего любимца Императора Петра Второго». В этом виде записки были перепечатаны в 1840 и 1842 гг. (Записки Натальи Борисовны // Долгоруков П.В., кн. Сказания о роде князей Долгоруковых. СПб.: тип. Э. Праца, 1840. С. 127–156; То же. Изд. испр. и доп. СПб.: изд. Конторы привилегированной тип. Е. Фишера, 1842. С. 127–156). В 1867 г. их с рукописи, хранившейся тогда у правнука автора, князя Дмитрия Ивановича Долгорукова, под другим названием опубликовал П.И. Бартенев (Русский архив: Ист.-лит. сб. / Издатель П.И. Бартенев. М., 1867. Вып. 1. Стб. 1–63, отдельное издание – Долгорукая Н.Б., кн. Памятные записки княгини Натальи Борисовны Долгорукой (1714–1767). Изданы с подлинной рукописи, хранящейся у правнука ее, сенатора князя Д.И. Долгорукого / Предисл. П[етр] Б[артенев]. М.: Тип. Грачева и компании, 1867. 94 с.). В конце столетия текст под новым названием дважды публиковал А.С. Суворин (Долгорукая Н.Б., кн. Записки княгини Натальи Борисовны Долгорукой. С портретами и рисунками. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1889. [XX], 48 с., 4 л. ил. (Дешевая библиотека, № 85); То же. Изд. 2-е. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1896. [XVIII], 46 с., 4 л. ил., портр. (Дешевая библиотека, № 85)), в начале XX в. дважды выходил том «Всеобщей библиотеки», включавший в себя этот текст (Долгорукая Н.Б., кн. Записки княгини Н.Б. Долгорукой; Козлов И.И. Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая: Поэма; Рылеев К.Ф. Княгиня Наталия Долгорукова: Дума. СПб.: АО тип. дела в СПб., [1909]. [2], IV, 64 с., 1 л. фронт. (портр.). Загл. обл.: Княгиня Н.Б. Долгорукая. Ее записки. (Всеобщая библиотека; № 47). То же.

1912). В 1912 г. текст издал Н.М. Усов под опять изменённым названием (Долгорукая Н.Б., кн. Записки, оставшиеся по смерти княгини Натальи Борисовны Долгорукой: Завет нынешнему поколению из времен первой половины 18 века / [Под ред. и с введ. ст. П.П. Смирнова]. СПб.: изд. Н.М. Усова, 1912. [2], XLII, 71 с., 5 л. ил.). Наконец, в 1913 г. вышло единственное научное издание под пятым уже названием (Долгорукая Н.Б., кн. Своеручные записки княгини Натальи Борисовны Долгорукой дочери г. фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева. [СПб.: Общество любителей древней письменности,] 1913. 52 с.; далее – Долгорукая Н.Б., 1913), которое с тех пор и воспроизводится во всех изданиях начиная с 1990 г. В издании 1913 г., в частности, сказано, что заглавный лист написан почерком правнука автора, князя Д.И. Долгорукова. Там же кратко описана судьба рукописи: «Рукопись..., принадлежавшая княжне Екатерине Дмитриевне Долгорукой, была поднесена княжной Великому Князю Сергию Александровичу и хранилась в его библиотеке в селе Ильинском. По кончине Великого князя Сергия Александровича, рукопись была передана Великой Княгиней Елизаветой Феодоровной Его Императорскому Величеству» (Долгорукая Н.Б., 1913. С. 5). Из примечания к изданию 1992 г. мы узнаём, что рукопись не сохранилась (Долгорукая Н.Б., кн. Своеручные записки княгини Натальи Борисовны Долгорукой дочери г. фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева / Подг. текста, послесл., прим. Е.В. Анисимова. СПб.: Худож. лит. Санкт-Петербург. отд-ние, 1992. С. 131; Далее – Долгорукая Н.Б., 1992).

Надо сказать, что хотя текст и подвергался поначалу редакторской правке, а в 1990-е гг. – модернизации, сама структура текста во всех публикациях одна и та же. А между тем текст имеет одну странность: до слов «И так мы с этим глупым командиром плыли целой месяц до того города, где нам жить» (Долгорукая Н.Б., 1992. С. 90) идёт связное последовательное повествование. Затем со слов «Господи Иисусе Христе, Спасители мои, прости мое дерзновение...» (Долгорукая Н.Б., 1992. С. 92) стиль и интонация текста меняется. Это уже текст совсем другого рода. Кроме того, словно позабыв, о чём писала, княгиня повторяет написанное ранее, что-то – про своё сиротство – совсем кратко, что-то – про путешествие на разваливающемся корабле – гораздо более подробно, чем прежде. Один фрагмент вообще повторён текстуально. Возникает впечатление, что старушка не совсем в себе и пишет одно и то же.

Объяснение этого имеется в издании 1913 г. в подстрочном примечании на с. 45: «Страница 76-я в рукописи оставлена чистою; начиная со страницы 77-й текст писан только на одной стороне листа, причем писан на другой бумаге, чем вся рукопись, другим пером и другими чернилами» (Долгорукая Н.Б., 1913. С. 45, подстрочное примечание). Это примечание не воспроизведено ни в одном переиздании. А ведь оно означает не только то, что писание текста до 74-й страницы и начиная с 77-й разделяло значительное время, но что это по сути были разные мероприятия, сам автор не воспринимал писание текста после 77-й страницы как продолжение действия, начатого ранее, а воспринимал его как новое действие. Таким образом, «Своеручные записки...» представляют собой, по сути, два текста, две самостоятельных попытки писать мемуары, и два эти текста не являются продолжением один другого. А то, что листы были в итоге сложены в одну стопку – при пересылке материалов из Киева в Москву, довольно естественно. Рукопись, насчитывавшая 97 страниц (Долгорукая Н.Б., 1913. С. 51), не сохранилась, но оставшееся археографическое описание позволяет прийти к важным выводам. По-видимому, публиковать этот памятник так, как это делается сейчас, в качестве единого текста, неправильно. Это искажает авторский замысел и даже в чём-то дискредитирует Наталию Борисовну.

Н.А. Мининков (Ростов-на-Дону)

**СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЛА РОСТОВСКИХ ИСТОРИКОВ 20–30-х гг.
В ОРГАНАХ ОГПУ – НКВД: ОСОБЕННОСТИ СОСТАВА
И ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ**

В Архиве УФСБ РФ по Ростовской области содержатся следственные дела двух историков донского казачества: 1927 г. – П.П. Сахарова и 1937 г. – Н.Л. Янчевского. П.П. Сахаров обвинялся в службе в 1919 г. в Добровольческой армии, а Н.Л. Янчевский – в участии в террористической группе, готовившей убийства советских деятелей, в т.ч. Сталина. При общем обвинительном уклоне два дела существенно отличаются друг от друга.

Внешние отличия наглядно проявлялись в объеме, поскольку дело Янчевского почти вдвое больше. Связано это с наличием в нем множества листов, относившихся не к Янчевскому, но к другим

лицам, проходившим с ним по одному делу. Заметно, что дело Янчевского велось как одно дело с другими лицами. Об этом свидетельствует то, что листы дела Янчевского, напечатанные на машинке, сделаны под копирку. Кроме того, всё, что в этом деле относится непосредственно к нему, выделено особо при подчеркивании его фамилии красным карандашом. Еще одно отличие в том, что довольно значительная часть дела Янчевского занимает его реабилитационное дело 1955 г. В деле Сахарова написанные от руки материалы занимают значительно большее место, а машинописных листов немного. Кроме того, в нем нет реабилитационного дела 50-х гг., и имеется только запись о реабилитации 1992 г.

Еще более существенны различия по содержанию. Оба дела начинаются с ордера на арест с предъявлением обвинения. Но далее в деле Сахарова содержатся обширные рукописные повествования о своей жизни до 1927 г., сделанные по требованию следствия, которые начинаются с фразы: «Детство мое было тяжелое и трудовое». Написано оно ровным, почти каллиграфическим почерком, а сопоставление с другими рукописями Сахарова не оставляет сомнения в том, что текст был написан им самим, а не переписывался. Это – наиболее ценная часть дела для биографа. В нем приводится много сведений, при наличии несомненного стремления предстать перед следствием в наиболее выгодном свете. Так, он подчеркивал, что во время учебы на историко-филологическом факультете Харьковского университета он «как сочувствовавший делу освобождения трудящихся» «участвовал в предвыборной работе левого блока» и дважды арестовывался. В Добровольческой армии он оказался по мобилизации и служил только с весны до осени 1919 г., а в Осваг он попал как историк, для агитационной работы в казачьих частях Донской армии. Он обращал особое внимание на свои разногласия с руководством Освага по вопросам ведения агитации среди казаков. После Гражданской войны, указывал он, им велась работа в советских образовательных учреждениях Ростова, и в 1922 г. он был признан «героем труда на фронте просвещения красных командиров». Заметную часть дела составляют протоколы допросов и очных ставок Сахарова. Написаны они корявым почерком советского следователя, с грамматическими ошибками. В них также четко прослеживается стремление следствия выяснить участие Сахарова в расправах с

советскими работниками в ходе пребывания части, где он служил, в Воронежской губернии. Также его пытались обвинить в подготовке забастовки ростовских учителей весной 1922 г., в условиях голода. Однако оснований для серьезных обвинений следствие не нашло. Поэтому наказание по решению Особого совещания коллегии ОГПУ было ограничено ссылкой на три года, которое было сокращено на четверть. О месте ссылке сказано не ясно – в Среднюю Азию.

В деле Янчевского сведения о нем ограничивались лишь анкетными данными. Известий о его прошлом дело почти не содержало. Интересно оно тем, что в нем указывалось на его связь с видными партийными оппозиционерами М.Н. Рютиным и В.Н. Толмачёвым, а также тем, что ложные показания на него вместе с двумя другими лицами давал участник расправы с семьей Николая II А.Г. Белобородов. Сведений о допросах Янчевского в следственном деле мало. Из него следовало, что обвинения он не признал и никого не оговорил. Представляет интерес указание в деле на то, что вскоре после ареста Янчевский оказался в тюремной больнице. Это косвенно свидетельствовало о физическом воздействии на него со стороны следствия. В этом отношении значительно больше для характеристики личности и деятельности историка-большевика Янчевского давало его реабилитационное дело. Оно было начато по заявлению первой его жены, Е.Н. Янчевской. Реабилитация состоялась, однако в реабилитационном деле содержалась прямая фальшивка. В нем была неправильно указана дата смерти Янчевского. Вместо 7 августа 1937 г., когда он был расстрелян, было указано, что он, «отбывая наказание, умер 14 апреля 1945 г.». В показаниях Янчевской из реабилитационного дела обращалось внимание на причину снятия Янчевского с работы в Истпарте и исключения из партии. Ему вменяли в вину троцкизм, когда он в своей монографии «Гражданская война на Северном Кавказе» заявлял о пролетарском характере революции 1905 г., но он «признал допущенные им политические ошибки» и был восстановлен в партии. Обращала она внимание и на то, что во время работы в региональной печати после восстановления в партии Янчевский «неоднократно сигнализировал о подозрительных людях и их делах» в угольной и нефтяной промышленности и сельском хозяйстве, о шпионаже.

Два следственных дела ростовских историков весьма различны. В первом из них заметно внимание к личности подследственного,

который давал о себе подробные показания. Во втором деле, пришедшемся на период массовых репрессий, интереса к личности подследственного не заметно. Поскольку приговор был предрешен, следствие было формальным. Сведения о подследственном содержат не следственное дело 1937 г., но реабилитационное дело 1955 г. Следственное дело П.П. Сахарова может дать сведения о некоторых сторонах жизни и деятельности историка. Следственное дело Янчевского дает о нем лишь анкетные сведения. Оно свидетельствует, прежде всего, об эпохе массовых репрессий, а о нем самом больше сведений дает позднейшее реабилитационное дело.

М.В. Моисеев (Москва)

ШЕРТНЫЕ ГРАМОТЫ В РУССКО-НОГАЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В XVI в.: ВИДЫ, ФОРМУЛЯР, ПРОЦЕДУРЫ ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Термин «шерт» в русском политическом лексиконе начинает использоваться со 2-й пол. XV в. Происходит от арабского «шарт» – условие, договор. Шертные соглашения появились после распада Золотой Орды как необходимая форма урегулирования отношений и определения взаимных полномочий между татарскими и восточно-европейскими правителями. Первоначально они заключались между государями, сопоставимыми по статусу, позднее они стали, как правило, заключаться между русскими великими князьями (царями), как старшими партнерами и соседними правителями как младшими партнерами. В шертях проводился принцип покровительства Россией восточных соседей. Чаще всего, они имели характер присяги, хотя формально имели вид двусторонних договоров. Шерти не имели долговременного и обязательного характера, чем они и отличаются от европейских межгосударственных договоров (Трепавлов В.В. «Белый царь». Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М., 2007. С. 134–139).

Вместе с тем нужно отметить, что информационный потенциал этого вида источника еще далеко не исчерпан. Заметно повысить эффективность его изучения можно путем комплексного исследования шертных соглашений, изучая их текст, правила составления и процедуры заключения (Каштанов С.М. Из истории русского средневекового источника. Акты X–XVI вв. М., 1996. С. 5). Ниже я

представляю некоторые данные, полученные при использовании подобной методики.

Впервые в русско-ногайских отношениях шертное соглашение появилось в конце 1501 г. Текст его до нас не дошел, сохранились лишь его изложение и упоминания в последующей переписке России с Крымским ханством и Ногайской Ордой. Учитывая неоднократные обращения к нему в посланиях в орду в 1504, 1507 и 1508 гг., можно предположить, что в Москве первоначально шерть рассматривали как долговременный договор, не ограниченный сроком правления глав государств, заключивших его. Дальнейшее развитие шертные соглашения в русско-ногайских связях получили в 1530-е гг. Шерть 1534 г. – это первый из сохранившихся документов подобного рода. Позднее шерти заключались довольно регулярно, но стоит отметить, что ногаи понимали значение этого документа достаточно вольно: при жизни одного и того же бия шерти нарушались, а затем степные аристократы вновь присягали. Нередко они уклонялись от шертования, говоря, что и так верны.

При анализе конкретного формуляра ногайских шертей и правил их составления удалось выяснить, что на самом деле существовало несколько видов этих документов. Так, шерть 1534 г. – это посольская шерть, в которой регистрировались обязательства ногайского посла. Присягали на этом документе послы в Москве. Процесс составления подобной шерти представляется следующим. Писались они в русской столице под нужды конкретного посольства. После этого переговорщики предлагали дать правду «за своих мырз на том, как нам мырзы хотят дружити». После этого ногайские посланники знакомились с текстом шертного соглашения и если он их удовлетворял, то присягали на нем. Кроме того составлялась шерть для ногайской знати, которую в орду вез русский посланник. В орде уже сами мирзы должны были присягнуть на этом соглашении перед московским дипломатом. Любопытно, что присяга перед гонцом рассматривалась в Москве как неправильная практика и поэтому старались в том случае, если это произошло, добиться перезаключения шерти.

Привлеченные материалы поднимают вопрос: где составлялись шертные записи, в Москве или в Ногайской Орде. Приблизиться к ответу на него позволяет казус 1557 г. 24 июня этого года из орды вернулся посланник П. Совин, привезший шерть. Дипломат рассказывал, что Исмаил отказался присягать на русском варианте

соглашения, сославшись на то, что она «в разум им не воидет» и написал свою запись, на которой и присягал со всеми мирзами. В истинности подобного рассказа усомнилась А.Л. Хорошкевич, указав, что в шерти ничего не говорится об обязательствах России. Однако это сомнение напрасно. Дело в том, что в этом виде документов всегда перечисляются обязательства присягающей стороны, то есть в нашем случае ногаев. Более того, формуляр именно этой записи достаточно серьезен.

Все известные нам шертные записи начинаются с *intitulatio*, затем следует обозначение адресата, которым выступает русский правитель с обязательным упоминанием титула. Однако этот начальный протокол в записи 1557 г. заметно изменен. В этом случае в *intitulatio* используется традиционное для ордынской дипломатики «сезюм» – «слово», а также в *inscriptio* вместо титула и имени русского царя используется «белый царь» – никогда ранее не использовавшийся в шертных грамотах термин. Еще более разнятся шертные записи с записью 1557 г. в *datum*. Обыкновенно в этой части документа указывался год от сотворения мира с указанием «печать свою приложил», но в записи 1557 г. дата указана по хиджре и вовсе нет упоминаний о заверении шерти. Все это позволяет нам считать, что данная шерть была составлена самими ногаями в Орде, в отличие от остальных документов этого вида, которые очевидно писались в Москве.

Традиционно считают, что процедура заключения шерти состояла из общей присяги знати на Коране, однако, подобная практика прослеживается лишь с 80-х гг. XVI в. Источники до этого времени рисуют другую процедуру. На общем собрании знати присягающие прикладывали к шертной записи печати. Следовательно, можно предположить, что на грамоте должны были остаться отпечатки печатей на воске. Сохранилось два источника, в которых этот процесс предстает самым неожиданным образом. Это сообщение украинской Густынской летописи XVII в. и одна из миниатюр Лицевого свода. По ним в ходе шертования татары использовали воду, которую лили на сабли (ПСРЛ. СПб., 2003. Т. 40. С. 142). Все это ставит перед исследователями новые задачи в изучении шертных записей.

Л.А. Молчанов (Москва)

**АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ РАБОТА КАК СПОСОБ
ЦЕНЗУРНОГО КОНТРОЛЯ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
В РОССИИ (1918 – 1920 гг.)**

Заметный интерес для современной археографии представляют проблемы передачи текстов письменных источников при их публикации в газетах и журналах. Известный немецкий журналист и историк Людвиг Саламон называл прессу и журналистику в целом «монологом эпохи о самой себе», где «обнаруживаются наиболее сокровенные жизненные нервы времени». Обнаружить и передать эти «жизненные нервы» российской прессе в годы гражданской войны (1918–1920 гг.) помогали информационные агентства, которые снабжали газеты и журналы новостями. В то время, когда распалась единая российская государственность и была разрушена корреспондентская и репортерская сеть российских газет, деятельность этих агентств приобрела особое значение. Информационные агентства стали активно создавать антибольшевистские режимы. Эти агентства стали важнейшим элементом антисоветской государственности. Наиболее мощными российскими правительственными осведомительными агентствами являлись агитационно-информационные учреждения правительств белой Сибири.

Первым таким учреждением стало информационное бюро, созданное в начале июня 1918 г. при управлении делами Западно-Сибирского комиссариата. С образованием Временного сибирского правительства в июле того же года было организовано информационное бюро при канцелярии Совета министров и Сибирское телеграфное агентство (СТА). После образования в сентябре 1918 г. Временного Всероссийского правительства его официальным информационным органом стал отдел печати и Всероссийское телеграфное агентство (ВТА). В результате колчаковского переворота и создания Российского правительства в ноябре 1918 г. в составе управления делами Верховного правителя и Совета министров был создан отдел печати, в составе которого начало функционировать Русское телеграфное агентство (РТА). Следующие крупные измене-

ния в правительственной политике по отношению к информационным структурам белой Сибири были связаны с созданием в мае 1919 г. частного акционерного предприятия «Русское общество печатного дела» (РОПД) и передачей ему всех центральных правительственных информационных структур.

Основными источниками осведомления российских информационных агентств белой Сибири были: сообщения местных и зарубежных представительств и корреспондентов; материалы радиосообщений, печатные издания и архивные документы. Ценную информацию предоставляли репортеры, агитаторы и пропагандисты информационных агентств белой Сибири, а также корпункты СТА и РТА. К середине 1919 г. РОПД располагало 66 корпунктами в 48 городах Дальнего Востока, Урала, Сибири, на острове Сахалин и на фронте. Основную информацию о международных событиях информационные агентства белой Сибири получали от своих иностранных корреспондентов в Азии, Европе и Северной Америке.

Одним из основных источников внутренней и зарубежной информации осведомительных агентств белой Сибири было радио. Правительство Колчака имело достаточно разветвленную сеть радиостанций во Владивостоке, Екатеринбурге, Омске, Челябинске и др. городах. Одним из основных видов информирования осведомительных агентств являлись печатные издания (книги, листовки, плакаты и др.), а также архивные документы. Среди печатных изданий важнейшими для деятельности информационных учреждений Сибири были материалы прессы, которые они собирали по всей Сибири и за границей. Большевистские газеты доставлялись им органами контрразведки. Из-за границы пресса присылалась их зарубежными отделениями.

Сообщения, поступающие в распоряжение информационных агентств, подвергались археографической обработке, которая в основном носила политический характер. Чаще всего они сокращались. В ряде случаев эти сокращения были очень значительными и составляли половину, а то и две трети текстов. На характер сокращений накладывали отпечаток идеологические установки, которым придерживались руководители информационных ведомств. Снималось все то, что не соответствовало правительственным программам тех политических режимов, при которых действовали информационные учреждения, то, что компрометировало их политику и действия их союзников как внутри страны, так

и за рубежом. В ходе обработки сообщений информационные службы могли изменять их тексты. Причем, эти изменения во многих случаях искажали содержание источника, но соответствовали идеологическим установкам политического руководства. Обработанному информационному материалу давался новый заголовок, который должен был подчеркнуть его идеологическую направленность. Эту же направленность носили и комментарии к новостным сообщениям. Археографическая обработка информационных материалов являлась частью политического цензурного контроля, который осуществляли осведомительные агентства Сибири.

После обработки осведомительные службы белой Сибири распространяли информационные сведения через прессу. Сведения группировались в бюллетенях и с помощью телеграфа распространялись по редакциям. Всего за летние месяцы 1919 г. было выпущено 840 экземпляров бюллетеней. За это время зарубежным корреспондентам РОПД было отправлено 5515 информационных телеграмм с 321400 слов. Бюллетени и обзоры прессы готовились осведомительными учреждениями специально для правительственных органов. Составлялось три типа обзоров: политические, ведомственные и тематические. С конца ноября 1918 г. по октябрь 1919 г. было составлено 680 обзоров. Основная их масса представляла обзоры, фиксирующие отношение общественности к правительственному курсу и основным событиям международной жизни.

При публикации информационных сообщений из бюллетеней редакции газет нередко также переделывали и сокращали их тексты, меняли заголовки, давали комментарии. Во многих случаях эти изменения соответствовали идеологическим требованиям правительств белой Сибири, в ряде случаев нет. Таким образом, именно археографическая обработка информационных сообщений являлась основой газетного мифотворчества белой Сибири.

Л.В. Мошкова (Москва)

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ РГАДА: ВЗГЛЯД АРХЕОГРАФА

Любой каталог или описаний рукописей адресовано исследователю – это аксиома, отрицать которую невозможно. К сожалению, в массе своей исследователи не считают описание рукописей научной работой (хотя на вербальном уровне признают это),

полагая, что археографы выполняют во многом чисто механический труд, а сделать это в силах практически любой человек с историческим или филологическим образованием. Отчасти такое отношение вполне объяснимо: объем чисто технической работы в этом виде деятельности велик. Например, составить представление о датировке, составе и особенностях рукописи можно и за час, тогда как для ее описания придется потратить несколько дней. Помимо этого надо отметить, что описание рукописей как таковое и подготовка каталога имеют принципиальные отличия. В первом случае археограф более свободен, во втором подчинен общим принципам, которые обязан выдерживать на протяжении всей работы.

В советское время объем издаваемых каталогов достаточно жестко лимитировался, печатались они, как правило, на плохой бумаге и выходили часто в мягком переплете. Тем не менее, выходили они чаще, чем сейчас. И этому есть несколько причин.

Во-первых, участие в подготовке печатного каталога давало археографу-«рукописнику» один из немногих шансов проявить себя, поскольку публиковать научные статьи было достаточно трудно из-за малого числа соответствующих данной тематике изданий. Во-вторых, считалось, что сотрудники хранилищ просто обязаны время от времени издавать описания рукописей (возможно, как материальное свидетельство оплачиваемой государством деятельности). Со снятием идеологических ограничений возможности для публикации (то есть самовыражения) резко выросли, а об указанной «обязанности» забыли. И в результате работа над созданием печатных описаний перестала быть привлекательной, а престижной она не считалась и ранее.

Однако каталоги все-таки продолжают создаваться, и основная причина их появления в том, что составителям нравится эта работа. А рассуждения о пользе для науки – скорее словесное обоснование своей деятельности, ее актуализация. Чем же интересна данная работа для археографа?

Во-первых, захватывающим чувством первооткрывателя, которое сопровождает начало работы с рукописью. И совершенно неважно, сколько человек брали в руки и смотрели книгу до этого. Поскольку подавляющее большинство исследователей занимается конкретным памятником, рукопись их интересует скорее как «хранилище» интересующего текста, а не как единый кодекс, созданный с определенной целью. Во-вторых, работа по описанию напоминает

детективное расследование, поскольку археограф ищет «улики», позволяющие ему понять процесс создания книги, ее историю на протяжении веков, а не только определить датировку и состав. В-третьих, за каждой рукописью стоит человек, ее написавший, и именно с ним общается археограф, ведет разговор через пространство и время. Помимо этого археограф работает не с отдельно взятой книгой или одним ее типом, а с **типами** самых разных книг. Поэтому волею-неволей приобретает достаточно широкое представление и о них самих, и о динамике их изменения.

Суммируя вышесказанное, можно сказать, что археограф – это специалист широкого профиля, который видит картину целиком, но не имеет сил и возможности углубляться и проникать в детали. Это, вероятно, и лежит в основе того конфликта интересов, который существует между исследователем и археографом. Первый всегда хочет, чтобы материал по изучаемой им теме был отражен с возможно большей полнотой. Второй прекрасно понимает, что невозможно описать все предельно подробно и следует ограничиться необходимым и достаточным.

Польза от каталогов может быть, но реально есть не всегда и не для всех, поскольку зависит даже не от их качества (и посредственный каталог полезен), а от желания исследователя обратиться к конкретному изданию. Однако зачастую работы, даже вышедшие несколько лет назад, игнорируются. Иногда это никак не влияет на работу исследователя, но иногда ставит под сомнение корректность сделанных выводов.

В такие моменты археографу может показаться, что проделанная им работа не слишком нужна исследователям. А ведь за это время он мог бы сделать много для себя: покопаться в интересующей теме, посмотреть рукописи других хранилищ. Ведь само описание рукописей нередко рождает темы исследования, и перед археографом встают вопросы, которые хотелось бы разрешить в исследовательском плане.

Поскольку исследовательский голод всегда грызет составителя, для его утоления предназначен последний раздел описания – Дополнительные сведения. Здесь можно в совершенно свободной форме изложить то, что привлекло внимание археографа: от правописания и состава до истории бытования книги. Не секрет, что описание как таковое – текст сильно унифицированный и стандартизованный, в котором нет места личности автора (и уж тем более его чувствам). И

только дополнительные сведения дают возможность высказаться, для автора они – пространство свободы, на котором он действует и представляет себя читателю в несколько ином качестве.

Однако амбиции составителя не всегда могут удовлетвориться Дополнительными сведениями, и тогда начинают появляться приложения в конце книги. Так, например, возникло приложение о Кормчих особого состава (Каталог славяно-русских рукописных книг XVI в., хранящихся в РГАДА. М., 2005. Вып. 1. С. 315–498). Оправдать составителя могло только то, что подготовленные таблицы не приняли бы ни в одном издании, и работа пропала бы. В составе же Каталога они смотрятся достаточно органично, поскольку содержат роспись содержания описанных здесь же рукописей. А рассуждения автора о том, что подобное приложение повышает информативность издания, содержит большой процент лукавства: основным было желание поработать с интересными и, главное, неисследованными источниками, а отнюдь не соображения общего блага.

Работа по подготовке каталога – процесс долгий, и ее легче прекратить, чем завершить.

Р.Р. Назаров (Ташкент)

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ В ЭТНОЛОГИИ

Под «письменными источниками» принято понимать тексты разного вида и происхождения, которые созданы вне сферы этнологии, но содержащие информацию, значимую для этноисследования. Привлечение письменных источников позволяет расширить пространственно-временные рамки этноисследования, поместить полевые материалы в исторический и социальный контекст, дополнить и перепроверить их. Особенно важны нарративные источники. Еще до формирования этнологии как науки этнографические сведения содержались в сочинениях путешественников, торговцев, миссионеров, дипломатов, военных, ученых, медиков, литераторов и др. лиц, описывавших другие народы и культуры. К числу нарративов можно отнести источники личного происхождения – дневники и мемуары, которые содержат информацию как об этнической и социокультурной среде автора, так и о других культурах. При использовании материалов в этноисследовании

необходимо применять методы источниковедческой критики. Необходимо собрать и учесть информацию об авторе сочинения, определить цели его нахождения среди этнической/субкультурной группы, выяснить обстоятельства его контактов с представителями этой группы.

Важным подспорьем в этноисследовании являются источники статучета. Статучет – это система сбора, обработки и анализа информации, характеризующей массовые процессы общества и хозсистемы. Статучет организуется государственными органами и используется для управления и принятия управленческих решений.

Особенно важными являются материалы демографической статистики – данные о численности, структуре, размещении, естественном и механическом движении населения. Демографические данные отражены в документах текущего учета, в материалах переписей населения. Национальные переписи населения позволяют получить информацию по этническому, языковому, профессиональному, половозрастному составу населения, о его размещении, миграциях, особенностях жилища. Первичные и обобщенные материалы переписи могут использоваться этнологом при изучении таких сюжетов, как численность и структура семьи, особенности расселения, поселенческая структура, численность и размещение этнических и этноязыковых групп, межэтнические контакты, миграции, структура хозяйственности, особенности культуры. Использование материалов переписей за разные периоды позволяет изучать эти характеристики в динамике. При источниковедческой обработке материалов переписей необходимо изучить цели, программы и методы сбора статданных, способы их обработки и публикации. Во многих случаях при решении задач этноисследования выявляется необходимость обращения к первичным материалам переписей – переписным листам.

Использование в этноисследовании массовых статданных позволяет дополнить и скорректировать описательные полевые материалы, которые, при всей их детальности ограничены локальным пространством и узким кругом информантов. Существенный исследовательский эффект дает умелое сочетание этнографических данных (качественных) и статистических (количественных).

К статисточникам примыкают материалы текущего демографического, хозяйственного и фискального учета. Среди этой группы источников – регистры и списки населения и домохозяйств, церков-

ные метрические книги, материалы ЗАГСов, похозяйственные и домовые книги, налоговые ведомости, таможенные книги. Привлечение этих источников дает этнологу массовый материал, дополняющий нарративы и полевые данные.

Для проведения этноисследований привлекают документацию госисследований. С целью сбора и анализа сведений государства осуществляют тематические обследования стран, отдельных регионов и групп населения. Эти обследования имеют различные цели и программы, собирают количественные и качественные (описательные) данные. Эти обследования проводятся не с научными целями, а для решения прикладных задач госуправления. Такие целевые и тематические обследования являются дополнением к системе статучета. В целом материалы ведомственных обследований – огромный источник информации для этнологии.

Определенное значение для этнографии имеют актовые источники, т.е. тексты, выполняющие функцию документов. В узком смысле – это документы сделочного, договорного характера. В отличие от нарратива, который описывает историческое событие, акт сам является событием, меняющим ситуацию. В этом смысле акты считаются более объективным источником, чем нарративы. Акты делятся на публично-правовые (связанные с деятельностью власти), частные (фиксирующие отношения между частными лицами), частно-публичные (документы, связанные с отношениями частного лица и власти). Для этнологии наибольшее значение имеют две последние категории. Так, этнолог может извлечь важную информацию из таких документов как завещания, акты о разделах домохозяйств и имущества, купчие, меновые, закладные, челобитные, жалобы, приговоры и т.п. Для анализа актового источника важным является понятие «формуляра». Формуляр – это устойчивая структура актов определенного типа. Актовый материал зачастую является массовым источником. Поэтому для его обработки применяются соответствующие методы: создание электронных баз данных, методы выборочного обследования.

Важная грань мастерства исследователя – это умение работать с источниками разного типа, сопоставлять, осуществлять перепроверку разрабатываемых моделей этнореальности с помощью разных источников. Этнолог должен уметь соотносить полевые материалы с письменными источниками, данными смежных наук. Чем больше будет привлечено, обработано и сопоставлено источников разного

типа, тем достовернее будут итоги исследования. При комплексном подходе следует учитывать, что разные типы источников имеют специфику, по-своему отражают этнокультурную реальность, ее «срезы». Этнокультурная реальность – сложный объект, каждая ее подсистема имеет особенности функционирования, географические ареалы и циклы исторического развития. Только привлечение, критическое использование и корректное сопоставление разнотипных источников позволяет этнологу создать адекватную реальности научную модель.

Т.А. Опарина (Москва)

**ДОКУМЕНТЫ О ПЕРЕХОДЕ ИНОСТРАНЦЕВ В ПРАВОСЛАВИЕ
КАК МАССОВЫЙ ИСТОЧНИК РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ
(Россия, XVII в.)**

Документы о переходе иностранцев в православие, безусловно, относятся к массовым источникам. Между тем, они в недостаточной мере привлекали внимание исследователей. Этот тип документов представляется репрезентативным в силу значения таинства крещения в русском обществе XVI–XVII вв. Обращение в православие было результатом не только внутреннего поиска человека, но и стечения внешних обстоятельств. Вхождение в московскую церковь определяло место человека в иерархической системе русского общества. В силу этого, неофит стремился максимально зависеть свои заслуги перед русским государством и обеспечить себе и своим потомкам высокий социальный статус.

Переход в православие проходил в соответствии со строго расписанной процедурой. Иностранец, принявший решение о смене веры, составлял челобитную в том приказе, к которому он был приписан, на имя царя с просьбой о вступлении в русскую церковь. После получения благожелательной резолюции («государь пожаловал») и согласия патриарха, его направляли в Патриарший Дворцовый приказ. В духовном ведомстве иностранец рассказывал о своем вероисповедании. Зафиксированные дьяками, показания хранились в делопроизводстве Патриаршего двора, материалы которого, к сожалению, утрачены.

На Патриаршем дворе определялся монастырь для прохождения оглашения и совершения таинства. С 1638 по 1650 гг. функции

выбора монастыря параллельно были даны светскому Приказу Большого Дворца, возглавляемому князем А.М. Львовым.

После восприятия таинства крещения иностранец вновь возвращался в определенный ему приказ. После крещения каждый человек рассказывал свою биографию. Рассказы во время обращения являлись не исповедью (исповедь после оглашения, безусловно, не фиксировалась), но послужным списком или родословной росписью.

«Сказки» новообращенных перепроверялись дьяками по делопроизводственным документам тех приказов, с которыми ранее был связан человек. В том случае, если новообращенный был не первым представителем своего рода, оказавшемся в России, он воссоздавал историю всей семьи. Поэтому сведения, содержащиеся в данных документах, дают возможность проследить историю рода или же отдельного человека, реконструировать родословные, процесс вхождения в русское общество и, зачастую, предшествующее устойчивое стремление сохранить свое вероисповедание на протяжении многих десятилетий.

В приказе, в котором служил иностранец, определялся размер вознаграждения – «жалованье для крещения». Оно зависело от социального статуса иммигранта («смотря по людям по рассмотрению и по отечеству»). Обычно оно равнялось половине суммы за выезд и размера оклада.

Выплаты производились только из светских приказов. Крупные суммы за знатный выезд шли из определенной чети; в рядовых случаях перекрещивание оплачивалось из Приказа Большого прихода, материалы которого не дошли до настоящего времени. Кроме того, в соответствии с традицией того времени, платы производились тканями, хранилищем государственных ценностей был Казенный Двор (материалы которого сохранились до нашего времени). Смена одежды, обязательная при крещении в младенчестве (младенцам одевалась новая рубашка), очень показательна при перекрещивании. Иностранец не имел права носить русскую одежду, и переход в православие означал его полное перерождение, включая внешние атрибуты. Одежда маркировала «своих» и «чужих». Поэтому принятие в русскую церковь, тождественное принятию русского подданства, сопровождалось сменой внешнего вида.

В целом, очень часто, в делопроизводстве светских приказов сохранялась лишь смета: размер пожалований за крещение. Но и этот материал позволит выявить количество новообращенных в

различных приказах, тем самым, проявить степень толерантности русского общества. Когда же приказное делопроизводство сохранило «скаска» после обращения, сведения об иностранцах в России и путях их вхождения в русское общество существенно расширяются. Рассказы иллюстрируют жизнь иноземного землячества, взаимопомощь между его членами, корпоративность, семейные связи и традиции, родственное окружение, устойчивые личные контакты. Исследование обогащается, когда новообращенный упоминается в других документах: записках иностранцев, материалах о службе и земельных владениях.

И.В. Орлевич (Львов, Украина)

ЗАВЕЩАНИЯ ЛЬВОВСКОМУ СТАВРОПИГИЙСКОМУ ИНСТИТУТУ КАК ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ГАЛИЦИИ

Ставропигия не имеет аналогов в украинской истории ни по длительности своего существования, ни в отношении постоянства внутренней организационной структуры. В конце XVIII в. Львовское Успенское братство было реорганизовано австрийской властью в Ставропигийский институт. Он объединял представителей украинской интеллектуальной элиты, патронировал городскую Успенскую церковь, содержал украинскую типографию и школу для детей. Ставропигийский институт как правопреемник братства унаследовал его внутреннюю организационную структуру и в XIX в. пользовался высоким авторитетом и влиянием среди украинцев Галиции (Орлевич І. Львівський Ставропігійський інститут у Львові. Львів, 2001. С. 184)

Одной из функций средневековых братств была забота о поминовении души умершего (Шустова Ю.Э. Документы Львовского Успенского Ставропигийского братства (1586–1788): Источниковедческое исследование. М., 2009. С. 78). Братства более тщательно заботились о заупокойных службах, нежели церковная власть, поэтому миряне в своих завещаниях с большей охотой завещали им свои материальные блага.

Завещания (тестаменты) в средневековый и раннеמודерный периоды были для населения христианской Европы важным средством, которое регулировало материальную и духовную сферу мирян. Как явление средневековой культуры, завещание

продолжило свое существование и в XIX в. В пользу Ставропигии в XIX в., как и в братский период, поступали пожертвования. Обязательством Института было исполнение их условий. Среди этого вида источников, хранящихся в архиве Львовской Ставропигии, есть завещания как самих членов организации (И. Товарницкого, И. Горбачевского), священнослужителей Успенской церкви (А. Левинского, И. Липницкого), так и знатных львовских горожан, владельцев имущества и т. п. (С. Жевуской, Т. Стребиловой, В. Шандры, А. Добрянского и др.) (Центральный государственный исторический архив Украины, г. Львов (далее – ЦГИАЛ). Ф. 129. Оп. 2. Д. 561, 604, 614. Л. 14, 557; Д. 615. Л. 33; Д. 560. Л. 2; Д. 544, 563, 583. Л. 8; Д. 542. Л. 1). Все они написаны на польском языке, только отдельные на – немецком.

Завещание состояло из двух частей – религиозной и финансовой, которая давала информацию о разделе имущества (Вінниченко О. Заповіт сандомирського воєводи Яна Тарла (1750 р.) // Вісник Львівського університету. Серія історична. Вип. 44. Львів, 2009. С. 388–389). В числе завещаний движимого и недвижимого имущества, ренты Ставропигийскому институту лишь в завещании М. Бачинского, известного львовянина, религиозная часть довольно обширная и красноречивая, по сравнению с другими. Из документа узнаем, что свои материальные богатства завещатель унаследовал от своего отца И. Лешковича-Бачинского, львовского вице-бургомистра, также завещавшего в пользу Успенской церкви свое имущество (Там же. Д. 540. Л. 2). В финансовой части завещания мотивировались обязательства перед светской властью: «...следуя постановлениям монархическим, средствами, в случае смерти (завещатель) распорядиться обязан» (Там же. Л. 1).

Важным документом для изучения завещаний в пользу Ставропигии и ее церкви является книга учета фондов пожертвований, составленная членами Института в 1884 г. (ЦГИАЛ. Ф. 129. Оп. 2. Д. 644). В ней указаны фамилии 69 фундаторов (завещателей) с указанием имени, фамилии, года составления завещания, количества пожертвованных денег. Пожертвования предназначались на Успенскую церковь и бурсу Ставропигии. Большинство записей в завещании «на бурсу» должны были использоваться на обслуживание стипендиальных фондов, содержание бедной учащейся молодежи, а около трети на то, чтобы ученики Ставропигийской бурсы отпевали заупокойные службы за

завещателей и их родственников. Из 69 завещаний половина датируется концом XVIII – первой половиной XIX в., три из них – XVII в. В завещаниях второй половины XIX в. большинство пожертвований предназначались на бурсу, стипендиальные фонды и только треть из них – на поминальные богослужения (Там же. Д. 644). Документы показывают тенденцию уменьшения пожертвований церкви, по сравнению с бурсой. Это было связано с возрастающей секуляризацией общества. (Аръес Ф. Человек перед лицом смерти. М., 1992. С. 383). Анализ источников показывает, что Институт нес моральную и финансовую ответственность за исполнение условий завещаний братского периода, что дает возможность сделать вывод о правонаследии между братством и Институтом. Ставропигия и в начале XX в. наследовала братский обычай практиковать поминальные службы за своих умерших членов. Сохранилась расписка 1911 г., согласно которой духовенство Успенской церкви получало вознаграждение от руководства Института за служение поминальных богослужений за членов Ставропигии, умерших в 1910 и 1911 гг. (ЦГИАЛ. Ф. 129. Оп. 2. Д. 631. Л. 20).

Информацию о возрождении Львовской греко-католической капитулы в 1771 г. дает одно из наиболее ранних завещаний, которым распоряжался Ставропигийский институт – Т. Стребыловой (Там же. Д. 604; О возрождении Львовской греко-католической капитулы см.: Сkochилас І. Галицька (Львівська) єпархія ХІІ–ХVІІІ ст. Організаційна структура та правовий статус. Львів, 2010. С. 648–649). Документ свидетельствует о том, что греко-католическое духовенство в самом начале австрийского правления в Галиции особо заботилось о создании фондов для капитулы. Особые заслуги в этом принадлежат настоятелю Успенской церкви о. Антону Левинскому и прокуратору капитулы Л. Шептицкому (ЦГИАЛ. Ф. 129. Оп. 2. Д. 604. Л. 1–2; Д. 632. Л. 11.). Ревностно защищал денежные фонды греко-католической капитулы приемник А. Левинского о. Иван Горбачевский.

Завещание И. Товарницкого, члена Ставропигии, известного мецената, свидетельствует о существовании среди украинской общности середины XIX в. в равной мере украинской и польской национальной идентификации (Мудрий М. Ідеологія чи світогляд? До питання про теоретичні засади Руського Собору 1848 року // Вісник Львівського університету. Серія історична. Вип. 44. Львів, 2009. С. 77). Он пожертвовал одинаковые суммы, по 500 злотых, на

Успенскую церковь и римско-католический монастырь кармелитов. (Там же. Д. 606. Л. 1а)

Завещания, которыми распоряжался Львовский Ставропигийский институт, служат важным источником к изучению как общих вопросов, касающихся истории Галиции (церковной, социальной, экономической), так и истории самой Ставропигии.

Ф.Н. Отахонов (Ташкент, Узбекистан)

О ЗАГАДОЧНОЙ ГЛАВЕ, НЕ ВОШЕДШЕЙ В ОСНОВНОЙ ТЕКСТ ПРОИЗВЕДЕНИЯ «ШАХНАМАИ НУСРАТПАЯМ»

Произведение «Шахнамаи нусратпаям» («История правителя с благовещием о победе») Мирзы Каландара Мушриффа повествует об истории кокандских ханов, в частности, о периоде правления Умархана (1810–1822 гг.). Автор, будучи известной личностью при дворе, написал его непосредственно по заказу хана. По известным ныне сведениям, это – первое произведение по истории кокандских ханов. До нас дошли три его списка. Один из них признан автографическим и хранится в Институте восточных рукописей РАН (С 471). В начальной части книги содержится глава о приёме послов, прибывших во дворец Коканда с посланием от хивинского хана Мухаммада Рахимхана (1806–1825 гг.), которая почему-то оказалась за пределами основного текста. Она состоит из 17 листов, собственноручно написанных автором красными чернилами, и, вопреки традициям мусульманской культуры, не предваряется традиционным словом «бисмиллах». С листа же 17 б со слова «бисмиллах» начинается вступительная часть основного текста произведения.

Нет сомнения в том, что как отдельная глава, так и основной текст написаны одним и тем же лицом. Очень близки структура и названия этой главы и глав основного текста. Однако, почему данная глава столь нетрадиционным образом заняла место в начальной части произведения?

Первое предположение – приступая к написанию произведения, автор запятовал об историческом событии, описанном в этой главе, а потом присоединил её к начальной части рукописи.

Второе предположение – по известной нам в восточной историографии традиции, для проверки своих способностей, автор, сочинив фрагмент планируемого произведения, предоставил его на

суд заказчика (либо проверял самого себя). Здесь не следует забывать, что заказчиком в данном случае выступал сам Умархан. Немногом ранее им было отклонено стихотворное «Умарнаме» другого придворного историка и поэта Фазли Намангани. Потому есть вероятность того, что во избежание участи своего предшественника, Мирза Каландар Мушриф представил на проверку Умархану эту главу о событии трёхлетней давности (1819 г.). Обычно автор, выдержавший такой экзамен, одобренные фрагменты оставлял как есть, не повторяя их в самом тексте произведения (чтобы не подвергать изменению понравившиеся заказчику его части). Быть может, поэтому в основном тексте данный исторический факт о прибытии послов не упоминается вообще. Подтверждается это ещё и тем, что рукопись является черновым наброском.

Есть ещё третье, немаловажное предположение: не явилась ли причиной оторванности данной главы от основного текста её тема – отражение исторических сведений о военном союзе кокандского и хивинского ханств и совместном вступлении их в войну против бухарского эмирата? Возможно, политическая ситуация в ханстве на первых порах не позволяла предать всё это огласке.

Важно отметить незначительное отличие цвета бумаги данной главы от цвета бумаги остальной части. Значит, автор включил листы с этой главой в корпус книги позже. Но почему именно в начальную её часть? Трудно сказать, какие соображения двигали при этом автором, быть может, он поступил так по предложению кого-либо (даже самого Умархана).

Неизвестно также, отразил ли бы автор свои наброски в беловом варианте или нет. Во всяком случае, вероятно, он всё же намеревался переписать их в более привлекательной каллиграфии для вручения Умархану. Однако смерть последнего в ноябре 1822 г., по-видимому, не дала возможности Мушриффу осуществить своё намерение. Мы не располагаем сведениями о наличии достойного для вручения хану списка произведения. Автор приступил к его написанию примерно в мае 1822 года и завершил включением сведений о церемонии возведения на престол Мухаммад Алихана (1822–1842 гг.).

На листе 17 а главы снизу в левом углу вставлен традиционный пайгир – первое слово последующего листа, что означает незавершённость данного текста и указывает на имеющееся продолжение. Возможно, глава была дописана автором до логического конца,

однако, следующий лист почему-то отсутствует. Мысль об оторванности или выпадении его не подтверждается тем, что на месте шитья переплёта незаметен такой след.

Проверить высказанные выше предположения мы не имели возможности, поскольку не смогли ознакомиться ещё с двумя другими списками произведения, хранящимися в г. Душанбе. По сведениям каталогов, один из них переписан в конце XIX в., другой – в 1937 г. Как утверждают сотрудники Рукописного фонда АН Республики Таджикистан, судьба этих рукописей, хранившихся под номерами 1088 и 1026 неизвестна.

Подобные загадочные явления, хотя редко, но встречаются и в других рукописных книгах. Они были и до, и после «Шахнамай нусратпаям». Но какова причина такой практики, остаётся неизвестным.

М. Перри (Бирмингем, Великобритания)

**ПРОБЛЕМЫ ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ
РОССИИ В ПЕРЕВОДЕ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК:
ПО ПОВОДУ КНИГИ РОБЕРТА СМИТА О ЗАКРЕПОЩЕНИИ
РУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА (CAMBRIDGE, 1968)**

Наш глубокоуважаемый юбиляр Сергей Михайлович Каштанов хорошо известен своим иностранным коллегам благодаря не только его огромному вкладу в историческую науку, но также и той бесценной помощи, которую он оказывает своим заграничным гостям в течение многих десятилетий.

В 1968 г. профессор Бирмингемского университета Роберт Смит (1922–2010) опубликовал небольшой сборник переводов документов по истории закрепощения крестьян в России XII–XVII вв. (Smith R.E.F. *The Enserfment of the Russian Peasantry*. Cambridge, 1968). В предисловии к книге автор написал, что ему посчастливилось иметь возможность обсуждать проблемы с коллегами в Институте истории АН СССР в Москве. В особенности ему хотелось поблагодарить С.М. Каштанова за то, что тот тщательно проверил черновой вариант книги и ответил на многочисленные вопросы. Замечания и предложения Сергея Михайловича были неоценимы для Смита.

В апреле–июне 1966 г. Смит провел 8 недель в СССР, главным образом в Москве, где он работал под эгидой Института истории. В отчете о своей командировке Смит сообщил, что он там имел много полезных дискуссий с советскими историками по поводу своей работы; в особенности, С.М. Каштанов давал ему неоценимые советы о его черновых переводах документов о закрепощении русского крестьянства (University of Birmingham. Centre for Russian and East European Studies. Third Annual Report 1965–66. P. 9). По всей вероятности, эти черновые переводы составляли тот препринт книги (Documents Relating to the Enserfment of the Peasants in Russia / Transl. by R.E.F. Smith. University of Birmingham. Centre for Russian and East European Studies. CREES Discussion Papers RC/D4. 1966), на который сослалась Н.В. Сеницына в своем обзоре современной английской историографии о средневековой России (Историческая наука за рубежом. Изучение в Англии истории феодальной России // Вопросы истории. 1968. № 4. С. 193).

Издание Смита 1968 г. включило в себя 56 документов, актовых и законодательных, переведенных, как правило, полностью, иногда – в отрывках. Каждый документ снабжен кратким вступлением, а также комментариями в сносках. Книга включает в себя терминологический словарь и краткий указатель русских терминов. Переводам предпослано введение, написанное Смитом и его бирмингемским коллегой Р.Г. Хилтоном (Rodney Hilton). Хилтон был известным историком-марксистом, крупным специалистом по истории английского средневекового крестьянства. Его перу принадлежит та часть введения, которая обсуждает историю закрепощения в Западной Европе в сравнении с аналогичным процессом в России.

Благосклонную рецензию на книгу Смита опубликовал А.А. Зимин (История СССР. 1969. № 5. С. 203–205). Зимин с одобрением заметил, что переводы «сделаны по новейшим советским изданиям документов», поэтому «читатель получает возможность ознакомиться с текстами, переведенными с наиболее совершенных в археографическом отношении публикаций». Рецензенту также понравилось, что «во вступлениях содержатся ссылки на труды советских ученых (главным образом, новейшие), дающие читателю дополнительные сведения по затронутым в публикации вопросам». Правда, Зимин пожаловался на отсутствие в издании некоторых значительных документов и обратил внимание на несколько спорных

положений, но в целом его отзыв на книгу Смита был вполне положительным.

Совсем иначе оценил книгу американский историк Ричард Хелли (Richard Hellie). В своей рецензии (*The Journal of Modern History*. 1969. Vol. 41, N 4. P. 534–541) Хелли подверг Смита суровой критике за то, что английский ученый принял то понимание феодализма, которое было свойственно советским историкам, и ошибочно, по мнению Хелли, отождествил феодальную систему с крепостничеством. Сам Хелли считал, что процесс закрепощения русских крестьян начался не в XII, а в середине XV в., при Василии II. Хелли также спорил с некоторыми из основных принципов подхода Смита к переводу русских терминов, равно как и с его выбором некоторых отдельных слов. Но в целом Хелли хвалил Смита за высокое качество его переводов, которые рецензент считал и точными и доступными английскому читателю.

Подход Смита к передаче древнерусских терминов состоял в том, что он предпочитал именно переводить, т.е. находить подходящее средневековое английское понятие, а не просто делать транслитерацию, пусть даже с разъяснениями в сносках или в комментариях. Но иногда, по мнению автора этих строк, выбор Смитом английского термина – например, «sewer» (стольник) или «usher» (пристав) – кажется странным и неясным даже для английского читателя, если тот не знает глубоко средневековую английскую историю. Иногда Смит ссылается на словоупотребление Джильса Флетчера, английского посла в Москве в 1588–1589 гг. Но Смит не всегда принимает переводы Флетчера. Например, термин «дети боярские» Смит переводит как «junior boyars» (буквально, «младшие бояре»), несмотря на то, что Флетчер называет их «sonnes of gentlemen», «souldiers» или «lowe pensioners» (Fletcher G. *Of the Russe Common Wealth // Russia at the Close of the Sixteenth Century*. L., 1856. P. 38, 39, 70, 71, 75). Смит переводит термин «староста» как «reeve», хотя Флетчер употребляет слово «alderman» (Ibid. P. 43). Термин «холоп» Смит передает как «villein», но в средневековой Англии последнее слово значило «крестьянин», а не «раб». Правда, Флетчер иногда переводит слово «холопы» («kolopheu») как «villains or bondslaves», но только в контексте обращения подданных к государю, например, в челобитных; в других случаях Флетчер употребляет термины «bondslaves» и «servants» (Ibid. P. 32, 60, 69,

72). Во всех названных случаях с решениями Смита можно поспорить.

Как лучше передавать значение древнерусских терминов на иностранном языке – вопрос очень сложный, и на него, конечно, нет однозначного ответа. Но книга Смита до сих пор остается отличным примером публикации документов по истории средневековой России в переводе на английский язык.

Д.Г. Полонский (Москва)

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СЛОВА О ХАЛКИДОНСКОМ СОБОРЕ В РУССКОЙ КНИГОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ

Богословский текст «О четвертьем соборе, иже в Халкидоне, Слово святых отец, шьстисот и тридесят» (далее – СХС) является известным, однако недостаточно изученным памятником церковнославянской письменности, несмотря на внимание к нему многих выдающихся археографов, филологов и историков. Считается, что этот трактат был составлен в XII в. иноком киевского Печерского монастыря Феодосием Греком. В композиции памятника выделяется несколько составных частей: во-первых, краткое изложение событий на IV Вселенском соборе в Халкидоне (451 г.); во-вторых, переведенное с греческого языка комментированное послание («епистолия») римского папы Льва I Великого к константинопольскому архиепископу Флавиану о единстве воплощения божеского и человеческого естества во Христе, и этот второй текст, в свою очередь, подразделяется на три части: предисловие Феодосия Грека, саму «епистолию» Льва I в переводе Феодосия, и послесловие переводчика.

До сих пор не проясненным остается вопрос о том, зачем Феодосий Грек взялся за труд, посвященный богословскому вопросу, разрешенному как западной, так и восточной церквами за семь столетий до того, как текст послания папы Льва был привезен в Киев. Так, Г. Подскальски считал «неясными» причины появления славянского перевода «типично римского документа» (Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг). СПб., 1996. С. 297). Были высказаны две точки зрения на эту проблему. По мнению К.К. Акентьева, востребован-

ность славянского перевода послания Льва I следует связывать с контекстом антилатинской полемики на Руси XI–XII вв. (Комментарии издателей // Там же. С. 518); А.В. Назаренко, напротив, допускает, что перевод был обусловлен контактами его заказчика и вдохновителя, черниговского князя Святослава (Святоши) Давидовича (ок. 1080–1143), постригшегося в 1106 г. в Печерском монастыре под именем Николая, «со средой сирийских монофизитов», представители которой посещали Киев (Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. М., 2001. С. 643).

Однако текст Феодосия Грека не содержит никаких выпадов против латинян или указаний на присутствие в Киеве второй половины XII в. сирийских монофизитов. Наше исследование показало, что можно предложить иное объяснение, благодаря которому интерес иноков киевского Печерского монастыря к посланию Льва I вполне объясняется без привлечения гипотез о возможной направленности СХС против инаковерующих. Можно предположить, что Николай-Святоша и Феодосий Грек были знакомы с Синайским Патериком – памятником, который, как считается, был переведен с греческого языка в Болгарии в X в., и впоследствии послужил источником для ряда тематических и сюжетных параллелей в Киево-Печерском Патерике. В одном из рассказов Синайского Патерика (Слово 200 по полному древнеславянскому списку XI–XII в.: ГИМ. ОР. Син. 551. Л. 102 об.–103) содержится легенда о том, как папа Лев I положил «эпистолию» на гроб св.Петра и затем получил обратно свой текст, исправленный рукой самого апостола. Таким образом, согласно Синайскому Патерику, св. Петр выступил как редактор послания папы Льва. Неудивительно, что сочинение римского первосвященника благодаря легенде о такой редакционной истории вызвало интерес у киевских монахов, решивших познакомиться с текстом послания и славянского читателя.

В историографии последнего времени (Буланина Т.В. Феодосий Грек // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I. Л., 1987. С. 460; Назаренко А.В. Указ. соч. С. 642) подчеркивается, что СХС сохранилось в единственном списке XV в. (ГИМ. ОР. Увар. 1772/509), по которому памятник был первый и единственный раз опубликован с предисловием О.М. Бодянского (Бодянский О. Славянорусские сочинения в пергаменном сборнике И.Н. Царского // ЧОИДР. 1848. № 7. С. XV–XXII, 1–20). Однако мнение об уникаль-

ности уваровского списка СХС ошибочно: так, еще в конце XIX – начале XX в. составители описаний Великих Миней Четых митр. Макария (архим. Иосиф (Левицкий), Д.И. Абрамович) отмечали, что СХС входит в этот свод. В 2006 г. О.В. Творогов указал список перевода послания Льва I, который, по-видимому, сегодня может считаться самым ранним из известных, и относится к XIV в.: ИРЛИ. Древлехран. им. В.И. Малышева. Собр. Перетца. № 3 (Творогов О. В. Древнерусская книжность XI—XIV веков: Каталог памятников (Продолжение) // ТОДРЛ. № 57. С. 421). Вместе с тем, несмотря на упоминания в описаниях известных собраний о некоторых списках СХС, эти сведения никогда, насколько нам известно, не обобщались и не систематизировались. Соответственно, книгописная традиция, связанная с памятником, остается практически неисследованной.

В настоящее время нам известно о 21 списке СХС, находящихся в рукописных собраниях Москвы, Пскова и Санкт-Петербурга, и датированных XIV–XVII вв. Происхождение рукописей показывает, что интересующий нас памятник переписывался и читался в монастырях и церквях Москвы, Новгорода, Переславля-Рязанского, Пскова. По нашим наблюдениям, СХС включалось в сборники относительно устойчивого состава: июльские Миней четьи (под 16 числом) и Торжественники (как минейные, так и триодные). В минейных Торжественниках, как и в Миней четых, СХС помещалось под 16 июля, как правило, после «Беседы о пресв. Богородице и св. Отцах, иже в Ефесце...» Кирилла Александрийского. В той же последовательности эти два памятника располагались и в триодных Торжественниках, но среди чтений седьмой недели после Пасхи (Недели св. Отцов).

В частности, СХС присутствует в Минее на июль из Троице-Сергиевого монастыря (РГБ. НИОР. Тр. 678. Л. 277–297), датированной началом 1520-х гг., т.е. временем до поставления Макария в новгородские архиепископы (1526 г.). Это означает, что к моменту формирования Великих Миней Четых труд Феодосия Грека уже вошел в читательский канон, и включение «епистолии» папы Льва I в состав ВМЧ было не новацией, а закреплением этого канона.

В России также находится список греческого текста послания Льва I, входящий в полемический сборник (ГИМ. ОР. Син. греч. 443 (Влад. 232) Л. 190 об.–199 об.). Б.Л. Фонкич датировал эту рукопись второй половиной XII в., доказав, что в Москве она появилась благодаря Арсению Суханову, вывезшему ее в 1654 г. из Ивирского

монастыря на Афоне (Фонкич Б.Л. Греческие рукописи и документы в России. М., 2003. С. 129). Таким образом, греческая рукопись Син. греч. 443 не могла быть той, с которой сделал перевод «епистолии» Феодосий Грек, однако она является современницей перевода, что открывает возможность для полноценного лингвистического и текстологического исследования памятника. Состав Син. греч. 443 также показывает, что в византийской книжности послание Льва I, помещенное среди полемических текстов, воспринималось иначе, чем на Руси, где ни один из известных нам списков перевода не вошел в сборники антилатинской или противоеретической полемики. Жанровый состав рукописей, созданных на Руси и в Московском государстве, свидетельствует, что Слово о Халкидонском соборе вместе с «епистолией» папы Льва I включалось в уставные праздничные чтения, то есть понималось не как актуальный полемический текст, а как часть святоотеческого предания.

И.Г. Пономарева (Москва)

УКРЕПЛЕННЫЕ ГРАМОТЫ (КЛАССИФИКАЦИЯ И ХРОНОЛОГИЯ)

В исторической литературе с XIX в. встречаются упоминания о группе однотипных документов, именуемых «крестоцеловальными записями». Оформлялся акт как пожалование великого князя по ходатайству высших церковных иерархов и по челобитью служилого человека, которому государь прощал «вину». Человек же принимал ряд обязательств и обещал служить до смерти.

В митрополичьем архиве сохранился соотносимый с этими актами формуляр, опубликованный с названием: «Формулярный извод крестоцеловальной записи («жалованной грамоты») некоего [боярина?] о верности московскому великому князю» (Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века (далее – РФА). Ч. 1. М., 1986 и 2008. № 46).

Закрепившееся в историографии за этими актами и формуляром название неудачно. При имеющем в данном случае место формальном подходе крестоцеловальной записью можно посчитать любой акт, чье содержание гарантировано распространенным в средневековье крестоцелованием. Для рассматриваемых актов вполне подходит самоназвание – «укрепленная грамота».

Историки XIX в. сошлись во мнении, что они появились при Иване III, и связывали с ними ограничение права отъезда служилых людей (Загоскин Н. Очерки организации и происхождения служилого сословия в допетровской Руси. Казань, 1875. С. 117–118; Сергеевич В.И. Древности русского права. Т. 1. М., 2006. С. 295; Дьяконов М.А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 2005. С. 198). С.Б. Веселовский и А.И. Плигузов сделали акцент на присутствии в формуляре текста присяги (Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 251, 466; РФА. Ч. V. М., 1992. С. 990). Л.В. Черепнин и П.С. Стефанович отметили сходство грамот и формуляра с упоминаемыми в источниках «проклятыми» грамотами (Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Ч.2. М.; Л., 1950. С. 297; Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С. Древняя Русь. С. 194–195).

Установление времени и обстоятельств появления укрепленных грамот имеет принципиальное значение, так как речь идет о возникновении нового типа актов, сохранившего к тому же самый ранний полный текст вассальной присяги служилых людей.

Первая дошедшая грамота относится к 1474 г. Древнейший из списков формуляра сборника грамот митрополичьей канцелярии датируется рубежом XV–XVI вв. В обеих публикациях (РФА. Ч. 1. М., 1986 и 2008. № 46.) верхней границей времени создания формулярного извода указано 15 декабря 1448 г. – день, когда Иона стал митрополитом. Поздней датой в первом издании названо 5 апреля 1473 г. В комментарии А.И. Плигузов отметил, что формуляр помещен среди памятников 1448–1471 гг., но склонялся к тому, что он составлен после смерти Ионы (31 марта 1461 г.), когда его преемники стали называться митрополитами «всея Руси», как записано в формуляре. Дата – 1473 г. – им не прокомментирована. При второй публикации конечной датой названо 8 декабря 1471 г. (комментарии к этому изданию пока не опубликованы).

Первое известие о письменном оформлении «укрепления» относится к 1446 г. Захватив великокняжеский престол, Шемяка, «укрепив» *«проклятыми грамотами»* Василия II, отпустил его в Вологду (Зимин А.А. Витязь на распутье. М., 1991. С. 116). Так как выход на удел должен был сопровождаться заключением вассального договора, здесь еще можно усомниться, что речь идет об особом виде актов, отличном от традиционных dokonчаний.

Второе упоминание о «проклятых» грамотах относится к 1448 г. Василий II после возвращения в Москву направил войска на Галич. Шемяка «убоявся начат мира просити и... и грамоты проклятые на себя дал». Л.В. Черепнин убедительно доказал, что это не был договор традиционного содержания. Он указал на 3 почти идентичные грамоты, оформившие договоренность между союзником Шемяки можайским удельным князем Иваном Андреевичем и Василием Темным (около 31 марта – 6 апреля 1448 г.), отметив, что их содержание сводится к обязательствам взаимной верности и заклятью. Историк пришел к заключению, что они аналогичны «проклятым грамотам» Шемяки (Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. № 51; Черепнин Л.В. Указ. соч. Т. 1. С. 144–146). Очевидно, что эти грамоты были оформлены ранее: в послании иерархов Шемяке от 29 декабря 1447 г. был назначен срок для его челобитья великому князю – 2 недели по Крещении (Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1841. Т. I. № 40. С. 82). О существовании грамоты свидетельствует летописание: она частично процитирована (ПСРЛ. Т. 25. С. 269).

Есть основания полагать, что в конце 40-х гг. XV в. великокняжеская власть приступила к письменному укреплению вассалитета служилых людей. А.И. Плигузовым в статье о титуле московских митрополитов отмечено нерегулярное чередование в документах краткого и полного титула митрополитов в 1458–1461 гг., а в период с 15 декабря 1448 по осень 1450 г., похоже, регулярно употреблялся краткий его вариант. Он, в частности, связал это с практикой великокняжеской канцелярии. Но следует принять во внимание, что укрепленные грамоты оформлялись именно там. Без внимания А.И. Плигузовым был оставлен и тот факт, что если формуляр, очень близкий первой именной грамоте от 8 марта 1474 г., был составлен при Иване III, то возникает проблема с упоминанием в нем детей великого князя. Второй ребенок Ивана Васильевича – Елена – родилась 18 апреля 1474 г. (ПСРЛ. Т. 25. С. 301). Между тем у Василия II в 1448 г. было 4 сына.

А.И. Плигузов подметил отсутствие в формуляре клаузулы, обязывающей сообщать о замышлении против великого князя «лихого дела», и наличие статьи о праве на судебное расследование очерняющих слухов (РФА. Ч. 5. С. 991). Первое, очевидно, нововведение, а второе – явный реликт. Формуляр несет в себе и еще одну

архаичную черту. Она называется еще просто «грамотой» в отличие от поздних актов, за которыми утвердилось собственное название – «укрепленная грамота».

Таким образом, первое упоминание об укрепленной грамоте для князя, возможно, относится к 1446 г. Появление укрепленных грамот служилых людей также связано с событиями 1446–1447 гг.

П.И. Прудовский (Москва)

ПОСОЛЬСКАЯ КНИГА ПО СВЯЗЯМ РОССИИ С ПРУССИЕЙ 1650 – 1671 ГГ.: ПРИНЦИПЫ СОСТАВЛЕНИЯ И ЦЕЛИ СОЗДАНИЯ

Как известно, посольские книги – это лишь вершина, венчающая массивы документации из архива Посольского приказа. В отличие от первичного столбцового делопроизводства, по своей функции фиксировавшего и организовывавшего настоящее, посольские книги имели функцию представления прошлого и организации знаний о нем. В данной работе сделана попытка понять, в соответствии с какими принципами и концепциями составители посольских книг организовывали исторический материал. С этой целью конкретный памятник (РГАДА. Ф. 74. Оп. 1. Кн. 2) был исследован как часть определенного архивного комплекса.

Книга, представляющая собой рукопись в четверку на 540 листах, писаная тремя-четырьмя почерками середины XVII в., была создана после 29 октября 1671 г., но до 1673 г., когда она уже фигурирует в описи архива Посольского приказа. Палеографические данные указывают, что создание книги прошло несколько этапов, а отдельные тетради (точнее, группы тетрадей), из которых она состоит, какое-то время бытовали отдельно в переплетенном виде; хотя остается неизвестным, сколь долго продолжалась работа над рукописью, общность почерка разных ее частей говорит о том, что процесс создания памятника не мог быть слишком растянут. Имеющиеся в тексте датирующие приметы показывают, что работа не могла начаться раньше 1655 г. и, по всей вероятности, падала на конец 1660-х гг.

В книгу вошли материалы о шести дипломатических миссиях, которыми обменивались царь Алексей Михайлович и бранденбургский курфюрст и герцог Восточной Пруссии Фридрих-Вильгельм

Гогенцоллерн; материалы еще одиннадцати осталась за пределами памятника. Столбцы, ставшие источниками книги, были переписаны в нее практически полностью; сокращению подверглась лишь административно-хозяйственная документация, сопровождавшая отправление и прием посольств. Полностью и дословно в книгу копировались грамоты царя и курфюрста друг другу, протоколы бесед дипломатов, росписи придворных церемоний и съестных припасов и фуража, доставлявшихся приезжему дипломату в Москве в качестве «государева жалованья». Эти документы объединяет либо то обстоятельство, что они имели политическое содержание и были важны для развития дипломатических отношений с Бранденбургом (грамоты, протоколы), либо могли получить значение прецедентов для внешних аспектов приема или отправления посольств (росписи церемоний и жалованья). Как показывает русская дипломатическая практика, у посольских дьяков и подьячих часто возникала потребность и в том и в другом для наведения справок.

Можно попытаться проследить логику в выборе миссий для включения в посольскую книгу. Приезд в 1650 г. в Москву Генриха Райффа – это первый после Смуты акт взаимодействия России и Бранденбурга, отмеченный, кроме того, формальным поздравлением Алексея Михайловича с воцарением. Посольство барона И.К. фон Эйленбурга (предваренное гонцом А. Шубертом) в 1656 г. было, в сущности, первым политически значимым и обладавшим широкими импликациями событием в истории русско-бранденбургских отношений. Едва ли не все случаи дипломатического контакта России с Бранденбургско-Прусским государством в ближайшие двадцать лет сопровождались на ссылкой на «присягу» Эйленбурга и взаимными заверениями в поддержании «установленной дружбы». Миссия И.А. Францбекова и М. Львова не только получила ратификацию курфюрста на заключенный Эйленбургом договор, но и сняла копию с договора 1517 г. между Василием III и верховным магистром Тевтонского ордена, который рассматривался российским и отчасти бранденбургским правительством как важный прецедент дружественных отношений России и Пруссии. Ф.И. фон Борнтин (или Боррентин) в 1658 г. привез известие о получении курфюрстом суверенитета в Пруссии (бывшей до того леном Польской короны) и подал его таким образом, что в России могли говорить о прусском суверенитете как о «многоценном даре»

от царя (л. 273 об.). Это задавало определенный угол восприятия русско-бранденбургских отношений: курфюрст оказывался адресатом благодеяния царя, что, по-видимому, должно было накладываться на него определенные обязательства. Здесь есть и другой лестный для Московского царства эпизод – утверждение Борнтина (л. 260–260 об.), что договор курфюрста с Польшей не будет им ратифицирован, пока поляки не исполнят условия своего соглашения с Россией (Виленское перемирие 1656 г.). Это утверждение было впоследствии дезавуировано курфюрстом (возможно, дипломат подобных слов и не произносил – в немецких источниках их нет), но его опровержения не нашли отражения в книге и не повлияли на представление миссии Борнтина в ней. Наконец, В. Боуш вез известие о важнейшем внешнеполитическом успехе России – Андрусовском перемирии; кроме того, он должен был запросить услуги курфюрста по превращению перемирия в вечный мир, чего российское правительство пыталось добиться на протяжении следующих двадцати лет. Всё сказанное выделяет перечисленные миссии из ряда других посольств, которые либо имели промежуточный характер, не завершаясь явственным успехом, либо были посвящены малозначительным вопросам, либо вообще не доезжали до адресата. Будучи за границей, московские дипломаты должны были вести себя так, чтобы «государеву имени было к чести и к повышению, а Московскому государству к доброй славе и к похвале» (л. 141, 323). Выбор материала для исследуемой посольской книге показывает, что ее составители действовали в рамках того же императива, оставляя только сюжеты, несущие в себе символически выгодные для Российского царства смыслы. Из этой схемы, по-видимому, выбивается заключающая книгу переписка о якобы готовящемся ехать в Россию бранденбургском посольстве, но, возможно, она дает род открытого финала для перехода к планируемой следующей книге, которая должна была отразить ход именно этого ожидавшегося нового посольства.

Д.Н. Рамазанова (Москва)

**ПАТРИАРШИЕ ГРАМОТЫ И ПИСЬМА МЕЛЕТΙΑ ПИГАСА И
КИРИЛЛА ЛУКАРИСА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ
КАЛЕНДАРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ НА
ХРИСТИАНСКОМ ВОСТОКЕ***

Изучение календарно-хронологических представлений конца XVI – первой половины XVII вв. на Христианском Востоке в сопоставлении с Западной Европой является сложной источниковедческой и историографической проблемой. Использование разных систем летосчисления (календарей, эр, стилей) в регионах Европы и странах Средиземноморья оказалось столь сложной и многоплановой темой, что фактически не встречается специальных исследований по поствизантийской хронологии Христианского Востока. Среди немногих работ следует указать: Веленис Г. Хронологические системы по надписям и рукописям византийского и поствизантийского периодов // Монфокоп. Вып. II. (в печати.), также эти вопросы лишь отчасти затрагиваются в общих фундаментальных трудах по хронологии (Grumel V. *La chronologie*. Paris, 1958; Cappelli A. *Cronologia, Cronografia e Calendario Perpetuo*. Milano, 2002 (7-е изд.)), на которых ученые и основываются в своих заключениях. Это позволяет говорить о почти полной неразработанности темы в научной литературе. На наш взгляд, такое положение объясняется не отсутствием интереса исследователей, а прежде всего, несформированностью корпуса источников по истории календарно-хронологических систем поствизантийского периода. Поэтому на настоящем этапе изучения проблемы важной задачей является выявление источников и создание источниковой базы по теме.

В данной работе для изучения календарно-хронологических представлений привлекаются грамоты и письма восточных патриархов: источники, с одной стороны, известные в научной литературе, с другой – практически не изучавшиеся с точки зрения исследования хронологических систем. Частью формуляра грамот является указание на время ее выдачи (*datum*), которое позволяет сделать выводы о тех календарно-хронологических ориентирах, которыми руководствовался составитель грамот. В качестве примера рассматриваются грамоты и письма двух патриархов конца XVI –

первой половины XVII вв.: александрийского Мелетия Пигаса (1590–1601) и его преемника на престоле в 1601–1620 гг., а затем константинопольского патриарха Кирилла Лукариса. Грамоты и письма Мелетия Пигаса исследовались на основе двух публикаций (Мальшевский И.И. Александрийский патриарх Мелетий Пигас и его участие в делах русской церкви. Т. 1–2. Киев, 1872; Regel W. *Analecta Byzantino-Russica*. Petropoli, 1891), также привлекались грамоты Кирилла Лукариса, хранящиеся в РГАДА (Ф. 52. Сношения России с Грецией) и изданные К. Деликанисом, занимавшимся архивом Константинопольского патриархата (Δελικάνης Κ. *Πατριαρχικόν εγγράφων. Εν Κωνσταντινουπόλει*, 1902. Т. 3).

Оба патриарха происходили из одного региона, имели схожее образование; в их круг общения входили одни и те же лица. О двух патриархах, принадлежавших к одной культурной среде, можно говорить как о представителях двух сменяющих друг друга поколений. Поэтому подписанные ими документы позволяют проследить, как менялись календарно-хронологические представления на Христианском Востоке конца XVI – первой половины XVII вв.

Мелетий Пигас родился в 1549 г. на Крите, в столице острова г. Хандаке (Ираклион). Его родители принадлежали к знатному и богатому роду. Получив начальное образование на Крите, Мелетий отправился в Венецию и Падую, где на протяжении нескольких лет изучал курс наук, который включал прежде всего богословские дисциплины. После завершения образования в Падуанском университете будущий патриарх вернулся на Крит, где в монастыре Ангарафу принял монашеский постриг. К 1569 г. он стал кафигуменом монастыря вместо Сильвестра, избранного александрийским патриархом. В конце 1570-х гг. состоялся переезд Мелетия на Синай, где Сильвестр предложил ему должность протосинкела и эпитропа александрийского патриарха; в 1584 г. Мелетий становится архимандритом. 5 августа 1590 г. его выбирают александрийским патриархом. За время патриаршества Мелетия его не оставляли острые вопросы, стоявшие в то время перед всей Восточной церковью, что отразилось в его многочисленных посланиях к самым разным адресатам: от православных правителей и иерархов, глав церкви до отдельных представителей духовенства и друзей юности, известных ученых гуманистов.

Как и Мелетий Пигас, Кирилл (Константин) Лукарис происходил из столицы Крита, где родился на двадцать лет позже, в 1572 г.

Начальное образование Кирилл также получил в Хандаке. Дальнейшее образование Кирилл продолжил в Италии: сначала в Венеции в греческой коллегии, а затем в возрасте около 16 лет поступил в Падуанский университет, где проучился еще семь лет. Одним из его учителей в Италии был известный ученый гуманист, друг Мелетия Пигаса, Максим Маргуний. После завершения образования Лукарис направился в Александрию, где с 1593 г. он был приближен Мелетием Пигасом. Александрийский патриарх рукоположил Кирилла в дьяконы, затем в пресвитеры. После кончины Мелетия Кирилл Лукарис в возрасте 29 лет был избран на александрийскую патриаршую кафедру, которую занимал до 1620 г. Затем до 1638 г. (с перерывами) Лукарис был константинопольским патриархом.

Таким образом, близкие духовные и интеллектуальные контакты двух видных иерархов Христианского Востока могли бы позволить думать, что они были людьми одной культуры, и поэтому их хронологические представления должны были быть одинаковыми. Однако изучение датировок грамот двух иерархов показывает, что они использовали в документах различные календарно-хронологические указания.

Послания Мелетия Пигаса датированы с разной степенью точности: в некоторых указан только год, приведенный по эре от Рождества Христова или от Сотворения мира; другие же более подробны и содержат также указания на месяц и число. Эти сведения позволяют нам рассмотреть с необходимой полнотой все элементы системы времяисчисления, используемой Мелетием в грамотах и письмах.

Важной особенностью хронологических представлений Мелетия Пигаса является отсутствие какой-либо последовательности в использовании датировок по определенной эре в посланиях к одному и тому же адресату. Также отсутствовала зависимость употребления александрийским патриархом определенной эры от сложившихся в регионах адресации его грамот и писем календарно-хронологических традиций, и от тех систем времяисчисления, которые широко использовались в XVI в. на различных территориях Христианского Востока, Западной и Восточной Европы. Данные обстоятельства позволяют предположить, что Мелетий достаточно свободно использовал в датировках то одну, то другую систему летоисчисления, а в некоторых случаях и обе эры одновременно. Такое

вариативное употребление двух эр не могло выполняться человеком, который постоянно вычитал или складывал числа для определения того или иного года, но, напротив, должно свидетельствовать о полном владении автором посланий обеими системами, которые, по видимому, почти равноправно сосуществовали в то время. Это подтверждает вывод Г. Велениса о том, что «люди той эпохи не прибавляли и не вычитали, но просто использовали одновременно две эры с их различными вариантами» (Веленис Г. Указ. соч.).

Одновременное сосуществование нескольких эр – это не единственная характеристика хронологических представлений того времени. Другая особенность, ему свойственная, – интерес к античности, причем как к культуре и искусству, так и к науке, философии. Система летоисчисления, в том числе *аттический календарь*, также были предметом особого внимания со стороны ученых эпохи Возрождения, что выражалось в активном использовании месяцев этого календаря в повседневной практике. Эту особенность мы наблюдаем и в грамотах и письмах александрийского патриарха Мелетия Пигаса.

При изучении грамот Кирилла Лукариса мы обнаруживаем свидетельства иных календарно-хронологических представлений. Рассмотренные нами грамоты Лукариса относятся ко времени пребывания иерарха на александрийской (1610 г., 2 документа) и константинопольской кафедрах (1625–1638 гг., 55 документов). Практически все грамоты точно датированы и имеют указания на эру, календарь и индикт. Что касается использования Кириллом Лукарисом эры, то из 57 грамот только одна датирована по эре от Сотворения мира, все же остальные – по эре от Рождества Христова, что указывает на устойчивость использования этой эры на Христианском Востоке в первой трети XVII в. Почти все грамоты содержат сведения о месяце ее написания, при этом используется месяц юлианского календаря, а в некоторых случаях указано и число.

Другой важной особенностью грамот Кирилла Лукариса является использование индиктного счета, который в совокупности с другими элементами позволяет говорить о начале года (стиле). Лукарис следует постоянной схеме расчетов индикта, причем в датировках патриарха каждый год от Рождества Христова имеет два индикта, что позволяет говорить о времени смены индикта. В двух грамотах (№ 43, 44), относящихся к сентябрю 1627 г., мы встречаем упоминания двух последовательных индиктов, поэтому нельзя сказать, что

смена индиктов происходила точно 1 сентября. Однако поскольку в этих грамотах точные даты не указаны, можно лишь предположить, что смена индикта происходила в 20-х числах сентября. В свою очередь каждый индикт приходится на два года от Рождества Христова, причем смена лет, судя по датировкам, происходит в январе: следовательно, Лукарис использовал январский стиль.

Таким образом, в датировках изученных нами грамот Кирилла Лукариса используются преимущественно эра от Рождества Христова в византийском варианте, январское начало года, индиктный счет со сменой индикта в сентябре, и полностью отсутствует счет времени по аттическому календарю, который так активно использовал Мелетий Пигас.

Итак, несмотря на культурно-интеллектуальную близость Мелетия Пигаса и Кирилла Лукариса, прослеживаются различия в их календарно-хронологических представлениях и использовании ими систем времясчисления. Рассмотренные в комплексе, грамоты и письма патриархов являются наглядными примерами того, как эти представления изменялись в конце XVI – первой половине XVII вв. Два последовательно занимавших александрийский престол патриарха принадлежали не только к разным поколениям, но и к разным эпохам: если о Мелетии Пигасе можно еще говорить как о человеке эпохи позднего Возрождения, что проявлялось в том числе в использовании аттического календаря и разнообразии хронологических элементов, то о Кирилле Лукарисе этого сказать уже нельзя. Он – человек Нового Времени, что проявилось, в том числе, в устойчивости использования им хронологических датировок. Календарно-хронологические указания в документах, подписанных Кириллом Лукарисом, позволяют предположить, что в первой половине XVII в. система времясчисления приобретает относительное единообразие на Христианском Востоке.

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 11-21-14001a/Gre

Д.А. Редин (Екатеринбург)

ЧАСТНЫЕ АКТЫ В КРУГУ ИСТОЧНИКОВ ПО СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ВЛАСТИ В РОССИИ ПЕРИОДА РАННЕЙ ИМПЕРИИ

Богатая традиция отечественной историографии государственного управления долгое время развивалась под влиянием и при непосредственном участии историков права. Несмотря на принципиальные перемены, произошедшие в этой предметной области в течение XX в., она по сей день остается, скорее, историей структур и процессов, нежели историей людей. В этом смысле известный призыв Марка Блока поставить административную историю в контекст социальных структур, сосредоточиться на анализе «людей власти» остается для российских историков, занятых этой проблемой, столь актуальным, столь и не получившим достаточного отклика.

Думается, что причиной тому – не косность исследователей или их методологическая второсортность по сравнению с зарубежными коллегами, не знавшими гнета «подлинно научного учения», а вполне объективные проблемы, вызванные состоянием источниковой базы. Последние тем более ощутимы, чем в более ранние хронологические пласты пытается проникнуть исследовательское любопытство. В применении к теме социальной истории власти в России периода становления империи, особенно власти местной, это обстоятельство проявляется со всей очевидностью. Конечно, в данном случае речь не идет о той острой нехватке источников, которая хорошо известна и понятна специалистам по истории древней Руси. XVIII век на любом его отрезке – время массовых источников; в количественном смысле уместнее сетовать на их избыток, нежели недостаток. Вопрос состоит в качественной неравноценности материала, пригодного для реконструкций тех или иных состояний, в частности – практики повседневных социальных отношений упоминавшихся «людей власти»: как внутри их сообществ, так и вовне. Власть не любит рассказывать о себе: то что она сообщает миру – по большей мере декларации, репрезентация, образ власти, создаваемый ей самой. Эти прямые декларации имеют, как правило, четко выраженные формы: законодательные нормы и проекты, письменно и визуально зафиксированный церемониал, мемуары, адресованные широкому кругу современников и потомков,

публицистические сентенции и проч. Всё это создает обширную, но, одновременно, компактную базу хорошо вычленяемых и структурируемых источников, интенсивное изучение которых дает достойные плоды. Именно на этом направлении изучение феномена власти, в том числе в его «человеческом» измерении, оказывается на сегодняшний день, наиболее продуктивным (из новейших работ см., напр.: Агеева О.Г. Императорский двор России, 1700–1796 годы. М., 2008; Ибнеева Г.В. Имперская политика Екатерины II в зеркале венценосных путешествий. М., 2009).

«Внутренняя» жизнь власти, скрытые взаимосвязи действий и мотиваций, рутинная ежедневных служебных и внеслужебных поступков массы управленцев не то что анализируется – трудно поддается системной реконструкции. Чем руководствовались чиновники, осуществляя свои обязанности? Что влияло на принятие тех или иных решений? Какими способами и средствами добывали они свой хлеб насущный, как одевались, что ели, где жили? Какими они были вне службы, что скрашивало их досуг? Какие вертикальные и горизонтальные связи интегрировали их в единое целое? Где пролегал «водораздел» между чиновничеством и другими общественными группами? Где в чиновнике «кончался чиновник» и начинался «просто человек»?

На все эти вопросы нет ответов в «прямых» источниках, в нарративе, порожденном самой чиновничьей средой, поскольку, практически, нет самого нарратива. Нет их и в законодательных источниках. Информация о «людях власти», раскрывающая их жизнь и деятельность в системной полноте, фрагментарна и рассредоточена в виде косвенной в огромном количестве источников, по своим исходным функциям не предназначенных сообщать сведения о социальной жизни чиновничества, особенно о ее частных аспектах. В первую очередь это канцелярские источники. Наиболее доступны в этих источниках те сведения, которые повествуют о служебных сторонах функционирования бюрократии. Разнообразные учетные документы по личному составу, по выдаче жалованья, по служебным назначениям и передвижениям не только позволяют установить количество и персональный состав чиновничества, но дают определенные представления о размерах и источниках их материального обеспечения (включая, порой, сведения о наличии или отсутствии землевладений), карьере (а значит – некоторую информацию о служебных связях) и даже о таких личных моментах,

как времени вступления в службу, возрасте и состоянии здоровья (на момент очередного «разбора»). Вся эта информация достаточно давно и активно используется всеми историками госуправления и она, несомненно, крайне важна для изучения социального облика российской бюрократии, но сама по себе недостаточна.

Другой информационный пласт несет в себе актовый материал. Частные акты насыщены сведениями, которых нет, или почти нет в административном делопроизводстве. Именно они дают комплексную картину о внеслужебной деятельности чиновников, в том числе о той, которую они предпочитали не афишировать. Торговля и предпринимательство, ростовщические операции, заклады по займам и их движение, земельные сделки, покупка крепостных и кабаление должников – самый общий перечень содержания «крепостей», раскрывающий чиновничество эпохи ранней империи как устойчивый элемент социальных элит разного уровня. Вместе с тем надо признать, что при всей очевидной безальтернативности частного акта в процессе полноценной реконструкции социального облика бюрократии, его потенциал используется пока крайне ограниченно (одно из исключений такого рода – новейшее исследование А.В. Жуковской: Жуковская А.В. «Животы и промыслы» подьячих на рубеже XVII–XVIII вв. (по материалам г. Севска) // Уральский исторический вестник. 2011. № 3 (32). С. 55–63).

А.А. Рогожин (Орел)

**ПОДПИСИ К «СОБОРНОМУ ДЕЯНИЮ ОБ УНИЧТОЖЕНИИ
ГОСУДАРЕМ ЦАРЕМ ФЕОДОРОМ АЛЕКСЕЕВИЧЕМ
МЕСТНИЧЕСТВА»**

«Соборное деяние об отмене местничества» находилось в поле зрения отечественных историков на протяжении долгого времени. Историческое значение документа сложно переоценить, ведь он стал юридическим оформлением того процесса, что начался еще раньше, с середины XVII в. – процесса вырождения и распада местнических отношений под влиянием набравших силу приказной бюрократии и высших чинов полков «нового строя». Эти группы населения не были подвержены местническим порядкам в силу уже своего не самого «честного» происхождения и службы предков. Их

возрастающая роль в жизни государства стала «последней каплей» и способствовала упразднению отжившего свой век института. Однако наше внимание будет сосредоточено не на тексте самого «Соборного деяния», а на подписях к нему.

Этот элемент «Соборного деяния» не часто попадал в сферу внимания исследователей. Для анализа подписей было использовано издание документа, выполненное в 1828 г. (Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Т. IV. М., 1828. № 130. С. 396–410. – далее СГГД). В отличие от изданий более поздних в нем сохранены подписи участников отмены местничества.

В начале два слова о составе участников. Известно, что сама отмена местничества была этапом задуманной кн. В.В. Голицыным военной реформы. Для обсуждения ее нюансов и последствий были привлечены опытные русские командиры полков «нового строя». С целью детальной разработки реформы 24 ноября 1681 г. была создана Ответная палата. На начальном этапе Ответная палата включала в себя бояр кн. В.В. Голицына, кн. В.Д. Долгорукова, окольного кн. Д.А. Бярятинского, думного дворянина В.А. Змеева и думного дьяка В.С. Семенова. В данном списке серьезным военным опытом обладал лишь В.А. Змеев, поэтому вскоре к работе в Ответной палате были привлечены командиры выборных солдатских полков генералы А.А. Шепелев и М.О. Кровков, а также опытные рейтарские полковники Г.Ф. Тарбеев и Ф.Т. Зыков (Седов П.В. Закат Московского царства. Царский двор конца XVII века. СПб., 2006. С. 452–454). Их имена мы и находим в числе подписавшихся под «Соборным деянием».

Переходя к рассмотрению подписей, следует заметить, что все они четко структурированы. В списке сначала идут патриарх и высшие церковные иерархи, затем думные чины в привычном порядке – бояре, окольные, думные дворяне и думные дьяки; после комнатные стольники и, наконец, «выборные люди», в число которых были включены некоторые стольники, генералы, рейтарские и «пехотные» полковники, дворяне московские и один жилец (СГГД. Т. IV. М., 1828. № 130. С. 406–410). Место в списке чинов каждого человека определялось старшинством его пожалования в чин. В частности, старейший боярин кн. Н.И. Одоевский, пожалованный в бояре еще в 1640 г., шел первым в списке бояр. Следование этому принципу привело к тому, что главный вдохно-

витель реформы кн. В.В. Голицын оказался по старшинству в середине списка бояр, т.к. был пожалован боярством лишь в 1676 г. Такая система расположения в документах имен думных людей и иных чинов характерна для всего XVII в. и ничего принципиально нового в ней нет. Тем не менее, нам многое могут сказать наблюдения, касающиеся командиров полков «нового строя».

В.А. Змеев написан в числе думных дворян без указания генеральского чина, согласно сделанному в 1680 г. распоряжению (Русский биографический словарь. Жабокритский-Зяловский. Петроград, 1916. С. 421). Это дает основание сделать вывод, что по-прежнему преимущество оставалось за традиционной иерархией чинов. Обладание думным чином В.А. Змеевым поднимало его положение, вводило в правящую элиту, чин же генерала переставал быть определяющим.

Генералы А.А. Шепелев и М.О. Кровков, а также рейтарские полковники Г.Ф. Тарбеев и Ф.Т. Зыков, написаны в числе «выборных лиц», после стольников. Это тем более примечательно, что все они к тому времени были уже пожалованы чинами стольников. Отсутствие указания на это свидетельствует о роли, которую они играли в этом действе. Они выступали в качестве профессионалов, дающих советы непосредственно из военной сферы. Чины же полковников «нового строя» «проигрывали» в иерархии даже стольникам. Однако по сравнению с серединой XVII в. это уже прогресс. Чины «нового строя» поступательно и очень медленно, но все же двигались вверх по статусной «лестнице». В 1650–1660 гг. командиры полков «нового строя» писались после всех московских чинов, т.е. даже ниже стряпчих, дворян московских и жильцов, а порой и ниже городского дворянства и даже представителей приказной бюрократии (Дворцовые разряды, по Высочайшему повелению изданные II-м отделением собственной Его Императорского величества канцелярии. Т. III. СПб., 1852. Стб. 496–497, 534–535, 716–717).

Последнее наблюдение, касающееся командиров полков «нового строя», связано с взаимным расположением подписей рейтарских полковников и полковников пехотных (в данном случае имеются в виду уже стрелецкие полковники). Оба рейтарских полковника написаны выше полковников стрелецких, что свидетельствует о сохранении унаследованного с прошлых веков взгляда на большую «честность» службы в конном строю.

Несмотря на все изменения, произошедшие в военной сфере жизни Русского государства к концу царствования Федора Алексеевича, главенство традиционной иерархии оставалось неизменным. Более высокое положение в ней обуславливалось в первую очередь близостью к монарху, поэтому понятно, что думные чины опережали даже генералов. Рассмотрение подписей к «Соборному деянию» приводит к основному выводу о том, что в 1680-х гг. процесс укоренения чинов «нового строя», даже с учетом их полувекковой истории в России, был далек от завершения, хотя положительные тенденции уже наметились.

Е.В. Русина (Киев, Украина)

К ВОПРОСУ О МОСКОВСКИХ «ДАНЯХ» КИЕВО-ПЕЧЕРСКОМУ МОНАСТЫРЮ

Почти десятилетие назад увидела свет работа С.М. Каштанова «О взаимоотношениях Киево-Печерского монастыря с правительством Ивана IV в 1583 г.» (Исторический архив. 2002. № 4. С. 189–203). В ней были проанализированы и опубликованы документы из 2-ой книги «греческих дел», относящиеся к визиту в Москву представителей Киево-Печерского монастыря летом 1583 г. Они привезли Ивану Грозному челобитную печерского архимандрита Мелетия, просившего царя возобновить поступление «по прежнему преданью и обычаю» некой дани с северских земель, пожалованной монастырю его предками.

Выяснилось, однако, что «старые книги в пожар погорели, и на Москве сыскать того не могли». Думному дьяку Андрею Щелкалову было приказано «послать сыскать в те города северские, ис которых городов в Киев к Пречистой Богородице в Печерской монастырь наша милостыня давана». Иван IV пообещал архимандриту после «сыска» издать «о той милостине указ свой» и приглашал печерских старцев приехать в Москву «на зиме»; тем временем он пожаловал монастырь «слехка», послав 100 рублей на помин души царевича Ивана.

Проанализировав данные документы, С.М. Каштанов предположил, что архимандрит Мелетий по окончании Ливонской войны решил воспользоваться примером различных православных иерархов,

следовавших через Киев в Москву, где их наделяли щедрой «милостыней». Такая трактовка не вполне согласуется с содержанием проанализированных им документов, где прямо говорится, что речь идет «о угодьях» монастыря. Однако для окончательного решения данного вопроса необходимо привлечь как более ранние, так и более поздние документы, относящиеся к северским даням.

От 1540 г. до нас дошли две грамоты великого князя литовского Сигизмунда I с разрешением киево-печерским монахам возобновить сбор «за границей», т.е. на территории Московского государства, дани, которая «с давних часов хоживала з украинских северских городов, з Стародуба и з Новагородка, к тому манастырю»; поступление этого «стародавнего доходу и пожитку манастыря Печерского» прекратилось после вхождения Северщины в состав России (Акты, относящиеся к истории Западной России (далее – Акты ЗР). СПб., 1848. Т. 2. № 204. С. 368–370). Полученное монастырской братией разрешение «по дань до Москвы посылати» в 1571 г., после инкорпорации Киевщины Коронай, было подтверждено Сигизмундом-Августом (Акты ЗР. СПб., 1848. Т. 3. № 52. С. 157–158).

Процитированный актовый материал свидетельствует о том, что в указанных случаях речь шла не о пожертвованиях, а о регулярной дани Печерскому монастырю; правда, о ее природе и происхождении в источниках XV–XVI вв. нет никакой информации.

Выяснить вопрос о северской дани Печерскому монастырю позволяют документы XVII в. из фонда московского Посольского приказа. В деле о приезде в Москву печерских монахов в 1628 г. цитируется грамота царя Федора Иоанновича, согласно которой в 1586 г. царь отослал архимандриту Мелетию «50 рублей за оброк, что шло в Печерской монастырь с тех сел, которые были за монастырем в государевых в северских городех» (РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1628 г. Д. 1. Л. 38, 45). Таким образом, путем сбора дани реализовывалось право Печерского монастыря на села, расположенные в окрестностях Новгорода-Северского и Стародуба. Можно предположить, что эти земли были пожалованы монастырю князьями Можайскими и Шемячичами, которые во второй половине XV в. владели указанными городами.

Как бы там ни было, фактом является то, что в XV в. на Северщине существовали земельные владения Печерского монастыря; после включения Северной земли в состав Московского государства монастырь сохранил права на эту собственность. При

этом речь шла отнюдь не об единичном явлении. Отметим, в частности, факт обращения к царю Михаилу Федоровичу в 1640 г. игумена киевского Никольского Пустынского монастыря, который напомнил в своей грамоте, что «от прежних государей царей <...> в уезде Путивльском некоторые отчины и земли на тот святой Пустынский наш монастырь грамотами печатными записаны суть, с которых за войною и посямест ничто не приходит обители нашей» (Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России (далее – Акты ЮЗР). СПб., 1861. Т. 3. № 21. С. 32).

В подтверждение своих прав монастырем была представлена «жалованная грамота великого князя Василья Ивановича 7019 году, какова дана в киевской Николской Пустынской монастырь игумену Мокарью с братьею на вотчинную землю в Новгородском уезде Северском да в Путивльском уезде во многих местех» (Акты ЮЗР. Т. 3. № 17. С. 26). Грамота эта не сохранилась, однако в старой описи архива Посольского приказа она упомянута (хоть и с опиской) как «жалованная грамота великого князя Василья Ивановича Николского Путивльского (sic!) монастыря игумену Макарию з братьею на землю и на угодья в Путивльском уезде 7019 году» (Опись архива Посольского приказа 1673 года. М., 1990. Ч. 1. С. 213). О том, что в первой половине XVI в. монастырь имел возможность осуществлять сбор дани со своих северских владений, свидетельствует грамота 1528 г., находящаяся ныне в фондах Института рукописей Национальной библиотеки Украины (Ф. 301. № 595 (П.). Л. 186).

Впрочем, в конце XVI в., во времена Федора Иоанновича, монастырю было отказано в праве на «вотчинную землю, что была <...> за тем Николским монастырем в Путивле и в Новегородке» (Акты ЮЗР. Т. 3. № 17. С. 26). Возможно, тогда же лишился своих северских угодий и Печерский монастырь – с 1586 г. он стал получать «за оброк» регулярную царскую субсидию: грамотой, выданной Федором Иоанновичем в указанном году, гарантировался беспрепятственный проезд печерских монахов в Москву за «милостыней» в 1588 г. (РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1586 г. Д. 1. Л. 4–5). Это и создало прецедент, на основе которого монастырь настаивал на своих правах на эту, компенсационную по своей природе, «милостыню» во второй четверти XVII в., когда Северщина оказалась в составе Речи Посполитой. Таким образом, хождения киевских монахов в Москву в XVII в. опирались на традицию

предшествующих времен, когда местные правители выделяли причитающуюся им северскую дань – и это, безусловно, укрепляло позиции Москвы в среде киевского православного духовенства.

Ю.А. Русина (Екатеринбург)

СОВЕТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО 1940-х – 1960-х ГОДОВ ПРОТИВ ИНАКОМЫСЛИЯ

В истории Уральского государственного университета им. А.М. Горького есть драматические страницы, отражающие «отработку» на местном уровне законов и постановлений, направленных на укрепление единого стиля не только в творчестве, но и в повседневном поведении советского человека.

В 1947 г. по ст. 58/10 (антисоветская агитация и пропаганда) на 6 лет был осужден студент историко-филологического факультета, член литературно-творческого кружка Виктор Рутминский за свое увлечение поэтами серебряного века и за т. н. «ответ» на поэтическую молитву К. Симонова «Жди меня». Будучи еще школьником, в пылу юношеской бравады, он написал такие строки: «Брось, она не будет ждать! /Истины – грубы. /Не пытайся побеждать /Логикой судьбы»..., что было впоследствии квалифицировано как «клевета на советскую женщину». (Матвеев В.С. Мгновения минувших дней // Уральский государственный университет в воспоминаниях. Екатеринбург, 2000. С. 253).

В 1957 г. за издание машинописных литературно-публицистических журналов «В поисках» и «Всходы» были осуждены по той же 58-й статье студенты отделения журналистики Григорий Федосеев, Константин Белокуров, и Юрий Хлусов. (Русина Ю.А. «Всходы» инакомыслия в советских вузах // Урал в зеркале тысячелетий. Кн. 2. Екатеринбург, 2009. С. 236–247.)

В 1975 г. был арестован и осужден по ст. 70 (пришедшей на смену пресловутой 58-й, согласно новому кодексу 1961 г.) на 1,5 года студент математико-механического факультета Александр Аваков. Его преступление состояло в том, что он на стенах одной из аудиторий университета написал масляной краской лозунги «антисоветского содержания»: «Свободу политзаключенным!», «Рабочим – право на забастовки!», «Крестьянам – новый НЭП!»,

«Университетам – автономию!», «Долой диктатуру бюрократии!», «Долой КГБ – советское гестапо!» «Долой идеологическое принуждение!» и др. (Там же)

В этой связи хотелось бы вспомнить слова известного правозащитника Виктора Чалидзе: «Людей сажали за что угодно, только не за пропаганду или агитацию, направленную против власти Советов. За критику компартии или чиновников,... за литературное произведение или критику положения церкви... за критику отсутствия власти у Советов, но никогда за критику собственно советской власти». (Чалидзе В. Заря правовой реформы. М., 1990. С. 75–76.)

Общая тенденция 1950-х гг. к совершенствованию уголовного законодательства вылилась в принятие нового Уголовный кодекса (УК) введенного в действие с 1 января 1961 г.

Помимо широко понимаемой «антисоветской агитации и пропаганды» (ст. 70), новый УК РСФСР предполагал и другие государственные преступления.

Содержание ст. 64 «Измена Родине» и ее правоприменение противоречили и международным правовым актам (ст. 13 Всеобщей Декларации прав человека о свободе передвижения и выборе места жительства), и собственно Конституции СССР. В понятие «измены» включалось «бегство за границу или отказ возвратиться в СССР». Отсутствие прямого указания на цель измены Родине, вело к расширительному толкованию статьи на практике. В действительности, практически любая попытка покинуть Советский Союз и поселиться в другой стране квалифицировалась как «измена Родине».

Ст. 64 применялась и в случае попытки получить политическое убежище, находясь за рубежом. При этом под суд обычно попадали «возвращенцы», люди, вернувшиеся в Советский Союз. О подобных фактах сообщает «Хроника текущих событий», информационный бюллетень правозащитников, выходивший с 1968 по 1982 гг. (См., например: выпуск 4, октябрь 1968 г. [электронный ресурс] //www.memo.ru/history/diss/) и фонды местных архивов силовых ведомств. Так, ученый-биолог, сотрудник Уральского филиала Академии наук, оставшийся в Нидерландах, а потом вернувшийся на родину, получил в 1962 г. 6 лет лагерей строго режима и вновь смог заняться научной работой только после перестройки. (Прищеп А.И. Инакомыслие на Урале. Сургут, 1998. С. 164–167.)

В 1966 г. блок статей УК РСФСР, используемых для преследования граждан СССР по политическим мотивам, пополнился статьями 190-1, 190-2, 190-3. (О внесении дополнений в УК РСФСР: Указ Президиума Верховного Совета РСФСР, 16 сентября 1966 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1966. № 38. Ст. 1038.)

Ст. 190-1 предусматривала лишение свободы за систематическое распространение в устной, письменной, печатной или иной форме заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственных и общественный строй. Таким образом, в статье был опущен такой важнейший элемент уголовного законодательства, как обозначение цели, что оставляло широкое поле для толкования состава преступления. Не давалось никаких пояснений, как должны определяться «ложность» или «вред» тех или иных измышлений. На данное обстоятельство указывает, например, в своей кассационной жалобе Леонид Убожко, дело которого было объединено со следствием над Андреем Амальриком в г. Свердловске в 1970 г. (ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 44031. Т. 9. Л. 163.)

Ст. 190-2 предусматривала лишение свободы за надругательство над Государственным гербом или флагом СССР и союзных республик.

Ст. 190-3, явно противореча Конституции СССР, гарантировавшей советским гражданам право на демонстрацию, составом преступления определяла организацию или активное участие в групповых действиях, грубо нарушающих общественный порядок. Под нарушение же общественного порядка, можно было подвести какое угодно публичное проявление протеста граждан.

Семи участникам сидячей демонстрации на Красной площади в августе 1968 г. (Н. Горбаневская, В. Делоне, В. Дремлюга, Л. Богораз, В. Файнберг, П. Литвинов, К. Бабицкий) было предъявлено обвинение по статьям 190-1 и 190-3. «Заведомо ложными измышлениями», порочащими советский строй, были определены тексты лозунгов, развернутых демонстрантами: «За вашу и нашу свободу», «Свободу Дубчеку» и др. (Каминская Д. Уголовное дело №... «О нарушении общественного порядка и клевета на СССР...» – Процесс 1968 г. // Знамя. 1990. № 8. С. 97–139.)

В советском праве, по выражению А. Амальрик, существовала «серая полоса» (ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 44031. Т. 7. Л. 109.) – вещей формально законом не запрещенных, но на практике считавшихся запретными. Например, общение советских граждан с

иностранцами, попытка издания каких-либо литературных машинописных сборников, критика не системы в целом, а лишь отдельных учреждений и т. д. Анализ советского законодательства и уголовно-следственных дел показывает, что нормативные акты нередко не запрещали действий, которые инкриминировались диссидентам и правозащитникам.

Е.И. Сазонова (Муром)

ПРОСТРАНСТВО ГОРОДА В ЛЮБИТЕЛЬСКОЙ ФОТОГРАФИИ

Пожалуй, в настоящее время, нет более изученного источника, чем фотография. В современной историографии сложился огромный массив литературы, посвященный фотографии: ее истории, технологии, видам, жанрам, течениям, а также творчеству отдельных фотомастеров. И все же, несмотря на обилие публикаций, любительская фотография остается малоисследованной. Это связано в первую очередь с тем, что любительская фотография хранится в семейных архивах и остается закрытой для активного изучения.

Муромскому музею благодаря проекту «Фотолетопись Муром» удалось собрать уникальный электронный архив любительской фотографии. Своеобразие проекта заключается в том, что музей сканирует подлинные фотографии и возвращает их владельцам, оставляя в музейном фонде электронную копию. Этот прием позволил привлечь к проекту многих людей, не желавших расстаться с семейными снимками. Таким образом, сложился общегородской электронный фотоархив повседневной истории, своего рода семейный альбом жителей одного города. Сейчас этот фонд составляет более десяти тысяч изображений 1920–1980-х гг.

Известно, что фотография как памятник культуры имеет двойственную природу: с одной стороны, любая фотография это вещь, предмет, имеющий все признаки своего времени – определенную фотобумагу, оформление паспарту, текст; с другой стороны – каждая фотография содержит визуальную информацию, имеющую историческую ценность. В этом плане любительские фотографии представляют особый интерес, так как являются носителями не заказной, не парадной, «настоящей» информации.

Репрезентативный архив любительских фотографий муромских жителей позволяет проследить визуальный нарратив обыденной жизни одного отдельно взятого города. Менялся облик городских улиц, менялась внешность горожан, менялось их выражение лиц. Если традиционно, изучая историю города, фотография привлекалась лишь как фотодокумент, иллюстрация к историческому факту, то в данном случае само изображение становится предметом исследования.

Как правило, сюжеты любительских фотографий охватывают события частной жизни, а город в любительских кадрах выступает лишь фоном, «любимым местом». Муромский фотоархив дает возможность проследить, как на протяжении десятилетий происходила смена «любимых видов», где предпочитали «сфотографироваться на память». Важно отметить, что многие эти виды не отразились в официальной фотохронике города. Таким образом, любительская фотография отражает городское пространство в восприятии обычного человека.

Так, к 1920–1930-м гг. относится серия групповых портретов в доме отдыха, который был открыт в бывшем имении графов Уваровых под Муромом. Пожить в настоящем дворце и запечатлеть себя на фоне огромной красивой лестницы со львами – это воплощенная мечта простого рабочего!

В 1930–1950-е гг. любимым местом среди горожан становится памятник В.И. Ленину, поставленный в городе в 1927 г. у Троицкого монастыря. С одной стороны – старинные церковные стены, с другой – элемент нового времени – советский вождь. Заметим, что в 1962 г. в Муроме был установлен новый более монументальный памятник В.И. Ленину на центральной городской площади, который почему-то не стал популярным в народе. Любительских снимков около этого монумента немного.

В конце 1950-х гг. в городе рядом с пешеходным мостом через Успенский овраг были построены два жилых дома в стиле сталинского классицизма. Это место также становится любимым видом. Традиционная постановка кадра – группа людей в центре моста на фоне новых массивных зданий.

В 1962 г., когда в Муроме отмечали 1100-летие города, на пересечении центральных улиц поставили огромную раскрашенную фанерную фигуру Ильи Муромца на коне. Около богатыря сфотографировался чуть ли не каждый житель Мурома. Офици-

альная хроника празднования юбилея города эту фигуру не отметила.

В середине 1960-х гг. огромное количество любительских снимков отражают детский парк имени Ю. Гагарина. Это портреты детей около центрального входа, на аллеях парка, но чаще всего верхом на скульптуре белого медведя. В настоящее время парк запущен, скульптура не сохранилась, и только благодаря семейным фотографиям можно восстановить это утраченное городское пространство.

Популярным фоном в 1950–1960-е гг. был главный вход на стадион «Труд», который сменился позже на вход в парк им. Ленина (так стал называться бывший Окский сад). После реконструкции вход в парк был украшен широкой лестницей и колоннадой, на фоне которой полюбили фотографироваться горожане.

Самым любимым местом для съемок на протяжении всего советского периода была видовая площадка Окского парка. По фотографиям даже можно проследить ее историю: от первой деревянной веранды до металлической ажурной балюстрады. Видовая площадка включается во все заказные съемки города для издания открыток. Но рядом с парадной частью площадки был еще уголок за оградой, откуда открывался великолепный вид на крутой проезжий съезд, дом купцов Журавлевых и мост через Оку. На этом красивом месте фотографировались многие муромцы. Сейчас этот холм зарос кустами, дом Журавлевых разрушен, мост разобран.

Таким образом, Муром на открытке и на официальной фотохронике во многом отличается от Муром, отразившегося на снимках фотографов-любителей. Так, например, практически отсутствуют фотографии на фоне памятника летчику-герою Н. Гастелло, у дома-музея художника И.С. Куликова, у мемориала на площади Революции. Благодаря любительским фотографиям мы видим «город другой», город, пространство которого осознанно его жителями. Думается, что дальнейшее изучение любительской фотографии предвещает много открытий.

**Источники по истории библиотеки Новгородской
духовной семинарии: рукописные каталоги XIX в.**

Для специалистов, реконструирующих состав и историю библиотеки Новгородской духовной семинарии (1740–1918), основную сложность представляет фрагментарность источниковой базы исследования. Архив семинарии не сохранился, материалы по ее истории рассеяны по разным архивохранилищам страны, а многие делопроизводственные документы, видимо, утрачены. Самый большой комплекс источников по истории библиотеки семинарии отложился в ОР РНБ: в фонде Новгородской духовной семинарии (Ф. 522) и в делах архива СПбДА (Ф. 573). Материалы по истории библиотеки в ОР РНБ достаточно разнообразны. Прежде всего, это каталоги семинарской библиотеки XIX–XX вв., «Книги расписок учащихся Новгородской духовной семинарии в получении книг из библиотеки», служебные бумаги библиотекарей семинарии: Матвея Воскресенского (1821–1827), Василия Троицкого (1831–1833), Петра Солярского (1834–1852), отдельные делопроизводственные документы и т. д.

Наиболее многочисленными источниками по истории библиотеки являются ее каталоги. В фонде Новгородской духовной семинарии их насчитывается 10 (Ф. 522. № 229–238), а в фонде архива СПбДА – 47 единиц хранения (Ф. 573. № 860–896, 984–991). Несмотря на многочисленность сохранившихся каталогов, реконструировать историю этого книжного собрания на основании их изучения можно только частично. Анализ каталогов позволяет судить, прежде всего, о составе библиотеки и ее комплектовании. Гораздо сложнее изучить с их помощью функционирование и повседневную работу библиотеки: использование книг в учебном процессе, процедуру выдачи книг учащимся и преподавателям и т. д. Однако, не все каталоги мало информативны. В этом сообщении мы обратим внимание на те информационные возможности, которые может дать исследователям анализ некоторых каталогов семинарской библиотеки.

В качестве примера мы выбрали два тома каталога, составленного учителем словесности и библиотекарем семинарии Арефой Силуановым (Ф. 573. № 860, 861). Священник Арефа Силуанов

исполнял должность библиотекаря Новгородской духовной семинарии с 1827 по 1831 гг. Каталог им составлен, очевидно, в 1830–1831 гг. Оба тома каталога имеют одинаковый внешний вид: картонный переплет, оклеенный бумагой, с кожаным корешком и уголками. Первый том каталога (№ 861) содержит описание «Библиотеки древних языков» до разряда «Исторические науки» включительно (2764 наименования книг). Том второй (№ 860) включает описания: шестого разряда «Библиотеки древних языков» – «Языкознания» (475 наименований); «Библиотеки Российской» (1652 наименования); «Библиотеки Французской» (114 наименований); «Библиотеки Немецкой» (309 наименований); «Библиотеки малоизвестных новых языков» (127 наименований); «Библиотеки книг, не принадлежащих к духовному просвещению» (962 наименования).

Как известно, каталоги семинарских библиотек составлялись в двух экземплярах – «черновом» и «беловом». Интересующие нас тома представляет собой «черновой», или «сверочный» вариант каталога (практически идентичный ему «беловой» экземпляр хранится в Ф. 522. № 235, 236), который использовался при сверке книг библиотеки (об этом свидетельствуют постраничные записи должностных лиц – ректора, инспектора, эконома, секретаря правления и библиотекаря), а также при «повседневной» работе библиотекаря, в том числе и при составлении нового каталога. Каталог содержит много помет, сделанных библиотекарями семинарии. Большинство из них принадлежат П. Солярскому, который составил следующий в хронологическом порядке каталог семинарской библиотеки (см.: РНБ. ОР. Ф. 522. № 233, 234; ОСПК. Ф. XVIII.73). Анализ этих помет позволяет реконструировать непосредственную работу библиотекаря с каталогом. Так, на полях каталога напротив номеров книг П. Солярским написана буква «З», свидетельствующая о записи книги в новый каталог. Встречаются также и отсылки к номерам нового каталога (№ 861. Л. 110 об, 227 об. и др.). Наиболее многочисленными являются примеры движения книжного фонда: перевод книги из «фундаментальной» библиотеки в «учебную», из одного разряда «фундаментальной» библиотеки в другой, пересылка книг в другие города. В «учебную» библиотеку, в основном, переводились дублетные экземпляры книг, изданных в XVIII и XIX вв., но иногда и редкие издания XVI и XVII вв. (отметим, что напротив номеров книг, переведенных в «учебную» библиотеку, буква «З» не стоит). В 1841 г. в Св. Синод

был отослан дублетный экземпляр книги писем Константинопольского патриарха Фотия (Лондон, 1651) (№ 861. Л. 25). В Казань были отправлены две книги – «Парафразы Псалмов Давида», составленные Дж. Бьюкеноном (б. м., 1578) (№ 861. Л. 4), и сочинения Амвросия Медиоланского в 5 томах (Париж, 1661) (№ 861. Л. 11).

Интерес представляют записи библиотекаря о книгах, находящихся на руках у читателей: «у Ровенского» (№ 861. Л. 97); «у св. Новинского» (№ 861. Л. 277 об.); «у г. Кострова» (№ 860. Л. 9 об., 101); «у г. Добрынина» (№ 860. Л. 77, 94–94 об.) и т. д. Информацию о «круге чтения» семинаристов и преподавателей представляют сведения о «затерянных» книгах, а также о книгах внесенных вместо них в каталог библиотеки. В каталоге есть записи о «затерянных» книгах: «... затеряна, о чем донесено...» в 1828 г. (№ 860. Л. 67 об., 86 об.; № 861. Л. 259) и в 1833 г. (№ 860. Л. 30 об., 41 об., 86 об., 127). Книги, внесенные вместо «затерянных», были включены в каталог одновременно – «По резолюции Его Высокопреосвященства внесена вместо затерянной 1833 г. октября 20 дня. Архимандрит Анатолий» (№ 860. Л. 43 об., 64, 67 об., 70, 86, 94 об., 115 об., 118, 127, 139 об.; № 861. Л. 109, 144, 243). Всего в этом каталоге нами выявлено 22 «затерянных» и «замененных» книги (в «Библиотеке древних языков» – 6; в «Библиотеке Российской» – 15; в «Библиотеке Французской» – 1).

Таким образом, детальный анализ «черновых» каталогов позволяет восполнить определенный информационный пробел, связанный с дефицитом делопроизводственных документов по истории семинарской библиотеки.

А.Ю. Самарин (Москва)

П.К. СИМОНИ О ПОЭКЗЕМПЛЯРНОМ ИЗУЧЕНИИ КНИГИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЛИЧНОГО АРХИВА)

Член-корреспондент АН СССР Павел Константинович Симони (1859–1939) получил известность как филолог, собиратель и издатель фольклора, специалист в области палеографии и вспомогательных исторических дисциплин, библиограф, историк книги и книжной торговли. По словам одного из биографов ученого, «книга и ее окружение были преобладающими рефлексамми в жизни

П.К. Симони, а проблемы ее истории, создания и распространения – жизненной доминантой, определившей всю его творческую направленность» (Машенцева Л.П. П.К. Симони – библиограф и книговед // Меняющийся мир и образование в духе мира и ненасилия: Тезисы докладов Международной научной конференции (17–22 мая 1993 г.). Самара, 1993. С. 174).

Не все научные замыслы П.К. Симони были доведены до завершения, многие его труды остались неопубликованными. Личный архив исследователя хранится в отделах рукописей РГБ и РНБ, РГАЛИ, отделе письменных источников ГИМ. Изучение его материалов показывает, что П.К. Симони одним из первых в отечественном книговедении поставил вопрос о необходимости поэкземплярного изучения памятников книжной культуры. Данной проблеме, в частности, посвящена неопубликованная статья «Книжные дефекты и положение исследовательской работы над книгой» (РГБ. ОР. Ф. 362. Карт. 6. Ед. хр. 30). Она датирована октябрём 1928 г. В ней ученый проанализировал различные изменения, вносимые в часть тиража издания самими издателями, цензурой, книготорговцами, а также владельцами-библиофилами в свои экземпляры. Данный текст интересен и сегодня и, безусловно, нуждается в публикации.

Важно отметить, что П.К. Симони ставит проблему сохранения книги в аутентичном виде как памятника, характеризующего свою эпоху. Он пишет: «Вообще с точки зрения науки и научного исследования книги никак нельзя согласиться и допускать любительских замашек и обычаев пополнять и украшать экземпляры наивно любительской отсебятиной и тем более, что любители или забывают или желая мистифицировать своих клиентов и почитателей их собраний не отмечают на прибавках откуда они взяли то или другое приложение. Так называемые «охотничьи», т.е. любительские экземпляры книг и старопечатных и книг гражд<анской> печати с точки зрения всякой книжной науки должны быть осуждены раз <и> навсегда. Это вредная любительская затея. Любитель-«охотник», книжный эстет покупает (благодаря избытку средств) несколько экземпляров одного и того же издания книги и по своему вкусу и усмотрению вырезает, выстригает или выклеивает не угодившие его вкусу отдельные тетради, листы, гравюры или даже отдельные места и заменяет их, вставляя таковые из других экземпляров более удовлетворивших его «изысканный» охотничий вкус. Это заведомая

порча и безнадежная утрата документальных данных для истории книги и книговедения вообще. Это, одним словом, должно быть осуждено самым строгим образом. Вообще в наше время при массовой гибели и утратах старой книги, пора бы возбудить вопрос о праве книги на существование как непреложного памятника культуры своей эпохи» (РГБ. ОР. Ф. 362. Карт. 6. Ед. хр. 30. Л. 9–11). Схожие мысли об осуждении изъятий или дополнений, способствующих «невознагражденной гибели того законного исторического вида и состава книги, который был придан ей ее творцами – автором, издателем, печатником, иллюстраторами и даже переплетчиками или картонажниками», высказывались П.К. Симони в статье о библиофиле П.В. Щапове, изданной в 1929 г. (Симони П.К. Московский библиофил П.В. Щапов (1848–1888) // Альманах библиофила. Л., 1929. С. 240–241)

Именно наличие разнообразных вариантов одного и того же старопечатного или современного издания диктует, по мысли П.К. Симони, необходимость исследования как можно большего числа экземпляров. В выводах своей неопубликованной статьи он констатирует: «В прежнее время наши библиографы и описатели книг высказывали свои суждения о книгах и их содержании, изучая данное сочинение по одному только экземпляру, попавшему им в руки. Более сознательный книговед, особенно, исследователь «книжной истории» не может замкнуться в изучении одного единичного только экземпляра данной книги, а обязан посравнять во всех отношениях свой экземпляр хотя бы с несколькими экземплярами в собраниях своих коллег. Если нельзя видеть и изучить и другие экземпляры, наприм<ер>, хранящиеся в других городах, можно заказывать снимки разных интересующих мест книги и сравнивать с своим экземпляром» (РГБ. ОР. Ф. 362. Карт. 6. Ед. хр. 30. Л. 18–19).

Декларируемый П.К. Симони подход, нашел свое воплощение спустя несколько десятилетий. Его активно внедрял в жизнь, например, Е.Л. Немировский, который пишет о своем опыте исследования славянской раннепечатной книги: «Суть моей методики состояла в том, чтобы выявить все упоминания о конкретных экземплярах этих изданий, а затем проследить их историю, выяснить, где они находятся сейчас и, наконец, познакомиться с ними» (Евгений Львович Немировский: Страницы воспоминаний. Автобиблиография. К 80-летию со дня рождения. М., 2005. С. 62).

Таким образом, П.К. Симони предвосхитил ставшую повсеместной во второй половине XX – начале XXI в. практику подробного изучения всех экземпляров славянских старопечатных книг кирилловской печати, а также книг гражданской печати XVIII – первой трети XIX в. Именно такой подход принят сегодня при организации государственного учета и регистрации книжных памятников (См.: Карпова И.Л., Руденко И.А. К проблеме описания экземпляров для Общероссийского свода книжных памятников // Книжные собрания Русского Севера: проблемы изучения, обеспечения сохранности и доступности. Архангельск, 2010. Вып. 5. С. 19–24).

Н.Г. Самарина (Москва)

ПУБЛИКАЦИЯ МЕМУАРНЫХ И ЛИТЕРАТУРНЫХ ИСТОЧНИКОВ В МУЗЕЙНЫХ ИЗДАНИЯХ: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Музейные собрания содержат ранее недоступные широкому кругу исследователей источники, преимущественно личного (частного) происхождения.

Переписка, в отличие от дневников и воспоминаний, имеющих монологическую природу, является диалогом двух и более людей, процессом общения дружеского круга, семей и родов, вследствие этого должна рассматриваться как самостоятельный вид источников. Обоснованной представляется точка зрения, что объектом исследования является совокупность писем (Наумов Е.Ю. Источниковедение и историографические аспекты русской культуры. М., 1984). Возможны два уровня научного анализа эпистолярных источников: изучение всей переписки и отдельного письма. Определяющим является первый уровень. Сохранившиеся целостные комплексы позволяют изучать целостные социокультурные явления и процессы.

В ряде публикаций Толстовского ежегодника, издаваемого Государственным музеем Л.Н. Толстого, принцип целостности заявлен как основополагающий, однако в большинстве публикаций процесс коммуникации представлен односторонне, письмами одного корреспондента. Счастливые исключения лишь подтверждают правило. Так, небольшая по объему публикация (4 письма) Т.Л. и Т.А. Сухотиных и Т.А. Кузминской ко Льву Львовичу и Илье Львовичу Толстым погружает читателя в атмосферу семьи благодаря

обилию повседневных фактов и строгому соблюдению археографических требований, но, к сожалению, обстановка 1922 г., в которой семья, преодолевая трудности, сохраняла наследие великого писателя, никак не комментируется. Тот же недостаток присущ публикации переписки Т.Л. Сухотиной с Н.Н. Гусевым, в которой с многократными повторами комментируются одни и те же лица, но совершенно не комментируются обстоятельства и мотивы, побудившие Татьяну Львовну к эмиграции, и историческая обстановка, в которой она приняла это решение, несмотря на то, что продолжала деятельность по комплектованию музейного собрания, изданию произведений Л.Н. Толстого и пропаганде его взглядов и творчества за рубежом.

С 1980-х годов мемуары рассматриваются как феномен культуры (Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика: Опыт источниковедческого изучения. М., 1980), а процесс их создания как определенный тип духовной деятельности. Обсуждение источниковедческого подхода к мемуаристике историками, филологами и писателями представляется чрезвычайно важным, поскольку обозначает перспективы обогащения гуманитарных наук новыми познавательными парадигмами, вселяет надежду на преодоление противоположности филологических и исторических методов научного исследования и на возможность синтетических герменевтических изысканий. Подобная постановка обогащается культурологическими и семиотическими подходами. Например, И. Фрайман предлагает разные классификации мемуаристики, учитывая её особенности и как источника, и как литературно-публицистического произведения. Одна из наиболее плодотворных источниковедческих классификаций основана на видовых особенностях воспоминаний и дневников как источника, она дает «нам два основных типа мемуарных текстов, которые мы можем обозначить как *объектно-ориентированный* и *субъектно-ориентированный* типы». (Фрайман И. Русские мемуары в историко-типологическом освещении: К постановке проблемы // Ruthenia. <http://www.ruthenia.ru/document/422973.html>).

В Толстовских ежегодниках представлены содержательные публикации дневников и воспоминаний, редкие статьи, которые путем цитирования вводят в научный оборот источники личного происхождения. Среди публикаций следует отметить дневники и записную книжку А.Л. Толстой, в которых обстановка в семье и обстоятельства ухода Льва Николаевича представлены глазами

младшей дочери и единомышленницы писателя. Публикаторы не комментируют трактовку событий Александрой Львовной, лишь отмечают символичность того, что одну из попыток уйти из Ясной Поляны Толстой сделал 18 июня 1884 г., в день, когда его младшая дочь появилась на свет. Выражают уверенность, что дневниковые заметки помогут «нам, читающим их, ... почувствовать, в каком страшном напряжении душевных и физических сил находилась дочь писателя у постели умирающего отца, и разделить с ней боль тяжелой утраты» (Толстовский ежегодник: 2001. М., 2001. С. 71).

Несомненным вкладом в развитие методики современного источниковедения являются исследования, рассматривающие роль музея в публикации произведений Л.Н. Толстого и художественную литературу как источник. Статья Л.Д. Громовой-Опульской представляет своеобразный отчет о решающем участии музея Л.Н. Толстого в публикации литературного и мемориального наследия великого писателя и его окружения (Толстовский ежегодник: 2001. С. 58–63).

Плодотворным представляется обращение гуманитариев, в частности ученых-филологов, к анализу вербальных художественных произведений как источника. Опыт подобных источниковедческих исследований очень скромнен, в силу крайней его разрозненности и интердисциплинарности не подлежит обобщению – тем более эффективно изучение этого опыта в серийных и повременных изданиях литературных музеев. На наш взгляд, существуют три подхода к трактовке художественной литературы как источника. Во-первых, прозаическое или поэтическое произведение может интерпретироваться как любой другой вербальный письменный источник, отражающий социокультурную действительность, а значит, конкретные реальные события, явления, лица, рассматриваемые как прототипы. Во-вторых, художественное произведение является воплощением социокультурной действительности, фактом духовной жизни, личности самого творца, его художественного метода. В-третьих, художественный текст, в особенности с постмодернистских позиций, встраивается в некий гипертекст художественного творчества, следовательно, не может рассматриваться изолированно, но в связи с архетипами, бессознательно воспроизведенными писателем или поэтом, сознательным или бессознательным цитированием тех или иных образов и фрагментов текстов его предшественников, которые приобретают значимость в силу влияния устойчивых ментальных структур.

К ИЗУЧЕНИЮ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ РАДЗИВИЛОВСКОЙ ЛЕТОПИСИ

В археографии существует сложная проблема – определение специалиста, который подготовил первое издание Радзивилловской летописи (далее – Радз.) – «Библиотека историческая, содержащая древние летописи и всякие записки, способствующие к объяснению истории и географии российской, древних и средних времен. Ч. I. Летопись Несторова с продолжателями по Кенигсбергскому списку до 1206 года» (СПб., 1767): М.В. Ломоносов, И.С. Барков или И.И. Тауберт. Этот вопрос тем более значим, поскольку данная публикация – первое отечественное издание летописи.

Г.Н. Моисеева отметила, что Барков копировал в 1756 г. для Ломоносова Петровскую копию Радз. По мнению Моисеевой, Ломоносов постоянно пользовался ею с декабря 1753 г. и не нуждался в ее копии для собственных нужд. Ломоносов закончил работу над Петровской копией Радз. для подготовки ее к печати в 1754–1755 гг., тогда как Барков должен был ее копировать для предстоящего издания.

В таких логических доказательствах Моисеева не учла, что после публикации Г.Ф. Миллером в апрельском номере 1755 г. «Ежемесячных сочинений» статьи «О первом летописателе российском, преподобном Несторе и его летописи и о продолжателях оные» интерес к Петровской копии Радз. стал общественным. В рукописи нуждались также те, кто хотел ее исследовать. Поэтому Ломоносов не мог ее держать в личном пользовании постоянно. Следует предположить, что в таких обстоятельствах он решил подготовить для себя ее копию, тем более что переписывание Барковым Петровской копии Радз. для Ломоносова не входило в число поручений академической Канцелярии, а сам копиист сопротивлялся дополнительным заданиям Ломоносова.

По мнению Моисеевой, Ломоносов, изучая текст Петровской копии Радз., вносил в него коррективы: в ряде случаев Ломоносов вносил в него разъяснения, изменял географические названия, исправлял очевидные искажения, отделял существительные от предлогов, обозначал абзацы и кавычки в прямой речи. Эти изменения были учтены Ломоносовым в позднее им написанной «Древней Российской истории», а также в первой публикации Радз. в первом

томе «Библиотеки Российской исторической». Такие наблюдения стали основанием для убеждения Моисеевой в том, что существовал текст Радз., подготовленный Ломоносовым к изданию.

Впрочем, Моисеева не заметила, что Барков учитывал опыт Ломоносова в прочтении и комментировании Петровской копии Радз., поскольку он прекрасно знал эту рукопись. Неясно, кто исправлял искажения в тексте, отделял существительные от предлогов, обозначал абзацы и кавычки в прямой речи, поскольку, как показала графологическая экспертиза, «почерки Ломоносова и Баркова близки между собой».

Моисеева установила, что в изданном тексте Радз. заменены непонятные древнерусские слова или даны к ним разъяснения с учетом наблюдений Ломоносова и Татищева, вычеркнуты летописные описания знамений и чудес. Эти особенности подготовки текста она отметила в «Древней Российской истории» у Ломоносова, который следовал в таком изложении летописных известий за Татищевым, поскольку они считали, что основой повествования должна быть светская история. По мнению Моисеевой, такое редактирование текста Радз. также принадлежало Ломоносову. Отметила она участие Баркова в подготовке Радз. к изданию в написанной им на отдельном листе цитате из Никоновской летописи, включенной в публикацию Радз., а также в сверке Петровской копии с оригиналом, полученным из Кёнигсберга в конце 1758 – начале 1759 г. Поэтому, как она считала, текст Радз., опубликованный в 1767 г., был подготовлен к печати Ломоносовым при техническом участии Баркова.

Чтобы исключить участие Тауберта в подготовке издания Радз., Моисеева привела отзыв о нем в автобиографии А.Л. Шлёцера: «Тауберт, не истинный ученый по профессии, обремененный несравненно важнейшими делами, вовсе не был такой человек, от которого можно было бы ожидать успешного издания средневековой летописи». Впрочем, Моисеева не продолжила эту цитату, где дана характеристика Баркова: «Печатание, корректуру и все дело он (Тауберт. – М.С.) передал не ученому (однако знающему по-латыни) академическому канцеляристу Баркову». Далее Шлёцер продолжил об археографических принципах Тауберта и Баркова: «И – что еще более увеличило зло – Тауберт позволил, или лучше сказать, приказал этому издателю (Баркову. – М. С.) 1) изменить старую орфографию или подновлять ее; 2) пропускать целые отрывки не

исторического содержания, как то: религиозные рассуждения со многими цитатами из библии (которые могли быть полезны при собирании вариантов); 3) непонятные места изменять по догадкам и делать их понятными; старые, обветшалые слова заменять новыми по соображению; 4) пробелы пополнять из других списков».

В том, что подготовка текста Радз. к печати принадлежала Баркову, Шлёцер не сомневался, а потому он писал о рецензенте этого издания летописи: «Нет! Не русский летописец XI столетия лежал перед ним, а русский канцелярист XVIII столетия Барков <...>». Обвинял он в ошибочных принципах публикации Тауберта. Те же утверждения Шлёцер повторил в своем труде «Нестор», первый том которого был опубликован в 1802 г.

Но не только Шлёцер не относил издание Радз. к деятельности Ломоносова. Сам Ломоносов не предъявлял на него своих прав тогда, когда первые 18 листов Радз. были набраны в академической Типографии с января 1761 г. по март 1762 г., а набор остальных 18 листов продолжался до сентября 1765 г., то есть большей частью при его жизни.

О том, что не Ломоносов готовил Радз. к изданию, могут свидетельствовать также пометы Ломоносова в ее Петровской копии. Они сделаны в тех ее местах, которые были важны для ученого. Между тем рука, отмечавшая в Петровской копии Радз. тексты к сокращению, указала данные сообщения к той же операции. Отсюда также можно заключить, что подготовку текста Радз. к публикации осуществлял не Ломоносов.

Данные наблюдения свидетельствуют о том, что Ломоносов обоснованно не указал в числе своих работ подготовленный к изданию текст Радз., который находился в печати с января 1761 г. Он не заявил свои права на это издание и не защищал их, как если бы они явно и неоднократно нарушались. О такой археографической деятельности Ломоносова не свидетельствуют и его современники. Поэтому следует предположить, что он не подготавливал к изданию текст Радз.

Но из такого вывода не следует, что основы археографической подготовки текста Радз. были сформулированы Таубертом. Тауберт не был подготовлен к изданию средневековой летописи, как об этом написал Шлёцер. Он был хорошо образованным чиновником, который извлекал определенную выгоду из своей службы в Академии наук, активно участвовал во всех мыслимых академических

интригах и имел, по словам Шлёцера, «великую склонность к деспотизму».

Если учесть все эти наблюдения, то следует предположить, что издание Радз. было подготовлено Барковым. Наиболее обстоятельно этот вывод обоснован Е.С. Кулябко и Н.В. Соколовой, которые отметили в опубликованных им работах по истории России значительное влияние разысканий М.В. Ломоносова. Впрочем, проявляя значительные познания, Барков в некоторых случаях изложил исторические события подробнее, чем Ломоносов, или дал им другую оценку. Из хранящегося в РГАДА письма Баркова к Миллеру от 2 мая 1761 г. следует, что Барков работал над своими историческими разысканиями втайне от Ломоносова. Такой его метод работы позволяет предположить, что над подготовкой Радз. к изданию Барков трудился также скрытно. Учитывая все эти сведения, представляется в полной мере обоснованным отнесение публикации Радз. как первой части «Библиотеки российской исторической» И.С. Баркову, а не М.В. Ломоносову или И.И. Тауберту.

А.А. Севастьянова (Рязань)

ГОРОДОВЫЕ ХРОНИКИ СЕРЕДИНЫ И ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА – РУБЕЖ ОТ СТАРОГО К НОВОМУ ИСТОРИОПИСАНИЮ

«Градские истории» или городские хроники-летописи середины и второй половины XVIII века – самобытная часть провинциальной историографии этого столетия (см. подробнее: А.А. Севастьянова. Русская провинциальная историография второй половины XVIII века. М.: Археографическая комиссия, 1998).

Выходцы из посада и духовенства, составители градских хроник, имели подчас смутное представление об историописании, сплошь и рядом облакая свои поздние городские летописи в старые каноны летописцев прежнего вида. Знакомая погодная сетка организации материала диктовала для подавляющего числа таких летописцев именно эту форму повествования. Главный смысл такого творчества обозначалась самими авторами – запись «для сохранности», адресованная потомкам и современникам.

На самом раннем этапе, например, в Суздальском летописце Анании Федорова, сохранялась пассивность и анонимность

авторской позиции по отношению к основному материалу, что облегчало свободные заимствования из источников и исторических работ. В старых центрах летописной работы сохранялось, как источник на местах, древнее городское летописание предшествующего времени, легко доступное интересующим нас составителям «градских» хроник.

Наиболее содержательными в историографическом отношении среди работ указанной группы являются «Летописец Великоустюжский» Льва Вологодина, Вологодское «Продолжение летописца» Ивана Слободского, «Двинской летописец», Суздальский летописец Анании Федорова, «Угличский летописец».

Летописец Льва Вологодина 1765 г., источниковедчески достаточно изученный (Летописец Льва Вологодина / Вступ. ст., подг. К.Н. Сербиной // Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Л., 1982. Т. 37; То же // Титов А.А. Летопись Великоустюжская по Брагинскому списку. М., 1903), хорошо показывает переход от местного летописания старого к историописанию. Форма летописания в нем сохраняется в целом, но нарушается в частности – в погодной сетке, в авторских оговорках, в сознательных манипуляциях с хронологией. Нетрадиционной для летописи, неканонической характеристикой в тексте летописца является предисловие автора. В нем церковный писатель и продолжатель летописи Лев Вологдин выступает и как историк. Текст охватывает время с 1192 по 1765 гг. В основе ранней его части, как установлено, лежит летописец 1745 г. Обработывая этот источник, автор обычно сокращал рассказы об общерусских событиях и выписывал из них то, что относится к устюжским землям. Главным приемом повествования автора была авторская компиляция. Приемы работы с источниками видны в переложениях устных рассказов, а также выписках, пересказах, прямом заимствовании, скрытом цитировании. Так, если летописи автор пересказывает, то текст М.В. Ломоносова он цитирует без сносок или, как он сам выразился, «выписывает».

Самым интересным в вологодском Летописце Ивана Слободского (Летописец Ивана Слободского // ПСРЛ. Л., 1982. Т. 37; см. также: Казакова Н.А. Вологодское летописание XVII–XVIII вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1981. Т. 12) является его краткое предисловие. Оно помещено в начале и содержит нечто вроде программы задуманного сочинения, оставшейся однако

невыполненной, как пишет автор, из-за «града разорения и древних человек нетщения», поглотивших источники. Вологодские сборники с текстами летописца Ивана Слободского можно рассматривать как работу, продолжавшую длинную традицию существовавшего городского литературного творчества и историописания.

Оживление творческой жизни горожан екатерининской России с её реформами самоуправления приводит к появлению провинциальных гнезд второй половины и, особенно, последнего десятилетия XVIII в. в таких центрах, как Углич, Суздаль, Двина, к созданию благоприятных условий появления памятников местной исторической мысли и культуры.

«Градские летописи» – хроники жизни «изнутри» своего города, это старая традиция, возобновившаяся в екатерининский XVIII век как часть городской культуры.

Старая форма и жанр летописи, как и весь прежний летописный фонд с его традициями и приемами были, в сущности, единственной готовой нормой в провинции для устремлений местных историков. Историческая справка об основании города–центра, его именовании, колонизация края, о первых князьях заставляла составителя летописца компилировать источники, проходить первичную школу исторического повествования. Затем он подходил к современности. Специфика жизни города, ее проявления требовали иного, чем в историческом обзоре прошлых веков подхода, вставал вопрос о концепции изложения и авторской позиции. Здесь старые летописные традиции помочь не могли. Другая сложность возникала с большой, по сравнению с предшествующими веками, документальной базой. Нужно было учиться отбирать, сравнивать, критически осмысливать документы.

Как преодолевались отмеченные трудности, показывают рассмотренные примеры Летописца Вологодина, Сборников с Летописью Ивана Слободского, Двинского Летописца, истории Суздаля А. Федорова, Угличского городского летописца. Историческая мысль должна была проверить путь приспособления местной летописи для нового писания истории.

**АКТОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ЯМСКОЙ ГОНЬБЫ В
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (КОНЕЦ XVI – XVII вв.)**

Несмотря на то, что система профессиональной ямской гоньбы сыграла значительную роль в деле утверждения позиций Москвы «за Камнем», процесс ее зарождения и функционирования исследован довольно слабо. Между тем, по этой теме сохранился значительный пласт источников, которые в основной своей массе остаются неопубликованными. Они содержатся в архивохранилищах Москвы (РГАДА), Петербурга (Архив СПб ИИ РАН, Санкт-Петербургский филиал Архива РАН), Тобольска (ТГИАМЗ), Тюмени (ГАТО) и в широком смысле могут быть отнесены к актовому материалу.

В первую очередь речь идет о законодательных материалах, а также документах центрального и местного делопроизводства (в том числе органов ямского самоуправления). К ним относятся исходившие от управлявшего «далекой государевой отчиной» приказа Казанского дворца (с 1637 г. – Сибирского приказа) указы и грамоты, а также памяти, наказы и отписки властей различного уровня. Отмеченные документы позволяют разобраться в особенностях устройства и функционирования системы связи, рассказывают о мерах, направленных на ее усовершенствование, демонстрируют порядок назначения и смены представителей провинциальной администрации (начиная с воевод и заканчивая ямскими приказчиками), дают возможность проследить правительственную политику по усилению контроля над ними и т. д.

Отдельное место занимают строельные (устройные) книги. В них излагаются обстоятельства основания или восстановления яма, фиксируются имена ямщиков, содержатся сведения о размерах и формах их обеспечения, объеме гонимых обязанностей и многое другое. К сожалению, по сибирскому региону сохранился лишь один документ этого подвида – строельная книга Тюменского яма 1629/30 г.

Ценную информацию о направлениях гоньбы ямщиков и количестве выделяемых средств передвижения дают подорожные грамоты, которые выдавались Ямским приказом или местными властями и давали право своему обладателю пользоваться подводами. По

ним также можно уточнить время введения в крае прогонных денег и установить дороги, на которых они взимались.

В крестоприводных книгах содержится поименный перечень ямщиков и излагаются причины их возможного отсутствия во время присяги.

Ямские раздаточные книги жалованья (окладные книги жалованья) составлялись ямскими приказчиками (там, где эти должностные лица были), старостами и десятниками под надзором воеводских властей. Они фиксируют объемы денежного и натурального обеспечения ямщиков. Вдобавок, по ним можно реконструировать состав органов ямского самоуправления (здесь содержатся имена старост и десятников), вычислить сроки и порядок выплаты жалованья насельникам сибирских ямов и т.д.

Общее представление об объемах, направлениях и времени гоньбы, средствах и способах передвижения, суммах затрат на найм дополнительных подвод и полномочиях ямских должностных лиц дают загонные (разгонные, гоньбные) книги, которые велись старостами под контролем приказчиков и воевод. Кроме того, содержащиеся в них данные при сопоставлении с показаниями других источников, целесообразно использовать для уточнения времени, требовавшегося на преодоление расстояния между населенными пунктами. Наконец, по загонным книгам можно проследить, насколько эффективной была политика центральных властей в деле регламентации сроков гоньбы ямщиков. Сохранившиеся гоньбные записи позволяют судить о степени распространенности практики временной передачи ямщиками своих служебных обязанностей третьим лицам.

Богатые бытовые подробности, отсутствующие в официальных документах, содержат челобитные. В них вырисовывается повседневная жизнь ямского «мира», проливается свет на его нужды, рассказывается о злоупотреблениях представителей государственной администрации, показывается степень политической активности населения.

При поступлении в ямщики или при взятии на себя уже действующим ямским охотником дополнительного объема гоньбы, составлялись поручные записи. В них оговариваются условия, на которых должна была осуществляться служба, фиксируется прежняя сословная принадлежность человека и т. д.

Комплекс судебно-следственных материалов (судные дела, расспросные речи) информирует о судебной подведомственности населения ямов, показывает степень его добросовестности при исполнении своих обязанностей, характеризует отношения ямщиков между собой, а также с представителями других социальных слоев.

Почетное место в изучении системы ямской гоньбы принадлежит историко-статистическим материалам (писцовым, переписным, дозорным, таможенным книгам, сборным книгам десятой деньги и т. д.). По ним можно судить о численности ямщиков, их происхождении и занятиях, степени вовлеченности в торговлю и ремесленно-промысловую деятельность, имущественном достатке, месте жительства, размерах отправляемой гоньбы.

Наконец, актовые материалы частного характера (в первую очередь, оформлявшие имущественные сделки: купчие, данные, меновные и т. д.) говорят об уровне зажиточности жителей сибирских ямов и их роли в сельскохозяйственном освоении региона.

Таким образом, в целом по истории ямской гоньбы в Сибири до конца XVII в. сохранилась внушительная источниковая база. Обращение к ней при добросовестном подходе открывает широкие перспективы для исследователей.

И.А. Сердюк (Полтава, Украина)

АКТОВЫЕ ИСТОЧНИКИ В ИЗУЧЕНИИ ДЕТСТВА В ГЕТМАНЩИНЕ XVIII В.*

Важной группой источников изучения различных проблем социальной истории являются актовые, среди их различных видов одними из наиболее востребованных считаются судебно-процессуальные документы. Они появились как следствие преимущественно девиантного поведения, но вместе с тем отображают границу между нормой и казусом. Суды Гетманщины в XVIII в. продуцировали значительное число таких дел, во многих из которых в различных ипостасях фигурируют дети. Рассмотрим детальнее потенциал этих источников в изучении восприятия детства обществом Гетманщины.

В судебных делах ребёнок фигурирует уже с младенческого возраста, в украинских архивах сохранилось множество

расследований обстоятельств детоубийств. Как правило, обвиняемой была женщина, которая пыталась скрыть главное доказательство внебрачных (добрачных) сексуальных связей. Известный украинский историк Владимир Маслійчук на основании подробного анализа более 80 таких дел пришёл к выводу, что любовь матери к новорождённому ребёнку является конструктом уже XIX века, а в предыдущее время она отсутствовала (Маслійчук В. Дітозгубництво на Лівобережній та Слобідській Україні у другій половині XVIII ст. Київ, 2008).

Начиная с 5–6-летнего возраста ребёнок упоминается как жертва насилия, но большинство таких дел касаются детей несколько старшего (лет с 10-ти) возраста. Это связано с тем, что дети того времени довольно рано начинали трудовую деятельность, они массово фигурируют в массовых источниках как прислуга, наёмные рабочие. Как свидетельствуют судебные расследования, хозяева к подобным работникам относились довольно жестоко по нынешним меркам, и не гнушались физической расправой. Вероятно, что избивание малолетнего работника не было достаточным основанием для возбуждения уголовного дела, поэтому большинство их расследовали убийства. К примеру, в августе 1765 г. житель городка Глинск Лубенского полка Андрей Кухар, будучи выпившим, вилами насмерть забил своего малолетнего работника Фёдора, за то, что тот не вычистил коня (Центральный государственный исторический архив Украины, г. Киев. Ф. 101. Оп. 2. Д. 49. Л. 2–4). Девочки-служанки подвергались ещё и сексуальному насилию. Один из таких хозяев свою малолетнюю работницу в сарае «страхом, биттям, ласкательством, обманом, давши копейку денег растлил». Дело, которое рассматривалось в 1733 г., закончилось тем, что виновник заплатил потерпевшей 24 рубля (Ділова й народно-розмовна мова XVIII ст.: Матеріали сотенних канцелярій і ратуш Лівобережної України. Київ, 1976. № 94. С. 260–262). Как свидетельствуют документы, в растлении своих маленьких работниц обвинялись даже священники, это свидетельствует, что к ребёнку в патриархальном традиционном обществе относились без пиетета, а детство было довольно коротким и суровым.

В значительном массиве судебных дел ребёнок и сам фигурирует как преступник. Большинство таких преступлений связаны с воровством одежды, денег, скота, коней. При этом важным фактором уклонения от наказания был возраст подозреваемых,

который они часто сознательно пытались снизить. Подобные судебные дела являются важным источником не только для изучения детской преступности, но и для жизни ребёнка вообще. Важной составляющей процесса расследования был опрос о прошлом преступника, его происхождении, родителях, родственниках, таким образом, протокол фиксировал (иногда довольно детально) биографию ребёнка, её казуальные и обычные страницы.

Рассказы о детском прошлом фигурируют и в делах взрослых преступников. К примеру, весной 1779 г. Миргородский гродский суд рассматривал дело 25-летнего Романа Краснощоченка, который рассказал о своём детстве. Когда Роману было 4 года, умер его отец, в пять лет мать оставила его в чужой семье и ушла на заработки, где вскоре умерла. Чтобы прокормить себя он до 8-ми лет пас свиней и телят, а потом ещё 11 лет пас скотину переходя из одного места в другое, пока, наконец, не женился и не стал жить на одном из хуторов в качестве наёмного работника. В это на соседнем хуторе умерла жена брата Романа (умершего ранее) оставив сиротами мальчика 4-х лет и девочку 2-лет, которых привезли к их дядьке. Хозяин хутора запретил Роману брать племянников к себе в дом, и те ночевали на улице под домом. На следующий день Краснощоченко посадил детей на телегу и повёз с хутора, чтобы оставить у каких-нибудь «добрых» людей, мальчика он таки оставил у одной бабки, а девочку бросил во рву возле дороги. В убийстве последней и обвинили Романа (Ділова й народно-розмовна мова XVIII ст. № 133. С. 356–359).

Истории, подобные вкратце пересказанной выше, могут дать основания для исследования сиротства, отношения к ребёнку со стороны общества и родственников, ценности детской жизни и других важных аспектов детства в Гетманщине. Необходимо учитывать, что действия обвиняемого были скорее девиацией, нежели нормой, но в делах фигурируют и такие участники, как хозяин Романа, который запретил пускать в хату детей, и которых нельзя назвать девиантами.

Большой потенциал имеют также указы о розыске беглых детей, помимо указания возраста, социального статуса беглецов, обстоятельств побега, в таких указах имеются «ориентировки» на разыскиваемых особ. Благодаря им историки имеют описания внешности и одежды детей различных сословий. К примеру, описание внешности беглеца из нежинской школы (1774 г.) звучит так: «Иван Козаченко

лет 14 лица круглого угреватого, кафтан пестровый набойчатый, шапка с околицею белою а вершка синего, в чоботах» (Государственный архив Полтавской области. Ф. 222. Д. 503. Л. 1). В архивах Украины хранится довольно значительное число таких указов, которые ещё ждут своих исследователей.

Мною рассмотрена небольшая часть актовых источников истории Гетманщины, но их потенциал в изучении различных аспектов детства очень значителен и позволяет исследовать отношение к ребёнку, его жизни и смерти, конструировать биографии детей, в частности малолетних работников и преступников, сирот, получить представление о внешнем виде ребёнка и его мобильности.

* Исследование детства в Гетманщине XVIII века осуществляется благодаря грантовой поддержке Международной ассоциации гуманитариев (МАГ).

С.Г. Сизов (Омск)

**ФОМА ДАНИЛОВИЧ ЛОТАРЕВ: ПОДРОБНОСТИ О СУДЬБЕ
ВОИНА-МУЧЕНИКА И ЕГО РОДСТВЕННИКОВ
(ПО МАТЕРИАЛАМ МЕТРИЧЕСКИХ КНИГ)**

История воина-мученика Фомы Данилова стала известна русскому обществу благодаря статье в газете «Русский инвалид» в 1876 г. Именно там впервые было поведано о мученической смерти унтер-офицера 2-го Туркестанского стрелкового батальона Данилова, захваченного в плен кипчаками. Пулат-хан обещал ему «помилование, награду и честь», если согласится отречься от Христа. Данилов отвечал, что изменить кресту не может и, как царский подданный, хотя и в плену, должен исполнить свой долг. 21 ноября 1875 г., в Маргелане унтер-офицер был жестоко убит.

Ф.М. Достоевский посвятил воину-мученику раздел в «Дневнике писателя за 1877 год» («Фома Данилов, замученный русский герой»). Он назвал героя «эмблемой России, всей России, всей нашей народной России». Образ Данилова вдохновлял Достоевского и при написании седьмой главы романа «Братья Карамазовы» («Контроверза»).

Так кто же такой Фома Данилов? Уже почти сразу после его смерти было установлено, что Данилов был родом из с. Кирсановки

Бугурусланского уезда Самарской губернии. Но сегодня выяснены и иные подробности.

Село Кирсановка (ныне – Кирсаново) ныне входит в Пономарёвский район Оренбургской области. Большой вклад в исследование родословной героя внёс краевед Н.Г. Алтухов. Но он не пришёл к одной версии фамилии героя: Лоторев, Лотырев (Алтухов Н.Г. История Пономарёвского района. Оренбург, 2008. С. 85.). После изучения мною метрических книг Космодемьянской церкви села Кирсановки установлено, что у родственников наиболее часто встречается вариант «Лотарев». Именно этот вариант и следует считать основным.

Фома Данилович Лотарев родился в 1846 г. и был младшим сыном в семье Данилы и Татьяны Лотаревых. У Фомы был старший брат Андрей (1836–1881) и сёстры Мария, Евдокия, Феврония, Анна. В 1864 г. Фома женился на Ефросинье Филипповне Тугих. 24 ноября 1865 г. у них родилась дочь Варвара, но прожила только год. В 1869 г. Ф.Д. Лотарев был призван на военную службу. В 1873 г. он был произведён в унтер-офицеры и вскоре стал каптенармусом 2-го Туркестанского стрелкового батальона.

Завоевание Туркестана стало одной из геополитических акций России того времени. В те годы в Кокандском ханстве было беспокойно: его сотрясали бунты. 9 октября 1875 г. повстанческая армия самозванца Пулат-хан овладела Кокандом. Законные правители бежали под защиту русских войск в Ташкент. В такой обстановке Россия ввела на территорию ханства свои войска.

Но вернёмся к унтер-офицеру Ф.Д. Лотареву. В ноябре 1875 г., следуя из Ташкента в Наманган, он перегружал сломанную повозку и отстал от военного прикрытия. Вместе с несколькими солдатами Фома был захвачен в плен отрядом кипчаков.

Газета «Русский инвалид» даёт описание дальнейших событий, происходивших на площади в Маргелане. По приказанию Пулат-хана Данилову двукратно предлагали перейти в мусульманство, обещая за это богатство, в противном случае угрожая мучительной смертью. Фома категорически это отверг: *«В какой вере родился, в такой и умру, а своему царю я дал клятву и изменять Ему не буду»*. Когда к нему подошли в третий раз с тем же, Фома, выбрав всех присутствующих, произнёс: *«Напрасно вы... надрыгаетесь, ничего с меня не возьмёте, а хотите убить, так убейте»*. После этого его связали и привязали к доске. 25 сипаев дали по нему *«неправильный*

залл», стремясь тяжело ранить. 29-летний герой жил ещё около часу. Пощады он не попросил. Смерть воина произвела впечатление на туземцев, которые говорили, что «русский солдат умер как батыр» (О героической смерти унтер-офицера Данилова // Русский инвалид. 1876. № 90. 27 апреля. С.2.).

М.А.Терентьев в своём обширном труде «История завоевания Средней Азии» предполагает, что кроме Данилова на площади в Маргелане были Святополк-Мирский и сотник Кузьмин. Фома Данилов «особенно возражал» против перехода в иную веру и службы Пулат-хану. Товарищей Данилова просто зарезали, а ему была уготована казнь более изощрённая. Унтер-офицеру «отрубали по суставу каждого пальца, вырезали из спины ремни, поджаривали на угольях и т.п.» Мученик остался непреклонен (Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. Т. 2. СПб., 1906. С. 389). Как видим, подробности событий существенно отличаются. Поскольку описание казни в газете «Русский инвалид» по времени намного ближе к событию, оно представляется более правдоподобным.

12 февраля 1876 г. Коканд был взят русскими войсками. Генерал-майор Скобелев был назначен военным губернатором Ферганской области. 1 марта 1876 г Пулат-хан и некоторые его приспешники военно-полевым судом были приговорены к повешению за зверства над русскими пленниками. Символично, что казнены они были на той самой площади, где был замучен Ф.Д. Лотарев и другие пленные. Узнав о подвиге воина-мученика, русские солдаты нашли его могилу и перезахоронили по православному обряду.

О героической смерти Данилова было объявлено в приказе по туркестанским войскам и сообщено самарскому губернатору. Император Александр II повелел назначить вдове пожизненную пенсию. Пенсия была назначена и его дочери Иулитте (в просторечье – Улите), но здесь придётся сделать необходимую поправку. Иулитта, родившаяся 31 июля 1873 г., не была дочерью Фомы Лотарева. Метрические книги об этом свидетельствуют однозначно: при регистрации она названа «незаконнорождённой», отец не указан. При выходе замуж отчество Улиты указано по крёстному отцу. Вдова героя получала пенсию 120 руб. в год. Земское собрание Самары собрало 1320 руб. для Улиты. Из них 600 руб. было внесено в банк до достижения ею совершеннолетия, а остальные деньги были выданы вдове.

Прямых наследников у Ф.Д. Лотарева нет. Что касается родственников, то братья и сёстры в течение долгих лет жили в Кирсановке. Один из потомков брата героя – Андрея Даниловича Лотарева является автором данной статьи. Остаётся надеяться, что память о войне-мученике, «эмблеме России» и его подвиге, будет сохранена и обществом, и Церковью (6 декабря нового стиля – день памяти героя, но пока в числе святых он не прославлен).

А.В. Сиренов (Санкт-Петербург)

О СПИСКАХ ВОСКРЕСЕНСКОЙ ЛЕТОПИСИ

Воскресенская летопись известна в 13-ти списках (Левина С.А. Списки Воскресенской летописи // Летописи и хроники: Сб. ст. 1984. М., 1984. С. 38–58). Списки Воскресенский (БАН. НИОР. 34.5.24), Алатырский (БАН. НИОР. 16.3.1) и Быстровский (РНБ. ОР. Собр. Быстрова. № 2,) содержат первую половину текста Воскресенской летописи (до известия о бое на Жабчем поле 1347 г.). В списках Парижском (РНБ. ОР. F.IV.687), Синодальном (ГИМ. ОР. Син. 144), Уваровском (ГИМ. ОР. Увар. 567) и Археографическом (СПБНИИ РАН. Архив. Колл. 11 (собр. Археографической комиссии). № 243) читается вторая половина летописного текста. Румянцевский список (РГБ. НИОР. Ф. 256 (собр. Н.П. Румянцева). № 256) начала XIX в., как установлено С.А. Левиной, является копией Археографического. Все эти рукописи восходят к одному списку Воскресенской летописи, разделенному на два тома. Соответственно, списки Воскресенский, Алатырский и Быстровский восходят к первому тому, а списки Парижский, Синодальный, Уваровский и Археографический – ко второму.

Иное происхождение имеют списки Катыревский (принадлежавший известному писателю первой половины XVII в. И.М. Катыреву-Ростовскому и названный издателями Библиотечным по месту хранения в Публичной библиотеке – РНБ. ОР. F.IV.239), Карамзинский (из собрания Н.М. Карамзина, переданного после его смерти через Археографическую комиссию в Публичную библиотеку – ныне РНБ. ОР. F.IV.601), Библиотечный (РНБ. ОР. F.IV.585), Музейный (из собрания И.Д. Беляева – ныне РГБ. НИОР. Ф. 178 (Музейное собр.) 1509), Мазуринский (РГАДА. Ф. 196 (собр.

Ф.Ф. Мазурина). № 1530). А.Е. Пресняков доказал, что Карамзинский список является копией Библиотечного, потому что окончание текста Карамзинского списка на середине предложения соответствует обрыву текста в Библиотечном списке, в котором следующие листы утрачены (Пресняков А.Е. Мелкие заметки к Воскресенской летописи // Летопись занятий Археографической комиссии. Вып. 13. С. 10; Левина С.А. Списки Воскресенской летописи. С. 54). Кроме того, Библиотечный список представляет собой конволют, состоящий из двух частей: списка Воскресенской летописи середины XVI в., текст которого обрывается после слов «тое же зимы декабря князь велики Василей Иванович всея Руси», и летописной компиляции, соединяющей повествование Воскресенской летописи с 1515 г. и Летописец начала царства первоначальной редакции, завершающийся известиями 1552 г. В конце рукописи на бумаге рубежа XVI–XVII вв. написан фрагмент свода 1560 г. со статьи 1552 г. «О пременении царской одежи». Рукопись обрывается на известии 1560 г. после слов «приказ от панов о гродских делех к околичему к Олексею Федоровичю Адашеву да х казначею Феодору Ивановичю Сукину да к дияку к И[вану]» (Клосс Б.М. Об издании летописного свода 1560 г. // Летописи и хроники. 1980 г. В.Н. Татищев и изучение русского летописания. М., 1981. С. 222; Левина С.А. Списки Воскресенской летописи. С. 53). В результате получилось цельное повествование об истории России с древнейших времен до второй половины XVI в. К сожалению, конец рукописи утрачен, и до какого года было доведено изложение событий, по современному состоянию рукописи определить нельзя. С.А. Левина установила, что копией Библиотечного списка является Музейный список (Левина С.А. Списки Воскресенской летописи. С. 56). Таким образом получается, что следует установить взаимоотношение четырех списков: Библиотечного, Катыревского, Мазуринского и недошедшего до нас двухтомника.

Среди списков Степенной книги есть группа рукописей, в которых текст Степенной соединен с Воскресенской летописью. Самый ранний из них, РНБ. ОР. Эрм. 446/1–4, датируется 40-ми гг. XVII в. Во второй половине XVIII в. он был приобретен А.С. Строгановым на Рогожском кладбище в Москве и преподнесен Екатерине II, для которой в 1791–1793 гг. с этого списка сделали копию РНБ. ОР. Эрм. 552/1–4. Другие списки этой группы: БАН. Собр. текущих поступлений. № 374; ГИМ. ОР. Увар. № 246 и РГБ. НИОР. Ф. 722,

№ 258 (За указание рукописи из фондов РГБ приношу благодарность А.В. Кузьмину. Этот список датируется 3-й четвертью XVIII в. и содержит помимо фрагмента Воскресенской летописи только первые восемь глав Степенной книги). Можно утверждать, что список Эрм. 446 не является протографом для всех перечисленных списков. Так, например, в списке Тек. пост. 274 имеются заголовки, не вписанные в Эрм. 446. Обращаясь к фрагменту Воскресенской летописи в списке Эрм. 446 и ему подобных, следует отметить его исключительную близость к тексту Библиотечного списка Воскресенской летописи. Имеют место даже повторения индивидуальных ошибок Библиотечного списка, что позволяет рассматривать фрагмент Воскресенской летописи, помещенный в списках РНБ. ОР. Эрм. 446/1–4, Эрм. 552/1–4, БАН. НИОР. Собр. текущих поступлений № 374; ГИМ. ОР. Увар. 246 и РГБ. НИОР. Ф. 722 № 258, как копию соответствующего текста Библиотечного списка.

Библиотечный список занимает особое место в рукописной традиции Воскресенской летописи. Прежде всего, перечень митрополитов в его вводной статье изначально заканчивался Иоасафом. Имя Макария написано неосновным почерком и является, можно думать, позднейшей припиской. Все остальные списки доводят перечень до Макария. Таким образом, то обстоятельство, что повествование Воскресенской летописи доведено до 1541 г., когда митрополичий престол занимал Иоасаф, указывает на первичность текста Библиотечного списка налицо.

Однако списки Катыревский и Мазуринский, которые, как и Библиотечный, относятся к середине XVI в., т.е. близки ко времени составления Воскресенской летописи, по всей видимости, восходят не к нему, а к архетипу произведения, к которому восходит и двухтомник, известный нам по копиям. Таким образом, для изучения Воскресенской летописи первостепенное значение имеют списки Библиотечный, Катыревский, Мазуринский, а также несохранившийся в оригинале двухтомник.

Н.Р. Славнитский (Санкт-Петербург)

**«ЛЕТОПИСЬ ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ» –
РУКОПИСЬ ИЗ ФОНДОВ ГМИ СПб**

«Летопись Петропавловской крепости» – рукописный журнал, хранящийся в Рукописно-документальном фонде Государственного музея истории Санкт-Петербурга. В нем в хронологическом порядке в виде погодных записей описаны события, так или иначе связанные с историей Санкт-Петербургской крепости с 1703 по 1879 г. Автор неизвестен. Рукопись долгое время хранилась в Музее Революции, а в 1983 г. поступила в фонд из сектора истории Петропавловской крепости. В 2008 г. рукопись была издана музеем.

Работа по составлению «Летописи», скорее всего, была начата в середине 1860-х годов. На это предположение наталкивают два факта. Во-первых, в 1863 г. была введена должность секретаря комендантского управления в Санкт-Петербургской крепости (Летопись Петропавловской крепости. СПб., 2008. С. 211.). Кроме того, с января 1863 г. в крепостях Российской империи был введен более упрощенный способ составления смет на ремонтные работы (Записки генерал-адъютанта Шильдера по истории крепостного строительства и инженерных войск в XVIII–XIX вв. // ВИМАИВиВС. Инженерно-документальный фонд. Инв. 22/837. Л. 66). И именно с этого периода в «Летописи» появляются подробные отчеты о ремонтных работах в крепости (с указанием сумм, затраченных на них). Можно предположить, что в обязанности секретаря комендантского управления входило составление этих финансовых отчетов о переделках, и он же являлся и составителем «Летописи».

Следует отметить один интересный момент: в рукописи приводится большое количество сведений о руководящем составе гарнизона крепости, однако нет практически никаких данных о его структуре.

Для описания событий XVIII в. составитель использовал, главным образом, опубликованные к тому времени материалы: законодательные (Полное собрание законов Российской империи. Изд. 1-е. СПб., 1830.), записки иностранцев (Вебер Х. Записки о Петре Великом и его преобразованиях // Русский архив 1872. Вып. 6.; Описание Санктпетербурга и Кроншлота в 1710 и 1711 гг. СПб.,

1860.), различные журналы (Журнал или Поденная записка блаженных и вечнодостоинных памяти государя императора Петра Великого с 1698 года даже до заключения Нейштадского мира. Ч. I. СПб., 1770; Походный журнал 1704 г. СПб., 1854.), материалы периодической печати (Первые русские ведомости, печатавшиеся в Москве в 1703 г. / Бычков А. Ф. СПб., 1855.), а также сочинение А.И. Богданова, посвященное истории Петербурга (Богданов А.И. Историческое, географическое и топографическое описание С.-Петербурга от начала заведения его, с 1703 по 1751 год. СПб., 1779.). Кроме того, им использовалось и описание Петропавловского собора, составленное С. Новоселовым и опубликованное в 1857 г. (Новоселов С. Описание кафедрального собора во имя святых Первоверховных апостолов Петра и Павла в Санктпетербургской крепости. СПб., 1857.). В какой-то степени «летопись» можно назвать трудом историка, особенно в той части, где речь идет о событиях XVIII и первой половины XIX в.

При описании событий XIX в. составитель, по-видимому, использовал материалы, хранившиеся в архиве Комендантского управления крепости (в основном финансовые документы, в некоторых местах текста присутствуют ссылки на архив Комендантского ведомства), а также разного рода циркуляры военного министерства (по Инженерному департаменту). И им по-прежнему привлекались законодательные материалы.

В тексте «Летописи» встречаются и известия, касающиеся истории Санкт-Петербурга в XIX в. Однако в этот период составителем упоминаются лишь те события, сведения о которых имелись в делах комендантского управления – об устройстве Александровского парка, о назначении на должность Санкт-Петербургского военного губернатора М.Е. Храповицкого (1846 г.) и Д.И. Шульгина (1847 г.). Также в «Летописи» фиксируются захоронения членов императорской фамилии – в архиве комендантского управления сохранились дела, заводившиеся в каждом из таких случаев.

Следует отметить, что в тексте «Летописи» нередко встречаются неточности, прежде всего в датах (главным образом, это касается его работы с «Полным собранием законов»). Кроме того, порой составитель либо объединял события разных лет (оборона Санкт-Петербурга в 1704–1705 гг.), либо соединял факты, взятые из разных источников (штат Инженерного корпуса). В некоторых местах перепутаны ссылки. Опечатки есть и среди описаний ремонтных работ в

XIX в. В частности, в 1843 г. в «Летописи» указано: «капитальное исправление в Петровской куртине каземат, по правую сторону ворот, для помещения комплектного батальона» (Летопись Петропавловской крепости. С. 172), а из документов следует, что в том году ремонтировали казематы обеих этажей Петровской куртины по левую сторону ворот (РГИА. Ф. 1280. Оп. 1. Д. 355. Л. 2) (казематы по правую сторону от ворот планировали ремонтировать только в следующем году – см. РГИА. Ф. 1280. Оп. 1. Д. 360. Л. 3).

Попадают и взаимоисключающие друг друга записи. К примеру, в 1709 г. отмечается, что «с того времени город сей сделался в полном смысле слова столицею» (Летопись Петропавловской крепости. С. 23.). В то же время в 1710 г. встречается противоположная запись: «в то время еще не обнаруживалась мысль Великаго преобразователя перенесения столицы на Невския тундры» (Там же. С. 25). Это, на наш взгляд, связано с тем, что составитель в обоих случаях цитировал разные источники.

В рукописи присутствует довольно большое количество опечаток и ошибок (неправильно указаны имена и фамилии, названия ведомств). Часть этих опечаток поправлена карандашными пометками. Скорее всего, текст «Летописи» подвергся двум «редакторским правкам»: сначала в XIX ст., а затем в 1920-е годы, когда он уже хранился в Музее Революции (была исправлена орфография в некоторых известиях, касающиеся Петропавловского собора, возможно, это было сделано хранителем собора О.М. Равицкой).

Большинство известий XIX в. основаны на использовании архивных материалов и являются интересными. Можно отметить также интересный момент, связанный с «Летописью»: этим трудом пользовались при составлении исторических справок в Инженерном департаменте. В частности, в начале XX в. при составлении кратких справок о состоянии крепостей Российской империи, историческая справка о Санкт-Петербургской крепости явно составлена на основе «Летописи» (ВИМАИВиВС. Инженерно-документальный фонд. Инв. 22 / 811. Л. 115–116.).

В целом опубликованная рукопись, несмотря на отдельные неточности, позволяет проследить историю Санкт-Петербургской крепости. В ней присутствует также большое количество сведений, позволяющих также получить представление о Санкт-Петербурге в первые периоды его существования.

**АКТОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
И ИНТЕРВЕНЦИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ В
АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДАЛЬИСПАРТА**

Выявление, изучение и издание источников по истории Гражданской войны стало осуществляться в первые годы после ее окончания, как в Советской России, так и за рубежом. Особый интерес в данной связи представляет функционирование Истпарта ЦК ВКП(б) и сети местных истпартов (историко-партийных отделов областных и краевых, а также губернских комитетов ВКП(б)). Проблемы истории Гражданской войны на Дальнем Востоке 1918–1922 гг. являлись прерогативой Дальневосточного истпарта.

Одним из главных направлений деятельности Дальистпарта была публикация актовых источников по истории Гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке. Это осложнялась разрозненностью документов и плачевным состоянием архивов, а также уничтожением значительного количества документации в условиях Гражданской войны.

К сборникам документов Дальистпарта, посвященных Гражданской войне и интервенции на Дальнем Востоке можно отнести следующие издания:

1. Дальистпарт. Сборник материалов по истории революционного движения на Дальнем Востоке. Кн. 1. Владивосток, 1923;
2. Дальистпарт. Книга II. Владивосток, 1924;
3. Дальистпарт. Книга III. Владивосток, 1925;
4. 4–5 апреля 1920 г. Хабаровск, 1937.

Для сборников 1923–1925 гг. свойственно объединение под термином «материалы» самых различных типов документов. Однако структура сборников вносит различие в понимание материалов и документов, которое в целом можно свести к традиционному делению источников на историческую традицию и исторические остатки. Во вводных статьях к сборникам указывалось, что «при выборе материалов редакция прежде всего старалась дать место таким <...> документам, которые находились в более обработанном виде и достаточно ярко характеризовали какой-либо период из истории борьбы на ДВ трудящихся масс с контрреволюцией и интервенцией» (Кн. 1. С. 3). Так, в сборниках публиковались

резолюции съездов трудящихся Амурской области (Дальистпарт Кн. 1. С. 227–235), акт комиссии по вскрытии могил жертв контрреволюции в Нерчинске (Кн. 1. С. 235–239), протокол заседания конференции на ст. Урульга от 29 августа 1918 г., где советским руководством Сибири и Дальнего Востока решался вопрос о развертывании партизанской войны против белых и интервентов (Кн. 2. С. 101–117), протокол допроса белогвардейцами председателя СНК Амурской трудовой социалистической республики Ф.Н. Мухина (Кн. 2. С. 210–217).

Помимо публикации свидетельств «борьбы трудящихся масс с интервенцией и контрреволюцией», Дальистпарт стремился к ликвидации «белых пятен» в истории Гражданской войны. При опубликовании делопроизводственной документации контрразведки Приамурского военного округа, освещающей подготовку и подавления чехословацкого восстания под руководством Р. Гайды во Владивостоке, составителями сборника было сделано примечание: «Все вместе взятое проливает свет на события, остававшиеся загадкой и для тех, кто в это время занимался парработой в крае». (Кн. 2. С. 143).

Публикуя директивы Токийского военного министерства командованию японскими экспедиционными войсками на Дальнем Востоке (Кн. 1. С. 278–289), приказы командования Колчака, Семёнова и других руководителей белого движения (Кн. 2. С. 200–210), редакторы сборников в качестве одного из критериев выдвигают освещение процессов, происходивших в лагере контрреволюции и войсках интервентов, а также их взаимодействие.

Для сборников Дальистпарта 1923–1925 гг. свойственно снабжение публикуемых актов краткой аннотацией и примечаниями, в которых приводились ссылки на другие опубликованные документы по данной теме. В то же время публикация актов не сопровождалась архивными ссылками. Также акты и источники иллюстрировались публикуемыми во вклейках фотодокументами. Подготовка сборников к публикации осуществлялась под руководством заведующего Дальистпартом Г.А. Мучника – участника революционного движения и Гражданской войны.

Другой подход в публикации актов мы видим при составлении сборника «4–5 апреля 1920 г.», где опубликованы распоряжения, указы, меморандумы командования понских экспедиционных войск; резолюции и обращения организаций РКП(б), Приморской Земской

управы, профессиональных союзов; делопроизводственная документация Госполитохраны ДВР, связанные с японским выступлением 4–5 апреля 1920 г. Значительным пробелом является отсутствие в публикации актовых источников белогвардейских организаций, которые отражали бы их позицию по отношению к данным событиям.

Сборник представляет собой тематическую публикацию преимущественно актовых материалов, в которой воспоминания участников событий, в отличие от сборников 1920-х гг. сведены к минимуму. Разделы сборника сформированы в соответствии с главной идеологической целью публикации – показать читателям преступления японских интервентов и мобилизовать советских граждан на возможную борьбу с Японией в условиях военной опасности 1930-х гг., сплотив их вокруг ВКП(б) и И.В. Сталина. Акты снабжаются архивными ссылками, что является следствием формирования партийного архива Далькрайкома ВКП(б). Однако в остальном научно-справочный аппарат сборника сводится к предисловию, где раскрываются предпосылки японского выступления 4–5 апреля, его историческое и современное политическое значение.

Итогом археографической деятельности Дальистпарта стало введение в научный оборот значительного количества неопубликованных источников по истории Гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке, в том числе публично-правовых актов и делопроизводственной документации противоборствовавших сторон. Сборники документов Дальистпарта 1920-х гг. значительно отличаются от сборника 1937 г. как критериями выборки документов для публикации, так и элементами научно-справочного аппарата, что связано с эволюцией работы Дальистпарта и трансформациями советского общества.

Я.Г. Солодкин (Нижневартоск)

**СУЩЕСТВОВАЛА ЛИ «ШЕРТОПРИВОДНАЯ ЗАПИСЬ»
СИБИРСКИХ «ИНОЗЕМЦЕВ» МОСКОВСКОМУ ГОСУДАРЮ
В НАЧАЛЕ ПОХОДА ЕРМАКА?**

Как рассказывается в Есиповской летописи (далее – ЕЛ), заняв город Сибирь после бегства оттуда хана Кучума и одержав победу

над царевичем Маметкулом у Абалака, Ермак «с товарищи» послали «к Москве со[у]нчом», сообщая Ивану IV, что победили «нечестивых», многих «иноземцов, тотар и остяков, и вогуличь, и проч[и]я языцы... к [шерти] по их вере привели», дабы им быть под его царскою высокою рукою до веку,... и ясак... давати государю по вся лета без переводу... А которые похотят к государю в его государскую службу, и тем бы ево государская служба служити прямо,... и самем им не изменить, к царю Кучюму и в иные орды и улусы не отъехать,... и во всем [правом постоянстве] стоять» (ПСРЛ. М., 1987. Т. 36. С. 57–58).

В Погодинском летописце (далее – ПЛ), который есть веские основания признать одной из вторичных разновидностей ЕЛ, кроме приведенных известий читаем, что ермаковцы – «государевы люди» – «сибирскаго царя Кучюма и с его детми с Алеем да са Алтынаем да с Ышимом и съ его вои победиша и брата царя Кучюмова царевича Маметкула разбиша ж», и дважды сказано «иноязычных людей... к шерти привели», обязывающей их «ясак... государю давати по вся годы» и «стоять в прямом постоянстве». Примечательно, что в концовке этой «Повести летописной, откуда начая царство бисерменское в Сибири...» сообщается, что из десяти ханских сыновей три (среди которых названы Алей и Алтынай) «при прежних государях были на Москве». В одной из первых глав ПЛ упоминается про «иноязычных людей», а не «язык», как у Есипова (Там же. С. 48, 130, 132–133, 137. Ср.: С. 135). Соответствующие строки его «Повести», стало быть, подверглись редактированию.

Известная нам благодаря ЕЛ и ПЛ казачья «отписка» царю Ивану сохранена и в самостоятельном виде в копии конца XVIII в. По определению В.И. Сергеева, это шерстная грамота, которая большей частью дословно воспроизведена в «Повести летописной...» (Сергеев В.И. Источники и пути исследования сибирского похода волжских казаков//Актуальные проблемы истории СССР. М., 1976. С. 43, 52–53). Е.К. Ромодановская (считающая, что В.И. Сергеев неоправданно сближает «шерть» и одну из глав ПЛ), Р.Г. Скрынников и М.А. Демин повторили данную оценку, сочтя, однако, что ПЛ сохранил первоначальный текст указанного документа. Р.Г. Скрынников отчего-то находил, что в качестве шерстной грамоты в Сибири использовалось составленное в Посольском приказе царское послание Ермаку, где процитирована «реляция» атаманов и казаков Грозному. Видный историк, обосновывая мысль

Е.К. Ромодановской о первичности рассказа ПЛ о присяге, к которой атаманы и казаки привели сибирских «иноземцев», сравнительно с упомянутым документом, ссылаясь на то, что о победе ермаковцев над Кучумом и Маметкулом говорилось и в одном из посольских наказов 1585 г. Ведь в указанном рассказе, да и концовке ПЛ, речь идет и о том, что казачья «дружина» одолела также ханских сыновей. Создатель «Повести летописной...» мог дополнить есиповский текст, обратившись к документальному источнику, но едва ли посольскому наказу, привлечшему внимание Р.Г. Скрынникова. С точки зрения М.А. Демина, создатель ПЛ непосредственно, а вовсе не в изложении Есипова, знал эту грамоту, ибо пишет о приведении коренных жителей Сибири к присяге русскому царю по их «верам», а не «вере» (Демин М.А. Коренные народы Сибири в ранней русской историографии. СПб.; Барнаул, 1995. С. 132–133). Этот аргумент не представляется достаточно убедительным, ибо сочинитель «Повести летописной...», как и во многих других случаях, мог отредактировать текст «Сказания» владычного дьяка. Так, если последний, говоря об истреблении «зломысленным» Карачей отряда Ивана Кольца, указал на шерть «по своей вере», то в ПЛ она названа «безбожной». Отметим и то, что в документах 1627 г. о вере и верах говорится в одинаковом значении. Недаром в интересующей нас главе ЕЛ (подобно многим другим источникам сибирского происхождения) идет речь об иноземцах, а в ПЛ – «иноязычных людях» (ПСРЛ. Т. 36. С. 61, 134. Ср.: С. 73–74, 107).

Текст, принятый В.И. Сергеевым и другими исследователями за шертную грамоту («Изволением всемилостивого Бога и его Великого Г[о]с[у]даря царя и великого князя Ивана Васильевича всеа России самодержца щастием, Ермак с своими товарищами царство Сибирское взяли... стоять крепко и непоколебимо до века») по сути представляет собой извлечение из ЕЛ. Сравнительно с ней в этом тексте лишь дополнительно сказано, что ермаковцы Кучума «в бегство обратили, многих... покорили его царского величества державе». Кроме того, вместо «зла... не думать» читаем «зла... не творить»; в ЕЛ нет и выражения «крепко и непоколебимо до века».

Кстати, глава «сложения» Есипова о поездке сеунчиков Ермака в Москву подверглась правке и в Титовской, Абрамовской, Забелинской разновидностях этого произведения, в Нарышкинской и Академической редакциях Сибирского летописного свода (Там же. С. 85, 93–94, 111, 244–245, 308, 362).

Видимо, софийскому дьяку была известна какая-то «шертовальная» (шертоприводная) запись, которая, судя по многочисленным документам, предусматривала служить, «прямить», «во всем добра хотеть», показывать «правду», выдавать заподозренных в измене и «воровстве» (См.: Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции / Собр. и изд. А. Попов. М., 1869. С. 319; Покровский Н.Н. Томск: 1648–1649 гг.: Воеводская власть и земские миры. Новосибирск, 1989. С. 169, 317. Ср.: С. 118).

Обратим внимание на то, что в главах ЕЛ, предшествующих рассказу о принятии «иноземцами» шерти, не сообщается про подчинение «русским полком» живших на берегах Туры вогулов. Владычный дьяк упомянул лишь о том, что они, подобно татарам, остякам и другим «языцам», подвластным Кучуму, сражались в рядах его войска с казачьей «дружиной» (Там же. С. 44, 52). О двух вогульских волостях – Большой Конде и Малой Конде – известно, что их жители начали платить ясак (уже в Тобольск) соответственно с 1588/89 и 1591/92 гг. (Описание Сибирского Царства: Соч. Г.Ф. Миллером. М., 1998. Кн. 1. С. 193–196. Ср.: С. 181), а отнюдь не со времени «Ермакова взятия» «бисерменского» «юрта». Сообщая же «о пришествии... во град Сибирь» к казакам и их «наставнику» татар и остяков, летописец умалчивает про «шертование» последних. Остяцкие же «городки и улусы», оказывается, были покорены ермаковцами уже после отъезда их «товарищей» в Москву.

По словам Есипова, «Сибирская страна» «взята бысть от православных христиан... в наследие росийского скипетродержательств[а]». Он же вслед за С вкладывает в уста атаманов и казаков намерение «послужити» «благочестивому» царю, и замечает, что русские «вои» овладели ею «при державе» Ивана Васильевича, его «молитвою» и «счастием»; Ермак, когда был взят в плен Маметкул, оказывается, «поведает... ему царское великое жалованье», а Грозный наградил казачьего «наставника» «с товарищи» «за их к нему, государю, службу», благодаря которой «Сибирская земля» превратилась в царскую державу (ПСРЛ. Т. 36. С. 42, 51, 56–60, 71, 380. Ср.: 61, 64–66, 68). Сошлемся в этой связи на грамоту царя Михаила Федоровича в Тюмень от 23 февраля 1623 г., где говорится, что Ермак «с товарищи» «Сибирское царство» «нам взяли», и грамоту московского самодержца в Тобольск от 18 марта

следующего года, согласно которой «тоболские служивые литовские люди... служили нам в Сибири... с сибирсково взятыя».

Следовательно, заключение Н.Н. Покровского и Е.К. Ромодановской, что «по Есипову», пришедшие в Сибирь казаки «не имели никакого отношения... к официальной государственной власти», нельзя признать точным, как и представление В.Г. Мирзоева, будто в «писании» софийского дьяка умалчивается «об участии царского правительства в продвижении в Сибирь и ее присоединении». Отметим, что согласно посольским наказам 1585 и 1586 гг., царевича Маметкула «ко государю привели» то «государевы люди», то казаки. Известно, что среди них были и ермаковцы во главе с атаманом Иваном Грозой. В дипломатической документации конца XVI в. порой и утверждается, что «государевыми людьми» являлись и казаки, «взявшие» Сибирь.

Если верить создателю ЕЛ, «иноземцы», очутившиеся «под царскою высокою рукою», должны были «ясак... давати государю по вся лета без переводу... А которые захотят к государю в его государскую службу, и тем бы ево государская служба служити прямо». Но могли ли вольные казаки, да к тому же еще и «воровские», выступать от имени «ярозитового» самодержца? Представление, что «шерть» подобно «отписке» царю написали ермаковцы (Сутормин А.Г. Ермак Тимофеевич (Аленин Василий Тимофеевич). Иркутск, 1981. С. 135), поэтому маловероятно. К тому же сеунч обычно – это весть о победе, так что сомнительно, будто атаманы и казаки сообщили Грозному и о приведении к присяге «иноземцев» Сибири. Ермаковцы могли ограничиться сбором ясака, что по тем временам означало «переход в подданство России» (Резун Д.Я. Русские в Среднем Причудьмье в XVII–XIX вв. (Проблемы социально-экономического развития малых городов Сибири). Новосибирск, 1984. С. 39).

О том, что «послание» атаманов и казаков Грозному было сочинено Есиповым (или «преж» него «списавшим» «летопись Сибирское царство и княжение и о взятии, и о Тоболске граде») свидетельствует и то, что в рассматриваемой главе произведения владычного дьяка говорится «Изволи Бог предати христианом Сибирскую землю... изволением всемилостиваго [в Троицы] славимого Бога... царство Сибирское взяша». Ранее же и позднее в ЕЛ читаем: «О Сибирьстей стране, како изволением Божиим взята бысть от рускаго полка», «како Божественным изволением взята

бысть от православных христиан», «Бог восхоте царство его (Кучума – Я.С.)... предати православным христианом», «Божественным изволением и повелением» (ПСРЛ. Т. 36. С. 42, 48, 69).

Скорее всего, изложенное в официальной тобольской летописи содержание казачьей «отписки» в Москву – это, по определению Е.К. Ромодановской, «вымышленное обстоятельство», подобное, на наш взгляд, рассказу о поездке сеунчиков Ермака к Ивану Грозному.

С.В. Сохань (Киев, Украина)

**КНИГА-АРХИВ КИЕВСКОГО МИХАЙЛОВСКОГО
ЗОЛОТОВЕРХОГО МОНАСТЫРЯ 40-Х ГГ. XVIII В.:
ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ**

Издание сложных комплексов актовых источников, содержащих разновременные и разнородные документы, является важной задачей источниковедения и требует особого внимания.

В Институте рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского совместно с Институтом украинской археографии и источниковедения имени М.С. Грушевского Национальной академии наук Украины завершилась подготовка к публикации значительной по объему (532 лл.) копийной книги Киевского Михайловского Золотоверхого монастыря, составленной в самом монастыре в 40-х годах XVIII в. (датировано по типу письма и филигранями). Рукопись была реставрирована в 1808 г. по распоряжению настоятеля Киевского Золотоверхого Михайловского монастыря Иринея Фальковского. (Сохань С.В. Книга-архів як джерело вивчення документальних спадщини київських монастирів: археографічний та книгознавчий аспекти // Рукописна та книжкова спадщина України. Київ, 2007. Вип. 12. С. 210–221).

Публикация таких источников представляет значительный интерес в связи с тем, что церковные архивы после революции в Украине были национализированы, изъяты или утрачены, рассредоточены по разным архивам. Сегодня эта книга хранится в рукописном собрании Киевского Михайловского Золотоверхого монастыря (Ф. 307) в фондах Института рукописи.

Документы отражают целостную историю социально-экономического статуса и земельных отношений монастыря за период

1521–1742 гг. Содержание книги разделено на 5 разделов. Копии из первых 3-х разделов начинаются с заглавий, которые в целом передают содержание актов, указывая на объект действия. Перед документами были написаны заголовки.

В 318-ти представленных в предметно-хронологическом порядке актов документах раскрывается история имущественных взаимосвязей на уровне государство–церковь–личность, динамика изменений границ и размеров землевладений монастыря. Документы копийной книги монастыря являются источником для изучения церковной истории, ценовых и земельных отношений в период XVI–XVIII вв. в Украине, на основе анализа представленных в них сведений о стоимости отдельных участков земли, которую приобрел монастырь. Публикуемые документы являются важным источником по исторической топонимике Киева, городов и сел Киевской, Полтавской, Черниговской областей Украины, генеалогии казацкой старшины, правовых норм, которые существовали в административно-судебных органах власти в XVI–XVIII вв.

Необходимым условием в процессе подготовки публикации документов копийной книги является определение разновидностей документов и их источниковедческой значимости. Копийная книга свидетельствует об определенной системе документирования в Киевском Михайловском Золотоверхом монастыре. Общая структура «книги-архива» монастыря упорядочивалась согласно составу оригиналов документов, которые хранились в архиве монастыря до секуляризации монастырских земель в Украине в 1786 г. Поэтому ошибочность в передаче текстов документов переписчиком была сведена к минимуму. Исключение составляют только тексты копий царских грамот из последнего раздела, которые содержат много правок другими чернилами. В состав книги преимущественно были отобраны поземельные акты (судебные иски, жалобы, купчие). Среди публично-правовых документов, помещенных в книгу, видное место занимают привилегии польских королей, жалованные грамоты великих князей и царей, универсалы украинских гетманов и полковников. Переписка, духовницы и другие документы частного характера являются источником для просопографических исследований и реконструкции биографий церковных и государственных деятелей.

Поскольку документы книги представлены в копиях, археографы провели значительную работу по установлению местонахождения

оригиналов документов. При публикации используется критический способ передачи текста документов, предполагающий сличение с имеющимися оригиналами этих документов и анализ разночтений. Была осуществлена также научная реконструкция истории документов архива монастыря по копиям книги. Особенностью источниковедческой базы для исторических исследований копийной книги является ее значимость в тех случаях, когда отсутствовали собственно оригиналы или они были в дефектном состоянии. В этом случае документы копийных книг представляют собой наиболее ранние и порой единственные списки публикуемых документов.

Заголовки документов раскрывают особенности актовых источников религиозного характера, характерные черты составления протоколов актовых источников юридического характера, которые расширяют исследования делового стиля письменных источников XVI–XVIII вв.

Текст документов воспроизводится в соответствии с действующими правилами издания исторических документов XVI–XVIII вв., которые учитывали предыдущие археографические наработки исследователей. В археографическом заголовке присутствуют следующие элементы – дата, место написания, автор, адресат, содержание документа. Публикация документов сопровождается археографическим предисловием, в котором представлена история происхождения, характеристика, видовой и археографический анализ документов. В легенде указываются предыдущие публикации и сведения об оригинале документа. Помещены именной, географический указатели и указатель учреждений, списки сокращений и иллюстраций, словарь употребляемых слов, комментарии (лица и события), список публикаций. При составлении географического и именного указателей привлекались методы ономастики и топонимики.

В.А. Старков (Киев, Украина)

**К ТЕКСТОЛОГИИ ЭПИСТОЛЯРИЯ ДЕЯТЕЛЕЙ НАУКИ И
КУЛЬТУРЫ УКРАИНЫ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.
(НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕПИСКИ АЛЕКСАНДРА КОНИССКОГО И
МИТРОФАНА ДИКАРЕВА ЗА 1892 – 1899 ГГ.)**

Основная задача текстологии, как известно, дать правильный текст издаваемого документа, поскольку это помогает верно отвечать на возникающие вопросы, которые ставит перед научными публикациями эдиционная археография.

Имея определенный опыт издания переписки известных деятелей науки и культуры Украины – Михаила Грушевского, Федора Вовка (Волкова), Зенона Кузеля, Бориса Гринченко, Митрофана Дикарева и др. (Старков В. Листи Митрофана Дикарева до Федора Вовка // Пам'ять століть. 2000. № 1. С. 20–52; Його ж. Листування Бориса Грінченка та Митрофана Дикарева // Література та культура Полісся. Вип. 15. Ніжин, 2001. С. 199–269; Наулко В., Старков В. Листи Зенона Кузеля до Михайла Грушевського. Запоріжжя, 2005. 84 с.; Наулко В., Старков В. Листи Мирона Кордуби до Михайла Грушевського та Федора Вовка. Запоріжжя, 2005. 100 с.; Старков В. Листи Митрофана та Уляни Дикаревих до Михайла Грушевського // Український археографічний щорічник (далее – УАЩ). Вип. 10/11. Київ, 2006. С. 471–514; Старков В. Листи Федора Вовка до Митрофана Дикарева // УАЩ. Вип. 12. Київ, 2007. С. 421–432; Панькова С., Старков В. Листи Олексія Волянського до Михайла Грушевського за 1902–1927 роки // УАЩ. Вип. 13/14. Київ, 2009. С. 555–618; Старков В. Листування Федора Вовка та Євгена Чикаленка // УАЩ. Вип. 15. Київ, 2010. С. 577–590 и др.), мы можем отметить некоторые особенности текстов эпистолярного жанра того периода на Украине.

Александр Конисский (1836–1900) – украинский писатель, издатель, лексикограф, общественный деятель либерального направления, исследователь творческого наследия Тараса Шевченка и его биографии (Тарас Шевченко-Грушівський: Хроніка його життя. У 2-х тт. Львів, 1899–1901). Митрофан Дикарев (1854–1899) – украинский этнограф, много работавший на украино-российском пограничье (Воронежская губ.) и на Кубани.

Переписка Александра Яковлевича Конисского и Митрофана Алексеевича Дикарева продолжалась в течении 1892–1899 гг. и прервалась смертью последнего. Сохранившиеся письма находятся в архиве Института литературы им. Т. Шевченко Академии наук Украины (Ф. 77/127; 77/189–77/213 – письма М. Дикарева; Ф. 77/247–77/256; 77/258–77/271 – письма А. Конисского). История архивов как М. Дикарева, так и А. Конисского сложная и здесь мы на ней не останавливаемся, констатируя лишь тот факт, что их переписка счастливо отложилась в одном архиве. Частично эта переписка была опубликована (26 писем А. Конисского) (Возняк М. Ол. Кониський і перші томи «Записок» (З додатком його листів до Митр. Дикарева) // Записки Наукового Товариства ім. Т. Шевченка. 1929. Т. 150. С. 339–390). При анализе переписки, выяснилось, что не все письма сохранились. Так, сам А. Конисский говорил, что «з листів Дикарева до мене зберегло ся тільки 34; а кілька – може з десяток, чи й більш... досі не знайшов» (Кониський О.Я. До життєпису М.О. Дикарева // Літературно-Науковий Вісник. 1900. Т. 12. Ч. 10. С. 15.), в то время как в архиве их сейчас насчитывается только 29. К тому же в письмах существуют многочисленные ссылки на не сохранившиеся письма.

Личностный характер переписки приводит к тому, что сокращения, приписки (постскриптумы), опущение даты и места написания, особенности почерка и некоторые другие особенности тогдашних текстов, хорошо известные корреспондентам, ставят определенные проблемы перед издателями текстов, которые должны издаваться адекватно реалиям конца XIX в. и нести дух эпохи.

Оба корреспондента использовали украинский язык, но с некоторыми отличиями. А. Конисский, например, не употреблял буквы «є» и «ї», которые широко использовались современными украинскими писателями, используя соответственно «е» и «і». В текстах Конисского использованы старинные украинские слова («задлетись» – «замедлиться», «чевріти» – «хиреть», «спасибіг» – приветствие и др.). Он искренне верил в правильность украинского литературного языка и призывал не «псувати» (портить) его (письмо от декабря 1893 г.). Язык М. Дикарева несколько отличен. Не имея систематического образования, он в достаточной степени овладел украинским языком, но его тексты в орфографическом отношении страдают нестабильностью: одинаковые слова писались им по разному («більш» – «білш», «російські» – «російські», инверсия букв «г» та

«г», написание частицы «ся» слитно и отдельно и т.д.). Придерживаясь принципа идентичной передачи текстов документа при публикации, в каждом случае мы передаем текст в соответствии с оригиналом и, при необходимости, отмечаем особенности орфографии в примечаниях.

В отношении раскрытия сокращенных слов, что очень часто встречается в письмах, мы придерживаемся той точки зрения, что, по возможности, это необходимо делать (с. мі-ця = с[ього] мі[ся]ця; «Заметки о мрус. нар-чии» = «Заметки о м[ало]рус[ском] нар-чии»; д. Русов = д[обродій] Русов; Т-во Шев. = Т[оварист]во Шев[ченка] и т.п.)

Определенные трудности вызывает датировка писем, поскольку далеко не всегда они датированы корреспондентами. Для точной или, хотя бы, приблизительной датировки необходимо привлекать как сами тексты, так и, по возможности, другие эпистолярные тексты тех же корреспондентов. Значительная часть рассматриваемой переписки оказалась не датированной. Содержание писем в значительной степени позволило датировать недатированные письма. К тому же, А. Конисский имел привычку на полученном письме часто ставить дату получения. Зная, что письма из Киева в Екатеринодар шли 4–5 дней, в отдельных случаях можно относительно точно вычислить дату недатированного автором письма. Аналогичная ситуация возникает и при определении места написания, если оно не указано.

Переписка Александра Яковлевича Конисского и Митрофана Алексеевича Дикарева подготовлена нами к изданию в трудах Института украинской археологии и источниковедения им. М.С. Грушевского АН Украины.

Л.В. Столярова, П.В. Белоусов (Москва)

К ПРЕДЫСТОРИИ ДИНАСТИЧЕСКОГО КРИЗИСА КОНЦА XV в.: ЕЩЕ РАЗ О СМЕРТИ ИВАНА ИВАНОВИЧА МОЛОДОГО

В 1967 г. увидела свет блестящая монография С.М. Каштанова о социально-политической истории России конца XV – первой половины XVI в., в которой значительное место отведено изучению имунитетной политики Ивана III, а также вопросу о политическом статусе его наследников и о династическом кризисе 1497–1500 гг. (Каштанов С.М. Социально-политическая история России конца

XV – первой половины XVI века. М., 1967. С. 11–169). Борьба наследников Ивана III за власть была predeterminedена смертью его сына от брака с в. кнг. Марией Борисовной в. кн. Ивана Ивановича. Как известно, Иван Молодой умер от «камчюги в ногах» в ночь с 6 на 7 марта 1490 г., несмотря на все усилия врача «мистера» Леона Жидовина. Последний был выписан из Венеции не без участия второй жены Ивана III Софьи Фоминичны Палеолог специально для лечения занедужившего наследника (ПСРЛ. Т. 18. М., 2007. С. 273; Т. 27. М.; Л., 1962. С. 289; см. также: Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий. М., 1982. С. 67). По мнению исследователей, Леон Жидовин залечил Ивана Молодого до смерти по распоряжению его мачехи (Каштанов С.М. Социально-политическая история. С. 35). Заинтересованность в устранении старшего сына Ивана III у Софьи Палеолог была прямая. После кончины Ивана Молодого на великокняжеский престол претендовали малолетний Дмитрий-внук – сын Ивана Ивановича от Елены Стефановны Волошанки – и сын Софьи Палеолог Василий III.

Предположение об умерщвлении наследника мачехой как будто подкрепляется указанием Андрея Курбского на то, что Иван Молодой был погублен Иваном III и Софьей Палеолог. Однако небеспристрастное отношение Курбского к Софье позволяет усомниться в достоверности этого свидетельства и требует серьезного обращения к содержащимся в летописях описаниям последней болезни Ивана Ивановича (Семионовская, Воскресенская летописи, Сокращенные летописные своды 1493 и 1495 гг. и др.). С.М. Каштанов со ссылкой на Дж. Феннела писал о том, что в основе известия о «погублении» в. кн. Ивана Ивановича Молодого отцом и мачехой «лежит, очевидно, слух, ставший легендой» (Каштанов С.М. Социально-политическая история. С. 35, примеч. 89). Итак, был ли 32-летний великий князь нарочно «залечен» до смерти и мог ли он умереть от «камчюги в ногах»? Иными словами, была ли «камчуга» смертельным недугом?

«Камчугом» («камчугой») в средневековой Руси называли подагру (Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1980. Вып. 7. С. 50). При этом «подагра или камчуг» нередко определялась как «болезнь ножная». Как известно, подагрический артрит и его симптомы впервые были описаны во времена классической древности. Это заболевание было хорошо известно в эпоху средневековья и начала нового времени, им нередко страдали короли, герцоги и

церковные иерархи. Именно поэтому подагра гордо именовалась «королевой болезней и болезнью королей» (Хитров Н.А., Цурко В.В., Семочкина Е.Н., Малышева А.Н. Научно-практическая ревматология. М., 2001. С. 125–127).

Однако поражал «камчюг» не только нижние конечности, но и абдоминальную область («камчюг в животе»). В 1602 г. именно «камчюг в животе» разыгрался у вдовы кн. Бориса Канбулатовича Черкасского: «...князь Борисова княгиня Черкасского розболелася..., а сказывает себе ту жь болезнь, которою был болен князь Борис, камчюгом, а появился, сказывает, как князя Бориса не стало, у нее в ногах, да потаился был; а ныне... явился у нее камчюг в животе, живот пухнет» (Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. 2. С. 46). Содержащиеся в источниках описания приступов «камчюга» и его течения не оставляют сомнения в том, что так именовались заболевания разных нозологий, возможно, связанные с воспалительными процессами внутренних органов и суставов. Как заболевание, характеризующееся воспалительным процессом, рекомендовалось лечить «камчюгу» в средневековых травниках и лечебниках: согревающие компрессы, горячие примочки на основе травяных отваров и пр.

Именно от подагрических болей, вызванных воспалительным процессом в суставах, лечил Ивана Молодого венецианец Леон: «...И начя его лекарь лечити: зелие пити дасть ему и жещи скляницами по телу, вливая горячею воду...» (ПСРЛ. Т. 18. С. 273; Там же. Т. 27. С. 289). Посчитав, что он наблюдает у Ивана Молодого обычную картину подагрического артрита, «мистеро» Леон, не сомневаясь в поставленном диагнозе и, вероятно, имея опыт лечения этого заболевания, взялся помочь великокняжескому сыну. Венецианец был настолько уверен в своем врачебном искусстве, что заявил о готовности расстаться с жизнью, если его целительство не избавит наследника от страданий: «...и видев лекарь жидовин мистръ Леон, похвалуясь, рече великому князю Ивану Васильевичю, отцу его: «Яз излечю сына твоего, великого князя, от тоя болезни; а не излечю его яз, и ты вели мене смертию казнити». И князь великий Иван Васильевич впоняв веру речем его, повеле ему лечити сына своего, великого князя». Однако лечение оказалось бесполезным. Более того, Ивану Ивановичу стало «тяжче», и в конце концов он умер. Цена врачебной ошибки была велика. Леона Жидовина обезглавили на сороковой день после

кончины пациента: «...и того лекаря мистеръ Леона велел князь великий Иван Васильевич поимати, и после сорочин сына своего, великого князя, повеле его казнити, головы отсеки; и ссекоша ему головы на Болвановьи, апреля в 22» (ПСРЛ. Т. 27. С. 289).

Почему ошибся «мистеро Леон» и не виднеется ли за смертным одром Ивана Ивановича Молодого мрачная тень мачехи-отравительницы, срежиссировавшей его кончину, чтобы расчистить путь к престолу своему сыну Василию III?

Подагра – это системное гетерогенное заболевание, которое характеризуется отложением в различных тканях организма кристаллов уратов в форме моноурата натрия (мочевой кислоты). В основе патологического механизма лежит накопление солей мочевой кислоты в тканях и уменьшение ее выделения почками, что приводит к характерному поражению суставов, почек и других внутренних органов (Насонова В.А., Барскова В.Г. Дифференциальная диагностика подагрического артрита и методы его купирования // Русский медицинский журнал. 2004. Т. 12, № 6. С. 399–403). К концу XX в. подагру стали рассматривать как болезнь накопления уратных кристаллов в структуре сустава, подкожной клетчатке, костях и почках в виде уролитиаза или тубулярной нефропатии, вторичного пиелонефрита, что в конечном итоге может вызвать уремию и гибель больного. Наиболее типичным клиническим признаком подагры являются периодически возникающие приступы острого подагрического артрита. У большинства больных клинически определяемое начало болезни совпадает с первым острым приступом артрита, который может возникнуть внезапно, чаще ночью или ближе к утру. Больной просыпается от сильнейшей жгучей, давящей, пульсирующей или рвущей боли в одном или нескольких суставах. В начале болезни чаще поражаются суставы ног, причем типична асимметричность поражений. С убывающей частотой в подагрический процесс вовлекаются суставы стоп, голеностопные, коленные, пальцев рук, локтевые и др. (Чепой В.М. Диагностика и лечение болезней суставов. М., 1990. С. 204–220). Реже болезнь начинается по типу полиартрита. При этом клиническая картина септического и подагрического артрита мало различается (лихорадка, гиперемия пораженного сустава, отек, боль, нарушение функций сустава вплоть до полного болевого ограничения подвижности, набухание местных вен и пр.), что не способствует их

быстрой дифференциации. Болевой синдром столь силен, что не снимается даже наркотиками.

Картина острого подагрического артрита внешне схожа с флегмоной или с гнойным воспалением сустава. К утру интенсивность боли заметно ослабевает, но вновь усиливается ночью. Болевой синдром нередко сопровождается раздражительностью и душевными страданиями. Продолжительность первых приступов подагры составляет обычно 3–4 суток. Затем острые ночные боли стихают, покраснение пораженного сустава сменяется багрово-синюшной его окраской, сохраняются остаточные явления отека, при движении возникают умеренные боли в суставах. Через 1–2 недели движение в пораженном суставе обычно восстанавливается. Несомненно, доктор Леон знал, что даже если предложенное им лечение не будет слишком эффективным, через 7–14 дней страдающий подагрическим артритом перестанет испытывать боль, к нему вернется подвижность сустава, Иван Иванович Молодой будет здоров до новой подагрической атаки.

Однако *артрит наследника, скорее всего, был не подагрическим, а септическим, ревматического происхождения*. Доктор Леон Жидовин, таким образом, столкнулся с типичной проблемой дифференциации артритов разной этиологии, что затруднительно даже сейчас, на современном уровне развития медицины (см. выше). Если в дальнейшем острые приступы подагрического артрита и отмечаются у больных рецидивами (спустя 5–6 месяцев, а иногда даже 1–2 года), все равно течение болезни достаточно долго имеет доброкачественный характер даже без лечения. Со временем частота приступов возрастает, однако они становятся менее болезненными, хотя и более продолжительными. Очевидно, такой сценарий развития «камчюги» у Ивана Ивановича Молодого в глазах венецианского лекаря никак не мог дискредитировать его врачебного искусства и уж тем более стоять ему жизни. Иными словами, подагрические боли должны были пройти у наследника в любом случае, вне зависимости от эффективности лечения. Кроме того, обычно подагрический артрит предшествует нефролитиазу, который формируется при условии стойкой гиперурикемии на протяжении 20–30 лет (!). Таким образом, приняв «камчюгу» великокняжеского сына за обычную подагру, Леон Жидовин не сомневался в благополучном выздоровлении Ивана Молодого.

Согласно летописным данным, Леон Жидовин прибыл в Москву зимой 1489/90 г. вместе с братом Софьи Палеолог Андреем Фомичем и послами Дмитрием и Мануилом Ралевыми-Палеологами, сопровождавшими большую группу венецианских мастеров. Среди прибывших итальянцев наряду с «мастером Леоном» были будущий строитель Кремля Пьетро Антонио Соляри и его ученик Замантонио, пушечник Яков, серебряник Христофор с двумя учениками из Рима, любечанин Альберт Немчин, Карл с учениками из Милана, органист чернец Иван Спаситель и грек Петр Ранк: «Тоя же зимы прииде из Рима на Москву брат великие княгини Софии, именем Андреи, сын Фомин деспота Аморейскаго, а с ним вместе придоша послы великого князя Дмитриеи да Мануило Ивановы дети Ралева, и приведоша с собою к великому князю лекаря мистро Леона Жидовина из Венеции, и иных мастеров Фряз, стенных, и полатных, и пушечных, и серебряных» (ПСРЛ. Т. 8. М., 2001. С. 219; см. также: Зимин А.А. Россия на рубеже... С. 74–75).

Появление «зимой» специально вызванного для лечения Ивана Молодого венецианского лекаря свидетельствует о том, что наследник, умерший в начале марта, был болен не менее 3–4-х месяцев. Скорее же всего, Иван Молодой страдал болями в суставах не меньше 1–2 лет: посольство Дмитрия и Мануила Ралевых-Палеологов началось еще в 1487/88 г. Если изначально предполагалось приглашение в Москву врача, преуспевшего в лечении «камчюги», следует думать, что Иван Молодой заболел около этой даты. Вряд ли заболевание наследника могло развиваться уже после возвращения Палеологов. Этого следовало бы ожидать в случае «погубления» Ивана Молодого отцом и мачехой, чему противоречит клиническая картина развития недуга, который не мог так стремительно (в течение 1–2 недель или даже дней) привести к трагическому исходу.

Вместе с тем в течение нескольких месяцев (когда мог сформироваться ревматический порок сердца и/или панцирный перекардит) недуг молодого великого князя приобрел злокачественный характер. Уже одно это говорит о том, что его «камчюга» не была обычным подагрическим артритом. Скорее всего, наследник страдал ревматическим поражением суставов.

Как известно, классическая ревматическая атака проявляется в виде острого мигрирующего полиартрита и сопровождается симптомами острого лихорадочного состояния (Пяй Л.Т. Основы клинической ревматологии. С. 24–28, 70–106; Чепой В.М. Диагностика...

С. 63–69; Дормидонтов Е.Н., Коршунов Н.И., Фризен Б.Н. Ревматоидный артрит. М., 1981. С. 93–107). Чаще всего поражению подвержены крупные суставы конечностей (в данном случае – нижних, вероятнее всего – стоп). В ряде случаев поражение одновременно охватывает несколько крупных суставов. Вероятно, распространенность поражений на несколько суставов потребовала от «мастера Леона» такого лечения, которое предполагало «жещи скляницами по телу». Иными словами, пользуя Ивана Молодого, Леон Жидовин лечил не одни только «ноги», но и все «тело».

Известно, что дальнейшая клиническая картина определяется острым ревматическим кардитом как со стремительным фатальным течением (что, вероятно, и произошло), так и с вялым, незаметным воспалением. Однако у больных с кардитами симптомы со стороны сердца могут возникать лишь в тяжелых случаях при развитии сердечной недостаточности или накоплении перикардального выпота (Пяй Л.Т. Основы клинической ревматологии. С. 80–99). Следует думать, что сердечная недостаточность, развившаяся в острой фазе болезни, и привела к смерти Ивана Ивановича Молодого.

Таким образом, мы полагаем, что причина ранней кончины старшего сына Ивана III кроется в неверно поставленном диагнозе. Однако мы не можем не признавать тот факт, что гибель Ивана Молодого не была не выгодна Софье Палеолог, расчищавшей путь к московскому престолу своим детям. Могла ли она со всем изуверством, свойственным ее эпохе, быть отравительницей пасынка, прикрываясь при этом неумелыми действиями приглашенного врача, остается одной из неразрешимых загадок отечественной истории. Очевидно только, что врачебная ошибка средневекового медика, стоившая ему жизни и закончившаяся смертью его пациента, привела к тому, что династическая борьба между наследниками Ивана III в конце XV в. развернулась с новой силой, вылившись в династический кризис 1497–1500 гг.

Л.Б. Сукина (Переславль-Залесский)

ГРАВИРОВАННЫЕ «ПРОТОГРАФЫ» РУКОПИСНЫХ ЛИЦЕВЫХ СИНОДИКОВ КОНЦА XVII – XVIII в.

Лицевой синодик – явление русской позднесредневековой книжной культуры. В связи с тем, что в древнерусской традиции синодичных миниатюр не существовало, украшавшие рукописи синодиком художники должны были столкнуться с проблемой выбора образцов иконографии иллюстраций к текстам литературных предисловий.

Один из первых исследователей лицевых синодиком А.И. Успенский полагал, что миниатюристы изображали содержание фрагментов синодичных предисловий «по силе своего вдохновения» (Успенский А.И. Царские живописцы и иконописцы XVII века // Записки московского Археологического института. М., 1914. Т. XXXII. С. 15). Подобная точка была в целом характерна для ученых и собирателей XIX – начала XX в., занимавшихся коллекционированием, изучением и публикацией лицевых синодиком.

Возросший в последние десятилетия интерес к русской культуре позднего Средневековья и раннего Нового времени вновь сделал актуальной задачу поиска «протографов» литературных текстов и «образцов» синодичных миниатюр. В процессе исследования стало очевидным, что художники пользовались уже сложившимися иконографическими схемами, заимствуя их из иконописи и миниатюр других книг. Когда единого подходящего образца не было, синодичная миниатюра составлялась из элементов других иконографических композиций, а не «сочинялась» заново.

Для изучения относительно поздних экземпляров лицевых синодиком, существенную роль играет обнаружение гравированных «оригиналов» миниатюр.

На сегодняшний день известен один экземпляр рукописного синодика с иллюстрациями, представляющими собой оттиск гравюр на дереве, выполненных анонимным ксилографом (Грибов Ю.А. Рукописный синодик с гравюрами на дереве рубежа 80–90-х годов XVII века // Филевские чтения: Тезисы конференции 16-19 мая 1995 г. М., 1995. С. 22–25). Но в данном случае мы скорее имеем дело с обратным влиянием на его гравюры миниатюр лицевых синодиком.

Появление в России гравированных библий М. Мириана и, особенно, Пискатора дало возможность иллюстрирования синодичных рассказов о сотворении мира и человека, заимствованных из краткой Палеи. Среди синодиков конца XVII — начала XVIII в. встречаются экземпляры, в которых копирование миниатюристами гравюр библии Пискатора не вызывает никаких сомнений. Например, на миниатюрах синодиков из собраний В.М. Ундольского (РГБ. ОР. Ф. 310. № 154) и А.А. Титова (РНБ. ОР. Тит. 2595) творец вселенной и человека изображен в виде Бога-Света (лучистого облака). Тела первых людей — полнокровны или, по выражению протопопа Аввакума, «одутловаты» как на гравюрах европейских мастеров. Сотворенный мир полон диковинных существ: тут и гигантские морские рыбы, слоны и единороги, и индюки с павлинами. Миниатюры воспроизводят не только иконографию, но и эстетические особенности гравированных изображений. Рисунок не раскрашен, как это было принято, а только слегка подцветен зеленой и красно-коричневой акварелью, а на тела людей и животных положены немногочисленные перьевые штрихи, имитирующие гравюрную штриховку.

Расширение в конце XVII в. сюжетного состава предисловий синодиков за счет включения в них повестей о блудницах и разбойниках из «Великого зеркала» и «Неба нового», а также о жизни и деяниях Богородицы из «Звезды пресветлой» повлекло за собой необходимость заимствовать иконографию их иллюстраций, вероятно, из гравюр польских нравоучительных сборников, в свою очередь воспроизводивших гравюры западноевропейских католических и протестантских книг. Этот вопрос пока еще плохо исследован и нуждается в специальном изучении, которое даст возможность более точно определить источники заимствования.

Хорошо известно, что в XVII в. художники книги нередко воспроизводили иконографию и стиль изображений и орнаментов с изделий граверов-серебряников Оружейной палаты. В 1670–1680-х гг. (по утверждению Д.А. Ровинского) появился и недошедший до нас русский гравированный на меди синодик в лист с гравюрами А. Трухменского, В. Андреева и Л. Бунина. Возможно, эти гравюры, выполненные под влиянием голландской печатной графики, были использованы художниками, украшавшими рукописный синодик 1696 г. с гравированными виньетками Л. Бунина (РНБ. ОР. Ф. I. 323). Элементы иконографии этих миниатюр вызывают ассоциации с

гравюрами редакций «Синодика Леонтия Бунина», изданных в более позднее время.

Гравюры «Синодика Л. Бунина» иногда вшивались в рукописные синодики, в частности в Синодик патриарха Адриана, созданный по его кончине и разосланный «в помин» по крупнейшим монастырям (Хромов О.Р. Русская лубочная книга XVII–XIX веков. М., 1998. С. 111–112).

Цельногравированный вариант бунинского синодика около 1700 г. с гравюрами Л. Бунина, В. Андреева, Г. Тепчегорского и А. Трухменского и его последующие издания-редакции стали образцами для лицевых рукописных синодиков, копировавшихся в XVIII в. для провинциальных храмов и монастырей.

Две рукописные копии гравированного синодика середины XVIII в. обнаружены нами в собрании Переславль-Залесского музея-заповедника (ПЗИАХМЗ. Инв. № 4309; 4310). Они принадлежали Николаевскому монастырю на реке Сольбе. Сохранность рукописей не позволяет с достаточной уверенностью определить, какая редакция «Синодика Л. Бунина» лежала в их основе.

Еще один лицевой синодик последней четверти XVIII в. (определен нами как копия «Синодика Л. Бунина») из Ильинской церкви села Лойда, хранится в фондах Череповецкого музейного объединения (ЧерМО. Инв. № 1418/5). Иконография его миниатюр, наряду с археографическими признаками рукописи, позволяет предположить, что образцом для него послужил один из экземпляров бунинского синодика 1730–1740-х гг.

Вероятно, при обследовании провинциальных собраний могут быть выявлены и другие рукописные копии «Синодика Леонтия Бунина».

Изучение гравированных «протографов» рукописных лицевых синодиков позволяет расширить наши знания о взаимосвязях рукописной и печатной книги и русской и европейской книжности XVII–XVIII вв.

У.А. Султонов (Ташкент, Узбекистан)

**ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ АКТОВЫХ МАТЕРИАЛОВ ПО ИСТОРИИ
ВАКФНЫХ ОТНОШЕНИЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
(ТАШКЕНТСКИЕ ДОКУМЕНТЫ XVI – НАЧАЛА XX ВВ.)**

При изучении истории Центральной Азии наряду с нарративными источниками особое значение имеют исторические документы, в частности, вакфные грамоты. Вопросы, связанные с состоянием вакфной собственности в Центральной Азии стали освещаться с 70-х гг. XIX в. в трудах А.Л. Куна, В.П. Наливкина, В. Вяткина, А.П. Хорошхина и других практиков-востоковедов колониального Туркестана. Можно привести ряд работ исследователей советского и постсоветского периода, а также зарубежных авторов, связанных с этой темой. Если подвергнуть анализу уже выполненные научные работы, то становится очевидным, что прежде основное внимание уделялось наиболее крупным вакфным документам таких известных городов, как Бухара, Самарканд и Хива, т.е. наиболее древним городам региона.

Следует отметить, что исторические документы пост-шейбанидской эпохи, относящиеся к локальной истории ряда городов трех центрально-азиатских ханств, остаются малоизученными. Нам кажется, не менее актуальной задачей сегодняшнего дня является изучение исторических документов, связанных с историей центрально-азиатских городов Коканда, Маргилана, Карши, Шахрисябза и Андижана, Чимкента, Туркестана, Ходженда, Ура-типа, Ош и др. К числу еще неизученных документов можно отнести акты материалы вакфных хозяйств Ташкента.

Ташкентские документы остались вне поля зрения ученых в наиболее активную фазу их изучения в 60–80-х годах прошлого столетия, в отличие от вакфных документов средних веков Самарканда и Бухары. Хотя в архивных подшивках они и рассматривались такими учеными, как О.Д. Чехович, Р.Н. Набиев и З. Кутибаев, но никаких исследований не было опубликовано.

В настоящее время эти документы хранятся в исторических фондах Центрального государственного архива РУз (фонды И-17, И-36, И-336). На их основе можно внести определенную ясность в вопросы, связанные с социально-экономической и духовной жизнью города и его области в период правления Кокандского ханства и

Туркестанского генерал-губернаторства. Каждый документ полон ценными данными по топонимии и исторической топографии Ташкента.

Сбор этих документов, в частности, был связан с деятельностью Туркестанского генерал-губернаторства по наведению порядка и управлению вакфной собственностью края. В 80-х гг. XIX в. с целью надзора над вакфным имуществом и доходами, были собраны все виды документов вакфных хозяйств, особенно вакфные грамоты. Имперским законом от 17 ноября 1886 г. было предписано представить, не позднее 1 июля 1887 г., в местные органы самоуправления документы, устанавливающие вакфные права на землю и иное имущество. По истечении этого срока непредъявленные документы были признаны недействительными. Все документы, связанные с вакфными имуществами, поступившие на рассмотрение администрации Туркестанского генерал-губернаторства, систематизировались в отдельных папках. Такие папки обычно включали в себя – прошение мутаваллия об утверждении вакфа, оригинал вакфного документа с кратким переводом на русский язык, протокол заседания с решением. В отдельных случаях включалась также расписка мутаваллия о получении обратно вакфного документа. Основная часть таких дел датируется 1887–1888 гг.

После 1887 г. комиссия продолжила свою работу, в результате чего списки были объединены в качестве отдельного фонда вакфных грамот и связанных с ними других документов, поступивших за период с 1888 до 1917 г. По этому направлению нам удалось изучать более 300 дел (около тысячи документов). Необходимо отметить, что среди проанализированных нами источников, основную часть составляли различные документы, относящиеся к вакфным хозяйствам: *вакф-наме, жалованные грамоты, бай-и бот, бай-и джауз, хатт-и иджора, хатт-и икрор, хатт-и да'во, ривоят, сулх-наме, иттифок-наме, тилхат, ариза* и т. п.

Наиболее ранний из документов датирован XVI–XVII вв. Это вакфная грамота Дарвишхана Шейбанида (1556–1578) в пользу медресе Кукалдаша и единственный «вакфи аулад», относящийся к периоду правления Аштарханидов (составлен в 1657 г.). Самый поздний документ составлен 1919 г. Географически документы охватывают г. Ташкент и его периферию.

До нас дошли косвенные свидетельства о некоторых средневековых документах, имеющих отношение к вакфным хозяйствам

Ташкентского региона. Например, в вакфнаме 827/1423–24 г., которая относится к находящемуся в окрестностях Ташкента мазару Шах Абдумалик бобо. Такие документы существовали в конце XIX – начале XX в., их содержание было кратко записано чиновниками в колониальный период. Однако судьба документов в настоящее время неизвестна. Возможно, они уже утрачены или же хранятся у местного населения.

Документы Ташкента по своему составу разные. Некоторую часть составляют оригиналы, есть и копии вакфных документов, снятые в течение 1887–1924 гг. К примеру, одна из копий снята с копии приблизительно XVI в., сделанной в свою очередь с оригинала вакфной грамоты самого Ходжа Ахрара в пользу соборной мечети и медресе Ташкента. Такие документы вторично зарегистрированы и заверены печатью религиозных организаций. Хотя оригиналы документов не сохранилось, такие копии также имеют определенное научное значение.

Документы представляют особую значимость в качестве отдельной группы источников по истории Ташкента, поскольку ставят на повестку дня изучение новых актуальных проблем. В качестве примера можно указать на изменения, связанные с традициями составления документов, их внешним и внутренним видом, деятельностью вакфных хозяйств, особенно формированием вакфной собственности, арендными отношениями, происходившими в торговых объектах.

Нет сомнений в том, что последующие исследования актовых материалов Ташкента предоставят более подробные данные.

В.В. Тихонов (Москва)

**КРИТИКА РАБОТ С.Н. ВАЛКА В ГОДЫ БОРЬБЫ С
«БУРЖУАЗНЫМ ОБЪЕКТИВИЗМОМ» И «КОСМОПОЛИТИЗМОМ»
(1948 – 1949 ГГ.)**

С.Н. Валк – крупнейший специалист в области археографии и источниковедения. Его жизнь пришлась на сложную эпоху отечественной истории. Одним из самых трудных периодов его жизни, как и интеллигенции в целом, стало время борьбы с «буржуазным объективизмом» и «космополитизмом» (1948–1949), когда труды С.Н. Валка подверглись резким критическим выпадам. Идеоло-

гические кампании послевоенного времени были важной формой контроля власти над интеллигенцией. Но если концепция кампаний спускалась сверху, то причины гонений на конкретных людей были разными: «сигналы с мест», борьба за власть и научное влияние между различными группами ученых, личные отношения и т. д.

Поводом для критики стали две публикации историка: статья «Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет» (Труды юбилейной научной сессии ЛГУ. Секция исторических наук. Л., 1948. С. 3–79) и монография «Советская археография» (М.; Л., 1948). Статья об университете давала краткий очерк развития исторической науки в Ленинграде. При этом всячески подчеркивалось существование специфической научной школы. Книга, посвященная советской археографии, была первым в отечественной историографии монографическим обзором теоретических, методических проблем и истории публикации источников. Книга была написана в выдержанном тоне, оценки взвешены, показывалась связь между советской и дореволюционной наукой. Особую роль в развитии археографии С.Н. Валк отводил своему учителю А.С. Лаппо-Данилевскому.

7 апреля 1948 г. в газете «Ленинградский университет» писалось, что статья С.Н. Валка «преисполнена духом низкопоклонства перед старой буржуазной наукой в лице ее реакционных представителей». На заседании Ученого совета факультета статья была осуждена как проявление объективизма. За С.Н. Валка вступились коллеги: на обсуждении 11 ноября 1948 г. «Советской археографии» в ЛОИИ на нее дали положительную рецензию К.Н. Сербина и Б.А. Романов (Екатерина Николаевна Кушева – Борис Александрович Романов. Переписка 1940–1957 годов. / сост. В.М. Панях. СПб., 2010. С. 68). Но уже в 12 номере «Вопросов истории» появилась редакционная статья «Против объективизма в исторической науке», где вновь осуждалась статья об исторической науке в Ленинградском университете. В феврале 1949 г. по собственному желанию историк отказался от заведывания группой истории СССР в ЛОИИ.

Несмотря на это, ситуация вокруг С.Н. Валка оставалась гораздо более спокойной, чем, например, вокруг Н.Л. Рубинштейна и И.И. Минца. На Ученом совете ЛОИИ 13 апреля 1949 г., когда уже бушевала кампания по борьбе с «безродным космополитизмом», заведующий ЛОИИ, М.С. Иванов, напомнил, что статья и монография С.Н. Валка написаны в объективистском духе, в них не

проведены грани между буржуазной и советской исторической наукой (АРАН Ф. 1577. Оп. 2. Ед. хр. 211. Л. 8 об). Но на этом же заседании Ш.М. Левин заявил: «С.Н. Валк является работником, прислушивающимся к критике, и если бы была критика более четкой, то многих недостатков можно было бы избежать» (Там же. Л. 70). Фактически признавалось, что ошибки были, но они сделаны не намеренно и будут исправлены.

Максимально благожелательной в сложившихся условиях оказалась и рецензия на книгу. В ней Б. Кочаков признал уникальность труда и то, что «С.Н. Валк в основном решил поставленные перед собой задачи». Тем не менее, он указал и на объективистские промахи (признание выдающейся роли А.С. Лаппо-Данилевского, призыв к публикации всех документов вне зависимости от их содержания и т.д.). Подводя итог, он писал: «Книгу необходимо переиздать в исправленном и дополненном виде». (Вопросы истории. 1951. № 5. С. 98–100).

С.Н. Валк оказался под огнем критики по нескольким причинам: еврейское происхождение, «несоветский» подход к историческому исследованию, связь с дореволюционной академической традицией. По мнению Р.Ш. Ганелина, статья о Ленинградском университете вызвала неудовольствие и потому, что в ней проводилась мысль о существовании особой петербургской школы. Это расценили как криминал в свете «ленинградского дела». Кроме того, «статья выросла из доклада, сделанного на сессии по поводу юбилея Университета, с большой торжественностью проведенной в 1944 г. его ректором А.А. Вознесенским». (Ганелин Р.Ш. Советские историки: о чем они говорили между собой. Страницы воспоминаний о 1940-х – 1970-х годах. СПб., 2006. С. 122). Данные предположения вызывают сомнения. Пик критики работ С.Н. Валка прошел в 1948 г., а «ленинградское дело» датируется 1949 г. «Дело Госплана», связанное с братом А.А. Вознесенского, Н.А. Вознесенским, также началось в 1949 г.

В то же время С.Н. Валк отделался гораздо меньшими неприятностями, нежели многие другие жертвы процессов. В чем же причина? На наш взгляд правомерно замечание В.Г. Чернухи, считающей, что «исход можно объяснить только отсутствием в его облике или характере чего-то раздражающего, усиливающего личную неприязнь». (Чернуха В.Г. Сигизмунд Натанович Валк // Историки России. Биографии. М., 2001. С. 622). Действительно, в

условиях, когда борьба одних группировок историков с другими во многом направляла ход идеологических кампаний, такая незлобивость сильно помогала. Важно и то, что, видимо, коллектив ЛОИИ довольно сплоченно встал на защиту С.Н. Валка.

Л.Г. Тупчиенко-Кадырова (Кировоград, Украина)

**СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ ПИСЕМ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ СПЕЦИФИКИ
И ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СУБЪЕКТАМИ ПЕРЕПИСКИ
(НА ПРИМЕРЕ АРХИВНОГО НАСЛЕДИЯ КОМПОЗИТОРА
Ю.С. МЕЙТУСА)**

Структурный анализ текстов позволяет выделять текстовые фрагменты (ТФ), для которых можно коротко формулировать тему, предмет. Из последних, условно назовём их структурными элементами (СЭ), можно формировать поисковые списки для полнотекстовых баз данных. Например, нами проанализированы письма из творческого наследия Юлия Сергеевича Мейтуса (Тупчиенко-Кадырова Л.Г. Структурний аналіз інформаційної складової офіційних листів // Рукописна та книжкова спадщина України: археогр. дослідження унікальних арх. та бібл. фондів. Київ, 2010. Вип. 14. С. 358–376; Тупчиенко-Кадырова Л.Г. Структурний аналіз інформаційної складової особистих листів; Структурний аналіз творчих листів // Наукові праці Національної бібліотеки України ім. В.І. Вернадського (в печати); Листи та листівки Д.Д. Шостаковича до Ю.С. Мейтуса (в печати).

Интересными для пользователя являются такие СЭ (название каждого пишется с большой буквы, к ним в скобках приводятся примеры из разных источников без ссылок на них для экономии места): Персона и её роль (Шостакович Дмитрий Дмитриевич, композитор); Произведение, жанр, авторы (Мать, вокальный цикл, Мейтус Ю.С., музыка, Малышко А.С., слова); Герои произведений (Махтумкули) и др. Средствами информационных технологий эти СЭ можно связывать с соответствующими ТФ для иллюстрации.

Наличие некоторых СЭ определяет специфику писем как вида источников: Обращение (Дорогой Юлий Сергеевич); Прощание (До свидания в Киеве; Шлю дружеский привет); Дата и Место написания (4. I. 1967. Жуковка); Подпись (Ваш Д Шостакович);

Связь с предыдущими письмами, событиями (К сожалению, Ваше письмо получил очень поздно...) и др.

Суть разнообразных отношений между авторами и адресатами могут дать только ТФ, иллюстрирующие СЭ. Нами выделены такие уровни этих отношений (Тупчиенко-Кадирова Л.Г. Музичний документ: визначення поняття, класифікація та методика описування (на прикладі творчої спадщини композитора Ю.С. Мейтуса (1903–1997): автореф. дис. на здобуття наук. ступ. канд. іст. наук за спеціальністю 07.00.10. Київ, 2005). Первый – **семейно-родственные**. Примером служат поздравительные письма между Ю.С. Мейтусом и его женой А.И. Васильевой. Второй – **уровень межличностных взаимоотношений**. В данном наследии он представлен дружественными отношениями, например, с Д.Д. Шостаковичем. Третий – **уровень профессиональных отношений**. Четвертый – **уровень творческих отношений** по поводу совместных (поэта и композитора) произведений, исполнения и др. Сам Ю.С. Мейтус активно предлагал свое творчество, в частности, песни и романсы, певцам – потенциальным исполнителям, которые высказывали благодарность. Пятый – **уровень официальных отношений** между человеком с одной стороны и учреждениями, заведениями, государственными органами, общественно-политическими и общественными организациями и их представителями, с другой.

Официальные и личные уровни отношений, рассмотренные нами, свидетельствуют, что они влияют на характер, содержание писем, имеют специфические СЭ текстов.

Констатация статуса, оценка музыки, творчества и деятельности имеют обобщенный характер, этого и требует официальный и одновременно поздравительный характер писем. Обобщенность оценок является одной из характерных черт официальных поздравительных писем.

Оценки и описания событий личной жизни, общественных событий, которые имеют отношение к конкретным лицам, описание эмоционального состояния является специфическими чертами личных писем, хотя в поздравительных личных оно прослеживается несколько меньшей мере. В обращениях и просьбах проявляется специфика личных отношений – степень близости между людьми. Прослеживается также разнообразие тематики и связей (данного письма с предыдущим, автора и корреспондента письма – с другими людьми и с разными событиями).

Сходство между поздравительным официальным и поздравительным личным письмом проявляется в наличии приветствия, в форме обращения, в приподнятом настроении стиля писем, в наличии оценки творчества, деятельности, человеческих качеств, в констатации общественного статуса адресата. То есть само действие – поздравление – диктует наличие определённых СЭ, авторство – личность или официальное лицо – диктуют специфику наполнения определённым текстом этих СЭ. Личные отношения, естественно, характеризуются более близкими проявлениями чувств, например, при Обращении (Дорогой, Моя родная) или Прощании (Привет Вашей супруге, а Вас искренне обнимаю. Ваш Г Майборода), чем официальные при Обращении (Уважаемый, Многоуважаемый), вместо Прощания в официальных письмах – пожелание (Позвольте пожелать Вам...).

О творческих отношениях между автором и адресатом свидетельствуют данные о том, что композитор послал собственные произведения, в надежде на их исполнение или мог послать по просьбе певца. Письма исполнителей (по крайней мере, певиц) свидетельствуют о готовности их исполнять и об определенном существующем или об ожидаемом успехе в этом. Профессиональные исполнители выражают советы относительно голоса (высоты) для тех или иных произведений. Специфика творческих отношений проявляется в наличии сотрудничества между композитором и исполнителем, в наличии оценок музыки, получении от композитора произведений, в наличии советов исполнителей, по крайней мере, относительно наилучшего голоса (по высоте) для конкретных произведений.

Итак, структурный анализ помогает глубже проникать в информационную составляющую источника; составлять поисковые списки предметов, связанных с соответствующими фрагментами полного текста; более конкретно определять взаимоотношения между субъектами переписки; глубже классифицировать письма.

А.С. Усачев (Москва)

**ВЫХОДНЫЕ ЗАПИСИ НА СЛАВЯНО-РУССКИХ РУКОПИСНЫХ
КНИГАХ XVI в.: РАЗМЫШЛЕНИЯ О ВОЗМОЖНЫХ ПУТЯХ И
ПЕРСПЕКТИВАХ АНАЛИЗА***

Записи на славяно-русских рукописных книгах эпохи Средневековья относятся к числу наиболее важных исторических источников, позволяющих закрыть целый ряд лакун в показаниях летописных, актовых и иных источников. Среди различных видов записей (вкладных, владельческих и т.д.) особый интерес для исследователя представляют выходные записи (как правило, датированные): они содержат сведения о тех или иных лицах или событиях, которые в целом ряде случаев привязаны не только к дате, но и к определенному региону и книжному центру. Если записи XI–XV вв. уже являлись предметом специального рассмотрения, то изучение записей XVI в. на книгах, написанных в Московской Руси, только начинается. Попытке наметить некоторые возможные пути и перспективы их анализа и посвящена данная заметка.

Прежде всего, необходимо выяснить, о каком числе записей данного типа может идти речь. Определяя его, мы исходим из, во-первых, общего числа сохранившихся книг этого времени, во-вторых, из процентного соотношения книг с выходными записями и без них. Судя по соотношению рукописных книг XV и XVI вв. в ряде крупных архивохранилищ, применительно к сохранившимся книгам XVI в., речь может идти о цифре в 12–14 тыс. (подробнее см.: Кукушкина М.В. Книга в России в XVI в. СПб., 1999. С. 94; Усачев А.С. О количестве сохранившихся славяно-русских рукописных книг XVI в. // Румянцевские чтения – 2010. Ч. 2: Материалы международ. науч. конф. (20–22 апреля 2010). М., 2010. С. 186–189). Согласно имеющимся данным по рукописям XI–XV и XVI вв., процент книг с выходными записями стабилен – он составляет около 5–10 % от общего числа (Костюхина Л.М. Палеография русских рукописных книг XV–XVII вв. Русский полуустав. М., 1999. С. 21; Турилов А.А. Проблемы и перспективы отождествления хорватских глаголических книжных почерков // *Glagoljica i hrvatski glagolizam: Zbornik radova s međunarodnoga znanstvenog skupa povodom 100. obljetnice staroslavenske akademije I 50. obljetnice staroslavenskog instituta* (Zagreb-KRK 2–6. Listopada 2002). Zagreb-KRK,

2004. С. 285). Это дает основания полагать, что по самым приблизительным подсчетам речь может идти о цифре от 600 до 1400 сохранившихся рукописных книг, имеющих датированные выходные записи (нами к настоящему времени собраны библиографические сведения примерно о 500).

Таким образом, применительно к периоду Средневековья речь идет о массовом источнике. Это в свою очередь дает основания не только для типологического сопоставления выходных записей с иными видами массовых источников этого времени (например, с актами), но и для предположения о том, что к изучению рассматриваемого вида записей могут быть привлечены типологически близкие методики изучения. Среди них выделяются методы, связанные с применением количественного анализа. Использование последних требует создания специальных баз данных, которые получили распространение преимущественно при изучении ряда источников по социально-экономической истории (писцовых книг и делопроизводственных материалов). Могут ли подобные базы данных что-то дать исследователю выходных записей?

Общеизвестно, что база данных состоит из записей, которые в свою очередь включают в себя ряд полей, отражающих те или иные признаки соответствующего источника или его фрагмента. Какие поля могут быть предложены для базы данных, направленной на систематизацию сведений, представленных в выходных записях, и что это, в конечном счете, может дать историку? (Своего рода прообраз обсуждаемой базы данных представлен Л.М. Костюхиной в виде таблицы книг XVI в. из фондов ОР ГИМ, содержащей сведения о названии книги, ее шифре, месте написания и имени писца (Костюхина Л.М. Указ. соч. С. 50–58. Табл. 2); эта работа послужила отправной точкой предлагаемых читателю размышлений).

Представляется, что речь может идти о двух группах полей. В рамках первой могут быть отражены особенности рукописи, содержащей соответствующую запись. Здесь могут быть предложены следующие поля:

- **Название рукописной книги** (Евангелие, Апостол, Минея четья или служебная на соответствующий месяц, сборник и т.д.).
- **Формат рукописи** (1°, 4° или 8°). Соответствующие сведения представляется целесообразным сопровождать сообщением более точной информации о размерах рукописи (в см).

- **Сведения об архивохранилище и шифре**, под которым храниться соответствующая рукопись (номер и название фонда, порядковый номер рукописи).

Вторая группа полей может отражать непосредственно содержание записи. Их состав, безусловно, в каждом конкретном случае должен варьироваться в зависимости от степени полноты конкретной выходной записи. Можно выделить следующие поля:

- **Место написания**. Здесь могут быть выделены несколько полей. Так, во-первых, речь может идти об относительно крупном регионе – Новгородская, Ростовская и др. епархии (они устанавливаются на основе упоминания в записи имени соответствующего архиерея – очень часто это единственная географическая «привязка» в записи). Во-вторых, может упоминаться конкретный город (рукопись могла быть написана «на Москве», «в Новом граде Слободе» и т.д.). В-третьих, может быть указан соответствующий книгописный центр (как правило, та или иная обитель). Соответственно, при наличии надлежащих данных в записи сведения о месте создания книги могут следовать следующим образом: регион (епархия, подвластная соответствующему архиерею) – город (уезд, волость) – конкретный книгописный центр (недавно была предпринята попытка обобщения данных подобного рода на материале ростовских и ярославских рукописных книг XIII – начала XX вв., см.: Рукописные памятники Ростово-Ярославской книжности: методика взаимодействия столичного и регионального библиотечных центров по выявлению и описанию рукописей региональной книжно-рукописной традиции / сост.: Ю.В. Анхимюк, А.В. Кузьмин, Д.Ф. Полознев, Ю.Д. Рыков, Г.П. Федюк. Ярославль, 2011).

- **Дата**. Как правило, в выходных указывалось время окончания работ над книгой; в ряде случаев указывался и весь период работ над ней. Нередко записи содержат более расплывчатую дату, без указания на конкретный месяц и число («в лето... написана бысть...»). Последнее побуждает приводить двухлетний диапазон времени написания рукописи, обусловленный необходимостью вычитания как 5508, так и 5509 лет от приводимой даты по эре от сотворения мира.

- **Писец**. Ввиду того, что в целом ряде случаев указывалось несколько имен писцов, здесь может быть предложено два и более поля (например, «1-й писец», «2-й писец» и т.д.).

- **Заказчик.** Выходные записи указывают, хотя и не всегда, на лицо либо «благословившее», либо «повелевшее» написать книгу; в ряде случаев есть сведения и о коллективном заказчике (например, о братьях или о крестьянах определенного стана/волости/села). Таким образом, здесь также может содержаться несколько полей («1-й заказчик», «2-й заказчик» и т.д.).

Какие результаты в перспективе способна дать историку соответствующая база данных?

Можно предположить, что речь может идти о получении сведений, позволяющих расширить представления, во-первых, об истории книжной культуры в России XVI в., во-вторых, о проблемах социально-экономической и политической истории. Вероятно, одним из важнейших итогов может стать реконструкция динамики книгописания в том или ином регионе или центре, которая может быть сопоставлена с событиями из области политической и социально-экономической истории. Допустимо считать, что выстроенные в хронологическом и территориальном порядке данные о заказчиках рукописей – светских лицах (крестьянах, посадских и служилых людях) – в сочетании с результатами изучения внешних особенностей соответствующих книг, вероятно, смогут служить источниками сведений о достатке представителей определенных социальных слоев и уровне экономического развития того или иного региона в целом в соответствующий хронологический период. Возможны и иные итоги, которые в настоящий момент прогнозировать трудно. Насколько реальны перспективы получения этих и иных результатов? Ответ на этот вопрос может дать лишь движение по пути, кратко охарактеризованному выше.

* Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ, проект № 10-04-00260а.

И.А. Устинова (Москва)

УДОСТОВЕРИТЕЛЬНЫЕ ПОМЕТЫ В ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в. *

Важной тенденцией в делопроизводстве центральных органов власти в России XVII в. стала бюрократизация. Она проявилась как на уровне организационных форм (специализация и профессионализация в работе приказов), так и на уровне делопроизводственных

приемов (устойчивые формы документации, ее удостоверения, контроля и защиты информации). Отечественные исследователи на материалах разных московских приказов XVII в. отметили тенденцию формирования четкой структуры документов и приемов их оформления по сравнению с рыхлым и архаичным делопроизводством более ранних периодов (Новохатко О.В. Записные книги Московского стола Разрядного приказа XVII в. М., 2001. С. 118; Поздеева И.В., Пушкин В.П., Дадыкин А.В. Московский печатный двор – факт и фактор русской культуры 1618 – 1652 г. М., 2001. С. 54; Иванова Е.В. Книги Печатного приказа 1613-1649 гг. как исторический источник. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2004. С. 16). В ходе специального исследования Патриаршего приказного архива первой половины XVII в. данные тенденции вполне четко обнаружались и в формуляре документов церковного делопроизводства (Устинова И.А. Книги Патриарших приказов 1620–1649 гг. как исторический источник. М., 2011. С. 60–62).

Важным элементом бюрократизации делопроизводства являются удостоверяющие пометы составителей (дьяков и подьячих «со справой»). В документах книжной формы это постраничные скрепы, отметки о пустых листах и строках, а также тетрадная пагинация. Рассмотрим особенности использования этих делопроизводственных приемов на материале приходо-расходных книг Патриаршего Казенного приказа 1620-х годов (РГАДА. Ф. 235. Оп. 2.).

Сохранившиеся книги Патриаршего Казенного приказа представляют собой подлинную беловую текущую документацию приказа. Такие книги готовились к началу года (1 сентября) и заранее «против прошлого года» делились на главы. Главы нумеровались, после заголовка каждого раздела записывались окладные статьи дохода, книга снабжалась оглавлением. В книгах применялась тетрадная пагинация. Все эти приемы были направлены на предотвращение возможности фальсификации финансовых сведений. В конце каждого года в приказе проводилась проверка, в ходе которой сводился приходо-расходный баланс и составлялся сметный список. Хотя сметные списки не сохранились, об их итогах можно судить по записям в приходо-расходных книгах: на первых листах новой книги, как правило, содержатся краткие итоги сметного списка (Там же. Д. 14. Л. 4; Д. 17. Л. 2; Д. 23. Л. 3 и др.). Эти записи скреплялись подписями подьячих, ведавших приходом и расходом (например: Там же. Д. 14. Л. 4).

В процессе создания книги в нее вносились дьячьи пометы и исправления (например, данные об ошибочном внесении сведений в ту или иную главу, отметки о судьбе служилых людей: «на посылке», «болен», «умер» и т.д.).

Археографическое исследование документов Патриаршего Казенного приказа показало, что удостоверяющие пометы дьяков в книгах конца 1620-х гг. по количеству и детализации значительно превосходят пометы в документах более позднего времени. В качестве примера рассмотрим расходную и приходную книги 1629/30 гг., в которых установлен своего рода рекорд по числу помет (Там же. Д. 3. Л. 263–529; Д. 5). Во-первых, постраничная скрепа здесь двух видов: вначале – двойная дьяка Кузьмы Рагозина и дьяка Федора Кунакова (Там же. Д. 3. Л. 263–271; Д. 5. Л. 14–22), а в остальной части обеих книг – только Федора Кунакова. Во-вторых, все чистые листы, а иногда и строки в этих книгах особо зафиксированы дьяком: «лист порозжон», «на сей странице 16 строк порозжо», «7 строк порозжо», «стороница порозжа» (Там же. Д. 3. Л. 278–281, 290 об., 334 об. и др.; Д. 5. Л. 39, 65–66, 98 и др.). В последующих книгах встречаются лишь постраничные скрепы дьяков, в большинстве случаев единичные, реже – двойные (Там же. Д. 10). В целом, можно сказать, что приходная и расходная книги 1629/30 г. имеют усиленную защиту и несут на себе следы детальной проверки. В дальнейшем внимание патриарших делопроизводителей к заверению приходо-расходных документов слабеет, в них появляется больше небрежности (хотя сама структура книг становится более четкой).

Представляется, что эти делопроизводственные особенности связаны с проведением в конце 1620-х гг. масштабной проверки Патриарших приказов, выявившей целый ряд злоупотреблений. Например, в декабре 1628 г. в ссылку за недостачу был отправлен дьяк Патриаршего Казенного приказа Максим Куликов (Там же. Д. 3. Л. 172–172 об.). Более масштабную проверку проводили в ноябре 1629 г. патриарший боярин Андрей Хилков и дьяк Дементий Образцов. В ее ходе дьяк Кузьма Рагозин (скрепа которого есть на первых листах книг 1629/30 г.) был уличен в «утаении» 294 рублей еще в 1622/23 г. С него взыскали недоимку и отставили от дел (Там же. Д. 5. Л. 503–503 об.). Показательно, что в следующем году был смещен и патриарший казначей Феодорит Ефимьев, высланный из Москвы под стражей (Там же. Д. 3. Л. 532, 585). Вплоть до смерти

патриарха Филарета Никитича в 1633 г. проверки келейной, ризной и домово́й казны проводились регулярно. Вероятно, это было связано с несколькими обстоятельствами: необходимостью привести в порядок дела после пожара 1626 г., значительным расширением двора патриарха Филарета как отца государя, а также особенностями личности самого Филарета. Возможно также, что в организации этих проверок патриарху помогал и царь (дьяк Дементий Образцов в патриарших приказах не служил). Однако после смерти Филарета Никитича его двор был значительно сокращен и проверки приобрели более рутинный характер, что повлекло за собой и отмеченное снижение «уровня защиты» документов.

Подводя итог можно отметить, что делопроизводственная документация содержит значительное количество удостоверяющих и защитных элементов, которые позволяют расширить горизонты ее археографического исследования.

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ для поддержки молодых ученых, проект МК-574.2011.6

А.Л. Хорошкевич (Москва)

МОСКОВСКИЙ ТРОИЦКИЙ СОБОР В 1585 Г. В ЗАПИСКАХ МАРТИНА ГРУНЕВЕГА (О. ВЕНЦЕСЛАВА)

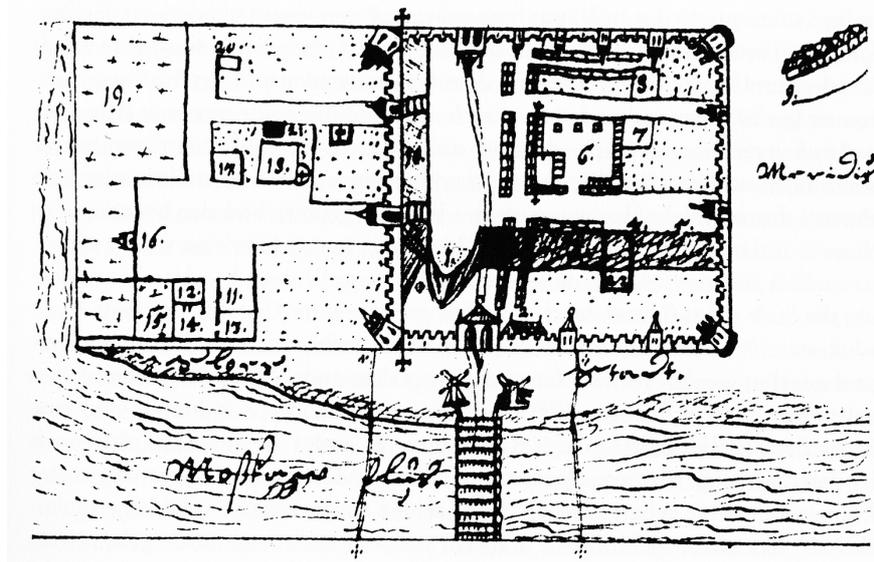
Памятник в честь победы над Казанским царством, ставший символом столицы Российского царства – Московский Покровский собор настолько поражал воображение иностранцев, что они неоднократно его воспроизводили – на планах г. Москвы и отдельных гравюрах, лучшая из которых была издана голштинским послом Адамом Олеарием в 1647 г.

В 2008 г. к корпусу изображений храма добавилось еще одно – гданьского немца Мартина Груневега (1562–1618). Мартин в 1581 г. поступил на службу к армянскому купцу Богдану Ашвадуру, жившему в крупном торговом и культурном центре Речи Посполитой – Львове, откуда и вел караванную торговлю. В качестве секретаря армянского купца Груневег объездил всю Речь Посполитую, 6 раз побывал в Константинополе-Стамбуле, а в 1585 г. 8 месяцев провел в Москве и чуть было не остался в гостеприимном городе. Испугала его лишь жестокость законов Российского царства,

хотя торговец пользовался покровительством Годунова и симпатиями столичных жителей.

Ранняя потеря отца и отчима, драматические события в родном Гданьске, присягнувшим Максимилиану Габсбургу и в 1576–1577 гг. сопротивлявшимся новому королю Стефану Баторию (что сопровождалось разорением городских святынь), сформировали стойкий интерес Груневега не просто к религии, но и к мистицизму, что в условиях контрреформации привело его к отказу от лютеранства родителей, переходу в католичество и вступлению в доминиканский монастырь во Львове в 1588 г. В монашестве о. Венцеслав вплоть до 1605 г. вел записки, основу которых составили дневники путешествий и сделанные в это время зарисовки (Martin Gruneweg (1562–ca.1618). [Die Aufzeichnungen des Dominikaners über seine Familie in Danzig, seine Handelsreisen in Osteuropa und sein Klosterleben in Polen / Hg. von A. Bues]. Deutsches Historisches Institut Warschau. Quellen und Darstellungen. Bd.19. Th 1–4. Wiesbaden, 2008). Достоверность этих последних, судя по изображению мечети в Эдирне, сомнений не вызывает.

Хуже обстоит дело с планами, включенными в записки. Впрочем, судите сами. Вот так он представлял план города Москвы, который снабдил подписями: «Москва-река», «город» (по отношению к Китай-городу) и наконец справа: «Юг»

Описание столицы о. Венцеслав начал с Троицкого храма, видимо отчетливо понимая его место в иерархии столичных церквей. Вот этот текст:

«Номер 1 обозначает место церкви Св. Троицы, которая стоит, как ты видишь, на холме, сужающимся кверху. Она восьмиугольная и так выведена – почти по прилагаемому образцу – [что] основание всеми концами касается окружности. У нее новые шпили и гульбище вокруг, все весьма очень мастерски [сделано] из кирпича, везде резьба с различными переплетениями, но церковь еще не достроена. Каменная работа закончена (стены вполне готовы), но не покрыты известью, кроме того она должна быть расписана внутри и снаружи, а ее шпили позолочены. Рядом с ней стоит колокольня, [соответствующая] прилагаемому рисунку и на ней висят колокола, как и при других церквах у (за?) плохо возведенной стены (ой?). Никакие колокола не раскачивают, но из середины вплоть до земли спускается веревка, которой двигают язык. И эти церкви выглядят как на прилагаемом рисунке».

В этом тексте много любопытных подробностей. Рассмотрим их последовательно, повторяя для удобства читателя фрагменты текста.

«Номер 1 обозначает место церкви Св. Троицы» – О. Венцеслав сообщает первоначальное наименование ансамбля, позднее получившего наименование собора Василия Блаженного. Каменная церковь, посвященная св. Троице, была построена в 1553 г. В 1554 г. к ней была пристроена деревянная церковь Покрова на Рву (имеется в виду Алевизов ров 1508 г.) и шесть приделов. Строительство каменного сооружения из 9 храмов заняло 6 лет с 1555–1561 гг. Во времена Груневега ансамбль был известен и под другим названием. В ружной казенной росписи 1584/85 г. он именуется Покровом святой Богородицы, «что на рву у Фроловских ворот», «что в Китай-городе у Фроловских ворот», с приделами – Покровским (центральным), Троицким (восточным), Николы Великорецкого, Входа-иерусалимским (западным), Александровским (Александра Свирского) – юго-западным, Григория «Великой Арменьи», Киприана и Устиньи, Патриаршим – Трех патриархов (Дополнения к актам историческим. Т. I. СПб., 1846. № 131. С. 190). В начале XVII в., судя по данным К. Буссова, наименование храма Василием Блаженным еще не утвердилось: в его сочинении – это просто храм

(Templum), Иерусалимская церковь (Буссов Конрад Московская хроника. 1584–1613. М.; Л., 1961. С. 185, 245).

О. Венцеслав продолжает описание церкви: *«которая стоит, как ты видишь, на холме, сужающемся кверху. Она восьмиугольная и так выведена – почти по прилагаемому образцу, что основание всеми концами касается окружности»* - см. ниже.

К рисунку сделано примечание: *«Каждый полукруг – восьмиугольный»*. Таким образом, цифра 8 последовательно зафиксирована и числом приделов, и числом выступов у каждого из них. План основания Троицкого собора, помещенный Мартином Груневегом в его записки, полностью соответствует действительности.

«У нее новые шпили и гульбище вокруг»

Эти шпили отчетливо видны на рисунке, они возвышаются над сравнительно невысокими барабанами. К сожалению, небольшой размер рисунка не позволяет с определенностью сказать, завершились ли приделы шатрами, как предложил переводить немецкий термин Spitze Л.А. Беляев на обсуждении доклада 13 октября 2011 г. Впрочем, в пользу его точки зрения говорит замечание Мартина Груневега, сделанное при описании въезда каравана в Москву: *«Мы въехали в замок через ров, обозначенный № 10, в ворота рядом со*

Святой Троицей, самой высокой и самой красивой [церковью] из всех».

Что касается центральной Покровской церкви, то согласно рисунку скорее можно предположить наличие купола, для которого, впрочем, Груневег в другой связи – при описании Михаило-Архангельского собора – употребляет термин *rundel*, при этом он указывает, что архангельские купола позолочены. Он подробно разъясняет значение этого термина и прилагает рисунок с надписями «купол» и «кругом восемь (имеются в виду окна) и ровных» (*so rundachtig und glat*) (Bues A. Op. cit. Bd.2. S. 922).

Завершения троицких приделов не потребовали от автора дополнительных разъяснений. Хотя отсутствие последних может быть истолковано как доказательство правоты Л.А. Беляева и свидетельство того, что шлемовидные купола имели грани, которые можно угадать на плане Кремлена-града и гравюре Килиана 1610 г.

Определение «новые» по отношению к троицким шпилям-шатрам намекает на то, что и ранее, вероятно, до пожара, тоже были «шпили»/«шлемовидные купола». Таким образом, в 1585 г. еще не было тех куполов, которые донныне поражают воображение каждого зрителя и впервые изображены Олеарием. В свете сообщения Мартина Груневега/о. Венцеслава можно предполагать, что купола в том виде, в котором они изображены в публикации А. Олеария, возникли в более позднее время, между Сигизмундовым планом Л. Килиана 1610 г и гравюрой Олеария. Не исключено, что мастер, участвовавший в сооружении куполов, продемонстрировал успешное освоение приемов создания из пяти элементов различных конструкций, предложенных нюрнбергским золотых дел мастером Венцелем Ямницером в 1568 г. (Интернет: ГИМ. Википедия. Собор Василия Блаженного).

Груневег отмечает: *«все весьма мастерски [сделано] из кирпича, везде резьба с различными переплетениями, но церковь еще не достроена»*. Действительно собор Покрова на рву украшен кирпичным орнаментом двух видов: в нижнем цоколе составлен из трех кирпичей, поставленных на тычок с закругленным ложком, и чередующихся с ними трех кирпичей с закругленными тычками, положенных на постель (Баталов Л.А. Московское каменное зодчество конца XVI века. Проблемы художественного мышления эпохи. М., 1996 . С. 393. Прим. 29).

«Каменная работа закончена (стены вполне готовы) три и снаружи, а ее шпили позолочены». Само строительство было завершено в 1561 г.

Продолжим чтение описания: *«Рядом с ней стоит колокольня* (в тексте рисунки вставлены в иной последовательности, сначала идет колокольня, а лишь затем собор вкуче с неким сооружением – либо церковкой, либо колокольней. Трудно сказать, является ли это колокольней (ибо у него лишь три яруса в отличие от предшествующего рисунка), *[соответствующая] прилагаемому рисунку»*.

У Груневега находится наиболее раннее изображение звонницы, которое, как это ни парадоксально, почти полностью совпадает с тем, что содержит миниатюра Жития Антония Сийского XVII в. (История Москвы. Т. I. М., 1952. С. 120). Н.А. Бакланова относила эту колокольню к числу кремлевских. На рисунке Груневега звонница представлена в виде четырехъярусного сооружения с четырьмя пролетами, которое покоится на очень высоком подклете. На миниатюре, как и на более позднем плане Кремлена-града, ярусов

только три. В подклете арочный портал, на миниатюре Жития Антония Сийского он украшен почти барочными рельефами. Справа и слева от него – у Груневега – ромбовидные углубления над прямоугольными углублениями. На миниатюре нет прямоугольных углублений, а место ромбов заняли круглые розетки. На первом ярусе висит огромный колокол, форма которого ничем не различается ни на миниатюре, ни на рисунке Груневега. Только на миниатюре несколько больше толстый язык, который опускается ниже края колокола. Кроме того, на миниатюре колокол украшен горизонтальными кругами. Наконец, здесь же отчетливо видна конструкция, с помощью которой колокол приводился в движение и из него извлекался звук.

На втором ярусе рисунка Груневега помещены три колокола, на миниатюре – их только два, на третьем – и там, и там по два. На четвертом, который имеется только у Груневега, – помещен один небольшой колокол.

Звонница на рисунке Груневега завершается равноконечным крестом, укрепленном на полумесяце с приподнятыми концами, на миниатюре вместо последнего яруса изображен барабан купола с тремя узкими окнами (одно в центре больше других). На куполе – восьмиконечный крест, на концах горизонтальной перекладины – по две развешивающиеся веревки (?).

На плане Кремлена-града трехъярусная конструкция совсем с другими пролетами, приспособленными исключительно для небольших колоколов, причем их по три на каждом ярусе. Форма звонницы – не сужающаяся кверху, а прямоугольная. Звонница завершается тремя шатрами с восьмиконечными крестами. Кроме того, на плане Кремлена-града со стороны Лобного места к звоннице примыкает стена, сверху которой наружная лестница ведет на второй ярус, звонница увенчана тремя шатрами. Со стороны Москва-реки нарисованы высокие ступени до верху подклета («Кремлена-град»).

Видимо, рисунок Груневега передает наиболее ранний вариант колокольни, следующую стадию (или аналогичного сооружения) представляет миниатюра Жития Антония Сийского, следы перестройки заметны в ликвидации четвертого яруса и изменении завершения звонницы: купол на барабане вместо четвертого яруса. Третий этап перестройки, причем довольно основательной, можно видеть на плане Кремленаграда. О четвертом можно судить по

изображению в книге А. Олеария, в 30-е годы XVII в. это была двухъярусная и трехпролетная звонница, поставленная на широкой палате с обходной галереей. Первый ярус соответствовал так называемому палатному типу, второй – типу «на столпах» (Баталов Л.А.. Указ. соч. С. 247, 397 прим. 76).

«И на ней висят колокола, как и при других церквах у(за?) плохо возведенной стены(ой?)» – Это сообщение о «плохо возведенной стене» может быть понято лишь при сравнении с гравюрой Олеария, где стена действительно подходит непосредственно к храму. Не исключено, что она вела к Фроловским (Спасским) воротам Кремля, почему церковь очень длительное время именовалась стоящей «на Рву», что ныне представляется по меньшей мере неточным. Это так называемый Алевизов ров, выложенный камнем и кирпичом и ведущий от Москвы р. до Неглинной. Сооружение его в 1508 г начал архитектор Алевиз Фрязин, которого ныне отождествляют с Алоизио да Карезано (Каркано) (Выголов В.П. К вопросу о постройках и личности Алевиза Фрязина // Древнерусское искусство. Исследования и атрибуции. СПб., 1997. С. 242). Ров использовался то как зверинец, то как место публичных забав. Он был, кажется, довольно широким (каким он и предстает на общем плане г. Москвы. Однако, рассказывая о зимних лыжных развлечениях москвичей, Груневег изобразил его очень глубоким, но не широким. Очевидно, что в таком узком и глубоком рву невозможно было скатываться на тогдашних мини-лыжах и взлетать на противоположную его сторону, о чем автор повествует в дальнейшем рассказе о своем пребывании в г. Москве.

Рисунок рва заставляет усомниться в точности передачи воспоминаний о Венцеслава.

Зато он, кажется, не ошибся в описании способа звукоизвлечения: **«Никакие колокола не раскачивают, но из середины вплоть до земли спускается веревка, которой двигают язык»**. Звон «в языки» во времена Груневега был сравнительно редким, производился в основном лишь на самых малых колоколах, подобный способ утвердился в России значительно позднее – во второй половине XVII–XVIII вв. (Кавельмахер В.В. Способы колокольного звона и древнерусские колокольни // Колокола история и современность. / Сост. Ю.В. Пухначев М., 1985. С. 39–40, 48, 73, 74). Если отождествление звонницы на рисунке Г. и на миниатюре Жития Антония Сийского правильно, то можно думать, что и крупный колокол, изображенный на них, тоже был очепным («Очеп» – шест, своего рода журава или журавля для спуска и подъема грузов, раскачивания детских колыбелей и даже в качестве шлагбаума (Кавельмахер В.В. Указ. соч. С. 73–74). Наиболее же древним способом извлечения звука из колоколов, пришедшим на Русь из Европы, был другой – раскачивания самого колокола при свободном положении языка. Большая часть колоколов, в том числе все благовестники, т.е. самые крупные колокола, были очепными, т.е. намертво укрепленными с помощью маточника на матице – вале квадратного сечения, который вращался в железных «гнездах» с помощью приделанного снизу шеста-очепа, веревка от которого спускалась до самой земли, что ясно показывают миниатюры Лицевого летописного свода XVI в..

«И эти церкви выглядят как на прилагаемом рисунке» – Рисунок, увы, отсутствует, как и названия церквей, располагавшихся вдоль рва по направлению к Никольским воротам и изображенных на плане Кремлена-града.

Тем не менее рассмотрение рисунков Груневега, житийной миниатюры, гравюры Олеария позволяет высказать предположение о не вполне синхронных событиях истории строительства и реконструкции Покровского собора и колокольни. Хотелось бы надеяться, что и описание и рисунки Груневега окажутся полезными для восстановления более полной истории собора и колокольни.

К.С. Худин (Москва)

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОГРАФИИ ДОКУМЕНТОВ АПТЕКАРСКОГО ПРИКАЗА

Широкая публикация документов Аптекарского приказа состоялась в 80-е гг. XIX в. (Матерьялы для истории медицины в России / под. ред. Н.Е. Мамонова. СПб., 1881–1884. Вып. 1–4). Тогда в 4-х томах были опубликованы источники за 1629-1703 гг. Это публикация имела чрезвычайно важное значение. Все исследования, написанные позднее, так или иначе, используют «Матерьялы», большинство работ опираются только на эти опубликованные источники.

Между тем, качество вышеназванной публикаций для современного исследователя представляется весьма недостаточным. Самым ключевым, на наш взгляд, недостатком данной публикации, является ее фрагментарность. Так, документы для печати, как правило, отбирались в произвольном порядке, в логике, доступной лишь автору-составителю. Зачастую не соблюдался основополагающий принцип источниковедения, требующий, чтобы документ рассматривался в рамках единого корпуса источников. Из переписки или дел, посвященных какому-либо вопросу, публиковались лишь некоторые документы, исключающие возможность рассмотрения предмета со многих сторон. Часто среди однотипных документов выбирался один, что не позволяет различить детали и выявить изменения в развитии предмета.

В целом, из всего корпуса архивных источников было опубликовано за разные годы от 40 до 60 %, в среднем – чуть больше половины.

Среди недостатков публикации Н.Е. Мамонова стоит отметить также не всегда корректную датировку документов, искажение некоторых терминов в документах. Эти недочеты обусловлены как объективными причинами (плохая сохранность документа, особенности почерка), так и уровнем развития археографии и палеографии второй половины XIX в.

К примеру, два документа имеют в опубликованной описи разные номера (№ 129 и 131) и датированы 1 и 4 июня 1631 г. соответственно. В действительности, это один документ от 1 июня этого же года (РГАДА. Ф. 143. Оп. 1. Д. 109). Опубликован был, однако, лишь один документ, причем в сокращенном виде

(Матерьялы для истории медицины в России. СПб., 1881. Вып. 1. № 131. С. 35).

Стоит отметить, что в публикации, содержащей перечисление наименований водок, которые просит боярин Кафтырев-Ростовский для лечения, присутствует термин «будвишная» (Там же. № 22. С. 4), тогда как в документе написано «буквишная» (РГАДА. Ф. 143. Оп. 1. Д. 22), т. е. приготовленная из растения «буквица». «Буквица» имеет и другое название – «бетоника» (Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (далее – ЭСБЕ). Т. 8. С. 140). «Бетоника (*Betonica L.*) – род многолетних травянистых растений из семейства губоцветных... Корни, листья и цветки... употреблялись... в медицине от запоров и как рвотное... [и] от кашля» (ЭСБЕ. Т. 6. С. 161).

Отдельную сложность представляет собой распознавание употребляемых в документах латинских названий растений и препаратов в кириллическом написании. Вероятно, не всегда при публикации возможно правильно передать написание этих терминов.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что проблема дальнейшей публикации источников, а также и повторной публикации представляется весьма актуальной.

В.И. Цвиркун (Кишинев, Молдова)

ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ ДМИТРИЯ КАНТЕМИРА: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В течение длительного времени история жизни, научной и политической деятельности великого мыслителя, энциклопедиста и просветителя первой четверти XVIII в. не являлись предметом целенаправленного, комплексного исследования. Ситуация начала качественно меняться в последнее десятилетие. Не последнюю роль в этом сыграли обнаруженные и введенные в научный оборот архивные материалы. К их числу относится богатая корреспонденция молдавского князя, выявленная в архивохранилищах Москвы и Санкт-Петербурга автором предлагаемого сообщения.

В настоящее время мы располагаем 133 письмами Д. Кантемира из которых 32 письма адресованы российскому монарху Петру I; 30 – Государственному Правительствующему Сенату; 22 – князю А.Д. Меншикову; 20 – кабинет-секретарю А.В. Макарову; 10 – генерал-адмиралу Ф.М. Апраксину; 5 – генералу-фельдмаршалу

Б.П. Шереметеву; 4 – канцлеру Г.И. Головкину; 3 – царице Екатерине Алексеевне; по два – гетману И.И. Скоропадскому и князю В.Л. Долгорукову; по одному – шведскому королю Карлу XII, полковнику П.Л. Полуботку, тайному советнику В.В. Степанову и архимандриту Ипатьевского монастыря Гавриилу.

По своему содержанию они охватывают несколько тем: первая, наибольшая по объему, связана с проблемами хозяйственно-экономического характера, приобретения движимого и недвижимого имущества, выплаты жалования, снятия недоимок, ликвидации долгов и т.п.; вторая, – военно-политические связи между Молдовой и Россией и судьба выехавших с ним молдавских переселенцев; третья – политическая и административная деятельность Д. Кантемира в России, его проекты и предложения в области внешней и внутренней политики, производства и торговли. Отдельной темой, нашедшей отображение в эпистолярном наследии Д. Кантемира, выступает его творческая деятельность и издание научных трудов.

Помимо того, что переписка молдавского господаря с монаршими особами и официальными лицами Российского государства дает возможность ликвидировать многочисленные лакуны, неточности и явные ошибки его биографии, она позволяет создать более полный и глубокий образ Д. Кантемира не только в уже знакомой нам ипостаси мыслителя и государственного деятеля, но также в его повседневной жизни – в кругу семьи и близких, в отношениях с покровителями и подчиненными, с приятелями и недругами.

Одна из проблем, определяющих сложность изучения и использования эпистолярного наследия Д. Кантемира, состоит в том, что его корреспонденция не сосредоточена в одном конкретном собрании или фонде, а разбросана по различным архивохранилищам и библиотекам Москвы и Санкт-Петербурга.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы дают основание утверждать, что значительная часть его деловой и семейной переписки должна сохраниться в личных фондах сподвижников Петра Великого – Г.И. Головкина, Д.М. и М.М. Голицыных, И.Ю. Трубецкого, П.А. Толстого, И.И. Скоропадского, А. Волынского или же их родственников по нисходящей линии.

Одним из перспективных направлений поиска документов относящихся к эпистолярному наследию Д. Кантемира следует отнести государственные архивохранилища Украины, Турции и Австрии, где

до настоящего времени не производилось систематического и целенаправленного исследования этой темы.

Принимая во внимание значение личности Д. Кантемира для истории европейской философской и исторической мысли первой половины XVIII в., его вклад в основание в России научной школы ориенталистики и установлении научных связей России с Берлинской академией, считаем целесообразным создание международного центра по изучению творческого и эпистолярного наследия этого выдающегося просветителя.

А.К. Червякова (Москва)

РОДОСЛОВНАЯ РОСПИСЬ КНЯЗЕЙ МЕЗЕЦКИХ В СОСТАВЕ СУПРАСЛЬСКОГО СБОРНИКА

Родословие, входящее в состав летописного сборника (Архив СПБ ИИ РАН. Ф. 115, № 143), т. н. Родословие князей Одинцевичей, можно считать первым вариантом росписи рода князей Мезецких. В составе рукописи содержится Супрасльская летопись (Л. 3–108, искл. Л. 85 об.), родословие князей Одинцевичей (Л. 1 а–2 об.), указатели евангельских чтений (Л. 1 и Л. 175), часть перевода Вислицкого статута (Л. 108 об–125), Родословие князей Мазовецких и жалоба королю на жемоитского старосту (Л. 125 об.–126), Печерский патерик (Л. 127–172), запись переписчика (Л. 173). Всего в сборнике насчитывается 176 л.

Выходная запись переписчика, помещенная в конце сборника, предлагает такую его дату: «Исписан сии летописецъ в лето 7028, луна 17, индикта 9, октября 6, на память святого апостола Фомы замышлениемъ благоверного и христоролюбивого князя Симиона Ивановича Одинцевича его милости на здорве и на щастье и на жизнь вечную, и на отпущение грехов» (Улащик Н.Н. Предисловие // ПСРЛ. М., 1980. Т. 35: Летописи белорусско-литовские С. 5). Указание на год от С.М. и круг луны дают 1519 г. от Р.Х.; индикт – 1520 г. Мы исходим из сентябрьского стиля записи, поскольку предположить мартовский, что сняло бы противоречие, для начала XVI в. не вправе.

Запись на оборотной стороне переплета рукописного сборника относит его составление, вероятно, к 1520 г.: «Летописец Подоля и

князей литовских, в нем патерик киевпечерский вкратце писан 152[0]».

Указанным в записях датам противоречат филигранные рукописи. Филигрань «тиара» найдена Н.Н. Улащиком в альбоме Н.П. Лихачева и относится к 1532, 1534 гг. (Лихачев Н.П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Т. 3. № 4166, 4167, 3013). Возможно, выходная запись 1519/1520 г. была скопирована при переписке рукописи в 30-е гг. XVI в.

И.Н. Данилович датировал Супрасльскую рукопись, исходя из выходной записи, 1520 г. (Данилович И.Н. О литовских летописях // Журнал Министерства Народного Просвещения. СПб., 1840. Ч. 28. Отд. II. С. 100–110), А.А. Шахматов, на основании ее палеографических особенностей – первой половиной XVI в. (Шахматов А.А. О Супрасльском списке западно-русской летописи // Летопись занятий Археографической комиссии за 1900 год. СПб, 1901. Вып. 13. С. 1–16). Явно ошибочной является дата, которая фигурирует в исследовании Й. Вольфа – 1559 г. Вероятно, в ее основе – незамеченная опечатка (вместо 1519 г.; Wolff J. *Kniaziowie litewsko-ruscy od konca czternastego wieku*. Warszawa, 1895. S. 287).

Остается неразъясненным, следует ли предлагаемые в исследовательской литературе датировки отнести и к родословной князей Одинцевичей. Оно помещено в рукописи на л. 1-а, 1-а об., 2 и 2 об. Вполне может быть, что эти листы, написанные иным, чем основной текст, почерком (по предположению Даниловича – князем Семеном Одинцевичем) вклеены позднее.

Родословие князей Одинцевичей состоит из двух частей: родословной князей Мезецких, и родословной собственно князей Одинцевичей – потомков Мезецких по женской линии.

Порядок расположения лиц в росписи князей Мезецких горизонтальный до пятого поколения включительно. Затем этот принцип становится вертикальным – идет роспись потомства по каждой ветви их сыновей вплоть до детей Семена Богдановича Одинцевича, которые являются младшим поколением росписи. Смена порядка расположения лиц в росписи говорит о ее позднейшей доработке (Бычкова М.Е. Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. М., 1975. С. 17).

Конструкция родственных связей Одинцевичей, предлагаемая в исследовании польского историка Й. Вольфа предполагает, что Семен *Богданович* Одинцевич, действовавший с 1506 г. и умерший в

1542 г. приходится двоюродным дедом упомянутому в выходной записи князю Семену *Ивановичу* Одинцевичу Однако, Вольф исходил из неверного прочтения даты выходной записи – 1559 вместо 1519 г., что сильно снижает достоверность этого построения. Есть основания отождествить обоих Семенов. Крестильным именем князя Богдана Федоровича Одинцевича – сына князя Федора Ивановича Одинцевича и княжны Оксинии Андреевны Мезецкой, вполне возможно, было Иван. Тогда заказчиком и летописи, и родословной росписи, доказывающей родство князей Мезецких и Одинцевичей, выступает один человек – князь Семен *Богданович-Иванович* Одинцевич. Такое допущение было принято и И.Н. Даниловичем (Данилович И.Н. Указ. соч. С. 102).

Первая часть росписи князей Мезецких – до пятого поколения, построенная по горизонтальному принципу, представляет собой, вероятно, ее древний слой. Представители этого поколения, князья Одинцевичи, потомки Мезецких по своей матери Оксиньи Андреевны, действовали в конце XV – начале XVI в. (Wolff J. Op. cit. S. 288). В это время (1492–1498 гг.) происходит переход князей Мезецких из литовского подданства на службу в Москву (Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 135). Литовская линия князей Мезецких угасла в 1508 г. (Власьев Г.А. Потомство Рюрика. Материалы для составления родословий. СПб., 1906. Т. 1. Ч. 2. С. 4). Очевидно, князья Одинцевичи были заинтересованы в это время тем, чтобы получить вымороченные и конфискованные вотчины Мезецких, для чего им и потребовалось доказать с ними свое родство.

Дополнение к этой древнейшей части росписи, построенное по вертикальному принципу и вопреки родовому старшинству (в пользу Семена Богдановича-Ивановича Одинцевича), следует отнести ко времени следующего поколения князей Одинцевичей, которые действовали в первой половине XVI в. Палеографические особенности рукописи, если они применимы к листам с родословием, позволяют считать младшей датой 30-е гг. XVI в.

Н.П. Чеснокова (Москва)

**О ГРАМОТАХ ИЗ МОНАСТЫРЯ СВ. АНАСТАСИИ
ФАРМАКОЛИТРИИ БЛИЗ ФЕССАЛОНИКИ
В МОСКОВСКИХ СОБРАНИЯХ**

Изучение грамот из монастыря св. Анастасии Фармаколитрии близ Фессалоники, с которыми в XVII в. посланцы обители приходили к русскому двору, было начато нами совсем недавно (Чеснокова Н.П. *Христианский Восток и Россия: политическое и культурное взаимодействие в середине XVII века (По документам Российского государственного архива древних актов)*. М., 2011. С. 15–21). Грамоты, адресованные русским государям, хранятся в РГАДА, в то время как послания патриархам – в коллекции ГИМ. Атрибуция славянских актов представляет не меньше, если не больше трудностей, чем атрибуция греческих документов тех же собраний. Отобрав грамоту Анастасийского монастыря из ГИМ (Син. грам. 1030) без даты с сомнительным адресатом (где имя «Иосиф» исправлено на «Иосаф») и сопоставив ее с документами из РГАДА, мы датировали грамоту 1670 г., а также предположили, что акт был писан славянским писцом, находившимся в монастыре вместе с другим славянским каллиграфом, составившим грамоту царю Алексею Михайловичу того же времени.

Е.В. Уханова, подчеркнув текстологические расхождения писем к царю и патриарху, а также отсутствие филигрانی у документа из ГИМ, усомнилась в том, что оба акта происходят из монастыря Анастасии Фармаколитрии (Уханова Е.В. *К вопросу о славянских писцах в солунском монастыре св. Анастасии Фармаколитрии: уточнение атрибуции грамот Синодального собрания Отдела рукописей ГИМ // Каптеревские чтения*. М., 2011. № 9. С. 174 – 181), главным образом потому, что не смогла объяснить, как среди греческой братии оказались славяне. Отмеченное нами исправление в грамоте ГИМ имени московского патриарха из «Иосифа» на «Иосафа» Е.В. Уханова объясняет тем, что писец, находившийся в некоем скриптории Фессалоники, о существовании и продукции которого ничего неизвестно, неправильно понял имя в греческом тексте, поэтому, не дописав букву «и», оставил правку на усмотрение заказчика.

Построения Елены Владимировны вызывают серьезные возражения. Во-первых, в случае, когда слово было непонятно, писцы, как правило, оставляли пустое место и вписывали его позднее. Во-вторых, спутать греческую альфу и йоту практически невозможно, к тому же и после правки в тексте получается неправильная форма «Иосаф» вместо необходимой «Иоасаф». Как мы показали, бумага обеих грамот схожа по размерам, плотности, расположению контрамарки. Отсутствие филигранны на одном из документов (если это подтверждает исследование сканером) не опровергает их тождества. В нашей работе речь шла только о присутствии славянских писцов в Анастасийском монастыре, хотя изучении просопографии православных монастырей Востока показывает, что греки и славяне могли быть насельниками одних и тех же обителей.

Главное наше возражение заключается в том, что для властей Анастасийского монастыря *не было необходимости* где-то искать писцов-славян. В обители просто воспользовались присутствием славянских книжников, причем таких, которым можно было довериться, т.к. игумен монастыря не стал бы привлекать третьих лиц для написания столь конфиденциальных документов, как обращение за милостыней к царю и московскому патриарху. Профессиональные писцы могли быть приглашены для переписывания рукописей, например, на Афон. Они могли попасть в монастырь Анастасии Фармаколитрии со Святой горы или по пути туда (и Анастасийский монастырь и Афон находятся на Халкидике). В самом монастыре св. Анастасии было большое собрание рукописей, значит и здесь славянские писцы нашли бы себе применение, к примеру, для перевода и переписывания книг, хранящихся в обители.

При атрибутировании недатированного греческого акта из ГИМ (Син. грам. № 2300) Е.В. Уханова применила уже использованный нами метод, т.е. стала искать аналог послания патриарху среди грамот к царю, и это абсолютно правильно. Но она не исследовала источники по теме, рассмотрев только их перечень по Реестрам греческих дел МАКИД, составленным Н.Н. Бантыш-Каменским, что привело к фактологическим ошибкам практически по всем заметкам о связях монастыря и русского правительства. Отметим только одну из них. Архимандрит Захария, получивший, по мнению Елены Владимировны, в 1651 г. жалованную грамоту, с которой через год приехал архимандрит Галактион, вообще не имел отношения к солунскому Анастасийскому монастырю. Имеется в виду приезд в

Москву архимандрита обители св. Анастасия, состоявшем при коринфском митрополите Иоасафе, который в июне 1651 г. погиб под Берестечком.

В работе Е.В. Ухановой есть и логические противоречия. Она уделяет много внимания вполне объяснимым разночтениям в грамотах 1670 г., т.к. они писаны разными писцами различным адресатам, хотя их гораздо больше в грамотах, к которым обратилась сама Елена Владимировна. Она считает, что греческое послание к московскому патриарху Иоасафу было написано в монастыре в январе 1667 г., однако патриарх Иоасаф был избран только 10 февраля. Известия о новом московском предстоятеле достигли бы монастыря не ранее конца марта 1667 г., когда архимандрит Гавриил с братьями уже покинул монастырь. Если эта грамота действительно была составлена в 1667 г., то она писалась вне монастыря. Е.В. Уханова не ставит вопрос о протографе славянской грамоты 1666 г., в царском титуле которой есть элементы, отсутствующие в предыдущих жалованных грамотах Анастасийскому монастырю, в связи с чем монахи обители будут просить Алексея Михайловича заменить их жалованную грамоту новой. Так как в самом монастыре акта с новым титулом русского царя не было, то осведомленность анастасийских старцев о его изменении указывает на активные связи обители с внешним, в том числе и славянским, миром.

Итак, на наш взгляд, проблема филигрانی не является решающей при атрибуции актов. Уточнения, сделанные Е.В. Ухановой по поводу исправлений в имени московского патриарха Иоасафа, только подтверждает тот факт, что правка выполнена самим писцом, и нет никаких оснований предполагать, что грамоты 1670 г. создавались вне стен монастыря св. Анастасии. С другой стороны, атрибуция монастырских посланий 1666–1667 гг., осуществленная Е.В. Ухановой, требует доработки. У нас еще много уточнений, но еще больше вопросов по обсуждаемым сюжетам, дать ответ на которые возможно только при исследовании всех документов, относящихся к монастырю Анастасии Фармаколитрии, в московских собраниях.

П.В. Чеченков (Нижний Новгород)

**АКТОВЫЕ ИСТОЧНИКИ О КОНФЛИКТНОМ ПОВЕДЕНИИ
НИЖЕГОРОДСКИХ ДЕТЕЙ БОЯРСКИХ В 50-х ГОДАХ XVI в.**

В 50-х годах XVI в. у Николаевского Амвросиева Дудина монастыря, располагавшегося в Нижегородском уезде, произошло за короткий промежуток времени два очень схожих конфликта с местными детьми боярскими. События отразились в двух правых грамотах из Собрании грамот Коллегии экономии, выданных игумену Макарию в 1552 и 1555 гг. В центре обоих судебных разбирательств были споры о правах собственности на земельные владения. Первое дело велось с детьми боярскими Арбузовыми о земле деревни Семиха. И, непосредственно в ходе него, оппоненты обители и их люди, приехав в монастырские владения, напали на судей, монастырских старцев, монастырского дьяка, старожильцев, крестьян, а также «крестьянок били и грабили и серьги из ушей вымали, а иных крестьянок соромотили и силу над ними чинили». Во втором случае тяжба монастыря с детьми боярскими Скорятиными о землях деревни Чернцово селище продолжалась еще с начала 20-х годов XVI в. Очередной ее виток был вызван тем, что в 1553 г. Скорятины «выбили» монастырских крестьян из указанной деревни и «пахали сильно» на себя. Представители местных органов власти, по царской грамоте, «выслали их вон», хотя самоуправцы грозили расправой исполнителям государевой воли. Угрозами Скорятины не ограничились и в 1554 г. со своими приятелями и людьми ворвались ночью в ту же деревню и монастырских старцев и крестьян «били и грабили». Крестьян монастырских опять «збили» и «засели» в деревне сами. Оба судебных дела были выиграны монастырскими властями.

Известный специалист по истории интересующего нас периода В.Б. Кобрин заметил в свое время по поводу этих происшествий, что монастырю явно не повезло с соседями (Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). М., 1985. С. 183). Однако причина здесь не просто в чем-то буйном характере. Конфликтное поведение нижегородских детей боярских было вызвано определенными объективными причинами. Чтобы их раскрыть, необходимо охарактеризовать ситуацию, сложившуюся в Нижегородском крае к моменту «казанского взятия». Регион был

истощен многолетними войнами Московского государства со своим восточным соседом, постоянными набегами казанцев. Тяжесть этого противостояния лежала, прежде всего, на нижегородской служилой корпорации, которая и создавалась во многом с целью обороны «казанской украины». Материальное же положение местного населения было незавидным. Актовый материал, пусть и весьма разрозненный, рисует тяжелые картины запустения. Характерны данные правой грамоты Троице-Сергиева монастыря (26 марта 1562 г.) по тяжбе о землях в Стрелецкой волости Нижегородского уезда с балахонскими посадским. На вопрос о старожильцах последние ответили: «были... у нас на те луги старожильцы многие да померли, а иные побиты от казанских людей и грамоты... государевы у нас на тот луг были же да погорели въ городе, коли город Балахна горел...». Затронутая в ходе разбирательства проблема размежевания лугов в Стрелице задела интересы многих владельцев, в том числе и детей боярских, которые, как оказалось, находились в той же ситуации, что посадские. По свидетельству судившегося о землях в той же волости с дудинскими старцами Арбузова, его старожильцев и крестьян, продавших ему деревню, «татарове побили, а иные померли, а есть... у меня одинъ старожилец... и тот пошел на службу царя великого князя в Казан...».

Даже крупные монастыри находились в тяжелом положении. Так, сильно пострадал Нижегородский Печерский монастырь. Общее состояние его дел после взятия Казани сформулировано в правой грамоте Московского Симонова монастыря по тяжбе со слугой Печерского монастыря. По словам слуги, «были... у архимарита крепости на то озеро Даниловское да утерялись в казанскую войну... а учили то озеро ловити (симоновские старцы и слуги и прочие. – П.Ч.) в татарщину и после татарщины, а монастырь, господине, в те поры был в запустенные...».

Но в целом в описанной ситуации монастыри оказывались в выигрышном положении по сравнению с иными землевладельцами, т.к. их архивы хранились в более надежных местах. К таким удачливым хозяйствующим субъектам относился Дудин монастырь, располагавшийся западнее других и менее пострадавший. Его власти заняли вполне прагматическую стяжательскую позицию, используя обстоятельства в своих интересах.

В течение 40–50-х годов XVI в. они активно скупали целиком и долями как оброчные деревни (несмотря на запреты центральных

властей предавать эти селения монастырям и детям боярским в обход оброчников и бортников), так и частновладельческие. Актовый материал сохранил ряд примеров последнего. В 1551 г. Рюма Александров сын Ляцкий занял у Дудина монастыря 6 рублей под залог починка Рюмина. По-видимому, Ляцкий так и не смог расплатиться. В писцовой выписи от 20 августа 1553 г. и выписи из писцовых книг от 1564/65 г. его починок фигурирует среди владений монастыря. Вероятно, таким же образом к старцам отошла деревня Миленки. Крестьяне продали ее в 1539/40 г. Рюме Максиму сыну Доможирову, а в 1561/62 г. ямские деньги за нее платил монастырь.

По-видимому, использовали дудинские старцы и прямой захват, безнаказанность которого обеспечивалась отсутствием у соседей документов и людей, которые могли засвидетельствовать право их собственности. Не случайно тяжба с Арбузовыми была инициирована последними, которые обвинили монастырь в насильственном захвате их земли. Но результат стал ясен еще до вынесения вердикта, когда судьи, как указывали Арбузовы, тесно связанные с монастырем, поехали на обеденный отдых и сон не куда-нибудь, а в монастырскую деревню.

Проживая на разоренной территории, дети боярские, несшие тяжелую ратную службу, оказывались беззащитны перед монастырем. Осознание бесперспективности отстаивания своих прав приводило их в ярость. Отсюда и схожая агрессивная реакция.

С.М. Шамин (Москва)

МАТЕРИАЛЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПРЕССЫ В ДРЕВНЕРУССКОЙ КНИЖНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ И ИХ КАТАЛОГИЗАЦИИ

Тема бытования в древнерусской книжной традиции переводных материалов, позаимствованных из европейской прессы, имеет большое значение для изучения механизмов влияния западной культуры на культуру России. Важным этапом в исследовании этого вопроса стал обзорно-справочный труд А.И. Соболевского «Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков», где в разделе «Летучие листки и газетные статьи» отмечена значительная часть известных сейчас текстов. Обзор имеет ряд недостатков. Во-первых,

автор лишь фиксировал переводы, не анализируя их. Во-вторых, в раздел попали явно посторонние материалы, к примеру, опубликованные И.Е. Забелиным куранты из Посольского приказа, не связанные с книжной традицией. В-третьих, у Соболевского тексты систематизированы лишь «в первом приближении». Так, под заголовком «из курантов», который повторяется четырежды, собрано больше десятка произведений, а разновременные переводы одного сочинения иногда оказываются помещенными в разные части раздела. Пользоваться таким справочником, не обращаясь к рукописям и дополнительной литературе, сложно. В результате, справочник оказал лишь ограниченное влияние на работу библиографов. У большинства переводных статей по-прежнему отсутствуют устоявшиеся названия. Это сильно затрудняет целенаправленный поиск текстов. Таким образом, каталогизация вошедших в русскую рукописную традицию материалов иностранной прессы является актуальной задачей и важным условием для систематического выявления новых рукописей.

При составлении каталога предстоит решить ряд проблем. В первую очередь необходимо доказать, что каждый конкретный текст действительно переводной. Практика исследования таких памятников свидетельствует, что ученые обращают внимание на несколько признаков, позволяющих отнести сочинения к числу переводов: 1) структура сообщения, отражающая особенности компоновки материала в газетах; 2) заглавие с указанием, что текст был переведен; 3) присутствие переводческих черновиков и списков с них в составе приказной документации; 4) наличие европейского оригинала. Неоспоримыми доказательствами иноязычного происхождения сочинения являются только два последних признака. В остальных случаях можно предположить, что перед нами русское литературное сочинение, которое имитирует перевод. К сожалению, задача найти иностранный оригинал или его перевод из приказного архива крайне сложна, а иногда и вовсе невыполнима из-за плохой сохранности документов. Приказная документация составлялась в одном, редко двух экземплярах. Вероятность утраты конкретного документа очень велика. Сохранность иностранной прессы также зачастую неудовлетворительна даже для конца XVII в. Кроме того, европейский оригинал сочинения приходится искать среди огромной массы материалов по разным европейским архивам. В результате чаще всего удается найти не то издание, с которого был сделан

русский перевод, а близкий по содержанию вариант текста. Однако в этом случае у сторонников «национального», а не переводного происхождения сочинения появляется возможность интерпретировать находку как свидетельство того, что в Европе составлялись сообщения на ту же тему. Следует признать, что недостаток источников для исследования ряда текстов не позволяет однозначно решить вопрос о том, считать ли их переводом, пересказом иностранного сочинения или оригинальным русским произведением (как примеры дискуссий можно отметить споры о происхождении «Сказания о Дракуле», «Письма запорожцев турецкому султану», «Сказания о двух старцах»). Чтобы выйти из этой тупиковой ситуации при составлении каталога необходимо включить в него максимально широкий список произведений, оговаривая критерии, по которым они отнесены к числу переводных материалов европейской прессы.

Еще одна проблема связана с определением слова «пресса». Сегодня оно рассматривается как эквивалент понятия «периодическая печать». Однако печатные газеты и журналы со строго определенной периодичностью издания появились только в начале в XVII в. Но и в этом столетии информационное пространство Европы наряду с печатными газетами формировали рукописные газеты, а также печатные «летучие листки» и рукописные «вестовые письма», которые появлялись в связи с какими-либо важными, представляющими широкий интерес событиями. Кроме того, одни и те же сообщения могли появляться как в газетах, так и в отдельных выпусках памфлетов. В связи с этим при составлении каталога следует использовать термин «пресса» (и, соответственно, отбирать материалы) расширительно, учитывая специфику рассматриваемого периода.

Часть переводных материалов из европейской прессы представляют собой памфлеты или пророчества, которые в Европе с небольшими изменениями в датах, именах правителей и т. д. издавали многократно. К примеру, «Переписка» турецкого султана с разными правителями составила обширную «туркику»; разные варианты «Сказания о двух старцах» на протяжении XVII в. не менее 6 раз переводились в Посольском приказе. Это создает дополнительные сложности при определении взаимоотношения списков: приходится учитывать тот факт, что произведения, с одной стороны, редактировались при переписывании в России, с другой – появлялись все новые переводы иноязычных редакций. В результате

переводы, отстоящие друг от друга на десятки лет, могут выглядеть более близкими, чем редакции, которые возникли в ходе многократного копирования одного перевода. Кроме того, при изучении памятников этого типа традиционные в текстологии генеалогические стеммы во многом теряют свой смысл, поскольку невозможно определить, имеем ли мы дело с повторным переводом, или редактированием сделанного ранее перевода. Из-за этого при систематизации материалов в каталоге предпочтение следует отдавать не текстологической близости списков, а хронологическим указаниям (прямым и косвенным) внутри самих текстов.

А.С. Щавелёв (Москва)

СУД НАД МОНАХОМ НИКИТОЙ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ ПЕЧЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ XI в.

Комплекс известий об отношениях к интеллектуальным занятиям в Печерском монастыре включает в себя сообщения о переписке и чтении монахами книг, произнесении проповедей, изучении языков, лечении, писании икон, предсказаниях. Отношения в монастырском коллективе Печерской обители описаны в трех памятниках – «Повести временных лет», «Житии Феодосия Печерского» и «Киево-Печерском монастыре». Отвлекаясь от расхождений и противоречий этих текстов, их не менее очевидный параллелизм позволяет констатировать, что отношения между братией зафиксированы достаточно точно, вполне просматривается определенная политическая мифология монастыря и идеология его основателей и их преемников.

При игумене Никоне за особые способности к интеллектуальным занятиям пострадал Никита Затворник, будущий епископ Новгорода. После попытки уйти в «затвор», что не одобрялось руководством монастыря, Никита начал читать книги и пророчествовать, причем для князя Изяслава, других князей и бояр. Он наизусть выучил книги Ветхого завета и стал побеждать в спорах с другими монахами. Его ученость, если принять на веру комментарий авторов Патерика, ограничивалось «жидовскими книгами». «Преподобные отцы» во главе игуменом Никоном вывели Никиту из его пещеры и устроили внутримонастырское разбирательство. После чего оказалось, что Никита книг никаких не читал, ни слова из «жидовских книг не знает», сам не разбирает даже азбуки. В итоге Никита кое-

как был обучен «блаженными отцами» элементарной грамоте. Показателен состав «судей» – кроме игумена в него вошли «штатные» интеллектуалы монастыря, обладающие типичным легитимным эпистемическим авторитетом. Трое из них сами практиковали предсказания, провидение на расстоянии и «второе зрение» сверхъестественного. Это – Пимен Постник (предсказал свою смерть, провидел убийство Кукши в земле вятичей), Матфей Прозоливец (разоблачитель игумена-«соны» Никона) и Онифор Прозорливец. Два последних прозвища говорят сами за себя. Так же присутствовали Агапит Лечец, Григорий Чудотворец (отличавшийся интересом к книгам), Нестор, написавший Летописец, Григорий, автор канонов – скорее всего, церковных песнопений. Остальные участники разбирательства в будущем заняли разные епископские кафедры.

Никита избрал самую верную тактику защиты – объявил себя полностью неграмотным, что и спасло его от наказания. В дальнейшем он вел вполне законопослушный образ жизни.

Есть и другие примеры отрицательного отношения печерской братии к разным формам интеллектуальных занятий. Знание языков в определенных случаях воспринималось как явный признак девиации – «бесноватый», которого отправили на излечение в Печерский монастырь, говорил «по-еврейски, по-немецки и по-гречески». Говорение на языках, особенно редких, воспринималось как типичный признак бесовства. Возможно, это связано с представлениями о перво-языке, на котором говорил Адам, а Змей соблазнял Еву. Таковым чаще всего считались либо древнееврейский, либо сирийский. Получается, что не только еврейский и немецкий (язык «католиков») языки, но и греческий воспринимались монахами как чуждые, как речь «чужих».

Резко отрицательно братия относилась к любой осмысленной деятельности по оказанию врачебной помощи. Князь-монах Святоша отказывался лечиться и призывал своего бывшего лекаря, сирийца Петра, самому не лечиться. Агапит, штатный лекарь монастыря, неоднократно соревновался с врачом-армянином более высокого класса Атанаисином, знавшим лекарства, которые использовались в далекой Александрии. Иконописец Алимпий лечил, намазывая язвы своими красками. Врачей относили в Печерском монастыре к категории волхвов и язычников.

Новая среда христианских монастырей, безусловно, была главным условием появления древнерусских интеллектуалов, но именно эта среда создавала социокультурные ограничения и препятствия для работы тех из них, чьи возможности превышали среднестатистические показатели. Монастырская община была ориентирована на унификацию и жесткую ремесленную специализацию всех занятий – от черной работы до переписки книг и толкования текстов.

Не поощрялось сочетание разных интеллектуальных профессий, за каждым чернецом закреплялась вполне определенная социальная роль: «пророка», «врача», «книжника», «философа». Явно наблюдается монополизация права на интеллектуальные занятия у «руководства» монастырей, монополия «старших» на негласное распределение между «братьями» этих социальных ролей.

Научное издание

**Проблемы дипломатики,
кодикологии и актовой археографии**

Материалы
XXIV Международной научной конференции

Москва, 2–3 февраля 2012 г.

Ответственные за издание:

Л.В. Столярова

Ю.Э. Шустова

Оригинал-макет подготовлен
в Высшей школе источниковедения, вспомогательных
и специальных исторических дисциплин ИАИ РГГУ

Подписано в печать 29.12.2011.
Уч.-изд. л. 32,9. Усл. печ. л. 31,8
Тираж 250 экз. Заказ № 14

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993 Москва, Миусская пл., 6